

Ольков Николай Максимович

с.Бердюжье (Тюменская область)

Родился 24 августа 1946 года в селе Афонькино Казанского района Тюменской области. Окончил Литературный институт имени А.М. Горького Союза писателей СССР в 1976 году. Работал в районных и областных газетах нескольких регионов страны. Возглавлял районный отдел культуры. Был предпринимателем. Построил православную церковь в селе Бердюжье Тюменской области, где сейчас живёт и работает.
Автор девяти романов, четырнадцати повестей и около пятидесяти рассказов.
Член Союза журналистов СССР и России, член Союза писателей России.

Людмила Воробьёва

Минск

Одухотворённая земля Сибирская

Крестьянин и земля, хлеб и воля – корни русской традиции

в «Сибирском романе Николая Олькова» в пяти книгах.

Барнаул: «Новый формат», 2020.

О, сколько ты в себя вместила!..

И почернелые избушки,

И тихие разливы вод,

И деревенские церквушки,

И многостраждущий народ.

Иеромонах Роман,

«Росія».

«Землю, как мать, не забудешь надолго», – немногословно высказывался М. Горький, хорошо зная врождённую тягу русского человека к земле. Современная словесность имеет свойство уводить читателя в иную реальность бытия, наполненную летучестью земного существования, далёкого от русской традиции, не говоря уже о создании глобального произведения, отражающего историю России, её неразрывную связь с крестьянскими корнями. Сегодня, пожалуй, наибольшее возмущение вызывает то, что происходит именно с землёй, с крестьянами, – настоящее общее горе. Находясь в своих перенаселённых мегаполисах, мы забываем, что деревенские люди в отличие от нас живут на земле. Как забываем и о том, что крестьянский труд – самый необходимый и справедливый.

Создать в наше непростое время роман, включающий пять книг, по сути, более чем вековую летопись жизни российской деревни, причем в самые её переломные исторические моменты, – событие достаточно крупное для современной литературы. Однажды каждый век отечественной словесности обязательно разливается мощным

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

половодьем эпохального произведения. Таковым по праву можно считать и «Сибирский роман» Николая Олькова. Юбилейная дата – 75-летие русского писателя – даёт важное основание в очередной раз вернуться к его творчеству, ещё раз, возможно, под новым углом зрения взглянуть на его прозу, сказать о его самобытных писательских качествах, отметить присущее ему благородство, душевную деликатность, чувство справедливости и всечеловечности.

Николай Ольков постоянно ищет необходимую для художника меру ясности и правды. Поистине поражает постановка социальных задач, которые он поднимает в своём многогранном романе, их по-шолоховски надмирное, национальное соединение с духом лиризма и поэтикой народного языка, с эпическим размахом, наполненным социальной борьбой, с темой рождения нового общества в муках и боли, в потерях и надеждах, проникнутой настоящим трагическим эпосом – трагическим свидетельством эпохи социалистического строя. То, что глубоко национально, именно то и является всечеловеческим. Здесь автор подключает свою совесть, своё понимание справедливости и честности к писательской этике и морали, что порой далеко не всем приходится по нраву и вкусу. Не секрет, народ и власть нынче существуют параллельно. Однако при всех ситуациях русский народ никогда не отрекается от отчих корней, а живёт и продолжает трудиться на земле.

Чтение «Сибирского романа» подкупает тематической глубиной разработки, простым, доступным изложением художественного текста. Перед нами – прекрасная, написанная сильной и уверенной рукой проза, заключающая в себе великую традицию понимания минувшего времени, способного воскресать в продолжении нашей жизни, когда предстаёт целая историческая ретроспектива поколений: переселенцы, повстанцы, кулаки, советские труженики колхозов, новые русские фермеры, возрождающие землю, уставшую от «травы забвения», заждавшуюся цветущего колоса, хлебного, насущного, всегда нелёгкого, но и радостного для крестьянских натруженных рук. «То есть, сама судьба у Николая Олькова сложилась так, что для неё он стал не только одним из наиболее значительных прозаиков и лауреатом писательской премии Союза писателей России «Имперская культура», а и тем человеком, слово которого заслуживает нашего самого пристального читательского внимания», – искренне, точно сказал о нём главный редактор газеты Союза писателей России «Российский писатель» Николай Дорошенко.

Вологодская Вытегра – историческая родина Николая Олькова, предки его в начале XVIII века подались с берегов Онежского озера, какое за свою величину недаром называют морем, в Сибирь и основали его родное село (ныне) Афонькино. Вытегра – районный центр, имеющий прямое отношение к ежегодным вологодским Беловским чтениям, там же есть и село Ольково. Примечательно, что из городка в десять тысяч жителей в советское время вышли шесть Адмиралов ВМФ СССР.

Николай Ольков был учителем, корреспондентом, редактором в районных и областных газетах Северного Казахстана, Омской и Тюменской областей, заведовал районным отделом культуры, занимался предпринимательской деятельностью. Жизнь и судьба писателя всегда были неразрывно связаны с этими местами: сегодня он живёт в селе

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

Бердюжье Тюменской области, где построил церковь Рождества Пресвятой Богородицы. Он является автором десятков книг романов, повестей, рассказов, более 25 книг публицистических и краеведческих очерков. Если избирательно бросить взгляд на русскую прозу XXI века, то в литературном современном процессе Сибири личность Николая Олькова высвечивается как знаковая фигура писателя третьего тысячелетия, твёрдо придерживающегося русской православной традиции, её глубокой нравственности, того, что дано ему от земли, от кровных истоков. При этом во всём чувствуется присутствие скрытого духовного взора писателя, проникающего в его корневую систему, в свой род. Ведь корни человека – это не только земля, на которой он родился. Но это ещё и нравы, устои народа, это жизненное устроение его отцов, дедов и прадедов. Это то, к чему человек должен испытывать неизбывно благодарность и уважение.

Жизнеобразующая канва, соединяющая все произведения в «Сибирском романе», включает множество различных исторических персонажей, представляющих моральную цельность народного характера – яркую полихронию образов и великую полифонию жизни русского народа, неотделимую от национальной судьбы России. Автор погружается в стихию материала, проникает в сущность происходящего, когда сами образы словно вырастают из реальной почвы бытия. На первый план выходит характер конфликта, угол зрения, психологичность ситуации, когда художник подключает все возможные резервы слова, которые в народе поистине неисчерпаемы, являя читателю его эмоциональную выразительность, стилистическую точность слова, взятого из самих недр народной речи, из её глубинно-сущностных родников. Отсюда очевидна и вся богатейшая сокровищница писательского творчества Н. Олькова, выдерживающая сравнение с классическими работами В. Распутина, В. Астафьева, В. Белова, Ф. Абрамова, Е. Носова, творчество их и сейчас излучает тихий внутренний свет, какой есть только в русской природе. Стоит сказать, что Н. Ольков впитал основательные знания деревенской жизни, поэтому прозе его характерна достоверность и открывающая всю пространственную необозримость исторического времени широта изображения. Литературовед Л. Яцкевич, анализируя его произведения, вполне закономерно вписывает их в общий контекст сибирского эпоса XX века. Золотой запас России: Ю. Казаков, В. Распутин, В. Белов, В. Шукшин, О. Куваев, К. Воробьёв – тот бесценный литературный запас, который отличался глубинным идейным содержанием и который оказал своё мощное влияние на творчество Н. Олькова. Главные смыслы у него мастерски впаяны в отточенную художественную форму.

Сибирь, Тюмень, Алтай, Красноярск, Якутск, Омск – «прирастающее богатство России», справедливо считал русский учёный-универсал М. В. Ломоносов. С острой болью писал о проблемах русского многострадального народа, о нерушимой целостности страны В. Г. Распутин, все творения которого были обращены к душе русского человека. Убедительное слово известных литераторов имело колоссальную силу! С. П. Залыгин, В. И. Белов, В. Г. Распутин обратили вспять решение ЦК КПСС о повороте сибирских рек в Среднюю Азию. Крестьянство – хребет нации русского народа, его вековая боль и невысказанная мука – одна из ведущих тем художников эпохи соцреализма. Так, писатель-сибиряк Г. М. Марков – автор эпического повествования «Строговы», «Сибирь», где эпицентром является судьба крестьянской семьи, а его роман «Соль земли»

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

рассказывает о крупных преобразованиях послевоенной Сибири. И прозаик И. М. Ермаков, «князь сибирский», с его самобытным, сочным языком, вероятнее всего, даже ближе Н. Олькову. Нет, мы ещё далеко не осознали, что такое язык нашей деревни. Писатель вслушивается в живую, разговорную речь деревни наших современников. Как потускнел, обеднел народный язык за минувшее столетие. А ведь народная речь питает жизнь и литературу! Она – благодатная почва для прозаиков и поэтов!

Для Николая Олькова духовные ценности общества могут определяться лишь в связи с собственной традицией, выстраданной, пережитой на подлинном материале, на той самой правде жизни, о которой Василий Шукшин говорил, что она и есть нравственная основа творчества. Это – та самая правда, в какой в той или иной степени найдёт своё внутреннее отражение каждый.

Самый хлебный дождь

«Сибирский роман Николая Олькова». Книга первая. «Переселенцы», роман.

С каждой избою и
тучею,
С громом, готовым упасть,
Чувствую самую
жгучую,
Самую смертную связь.
Николай Рубцов,

«Тихая моя Родина».

…Что русский исход тяжелей,

чем еврейский исход...

Надежда Мирошниченко,

«Я им говорила…»

Незабываема, величественна Сибирь в произведениях В. Иванова, В. Зазубрина, В. Шишкова. Как региональное, так и общенациональное выходит на первый план в творчестве В. Распутина, К. Балкова. «Деревенское направление», которого придерживалась великая троица: В. Астафьев, В. Распутин, В. Белов, а также которому следовали такие писатели, как А. Яшин, Е. Носов, М. Алексеев, Ф. Абрамов, В. Шукшин,

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

В. Тендряков, В. Лихоносов, Б. Можаев, С. Залыгин, сближало их всех с народом, их сочувствие, тревога непосредственно передавались и их читателям. Целая философия жизни русской деревни, неповторимая крестьянская ойкумена не отпускает нас и в «Сибирском романе» Н. Олькова. Писатель ведёт обстоятельный, вдумчивый разговор со своим читателем, предлагая ему самую качественную прозу, выверенную, выдержанную по мысли и слову, и, как бы сказали в стародавние времена, неторопкую по манере изложения, неспешную.

В романе Н. Олькова присутствует свой особый краеведческий подход к этой извечной русской теме: на примере истории жизни двух губерний, двух крестьянских семей автор показывает предреволюционную ситуацию в России, раскрывает суть Столыпинской реформы, решительно нацеленной поднять экономику и сельское хозяйство, тем самым окончательно ликвидировать волну террора и народного недовольства, захлестнувшую страну, вовлекает в мир крестьянского быта, не отделяя его от остальной напряжённой жизни Российской империи.

Книга «Переселенцы» начинается с повествования о хлебной Тобольской губернии Сибири, где живёт и трудится на своей собственной земле Антон Николаевич Вазгустов, владелец крепкого многоукладного хозяйства, что досталось ему от деда и отца. «Разнообразна и размеренна крестьянская жизнь, у каждого времени свои заботы. Зима дозволяет и отдохнуть, и в гости сходить, и за столом посидеть, только большое хозяйство долго лежать не велит», – всё налажено у хорошего и заботливого хозяина, и мы буквально с первых строк с интересом вчитываемся в текст, всё у него есть сполна: и «коровы все пять тяжёлые», и «кобылицы, тоже три на сносях», и овечки с будущим скорым приплодом – вот, она радостная минута бытия! Испокон веку деревенский дом – хранитель устоев и традиций. «Изба – святилище земли…» – писал о ней, как о живом существе, друг и учитель С. Есенина поэт Н. Клюев, родина которого, так же как и предков Н. Олькова, – знаменитая Вытегра.

У Антона Вазгустова – «дом крестовой, с просторной прихожей, кутью, горницей и опочивальней», – подробно, с любовью описывает автор крестьянский быт, что невольно хочется заглянуть в Толковый словарь живого великорусского языка неутомимого собирателя русских слов Владимира Даля: Куть – задний, бабий, второй (по старшинству) угол в избе, кут. Мы ещё не раз откроем это уникальное сокровище казака Луганского! Проникаешься писательской чуткостью к деревенскому языку, в котором живут россыпи золотого народного слова, обращаясь и к роману Н. Олькова. Крестьянская речь – нечто душевно-точное, ведь русские классики благоговели перед крестьянской речью. Предостаточно найдём мы в книге и предметных, бытовых деталей, когда автор рассказывает о сибирской общине, которая решала важные вопросы деревенской жизни, в том числе строительства новых домов и «пристроя к дому». Община имела старосту, писаря, звала общество на сходы, народ при таком разумном управлении всё решал самостоятельно, зная наверняка, что ему необходимо. А нынче кто-то спрашивает народ? – вдруг возникнет мимолётный вопрос, заведомо повисающий в воздухе.

«Вазгустовы, иных таких нет», – может смело сказать о себе сибирский мужик. Недаром он на большой Никольской ярмарке, торгуя свиным салом «самого высокого

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

качества», «сорвал солидный куш». Самобытность русского уклада автор колоритно живописует, перенося читателя на Никольскую и Шадринскую ярмарки. Несказанное удовольствие читать подобную книгу, смакуя массу разных неожиданных, дорогих русскому человеку подробностей, присущих всевозможным вещам и предметам, где никогда не бывает мелочей, где ничего не может наскучить. «Вся базарная площадь в уезде превратится в огромный стан, цыганский табор: сотни саней, груженых рыбой, мясом, шкурами, да и готовым товаром: пимами катаными, полушубками и тулупами, сапогами на собачьем меху», – это лишь небольшая выдержка из всего описания столь захватывающего красочного действа, когда голова идёт кругом от одних только продуктовых рядов, не говоря уже об смекалистых уральских самородках – «мастеровых людях», об умелой и бойкой торговле скотом и всякой живностью… Тут во всей своей красе налицо и народные характеры, для каких у художника тоже припасены и свои краски, и свой колорит, и своя интонация, выделяющая особенности родного сибирского характера.

Вторая линия в книге «Переселенцы», что выстраивается параллельно линии Тобольской губернии, – это история Саратовской губернии, а вместе с ней и история жизни семьи другого крестьянского хозяина Никиты Артемовича Забелина. Ниточка человеческой судьбы нежданно-негаданно, благодаря сыну Игнату, «солдату служивому», нёсшему службу в Сибири и полюбившему дочь Антона Вазгустова Матрёнушку, пока ещё издалека, но уже сплетает будущее полотно жизни семьи Забелиных. Абсолютно противоположная картина, удручающая постоянными «нуждой и тяготами», «унылым запахом бедности», открывается читателю, когда он знакомится с хозяйством Никиты Забелина. Отнюдь неслучайно зреет в его исстрадавшейся душе «тяга к иной жизни, более справедливой и наполненной достатком», и всё неотступнее с каждым днём одолевают его думы о переселении в Сибирь, заставляя быть собранным, сосредоточенным в мыслях и поступках. Не зря же польский шляхтич Казимир, социалист, пытавшийся взорвать самого Столыпина и сосланный на поселение в Сибирь, – сквозной персонаж в книге – поражён богатством этого края, его благодатными землями. «А там голод постоянный, ситный хлеб кушают немногие, да и ржаного не досыта», – рассказывает он о Северной и Центральной частях России, заведомо подогревая раздор в настроениях сибиряков, относительно переселенцев, внося смуту в их умы и сердца. Поэтому и Антон Вазгустов поначалу приходит к решению – «никаких поселенцев», лишь община должна остаться навсегда. «…чужие люди в твоём дворе – добра не жди …» – убеждён он, отметим здесь существенную деталь, сознательно отделяя Сибирь от остальной Расеи, так тогда называли они Россию-матушку. Далее в своём «Сибирском романе» Николай Ольков неоднократно подчеркнет причину столь существенной разницы.

Центральная фигура повествования – это личность Петра Аркадьевича Столыпина, к ней, словно к краеугольному камню, ручейками стекаются самые разные человеческие судьбы, как-то случайно, тайно связанные между собой и соединяющиеся в единый мощный поток, – личность яркая и вместе с тем достаточно противоречивая, неординарная, если оценивать, как это талантливо делает Н. Ольков, соотношение личности, истории, духовности и бытия. Именно Саратовская губерния в первую очередь связана с его деятельностью во главе Российского правительства. В книге «Переселенцы»

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

немало говорится о преобразованиях Столыпина, проводимых им в аграрном вопросе, поясняется суть экономических преобразований и земельных реформ, выпавших на долю русского народа. Даёт автор и чёткую характеристику той сложной политической ситуации, вызванной Японской войной, частыми неурожаями, когда террор был на невиданном подъёме. «Россия тяжело несла себя через начало века», – разве не пророчески звучат в романе слова писателя, мысленно возвращающие нас и к началу XXI века?

«Бедность и нищета в селениях и деревнях саратовской земли» вызывали у Столыпина горькие чувства, только от одного страшного вида деревенских торговцев, «убогости товаров», выставленных ими на продажу, он приходил в ужас. Вспомним сибирские ярмарки и сибирского торговца – огромная пропасть, будто два мира и две отдельные страны. «За что воевать? <…> «Земли своей нет, хлеба нет. Откуда взяться патриотизму?» – вполне справедливо рассуждал он, будучи в то же время сторонником жёсткого управления, считая, что должен, чего бы это ему ни стоило, пусть даже жизни,– «несокрушимо навести порядок». Приняв Саратовскую губернию, Столыпин затем возглавит Министерство Внутренних Дел. Как крупный государственный деятель, он хорошо понимал «необходимость очень болезненных изменений в экономической политике и мироустройстве», видел, что «народ не желает жить по-старому», что «государство не вполне управляет страной», что только «глубокие реформы способны сшевелить общество и двинуть Россию вперёд», что победа над революцией «основывается не на физической силе, а на силе духовной». Думая о великом предназначении России, реформируя её, Столыпин хотел создать «сильное духом государство». Так, аграрная проблема должна была решаться путём «установления нового порядка землепользования» и самое существенное – передачи крестьянину определённой части земли «в личную собственность». «Трудолюбивый крестьянин, то есть соль земли русской», освобождался от тисков и получал невиданную доселе возможность «закрепить за собой плоды трудов своих и предоставить их в неотъемлемую собственность». Предполагалось увеличить и «товарность крестьянского хозяйства».

«Столыпинский галстук», «столыпинский вагон», который был ещё на очереди, чтобы потом навсегда войти в жизнь и судьбу русского человека, своё суровое действие возымели. Ирония истории, похожая на оживающие мифы и легенды, – не исключение в русской жизни, а история, как известно, имеет свойство не только повторяться, но и мстить. Такие размышления есть и у русского поэта А. Хабарова, заключающиеся в том, что Россию нынешнюю вернули ко времени «столыпинских» реформ. Этакий сценарный копирайт... Россию отправили в своеобразный «круиз», как в его одноимённых стихах, что интересно, – по железной дороге (и как тут не вспомнить Блока, Есенина, Радищева...). Однако в поэтике Хабарова она ассоциируется прежде всего с железнодорожной пересылкой по этапу. И вот «рванули чужие кони»:

Ни разъездов... Сплошная тряска. / Запеваем на стук и стык,

В каждом слове – слеза да сказка, / В каждом стыке – осьмой тупик...

И несемся меж звездной сыпи, / В черном дыме и в скрипе лет.

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

Это что ж за вагон? / – «Столыпин»! – / Пьяный стрелочник крикнет вслед...

И вот уже почти сто лет нас трясет на этих стыках. А что нашли – «осьмой тупик»? Пресловутую свободу? Парадоксы той же истории, то, за что боролся народ, он так и не получил. Но обратимся к роману, как пишет Н. Ольков: «Судьба хранила Столыпина для более важных дел и событий…» И он вершил её, несмотря ни на что, без страха идя к своей цели. Между тем экономическое и военное положение страны накануне войны было таковым: с 1885 года Россия занимает первое место в мире по темпам роста экономики – высокая степень концентрации в русской промышленности сочеталась с передовой технологией. Современный писатель, публицист Д. Дарин в очерке «Лицо России не тени, а синяки» отмечает суть «столыпинских» реформ, подводя их итоги: «Избыток хлеба в 1916 году составлял 1 млрд. пудов. И это за восемь лет действия реформы, а Столыпин просил двадцать мирных лет, заявляя, что тогда «вы не узнаете нынешней России». Напрашиваются аналогии с Россией сегодняшней, ведь после развала Державы прошло тридцать лет, а выводы неутешительные. Мы до сих пор помним слова Петра Столыпина, активного государственного деятеля Российской империи, обладавшего бесстрашным характером, слова, ставшие крылатыми, сказанные им в 1907 году, в конце первой революции: «Им нужны великие потрясения, нам нужна великая Россия». Видимо, всё так и было бы, но история, как принято считать, не допускает сослагательного наклонения, может, поэтому для истории, как и для литературы, в конечном итоге более ценна правда о человеке.

Идея служения человеку, правде жизни в высоком значении понимания этого слова является первоосновой и для художественной прозы Н. Олькова. При всей его симпатии и предпочтении к сибирскому мужику, который исторически никогда не знал крепостного права, помещиков, и обладал в отличие от мужика срединной России, знавшего постоянное притеснение и угнетение, совершенно иной психологией свободного, сытого, уверенного в себе и в завтрашнем дне крестьянина, преданного своей общине. Писатель, надо отдать ему должное, сочувствует, сострадает в равной степени и тем и другим, и зажиточным и бедным, стараясь объективно рассудить каждого, и правого и виноватого. Добровольная основа, положенная во главу угла аграрной реформы, вывела мужика «из многовековой спячки», что стало началом движения малоземельных крестьян Центральной России в Сибирь. Однако голод по-прежнему оставался самой неизлечимой болезнью России.

Причиной этому, как ни странно, была и природа, которая предчувствует внутреннее состояние людей и вызывает определённые ассоциации, от её непредсказуемой стихии порой зависит урожай, она либо способствует решению человека, либо окончательно его останавливает. В. Закруткин некогда писал: «Земля же, как это всегда было, жила по своим, независимым от людей законам, и в ней тоже непрерывно, то тайно, то явно, происходят могучие процессы, перед которыми были бессильны разрозненные, враждующие между собой люди». Природа может вступать и в явное противоборство с человеком, и далеко не всегда из этой неравной борьбы он выходит победителем. «Лето того года стало жестокой страницей в жизни крестьянина Никиты Забелина, за всё лето не выпало ни одного настоящего дождя… <…>Никита едва сдерживал слезы… <…> За

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

неделю обмолотили рожь и просо, свезли в амбар. И без меры видел хозяин, что не только до новины не дожить – до Пасхи дай бог», – такова удручающая атмосфера жизни семьи Забелиных, психологически достоверно переданная в романе «Переселенцы. «Крестьяне имеют переменную душу от погоды, природы, от ветров и потоков», – так же тонко ощущал дыхание природы и тесную связь человека с ней А. Платонов. Неоднократно в романе в самые решающие моменты человеческого бытия обращается к природным истокам и Н. Ольков.

Утешает лишь то, что всегда во спасение человеку остаётся надежда: Никита Забелин окончательно осознал, что единственно правильный выход – переселение и «начал собираться в Сибирь». На первой же встрече переселенцев с сибиряками он трагически погибает, столкнувшись с непреодолимым противостоянием, потому как не хотели сразу зажиточные крестьяне принимать «нищету из Расеи», не желали идти на передел разработанных своими же руками пахотных земель. Стремительно разрушались на их глазах старые основы общины. Сибирский мужик был опасен, независим и самостоятелен, бурлила в его крови ещё со времён царицы Екатерины лихая вольница. Несмотря на стихийные протесты, тот же Антон Вазгустов внутренне готов изменить принятое им радикальное решение и пойти на компромисс, возглавив стихийный штаб помощи и поддержки переселенцев. Ведь главное для русского человека – сохранить мир в душе, самое ценное – кровная соприродность земле, – то, на чём стоит вера православная. Крестьянин должен с приходом новой весны сеять, а не предаваться праздным мыслям, а тем паче воевать друг с другом. Духовное равновесие – дороже всего. «Революция – дело богопротивное, потому православный человек никогда супротив Государя руки не поднимет», – так отвечал сибирский священник ссыльному поляку Казимиру, яростно призывающему мужика к мятежу.

«Весна каждый год ожидаема, как девушка на свидание, и является она всякий раз по-разному, одна на другую не похожа», – крестьянин всегда живёт в преддверии наступления весны, будущего сева, целительной весенней влаги, и «долгожданных дождей», чтобы «зёрнышко напитать и колос вырастить», и «в великих раздумьях и сомнениях» он, как «глубоко заборонить семя», «или чуть только притрусить землицей», как спасти его от изнурительной засухи. Извечные тревоги, муки и радости тяжёлого крестьянского труда, в котором нет и следа обыденной мимолётности, за который болит душа и у автора, ведь мало для него написать роман, он сам участник всех происходящих событий с его героями, он с ними рядом, и в поле, и на веселье, он всегда здесь, на родной сибирской земле. Отрадно, что за простоватой повседневностью, – это и есть его непреходящее, вневременное – его слова красоты и истины, взятой от родной земли. Земля для него – нечто живое, нечто большее, чем данная реальность, она вечна и навсегда. Бунин в рассказе «Золотое дно» находит потрясающее определение: «Ведь земля-то сущее золотое дно».

Русская литература вобрала в себя глубины национального духовного опыта, непреложно сохраняющего верность нашим традициям. «Мать земля – это прежде всего чёрное, рождённое лоно земли-кормилицы, матери пахаря, как об этом говорит постоянный её эпитет «мать земля сырая»…Но ей же принадлежит и растительный

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

покров, наброшенный на её лоно. Он сообщает её рождающей глубине одеяние софийской красоты… она же является хранительницей нравственного закона – прежде всего закона родовой жизни», – заключал русский историк, философ и литературовед Г. Федотов («Стихи духовные. Русская народная вера по духовным стихам»). Органическое единство с «тайнами земли», аналогично равное нравственному– высшему Божественному закону, чувствовал в себе и Г. Успенский. Он считал, если крестьянин своё «крестьянство» забудет, «тогда не будет больше этого народа, тогда не будет больше мировоззрения народа, не будет больше душевной теплоты, которая от него проистекает». «Останется только пустой аппарат пустого человеческого организма», – трудно нынче не согласиться с ним, бесследно то и последующее за ним время для русской многострадальной деревни не прошло, и сегодня мы пожинаем горькие плоды собственного забытья отчих корней. Кроме глухой, внезапно пронзающей боли, равносильной вселенской тоске, когда видишь умирающие деревни нашей современной российской глубинки, ничего иного и нет в душе.

Следуя неизменной логике бытия, с надеждой на лучшее завершает Николай Ольков первую книгу своего «Сибирского романа»: свадьба Игната Забелина и Матрёны Вазгустовой – новая жизнь и рождение новой семья – внутреннее примирение и примирение человека со всем миром. Согласитесь, ведь весна всегда располагает к любви, когда оживает природа, так хочется радости, душевного света. Будет ли Игнат счастливее своего отца? – поверим, что не напрасно Никита Забелин ради лучшей мужицкой доли принял русскую смерть, пришедшую без срока и унёсшую его в своих кровавых потоках. Возможно, в земле и содержится оправдание всех прошлых, нынешних и будущих потерь. И весенняя природа радует открывающееся добру и полнившееся теплотой сердце крестьянина дождиком, «тихим, проникающим, самым хлебным». И надеется Антон Вазгустов на собственные крестьянские руки, которые не боятся труда, и полон непоколебимой веры этот «мужицкий философ», хорошо знающий цельность и мудрость жизни, а посему, как заключает он вместе с автором, «не должно быть недобрых перемен». Как видим, размышляя сам, Николай Ольков даёт пищу для размышлений и своему читателю, ставя вопросы, не теряющие своей актуальности и остроты на протяжении веков.

Сибирская вольница и новая власть

«Сибирский роман Николая Олькова». Книга вторая. «Гриша Атаманов», повесть.

Что впереди? Победа, конец?
Значит, не зря, объявляя
Поход,

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

Самый горячий крутой
жеребец
Под Атаманом копытом бьёт.
Павел Васильев,

«Песня о гибели казачьего войска».

Видимо, в каждом
веке
Свой сумасшедший год!
Николай Кудашев,

«Ледяной поход».

Самые, может быть, любопытные страницы «Сибирского романа» Николая Олькова содержит его вторая книга «Гриша Атаманов», где показана национальная трагедия русского народа, его основной части – крестьянства, едва ли когда-то на своём веку испытавшего столько зла и насилия, трагедия, перерастающая в духовный кризис, который охватил первые годы существования молодого государства. Февраль 1921 года вошёл в советскую историю невиданным крестьянским восстанием, когда сибирские мужики в ответ на продразвёрстку, сравнимую с настоящим «грабежом», резко отличавшуюся от прежнего налога, встали, как бывало в судьбоносные моменты на Руси, всем миром. Но судьба мятежа сложилась трагически.

Однако о печальном – позже. Пока, как говорится, «суд да дело», герой повести Данила Богданович Атаманов основательно обустраивается на новом месте: поначалу переселенец срубил большую избу, затем вырос у него и добротный дом из кирпича. Как «мужик сообразительный», деловой, он сразу выбирает невесту – милую, скромную девушку Веру Тагильцеву. «До глубокого вздоха, до тайной слезы, до боли сердечной рад был жизни Данила Богданович: и с женой ему повезло несказанно, хозяйка, красавица, на ребят плодовита; и дела его выстраиваются в заметное предприятие, вот маслоделательный заводик направит, и на всю жизнь занятие…» – в таком же размеренном, радостно-приподнятом ключе, как течёт жизнь Данилы Атаманова, неторопко льётся и повествование Н. Олькова. Нежная и сильная линия любви пронзает всё пространство книги, она будто по духовному наследству, передаётся от отца к его сыну Григорию, четвёртому, младшему в роду Атамановых, особенно ладному, да и умом, красотой не обделённому. И «вот, какую силу поимел в сибирских краях новый род Атамановых, пять мужиков, пять семейств будет со временем, ничем не пережать и ничем не перекусить наше слово и дело!» – уверен герой Н. Олькова.

Но другая судьба была уготована Григорию Атаманову. Иные планы на сей счёт зрели и в государстве, правду и свободу для сибирского крестьянина отменяющие. Дурные предчувствия одолевали Григория: Первая мировая война, ставшая несчастной и роковой

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

для России, революция, одним словом, неспокойное время выпало на его долю, втянув в водоворот протестных событий, истово разгоравшихся в крестьянской среде. Ему было суждено стать одним из первых действующих лиц Ишимского восстания – командующим Северной Народной армией – чтобы организовать, объединить поднявшихся против власти крестьян. Всему причина – набирающая угрожающие обороты злосчастная продразвёрстка: «цифры доведённого задания, они были страшными», поскольку вступил в силу приказ Ульянова – «вытряхнуть хлеб из Сибири», хлеб – то единственное, что могло спасти революцию. «Власть себя обнажила», – к такому окончательному неутешительному выводу приходят отец и сын Атамановы. Создаваемые большевиками продотряды безжалостно грабили крестьян, забирая буквально последнее, повсеместно насильно утверждался «язык пролетарской диктатуры». Сибирская вольница заканчивалась! Неспроста отец Григория, двигаясь «к неведомому краю Сибири», и фамилию себе тогда решил взять вольную, свободную, поменяв Чайкина на Атаманова. Автор приводит образное, колоритное сравнение малорусского крестьянина –«убогого, с чёрными руками и согбенным плечом» с сибирским мужиком – сытым, довольным жизнью, успешным, «потому свободным».

Если в природе есть свои незыблемые законы, то для человека этого нет. Власть ни с чем и ни с кем не считалась, руководствуясь лишь принципом: всё «выгребать до донышка». «Видимо, с давних пор увязалась за человечеством примета, что природа всегда опережает крупные перемены и знаменские события, как бы предупреждая человека о неотвратимом, мол, готовься, хотя от тебя уж ничто не зависит», – с тонким психологизмом автор объясняет причину лютых морозов, внезапно и резко ударивших в ту роковую зиму. Не к добру примета. Вот и М. Пришвин, всем своим существом погружаясь в природу, подчёркивал: «Неустройство в природе так действует на душу, что русский человек чувствует себя самого как бы виноватым во всём с виною в душе». Казалось, и природа согласна, что «народ сломлен», бессилен противостоять большевицкому произволу. «Продразвёрстка была исполнена», – врезается в память строка из повести, слова принадлежат Ленину. Эта цитата вождя пролетариата хорошо напоминает другую, ранее претворённую им в жизнь, которая кардинально изменила судьбу Державы, повлияв на дальнейший ход всемирной истории: «Россия завоевана большевиками» (ПСС, т. 36, с. 128). На сей счет напрашивается правомерный и неоспоримый вывод: обычно так говорят о вражеской и чужой стране. Есть над чем задуматься.

Стихия восстания сибирских мужиков выглядела непредсказуемо, и поначалу она развивалась спонтанно. Бунт, расправа, самосуд – ужасная картина, не поддающаяся однозначному пониманию. Пожалуй, это самые мрачные, кровавые моменты в книге, рисующие невыносимые сцены казни, что пугают, вызывают у читателя шок своей обнажённой натуралистичностью: «Весь вечер над деревней висел собачий лай, гремели выстрелы, бабий вой и мужской грубый мат смешались в страшном хоре. Полная луна с испугу прикрылась тучами, белесый туман жутким саваном накрыл землю». Автор вместе со своими героями не только вершит человеческие судьбы, но и думает о природе исторических бедствий, революций, войн, пытается понять причины затаённой ненависти. Главный ужас их даже не в стрельбе, не в голоде. Он в том, что освобождаются доселе

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

скрытые, низменные, человеческие страсти. В людях накапливается огромная концентрация зла. «В народе великая злоба зрела», – говорится в повести. То, что в человеке прежде подавлялось законами, неизбежно выходит наружу. Для многих существуют лишь внешние законы, а внутренних табу у них нет, и когда-то всему этому должен быть выход – наступление всеобщего помутнения разума. Благочестив, но и бессмыслен, беспощаден русский человек. Свои в дикой, неистовой ярости убивали своих же, верша непоправимое. В этой битве победителей не бывает.

В любом случае, Григорий Атаманов горько переживает жестокую смерть отца любимой им девушки. Он знает, что время уходит, а повстанцы не получают должной и обещанной помощи и не в состоянии собственными силами взять железнодорожную станцию Ишим, не могут они захватить и город, чтобы перекрыть большевикам пути поступления хлеба в Москву и в Петроград. Понимая всю обречённость, безысходность, всю дальнейшую трагичность мятежа, автор сочувствует своему герою, сравнивая его состояние с состоянием «обложенного волка», который аналогично чует «неизбежность гибели» и лихорадочно ищет спасения. Григорий вспоминает давнюю охоту с отцом и мужиками на волков: тот взгляд волка ему никогда не забыть – взгляд загнанного матёрого зверя. Особенно тяжело читать финальные строки повести, когда природа дышит весной, когда торжествует нестерпимо яркий запах воздуха, а Григорий Атаманов готовится к расстрелу, когда так хочется молодому человеку, полному сил и желаний, жить. Но звёзды на весеннем небе решили иначе: не суждено ему никогда увидеть сына, который вот-вот должен появиться на свет.

«Бездонное чистое небо со звёздами. Тёплый ветерок подул из казахских степей, только начало апреля, а уже чувствуется, что весна идёт. Атаманов закрыл глаза, и слеза сверкнула на его щеке в свете восходящего утра…» – и сердце сжимается, и тоже хочется сглотнуть подступающую к горлу слезу… Как коротко пребывание человека на земле, как нестерпимо больно за его жизнь и судьбу! Николай Ольков – мастер создания духовно властных образов. Перед нами – неминуемая смерть героя и вместе с тем, вопреки настойчивому зову смерти, поднимается чувство некоей огромной спокойной силы и надежды, поднимается и начинает расти внутри. Нечто похожее прочитывается и у прозаика Леонида Андреева в финале его рассказа «О семи повешенных» (1908 г.), где смерть продолжает бороться с пробуждающейся жизнью, до последнего надеясь победить её торжество, ещё только набирающее силу: «И так же мягок и пахуч весенний снег, и так же свеж и крепок весенний воздух… Так люди приветствовали восходящее солнце».

Стоит заметить, что где-то суровый и в то же время где-то трепетный писатель Николай Ольков почти виртуозно улавливает нерв создаваемого текста. Он способен заставить читателя не только радоваться, но и страдать, и сопереживать, и способен скупую слезу у него вызвать – некая своего рода проверка на истинность современного творчества, уже достаточно редко чем-либо трогающего наши усталые души. Совершенно иное дело классики, там действуют высшие измерения. «Есть чувство правды в сердце человека, / Святое вечности зерно…» – до сих пор остаются пронзительны лермонтовские строки. Именно правда жизни и правда литературы пересекаются и в прозе Николая Олькова, никоим образом не противореча друг другу, а наоборот рождая в его

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

«Сибирском романе» это святое зерно всеобщей истины, зерно слова и дела, зерно писательского и крестьянского труда.

Продолжает тему народного восстания, народного гнева, кровавого и беспощадного, завершающий книгу рассказ «Повстанец». Весьма необычен в нём ракурс раскрытия происходящей действительности: жизнь сибирского крестьянина, его безысходная трагедия видится здесь глазами деревенского паренька Кольки, который по-своему осмысливает судьбу Демьяна Трушникова, активного зачинщика бунта, казнившего в 1921 году комсомольцев и коммунистов, затем осужденного на 25 лет валить лес. Рассказ имеет сквозную связь, благодаря которой сохраняется единство персонажей, крепость их преемственности. Обращает на себя внимание одна существенная деталь: тайна – то, что крылось под оболочкой, в глубине самой натуры этого, мягко говоря, странноватого повстанца.

Демьян поведал приглянувшемуся мальчишке свою неизбывную боль, рассказал о гибели сына, какому было тогда 15 лет, как нынче и Кольке. Поволжские «инородцы» из продотряда, силой забиравшие наличный хлеб, не пощадили его сына. Охватывает чувство невосполнимой потери, настолько пронзительно автор смог передать горе Демьяна, когда тот после поджога избы, где спали убийцы, возвращается домой: «Оделся, вышел – в морозном воздухе пахло свежестью, ветер уносил запах пожарища в другую сторону. Постоял, стал мёрзнуть, пошёл во двор, где жило его горе», – всего лишь скупой и точный штрих и, кажется, уже навсегда образ готов. Современные писатели этим порядком пренебрегают, когда как прежние писатели относились к подобным деталям с особенным вниманием. Колька слушал этот предельно откровенный рассказ, будучи потрясён до глубины души, до внутреннего катарсиса, что можно вот так просто казнить своих же людей. Тут поражает и монолог самого Трушникова, поднявшегося до философского осмысления жизни: «Вот стал я думать тогда, а что же есть человек? Отчего из-за куска хлеба цельный народ на дыбы поставили?». Власть разделила собственный народ, помогая одним и презирая других. Коммунары, чувствуя поддержку государства, получая от него технику, деньги, не стремились работать с самоотдачей, а нанимали местных крестьян. Зажиточные же мужики составляли конкуренцию коммунам, потому что у них превалировала, как утверждал В. П. Рябушинский, «выстраданная идея собственности», которую «русский народ никогда больше не отдаст», – делает вывод видный политический деятель в своей статье «Судьбы русского хозяина».

К примеру, у современного писателя А. А. Яшина есть повесть «Коммуна комиссара Гоши», где он описывает калужскую деревню по линии своей матери, убедительно касаясь и роли коммунаров, которые прибыли в деревню, чтобы организовать передовой колхоз-коммуну, но вместо оного занимались пьянством, грабежом, разбоем, весьма печально закончив это поначалу громкое, многообещающее предприятие новой власти. Замечу, что небольшой рассказ Н. Олькова – сложная по художественному жанру форма – вбирает в себя немало судьбоносных пересечений, сопоставлений, сравнений, из которых и состоит человеческая жизнь. Мы вновь встречаемся с Григорием Атамановым, когда он уже осознаёт всю противоречивость, двусмысленность повстанческого движения: «…много жестокости, чересчур – много», – признаётся он в своих мучительных

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

прозрениях. Задача взять Ишим провалилась, вероятно, в большей степени из-за узости и недалёкости крестьянских взглядов и убеждений, когда все намерения бунта и установления порядка общины заканчивались у себя же в селе, а то, что было за околицей, сибиряков серьёзно не волновало. Вполне закономерно, ведь русский народ отрицательно относился ко всем революциям.

Но как бы там ни было, зло всегда порождает зло. Самосуд и казни, совершаемые повстанцами, не могли принести им душевного покоя и счастья. Убитые и убийцы – их в рассказе не разделить. «После обеда судьи и палачи напились в доску, топя в самогоне страх перед людьми и Богом <…> Свои деревенские казнили других лютой казнью», – где-то бесстрастно, явно скрыв эмоции, пишет автор. Может быть, ошибаюсь, но единственно заслуженная казнь, не вызывающая сожаления, хотя автор этого прямо и не выказывает, – казнь губернского продкомиссара Инденбаума, жестоко разорявшего крестьян. Так или иначе, не пожалел и его повстанец Демьян, не дрогнула уверенная рука сибирского мужика, дескать, знай наших.

Что характерно: похожая мировоззренческая основа трагичности человеческой судьбы, вечных поисков русской правды заложена в последних мыслях главного героя в повести «Гриша Атаманов» и в последних словах другого героя в рассказе «Повстанец», которую едва ли посчитаешь внезапной литературной параллелью. «Помни меня как повстанца, а не как бандита. Прощай», – говорит Кольке, будто исповедуется, Демьян Трушников, тем самым подводя свой итог восстанию сибирских крестьян. Невольно всплывают в памяти слова русского святого, преподобного Серафима Саровского: «Мир между людьми начинается с мира в человеке». Но как нелегко утвердить мир и сохранить его в себе, как мучительно человек приходит к очевидным и простым истинам. Исходя из всего имперского могущества Руси, из всего духовного прошлого русского народа, писатель Борис Зайцев мудро считал, что «истинная Россия есть страна милости, а не ненависти».

«На себя вызывает огонь…»

«Сибирский роман Николая Олькова». Книга третья. «Кулаки», роман.

Славя крест, имущество славя,
Проклиная безверья срам,
Волны медные православья
Тяжко катятся по вечерам
<…>
И сказал Евстигней: / – Разлука
С прежним хуже копылий,
ям,
И с хозяйством, – /Горчее муки

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

Тихо высказал, – / Не отдам.
Павел Васильев,

«Кулаки». 1922 г.

*(Разгар коллективизации***).**

Мой ли с миром путь не
одинаков!
Чем же всех других виновней я?
Боже, Боже звезд и хлебных злаков,
Пощади меня и муравья.
Геннадий Фролов,

«Ничего не надо…»

Довольно многопланова в сюжетном отношении, глубокомысленна в нравственно-философских коллизиях третья книга «Сибирского романа» Николая Олькова «Кулаки». Прежде всего, в ней возрастает критическая настроенность относительно несправедливо устроенного общества, ибо оно не может принести крестьянину счастья, полной удовлетворённости результатами своего труда, дать ему радость свободного созидания на родной земле. Впрочем, не исключено, что кому-то роман «Кулаки» покажется замечательно несправедливым и одновременно замечательно острым по мысли. Мы не найдём у автора откровенного осуждения, либо полного неприятия советского строя, но нет у него и явного оправдания того тотального зла, которое принесла революционная эпоха. Будучи корневым русским человеком, уверенно стоящим на твёрдой крестьянской почве, писатель отличается – по тематике, слогу и художественному направлению. В этой книге немало аналитических раздумий, гражданской тревоги автора за человеческие судьбы, ведь попав в опасный водоворот истории, выживали самые стойкие. Мировая война, революция, война гражданская, интервенция нанесли крестьянству невиданный ущерб, пожалуй, как никакой другой части населения. Были разорены тысячи деревень, заброшены миллионы гектаров пашни. Повсюду в стране начинался голод.

Роман особенно актуален сегодня, когда мы буквально недавно перешагнули столетний рубеж НЭПа. Восемь лет новой экономической политики – самый удачный проект советской власти. Крестьяне поверили, что и к ним власть прислушивается. Да и сам НЭП стал разумной реакцией на вооружённые протест 1921 года, вспыхнувшие против продразвёрстки, о чём, как мы уже знаем, идёт речь в повести Н. Олькова «Гриша Атаманов» и в его рассказе «Повстанец», имеющем с ней прямую взаимосвязь. X съезд РКП (21 марта 1921 г.) законодательно утвердил продналог, что пришёл на смену продразвёрстке. После введения НЭПа словно манна небесная снизошла на деревенских мужиков: появились хорошие и дешёвые продукты, а крестьяне, исстрадавшиеся по своему любимому делу, будучи в напряжённом ожидании обещанной передачи земли,

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

трудились не покладая рук. Даже без тракторов и комбайнов с 1922 по 1928 гг. сбор зерна вырос с 36 до 77 млн. тонн, хотя ещё в целом крестьяне по-прежнему жили бедно.

Однако Сталин не мог окончательно принять частную собственность и во главу угла ставил социалистический принцип обобществления – это та неразрешимая дилемма, что до сих пор вызывает горячие споры в обществе. И тогда, и сегодня опять мало чего дождались крестьяне. Опасаясь реставрации капитализма, правительство очень скоро прихлопнуло НЭП, а крестьянам оставалось жить надеждой, что землю им всё-таки дадут. Доколе продлится такое унижение собственного народа, затянувшееся на долгие десятилетия? Сильное противостояние охватило весь народ: с одной стороны – крестьяне как основной союзник пролетариата, с другой – они же как объект длительной борьбы. Посему и в книге «Кулаки» мы наблюдаем верх бесчеловечности – раскулачивание зажиточных сибирских семей – конечный итог политики НЭПа, когда кулака истребили как класс. Именно зажиточных крестьян называли, не иначе, как кулаки, «сельская буржуазия».

В центре повествования романа Н. Олькова «Кулаки» – Мирон Демьянович Курбатов, «думающий, расчётливый крестьянин», прочно обосновавшийся в сибирском селе Бархатово, которое является главным средоточием основных событий. «Нынче хлеба свезли столько, что моих мужиков с последним возом чуть назад не отправили: некуда ссыпать. Разве такое было когда? Три последних года трудящийся мужик хорошо окреп, судьбу за бороду ухватил. И кредиты будем брать под посильный процент, и технику покупать. Я сразу бы трактор взял, край нужен», – с воодушевлением, с трудовым энтузиазмом, какие переполняли его, говорит Мирон об эффективности системы НЭПа председателю исполкома, большевику Всеволоду Щербакову. Их разговор сразу выявляет столкновение разных взглядов: коммуна как будущий путь развития деревни, опора власти на беднейшее крестьянство, ни на что самостоятельно неспособное, ожидающее помощи от государства. Совершенно иной подход у крепких мужиков, составляющих, по мнению Курбатова, настоящий «костяк села». Тут тебе и «большие пашни», и «большие сотни пудов» мяса, и «паровые мельницы», снабжающие мукой весь край, и лес, и изготовление шпал для железной дороги, и уникальная выделка шкур – всего и не счесть! «Все мужики трезвые, семейные, детные, в жизни уверены, да и не особо озабочены иными делами, кроме своих», – разве они могли поверить, что власть однажды передадут бедноте?

Да и Сталин, будем откровенны, испытывал страх: «Россия может вернуться к капитализму», – это двусмысленный факт подчёркивает и Н. Ольков. НЭП – явление временное – не без веских на то оснований считает и довольно неоднозначная личность в романе – партийный работник Щербаков, что, собственно, очень скоро становится очевидным и для остальных персонажей: крестьянского хозяина Мирона Курбатова и торгового купца Емельяна Колмакова. «Ни хрена у вас не получится обмануть Мирона Курбатова, он ужом проползёт, чёрным вороном взлетит, но своего не отдаст», – так рассуждает своевольный сибирский мужик, принимая «крутое решение» – исход из села в глухую тайгу. Они снова построят дома, распашут земли и опять станут жить, как жили их отцы и их деды. Это свобода! «Уйти в тайгу на пустое место, начиная жизнь заново с

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

топора и сохи», – во многом и утопичная идея-мечта Мирона о честном колхозе всё же возымела своё действие: полтора десятка самых зажиточных семей уходят далеко в тайгу. «Обоз в тридцать саней, ни на что не похожий, катился по сельской дороге от одной деревни до другой, третьей», – и, казалось, труднопреодолимые вёрсты и для сибиряков, и для автора, и для читателя оставались позади.

Любопытно и честно об истинной природе русского мужика размышляет мыслитель, публицист, так же, как и автор социальных романов А. Зиновьев и бывший в СССР под запретом И Солоневич, заставляя задуматься о том, кто врёт: история или мысль? Солоневич давал оригинальные и неожиданные оценки тем или иным историческим событиям, говорил не только о «таинственной славянской душе», но и пытался исследовать природу русского мужика, которого недооценивала та же русская литература, русская классика, оторванная от реальности, ставшая в той или иной степени причиной революции, а в последствии и Великой Отечественной войны. «Крепостной режим искалечил Россию»,– отмечал Солоневич. А расцвет русской литературы совпадал с апогеем крепостного права, которого, повторюсь вслед за Н. Ольковым, никогда не знал сибирский мужик. Выдающиеся русские классики писали в пору этого апогея, отличаясь при этом весьма противоречивыми суждениями о русском мужике. Русская литература, по словам писателя-историка И. Солоневича, была великолепным отражением «великого барского безделья, недооценивавшего крестьянина, когда русский мужик – деловой человек». Подтверждение этим мыслям можно найти в романе Н. Олькова «Кулаки», когда сибирский мужик Мирон Курбатов способен в экстремальных ситуациях мобилизоваться, оставаясь человеком деятельным, энергичным, который ни при каких жизненных обстоятельствах не опускал руки и не боялся никакой тяжелой работы. Кроме того, он трезвый человек, а не бездельник и праздный пьяница, заметим, по душевому употреблению алкоголя дореволюционная Россия стояла на одиннадцатом месте в мире. Именно о таких людях с прочным внутренним стержнем пишет Н. Ольков. Крестьянский мужик – человек, знающий, что ему надо, в отличие от русского интеллигента, одержимого лишь идеями социального мессианства, к тому же русская интеллигенция всегда была в оппозиции правительству. Дело же русского крестьянина – дело маленькое, но это есть дело. Оно требует знания жизни и людей. Поэтому мужик должен быть умнее Бердяевых. Они, русские крестьяне, сталкивались с миром конкретных вещей, не могли позволить себе права на ошибки в отличие от тех же философов, литераторов. Классики же упорно представляли нам лики бездельников, создавая всё новые и новые загадки. Толстовско-каратаевское непротивление злу, достоевская любовь к страданиям, чеховское безволие – со всей исторической эпопеей русского народа далеко не всегда, лишь отчасти, либо вообще не совместимы. Герой Н. Олькова, сибирский мужик Мирон Курбатов, волевой, независимый, не собираясь сдаваться на милость обстоятельствам, как раз и доказывает обратное.

Майор Буллит, первый американский посол в СССР (1933-1936 гг.) писал: «Русский народ является исключительно сильным народом с физической, умственной и эмоциональной точки зрения». Факты истории говорят сами за себя: слабый народ не мог построить великой империи. Пассивность русского народа – блеф и миф. Сделав некоторое отступление, вновь вернёмся к роману, к его главному герою Мирону

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

Курбатову, тоже не имеющему права на ошибку и решившему основательно «готовить место для будущей деревни». Первыми должны были уйти взрослые дети, а затем и семь семей заговорщиков собрались тайно от общества и властей покинуть село, уйти подальше, вглубь тайги, «чтобы власть не подумала искать и наказывать». А всё потому, как считал И. Солоневич, что сам «правящий слой ушёл от народа, и народ ушёл от правящего слоя». Обращает внимание на глубокий социальный конфликт, на беду отчуждения народа и власти, постигшую нашу страну, и писатель Н. Ольков. Он досконально владеет темой, о которой пишет, знает саму русскую почву! Практически каждый художественный образ, создаваемый автором, вне зависимости от его общечеловеческой значимости и идейно-эмоциональной нагрузки, заслуживает особого психологического анализа.

Все нити в романе ведут к образу Мирона Курбатова, здесь прослеживается системный реалистический подход, когда расставляются и все точки над i, когда люди ждут его последнего слова, прислушиваются к его суждениям, которые отличаются глубиной и точностью, когда единодушно верят ему, дружно, слаженно работая в артели. И Мирон понимает, что «он в ответе за тех, кто ему поверил». Да, он «ничего не знал, кроме родной своей земли», мало учился, трудно было крестьянину открыть не только для себя, но и для других единственно нужное слово. «И вдруг слово это, которое он искал, ждал, находил и снова терял, вдруг оно ясно обозначилось в сознании: воля, свобода», – обозначилось оно и в романе, – то сокровенное, что никогда нельзя отнять у сибирского мужика.

А тем самым временем, пока Мирон строил таёжную жизнь артели, пока учился у той же природы «готовности человеков ей противостоять», пока открывал её живые чудеса, бьющие ключом горячие родники, а рядом с ними пастбища, среди зимы покрытые зелёным ковром разнотравья, – вдали от тайги, по всему сибирскому краю активно разворачивалась коллективизация, шло раскулачивание, нарастали репрессии. Н. Ольков достоверно передаёт «неизвестность и страх», охватившие крестьян. В книге приводится список исчерпывающих данных, свидетельствующих о политике немедленного раскулачивания. «Насильственное решение о коллективизации партийных органов» было окончательным и пересмотру не подлежало – у большевиков всё исполнялось «под наганом». Горько читать эту деревенскую честную прозу, горько осознавать, что надежды на справедливое создание колхозов уже не было.

1929 год Сталин назвал «годом Великого перелома» и заявил о переходе к политике «ликвидации кулачества как класса». Вождь пролетариата обосновал теорию классовой борьбы по мере продвижения к социализму. Перечитывая пронзительные строки Н. Олькова о «глазах вечного крестьянина», «самостоятельного и независимого», чувствуешь, как внутри вдруг поднимается волна протеста, замысел власти становится всё яснее: «иллюзии насчёт единой деревни» рухнули. Это признаёт и большевик Щербаков. «Сибирь всегда была общинной», – обозначает автор важность крестьянина ощущать себя хозяином своей земли, разумную необходимость трудиться на своё личное, а так же и общее благо. Коллективизация подобный принцип полностью исключала. Вскоре Сталин сам возглавил заготовку зерна в Сибири. Закупочная цена, которую он назвал крестьянам, их не устраивала. Возмущению Сталина не было предела. Он незамедлительно принимает

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

решение – взять силой хлеб у зажиточных землевладельцев. Действовали специальные тройки НКВД, репрессивные суды, тех, кто отказывался идти на укрупнение хозяйств, жестоко раскулачивали. В итоге было раскулачено 3, 5 млн. личных хозяйств, сослано 7 млн. крестьян. Лютая ненависть зрела в народе к советской власти. В романе говорится о «революционном напоре и неотразимой настойчивости» крестьянства, когда насилие и кровь, частые поджоги стали нормой деревенской жизни. Вынужденное самоубийство Никифора, брата Мирона, расстрел его верного степного друга Молдахмета, помогавшего таёжным беглецам сохранять скот, арест купца Колмакова, не успевшего распродать свои прибыльные магазины,– звенья одной цепи в системе, карающей человека за любое непослушание ей.

Как результат коллективизации и раскулачивания, аналогично той же продразвёрстке,– страшный голод 1931-1933 годов. Резко сократился валовой сбор зерна, повсеместно шёл массовый забой скота. «Боже, что они сотворили с деревней! Не от работы, а от голода вымрет народ!» – до глубины души возмущался Мирон неутешительным сводкам по удоям и севу, читая новости в газете «Правда», подшивки которой ему заботливо собирал Молдахмет, когда он наведывался к другу за необходимыми покупками для артели, различными вещами и предметами быта, инвентарем. Суть происходящего противоречия высказывает в романе секретарь уездного комитета партии Пашенный: «Как ни верти, а всё крутится вокруг частной собственности, и крестьянин за неё может отдать всё, даже жизнь, потому что собственность – это свобода, воля». Но вместо свободного труда – труд подневольный получил крестьянин, не имевший даже паспортов, которые лишь начиная в 1974 году власти разрешили выдавать. А между тем на крестьянском дворе стояла последняя четверть XX века!

К концу 30-х годов в селе Бархатово, где происходит действие романа «Кулаки», был колхоз, работала машинотракторная станция, открылись курсы механизаторов, хотя область считалась одной из самых отстающих по развитию сельского хозяйства. Как видим, карательные меры бездарной власти не принесли желаемого результата. О чём это говорит? Государству не нужны эффективные люди, высокие профессионалы. Ещё одна существенная деталь: теоретиком экономического развития социалистической страны, подготовившем программу НЭПа, был Бухарин. Что же касается непререкаемой исключительности вождя мирового пролетариата, то позволю себе во многом усомниться, таким ли гениальным теоретиком был Сталин, как в советское время учили нас? «Нищий социализм – это паршивый социализм», – утверждал Бухарин. Сталин же наоборот фермерство счёл вредным для социализма. Тяготы бесцельной, безысходной жизни укрепляли народ в мысли, что ничего нельзя изменить к лучшему. В период раскулачивания (известно также как раскрестьянивание) было уничтожено 20 млн. кулаков – наиболее эффективных крестьян. Общая цифра всех пострадавших от этой преобразовательной компании в два раза выше. Примечательно, что все тот же Щербаков констатирует: самодостаточный крестьянин, кулак, мог быть назван рожденным НЭПом советским крестьянином нового типа. Но – не назван.

В качестве альтернативного примера поиска новых путей развития возьмём Китай. В сложный для страны момент Дэн Сяопин соединил экономическую теорию Николая

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

Бухарина и доктрину Мао, взяв на вооружение оба варианта оптимального экономического развития разных стран. Таким образом, создавались русские корни современного китайского чуда, которое сегодня воочию наблюдает весь мир. Дэн Сяопин в институте марксизма-ленинизма выделил целый этаж для изучения бухаринского наследия. Массовое изучение и внедрение трудов нашего теоретика – основа китайского чуда. Когда Россия в лихие 90-е годы, в период хаотичной перестройки, стояла перед таким же схожим выбором экономического пути, внимания на труды Бухарина она не обратила. Зато, напомним, 2015 год в России был ознаменован настоящим всплеском возрождения сталинизма! Поистине – страна бесконечных парадоксов!

Суровая тема, представленная Н. Ольковым, особо не располагает к романтике, но есть в книге и нечто, метафизический лейтмотив неслучайности, в большей степени свойственный поэзии, – открытый космос сибирской эпопеи. Образ вечной звезды, звёздного неба в русской литературе и в жизни пересекаются в пространстве романа. Казалось бы, Мирону, сеющему хлеб, постоянно пребывающему в тревоге за урожай, некогда думать о чём-то ином, но в минуты отдохновения от земных трудов взоры его обращены вверх, к загадочному ночному небу, где явственно видит он «горящую падающую звезду». «Как сложно всё в мире! Куда падёт эта звезда, если долетит до земли – не сожжёт ли посевы крестьян, не подпалит ли городишко, не загубит ли несчастного», – не от светлых ли звёзд, не из глубины ли самой Вселенной тихой таёжной ночью пришли к сибирскому мужику эти неожиданные мысли? Семя и звёзды, земля и небо, как земное и небесное, замыкающее вечный круг бытия, – эта правда, явившаяся ему, была куда как выше правды обыденной жизни, различимой простыми глазами. А ещё «память на всю жизнь» – «загадка не его ума» – отражающиеся звёзды на глубине колодца вспомнятся Мирону на чужбине, когда будет он защищать Родину от иноземного врага. Заветных строк в романе много – неизбывная интонация любви, лирическая и сильная, – верная жена Марфуша и поздняя любовь к молодой казахской девушке Калиме – извечный неразрешимый треугольник. Увлекательно раскрывает автор сибирские тайны, ведь жизнь таежная полна трудностей и постоянных забот, но полна она и чудес. Избыток образов, колоритных и самобытных, выходят из-под пера мастера, заполняя всё пространство книги. Подогревает читательский интерес и встреча героев со старообрядцами, давно живущими в тайге, последышами единой христианской веры, сохранявших волю и землю – свои кровные истоки. Это следование традициям предков объединяет две артели. Неслучайно старик Банников так почитает и бережёт икону Николая Чудотворца, с Божьей помощью которой крестьяне вершат все дела. Невольно возникает параллель и с трилогией А. Т. Черкасова «Сказания о людях тайги», что включает три романа: «Хмель», «Черный тополь», «Конь рыжий». Первая часть посвящена старообрядческой общине Филарета Боровикова, её непростому существованию вдали от остального мира именно в тех местах, где происходят события романа «Кулаки».

Любовь к сибирской природе Н. Ольков передаёт и своим героям, их каждодневный труд вознаграждается дарами тайги: грибы, ягоды, орехи – неповторимые богатства этой чудодейственной земли. Сколько же прелести в крестьянском труде находит автор, зная его досконально, не понаслышке. Сколько дорогого для русской души сосредоточено в любимой работе! «До обеда стог, после обеда стог. А впереди работают косари, девчонки

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

готовят сухие валки, завтра и там начнётся, придут метальщики, копновозы, кладельщики, подсребальщицы. И снова будут расти стога», – разве это не та же поэзия в прозе?! Стоит не преминуть случая и вновь открыть уникальный словарь знатока русской словесности В. Даля, его бесценное детище: Стог – Копна – Копновоз – подробно прочитав каждое определение, можно проследить единую, непрерывающуюся смысловую связь. Поразительно богат и красочен народный язык у Н. Олькова, невероятно насыщена художественно-речевая ткань его текста. Сибирский говор здесь торжествует! Старинное, сочное слово, полное мудрости, которое он зачерпнул и у яркого писателя И. Ермакова, красочной россыпью блистает на страницах «Сибирского романа». «В структуре каждого национального языка воплощаются следы мыслей родителей, дедов, прадедов и пращуров, их жизненная психология и философия», – верно отмечает это следование традициям белорусский учёный-методист, профессор

В. Протченко. Своеобразное видение мира сквозь призму крестьянского языка, его вечно сияющего слова, будто пришедшего из старинных книг, пожалуй, одно из главных достоинств деревенской прозы Н. Олькова. Природа писательского дара прозаика столь же таинственна, сколь и проста. Талант художника слова остался природным и самородным. В этом и заключается русская традиция!

Мужество книги – тема войны с фашизмом. Война всколыхнула замкнутое лишь на себе жизненное пространство артели, поставив её членов перед выбором: как им быть в данной ситуации, включаться ли в народную войну? «Небо разломилось пополам, извергая ветвистые молнии, и они, как корни могучих деревьев, пытались зацепиться за землю, но при ударе рассыпались в мелкий дребезг, осыпая искрами всё окрест. Илья-Громовержец тоже вышел на войну…» – природа в романе словно благословляла человека на правое дело освободительной борьбы, и не мог Мирон Курбатов остаться в стороне от общей беды, что пришла на его Родину. Корни его дерева, расщеплённые молнией, навеки были связаны с ним и с корнями его родной земли. «Война всех на вшивость проверяет», «Народ всегда воевал не за власть, а за Родину», «Неуж-то мы сделаем вид, что нас судьба России не касается» – вот, она сущая правда, правда житейская, что укрепляла Мирона в его необоримых мыслях, в которых было много обыденной справедливости. У автора, как и у его главного героя, тоже свои собственные представления о совести, чести, гражданском долге и ответственности за судьбы Родины, своя тревога за народ. Безысходная, бессильная ненависть, иссушающая души, не проросла окончательно в сердцах таёжных жителей, а злоба и разочарование на власть не взяли верх над их разумом и любовью к своей земле. Потому что для русского человека Родина не там, где лучше, а там, где больнее. Отечество – тот таинственный, но живой организм, очертания которого ты не можешь для себя отчётливо определить, но прикосновение которого к себе непрерывно чувствуешь, ибо ты связан с этим организмом непрерывной пуповиной.

Взошла на небосклоне ещё одна звезда, освещающая военную дорогу Мирона Курбатова, – солдатская звезда! «Я за каждый колосок, за каждое зёрнышко им отомщу, они проклянут день и час, когда казах Ахмадья послал русскому мужику Мирону голубя с красной ниткой на правой ножке», – это был знак начала той страшной войны, и крепла в его душе великая ненависть к врагу-захватчику. Тут оживает в памяти рассказ М.

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

Шолохова «Наука ненависти», его бессмертные строки, созвучные чувствам Мирона: «И если любовь к Родине хранится у нас в сердцах и будет храниться до тех пор, пока эти сердца бьются, то ненависть всегда мы носим на кончиках штыков». Мирон Курбатов, как и шолоховский солдат, «и воевать научился по-настоящему, и ненавидеть, и любить».

Вот, и получается, что классическая русская литература встала против истории. Литературные психологические образы несовместимы с основными фактами русской истории. И, безусловно, соглашаешься с Солоневичем, что Каратаевы взялись за дубьё, и Обломовы прошли тысячи две вёрст на восток и потом три тысячи вёрст на запад. Империя на 1/6 части земной суши показала всем свою реальную мощь. Не зря же Бисмарк завещал Европе: «Не воевать с русскими». Когда-то русская литература спровоцировала революцию и немцев на завоевание. Природа же, как известно, не терпит пустоты. Немцы и рванули, как и русские, в революционный рай, им той же мыслью предсказанной. В романе Н. Олькова нет иллюзий в оценках действительности, он придерживается трезвого реализма, поэтому прав и литературно и жизненно. «А простой мужик рассуждал просто: ко мне во двор залез ворюга, да не просто, а бандит, грабит, насилует, тащит не своё. Как тут терпеть?» – глазами этого обычного мужика видит автор войну, твёрдо зная, что его «лесному человеку» надо раз и навсегда «свою землю от скверны очистить».

«Война. Нет в русском языке слова более жестокого и страшного.<…>Родина сжалась до масштаба малой твоей деревни, а патриотизм вместился в жаркое объятие самого меньшего сына, последыша», – от подобных мужественных слов писателя поднимается волна гордости за стойкость и героизм наших людей, завоевавших миру Победу. Не постичь было Гитлеру психологию русского человека, который с невероятным энтузиазмом строил города, возводил на голом месте заводы, изготавливал небывалую технику. «Русские малограмотные самородки, прямая линия от Левши, изобретали уникальное оружие и хитроумное оборудование», – отдаёт должное Н. Ольков русскому умельцу и патриоту, как некогда отдавал должное «баснословным мастерам», «так глаз пристрелявши», таланту русских мастеров-оружейников Н. Лесков. Недаром самобытный классик любил показывать стойких, смелых, могучих, удалых русских людей, ибо были они «своему отечеству верно преданные». Любил любоваться одарённостью русского человека, который свято уверовал в «русскую полезность», в то, что «и у нас в доме своё не хуже есть…». В романе Н. Олькова изображение народа также основывается на глубоком знании русской жизни, её бытового уклада. Чувствуется, что жизнь писателя богата мудрым опытом, что накапливается не сразу, десятилетиями. В его произведениях предстаёт народная жизнь во всём её многообразии, показаны люди разных общественных слоёв, и жизненная правда здесь гораздо сильнее горькой иронии. Это подтверждает космическая загадка судьбы Мирона Курбатова, когда «погибший вернулся с войны».

Эмоционально торжественен, наполнен светом и верой в человека финал романа «Кулаки». Коротко очерчивая вехи пути артели, празднуя вместе со своими героями великую Победу, оценивая их немалый вклад в общее дело помощи фронту, автор подводит повествование к своему кульминационному моменту – к возвращению таёжных беглецов в родное село Бархатово, к остальным людям, к воссоединению со всем

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

народом-победителем. Пройдя дороги войны, орденоносец Мирон Курбатов твёрдо убеждён, что у граждан его артели, у нового, молодого поколения должно быть будущее. Он пишет письмо товарищу Сталину с просьбой принять их честную артель, никогда не предававшую свою Родину, в государственную хозяйственную систему и «считать колхозом». Нам остаётся только верить в справедливость и торжество жизни, полагаясь на Божий Промысл о человеке.

«Будем бодрствовать!.. Любовь к своему народу и земле делает борьбу обязательной», – утверждал И. Аксаков. Ибо русский человек всегда в ответе за судьбу родной земли, принимая боль земли, как свою собственную боль. Такова Россия, такова доля её крестьянская!

«Ах, Сибирь, тоска и радость моя…»

«Сибирский роман Николая Олькова». Книга четвёртая. «Сухие росы», роман.

Воспоминание о полувеке,
Пронёсшейся грозой уходит вспять…
Борис Пастернак,

«После грозы».

Русь извечная, Русь избяная
Прядёт жизни волшебную нить.
Евдоким Русаков,

«По-над лесом…»

Четвёртая книга «Сибирского романа» Николая Олькова «Сухие росы», как и три предыдущие, выдержана в жанре реалистично-бытового повествования, которое вбирает в себя активный период послевоенного восстановления сельского хозяйства, возрождения сибирской деревни, затем 70-80-е годы – годы мирного созидания, коллективного труда, и начало 90-х годов – новый сложный период: перестройка, повлёкшая за собой распад великой Державы. Как видим, у писателя нет ни одной части его сибиркой эпопеи, где бы ни высвечивалась трагедия того или иного этапа в истории страны.

Кроме того, Н. Ольков – хранитель подлинной, из самой народной жизни зачерпнутой тайны русской души, русской природы, тайны самой земли. Книга «Сухие росы»

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

открывается картиной мощного весеннего половодья. С такой же широтой каждой строки, с таким же привольем народного слова разливается и повествование романа, излучающее радость бескрайней сибирской земли, когда «весна каждый год ожидаема, как девушка на свидание…», когда манит её головокружительный простор! Кажется, пахнет вся природа, и тающий снег, и талая земля, и будущий хлебный колос – все запахи сливаются в единый сильный запах весны. Во всём ощущается чистое народное миросозерцание, народное чутьё, тонкое восприятие красоты, составляющие степень народности, – то, что в романе и есть мера художественности. Автор, прежде всего, выделяет трёх основных персонажей – это партийный руководитель района, прямой и честный коммунист Григорий Хмара, перспективный агроном, будущий руководитель совхоза Юрий Долгополов и председатель колхоза «Светлый путь» Макар Чуклеев, – цельные, основательные, художественно завершённые образы, олицетворяющие нерасторжимую сцепку людей, целиком и полностью посвятивших себя крестьянскому труду. Их всех объединяет вечное, первостепенное – «состояние души, живущей вместе с хлебом». Пожалуй, лучше и не скажешь. Роман захватывает житейской правдой, неожиданными явлениями человеческих характеров, запутанными психологическими коллизиями, лирической, проникновенной мелодией любви, словом, простой и настоящей жизнью людей, самоотверженно работающих на земле.

Отметим, не может оставить читателя равнодушным и поэтический язык, присущий прозе Н. Олькова. Причём язык блистательный, искрящейся юмором, смехом, доброй иронией. Тут непременно вспомнишь и шолоховские образы! Когда-то В. Астафьев создал целый континент «сибирского» языка, отличающегося неповторимой манерой изложения. Сибирский говор – ценность и богатство этой земли. «Высота и богатство слова невозможны без высоты и богатства самого бытия», – писал В. Кожинов. Высокое должно сопрягаться с обыкновенным, никоим образом не противореча друг другу. Такой искромётный язык в романе Н. Олькова, прежде всего, связан с образом председателя Макара Наумовича Чуклеева, весь облик которого вызывает добродушную улыбку. Однако он человек особенный, самозабвенно влюблённый в своё крестьянское дело, и кому-то смеяться над собой вряд ли позволяющий. «Макар встал, прошёлся по кабинету, время от времени останавливаясь и покачиваясь на носках, любуясь новыми бурками с блестящими калошами: – Это хорошо, критика и самокритика, сорта и дипломы, а норму высева на сеялке, например, установить ты умеешь?» – живо, незабываемо описывает автор встречу председателя колхоза «Светлый путь»с молодым агрономом-отличником, защитившим диплом по новым сортам яровой пшеницы, Юрием Долгополовым. Крестьянский мужик Макар Чуклеев вовсе не скрывает, что крайне скептически относится ко всем агрономам, считает их «людьми ненужными».

К примеру, Короленко, когда рассуждал о Гоголе, Чехове, Успенском, как о писателях, делавших попытку смеяться над русской действительностью, понимал, что не всё задуманное им удавалось. Он приходил к выводу: «…в русском смехе есть что-то роковое». По его мнению, если употреблять терминологию химиков, то это «неизбежно даёт ядовитый осадок, разрушающий всего сильнее тот сосуд, в котором она совершается, то есть душу писателя». Но народная смеховая культура традиционно близко соприкасается с фольклором, она находит мудрое духовное равновесие, исцеляет

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

человеческие души радостным, благотворным смехом. Данный феномен ярко проявлялся в творчестве Шолохова, Шукшина, который мог и солёную шутку отпустить, красочно высвечивался у сибирского писателя Ермакова. Вот и герой романа «Сухие росы» Макар Чуклеев, пусть и «не обременённый теоретическими познаниями», никогда особо не спрашивающий чужого мнения, зато называющий землю «не иначе как пашенкой», сочетает в себе и глубину души и в то же время лёгкую ироничность, народный юмор, – то загадочно неуловимое, что присуще лишь русскому мужику. Это как раз тот случай, когда мы имеем дело с юмором неглупым, имеющим под собой серьёзную, объективную природу вещей. И даже его любимое выражение «критика и самокритика», как бы оно не воспринималось, напрямую подводит к известному высказыванию Сталина о том, что «критика и самокритика – движущая сила нашего общества».

В книге обращает на себя внимание и жизненно важная тема современной науки, научного подхода в культуре земледелия как неотъемлемой части крестьянского труда. Проблемные вопросы сельского хозяйства Сибири, в частности, вопросы селекционной науки, новых принципов хозяйствования, тесно взаимосвязанных со сроками сева, элитными семенами, сортами яровой пшеницы, партийный руководитель Григорий Хмара пытается досконально выяснить, встречаясь с академиком Терентием Мальцевым. «Сибирь – зона рискованного земледелия…» – подчёркивает учёный. Он поднимает крайне острые, назревшие проблемы «системы организации труда в полеводстве как самой оптимальной, приближенной для крестьянина к результатам своего труда напрямую», предлагает «убрать показатели и оставить крестьянину только реализацию продукции», «перестать командовать», не донимать его «мелочной опекой». Противоречия, крывшиеся годами, становятся всё более явными, требуя безотлагательного решения. Не видя реальных результатов труда, его рациональных стимулов, люди постепенно утрачивают и чисто профессиональный интерес. В России уже более ста лет не могут надёжно зафиксировать результаты своего скорбного, зачастую невыносимого труда и передать их детям, хотя бы и с некоторыми потерями. Зыбкие отношения с собственностью сообщают русской жизни некую апокалиптическую летучесть. Григорий Хмара, предчувствуя грядущие перемены, пытается хоть в чём-то предвосхитить время, давно требующее от крестьянина конкретного подхода к делу. «Завтрашний день невозможен без ломки старого», – уверен и агроном Юрий Долгополов, руководитель иного типа, рисковый, предприимчивый, который тоже старается предугадать, поймать запоздалое время перемен.

Квинтэссенцией авторских взглядов в романе стали мысли академика Мальцева, когда он говорит об особой значимости крестьянина, высвечивая его лучшие человеческие качества: «Не тот пахарь, кто пашет, а тот, который любуется своей пахотой. Пахать многие могут, а вот любоваться не всякий способен». Н. Ольков очередной раз подтверждает это чисто народное виденье мира, своей духовной миссии на земле, характерное лишь русскому человеку. Непоколебима и вера крестьянина, испокон веков сохраняющего рассудительность: «Кольца веры народной рассыпаны и утрачены, хоть лба русский мужик в храме не расшибал. Но боялся! И жить старался по правде…» – ни в коей мере не сомневается в христианских добродетелях русского человека Терентий Мальцев.

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

Мифологичность происходящего, сказочность, которой напитана вся сибирская земля, поэзия простого деревенского бытия ощущаются здесь в самых обычных вещах. Героев книги соединяет природная сила любви, когда родную землю любишь непредсказуемо, первобытно. Теперь ясно, откуда земляк Н. Олькова, писатель И. Ермаков, брал свои сочные краски, когда писал о сибирских местах, как о «рае земном для скотинушки».

Мы должны знать, что всё в мире не напрасно, что всё имеет смысл – Божий Промысл о человеке, направленный к тому, чтобы наша жизнь была достойна радости и гордости за свой труд. Русский человек «живёт в нагрузку», как точно подмечает в книге академик Мальцев. Может поэтому он так любит вещи простые, понятные, знает цену, как и Григорий Хмара, каждому выращенному «пшеничному зёрнышку, вскормившему всю большую страну»? Да, русский мужик знает цену родным булкам и калачам, их ароматному запаху, их особому, ни с чем несравнимому вкусу! Стоит от начала и до конца прочесть эту красочную песнь сибирской земле, его Величеству Хлебу! О, сколько она вместила в себя: и боль сухой земли казахстанских степей, мучительно ждущей влаги, дождя, что сделает её «радостной землёй», и спасительное чудо июньского дождя, когда «хлеба ещё сохранили способность к полноценному росту, встрепенутся, раскинутся кустиками, трубку стебля выкинут, потом колос», и когда «август порадует хлебом», и когда настанет «осенняя сибирская ночь, без ветра, без туч», когда не бывает росы, когда можно надеяться на подарок природы – на счастливый урожай!

Необозримые поля с бесконечными рядами вызревающей золотистой пшеницы были для Григория Хмары тем единственным местом на земле, где он находил духовное отдохновение, духовное равновесие. Но с новой политикой перестройки, непонятной, хаотичной, всё чаще посещала его тревога за будущую судьбу деревни. Что стало причиной необдуманных перестроечных реформ? Возможно, ложь, двусмысленность, страх перемен. В образе партийного руководителя проступают такие моральные качества, как решительность, преданность идеалам Родины, служению своему народу, зримо проявляется такая же необоримая, изрядная сила – то явное сходство, что прочно сближает его с героем романа «Кулаки» Мироном Курбатовым.

Перестройку, которая разорила жизни и судьбы миллионам наших граждан, даже сложно назвать историей. «Мы не чувствовали никакой близости к тем, кого вынесла наверх перестройка», – признавался В. Войнович. В конце своего романа Н. Ольков как раз подводит нас к этому моменту общей усталости, спада, разочарования, горечи, послевкусия пережитого, что мы испытали в разрушительный перестроечный период. Автор вместе со своими героями остро воспринимает происходящее. Это – урок поведения при разных режимах жизни. Оставаться равному самому себе – при всех меняющихся политических режимах отстаивать свою позицию, быть рядом с народом. Сегодня понимаешь, что это были лучшие годы созидания, выпавшие на долю нашего народа, прошедшего через революционные бунты, раскулачивание, сталинские лагеря, войну. Нет-нет, да и мелькнёт ускользающая мысль, почему было не взять на вооружение накануне самой перестройки ту же теорию Бухарина, – именно то, что так грандиозно сделал Китай? Но история не любит сослагательных наклонений, предоставляя это право литературе, укрепляющей человека в вере, дарующей ему надежду.

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

В эпилоге романа «Сухие росы» звучит подлинный гимн Сибири, «земле одушевлённой и одухотворённой…», её неиссякаемым богатствам, гимн-посвящение сибирским труженикам, влюблённым в этот край. Вслушиваясь в слова писателя, в их поэзию, принимаешь всем сердцем его самородный сибирский эпос, впечатляющий своим размахом, раздольем – той безграничной широтой природного пространства, которая имеет некую таинственную родственную связь и с широтой русского слова, что сливаясь воедино, олицетворяют великую Россию. В этой памятливой любви к отчей земле и проявляется в творчестве Н. Олькова его напряжённая страда на ниве слова, сравнимая с многотрудным посевом зерна: «Вот тут радуются сухой росе, сухоросу, неожиданному и жданному, когда влажный воздух ветра поднимут высоко от земли, а зерно останется сухим и твёрдым на радость немногословному крестьянину». Созреет пшеница на полях, уродится рожь, и земля будет с урожаем, а человек с хлебом…

«Хлеб на каждый день. И на всю жизнь»

«Сибирский роман Николая Олькова». Книга пятая. «Хлеб наш насущный», роман.

Стою в полях. И в дымке
синей
Я слышу здесь, сквозь ветра зов,
Как дышит сердце всей
России
В волненье зреющих хлебов.
Евдоким Русаков,

«Рассвет».

Логическую завершённость «Сибирскому роману» Николая Олькова, вобравшему в себя синтез разных эстетических измерений, его нескончаемым, горячим думам о России придаёт пятая книга «Хлеб наш насущный», заканчивающая художественно-исторический цикл всей грандиозной сибирской эпопеи. Она наглядно свидетельствует о том, что в минувшем времени, пусть и насыщенном событиями, каким был век XX, оставаться нельзя, и представляет на своих страницах новые исторические условия хозяйствования.

«Я верю в возможность русского человека вырастать из глубин культурных корней своего прошлого и уходить к небу общечеловеческой цивилизации, не теряя своего удивительного своеобразия, своей универсальности и своей духовности», – пишет российский политический деятель В. Игрунов («Русское и советское»). Н. Ольков, будучи

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

внимательным наблюдателем жизни, создаёт именно такие человеческие образы, какие способны внутренне противостоять жизненным обстоятельствам, способны оставаться собой. Роман писателя рассказывает о судьбе человека, вся жизнь которого – сплошная борьба: вначале за элементарное существование, затем за «место под солнцем», а в конечном итоге – за собственную душу, за высший смысл бытия. Вот лишь общие штрихи петлистого пути деревенского парня Родиона Бывакина, основного персонажа книги: безотцовщина, постоянная травля мальчишки его же одноклассниками, тюрьма, куда он попадает по малолетке. Повествование развивается по законам хорошего детективного жанра, глубоко увлекая читателя элементами тайны и загадки. Сюжет достаточно энергичный, находящейся в движении, как бы незаметно, но поступательно его герой идёт к намеченной цели.

Отсидев свой срок на малолетке, Родион попадает во «взрослую» колонию, где его берёт под личное покровительство тюремный авторитет Доктор. Такая опека для него была «и благом, и наказанием». Чтобы сохранить немалые капиталы, которые будут для молодого парня не только испытанием, но и шансом начать другую жизнь, Доктор, используя старые связи в криминальном мире, добивается его досрочного освобождения. Мы видим воочию, что в нашу когда-то предсказуемую и налаженную жизнь стремительно вторгается иная новая действительность – не утопически-очищенная, которую выстраивали в своём воображении в 1987 году путающие литературу с жизнью либералы-интеллигенты, а реальность с кровью, преступлениями, рэкетом.

Судьба не щадила героя Н. Олькова. Вопреки всему происходящему, Родион открывает в себе предпринимательскую жилку, редкое умение прибыльно вести серьёзное дело, и деньги Доктора пришлись как нельзя кстати. Сам же владелец этих солидных капиталов, настоящее имя которого Иван Александрович Бачурин и которому наш Родя до конца дней своих будет благодарен, вскоре умирает. И герой романа буквально спустя какое-то время уже не Бывалый, как совсем недавно знал его криминальный мир, а Родион Петрович Бывакин, сумевший не только ловко вести бизнес, но и своевременно вернуть зарубежные деньги, а в горячий разгар приватизации приобрести солидную строительную организацию с собственным производством и двумя заводами, объединив всё это в состоятельную корпорацию «Командор». Он занимает прочное место в новом мире, пришедшем на смену старому, открывающему для него самые высокие двери. Теперь уже губернатор говорит с ним на равных, поскольку удачливый бизнесмен активно развивал производство у себя на родине. Ведь тогда в перестройку люди казались странно обезличенными, как-то большинство в одночасье потеряло свою индивидуальность. Те, у кого были деньги, открыто стремились на Запад, поближе к доступным благам цивилизации. Но для Родиона Бывакина всего дороже оставалась родная деревня с чисто русским названием Лебедево. Нет, не забывал он, как в колонии у него была заначка – кусочек хлеба, «подсохшего, пахнущего мышами и махоркой, но – хлеб, его ничем не заменишь». Хлеб и правда, такая же трудная, порой горькая, которая тоже у каждого своя. Хоть не только хлебом единым сыт человек, но и без него не выжить. Автор, как бы невзначай, ненавязчиво направляет главного героя в нужное русло, чувствуя его врождённое стремление к земле.

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

Неизменный читательский интерес вызывает и сквозная тема книги – тема непреодолимой дилеммы социальных сословий. Среди авторских подходов здесь присутствует соединение разнородных стилей, идей, встречаются некие особенности эклектичности. Подобным примером обращения к старинной манере изложения мыслей, душевной, неспешной, манере утонченной, оставшейся в XIX веке, можно считать письма прадеда княжны Лады Станиславовны Бартенёвой–Басаргиной, хранящиеся в её личном семейном архиве, которые она любезно предлагает прочесть своему знакомому Родиону Бывакину. Сегодня уже, увы, практически никто так не пишет! Он откровенно захвачен этим далёким повествованием, письмом к горячо любимой жене, полным чистых и высоких чувств, поражён судьбой осужденного и сосланного в Сибирь прадеда Лады, так живописно поведавшего об удивительных сибирских местах, при этом не утратившего веры, любви к жизни. Родион понимает всю иронию судьбы, что коварно проявилась в неожиданно вспыхнувших к нему чувствах Лады, «сопредседателя губернского Императорского собрания», в её любви, граничащей с безумием, да ещё к кому, к бывшему зэку! «Вы живёте иллюзиями, а я в гуще каждодневной жизни с её грязью, обманом, воровством…» – жёстко отвечает он девушке, подразумевая абсолютную противоположность их взглядов. «Нас века разделяют», – бросает ей Родион резкую фразу, словно подписывает окончательный приговор, ни на минуту не сомневаясь, что подобное разделение стереть невозможно. Ведь и создание сословного общества – тупик, некая иллюзия, когда не стоит рассчитывать на «новых дворян». Социальное разобщение – неизбежный спутник размывания вековых общинных скреп народной жизни. К сожалению, оно поразило и наше современное общество.

Следуя достаточно подробным бытовым деталям повествования, надо признать, что личная жизнь нашего героя, сопровождаемая разными любовными историями, не сразу складывается удачно, а степной образ луноликой красавицы в череде каждодневных забот, неотложных дел так и останется для него лишь прекрасной и недостижимой мечтой. Переосмыслить свою жизнь, вернуть утраченное, вновь обрести единственную женщину и сына его заставляет смерть матери. Родион Бывакин принимает важное и мучительное решение, что станет в его судьбе самым главным: он создаёт в родной деревне Лебедево агрофирму «Труд». Причем само название заключает в себе великий смысл: труд – значит, творчество, которое приходит с любовью к земле, а не просто рабская работа, что от слова раб. «Целую деревню поднять – это великое дело <…> А главное – родина, земля, и люди тебя помнят», – обращаются к предпринимателю его земляки. В то же время настораживает один момент, что многие, по словам жителей деревни, «на себя уже робить не хотят», народ привык к «железной руке», перестал верить в свои силы, в то, что что-то путное может у него получиться. Отойдя от книжных событий, мы сталкиваемся с неким раздвоением личности, случившемся с целым народом, повлёкшем за собой неизлечимую болезнь потерянной родины. Сказалось пагубное влияние перестройки, когда человек опять отвык трудиться на земле. А чья она? Произошло вырождение нации, необоримая усталость, корнями уходящая в прошлое, одолела народ, усталость, заставляющая забыть его о своём духовном первородстве.

Подлинный мастер эпического полотна народной жизни, русский писатель П. Проскурин говорил: «Слишком глубоко зашло разрушение. А спасение только в

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

осознании своего национального пути, своего национального характера. Спасение придёт только тогда, когда русский народ осознает себя историческим народом, как это было раньше, и чего попытались его лишить». Бесконечно печальный писатель В. Распутин словно вторил ему, когда характеризовал период перестройки: «Народ оступился. Если раньше он оступался, то ненадолго. Он брал себя в руки. А тут он не захотел уже. Он устал… Сейчас, мне кажется, обречён весь мир. Подошло время негодности этого мира». Какие вещие строки! Очень хочется, чтобы Распутин ошибся в своём приговоре. Ведь им же было сказано и другое: «Несомненно, русская литература жива…»

Жива и русская земля, необозримая по широте и величию своих бесконечных пространств. Когда в голодные годы из Центральной части России переселялись в Западную Сибирь крестьяне, о чём рассказывается в книге «Хлеб наш насущный», они везли с собой и свою церковь. Крестьянин – от слова крест. Надежда на возрождение у русского человека остаётся всегда. Нет-нет, да и наши мысли вернутся в сегодняшнюю Россию: «Душа и глаз просят церкви на одном из холмов – белой свечи, которая тотчас собрала бы день и даль, а чаша озера при первом звоне ответила бы чаше неба. Но далеко разошлись друг от друга русские деревни, все меньше изб выбегают посмотреть на своё отражение, и красота отзывается болью, как если бы весь этот ненаглядный день в облаках, птицах и водах о чем-то молил твоё сердце, заранее зная, что не удержит тебя», – с пронзительным лиризмом писал В. Курбатов, так же, как когда-то и П. Проскурин, и В. Распутин, как сегодня пишет и Н. Ольков, аналогично спрашивая самого себя о том, «когда же мы из населения станем народом?».

Именно такие перемены в умах, в настроениях народа происходят в повествовании

Н. Олькова, деревенские люди хотят трудиться на своей земле. И. Ильин в своё время пророчески изрёк: «Несчастье современного человека велико: ему не хватает главного – смысла жизни». Ищет смыслы, поддержку, доверие народа и герой книги «Хлеб наш насущный» Родион Бывакин, который возвращается к своим истокам, к своим глубинным корням. В убыток собственному агробизнесу он спасает соседние хозяйства от банкротства, закупает самую современную агротехнику, строит кормозаготовительные комплексы, жилые дома для тружеников нового колхоза, подбирает надёжных людей, для которых слово не расходится с делом, расширяет хозяйство, какое переименуют потом в агрофирму с символичным названием «Бывакинская». Родион задумывается: «<…>зачем живёт человек на свете? В муках рождается, потом всю жизнь мучается, не все, понятно, но народишко-то белого света не видит. Мать в колхозе с темна до темна…» – вспоминаются ему и детские годы, трудное время внутреннего одиночества, когда он, спасаясь от окружающей его враждебной действительности, уходил в себя. Поэтому сегодня и хочет он вернуть народу хорошую жизнь, чтобы человек мог гордиться своим трудом. В романе чётко обозначается авторская прохладность какой-либо политической ангажированности, что подводит незримую, но определённую черту во всём «Сибирском романе» Н. Олькова.

«Незнакомые чувства испытал Бывакин, впервые войдя в свои хлеба. <…>Хлеб. Огромными волнами, похожими на колебания океана, колышется пшеница. Так было

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

всегда, и дед его, наверно, при единоличной жизни вот так же выходил к полю и ждал, что оно ему даст. И он сейчас, неожиданный хлебороб, случайный крестьянин, полон этих страстей: что даст, что будет?» – необъяснимое состояние испытывает он, так же желая привезти сюда и своих сыновей, чтобы сохранить эту нераспавшуюся родственную связь времён. Важно, когда твой труд не рассеивается прахом, а может быть материализован и передан детям, что увеличит в будущем их стартовые возможности, когда накапливается не только материальный, но и духовный капитал, и земля, облагороженная человеческим трудом, становится настоящим достоянием народа. «Общение с природой, родство с нею, труд во имя неё – есть древняя, неизменная, самая, быть может, надёжная радость в жизни человека», – вдохновенно писал В. Астафьев.

Вечные, вневременные ценности – земля и хлеб – были всегда спасительными для русского крестьянина. «Только хлеб – это жизнь… хлеб – он насущный, он каждый день нужен, без хлеба человек не сможет прожить», – убеждён и наш герой. Вот, он «бывший зэк, народный мститель и крестьянин, верный земле, на которой родился», Родион Петрович Бывакин, с трепетной любовью бережливого хозяина собирает в поле золотые стебли пшеницы, вяжет крепкий сноп из зерна, чтобы стоял в его деревенском доме как самоё большое богатство, как великий смысл человеческого бытия – этот искрящейся солнечным светом букет из хлебных колосьев. «Хлеб. На каждый день. И на всю жизнь», – какая надёжная опора – земля, деревня!

И какие широкие крылья – история, память! В наш зыбкий, по-прежнему смутный час, как будто свыше даны они писателю эпохального «Сибирского романа», уверенного в величии русского пути, в возрождении России. Нам остаётся лишь оценить сделанное этим замечательным художником слова, поразиться его масштабности! Только человек, любящий свою землю, свой народ, человек, сильный духом, способен воссоздать такие мощные русские темы!

Пусть в завершение прозвучит проникновенное высказывание Василия Шукшина, русского человека с такой же, как и у Николая Олькова, бесконечно растревоженной совестью и душой: «Русский народ за свою историю отобрал, сохранил, возвел в степень уважения такие человеческие качества, которые не подлежат пересмотру: честность, трудолюбие, совестливость, доброту. Мы из всех исторических катастроф вынесли и сохранили в чистоте великий русский язык, он передан нам нашими дедами и отцами. Уверуй, что все было не зря: наши песни, наши сказки, наши неимоверной тяжести победы, наше страдание – не отдавай всего этого за понюх табаку. Мы умели жить. Помни это. Будь человеком».

------ ООО ------

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

И ныне и присно

Роман.

Стане, Анастасии, с душевным трепетом посвящаю

Река долго, тысячи лет и тысячи километров, разбегалась по дикой, необжитой народом степи, чтобы в предчувствии скорого исчезновения напрячь накопившиеся силы и метнуть их в мощном броске на Гору, отринуться, понять безнадежность усилий, и тогда попытаться уйти от неизбежного уже слияния с важными водами Большой Реки. От угрозы раствориться в этих водах и течь дальше под чужим уже именем, Река, оттолкнувшись от Горы, хотела повернуть вспять, но своеволия испугалась, заложила широкую, неохватную петлю, внутренний берег

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

размыла и низвела до заливного луга, внешний возвысила, обустроила, украсила логами и оврагами, взрастила березовые леса, населив зверем и птицей, набросав в них охапками кусты смородины и малины, россыпи ежевики, костянки и клубники с земляникой, спрятав выводки груздей, опят и обабков.

Человек, ступивший на край Горы, обомлел от невиданной красоты, кликнул сотоварищей, и молча стояли они у края, обозревая, сколь видно было, желанное место. Умыли лица свои чистой водой незнакомой Реки, поклонились Востоку, охнула от прикосновения топора белая береза, которой суждено было лечь в оклад первой избы. И назвали то место Зареченька.

Седой зимой через убродные суметы снега с трудом протискиваются лоси и козы, направляясь в подлески, где вихревой ветер озорно выметает опушки, оголяя засохшую траву, малый кустарник и золотой березовый лист, который тоже годится в пищу, если неволят морозы и падера. Кабаны семьями выходят на кормежку, поросятки хрюканьем и повизгиваньем ободряют отца, который буровит снежную залежь, разрывая уже промерзшее одеяло осоки и шумихи, сковыривает кочки, и молодняк беззаботно отыскивает корешки, похрумкивает лакомством, взметнув бирьки и сладострастно прищурив глаза, а мамаша чутко пронюхивает воздух, отыскивая признаки человека или волка.

Лютой зимой небо опускается так близко к земле, что соединяются в едином порыве снежная круговерть и незримая пыль облаков; солнце не находит сил, чтобы разорвать это месиво, оно злится, краснеет и порой удается ему кинуть свой суровый взгляд на своевольную стихию; а если нет – чудные дива случаются в небесах: солнце разведет по обе стороны от себя собственное отражение, и тогда всему живому на земле явятся три солнца, чтобы устрашить зверя, напугать птицу, смутить думающего человека.

Зато летом, когда схлынет разлив Большой Реки, и обнажатся размашистые луга, буйно идет в рост все живое и зеленое, изумрудностью подернется местность, звери спустятся с Горы на приволье, выведут весеннего рождения детенышей и будут кормиться тут, пока Человек придет и заявит свои права, спугнет зверя, выкосит все ложбинки и низины, намечет округлые стога, высокой изгородью защитит свой труд от звериного озорства.Человеку тоже полюбились эти места, он распахал гривы и засеял злаками, он тысячи скота развел на вольных кормах, он дома поставил и объединил их в деревни, он храмы возвел посреди села с гулким колокольным звоном.

Тысячи гроз прогремят над Зареченькой и тысячи дождей омоют ее, многие поколения родятся и закончатся на этой земле, прославив ее многими плодами крестьянской работы и отважной дерзостью на бранном поле. Река все так же тиха и напориста, радостная в своей синеве; Гора холодна и хмура, все так же огрызается оголенными провалами логов и оврагами; зареченская долина горда зеленью трав и золотом хлебных полей. И многоликая жизнь проносится надо всем, вечная и бесконечная…

В первый день православного Рождества молодой человек, совсем еще подросток, вместе с родителями только что прибывший из Варшавы, вернулся из ближайшего костела со службы, позавтракал и вышел в сад Царскосельского дворца, где семейству были отведены комнаты. Для тринадцати лет был он довольно высок, строен, чист лицом, серые глаза и прямой нос делали его взрослее и серьезнее. Отца, как знатока важных старинных документов, Государь лично пригласил вместе с семейством служить при дворе, занимаясь только что

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

найденными в архивах бумагами, их следовало привести в порядок, частично перевести и дать толкование Императору. О важности сих бумаг юный Бронислав думал менее всего, его восхитил Петербург, зная по гравюрам все сколько-нибудь выдающиеся здания и памятники города, он узнавал и Медного Всадника, и Адмиралтейский столп, и Невский проспект, но как широко открылись они его взорам, как далеко вышли за пределы книжных познаний!

Он прошел по хорошо очищенной от снега липовой аллее, глубоко вдыхая воздух незнакомого и родного города, в памяти роились десятки строк русских поэтов о зиме и снеге, но ни одну не мог он поймать, чтобы остановить все стихотворение! «Какая прелесть!» – он сел в беседку, думал и о снеге, и о новом для него празднике, и о городе, в котором предстояло учиться и жить неизвестно сколько. И как круто иногда разворачивает человека судьба, он был в Варшаве, учился в гимназии, занимался языками и отцовской исторической наукой, но где-то что-то меняется, в интересах Империи нужны какие-то меры, и вот вся семья едет в чужие края, хотя и в столицу. Отцу не очень хотелось, но указ был именной, потому выполнение необходимо.

Бронислав не сразу заметил невысокую девочку в расшитой шубке и шапке с соболиным хвостом, которая шла по аллее в сопровождении дамы средних лет, изредка подбегала к невысокому снежному брустверу, ухватывала пригоршню мягкого снега, лепила комочки и бесцельно бросала их в сторону раскричавшихся ворон. Бронислав вышел из беседки и поклонился дамам.

– Мадам, я не знаю этого мальчика. Кто он? – звонким голосом спросила девочка.

– Ваше Высочество, это неприлично! – зашипела воспитательница.

– Ничего не нахожу неприличного, я девочка, а не дама, к тому же, мы не на балу. В моей аллее именно в час моей прогулки появляется незнакомый мальчик, и я хочу знать, кто он. Что тут неприличного? Ну-с?! – обратилась она к покрасневшему незнакомцу. Он уже понял, что перед ним одна из Великих Княжён.

– Меня зовут Бронислав, мы только что прибыли из Варшавы.

– Замечательно! Это вас поселили с северной стороны дворца?

– Право, не знаю, я еще не ориентируюсь, где здесь север.

Девочка залилась веселым и громким смехом:

– Север здесь в том же направлении, что и в Варшаве. Мое имя Анастасия. А вас я буду звать Броня, нет, просто Боня. Вы не возражаете?

– Нет, Ваше Высочество!

– Ну, вот, и тут то же самое! Даю вам право звать меня по имени. Приходите после обеда к пруду, солдаты сделали горки и каток, ведь сегодня Рождество. Вы католик?

– Да, Ваше Высочество.

– Все равно приходите, будет праздник.

Воспитательница опять вмешалась:

– Праздник устраивает Государь, и Вы не можете приглашать без его согласия.

Анастасия ответила резко:

– Папенька разрешил мне приглашать, кого захочу. Вы мне надоели, я убегаю.

И она понеслась по аллее, оставив не очень расторопную воспитательницу.

Бронислав был поражен, все случившееся казалось ему сном, наваждением. Лицо Анастасии, челка каштановых волос, выбившаяся из-под шапки, большие голубые глаза, четко

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

очерченные губки, приглашение, которым он не знал, как воспользоваться. Дома обо всем рассказал отцу.

Пан Леопольд Лячек был очень крепкий сорокалетний мужчина, густые с сединой волосы зачесывал назад, ходил прямо и гордо, лицо брил, при работе надевал очки, и они закрывали его густые брови и темно-серые глаза. В суждениях, как всякий ученый, был резок, компромиссов не признавал.

– Ты поступил недостойно, сын мой, в тринадцать лет следует знать, что неприлично как бы случайно оказываться на пути дамы. Я полагал бы на праздник не ходить, не думаю, что твое отсутствие будет замечено, а вот явление может вызвать нежелательные разговоры. Мы поляки, сын, и не нужно этого забывать.

Чтобы не переживать, Бронислав совсем не выходил из квартиры. Он смотрел в окно и представлял княжну Анастасию на катке и высоких горках, которых вообще никогда не видел.

Утром следующего дня отец привел в дом пожилого мужчину, представив его учителем языков. Мужчина был слегка помят, безразличен и хмур.

– Сын, это господин Саниэль, Жан Саниэль, знаток языков, он сейчас не в духе после праздника, но весьма образован и способен к передаче знаний. Приглашен был для обучения младших детей Государя, но проявил свою слабость, и отвергнут. Мне разрешили взять его. Господин Саниэль, моего сына зовут Бронислав, скажите еще раз, какие языки вы будете давать.

Француз пожевал губами и начал перечислять:

– Европейские почти все, без скандинавских, латынь, если изволите, иврит или идиш, на выбор. Продолжать?

– Хорошо, об условиях мы договорились. Завтра можете приступать.

Три раза в неделю по три часа Бронислав с Жаном отдавали занятиям, через месяц решено было остановиться на французском, испанском, итальянском и русском, еще латынь и арамейский, на древнем семитском настоял отец, считающий обязательным знать язык Господа своего.

Потом стал приходить учитель математики и естественных наук, отставной профессор Петербургского университета Маковцев. Георгий Михайлович отметил большие способности своего ученика и заверил мальчика:

– Через пару лет вы успешно выдержите экзамены в университет, это я вам обещаю.

Бронислав выходил на прогулку дважды: днем и уже в темноте, очень хотелось увидеть Анастасию, но он боялся появляться в аллее в час ее прогулки. В этот раз он оделся очень легко, предполагая пройтись вдоль дворца несколько раз и вернуться к занятиям: языки требовали усидчивости.

– Так вот вы где! – услышал он знакомый голос, и сердце застучало прямо в горлышке: Анастасия! – Почему вы, сударь, не соблаговолили явиться на праздник в Рождество и теперь скрываетесь от возмездия уже месяц?

Она стояла перед ним одна, без сопровождения, невысокая, коренастенькая, улыбчивая, серые глаза ее беззаботно радовались. Он молчал. Ее устраивало его смущение, она наслаждалась властью над этим странным поляком.

– Вас не пускают из дому? – вдруг спросила она.

– Что вы, вовсе нет, я много занимаюсь, и потом… Я так бестактно вел себя там, в аллее, простите мою невоспитанность.

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

– Господи, и вы о том же. Все хотят воспитывать, а я хочу жить и радоваться. Когда я купаюсь в пруду, только папенька может меня оттуда вынуть. Или влажу на дерево. Да, я лазаю по деревьям не хуже мальчишек. Мне так весело, что все внизу просто от страха за меня повизгивают, а я вижу весь мир вокруг значительно больший, чем они, несчастные. Потом приходит папа и командует. После обеда мы гуляем в саду, почти в любую погоду, присоединяйтесь к нам, мои сестры очень добрые и красивые. Наследник часто болеет, потому у него особый режим. Жду вас завтра в аллее.

И она побежала в сторону парадного подъезда.

Бронислав только теперь почувствовал, что продрог, дома мама сделала ему компресс и растерла водкой ноги, но к ночи поднялась температура, мальчик бредил, произносил странные слова из только что заученных, утром температура снизилась, он спал весь день. Вечером отец сел у постели:

– Надо быть осторожней, сын, это Россия, простуда – самая распространенная болезнь русских. Как ты себя чувствуешь?

– Хорошо, папа, но я хочу тебе сказать, что скоро будет война, я знаю это от канцлера Вильгельма.

– Матка Боска! – взмолился отец. – Откуда взялся канцлер? Он приснился тебе?

– Нет. Просто я его видел и узнал, что война с Россией начнется этим летом, все связано со смертью Франца-Фердинанда.

Леопольд обнял сына:

– Маленький мой, тебе это привиделось в бреду, у тебя был жар, успокойся.

– Я спокоен, папа, – сказал сын слабым голосом и снова уснул.

Когда он через две недели появился в аллее, все четыре княжны: Ольга, Татьяна, Мария и Анастасия прохаживались, тихонько о чем-то говоря. Мальчик скользнул в беседку, но был замечен.

– Боня, я жду объяснений. Представляете, назначила молодому человеку свиданье, а он уже дважды не явился. Что мы с ним сделаем?

Старшие улыбнулись, раскланялись с потрясенным мальчиком и оставили детей одних. Татьяна предупредила:

– Стана, ждем тебя через четверть часа.

Анастасия вошла в беседку:

– Как все мило, скоро весна, вы это чувствуете? Вы болели?

– Да, я простудился.

– Ах, это, очевидно, в тот случай, простите меня, я видела, что вы легко одеты, но не подумала о последствиях. Наследник тоже лежал в эти дни, в доме очень тяжело. Его спасает старец Григорий. Как ваши науки?

– Мои учителя не дают покоя, считают, что через два года можно сдавать в университет.

– Да, вы будете студентом, в гуще молодежи, а мы обречены дожидаться своих принцев дома. Папенька только следующей зимой выведет в свет Ольгу и Татьяну, это он уже объявил, а когда до меня очередь дойдет?

– Григорий – это кто?

– Святой. Да, святой человек, он многих пользует, а для Алеши просто спаситель, у него очень нехорошая болезнь. Григорий крестьянин, из глубины Сибири, в нем сила и дар от Бога. Все, довольно, я побежала, сестра у меня строгий воспитатель. Когда вы придете?

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

– Наверное, через три дня.

– Прощайте! – и она опять резво побежала по аллее, оставляя ему приятные воспоминания и тревогу от странной новости: Григорий. Надо спросить отца.

Дома ему вдруг сделалось дурно, он хотел было позвать маму, но почти без чувств опустился в кресло, и сильная боль с волнами набегавшим шумом сжала его мозг. Он оставался в сознании, оно путалось, какие-то новые мысли проносились и исчезали, новые лица мелькали, как в кинематографе, он едва успевал узнавать: Государь, царица, княжны, наследник. Потом Анастасия, в слезах. Далее какие-то люди, мертвые тела, простыни, запах серы. Бронислав закрыл глаза и откинулся на спинку кресла. Ему стало легче дышать, но в голове беспорядок.

– Мой Бог! – прошептал мальчик. – Избавь меня от этой кары, я ничего не могу понять, ничего не хочу знать, я очень болен.

К приходу отца он оправился, занимался математикой, когда тот вошел в его комнату.

– Папа, видимо, я болен, в моей голове не все в порядке. Я уже говорил тебе о войне, сегодня еще более страшные известия. – Он сам испугался этого определения, потому что оно показалось ему наиболее точным: известие, кто-то неведомый извещает его о том, чего не знает еще никто на белом свете. – Я не хотел бы говорить о содержании, оно ужасно. Может быть, в Петербурге есть хорошие доктора, папа, я боюсь. И сегодня я узнал о старце Григории, кто это, он действительно чародей? Может быть, следует обратиться к нему?

– Боже тебя сохрани от общения с этим человеком! – испугался Леопольд. – Это страшный человек, в нем действительно есть сила, но никто не может твердо сказать, от кого она. Недаром его фамилия Распутин. Это страшный человек! Тебе не надо его знать.

В тот же день Бронислава на выходе из дворцовой ограды через главные ворота обогнала запряженная тройкой карета с открытым верхом, сидевший в ней бородатый мужчина в темной накидке и низкой шляпе, из-под которой распадались в обе стороны пряди темных волос, резко повернулся в сторону и встретился взглядом с мальчиком. Карета уже пронеслась, когда раздался зычный голос:

– А ну, разверни!

Кучер придержал коней, карета катилась навстречу Брониславу.

– Остановись, юноша! – приказал тот голосом, которого невозможно было ослушаться. – Подойди сюда. Молодец. Еще раз посмотри мне в глаза! Ах, ты! Все, не следует боле. Ты чей?

– Бронислав Лячек, из Варшавы.

– А папаша твой кто?

– Историк, он работает с бумагами для Государя.

– Приходи ко мне на городскую квартиру, поговорить с тобой хочу.

– Меня папенька не отпустит.

– Эка причина! Папенька сам тебя и привезет. Все, пошел! – И он привычно хлопнул кучера по спине.

Вечером Леопольд пришел домой в слезах. Ни жена, ни сын еще не видели его таким расстроенным.

– Я получил высочайшее указание сегодня после ужина поехать с сыном к Распутину. Бронислав, где он мог тебя видеть?

– Сегодня во дворцовых воротах, он проехал на тройке, потом вернулся.

– Он говорил с тобой?

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

– Только несколько слов. И велел посмотреть в глаза.

– Мой Бог, что надо этому человеку от простого поляка?

Жена Ядвига, никогда не выражавшая своего мнения и говорившая очень редко, к чему привык даже сын, вдруг подала голос:

– Что плохого успел ты узнать о старце за месяц жизни при дворе?

– О, если бы ты знала хоть сколько! Это сам дьявол, он пьяница и развратник, но обладает некой темной силой, удачно лечит гемофилию наследника и тем вырос в глазах императрицы. О нем говорит весь Петербург.

Карету подали сразу после ужина, Леопольд долго молился, обнял жену, поцеловал сына. Мальчик не понимал столь высокой взволнованности отца.

Молодая женщина провела их в квартиру Распутина, которая показалась Брониславу тяжелой и запущенной. Старец вышел к ним в роскошном халате и стоптанных башмаках, пригласил сесть, сам откинулся на большую продавленную тахту. Бронислав со страхом и любопытством на него смотрел: фигура крепкого мужика, широкоплечего, мускулистого; неопрятен, самоуверен, длинные темные волосы ниспадают по обе стороны головы, прикрывая бледное узкое лицо, заросшее беспорядочной бородой, даже крошки пищи показались мальчику в спутанных волосах. Но глаза этого человека поразили гостя: большие, светлые, сверкающие, пронизывающие и ласковые.

– Пан, я тебя позвал, чтобы ты согласился парня своего отдать мне в ученики. Помолчи! Я сегодня первый раз его увидел и нашел в нем способность. Ну, это уже мое дело. Так отдашь?

– Милостивый государь, – церемонно начал Леопольд, но Распутин перебил его:

– Я не о милости прошу, а ради твоей же пользы. Ты не замечал за парнем ничего необычного?

– Нет! – соврал пан и покраснел.

– Ты пошто врешь мне, святому человеку, я же тебя насквозь вижу! Парень твой одарен особой способностью, какой нету у простых людей. При мне он будет присмотрен и в рамках, пока я жив, никто до него не коснется, но ты учти, что акромя меня тьма желающих заполучить такой подарок.

Потом повернулся к Брониславу, который все время молча сидел в кресле и наблюдал за старцем:

– Скажи мне, сынок, тебя пугают догадки какие-то, мысли незнакомые, не свои?

– Да, сударь.

– Я же говорил! – торжественно воскликнул Распутин. – Анна, мадеры!

Та же женщина внесла поднос с тремя бокалами и бутылкой вина, старец мастерски ее откупорил, налил всем по полному:

– За наше сотрудничество во имя Государя Императора и Святой Руси!

– Подождите, пан Распутин, – отец так и не взял наполненный бокал. – Мы ни о чем не договорились. Давайте начнем с того, что если и есть в моем сыне какие-то особые способности от Господа нашего, как могу отдать его вам, православному, человеку иной веры?

Распутин громко расхохотался:

– А как же ты, польская твоя сущность, определил, какому богу я молюсь, если мне самому сие неведомо? Вот что, пан, по приезде во дворец буду вызывать твоего парня, и не вздумай перечить. А пока прощевайте. Анна, проводи!

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

Несмотря на большое смущение и даже страх, Леопольд возмущался:

– Умеют же русские сотворять себе кумиров! Старец! Я думал, действительно, старик, а он моим летам ровесник!

Бронислава не особо заботили предложения Распутина и реакция папеньки, он все больше растил в своем сердце алую розу почитания и обоготворения Анастасии, которая, как ангел небесный, опустилась перед ним, чтобы смутить и испытать его душу. Он был совершенно уверен, что Господь все продумал за них и свел здесь, в неожиданном Петербурге, чтобы она, красавица и шалунья, вторглась в его размеренную жизнь, измяла ее, возмутила, заставила беззаботного подростка страдать и чувствовать. Завтра надо бежать в аллею, она придет, светлая, как наступившая весна, в легкой накидке, с распущенными богатыми своими волосами, непременно с зонтом от яркого солнца. Если с нею будет воспитательница, разговора и вовсе не получится, да и не будет никого – не намного смелее станет влюбленный мальчишка. И тогда он придумал: письмо! Во всех романах именно письмо выручало молодых людей, когда они лишены были возможности говорить откровенно. Бронислав сел, развернул лист бумаги и замер с пером в руках над белым его пространством. Еще мгновение назад все казалось так просто, а перо не хотело касаться листа, потому что автор так и не нашел еще первого слова. Он хотел обратиться, как и положено: «Ваше Высочество!», но такое показалось ему через чур официальным, да и сама Анастасия несколько раз возмущенно отвергала подобное обращение, вздернув губку: «Ну, вот еще!». И тогда он написал:

«Княжна Анастасия! Не имея возможности каждый день видеть Вас и говорить с Вами, я страдаю и остаюсь один на один со своими чувствами. Вы обратили на меня свой взор, сделав обыкновенного человека счастливейшим из всех, и я бы не хотел злоупотреблять Вашим вниманием ко мне, которое, возможно, для Вас ничего и не значит. Мои занятия и желание поскорее закончить подготовку не оставляют времени на праздные размышления, но Ваш образ всегда со мной, он в душе моей, и ничем уже теперь его оттуда не вынуть. Я передам Вам это письмо при встрече, и, если это позволительно, просил бы милостиво ответить мне письменно. Преданный Вам Бронислав Лячек».

Вопреки опасениям, Анастасия была в аллее одна, воспитательница сидела с книжкой в дальней беседке. Не доходя нескольких шагов, молодой человек остановился и чопорно поклонился даме. Княжна улыбнулась и тоже кивнула.

– Давайте будем гулять, сегодня такой воздух! Наши все ушли к пруду, смотрят, как садится лед. Вы должны ценить, что я отказалась от столь интересного зрелища ради встречи с вами. – Она кокетливо посмотрела на него.

– Благодарю вас, Ваше Высочество!

– Прекратите сию минуту! Я же разрешила называть меня по имени, тем более, когда мы одни. Я вас зову Боня, вы меня… Настей, так будет приличней. Меня домашние зовут неожиданно и мило – Стана, все буквы в имени местами переставили, получилось забавно, но это только для очень близких, вы не обижайтесь. А еще мы из первых букв своих имен составили коллективное имя для всех сестер: ОТМА – Ольга, Татьяна, Мария, Анастасия. Ну-с, довольно. Что еще интересного в эти дни случилось, расскажите, страсть люблю новости.

– Я был вместе с папой в гостях у Распутина.

– Вот как? Отчего такая честь? Что он вам сказал?

– Пригласил он потому, что заметил во мне какие-то способности, сказал, что берет меня к себе на воспитание и для развития этих способностей.

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

– А способности какие? Боня, не томите душу, у вас есть выдающиеся способности, а я об этом ничего не знаю! Это не честно!

– Право, не знаю, как сказать, Распутин видел меня всего мгновение, и сразу остановил карету, говорил со мной минуту, а вечером вызвал к себе. Понимаете, мне стали являться некоторые картины будущего, возможно, это бред, сон, фантазии, но Распутин настаивает.

– Вы согласились быть его учеником?

– Папенька категорически против. К тому же я готовлюсь в университет, мистика меня не интересует, я хотел бы основательно заняться русской историей и языками.

– Боня, я могу об этом рассказать сестрам или маме?

Бронислав смутился:

– Не уверен, Княжна, что это следует предавать огласке.

Она обрадовалась:

– Хорошо, пусть это будет нашей маленькой тайной.

– Княжна Анастасия!

– Настя!

– Княжна Настя!

– Вы неисправимы! Продолжайте, а то забудете, что хотели сказать.

– Как можно! Я многое хотел вам сказать, но доверился бумаге и передаю это письмо.

– Благодарю вас. Если сочту нужным, отвечу и пришлю лично вам прямо завтра. Чур, уговор: письма прятать как можно лучше, если сестры узнают о нашей переписке, я получу внушение. Мамочка очень строга к этому. Прощайте!

И она тихонько пошла в обратную сторону, предоставив ему несказанное счастье еще раз пройти по ее следам, оставленным на не совсем просохшей дорожке.

Молодой человек еще не мог знать тогда, какое чудесное, единственное в природе человека состояние переживает он, какие изумительные по чистоте и силе подсознательной памяти дни и ночи, ибо и ночами Она виделась ему светло и радостно, и отношения эти, и дневные редкие, и почти постоянные ночные, отличались от суетности и обыденности бытия, наполняли жизнь и сны похожими ощущениями непреходящего счастья. Бронислав три дня в неделю, когда удавалось видеть Княжну и говорить с нею, считал самыми главными в своей жизни, он нисколько не думал о завтрашнем, будучи безо всякого сомнения уверенным, что все выполнит, постигнет науки, заработает средства, сделает имя – все, чтобы быть достойным самой лучшей барышни на земле. Он помнил грустные слова Анастасии, что их удел – дожидаться во дворце своих принцев и сделать брак не результатом чувств, но инструментом политики, но он знал из европейской истории немало примеров, когда даже наследные принцы отказывались от короны во имя любви, и были счастливы. В его мечтаниях образ веселой шалуньи и несравненной красавицы был всегда рядом, и никакая фантазия не могла заставить его допустить, что все может быть иначе.

Мальчик-слуга принес ему на серебряном отцовском подносе пакет с царским вензелем:

– Пан, вам письмо от Ее Высочества, только что принесла из апартаментов ее фрейлина.

Бронислав вскрыл письмо:

«Боня, можете мною гордиться, я сама рассказала маме о нашем знакомстве, она строгая, но справедливая, и сестры мои, всегда буду им благодарна, отозвались о наших встречах в самых лучших тонах. Потому сегодня приглашаю вас к вечернему чаю, который имеет быть в

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

пять часов вечера. Будут сестры и наследник, я ему сказала о вас, он жаждет познакомиться. Анастасия».

Он забросил уроки и стал выбирать костюм для визита, мама была перепугана и все время подсказывала некоторые детали поведения за чаем. Едва дождавшись половины пятого, Бронислав пошел к парадному, но тут же был встречен незнакомой барышней чуть старше Анастасии:

– Простите, сударь, если вы пан Лячек, то мне приказано передать вам извинения Ее Высочества княжны Анастасии. Вас не могут принять, потому что в доме несчастье, мне разрешено сказать вам под секретом: неожиданно заболел цесаревич Алексей. Княжна завтра в одиннадцать будет в аллее. Извините, я спешу.

Удрученный Бронислав повернул было обратно, но мощный и хорошо знакомый голос остановил его:

– Паныч, я очень спешу к больному царевичу, обожди меня тут, ты мне крайнехонько нужен.

Распутин в холщовой крестьянской рубахе, широких шароварах и хромовых сапогах, домашний и деревенский, нелепо смотрелся в Царскосельской роскоши, но Бронислав понял, что его привезли таким, каким застали в квартире или в гостях. Странно, но старец не пугал молодого человека, в отличие от отца, он не видел ничего такого, что могло бы препятствовать их общению. Прошло более получаса, прежде чем Распутин появился в дверях:

– Иди сюда.

Бронислав поднялся по ступеням. Офицер охраны хотел было что-то сказать, но старец отвел его взмахом руки.

– Иди за мной.

Они прошли коридорами через две залы, Распутин отворил огромную дверь в довольно просто обставленную комнату.

– Здесь будем говорить, царица отвела мне этот угол на случай, если придется заночевать. Ну, тебе об этом знать не надобно. Так вот, милай мой. Ты, определенно, слышал, что я непростой человек, а Божий, мне многое дано, вот сейчас наследнику кровотечение остановил. Доктор Боткин не мог, а я сделал. Евгений Сергеевич ученый человек, а я крестьянин. Ну, довольно об этом. Тебе видения были, какие, скажи? Сон ли являлся или в сознании происходит?

– В сознании, но в болезни, а то и в огорчительных моментах.

– Что видишь, слышишь?

– Вижу лица, чаще знакомые, просто по портретам, слов не слышу, только мысли, то есть, знаю, что они знают.

– Вспомни один момент, к примеру.

– Видел канцлера Вильгельма, потом принца Франца-Фердинанда, потом стал знать, что принца убьют, и потому начнется война, нынешним летом.

Распутин вскочил и стал нервно ходить по комнате.

– Пан Распутин, не нужно этому придавать значение, я в тот день был в горячке, возможно, это бред.

– Если бы, паныч, если бы. Не могут одинаково бредить сразу несколько человек. Что еще видел, другие картины?

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

– Ничего существенного, в основном юношеские мечтания.

– Ах, как ты толково врешь! Хотя и на этом спасибо. Кто еще знает о твоих видениях?

– Только папенька.

– Скажи ему… А, впрочем, он и без того молчит, как камень. Потребуешься – найду сам. Беги домой, да хранит тебя Господь!

И он широким размашистым русским крестом осенил польского католика.

Анастасия еще раз прислала свою девушку, и Бронислав, наконец, отправился на чай. Анастасия встретила его на просторном крыльце, провела в малую столовую, где уже сидели и беседовали Ольга, Мария и Татьяна. Молодой человек поклонился, девушки привстали, приветствуя гостя, красивая и кокетливая Мария радушно улыбнулась:

– Бронислав, мы уже знакомы, так будьте проще, садитесь, теперь же подадут чай.

Анастасия села напротив гостя, спрашивала об учебе, о скорых экзаменах и тихонько о разговоре со старцем Григорием. Юноша столь же тихо отвечал ей через стол, и тихий этот, как бы полусекретный разговор, рассмешил сестер. Они встали, чтобы уходить, когда в залу вошла императрица в простом просторном платье, комнатных туфлях и с высокой прической. Бронислав вскочил и склонил голову:

– Мамочка, позволь тебе представить моего товарища Бронислава Лячека. Он с отцом прибыл из Варшавы, мы познакомились три месяца назад.

Александра Федоровна кивнула и попросила юношу сесть:

– Это о вас, точнее, с вами говорил старец Григорий Распутин?

– Да, Ваше Величество.

– Почему, скажите мне откровенно, вы не имеете желания сотрудничать, или как это лучше сказать, быть вместе со старцем? Поверьте, он очень многому мог бы вас научить.

– Конечно, Ваше Величество, но этому противится мой отец.

Царица недовольно повела головкой:

– В интересах Империи и Государя ваш отец должен это сделать. – И уже совсем тихо, чтобы не слышали дети, добавила: – Старец находит в вас некую силу, которую наши враги могут использовать против России. Попробуйте внушить это своему папе.

Она встала:

– Дети, продолжайте прием гостя, я заберу Ольгу, она нужна мне для работы.

Когда царица вышла, Бронислав почувствовал, как он ослаб, ноги дрожали, чашка с чаем прыгала в его руке. Анастасия весело смеялась:

– Бони, успокойтесь, я же говорила, что мама знает о вас, потому нет ничего предосудительного, что вы у меня на чае.

Они еще несколько времени болтали о пустяках, пока Бронислав не услышал удары больших напольных часов: пора уходить. Анастасия проводила его до дверей, он осторожно наклонился к ее руке, но так и не посмел коснуться.

Вечером отец был очень взволнован, ходил по комнатам в своем длинном цветном халате и возмущался всем: и вмешательством в его работу каких-то людей из Иностранной коллегии, и уже второму визиту этого грязного развратника Распутина, который непременно требует отдать ему сына на воспитание, хотя пан Лячек искренне не может понять, чему способен научить юношу безграмотный и бескультурный мужик, которого эти странные русские почитают почти за святого.

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

– Ты только подумай, дорогая Ядвига, сегодня он ворвался в мой кабинет, сбросил со стула пачку ценнейших бумаг времен Ивана Великого, и рухнул на него, едва не развалив. Ты знаешь, что он мне сказал? Ты никогда не догадаешься! Ему, якобы, известно, что я выкрещенный еврей уже в третьем поколении, и скрываю это, что он отнимет у нас сына, потому что в Брониславе есть некоторый талант, что вполне естественно, и тот талант зачем-то потребовался этому безумцу. Ты знаешь, он грозил отправить нас в Сибирь. Без сомнения, Распутин был нетрезв, но о Сибири он выразился достаточно уверенно. Меня это крайне волнует, Ядвига.

Жена пыталась его успокоить, что угрозы какого-то Распутина не могут иметь последствий для ученого, занимающегося изучением древних документов, а сына никто не может забрать без согласия отца и матери.

Но на другое утро в кабинет, где работал пан Лячек с помощниками, явился полицейский чин, вручил хозяину под расписку предписание Государя Императора в трехдневный срок отбыть в Тобольск для работы с документами, обнаруженными там в хранилищах Кремля.

– Но, Пресвятая Мария, тут еще столько дел, лишь самое начало! – заплакал пан Леопольд.

– Все будет опечатано и сдано на хранение, куда следует, это не ваша забота.

– Могу я узнать, чем вызвано столь срочное перемещение?

– Только не у меня, – важно сказал полицейский чин. – Я это предписание получил сегодня утром под строгим секретом. Трое суток, пан, я прослежу.

Бронислав был в смятении: уехать в Сибирь, так далеко от Анастасии, не иметь возможности видеть ее, слышать озорной и такой милый голос. Он вышел в парк, вошел в ту беседку, с которой и началось их знакомство, он был уверен, что она очень скоро придет сюда тоже. И она пришла, взволнованная, прямая:

– Бони, я все знаю от мамы, это старец внушил ей, что вы опасны, поскольку не желаете идти к нему в ученики. Мама настаивала, чтобы вас, в крайнем случае, отправили обратно в Варшаву, но старец был неумолим: подальше, в Сибирь! Вы же знаете, он оттуда родом, возможно, надеется там найти с вами общий язык. Бони, я буду писать вам письма.

– А я принес вам подарок, заказал давно, исполнили на прошлой неделе, но все как-то стеснялся. Вот.

И он подал ей хрустальный флакон в форме пышного букета фиалок, внутри бутонов которых виднелась крохотная пробочка. Княжна заплакала:

– Бони, как вы узнали, что фиалки – любимые мои духи?

– Ваше Высочество, запах фиалок всегда окружает вас, даже в моих снах.

– Бони, мы еще столь юны, что не можем говорить о чувствах. Но я верю, настанет время, когда мы скажем друг другу все. Напишите мне сразу по приезде. А флакон этот с моим поцелуем – (она прижала к губам хрустальные цветы) – храните как память обо мне. Уверяю вас, все будет хорошо.

– Княжна!

– Прекратите!

– Дорогая Княжна! Выслушайте меня и не думайте, что я сумасшедший. Мне дано это знание странным путем, и о нем стало известно Распутину. Скоро будет война, потом еще какие-то события, и потом ваш путь тоже лежит в Сибирь. Я не могу вам этого объяснить, но нас ждет большое горе. Знаю только, что увижу вас еще раз. Видимо, за это знание ваш старец и невзлюбил меня. Прощайте!

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

Он зарыдал и кинулся аллеей в сторону своего подъезда. Через два дня в мягком вагоне поезда под наблюдением молодого человека из полиции семья Лячеков отбыла на восток.

Тимоха Кузин после смерти отца, церковного старосты и уважаемого в селе человека, был принят обществом как хозяин, и мать его, крутая и властная женщина, терпеливо сносила все выходки сына.

– Ты пошто иконы не отдал комсомольцам, когда они приходили с религией бороться? – ворчала она. – Слышно, в самой Самаре с храмов кресты сбрасывают и иконы жгут прямо на паперти, а ты все поперек.

Тимохе шестнадцать лет, ростом не велик, грамоте обучен не особо важно, зиму в ликбез проходил, «рабы не мы, мы не рабы», плюнул, но расписаться мог. Зато отцовскую библию и другие книги читал еще по родительскому наущению, как-то стал просматривать Откровения и испугался: вот он, конец света, все сходится! В уезде, сказывают, демонстрация вольных женщин проходила на днях, впереди всех совершенно голая шла с плакатом «Бога нет, и стыд долой!».

– Иконы трогать не позволю, – ответил он матери. – И в колхоз ихний вступать не буду.

– Заберут все, злыдень!

– Мое все со мной останется, – ответил Тимоха.

Трое местных активистов пришли раненько, чуть свет, не стесняясь, прошли в передний угол, старший вынул из кармана дождевика тетрадку:

– В колхоз, стало быть, не подаешь? А сколько сеять будешь?

– Сколь Бог даст.

Трое засмеялись:

– Он даст!

– Открывай шире рот, чтобы не промазать.

– Двойным налогом будешь обложен, как единоличник. Это первое. Второе. Мельницу и кузницу мы у тебя реквизируем в пользу колхоза, нечего на народном несчастье рожу наедать.

«Про несчастье ты правильно сказал, хоть и другое имел в виду, а насчет рожи ошибся, кроме добрых слов от людей мало чего нажил батюшка мой», – подумал Тимоха.

Отец Павел Матвеич мастеровой был, углядит где какую новинку, смотришь, а он уж дома такое сообразил, и Тимка тут же, рядом, присматривается, перенимает. Кузницу давно поставили, и по хозяйству что сделать, и для соседей, лемеха к плугам ковать наловчился, зубья боронные, в журнале высмотрел рыхлитель земли, соорудил такой же под парную упряжку. Мельницу сделал от ручного привода, зато жернова из Самары привез, тонко мололи, хлеб славный получался. С самой осени ни дня мельница не стояла, все кто-нибудь с мешком-двумя приедет: «Матвеич, смелем?». «Отчего не смелешь, если крутить будешь?». За услугу с мешка котелочек зерна, так, для вида, названье одно, а не плата. Жена ворчала, а он посмеивался: «У нас своей пашенички полные амбары, эту пойди да курам вытряхни».

Ближе к обеду подъехали на подводе колхозники, по наряду, в глаза не глядят:

– Тимофей, откуль тут начинать, чтобы не нарушить?

– А с любого краю, все едино ничего у вас работать не будет.

– Что уж ты так?

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

– Потому как правда. Увезете и сложите костром, все так и сгинет. Колхоз, он и есть колхоз.

Отсеялся Кузин вовремя, пашню заборонил, в ночь хороший дождь прошел. Как только застучали капли по оконным стеклам, встал Тимофей перед иконой Николы Угодника и молился до самого рассвета. Почитал этого святого больше других, потому что в раннем детстве явился Никола Тимке и его дружку Ваське, они за гумнами овечек пасли. Зима была суровая, все корма кончились, вот и отправили их отцы на вытаявших бугорках посторожить овечек, может, хоть прошлогодней травкой попользуются. Овцы пасутся, а ребятишки на солнышке греются, и смотрят – мужчина идет со стороны оврагов, там и дорог-то никогда не было, да и не пройти, такие потоки талой воды несутся. А мужчина в фуфайке, на ногах ничего нет, и голова не покрыта. Проходит рядом, молчит, только один раз в их сторону посмотрел. Не по себе стало ребятишкам, собрали они овец и домой. Отец ворчит: «Какой мужчина вам показался? Кто в такую пору будет по степи бродить? Скажи лучше, что надоело, вот и пригнали овец».

А Тимошке страшно, он в дом вошел, кожушок скинул, а взгляд чужой чувствует, поднял глаза: «Господи, вот же кто был, Никола Угодник был на гумнах». Мать выскочила на крик и перенесла на лавку обмякшее тельце сына. Отец уже спокойнее с ним говорил: «Босиком по снегу шел? И без шапки? А как же ты по иконе узнал? Лысый? И взгляд? Ты с ним глазами встретился? Господь тебя благослови! Лежи, отдохни маленько».

Утром пришел колхозный нарядчик:

– Велено обоим с матерью да пару лошадей с боронами на сев.

– А мы отсеялись еще вчера, – с вызовом ответил Тимофей.

– Ты Ваньку-то не валяй, я про колхозный сев говорю. Там еще начать да кончить осталось.

– Скажи своему истукану, что мы не колхозники и на работу нас наряжать не надо.

– Какому истукану, ты чего мелешь?

– Истукан – это идол был у язычников до прихода Христа, ему поклонялись. В колхозе теперь свой истукан, но я крещеный православный христианин, и в другую веру не обращаюсь.

– Ну, Тимка, не миновать тебе ГПУ, если слова твои передам, благодари бога своего, что я ничего не понял, скажу только, что ты отказался.

Все лето чуть не каждый день наведывался Тимофей на свое поле. Пшеница взошла ровная и чистая, и раскустилась богато, и трубку выбросила. А когда колос стал наливаться, вовсе весело на душе стало: быть доброму урожаю!

В августе начали жать, мать вязала снопы, Тимофей составлял в суслоны, на гумно везти не торопился, потому что погода стояла сухая, зерно дозревало в колосе. Намолотили столько, сколь и при отце не бывало, глухой ночью Тимофей перевез десяток мешков домой, да не в амбар, а под крышу избушки на ограде, осторожно доски с фронтона снял, мешки поднял, старой соломой надежно укрыл и доски на место. Днем все зерно на гумнах в мешки ссыпал, одну подводу к колхозному амбару подвез. Председатель, присланный из Самары партийный счетовод овощной конторы, сосчитал мешки и усмехнулся:

– Не густо ты, Кузин, отгрузил родному колхозу.

– Сколько положено по квитанции, столько и привез. – Хотел добавить насчет родного колхоза, но воздержался.

Председатель открыл тетрадку, нашел нужную строку:

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

– Три десятины пшеницы, рожь, овес, просо. Так. С трех десятин ты не меньше трех сотен пудов намолотил, да поболе, у тебя хлеб хороший стоял. А сдаешь – десять мешков? Нет, не любишь ты советскую власть!

– Дак ведь и она меня не очень любит, гражданин председатель. Сказано товарищем Сталиным, что всякий человек волен жить так, как он хочет, а вы у меня мельницу разворотили, кузню сломали. Где они сейчас? У конюшни свалены в кучу.

Председатель поискал глазами кого-то, но не нашел, велел взвешивать и высыпать зерно.

– А про любовь мы с тобой еще поговорим. Ты у меня как чирей на заднице, все люди как люди, а он единоличник! Ты мне всю отчетность портишь, Кузин, и я тебе обещаю, что ты или в колхоз вступишь, или из села долой.

– Нет такого права! – Тимофей взорвался негодованием. – Нету! Продналог доведен государством – я его выполнил, и делу конец!

Председатель тоже закипел:

– Я буду определять, выполнил ты или нет, понял? Вот жду подмогу, должен подъехать уполномоченный, это специально для таких, как ты, создан партией орган, вот он и выдаст тебе квитанцию, чтобы ты от государства ни зернышка не закурковал!

Уполномоченный приехал вечером на паре вороных лошадей, с человеком в форме и при кобуре. Среди колхозников тоже оказались несознательные, которые помимо колхозной работы подсевали свои полюшки, они тоже облагались, как единоличники, но платить не хотели. С ними разобрались быстро, Тимофея уполномоченный посадил прямо пред собой, рядом бросил полевую сумку и кобуру:

– Почему вы, молодой человек, не хотите жить, как все советские люди, в колхоз не вступаете, от комсомола отказались, иконы, говорят, до сих пор в доме храните. Это правда?

– Да, гражданин начальник, все как есть.

– Вы меня правильно поймите, Тимофей Павлович, человек вы молодой, даже можно сказать – юный, а ведете себя как отчаянный контрреволюционер. Кстати, вы знаете, кто такой уполномоченный НКВД? Вот мы сейчас сидим с вами и мило ведем беседу. Я нахожу, что человек вы начитанный, хотя официального образования не имеете, с вашим знанием народа здешнего вы могли бы стать крупным политическим работником.

Тимофей мял в руках кепку.

– Я говорю с вами, как с равным, потому, что вы отличаетесь от всей этой серой массы. Но я могу сейчас же лишить вас жизни. Вот какая нынче острая политика.

– Я не интересуюсь политикой, тем более такой политикой, которая напрочь отрицает Христа, а я верующий человек, и таким останусь.

Уполномоченный очень удивился:

– Это кто же вам сказал, что мы отрицаем Иисуса нашего Христа? Это провокационная глупость неграмотного сектанта. Вы-то знаете десять заповедей, так я вам признаюсь, что коммунисты считают эту его установку чуть ли не своей программой в области морали. Да! Мы боремся с церковниками, которые извратили учение Христа и великую философию сделали догмой. Важна мораль, к которой призывал Иисус, а не завывания хора из десятка старух, чад от паникадила и просфорки в конце службы, а то еще и вино как кровь Христова. Согласитесь, что это чушь.

– Никогда не соглашусь, потому что причастие, которое вы высмеиваете, сам Господь совершил первым и нам заповедал. Как от этого можно отказаться?

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

– Я вам отвечу. Со временем. Не сразу, но можно. Вам, наверняка приходилось наблюдать, как младенца отлучают от груди. Время подошло, а он еще не понимает. Нужны дополнительные усилия, чтобы вызвать у младенца отвращение к тому, что вчера еще он считал самым важным. Теперь к делу. Мне рассказали о вашей мельнице, маслобойке и прочих изобретениях. Не стану вникать в детали, наверняка там не все совершенно, но сама способность мыслить уже заслуживает внимания. Продналог ваш оставим в покое, хотя у меня есть сведения, что вы сумели-таки припрятать от советской власти энное количество пудов. Ну-ну! Об этом никто не узнает, только мне интересно, за что вы не любите советскую власть? Ведь вы же ее совсем не знаете! Только за ее отрицание церкви?

Тимофей осмелел настолько, что уже не контролировал своих слов:

– За уничтожение крестьянина тоже не могу уважать. Как же можно согнать всех в одну артель и заставить работать не для будущего хлеба, а для крыжика в тетрадке у бригадира? Раньше тоже артельно работали, например, дома строили или другой подряд, но тогда люди собирались сами, по интересу, а не абы как. Если ты, к примеру, лодырь, кто тебя в артель возьмет? А в колхозе всем можно, и труженик, и лодырь – всем одна отметка в тетради. Думаете, после этого хлеб вырастет? Да ни в жисть! Уж коли вы про мои запасы знаете, до конца скажу, за все разом отвечать. Колхоз намолотил нынче едва ли по сорок пудов с десятины, а у меня чуть не сто обернулось. Отчего? Оттого, что свое, я жил в поле, а не по наряду ездил.

Уполномоченный внимательно осмотрел Тимофея: ростом мал, но кряжист, крепок, ум цепкий, прямота даже опасная. Надо прибрать его к рукам, такие ребята могут горы свернуть!

– Давайте так: управляйтесь с хозяйством и приезжайте в Самару после революционных праздников. Мы с вами спланируем всю дальнейшую жизнь. Согласны?

Тимофей промолчал.

– Ну, что ж, на первый раз и этого достаточно.

С матерью своею, которая уже успела смириться с судьбой и была готова жить, да и жила по новым законам власти, Тимофей своими думами не делился. Он запряг в легонький ходок резвую лошадку, которую еще отец Павел Матвеевич назвал Певуньей, и поехал к священнику Тихону, последнему оставшемуся в округе протоиерею, хорошему товарищу отца. Священник был в храме один, он вышел из алтаря настороженно, но, увидев знакомого, улыбнулся:

– Милости прошу в храм, сын мой, а я уж боялся, что одному придется служить последний молебен.

Тимофей встал на колени:

– Благослови, батюшка!

– Господь тебя благословил! Восстань, Тимофей, и начнем молиться, ибо к вечеру велено мне покинуть храм.

– И куда же вы?

– Об этом потом. «Миром Господу помолимся!» – воспел протоиерей и заплакал.

Тимофей несмело продолжил службу, и благодарный священник только через минуту смог присоединить свой голос. Так они вдвоем читали тексты Евангелья и пели псалмы и тропари. Окончив службу, наверное, самую краткую за всю трехвековую историю храма, они благословили друг друга, обошли все иконы, намоленные многими поколениями православных, каждой поклонились и к каждой приложились. Встав в алтарных дверях и не

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

посмевший войти в святая святых, Тимофей заметил, что нескольких икон нет на привычных местах.

– Я собрал самые старые иконы и в промасленной тряпице предал земле. Место я зарисовал, все думал, кому довериться, да вот тебя Господь послал. А теперь воспоем «вечную память» всем, кто молился в этом храме, и покинем его до прихода Антихристовых слуг. Я не смогу видеть, как они будут… – голос его задрожал, он заплакал и вышел на паперть, трижды встав на колени и опустив голову до затоптанных и давно не мытых плах церковного пола.

Во дворе дома священника они сели под навесом в плетеные ивовые кресла. Отец Тихон успокоился, но говорил только о храме:

– Иоан Четвертый после Казани повелел заложить этот храм Воздвиженья Креста Господня, тысячи народов молились здесь, и своих, и проезжающих в восточные сибирские края, кто по интересу, а кто и не по своей воле, но нога врага не ступала тут. И что же? Приходят вроде русские люди, крещеные, православные, заявляют, что Бога нет, потому церковь должна быть ликвидирована. Собрали всю позолоту и серебряную утварь, ну, да Бог бы с ней, пусть, коли нужна она голодающим людям. Но служить-то отчего нельзя? Нет, нельзя, сейчас вера будет другая. Мне показывали портрет их нового бога, так это же сатана, воистину сатана! Троцкий фамилия, но, слышал, что он из евреев, Бронштейн. Если так, то они православие вырвут с корнем, они давно к нему тянулись, но Государь охранял церковь Христову. Так они сначала Государя убрали, а теперь до веры дорвались. Попов, говорит, будем вешать, – сказал он безразлично. – Видно, все на круги своя, и нам предстоит пройти путь мучений Господних.

– А дочки ваши как же?

– Отправил в Самару, к сестре своей Апросинье, она скромно живет, возможно, не тронут. А тебя ко мне что гонит?

Тимофей рассказал о встрече с большим начальником и о его предложении ехать учиться, предположил, что единолично жить ему не дадут, а в колхоз идти противно духу.

– Мать-то проживет без тебя?

– Там еще сестра, проживут, они и в колхоз готовы, да и хлеба я приберег малость.

– Тогда надо тебе уходить как можно дальше. Сначала учебой заманят, потом властью искушение сделают, богатством. Можешь не устоять и продашь душу свою, прости меня, Господи!

Совсем опечалился Тимофей, но он шел за советом и получил его.

– Куда же податься, отец Тихон?

– В Сибирь надо идти, там места глухие, да и народ другой, возможно, судьба повернется. Я все время от староверов вести имел, Епархия мои сношения с раскольниками не одобряла, но мне любы были их убеждения и твердость достойная, потому я списывался и многое знал. До последнего времени большими общинами в таежных краях жили, властям неведомые. Вот к ним бы тебе пристать!

– Как можно, отец Тихон, ведь ересь учение их!

– Глупо сказано, а ты повторил. Учение их чисто Христово, это мы отступники, убоялись всенощного бдения, разом служим и вечернюю, и заутреннюю, за животом идем, а не за верой. Ну, довольно, теперь и об этом говорить уже поздно. В Сибирь, сын мой, там спасение.

– А вы?

– А за мной вот уже и легионеры!

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

На телеге подъехали трое милиционеров.

– Гражданин Анохин? А вы кто? У нас ордер только на одного.

– Это случайный прохожий, зашел водицы испить.

– Небось, святой, – хохотнул рябой конвоир.

– А ныне в России всякая вода святая, – негромко произнес отец Тихон. – Прощай, сын мой Тимофей. Да, виденье то, что при батюшке Павле Матвеевиче поведал, храни в сердце своем, оно тебя еще и спасет и призовет.

– Э-э-э, да парень этот тоже, видать, не простой, может, и его прихватим?

– Сказано же тебе, что ордер на одного, вот одного и вези. А ты готов всю деревню разом пересажать, – лениво ответил старший.

– Всех их надо к ногтю, всех, одна это шайка-лейка, – брызгал слюной рябой.

Тимофей подошел к священнику. Он уже разоблачился, ряса и крест лежали в телеге, на отце Тихоне была простая фуфайка.

– Благословите, Отче!

– Господь с тобой!

Телега загрохотала по замерзающей уже земле.

Дома он собрал мешок с пожитками и двумя булками уже подсушенного хлеба, помолился перед иконой Николая Чудотворца, матери сказал:

– У властей я бумагу взял, что в город подался, а где окажусь – сам не знаю. Писать буду редко. Тятину могилку не забывайте.

– А мы как же? – всхлипнула сестра.

– Пишитесь в колхоз, так и скажите, что брат бросил, жить чем-то надо. Вас примут, весь инвентарь в исправности, пара лошадей, примут. Худо-бедно – прокормитесь, а там видно будет.

Поклонившись матери в пояс, он еще до рассвета подался в сторону станции, в «телятнике» больше молчал, прислушивался, из всех мужиков выделил двух бородачей, видно, братьев, держались они степенно и с достоинством, в мешках острый Тимкин глаз заметил плотницкий инструмент.

– Отцы честные, не подскажете ли, где сыскать мне работу, чтобы по силам и семью прокормить. Мать у меня осталась в деревне.

– А ты отчего из деревни махнул?

Тимофей наклонился к ним поближе:

– В колхоз не хочу, вера не позволяет. А единолично жить не дают.

– Ты каких краев? – поинтересовался старший.

– Самарский.

– А что робить можешь? – младший спросил.

– По хозяйству все могу, а настоящему делу не обучен, отец рано помер.

– Топор из рук не выпадат?

– Нет! С топором мы в товарищах.

– Вот что, – подытожил старший. – Меня зовут Трифоном, а его Агафоном, мы из-за Москвы, едем по вызову в Екатеринбург, Свердловск по-нынешнему, рубить больницу в районе. Могу взять, но условия у меня суровые: ни мата, ни водки, работа от темна до темна, потому что больница большая, а сдать надо к осени. Оплатой не обижу, включу в договор, если документы в порядке.

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

Тимофей кивнул.

– Тогда спи пока, я перед станцией подниму.

Тимофей свернулся калачиком под нарами и уснул. Ему снилась длинная и чистая дорога в березовом лесу, он шел по ней с незнакомым мужчиной и говорил о светлом. Солнце в верхушках берез разбивалось вдребезги и осыпало их звездами своих осколков. Сбоку на дорогу вышел мужчина в фуфайке, с непокрытой лысой головой и босой. Тимка остановился: «Это Никола Угодник, я хочу ему поклониться». Он упал на колени и трижды прочитал «Отче наш». Когда поднял голову, никого рядом не было, а дорога впереди виделась ухабистой и размытой дождями.

– Топор ты держишь правильно, а удара настоящего нет. Погляди, тебе следует чашку угловую вырубить, это с четверть надо выбрать. Я ударяю по три раза с каждой стороны, ты долбишь, как дятел, слушать тошно, не то, что глядеть. – Трифон не ворчал, не ругался, он учил. – Ты в кузнице бывал?

– Конечно!

– Видал, как кузнецы работают: у них на каждый удар расчет, потому что попусту махать молотом накладно, к вечеру падешь, а сделанного нету. И у нас так. Силу в топор вкладывай, когда опускать начал, пока он летит, пусть рука отдохнет. Понял?

Тимофей легко осваивал новую работу, Трифон с Агафоном его хвалили, но он сильно уставал, и, когда работа заканчивалась (Трифон кричал: «Точи топоры к завтрашнему дню!»), Тимофей уходил в старый больничный пристрой, где обитала бригада, мылся холодной водой из бочки, наскоро ужинал и молился. За упокой души отца своего раба Божьего Павла, за здоровье матери и сестры и всех родственников, просил Николая Угодника дать ему сил отработать этот подряд. Засыпал сразу, но и вставал, как только поднимались старшие.

Когда стали ставить сруб на мох, пригласили сельских девчонок мох раскладывать по пазам. Одна шустренькая, Нюркой зовут подружки, все к Тимке жмется, где он, там и она с охапкой мха. Вечером Агафон шепнул ему:

– Ты чего это от девки бежишь? Гляди, вон она, в роще, тебя поджидает. Иди, я Трифону не проболтаюсь.

– Нет, дядя Агафон, не пойду. Жениться мне еще нельзя, ни дома, ни хозяйства, а просто так – грех это, блуд.

– А я бы сблудил, – вздохнул Агафон, – да брательник тоже больно правильный, он и бабе жаловаться не будет, сам всыплет.

– Верующий брат-то?

– Староверы мы, двоедане, ну, это по-старому, теперь уж отходит эта мода, а брат чуть что – в рыло. Я-то не особо верующий, а этот – того и гляди, крылышки вырастут.

– Не богохульствуй, дядя Агафон, грех это.

Агафон махнул рукой:

– У вас с братом все грех, а я как гляну на девчонок, когда у них подолы ветром приподнимет, в глазах темно. Твоя-то рыженькая вся в соку, наклонится за мохом, груди того и гляди из кофточки выпадут, а сзади и смотреть больно.

– Все, дядя Агафон, сил нет ваши искушения слушать. Тот уж грешник, кто согрешил в сердце своем. А вы совсем погрязли в грязных мыслях.

Агафон вздохнул и собрался уходить, только Тимофей заметил, что тот не в пристройку направился, а к лесочку, где между берез прогуливалась Нюрка. Он и сам видел, что ладная

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

девка, что к нему льнет, и охота было схватить ее в охапку, обнять и потискать, только боязнь греха держала его. Он прилег в своем закутке и сразу уснул, даже сон видел, что лежит дома на теплой печке, а мать подтыкает одеяло под бок, чтобы не поддувало. Очнулся, потому что кто-то рот ему перекрыл, сперва ничего не понял, а вырвавшись из объятий, Нюрку узнал, обняла она его крепко и целовала тоже крепко, и совсем голенькая была:

– Тима, чего ты меня сторонишься? Я ведь не пройда какая, я честная, полюбился ты мне, а дядя Агафон научил.

Тимофей уже ничего не понимал. Они были счастливо молоды и неопытны.

Лето приближалось к сентябрю, на стройке все чаще появлялся заведующий больницей Василий Алексеевич. Трифон доложил начальнику:

– Завтра к обеду будем первую матицу подымать да укладывать, надо бы на кухню пирог рыбный заказать, такой обычай.

Заведующий кивнул:

– Закажем, и про обычай знаю, сам приду и спирта по этому случаю выпишу.

Трифон возразил:

– Спирта не надо, больным его оставьте, мы люди непьющие.

– Совсем, что ли? – удивился Василий Алексеевич.

– Навовсе. Вера не позволяет.

– Так вы не христиане разве?

– Самые что ни на есть настоящие православные, только старой веры, – сурово ответил Трифон и стал работать топором.

Толстое бревно, аккуратно обтесанное под квадрат, было готово к подъему. С торцовой стороны здания положили поката, ровные длинные слеги, пропустили под матку три прочных веревки, с краев и посередине, одни концы закрепили наверху, за другие приготовились тянуть. По такому случаю пригласили больничных рабочих – одним тут не справиться. По команде Трифона трое наверху потянули веревки и трое внизу помогали им, дружно упираясь в матку крепкими жердями. Тяжелая матка со скрипом продвигалась по лагам, Трифон монотонно давал отчеты:

– Три, четыре – пошла, перехватились, три, четыре – пошла.

Когда матку водрузили в подготовленное место, Тимку направили по ней привязать посередине пирог, завернутый в чистый бабий платок. С другой стороны к Тимке вышел Трифон с топором, внизу уже проинструктированный стоял Василий Алексеевич.

– Готов, Лексеич? – и Трифон ударил по веревочкам, пирог камнем полетел прямо в руки заведующего. Раздался гул одобрения, народу собралось много, все-таки событие, да и про спирт слух прошел. Пирог разрезали, каждому досталось по кусочку. Трифон первым вытер губы и поднялся:

– С великой нас всех работой, благодарность и за помощь, и за соблюдение обычая русского. А теперича пошли паужинать.

После сдачи больничного корпуса заведующий выдал работникам полный расчет и еще по рабочему костюму, сапогам и фуфайке. Тимофей таких денег вовек не держал в руках. Трифон научил:

– Попроси Нюру, пусть мешочек сошьет и к рубахе тебе под мышки приторочит, иначе улизнут твои денежки.

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

Вечером Василий Алексеевич пригласил всех на ужин в больничной кухне, пообещал, что спиртного не будет. Благодарил за работу и предлагал остаться:

– На первое время работу вам найду, пока лес подвезут, а потом опять будем новый корпус делать. Соглашайтесь, расценка хорошая, добьюсь в райфо, чтобы разрешили премиальные в договор включить? А? Соглашайтесь, мужики.

За всех ответил Трифон:

– Спасибо тебе на добром слове, Лексеевич, хороший ты человек, только оставаться нам никак нельзя, семьи у нас дома, детки. Вот Тимофей вполне может остаться, он человек свободный. Его пристройте, а весной, Бог даст, мы подъедем, если все сложится.

– Тогда и я тоже до весны, дядя Трифон, дома мать с сестрой, пишут, что неладно в колхозишке-то.

Заведующий пообещал завтра подводу дать до станции, Агафон с Трифоном пошли спать, к Тимошке пришла Анна.

– Ну, и что ты плачешь, дуреха? Как же я домой-то не поеду, подумай сама. А тебя пока взять не смогу, потому сам не определен, как жить стану – неизвестно.

– Бросишь меня, ни девка, ни баба, ни мужняя жена. Я тяте сказала, будто замуж меня возьмешь, а то он убил бы, что хожу к тебе ночами.

Тимофею жалко было оставлять Нюрку, свыкся он с ней, да и девка она хорошая, добрая.

– Грех мы с тобой сделали, Нюра, Бог не простит. Не венчаны в постелю упали, как муж с женой.

– И что из того? – грозно спросила Нюрка.

– А то, что грех, молиться надо.

– Ишь, как ты заговорил! Чтой-то я не помню, чтоб ты молился, когда за груди меня ухватил и лобызал, как теленок. Аль забыл? И почему твой Бог тогда тебя дрючком не дернул, чтобы ты охолонул?

– Дьявол, Анна, по пятам ходит, все норовит в грех ввести. Человек слаб.

– Дак вы еще пополам с дьяволом со мной игры под одеялом устраивали? Ну, Тима, не думала я, что ты такой злой да хитрющий, и хорошо, что не позвал к себе в деревню, а то всю жизнь каялась бы, что с недобрым человеком связалась.

Тимофей понял, что лишнего наговорил. Он уже молился за свой грех, вот только на исповедь сходить некуда, до ближайшей церкви день езды. «Сатана подсунул мне Нюрку, и не устоял. Слаба вера, вот и впал во искушение. За зиму отмолю», – успокаивал он себя после первой ночи, но потом Нюра приходила снова, и Тимофей забывал о своем раскаянии.

Возвращался Арсений с лесозаготовок сильно физически окрепший и возмужавший, тайга его не вымотала, потому что все-таки не за комель бревно брал, а за вершинку, она полегче, – так шутили в тайге... Он был хорошо одет, в кармане шерстяного пиджака лежали заработанные деньги. Купил билет до Ишима, больше некуда ехать, кроме Лидочки Чернухиной, чьим братом все это время существовал, пока чекисты отлавливали, кто хоть какое-то отношение имел к старому режиму.

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

О расправе над царской семьей узнал от приехавшего из Екатеринбурга инженера Игумнова, тот не первый раз бывал на производстве и приметил толкового паренька из рабочих.

– Сообщили, что расстреляли только Николая Александровича, но это чушь, убили всех.

– Как же всех!? За что? Стану за что? Неправда! Это подлая фальшивка, ложь, эта власть может только лгать, лгать…

Он задохнулся и рухнул ничком, ударившись лицом о землю. Инженер напугался и неожиданных выкриков вдруг разгорячившегося молодого человека, и внезапного обморока. Игумнов крикнул людей, Арсения унесли в лазарет, трое суток он был без сознания, спокойный доктор назвал это шоком и сказал, что лечить нечем, само должно пройти, организм молодой.

– А причина в чем? – спросил он Игумнова.

Инженер соврал, что молодая жена у парня при родах померла.

Через неделю Чернухина отправили на работу, потому что встала шпалорезка, и никто, кроме него, не мог разобраться. Арсений нашел причину поломки, сказал слесарям, что надо разбирать и прилег на прохладных ровных шпалах.

Слесари, присланные из вагонного депо, привычно копались в машине и переговаривались. Арсений дремал, но слово «царевна» подняло его.

– Вот кум и говорит, что младшенькая царевна, не знаю имя, сбежала.

– Да ну, враки это, куда там сбежишь, когда кругом солдаты?

– Ну, не знаю, за что купил, за то и продаю. Только кум сказал еще, что по всему городу тревога, и поезда обыскивают. Значит, было дело, не без того…

Арсений с трудом удержался от вопросов, он и без того верил, что Стана, проворная и решительная, действительно могла обмануть охрану и скрыться. Почерневшая от горя его душа снова освятилась любимым образом, и жизнь обрела смысл, и до встречи с Анастасией, казалось, остались только мгновения, так долго он ее ждал.

В станционном ресторане за соседним столиком заметил мужчину, и странное дело: само лицо никого не напоминало, а вот профиль… профиль Арсений узнал, он принадлежал офицеру охраны Его Императорского Величества, именно тому офицеру по фамилии Урманский, который неоднократно перекрывал ему доступ в апартаменты Их Высочеств, когда он приходил по приглашению Княжны, а девушка из покоев еще не успевала выйти для встречи. Взволнованный Арсений не знал, что делать: подходить небезопасно, неизвестно, кем сегодня состоит при власти этот по-деловому одетый и чисто выбритый гражданин; с другой стороны, если и признает, что маловероятно, едва ли заговорит всерьез. Наконец, Арсений решился и сел напротив Урманского:

– Простите, милостивый государь, чтобы не вызывать ваших сомнений, напомню о себе сразу: в четырнадцатом году вы неоднажды преграждали путь во внутренние покои одного из важных зданий под Петербургом молодому человеку, почти мальчику. Это был я. Тогда фамилия моя была Лячек, отец привез нашу семью из Варшавы. А потом спасала меня от вашей бдительности прислуга молодой особы по имени Анастасия.

Урманский побледнел, но быстро взял себя в руки:

– Всего, что вы тут наговорили, достаточно, чтобы поставить нас обоих к ближайшей стенке. Прошло столько лет, как вы меня узнали? И кто вы сегодня, если не Лячек?

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

– Моя новая фамилия нужна была, чтобы спастись, но не это главное. Умоляю, хоть что-нибудь сверх того, что писали газеты о гибели фамилии. Хоть что-нибудь!

– Черт побери, как вы меня признали? Я же изменил лицо!

– Но остался профиль, который почему-то запомнился мне больше. Не беспокойтесь, я не стану вас тревожить и не буду больше спрашивать, если вы скажете мне хоть что-нибудь.

– Ищите за городом место «Ганина яма», их тела, прости Господи! сбросили в шахту. Это все. И будьте осторожны, там могут быть агенты. А теперь прощайте. Хотя нет, где вас можно найти при случае?

– Не могу точно сказать, еду в Ишим, но сколько там буду – неведомо, надо искать подходящее место.

– В первое воскресенье июня, в полдень, можете быть здесь, в открытой пивнушке за вокзалом? Это крайне важно.

– Буду.

– Прощайте. До встречи.

Арсений вышел из вокзала, прошел площадь, около часа пешком шагал в случайно выбранном направлении, наконец, остановил бойкого мужичка на доброй лошадке:

– Отец, сколько возьмешь до «Ганиной ямы»?

Мужик утратил веселость, подстраховался:

– «Четыре братца»? Туда без особой нужды не ездят. Вам какая потребность?

– Служебная. По тайному сыску я. Документ предъявить?

– Да мы что, не люди, что ли, и без того видать, что по делу человек, а не просто из любопытства.

– Что же любопытного в тех местах? И почему мне назвали «Ганиной ямой», а вы о «братцах»?

– Да как вам сказать? Когда-то четыре больших сосны там росли, вот и братья. А еще говорят, царя с семьей там в шахту спустили в восемнадцатом, да кто знает?

– Значит, довезешь?

Сухая погода спасла дорогу от канав и колдобин, ехали молча, Арсений прилег на раскинутый войлок, подложив котомку под голову. Ни о чем не думалось, точнее, он боялся думать. Это первая встреча с нею неживою. Он вспоминал ее лицо за чайным столом, в летней аллее, в тамбуре вагона и в окне губернаторского дома в Тобольске. Картины менялись, она улыбалась, грозила пальчиком, печально махала ручкой. Появилась просторная поляна в сосновом лесу, грязная, запущенная, с таинственной ямой посредине, контуры часовни возникли и исчезли, а потом Стана оказалась совсем рядом, и «Меня здесь не ищи» – странная фраза возникла в сознании. Арсений сел. Солнце стояло в зените.

– Еще не скоро? – спросил возницу.

– Да почти что….

Мужик остановился прямо посреди дороги.

– Отсюда пожалуйте пешком, нежелательно мне там появляться, вмиг попадешь в списки.

Арсений подал ему деньги:

– Подождите часа два. Если не будет меня, уезжайте. Но подождите. За обратный путь плачу вдвое.

Он пошел указанной тропинкой. Поляна открылась неожиданно быстро, людей не было, хотя трава примята изрядно. Заметил несколько огарков свечей. Грубыми сосновыми жердями

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

на необтесанных столбах огорожено жерло колодца или шахты. Арсений подошел ближе и положил голову на пахнущее смолой дерево изгороди. Кладбищенская тишина. Одинокий комар прозвенел над ухом и скрылся. «Меня здесь не ищи!» – что это: ее указание или фантазия воспаленного мозга? Если не здесь, то где же?

«Стана, милая девочка, дай знать, если ты тут, я навсегда останусь рядом. Дай знать».

Он обошел изгородь по кругу и остановился перед неожиданной россыпью лесных фиалок, ноги подкосились, он почти без памяти встал на колени перед любимыми цветами Княжны. Опустившись лицом в траву, он несколько минут молча прислушивался к себе – нет, ничего не шепнула ему Анастасия. Стоя на коленях, вытер платком лицо и вздрогнул: фиалок не было! Осторожно осмотрелся – ни одного цветка. «Я должен был сорвать хотя бы одну былинку, или это было видение? Если так, то действительно она дает знать, что тут ее нет. Жива?».

Арсений встал, поправил одежду и поклонился огороженному месту. Странно, но у него так и не возникло чувства, что он кланяется праху дорогих ему людей. Стараясь не думать об этом, он пошел в сторону ожидавшей его подводы.

– Остановись, сынок! – услышал он слабый женский голос. – Прости меня, я все время за тобой наблюдаю, так и промолчала бы, да что-то тебя мучает.

Арсений только теперь заметил маленькую сухонькую женщину, одетую монашкой, довольно старую.

– Не грешно ли созерцать чужие страсти? – спросил он.

– Нет, сын мой, если бескорыстно. Я тут рядом живу в землянке, молюсь за безвинно убиенных царя, царицу и детушек их.

– Вы их знали?

– Конечно! Но не видела никогда, слышала только, что младшенькая царевна, Настасья, Божественным промыслом спасена была и теперь жива.

Арсений поднялся над чахлыми сосновыми порослями, над зловещей ямой, ему виделся Царскосельский парк и маленькая девочка в простенькой шубке, бросающая в него снежки. «Господи, ты услышал меня, прости, я много раз был несправедлив, обвиняя тебя в бессердечности. Прости меня, за Анастасию я всю жизнь буду молиться и бояться тебя». Он с трудом пришел в себя, счастливый и плачущий, подхватил монашку на руки, рыдал и смеялся, еще ничего до конца не понимая:

– Где она сейчас? Почему вы знаете, что она спаслась? Как найти?

– Опусти меня на грешную землю, – попросила старушка. – Негоже монашке в мои лета мужские руки ощущать. А слух такой, что жива она осталась волей Божией и спасается в монастыре.

– Где, в каком?

– А кто ты будешь, мил человек, чтобы все тебе выложить? Может, ты из органов да по ее душу?

– Бог с вами, матушка, я знал ее девочкой в четырнадцатом году, потом мы расстались и виделись только на мгновение в восемнадцатом в Тобольске и в Тюмени.

– Перекрестись!

– Нет, матушка, креститься пока не стану, с Господом у нас особые отношения, но честью своей клянусь, что говорю правду.

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

– Поверю. Поезжай в Долматовский монастырь, его тоже разогнали, но несколько монашек спасаются, спросишь среди них матушку Евлоху, должно быть, жива еще. Она знает. А теперь ступай.

Ишим показался ему нищим и грязным, он прошел от вокзала узкой и разбитой улицей к дому Лидочки Чернухиной, сестры и жены. Она так испугалась его появления, что даже слова вымолвить не смогла. Девочка лет пяти сидела в углу комнаты и играла тряпичными куклами. Он поднял ее на руки:

– Как зовут тебя, дочь моя? Знаю, что дочка у меня есть, а имени не знаю. Ну, как же имя твое?

– Анастасия.

Арсений пошатнулся, дыхание смешалось, сердце стучалось наружу в самом горлышке. Он нащупал табуретку и тяжело сел. Лида испугалась:

– Что, Арсюша, не нравится имя тебе? Так сам же сказал.

– Когда? Что ты несешь, когда я мог тебе это сказать, ежели мы не виделись более пяти лет? – он с ужасом поднял на нее глаза. Лида, испуганная, села перед ним на корточки, заботливо заглянула в глаза.

– Во сне мне явился и сказал, чтобы дочку назвала Анастасией.

Арсений огляделся:

– Где мама?

– Схоронила прошлым летом, неделю только и похворала. Деньги мне твой человек приносил, но я не тратила много, тебя ждала. А разве письма через него нельзя было передать?

– Нельзя. – Он сказал это слишком строго, смутился, поправился: – Нельзя, Лида, письмо – не деньги, его ничем не оправдать в случае чего.

Она пожарила ему картошку на керосинке, все лепетала что-то, а Арсений держал на коленях девочку с любимым именем, родную кровь свою, но отцовское чувство не проклюнулось еще в глубинах истерзанной души.

– Ты мой папа?

– Конечно, Настасьюшка, это твой папа. Только, Арсюша, может, лучше тятей называть? Папа – это по-вашему, а мы же… из простых.

– Не знаю, решай сама.

– А где он был? – не унималась девочка.

– Далеко. Денежки нам с тобой зарабатывал. Арсюша, я тебе принесу деньги-то, они у меня прибраны.

Он впервые за много лет лежал под мягким одеялом рядом с молодой и красивой женщиной, матерью его дочери. В том он нисколько не сомневался, потому что тихонько осмотрел головку ребенка и за левым ушком нашел, что искал: большую родинку, сопровождавшую всех представителей рода Лячеков уже много веков. Не знавший женской ласки, он порой находил поступки и слова Лиды вульгарными и пошлыми, но теперь это была его жизнь, и надо было к ней привыкать. Странно, но он не испытывал ревности, хотя более четырех лет молодая женщина жила одна, без мужа, да и тот энкаведешник, наверняка не сразу от нее отстал, тем более, что братец скрылся так неожиданно. Об этом не думалось, даже если и был кто-то у Лиды, она имела на это право, потому что он, муж и отец их ребенка, был неизвестно где. Она имела право, а он не мог ее ни в чем упрекнуть.

Утром сказал, что завтра уедет на неделю, потом вернется и устроится на работу.

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

– Все будет хорошо, правда, Анастасия?

Он заглядывал в ее лицо и видел то, другое, это так сильно пугало его, что девочка дважды принималась плакать. Часть денег из привезенных с лесозаготовок он попросил Лиду хорошенько прибрать, с собой взял самую малую сумму.

– Арсюша, как с документами-то быть? Мы же не брат с сестрой, да и теперь все увидят, что семья. Может, уехать куда?

– Куда? – тоскливо переспросил Арсений. Как он мог сказать ей, что живет только крохотной надеждой, даже иллюзией, и все остальное для него за пределами жизни. – Дай мне неделю сроку, потом займусь семейными делами.

В Долматовском монастыре, до которого добирался несколько суток, его приняли при входе три монашки очень настороженно, а когда спросил о матушке Евлохе, старушки и вовсе закрестились:

– Слаба телесно стала настоятельница, – проплакала одна из них. – Ты бы, мил человек, сказал, по какому делу к ней, и кто ты есть, и откуда про матушку узнал? Без того не можем доложить, слаба она.

Арсений рассказал все, что касалось Анастасии, умолчав о смене имени и почти нелегальном своем положении. Он заметил, что более всего подействовало упоминание о монашке у Ганиной Ямы, похоже, старушки знали о ней:

– Жива еще? – удивилась старшая. – Когда ты ее видел?

– Неделю назад.

– Ишь ты, жива! Молитесь о ней, сестры! Посиди тут, я дойду до матушки, потом позову, если Бог даст.

Настоятельница приняла его в своей келье. Она сидела на жестком топчане, накрытом суконным солдатским одеялом, два грубо сработанных табурета и маленький стол чуть в стороне, в углу и на стенах старые закопченные иконы, перед Спасителем горит лампадка. Арсений поклонился матушке в пояс и поздоровался.

– Бога, стало быть, не признаешь и лба не крестишь? – скрипучим голосом констатировала монашка.

– Простите, матушка, веры нет, а обманывать не могу.

– И то хорошо. Что сказала тебе сестра наша при могиле невинно убиенного семейства Государева?

– Сказала, что Ее Высочество Анастасия Николаевна чудом осталась жива и обитает где-то в монастыре, а где точно, про то у вас велено было спросить.

– Это как же ты смог в душу ее войти, коли она крест целовала о святой тайне?

– Не знаю, матушка, наверно, горе мое ее убедило, что надо помочь.

– Пусть так. Молиться будем за отступление ее от слова клятвенного. Сестры пересказали мне твое бытие, только скажи: откуда у тебя сама мысль родилась о чуде спасения Княжны? А если все погибли, и ты упокоенную на небесах уж много лет на земле ищешь?

Арсений зарыдал, опустившись на корточки и закрыв лицо руками:

– Матушка, я и сам думаю, будь я уверен, что она погибла – мне бы легче стало, я бы немедля к ней ушел. С такой мыслью и Яму эту искал, с такой думкой и плакал на безобразной той ограде святого места. Но с детских лет была у меня странность: знать о событиях за много времени вперед, за это меня Распутин хотел к себе взять, а папенька возмутился, вот тогда-то и отправили нас в Сибирь. Я после ареста родителей вообще никому

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

не говорил о своих предвидениях, в народ ушел, пытался семью завести, да эта власть все приломала, я даже ребенка своего принять не могу, потому что жена моя по документам сестра, чем и спасли меня, когда в тифу лежал. На днях к Ганиной Яме на подводе ехал, прилег и не уснул даже, как родной голосок ее услышал: «Не ищи меня тут, нет меня здесь». Я понимаю, что эта способность дана мне свыше, и голос этот не мог быть случайным, это она говорила мне. Значит, жива, я верю в это, а коли так – найду ее.

Настоятельница сидела на своем ложе, сложив большие руки на коленях и шепча молитву. Арсений трепетно молчал. Наконец, она открыла глаза:

– Скажу сестрам, чтобы накормили тебя и в дорогу дали чего. А пойдешь ты, раб Божий, в Чусовскую обитель, я там жила когда-то, только нынче разорено все, сказывают, осталась одна пристройка, там и обитает Княжна под именем сестры Марии, так она назвалась сама. Об истинном ее лице знают только немного человек, ты должен будешь ей записку передать с обозначением себя и ваших отношений, тогда она выйдет к тебе. А ежели обман – грех на тебя падет и на весь род твой!

Арсений все еще стоял на коленях, молча поклонился старухе до самых сухих ног ее, поднялся, спросил:

– Что я могу сделать для вас, скажите?

Монашка засмеялась дребезжащим смехом, потом с улыбкой перекрестила свой беззубый рот:

– Да чем же ты, невера, погрязший в земных делах, можешь помочь нам, кто всякое мгновение рядом с Господом? Молись, в этом спасение.

– Спасибо вам, но мое спасение найти ее, без нее не буду жить, не могу.

– Обожди. Дьявол за тобой по пятам ходит, грешные мысли внушает. Сам лишишь себя – Господь не примет душу, тогда и там, на том свете, не встретишь ее. Молись, ибо в Боге сила! Иди!

Он вышел за ворота монастыря и только тут вспомнил, что не спросил, где же находится Чусовская обитель.

«Ничего, найду сам» – и зашагал в сторону тракта.

Небо подернуто обрывками туч, неяркое солнце изредка прорывается в прорехи между тучами, разгоняя земной сумрак и веселя природу. Арсений шел, уверенный, что его ждет удача, что в скромной монашке с полузакрытым лицом он узнает ту, которая вот уже десять лет живет в его душе и в его измученном сердце.

В назначенное время, в воскресенье, он был в условленном месте, полковник Урманский и еще двое мужчин в простых костюмах, ничем не отличающиеся от публики выходного дня, сидели за столиком и пили пиво. Арсений подошел со своей кружкой, для конспирации поискал глазами свободное место и шагнул к нужному столику:

– Позволите, граждане?

– Вы бы еще сказали «господа». «Позвольте!». Теперь так никто не говорит, теперь говорят: а ну-ка, подвинься!

– Перестаньте ёрничать, Евстафий Евграфович, совсем смутили молодого человека. Арсений, я не буду называть вас по отчеству, понимая, что оно тоже вымышлено. Мы пришли на встречу с вами с единственной целью: определиться, с нами вы или вне нашего движения. Мы, группа русских офицеров, оставшихся в России не по своей воле, здесь, на Урале, готовим переворот, едва ли надо говорить, что подобные группы действуют во всех

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

губерниях. Нам нужны преданные люди. Если вы готовы служить России, включайтесь в работу.

Арсений с недоумением смотрел на пожилых уже людей, нехотя глотающих противное пиво, и с трудом верил в реальность разговора.

– У вас, я вижу, есть сомнения?

– Да, и немалые. Я несколько лет проработал на лесозаготовках, потом на переработке древесины, то есть хочу сказать, что немного знаю истинное настроение так называемых масс. Народ только что начал более или менее нормально жить, с продуктами как-то проще стало, деньги чего-то стоят. Власть ругают потихоньку, но свою, местную, на центральную молятся, вне зависимости от партийности. Боятся или уважают – в нашем случае все едино. Прийти в рабочую бригаду и предложить выступить против власти – да вас сдадут в ту же минуту, тем более, что в каждом коллективе, буквально в каждом, созданы ячейки большевиков. Переворот невозможен, господа.

Урманский заерзал на стульчике:

– Выходит, зря я вам доверился, вы и сами, наверное, готовы нас сдать ГПУ?

Арсений осуждающе на него посмотрел:

– Вы недостаточно знаете жизнь. Наверное, можно вредить на производстве, устраивать аварии, иными словами, исполнять свой долг, но это даже не часть движения к перемене власти. Я убежден, что большевики настолько крепко ухватились за власть, им так нравится править страной, хотя они вовсе не умеют этого делать. Ленин кухарок призывал к руководству государством, и это случилось, большинство начальников на местах не квалифицированней кухарки, но это временное дело, они сильно, напористо работают с молодежью. В жизнь входят молодые люди, совсем не знающие старой России, и они с нами не пойдут никогда.

Один из друзей Урманского спросил:

– Арсений, вы достаточно образованы и подготовлены. Это университет?

– Нет, самоподготовка.

– Давайте, я определю вас в лесное управление инспектором по кадрам, например, а далее посмотрим.

Неожиданное предложение поставило в тупик Арсения:

– Я подумаю над вашим предложением, тем более, что оно совпадает с моим намерением уехать из Ишима, где меня знают и могут разоблачить. Но прежде у меня еще одна миссия.

Урманский спросил:

– Мы можем о ней знать?

– Конечно. У меня есть сведения, что Великая Княжна Анастасия жива и находится теперь в одном из монастырей. Моя задача – найти ее.

Все трое смотрели на него с недоумением:

– Сударь, – заговорил, наконец, третий, до сих пор не произнесший ни слова, – ваша информация совершенно не имеет под собой почвы. У меня на руках копия заключения следователя Соколова, который после освобождения Екатеринбурга от большевиков по поручению Александра Васильевича Колчака проводил расследование, все сводится к тому, что спастись никому не удалось, да и возможности такой не было.

– Может быть, это фальшивка? – упавшим голосом возразил Арсений.

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

– Голубчик, я служу в таком ведомстве, где фальшивок не держат. Копия подписана лично Николаем Алексеевичем Соколовым, а я с его рукой знаком.

Арсению стало плохо, он вышел изо стола и, наклонившись, убежал в кусты. Чуть отдышавшись, вернулся, извинился и сел на свое место.

– Не имею оснований не верить вам, как и верить, пока сам не получу убедительные доказательства. Мне нужно побывать в Чусовской обители, по легенде (он уже допускал употребление такого слова) там живет монашка, назвавшаяся Анастасией.

– Милейший, по слухам, такие Анастасии живут чуть не в каждом городе и даже за границей. Конечно, очень хотелось, чтобы кто-то из фамилии остался в живых, выбрали Анастасию, она самая юная и, говорят, шустрая была. Вы хорошо знали ее, сударь?

– Да. Я хотел бы ознакомиться, насколько это возможно, с заключением господина Соколова.

Урманский написал на клочке бумаги какой-то адрес, вся компания поднялась и ушла. Арсений, потрясенный новостью, остался за столиком. Вокруг шумел город выходного дня. Гуляли мамаши с детьми, молодые пары, обнявшись, сидели на садовых скамейках, милиционер в белой форме с черной кобурой на ремне регулировал движение редких машин на соседнем перекрестке.

Арсений снова почувствовал себя плохо, он неожиданно осознал простую вещь: дом смерти и святой крови совсем рядом, почему же он раньше об этом не подумал?! Как пройти к печально знаменитому Ипатьевскому дому, боялся спрашивать, и поджидал людей пожилых. Только третий из остановленных подробно описал, как можно добраться, уточнил, что в доме теперь музей революции и лучше о нем так говорить, и еще посоветовал особого интереса не проявлять, потому что всегда есть агенты.

«Опять агенты!» – вздохнул Арсений и пошел в указанном направлении. Через час он был перед небольшим двухэтажным домом с красной вывеской. С ужасом прочитал, что площадь называется площадью народной мести. Он смотрел на окна второго этажа, где жила семья, вот у этого окна она стояла, возможно, протирала по утрам стекла от ночной влаги. Входя во двор, он представлял, как выносили ее тело из подвала, возможно, вот тут она лежала до погрузки в кузов автомобиля. Экскурсия юных пионеров проходила по зданию, и венцом воспитательной работы было посещение расстрельной комнаты. Арсений пошел за детьми, что-то слышал о справедливом возмездии, а сам смотрел на стену, избитую пулями, кирпичная кладка во многих местах была оголена. Его мозг заполнился выстрелами и криками, среди которых он искал Ее голос, но не находил, от запаха крови и пороха у него закружилась голова, и он уже не помнил, как охранник вывел его во двор.

– Чего это ты сковырнулся? Жалко, небось?

– Да нет, после тифа я, а там душно.

– Посиди тут, в сторонке, я на службу пойду.

Арсений осмотрелся. Он сидел на большом камне, видимо, оставшемся еще от строительства дома, рядом с кучей строительного мусора, всего, что вынесли из дома после ремонта, в том числе и из подвальной комнаты. Он обомлел, лихорадочно разгребал битый кирпич и куски штукатурки, что-то искал, еще не понимая, что, наконец, поднял плитку штукатурки, на беленой стороне которой проступали бурые круглые с потеками пятна. Он завернул плитку в платок и быстро вышел на улицу.

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

По указанному в записке адресу нашел хорошую квартиру, хозяин которой ни о чем не спрашивал, накормил, провел в комнату с постелью и оставил папку с бумагами. Арсений достал плитку штукатурки и положил перед собой на столе.

«Судебный следователь по особо важным делам при Омском Окружном Суде Н. Соколов, 19 марта 1919 года, № 46, г. Екатеринбург.

По имеющемуся в моем производстве делу об убийстве отрекшегося от престола Государя Императора Николая Александровича и членов его семьи…».

Он читал до глубокой ночи, а когда выключил электричество, лунный свет упал на белую пластинку штукатурки, и капли крови ятно выступили на ее поверхности. Арсений закрыл руками лицо и так просидел до рассвета. Когда хозяин постучал в комнату, Арсений вышел, оставив на столе бумаги, отказался от завтрака и пошел в город. Чтобы навсегда вычеркнуть живую Анастасию из своего сердца, сохранив в нем память о нескольких часах, проведенных рядом и о нескольких годах надежд и поисков, ему осталось побывать в Чусовской обители. Он, нервный и чувственный человек, оставался суровым реалистом, когда в диалог вступали документы. Объемная итоговая записка расследования Соколова или протокол – как угодно его называй – был составлен весьма квалифицированно и убедительно. И хотя были мгновения, когда Арсений терял самообладание, оставив бумаги, безутешно рыдал на кожаном диване, он находил в себе силы и возвращался к бесстрастному тексту, который одинаково тщательно описывал детали дороги, места уничтожения тел, оторванный женский пальчик и обрывки девичьих интимных одежд.

В Чусовской обители он оказался не единственным посетителем, несколько старушек, тихонько переговариваясь, поджидали кого-то из-за ворот. Вышла высокого роста старуха, похожая на мужика, густо сказала:

– Вам, сестры, нынче отказано в беседе, приходите на следующей неделе. А ты, молодой человек, чего хочешь?

Арсений уже достал из мешка помятую тетрадку:

– Я попрошу передать записку сестре Марии, она ждет ее.

– Пиши, я потерплю.

«Помните ли вы о флаконе любимых Вами духов, которые я осмелился подарить Вам, а потом Вы вернули их мне как память? Ваш Боня».

Старуха ушла, и скоро в калитке появилась молодая монашка, по самые глаза повязанная черным платком. Арсений метнулся было ей навстречу, но что-то остановило его.

– А почему вы не написали, какие именно были духи? – чужим голосом спросила монашка.

– Это вы должны уточнить, если вы та, за которую себя выдаете.

– Конечно, как могла забыть. Это моя любимая сирень. А вы? Я не помню вас…

Арсений не почувствовал разочарования, он молча поклонился, взял свой мешок и направился к дороге.

Круг замкнулся. Как жить, когда ее нет? Чем питать сердце и радовать душу? Он свернул с дороги в лес, упал на траву и затих. Бессонная ночь, ожидание встречи и горькое разочарование опустошили его физически, он забылся тяжелым сном много пережившего человека. Во сне он видел Лиду и дочку Стану, потом рядом с ними появилась Анастасия, она улыбалась и гладила Стану по головке. Ему сказала: «Не следует обо мне печалиться, мне хорошо тут. Не ищи меня, меня нет там, где ищешь. И девочку эту беру под свой покров».

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

Арсений проснулся бодрый и сильный, быстро пошел в сторону станции. Сну он не удивился, а обрадовался: ей хорошо, это она сама сказала, и Стану маленькую признала, добрый знак. Значит, и брак с Лидой косвенно благословила. Домой, домой, и к священнику на исповедь, не может человек без веры общаться со святой душой. Только примет ли православная церковь истинного католика? Ну, это пусть батюшка решает, если надо – приму православную веру, измены тут нет.

С этими добрыми мыслями пришел он на железнодорожный вокзал. Двое не очень молодых, но крепких мужчин, одного из которых он видел вчера в той пивнушке, взяли его под руки и повели в сторону. Арсений сопротивлялся, но хватка у ребят была крепкая, они сели в легковую машину и поехали по вечерним улицам города.

– Вы меня арестовали? За что? Я не совершил преступления, я рабочий человек, – вспомнил он, наконец, спасительную линию поведения.

– Сиди спокойно, там разберутся, на кого ты работал, рабочий человек, – посоветовали из темноты слева.

Его со двора ввели в здание с затемненными окнами, провели коридором и открыли высокую двухстворчатую дверь.

– Товарищ следователь, арестованный Чернухин доставлен.

Тот махнул рукой, сопровождение исчезло.

– Ты понимаешь, где находишься?

– Нет, гражданин начальник.

– Это ГПУ, сюда в гости не ходят, мы занимаемся особо опасными государственными преступниками.

Арсений обрадовался:

– Тогда, гражданин следователь, мне бояться нечего, я для государства кроме пользы ничего не делал.

– Это хорошо, расскажи-ка мне, чем ты занимался в последние годы, где жил, что работал.

Арсений решил сказать, как было на самом деле, ведь все равно они узнают, если еще не знают:

– Живу в Ишиме, но пять лет почти работал на лесозаготовках по комсомольскому направлению. И в тайге работал, и на переработке, на распиловке то есть.

– Образование имеешь?

Арсений знал, что покойный брат Лиды окончил три класса.

– В школу ходил, но не очень тянуло.

– Так. А в комсомол когда вступил?

– Когда в депо смазчиком работал. Пришел человек, мы с ребятами написали заявления и получили документ. По тому документу и в тайгу уехал.

Следователь поддакивал и, кажется, мало интересовался тем, что говорил Арсений.

«Или все знает, или это его не интересует, потому что арест связан со встречей в пивной», – подумал он.

– Нескладно у тебя получается. Молодая беременная жена, работа есть, поросеночка держите, живете дружно, и вдруг ты на пять лет скрываешься, именно скрываешься из города. А жена тебя ждет, замуж не выходит, хотя, извини, по нашим данным, выбор у нее был.

Арсений всеми силами старался сохранить самообладание. Он почувствовал, что именно в эту минуту решается его судьба, ошибись он хоть в слове, хоть в интонации – провал.

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

Откроется не только Урманский, с которым, по большому счету, у него общих дел не было, но откроется перемена имени, подмена недорезанного буржуя на пролетарского парня, да не по существу, а только по форме, а это столько вызовет вопросов, что никогда на них не ответить, и ни один следователь не поверит, что он не враг и не подлежит аресту или даже расстрелу.

– Гражданин следователь, мне скрывать нечего, ведь кроме жены и меня еще и теща была, это не баба, а ведьма, я только от нее убежал, а почему в лес – мастером там работал наш бывший сосед, Слинкин по фамилии. Тоже семья дома осталась, а его мобилизовали однажды, он и остался, бабенку там себе завел, правда, к семье приезжал. Вот он мне и подсказал.

– В Свердловск зачем приехал?

– Работу присмотреть да перебраться.

– После пивнушки куда скрылся?

– Вот по этому делу и рыскал.

– Фамилия Урманский тебе что-нибудь говорит?

– Не знаем таких.

– А в пивнушке сидели за одним столом, разговаривали.

– Верно, сидел, люблю пивко, но в тот раз негодное было пиво, развели, должно быть. И говорили, пиво же пьем, почему не поговорить?

– О чем говорили?

– Да обо всем, эти трое спорили еще, кто в прошлый раз платил.

– И ни одного из них ты раньше не встречал?

– Так точно, не видел и не знаю.

Следователь устало потянулся, собрал со стола бумаги:

– Посидишь в камере, мы твои показания проверим, если что не совпадет, поедешь допиливать тайгу. Если найду хоть что-нибудь из связей с Урманским и кампанией – расстреляем. Конвой! В камеру. В одиночку.

Лежа на продавленном душном матрасе, Арсений еще раз дословно вспомнил весь разговор со следователем. Судя по тому, что его поджидали на вокзале, они видели, что клиент подошел с поезда и знали, что вернется. Следили за ним в его поездках по монастырям? Если бы да, следователь спросил бы о причине столь странных маршрутов путешествия комсомольца. Он понимал, что Урманский и другие сидят где-то рядом, контрреволюционная организация раскрыта, и он имеет к ней отношение. Если это откроется, он примет смерть достойно, чтобы достойно встретиться Там с Нею. Ему не казалось странным, что, не веря Богу и не молясь никому, он был уверен, что есть место на небесах, где встречаются умершие, там Она, собирая на обильных лугах любимые свои фиалки, тоже думала о нем и ждала встречи, хотя всем сердцем желала ему спокойной жизни на земле. Тот сон с косвенным благословением дочери он воспринимал как вещий. Еще одной мысли он улыбнулся: дочка стала ему ближе и дороже после видения Анастасии.

Трое суток его не беспокоили, три раза в день с грохотом открывалась квадратное окошко, и на откидную крышку швыряли миску с похлебкой. Арсений брезгливо съедал содержимое и ставил миску на место. Странно, но завтрашний день его совсем не беспокоил, он знал два возможных решения и был готов к обоим. В двадцать шесть лет покидать мир нелепо и грустно, судьба Лиды и маленькой Анастасии заставляли замирать сердце, но он не волен был распорядиться их будущим, и это принуждало смириться. Он заставлял себя думать только о Стане, о встрече с нею, о том странном, незнакомом и непознаваемом мире, в котором она

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

живет, и он будет рядом с нею, в это верил. Арсений возвращался в реальность и она была чужой ему, усилием воли уходил в забытье, жил в Варшаве, в Царском селе, видел издали Анастасию, непременно гуляющую с сестрами, мысленно вызывал ее на разговор, но она, грустно улыбнувшись, качала головой.

Несколько раз Арсений возвращался к записям следователя Соколова, находил в памяти описания отдельных деталей, которые убедили даже его своей достоверностью: пряжка от туфельки, он помнил ее, потому что однажды во время прогулки пряжка расстегнулась, Анастасия поставила ножку на край садовой скамейки, и Боня с волнением застегнул пряжку; бусинка в форме плода шиповника, сестры находили такие бусы безвкусицей, но Стана иногда надевала их; кусок материи по описанию совпадал с тканью ее легкой накидки.

Он настолько погрузился в свои размышления, что не слышал открывшейся двери и вздрогнул от окрика охранника:

– Чернухин, на выход!

В кабинете следователя спиной к двери сидел сутулый, худой человек. Следователь велел Арсению пройти вперед, и тот узнал Урманского, сильно похудевшего, с разбитым лицом:

– Узнаешь ты этого человека?

– Да, – как можно тверже ответил Арсений. – Мы с ним пиво пили за вокзалом.

– А вы, господин Урманский, что можете сказать о молодом человеке?

– Ничего, – спокойно ответил тот. – Или деревенский, или жулик, больно глупо выглядел и говорил.

– О чем?

– Да пустое, про баб, про скверное пиво, пришлось одернуть.

Следователь подписал бумажку на столе и протянул Арсению:

– Все, что видел и слышал – забудь. Комсомольская путевка твоя оказалась верным документом, она тебя спасла. Свободен, и чтобы через пять минут духу твоего тут не было!

Арсений вышел с черного хода, добрался до вокзала и утром был в Ишиме. Лида уже ушла на работу, Анастасия одна играла дома, закрыв дверь на крючок. На стук она спросила:

– Кто там?

– Стана, открой, я твой папа. – Он выговорил это с трудом, понимая, что такой фразой отрезает путь к прошлому.

– Ну-ка, подойди к окну, чтобы я увидела.

Пришлось выполнять. Приподняв занавеску, девочка вскрикнула: «Папка!» и побежала открывать дверь.

Лида пришла поздно, в летний сезон на стройке объявляли десятичасовой рабочий день. Заплакав от радости и обняв мужа, она наскоро приготовила ужин и сидела напротив его, подперев подбородок руками, с жалостливой улыбкой глядя, как он торопливо ест свежие домашние щи.

– Почему ты ни о чем не спрашиваешь? – обнял он прижавшуюся к нему жену.

– Зачем? – просто сказала она. – Надо – сам расскажешь, а нет, так и знать необязательно.

– Обо мне никто не интересовался?

– Приходили из милиции, я отвертелась, сказала, что не знаю, где тебя черти носят, да и соседи подтвердили, что пять годов не жил, и опять пропал.

– Нам уехать надо бы отсюда, Лида, и лучше бы в деревню, сейчас многие из городов в деревню едут, там жить попроще, да и народ чуть другой.

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

– Решай сам, Арсюша, а мы уж за тобой, как ниточка за иголочкой.

Он в несколько дней договорился о продаже домика, откопал в поле стеклянную банку под сургучом и старинную семейную шкатулку в пергаментной обертке с бумагами, фотографиями и остатками фамильных драгоценностей. Ночью при свече в бане перебрал документы, сжег наиболее опасные, среди них письма Анастасии, которые помнил до слова, до помарки, до кляксы, остальное крепко связал, уложив во внутрь флакончик фиалковых духов. Духи спрятал быстро, чтобы не тревожить душу, сверток засунул в мешок с другими пожитками, не опасаясь, что кто-то будет его проверять.

Знакомые мужики сказали ему, что в Зареченьке дома стоят недорого, Арсений съездил с ямщиком, который оказался местным, привез его в деревню со странным названием Селезнево, и даже домик помог подыскать: хозяина на повышение отправили в другой сельсовет, вот и случилась нечаянная продажа. Арсений внес аванс, получил расписку, зашел в сельсовет, показал все бумаги, председатель дал добро на переезд.

В деревне ему пришлось начинать все заново, кроме деревянного дела, другого из потребных сегодня он не знал, потому пришел к Савелию Реневу, который держал плотницкую мастерскую.

– Что можешь делать? – спросил он.

– Топор в руках держу, вот и весь навык. – Он опять следил за речью, чтобы не выдать себя каким-то заумным словом, в деревне это быстро заметят. – Но я перехвачу скоро, только покажи.

– Ладно, посмотрим.

Арсений и правда очень ловко перенимал все, чему учили более деловые мужики. Когда хозяин привез станок, который доску строгал, четверть выбирал, красивую фаску мог снять, что дощечку хоть сейчас на обналичку пришивай, Арсений изучил инструкцию и сам настроил агрегат. Ренев втихушку от мужиков дал ему мешок муки и пять пудов картошки. Арсений все принял с благодарностью, как и полагается, хотя ни в чем не нуждался, семейные драгоценности и сегодня имели спрос, еще в городе он продал еврею-аптекарю маменькину подвеску, сережки и кольцо. Этих денег при скромных деревенских тратах им надолго хватит.

Арсений зашел в сельсовет сдать бумажку от ишимских властей, что он по налогам задолженности перед государством не имеет. В большой комнате толпились какие-то люди, он никого в селе не знал, потому пережидал молча. За это время услышал много новостей: что нынешней осенью будет коллективизация, что увезли вчера органы двух мужиков, которые в восстании участвовали, что на днях будут церковь ломать, подбирают добровольцев. Сдав бумагу, он вышел на воздух: «И тут все то же, вся жизнь превратилась в политическую борьбу, человек не интересуется знаниями, книгами, семьей, все на собраниях, говорят и слушают речи, принимают резолюции, которые никогда не исполняются, кроме пунктов о наказаниях. Как жить? А жить надо, Станочку растить и учить». Он тяжело вздохнул и тут же отметил, что научился этому как-то незаметно.

В обеденный перерыв бригадир привел в столярку невысокого коренастого молодого паренька с котомкой за плечами, из которой торчало отшлифованное топорище:

– Принимайте дополнение, председатель сельсовета с ним договор заключил, будет в нашей артёлке.

Пришедший поклонился всем разом, поздравствовался:

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

– Меня Тимофеем зовут. Плотницкое дело знаю немножко, уж сколько лет работаю по найму.

– А живешь где? – Для местных мужиков странным было, что человек не живет на одном месте, а ходит по найму.

– И по разговору ты вроде не сибирской породы.

– Это верно, самарский я.

– И где это?

– Про Волгу слыхали? Вот из тех краев.

– Чудно! А чё ж ты дома не робишь?

Тимофей достал топор, большим пальцем правой руки потрогал его, как струну перед игрой на балалайке, легонько вонзил в бревно:

– У меня один недостаток есть, который начальству не гля-нется.

– Тогда понятно. Вино любишь?

– В рот не беру. Но на великие праздники в церковь ухожу на службу.

Он мог бы рассказать, как неплохо устроился при большом производстве на Урале, как уважал его сам директор Иван Федорович Винярских, которому он сделал мебель для квартиры и кабинета, что вот-вот должен был отдельную комнату ему выделить в бараке. Директор дал указание строительному мастеру Кузина отпускать по его заявлению в любое время, потому что при сборке мебели в квартире обо многом поговорили эти два разных человека, а когда все закончили и за стол сели, Тимофей от рюмки решительно отказался. «Вот, говоришь, вино не пьешь, а куда же ты пропадаешь на три дня чуть не каждый месяц, мастер жалуется, говорит, надоело отпускать?». И тогда Тимофей признался, что уходит он в город на церковные службы, потому как верующий и грешный человек. Его удивило, что Иван Федорович не засмеялся, не запретил, он только сказал: «Ладно, это твое дело, а мастера я попрошу, чтобы он разговоров вокруг этого не заводил». И все вроде уладилось, но однажды подъехал директор к столярке, подозвал Тимофея: «Плохи наши дела, Кузин, меня в райком партии вызывали, кто-то донес, что я потворствую религии и прочее. Надо тебе уходить, прямо сегодня, взять тебя могут». «А вы как же?». «Как? Буду ждать, возможно, отбоярюсь, если мастер не выдаст. Сейчас буду говорить с ним, а ты собирайся, там ребята оперативные».

– В Бога, стало быть, веруешь? Тогда ты ко времени пришел, с понедельника начинают церкву ломать, вот и пригодишься, – развеселился молодой мужичок, сворачивая в бабин платок остатки от обеда.

– Ваш храм я осмотрел снаружи, он и сорока лет не простоял, красивый, точно такой под Пензой есть, и вот гляди ты, в Сибири его копия. А кто ломать будет, объявились таковые?

Мужики засмеялись:

– Хорошую плату обещают, соблазн есть, только боятся мужики.

– Бога боятся?

– Зачем Бога? Высоты боятся.

На понедельник Тимофей попросился у бригадира бревна шкурить, это в низине у мастерской, оттуда не видно, что станут делать с храмом. Несколько человек целый день ходили вокруг, поднимались на колокольню, пробовали стены ломами и пешнями. Вечером он подошел к церкви, тихонько поклонился и перекрестился, бригада добровольцев сидела кружком и распивала две бутылки водки, выданные председателем в виде аванса.

– Не подскажешь, богомолец, как нам своротить этот опиум? – пьяно пошутил старший.

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

– Не по себе берете, не вами строилось, не вам и взять.

– Что, думашь, не сломам? Да взрывчатку завтра привезут, так жахнет, что на куски развалится. Велено за ночь по углам ямы вырыть. Бери лопату, участвуй!

Тимофей плюнул и пошел прочь, остановился, поклонился, и только собрался было совершить крестное знамение, как услышал сзади:

– Не поможет.

Обернулся. Мужчина чуть постарше и одетый не совсем по-деревенски, стоял за спиной.

– Ничто уже не поможет, не терзайте душу и не вызывайте гнева народных масс.

– Вы кто? – испуганно и с интересом спросил Тимофей.

– Теперь крестьянин, мы с тобой в одной артели будем работать, я отлучался на денек по своим делам.

– Ты усомнился, что молитва может помочь?

– Церковь эту уже ничто не спасет, потому что советская власть так решила, а она на земле сегодня и Бог и царь.

– А я тебе скажу, что в истории было много событий, когда уже все решено, никто, как ты говоришь, не может помочь, а Господь посылал ангела, и все менялось, потому что без Бога ничто не происходит на свете.

– Интересный у нас с тобой разговор получается. Меня зовут Арсений, а ты Тимофей, мне сказали? Жить-то где надумал? Не отвечай, старуха эта зловредная, я уже успел узнать. У меня во дворе, в ограде, избушка стоит, вполне приличная, можешь занимать.

– А семья твоя?

– Жена и дочь, не бойся, лишним не будешь.

Лида поклонилась гостю и пригласила за стол. Тимофей поискал глазами иконы, не нашел, повернулся лицом к востоку и совершил молитву. Лида и Анастасия с удивлением смотрели на нового человека. Арсений одернул:

– Лида, налей нам по рюмочке. Или ты не принимаешь?

– Отчего же? Если по-доброму, глоток вина даже полезен, ведь вино создано Господом, следовательно, для пользы.

– Ишь ты, а как с пьяницами быть?

– Без меры все противно, и польза становится во вред. Со знакомством!

После ужина ушли в избушку. Тимофею понравилось: чистота, порядок. А икон и тут нет.

– Ты, случайно, не партийный? В Бога не веруешь, хотя крещен, должно быть, да и на службы ходил в старое время.

Арсений смотрел на нового знакомого, и сердце подсказывало, что этот человек не случайно появился в его жизни, что он честный и излишне откровенный, но глубоко нравственный, пусть даже исходя из понятий православной морали. Арсений настолько устал прятаться даже от себя, что появление человека, которому можно верить и с которым можно говорить откровенно о вещах, по сегодняшним понятиям, недопустимых, было ему в радость. Он давно чувствовал потребность поделиться своими переживаниями, Лидочка для этого не годится, она сразу станет ахать и жалеть его, а ему нужно понимание и даже совет.

– Не верую, это точно, хотя крещен, но в костеле, я поляк, католик, а сегодня ни то, ни другое. Была у меня любовь, ранняя, юная, мы почти детьми были, но о чувствах друг к другу знали. Потом нас разлучили обстоятельства, потом случился переворот, семья моей девушки была арестована. Мы переписывались с нею, правда, довольно редко, потому что ее

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

положение не позволяло так открыто проявлять свои симпатии, но когда узнал про их арест, молил Бога спасти их, всю семью, грешен и в том, что соглашался на компромисс, чтобы хотя ее одну спас. Этого не случилось. Несколько лет я надеялся на чудо и искал ее среди живых, но, видимо, чудес не бывает. У нас один Бог, и у католиков и у православных, но он отказал мне в единственной просьбе. Я сказал ему в последней молитве, что отказываюсь более поклоняться, хотя знаю, что он есть.

Тимофей слушал, прикрыв глаза, ничем не мешая говорившему. Арсений замолчал. В наступившей тишине слышно было, как корова жует свою жвачку в пригончике за стеной.

– Ты вступил в спор с Богом, это недопустимо. Господь все видит, он и страдания твои видел, и ее мучения тоже, но так надлежит быть. Народ наш согрешил против Бога, едва появились смутьяны, он в одночасье отвернулся от веры. Это все на моих глазах было. Господи! Кресты с себя сдирали с хохотом, иконы жгли кострами, прости их, Господи, они не понимают, что творят! – Тимофей перекрестился. – Царя отринули, от церкви откачнулись, и вот, пожалуйста, захотели пожить без Бога – поживите. Тут и гражданская война, тут и голод с разрухой, да коллективизация, и это еще не все.

– Что же будет, по-твоему? – с интересом спросил Арсений.

– Будут еще испытания, – уклончиво ответил Тимофей.

– Тогда я тебе скажу. Возникает в мире некая сила, точно не могу сформулировать, но это новая философия, страшная, ненавистническая, по ней на земле должен быть только один народ, славян не будет совсем. Грядет большая война, весь мир будет гореть.

Тимофей с ужасом его слушал и сразу спросил:

– А это тебе кто сказал?

– Признаюсь и в этом. Бывает, что узнаю, как будто всегда знал, такое у меня с детства.

– И сбывается? – уперся взглядом Тимофей.

– Если хочешь, назови это «сбывается», хотя я просто вхожу в новую полосу жизни, известную мне, словно это со мной уже было.

– Вот видишь, дар Божий дан тебе свыше, а ты, недостойный, сомнению подвергаешь святая святых – Господа нашего.

– Давай не будем об этом. Пока. Мы вернемся еще к этому разговору, я все хорошо обдумаю. Вот сегодня ямы копают под церковью, заложат динамит, все взлетит. Заметь, ничьего согласия не спросили, я знаю по документам, что строился храм на пожертвования купечества и крестьян прихода, значит, народом строился. А народная власть разрушает его, не спросив созидателя, сам народ. Как ты это толкуешь?

– Негодная эта власть, мне один чин внушал, что коммунисты от Христа пошли, мол, он был первым коммунистом, потому что радел за народ. Чушь! Маркс ихний придумал коммуну, начали творить дела по всей Европе, во Франции сомустили народ, устроили Парижскую коммуну, на алтаре собора Парижской Богоматери совершили плутонический акт!

Арсений понял, о каком акте говорил собеседник, но поправлять не стал.

– Вот она, ихна мораль! А потом перегрызлись все, и у нас этим же закончится, прости Господи! А ты не боишься, что разоблачить могут, у тебя, похоже, и фамилия чужая.

– Честно скажу, устал бояться, не за себя теперь уже, за жену и дочь опасаюсь. Заберут – пропадут они.

– Ты вот что: попроще говори, разговор у тебя чересчур грамотный, сразу знатко, что не из простых.

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

– Я понимаю и все делаю, но в разговоре с тобой расслабился, это я понимаю. Ты тоже не очень свою веру показывай, не демонстрируй, они этого терпеть не могут, враз статью подведут.

– Да уж чего хитрого! Под Патриарха Тихона подыскали, а для нас, грешных, у них статеек припасено на долгие годы.

Арсений встал:

– За разговор спасибо, отдыхай, завтра сильно свои переживания не показывай на людях.

К утру в шести местах под фундаментом церкви были вырыты ямы, приехал грузовичок, солдаты сняли шесть ящиков, долго возились, устанавливая их в ниши и соединяя проводами. Ближе к вечеру все было готово, толпу отогнали от церкви подальше, старший громко объяснял, что обломки могут улететь на сто метров. Размотали провод до карьера, из которого при строительстве брали глину на церковные кирпичи, все приезжие спустились в карьер, старший дал команду, крутанули машинку.

Тимофей стоял на бугре и молился, не отводя глаз от храма. Он видел, что солдаты попрятались в укрытие, понял, что скоро конец, через мгновение землю тряхнуло, он увидел, что церковь приподнялась над землей, услышал мощный взрыв, и облако пыли закрыло небо. Тимофей упал на колени, уронил голову на землю и плакал: «Прости нас, Господи, не знаем, что творим!». Поднявшись, он испугался, не видение ли: церковь стояла на месте, он бросился с холма в деревню, подбежал к храму, сдерживая обуреваемые его чувства, смотрел на молнии трещин, порвавшие стены, на оголенные красные кирпичи, как раны на белой штукатурке.

Местное и солдатское начальство материлось и боялось наказания сверху. Председатель сельсовета уже позвонил в район и доложил, что взрыв результата не дал, ему устроили выволочку и пообещали взыскать с его зарплаты стоимость взрывчатки.

– Они мне с матерком сказали: неделя срока, чтобы церкви не было, – жаловался он неизвестно кому.

Так и разошлись, каждый при своем: разочарованные зеваки, убитый горем председатель и довольный Тимофей Кузин, получивший еще одно подтверждение того, что ничто не состоится без воли Божьей.

А уже утром, проходя на работу, он увидел возле церкви очень много народа, все шумят, и только один человек, стоящий на паперти, спокоен и уверен в себе.

– Прекратите орать, – громче всех кричал председатель сельсовета. – Пусть товарищ еще раз объяснит.

– Объясняю. Каждый копает под фундаментом яму на полтора метра глубиной, но подо всем фундаментом, чтобы он провисал, ни на что не опирался. Тем временем напилим толстых бревен, и бревна эти, как опоры, будем под фундамент подставлять.

– Ага! – раздался возглас. – Ты туда подкопался, а она тебя и накрыла. Могилу себе рыть?! Не полезу!

– Уймите его! – уже слезно просил председатель. – Говорите!

– Ничто не обвалится, вы же видели, что на века строилось. Опоры поставили и дальше копаем, опять опора, и так почти до половины церкви. Крепеж должен быть прочным, надо проследить, столбы ставить в два, а то и в три ряда, под всю ширину фундамента, а то и в самом деле беды натворим. Когда все выставили, везде грунт убрали, тогда заваливаем яму сухими дровами, керосином можно сдобрить, и поджигаем по всей длине одновременно.

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

Дрова сожгут опоры, половина церкви зависнет в воздухе и падет сама. Дело верное, промашки не будет.

– Вы бы только знали, какие деньги я ему заплатил за эту выдумку, – опять вздохнул председатель.

– Это не его выдумка, – шепнул Арсений Тимофею на ухо. – Таким приемом еще древние разваливали стены крепостей неприятеля.

– А энтот – кто есть?

– Не знаю, видел где-то, но не могу вспомнить. Ладно, пошли.

Артель собралась, хотели начинать работу, но прибежал старший и сказал, что всем велено идти на церковь, чтоб копать посменно, без перерыва. Тимофей побледнел:

– Братцы, освободите меня от этого греха, я в другом деле отработаю.

Кто-то пытался хохотнуть, но Арсений вмешался:

– Старшой, пусть он тут робит, обойдемся.

Согласились. Тимофей принялся было вязать рамы, но инструмент валился из рук. Он вышел из мастерской и долго молча наблюдал, как до сотни людей копошатся вокруг храма, не поклоняясь, а разрушая его. Десяток подвод возили из леса двухметровые толстые бревна, на месте замеряли размер и отпиливали опору. К вечеру церковь наполовину опиралась уже на временные подставки, председатель торопил, заезжий выдумщик, как прораб, ходил и указывал, где надо усилить опоры. Под алтарем все же полегче, он невысокий и вес меньше, а под основным зданием надо надежно крепить.

– А теперь расширяйте канаву, чтобы дров больше вошло.

Дрова возили со школьного двора, из больницы, от сельсовета, даже по домам в деревне собирали в зачет налогов, поленья укладывали клеткой, чтобы тяга была. Тимофей так и не подошел ни разу, а когда стало темнеть, встал на колени и молился. Внезапно все вокруг озарилось диким пламенем, охватившим храм, керосин пролился к самому основанию, и сухие дрова занялись, языки изуверского пламени лизали стены, церковь терпеливо переносила боль, и Тимофей чувствовал это. Народ отшатнулся от страшного костра и с ужасом многие смотрели на сотворенное ими, многим жутко было, и страх возмездия проник в души. Жуткие тени незнамыми призраками метались по стенам, и каждый видел в них свои страхи.

– Посмотрите кто, опоры занялись или нет? – просил председатель сельсовета, взволнованно бегавший метрах в ста от пожарища.

– А ты сам глянь.

– Если не сгорят, подпиливать полезешь.

– И полезет, ему партейный билет дороже жизни.

– А ты бы не брякал языком-то…

Вдруг раздался хруст лопнувших стен, и восточная часть храма медленно стала оседать, как бы уходя от людей в землю. Грохотом тысяч обломков и облаком пыли, уплывшим в темное ночное небо, простился храм с потомками тех, кто его строил.

Начальство решило вторую часть ронять днем, слишком много страхов нагнало на народ ночное зрелище.

Собрание по образованию колхоза назначили на вечер в школе, народу собралось немного, в основном мужики, курить запретили сразу, потому что до утра дым не выветрится, а ребятишкам учиться надо. О колхозах уже наслышаны, знали, что неизбежно, как осень приходит, как снег валится – жди-не жди – случится, так и с колхозом. Кто похитрее да

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

поумней, хозяйство тихонько спустили с рук, скотину где живьем, где мясом, благо до города пятьдесят верст, а там базар каждое воскресенье. Инвентарь не так просто сбыть, но и то умудрялись, Степа Каверзнев молотилку гагаринскому колхозу продал и уехал с семьей, даже дом бросил, просил кума присмотреть. Быть или не быть колхозу – это не обсуждалось, сразу стали избирать председателя. Никто не хотел в начальство, тогда партийный секретарь Яша Пономарев предложил Ефима Рожнева, потому что коммунист, в Гражданской участвовал, грамоту знает. Объявили голосование – все подняли руки. Ефим прошел в передний угол, встал к столу:

– Доверие принимаю, будем работать сообча. Только надо бы сначала список составить, кто в колхозе член, а кто просто так пришел, потому что дома делать нечего.

Начали записываться, председатель сельсовета что-то крыжил в своей тетради, после объявил, что не явившиеся хозяева завтра будут доставлены в сельсовет и там напишут заявления.

– А с поселенцами как быть? – спросили из толпы.

– Это которые поселенцы? Никаких, все будут в колхозе.

– А если я, например, не желаю, не хочу в колхоз, тогда как? – в задних рядах встал Тимофей Кузин.

– Тогда из деревни выселим, – весело предложил председатель сельсовета.

– Ну, меня выселять много ума не потребовается, у меня всего хозяйства – мешок с инструментом. Да и права вам такого советская власть не дала. Товарищ Ленин как говорил: «Не мешайте крестьянину, он сам знает, как ему жить».

– Это тебе лично товарищ Ленин на ухо шепнул?

Арсений только сейчас увидел в первом ряду прораба на крушении церкви и только сейчас узнал его: молодчик из ЧК, который за Лидой ухлястывал и из-за которого пришлось ему долгие пять лет скрываться в тайге и на лесообработке. Кто он сейчас, если ведет себя так вольно? Впереди сидящего спросил на ухо:

– Этот уполномоченный из каких органов?

– Из самих органов и есть, начальник милиции он.

Арсений похолодел: «А что, если он Лиду встретил на улице, который день тут болтается? А если меня сейчас поднимут, ведь узнает, как пить дать – узнает, у таких глаз наметан». И тут же крикнул:

– Чернухина запиши.

– Вот это дело, – одобрил Ефим.

Но начальника милиции понесло:

– Как твоя фамилия? Отвечай быстро.

– Отвечаю, Кузин я, только почему вы со мной как на допросе, я ничего противозаконного пока не совершил.

Начальник милиции очень обрадовался:

– Вот именно «пока», потому что такие, как ты, все время подходящее выбирают, только у нас органы для того и существуют, чтобы всю контру предусмотрительно задушить еще до того, как она поднимет голову против народной власти. А что касается допросов, товарищи, то этот провокатор, который пытается сорвать первое колхозное собрание, не видел еще настоящих допросов и не знает, как непримиримы органы к врагам революции и колхозного строя. Сядь, Кузин, я с тобой потом отдельно поговорю.

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

Стали обсуждать, что будет обобществляться в колхозе.

– Скот весь сгонять не будем, по корове надо оставить в семьях.

– Нет, только там, где дети есть.

– Славно! – Парфен Лазарев встал с места. – У меня три коровы, я две отдаю колхозу, а Димитрий со Степаном по одной имеют, да по куче ребятишек, это дело у них лучше получалось, чем хозяйство вести. Они что принесут в колхоз, кроме вшей с гашника?

Степан подскочил к Парфену сбоку и наотмашь ударил его по лицу, кровь так и брызнула. Поднялся шум, дерущихся свалили, пока разбирались, Тимофей с Арсением отошли в сторону.

– Надо уходить с собрания, этот уполномоченный может меня опознать, – шепнул Арсений.

Тимофей кивнул:

– Ты уже записался, а мне оставаться придется, гляди, как бы с собой не увез.

– На рожон не лезь, ты кого учить вздумал, да еще Ленина вспомнил. Он у них сейчас икона, только Ленина из них никто не читал. Будет нажимать – записывайся.

– Никогда! Да я лучше мученическую смерть приму, чем вере своей изменю.

– Ладно, у тебя понятия чуть сместились, не перечь ему, соглашайся со всем, что скажет, а там видно будет. Придешь домой – стукни в окошко.

На стук он вышел, вместе вошли в избушку, от горячей печки веет теплом, потому уютно. Тимофей был расстроен и молчал.

– Не тяни за душу, рассказывай.

– Про тебя больше не вспоминали, а меня оставил после всех, говорил вкрадчиво, противно, все выведать чего-то хотел. Я ему признался, что якобы от женщины скрываюсь тут, в стороне от дома, и адрес дал и имя указал, Анна ее зовут, под Свердловском, работал я там, если проверит, то все подтвердится, других грехов он за мной не знает.

– Про Ленина больше не спрашивал?

– Как же! Зачем, говорит, ты Ленина приплел, коли сам неграмотный, а я отвечаю, что читать могу, вот изучал труды вождя мирового. А на самом-то деле подсунул мне эту статейку старовер один, вместе мы дома рубили, вот он действительно верил, что Христос был первым коммунистом на земле. Верно, там было написано, что крестьянам не надо мешать вести хозяйство, не помню точно, но смысл такой, что не командуйте мужиком, вот что.

– Тимофей, мужик ты добрый, правильный, но не при же в лоб, не навязывай своего мнения толпе, не повторяй ошибок учителя своего.

– Кого ты имеешь в виду?

– Иисуса вашего, он все твердил о правде и об истине, и чем это кончилось?

– Ты считаешь, что можно поступиться истиной в угоду человеческой слабости? Если я верующий человек и блюду свою чистоту и справедливость для того, чтобы спастись, ты думаешь, можно отступить от заветов, поддаться соблазну, если это выгодно сейчас?

– Я тебя ни в чем не переубеждаю, говорю лишь о разумном, не кичись своей верой, они этого страшно не любят. Ну, скажи, кому легче будет, если тебя шлепнут, поставят к стенке и расстреляют как приверженца церкви и врага советской власти? Душа твоя спасется и будет в раю, но жизнь твоя на земле кончится.

– Там будет жизнь вечная, разве ты, грамотный человек, не знаешь об этом?

– Смею тебе заметить, никто об этом ничего не знает. Вот вспомни Нагорную проповедь Христа, там все правда, все, как и должно быть в человеческом обществе. Он учит: живи вот

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

так, и ты будешь спасен для вечной жизни там. Мне грустно оттого, что христианство воспринимает все буквально, хотя истина прямо на виду: здесь, на земле, наслаждайся трудом, женщиной, детьми, живи во всю широту своей души, но соблюдай заповеди Христа, не делай людям того, чего не хочешь для себя, вот и вся премудрость. Бог все создал, ты согласен? Так пользуйся этим, он же для тебя все это создал!

Тимофей слушал внимательно и проникался все большим отрицанием услышанного, наконец, он не выдержал:

– Ты помнишь, как Сатана испытывал Господа в пустыне, чего только не обещал, с тем, как мы живем, и сравнить нельзя, но Христос ото всего отказался. Во имя чего? Чтобы мы, слабые, могли иметь пример мужества и веры, и не поддавались минутным соблазнам.

– Ладно. Ты вот только что говорил про Анну, насколько я понимаю, ты согрешил?

Тимофей смутился и покраснел:

– На мне грех, не устоял я соблазна, уж сильно хороша она, эта девка. Молюсь, каюсь во грехе, и думаю, что вернусь к ней, вот заработаю на обзаведение и вернусь. У ней ведь тоже одна бедность.

Арсений обнял товарища:

– Прости, я не хотел тебя обидеть, но дискуссия у нас была чисто теоретическая, вот я и привлек пример из жизни, не скрою, что неуместный пример.

Тимофей даже прослезился:

– Да об чем ты, Арсений, я без обиды, Бог простит.

– Давай на покой, завтра на работу, а куда нашу артель теперь определят – неизвестно.

И он тихонько вышел из избушки.

Звездное небо сияло от первых морозцев, его глубина казалась темно-синей, а только что народившийся месяц притаился между звездами, дожидаясь своей полноты и силы, чтобы затмить их, очаровать и оставить потом с тоской дожидаться его нового появления.

Арсений, как только вошел в дом, сразу заметил перемену в поведении Лиды, смятение в ее глазах, излишнее, заискивающее внимание. Она полила ему на руки теплой воды над тазом, он вымыл лицо и шею, тщательно обтерся полотенцем, сел к столу. Дочь тут же угнездилась у него на коленях:

– А к нам сегодня дяденька приезжал на машине.

– Да? Он тебя на машине не прокатил?

– Нет, он маму прокатил.

Арсений отпустил дочку на пол и встал изо стола. Лида заплакала:

– Арсюша, милый, я тебе все скажу!

– Только не сейчас, пусть ребенок уснет.

Они сидели за столом в избе, Стана в горенке спала на кроватке за печкой, самое теплое место.

– Арсюша, Форин приезжал, помнишь, тот из органов, что цеплялся ко мне в Ишиме, он теперь тут служит, в районе, начальником милиции.

– Это я знаю. Что он хочет? – Арсения била мелкая противная дрожь.

– В сельсовет меня увозил, говорит, надо документы посмотреть. – Она замолчала.

Арсений спокойно предложил:

– Продолжай. Проверили вы документы?

Она рухнула перед ним на колени и завыла в голос:

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

– Убей меня, родной мой, ради тебя грех взяла на душу, он так и сказал, что все про тебя знает, если откажусь – посадит тебя.

Он охватил голову руками и так сильно сжал ее, словно боялся, что она может не выдержать вскипевшего в ней горя и оскорбления. Господи, да разомкнется ли этот круг, по которому окаянная власть гонит его, унижая необходимостью скрывать свое имя, скрывать ум и знания, вздрагивать при каждом незнакомом человеке, любить одну, а жить с другой женщиной, вглядываться в личико своего ребенка и видеть в нем другие черты, и все чего-то ждать, хотя ум и опыт уже учили, что ничего хорошего в его жизни не произойдет. Арсений унял волнение, с трудом спросил:

– А дальше что будет? Знал я, что в мое отсутствие вы встречались, потом он тебя потерял, видно, не очень искал, теперь вот встретились, и ты подумала, что своим грехом ты можешь спасти меня? Удивительно, что он не арестовал меня уже сегодня, чтобы ночевать с тобой в постели, а не на стульях в сельсовете. – Он поднял руку: – Не говори ни слова, внимательно слушай меня. Я сейчас уйду и уйду навсегда. Меня посадят, если не расстреляют, искать тебя не буду. Анастасию береги. Деньги ты знаешь где, расходуй экономно. Настигнет нужда – поедешь в город, найдешь аптекаря Гольдфреда, запомни фамилию, он поможет, часть моих средств у него. В Стане твое спасение, не потеряй ее, во всех смыслах – не потеряй. Повзрослеет, скажи, что первая дочь ее и всех потомков должна носить имя Анастасия. Запомни это: Анастасия, Стана.

Он прошел в комнату, опустился перед кроваткой на корточки и долго смотрел на спящее дитя свое. Встал, взял с этажерки ножницы и аккуратно срезал локон детских волосиков, завернул в платок и положил в карман рабочей куртки. Быстро собрал вещи, бросил в мешок, остановился у порога:

– Прощай, Лида, не от него ухожу, а от тебя, и помни мой наказ про Стану.

Лида метнулась было к нему, но он уже закрыл за собой дверь.

В избушку Тимофея постучал тихонько, чтобы не напугать.

– Кто? – услышал он резонный по нынешнему дню вопрос.

– Это я, Тима.

В одном исподнем стоял тот перед ним со свечой в руках и показался исповедальником, пришедшим, чтобы услышать и простить грехи его от имени Господа, но он прогнал эту заманчивую мысль – исповедаться другу своему.

– Дело скверное, Тимофей, начальник милиции Форин, который с тобой говорил, старый мой знакомый и даже соперник, можно сказать, он знает мое истинное прошлое. Ради свободного доступа к Лиде да и во имя революционной законности он ни дня не оставит меня на воле. Потому я ухожу. Ты решай сам, как быть. Если спросят – я ушел не попрощавшись.

– Да куда же ты пойдешь, ведь они везде, в каждой дыре сидит по Форину. Слушай, Арсений, добирайся до Свердловска, там, в Полевском, найдешь заведующего больницей, его зовут Василий Алексеевич, скажешь, что я направил. Он работу даст и приют, а потом оглядишься. Может, и мне сразу с тобой?

Арсений качнул головой:

– Не надо, так нас быстро найдут. Весной приезжай, если захочешь. В саду под грушей с восточной стороны закопан сверток в пергаменте, там бумаги и еще кое-что, когда соберешься, ночью отроешь. Об этом даже Лида не знает. Найди к тому времени фотографа, карточки мне с Анастасии привезешь. Ну, прощай, брат.

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

– До встречи.

Они обнялись.

В ту июньскую ночь над Вакориным прогрохотала такая гроза, какой не помнили даже старики. Отдельно стоявшие березки в придеревенском лесу, где обычно брали веточек на первые свежие веники, подломило и обобрало с них молодой лист. Всю воду домашнего озера подняло и согнало к устью Кашинского лога, устье расперло напором стихии, и оно расшаперилось, разомкнуло берега, пропустив озорную, буйную воду в Нижнее болото. Стога сена только тем и спаслись, что спрятались в лесу, сам лес выстоял, потому что стеной стоял гибкой, местами гнулся, но нигде не сломался.

Василий, объезжая окрестности верхом на отцовской бригадирской лошадке, больше всего был удивлен способности леса, огромного массива слабосильных березок и осин, устоять против такого напора. Даже вода не устояла, а он устоял. Приехал домой, рассказал отцу.

– Хорошо, что сена сохранились, видно, по-хозяйски уметаны стога, молодцы, мужики.

Колхозная жизнь летом не замирает ни на один день, потому что скотина и по выходным кормится, и в праздники надо коров доить, а мужики где с техникой, где вручную стараются сенов заготовить поболе, чтобы зимой не заглядывать на сеновал: а хватит ли до зеленой травки?

Вечером из Копотиловской МТС приехал нарочный по заданию райкома, по случаю непогоды приехал верхом, без седла, с непривычки кое-как слез с лошади и нарасшарагу поковылял в правление. Первого, кого встретил, отправил за председателями колхоза и сельсовета, а заодно и весь народ скликать на митинг. Собрались быстро, нарочный велел вывесить над крыльцом правления красный флаг, толпа похохатывала над Митей Грязненьким, который три гвоздя согнул, пока палку приколотил к балясине.

Нарочный дождался, пока все успокоится, и снял кепку:

– Товарищи! Меня направил к вам районный комитет большевиков, чтобы сообщить важное сообщение: сегодня утром фашистская Германия напала на нашу страну. Это война, товарищи, а не провокация. Партия призывает всех граждан к соблюдению порядка, объявлена мобилизация, повестки привезут в сельсовет.

Стон прошел по толпе, как будто умер внезапно кто меж людей. Переглядывались мужики, бабы начинали выть, выпуская сдавившую сердце боль, и был этот плач русских баб тошнее для мужиков, чем объявленная война, завтрашняя мобилизация и даже возможная смерть в бою, потому что так оплакивают только необъемное горе. Так вдовы воют на кладбищах, так по деткам утраченным воют, и плач этот страх должен нагонять на врагов, потому что не только горе в нем слышится, но и отмщение, и проклятье, и кара Господня.

– Обождите, товарищ уполномоченный, у нас с Германией мирный договор. Как она могла его нарушить? – возмутился старичок Евлампий Сергеевич.

– Не могу сказать, товарищ, инструкции не было.

– А ты чего от фашиста ждал? – крикнул Ганя Корчагин. – Мира? Он всю Европу на лопатки положил, а мы с ним все хаханьки устраивали, вот и доигрались!

– Товарищ! Товарищ! Прошу без провокаций! – испугался нарочный.

– Да какая там провокация, когда враг на твоем огороде каштует, – сжался Ганя.

Федор Кныш поднялся на крыльцо:

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

– Похоже, мужики, всем боеспособным надо бы сухарей подсушить, дома все подобрать, крышу перекрыть или прясло подладить. Неизвестно, сколько мы с ним провошкамся, это только в песне про пядь земли, а если он внезапно начал, значит, готовился, как следует, значит, танками сотни верст может в сутки делать. Ну, это поправимо, нам только подпоясаться… Завтра на работу все, как штык, будут повестки – нас знают, где искать.

– Федя, брагу заводить на случай…, – начала было Татьяна Петровна.

– Какая брага, когда на повестке уж чернила подсыхают. Даже и не придет, сам поеду в военкомат.

– Ты что, Федя? А ребятишки?

– А страна? – в тон ей возразил Федор. – Попрячемся за болотами да за рямом, авось, не найдет немец, так, что ли? И такие разговоры прекратить! Я коммунист, и Васька вот подрастает, я подозреваю, что ему тоже достанется от трудов моих и тут, в колхозе, и там, на фронте.

– Папка, а в школу не ходить? – спросил Василий.

– Другая школа начинается, сынок. Завтра переговорю с председателем, чтобы подыскал тебе дело по силам, все-таки ты у нас грамотей.

Повестки за неделю выхватили всех работоспособных мужиков. Газеты приходили на третий день, и новости за нездоровым оптимизмом просматривались угрожающие. Враг пер на Москву и Ленинград, стремился к Сталинграду и Кавказу. Райкомовская инструкторша привезла указание избрать председателем колхоза Дарью Зноенко, та со слезами отказывалась, потому что малограмотная, кое-как фамилию выводит.

– Этого достаточно, главное, чтобы колхоз работал, – подытожила инструкторша.

Дарья пришла к Кнышам:

– Вася, айда в колхоз счетоводом, я же ни одной бумажки не знаю.

– Тетка Дарья, какой из меня счетовод, я и колхозных документов в глаза не видал.

– Не скажи, Василий Федорович, у тебя семь классов за плечами. Короче говоря, завтра выходи, как Филимоновича забрали на фронт, так все бумаги и лежат.

Деваться некуда, вышел, потому что поздно вечером закрепить аргументы Дарьи пришла председатель сельсовета Федора Унжакова:

– Ты, Василий Федорович, не ломайся, принимай дела, а то знашь как: «по законам военного времени», – и она угрожающе подняла палец. – Да и мне подскажешь, что к чему, у меня ведь тоже кроме партбилета один ликбез, – уже примиряюще улыбнулась она.

Новому колхозному счетоводу Василию Федоровичу только что исполнилось шестнадцать лет.

В ночь на двадцать второе июня красноармеец, курсант школы ковалей, или, как ее называли солдаты, конской школы, Тимофей Кузин был в наряде. Его пост – угловая вышка, под которой склад с конской сбруей и сарай с телегами, но все равно пост, проверяющий приходил, «Стой, стрелять буду!» приходилось кричать, хотя ходил всегда один и тот же старшина школы Шевчук. С вечера было тихо, совсем безветренно, но для приволжской степи это обманчивая тишина, в любой момент может рвануть ветер, и тогда пыль взовьется столбом, дикие вихри поднимут засохшую степную траву, сломленные кустарники и долго будут кружить их над степью, пока надоест, а потом бросят где попало. Ближе к полуночи с запада потянуло прохладой, потом только что светлое небо накрылось тучей, да и не туча это,

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

а сплошной низкий морок, и надвигался он на Тимофея, одиноко стоящего посреди земли, угрожающе и с напором. Скоро смена караула, хоть бы не началась буря, а то бежать через весь плац до казармы под ливневым дождем, а у него и плащ-палатки с собой нет. Тьма закрыла уже половину небосклона, когда по границе ее засверкали далекие молнии, как зарницы, и громы свалились на неожидавшую их землю, ударясь о нее и раскалываясь на мелкие раскаты.

Тимофей крестился при каждой вспышке неба, приговаривая: «Спаси и помилуй, Господи Иисусе!», хоть и оглядывался, не появился старшина Шевчук, который на днях предложил курсанту Кузину вступить в партию большевиков. Тимофей знал, что категорически отказываться нельзя, потому сослался на малообразованность, а вечером политрук Илющеня забрал у него все конспекты, через полчаса пришел, швырнул их на кровать и грозно спросил:

– Кузин, ты зачем врешь, что малограмотный? Судя по конспектам, врешь ты сознательно, потому что не хочешь в партию вступать. А теперь объясни мне настоящую причину.

Кузин замялся:

– Вы бы мое личное дело посмотрели, товарищ политрук, я же сидел по нехорошей статье.

– Видел, даже запрос делал, отсидел ты правильно, потому что нельзя местную власть игнорировать, но тебя же освободили, значит, перевоспитали, осознал, значит, свои заблуждения. Служишь ты исправно, хоть и не со своим годом. Ты с какого?

– С тринадцатого. Нынче демобилизация.

– Ну, с демобилизацией пока вилами по воде. – Илющеня кашлянул: лишнее сказал.

– Все-таки будет война, товарищ политрук?

– Ты такие вопросы только себе можешь задавать и то темной ночью под одеялом. Товарищ Сталин верит Гитлеру, значит, есть основания. Наше с тобой дело быть в боевой готовности, конную тягу артиллерии обеспечить. И о партийности подумай, в случае демобилизации никаких проблем с трудоустройством не будет.

А небо играло в свою игру, словно забавляя одинокого солдата. Молнии сжигали черноту, освобождая знакомые звезды, дождя так и не случилось, а ветер побаловался чуток и тоже перестал. Черное покрывало скатывалось к горизонту, и на душе Тимофея стало посветлей, он благодарил Бога за зримый показ ему своего могущества, а потом вспомнил слова священника Тихона: ничто ни в небе, ни на земле не происходит без его желания или разрешения, и, если человеку дано это видеть, то он должен понимать, что хотел внушить ему Господь. «Ведь нас так много на свете, чад его, и как пастух не может знать всех овец в стаде и каждой говорить, куда ей пойти, какую травку кушать и какой водой утолять жажду, так и Пастырь небесный не может говорить с каждым, такая слава снисходила до редких праведников, мы же, в лучшем случае, можем видеть знамения Господни, когда он соблаговолит подать знак людям, что он недоволен родом человеческим и грозит послать свою кару».

«Если мне выпало видеть это явление чудесное, то и понять мне надо его самому, потому что к политруку с такой загадкой не пойдешь. А не явил ли Создатель черное нашествие с западной стороны, и не предупреждает ли тем, что война скоро случится, что до середины неба и земли нашей дойдет черная сила, а потом пошлет Господь Илью Пророка с воинством, и возвоссияют священные молнии, и ударят громы, и сгорит вся чернь в рукотворном и нерукотворном огнище».

Пришла смена, Кузин в казарме тихонько разделся и прилег на кровать. Со второго яруса свесил кудрявую голову сибиряк Сема Золотухин, спросил шепотом:

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

– Гроза на дворе?

– Нет, улеглось. Сема, только никому не скажи, было сейчас на небе знамение, и я так понимаю, что война все-таки придет.

– Тише ты! Услышат – в паникеры запишут.

– Точно тебе говорю, такие явления редко бывают и неспроста.

– Ладно, спим.

После подъема Кузин мог бы еще поспать после ночного караула, но посыльный из штаба велел ему срочно бежать к политруку.

Политрук Илющеня сидел за столом и читал какой-то документ. Кузин доложил.

– Садись. Так говоришь, война все-таки будет?

Тимофей побледнел, но отказаться от веры он не мог, потому признал:

– Так точно, товарищ политрук, будет и достаточно скоро.

– Откуда у тебя такая информация? Только не крути, говори, как есть, обещаю, что наш разговор останется в этом кабинете. Говори.

– Скажу, товарищ политрук.

И Тимофей рассказал все виденное ночью, прокомментировав так, как понял сам.

– Ты веришь в Бога?

– Верую во Единого Бога нашего.

– Ладно. О виденном и о нашем разговоре больше никому.

На столе политрука звякнул аппарат внутренней связи. Он взял трубку и тут же положил ее на место.

– Ты прав, Кузин. Сегодня на рассвете немцы перешли нашу границу. Это война. Беги, объявлено всеобщее построение.

В начале июля в Мариинском Сиблаге заговорили о войне, точно никто ничего не знал, начальство помалкивало, вопросы задавать не полагалось, тем более политическим, но уголовники из соседней зоны иногда делились подробностями. Выходило, что немцы напали еще двадцать второго июня, громят наши войска по всем фронтам, советские армии охотно сдаются и переходят на сторону Гитлера. Бывший среди политических генерал Невелин открыто говорил, что это чушь, войска сопротивляются, но внезапность удара, о возможности которого говорили старые вояки, позволяет технически подготовленному противнику легко опрокидывать нашу оборону. И о добровольной сдаче армий в плен – провокация, глупость.

Пятнадцатого июля вечером генерала вызвали в контору. Начальник лагеря встретил его дружелюбно, выгнал конвой, предложил чай и папиросу.

– Благодарю, гражданин начальник, от чая отвык, а курить бросил сразу после приговора, наслышан, как трудно в ваших учреждениях с куревом.

– Игнатий Матвеевич, – неожиданно так деликатно обратился к зэку начальник. – Я хорошо знаю ваше дело и уверен, что в связи с новыми обстоятельствами его пересмотрят, фронту нужны грамотные командиры.

– Вы можете мне под честное слово о неразглашении сказать истинное положение на фронтах?

Начальник помолчал, хлебнул чай, встал:

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

– Положение тревожное, он наступает по всей линии от Балтики до Кавказа. До Москвы рукой подать, Ленинград под угрозой. Наши потери огромны, даже те, о которых сообщают. Мы получили команду срочно выявить добровольцев среди заключенных и оформить дела на досрочное освобождение, я просил бы вас помочь.

Невелин уточнил:

– Политические, конечно, не рассматриваются?

Начальник приободрился:

– Разрешено, конечно, но не все статьи. В отношении высшего комсостава, ученых, хозяйственников будет дополнительная работа. Я просил бы вас выступить завтра на утреннем разводе. Игнатий Матвеевич, вас знают все, вас уважает контингент, ваше слово много значит. Вы согласны?

– Это будут арестантские роты?

– Не для всех, вся мелочь пойдет в войска, более серьезные статьи формируются в так называемые штрафные батальоны. Есть шанс получить амнистию после ранения. Правда, тонкостей я не знаю.

Невелин молчал, хотя понимал, что отказаться он не имеет права, возможно, завтрашнее слово и будет первым его ударом по врагу.

– Я буду говорить, гражданин начальник, но буду говорить так, как считаю нужным. А после этого хоть в карцер.

– Да перестаньте! Вас вызвать на разводе?

– Зачем? Я сам найду место, где спросить слова.

Весь лагерь построен буквой П, такое редко случается, например, при групповом побеге или объявлении результатов проверки коллективной жалобы в Москву, как всегда, не подтвердившейся. Начальник лагеря сообщил о войне с Германией, о временном отступлении наших войск и о необходимости пополнения живой силой.

– Родина обращается к вам, осужденным и отбывающим наказание, с предложением добровольно пойти на ее защиту. Это касается всех, но отдельные статьи будут рассматриваться особо. Заявления будете писать в отрядах на мое имя. На это дается час времени перед работой. Есть ли желающие высказаться?

– Начальник, Украину сдали?

– А Минск?

– Ростов?

– Тихо! – рявкнул начальник. – Я такой информации дать не могу.

– Значит, точно сдали…

И тут раздался упругий командирский голос:

– Гражданин начальник, заключенный Невелин, статья пятьдесят восемь, пункт три, разрешите слово сказать?

– Разрешаю.

Невелин вышел перед тысячью мужчин, даже в хэбэшной робе в нем просматривался военный человек.

– Чтобы не было кривотолков, признаюсь, что вчера начальник просил меня выступить. Однако признаюсь и в том, что и без того разговора я бы не спрятался за спины своих товарищей. Наша родина в серьезной опасности, видимо, плохи дела, если власти обращаются за помощью к тем, кого вчера отгородили от общества. Мы все осуждены, кто за

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

преступление, кто за проступок, кто за неверное слово. Но осудила нас не родина, нас посадило сюда государство, а это разные понятия, товарищи. Власти могут меняться, но родина остается всегда. И сейчас она просит нас защитить ее от захватчиков. Вы знаете, я боевой офицер, генерал, потомственный военный, мои предки служили и царям, и Отечеству. Я участвовал в Финской кампании, мы ее позорно проиграли, мой анализ причин поражения не понравился начальству, и вот я здесь. Сегодня, к сожалению, Гитлер подтверждает объективность моих выводов. Но не время сводить счеты и предъявлять обиды. Я прошу руководство лагеря ускорить рассмотрение моей просьбы отправить на фронт в любом звании и в любом качестве.

– Там ведь и убить могут, генерал, – крикнули из толпы.

– Если ты меня смертью пугаешь, то зря язык о зубы трешь, смерти я не боюсь. Лучше умереть в бою за Родину, чем гнить в бараке.

Толпу пошатнуло:

– Прав генерал!

– Распускай сходняк, будем маляву писать.

– Во втором отряде бумаги нет, всю в гальюн стаскали.

Начальник лагеря скомандовал:

– Всем отрядам разойтись по своим баракам, рабочие задания получите на месте.

Невелин в строю стоял рядом с крестьянином Чернухиным, и на нарах они спали рядом, холодными зимними ночами согревая друг друга. Чернухин довольно замкнутый человек, только Невелин замечал, что тот больше, чем деревенский мужик, иногда в беседе он так выразительно проговаривался, употребив редкое слово или выдав такое неожиданное суждение, что генерал смущался. Спрашивать в лагере не принято («вопросы задают в конторе»), а сам Чернухин о жизни своей докаторжной помалкивал. Прошлой зимой жестокая простуда свалила Чернухина, ему дали освобождение, и день он пролежал на нарах, к вечеру температура поднялась, начался бред, в котором Невелину приходилось даже рот прикрывать больному. Он говорил что-то об Анастасии, называя ее «Ваше Высочество», потом переходил на польский, очень чувственно, со слезой, как бы читал заученные тексты на французском и английском – Невелин помнил кое-что еще с петербургской юности. Ребята насобирали по всему бараку таблеток, Невелин сбегал в санчасть, мест там не было, но лекарства дали. К утру Чернухин успокоился и уснул, кризис прошел.

Через два дня, работая пилой в паре, он, узнав, что бредил, с опаской спросил соседа, не говорил ли в бреду чего-либо необычного.

– Говорил, бугру было что послушать, но нам это не интересно, как вы сами понимаете.

Арсений остановил пилу:

– Что сказал, повторите, это крайне опасно?

Невелин кратко пересказал бредовые речи, упомянул про иностранные языки:

– Не переживайте, кроме меня никто не слышал, иначе давно бы поинтересовались, где сибирский крестьянин получил столь приличное образование. Я и раньше замечал за вами проколы, но стеснялся заводить речи об этом.

Чернухин сел на бревно, вытер мокрое от пота лицо несвежим полотенцем, силы еще не вернулись к нему:

– Спасибо, генерал, я действительно такой же крестьянин, как и архиерей. Если коротко, поляк по происхождению, родителей Государь отправил в Сибирь, а органы прибрали после

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

Гражданской. Меня спас тиф, потом соседка, сердечная русская женщина, приняла меня вместо сына, умершего от тифа же, его паспортом прикрыла от новых властей. С дочкой ее, Лидой, случились у нас чувства, но сложно скрывать, окраина городка, почти деревня. А за Лидочкой стал ухаживать молодой милиционер, она мне и сказала, что он подозревает. Тогда я махнул на Урал, пять лет скрывался, думал, все улеглось. Ан нет, с тем чекистом опять пути схлестнулись, и вот я здесь.

На второй день, попав вдвоем на ремонт завалившегося банного дымохода, они наговорились сполна.

После построения по поводу войны и добровольцев Арсений спросил:

– Генерал, вас действительно могут отпустить на фронт?

– Не знаю, это будет решаться чуть не у Берии.

– Мне не совсем понятна ваша логика, России прежней уже нет и никогда не будет, эта власть вас низвела до раба на лесоповале, но вы готовы ее защищать и даже призываете к этому других. Я знаю, вы порядочный человек, но как это все совместить?

– Вопросом на вопрос. Вы подадите заявление?

– Скорее, нет. И не потому, что я поляк, нет, моя родина – Россия, но как можно воевать за власть большевиков, уничтоживших мою родину и создавших страшное государство?

– Но родина осталась. Представьте на мгновение, что будет с Россией и русским народом, если Гитлер дойдет до Урала? Это не только гибель нации и русской государственности, это крест на цивилизации, в ее интеллектуальном аспекте, это возврат к средневековью на новом техническом уровне.

– Давайте решим так: если вас отзовут на фронт, я пишу заявление добровольца. Но там мы вряд ли встретимся.

– Война большая, но она одна, встречаться не обязательно, важно победить.

Люди не замечали, что слово «война» изменилось по смыслу, оно всегда было в русском языке, с начала века не забывалось: то японская, то германская, то империалистическая, перешедшая в Гражданскую. Эта война была страшной, потому что впервые на человеческой памяти сознание людское перевернулось, сместились понятия, вроде внутри страны жили, своим народом, а сосед соседу враг, брат брату враг, не было фронта в обычном понимании, в каждой деревне линия обороны проходила, в каждой семье, в душе нередко возникали у людей сомнения вплоть до перемены убеждений и смены флага над головой. Потихоньку все успокоилось, хотя отголоски гражданской до последнего времени доносились глухими раскатами: там взяли группу бывших, тут разоблачили. Эта война, сразу названная Отечественной, то есть, за Отечество, за Родину будем воевать захватчика, воспринималась как великое испытание, как проверка на жизнь. Пусть говорили пропагандисты о борьбе двух систем и идеологий, пусть писали газеты о верности советского народа родной власти и родной партии – все было проще: со времен татар и монголов, со времен униженного состояния порабощенного народа в сознании вызревало и формировалось понимание сути национальной независимости, в гены потомкам передавалось предостережение от всякого рода соблазнов поискать покровительства под чужими хоругвями или под иной верой, нравственной необходимостью стало жить своим народом, своим миром. Советская власть крепко ломанула народное тело и народную душу, но устоял нравственный хребет, убереглось понимание родины как чего-то неизменного, вне зависимости от названия властей и цветов флагов. Не умея часто сформулировать свое убеждение, люди шли в бой, не особо

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

задумываясь, потому что так нужно было, умирали на бегу, натыкаясь на встречную пулю или ловя снарядный осколок, раненые, мучились в госпиталях, кое-как подлечившись, возвращались к своим или шли на распределительные пункты.

Генерала Невелина увезли в Москву самолетом вместе с несколькими высокими чинами, набранными в соседних лагерях. В последний вечер вокруг него собрались товарищи, с кем сдружился за год работы в тайге.

– Сожалею, что не все вместе уходим, но обещаю, что буду хлопотать перед властями за каждого. Вам, Чернухин, настоятельно рекомендую заявление все-таки написать, и уже с фронта дать мне весточку.

Арсений заявление написал, его вызвал какой-то чин из конторы, небрежно спросил:

– Воинской специальности нет? В армии не служил? Статья серьезная, хотя состав преступления малозначителен. Жди, рассмотрим, но зачисления в регулярную армию не гарантирую, в лучшем случае – штрафбат.

– А что это такое?

Офицер снисходительно на него посмотрел:

– Это команда врагов советской власти, решивших искупить свою вину кровью. Погиб – реабилитирован, ранен – переводят в войска.

Арсений изначально понимал, что лагерники будут использоваться в самых опасных операциях, но не думал, что все будет обставлено так цинично буднично и откровенно. Из лагеря их набрали больше ста человек, пешим строем и под усиленной охраной довели до узкоколейки, платформы с добровольцами паровозик дотащил до полустанка. Долго ждали теплушки, еще в двух местах жгли костры и толпились такие же оборванные и безразличные люди. Подали «телятники», в каких возили зэков, так же под охраной дошли до Свердловска. Только что освободившиеся казармы ушедшей на фронт команды приняли новый состав.

Штрафники шли к фронту, и фронт шел им навстречу. Арсений, не служивший в армии и не знавший ничего, что касается ее порядков и организации, все равно понимал, что вот эта толпа безразличных в основном и деморализованных людей ни при каких обстоятельствах не будет боевой единицей. Уголовники верховодили и здесь, как в лагере, командиры не появлялись, и откровенных столкновений, драки и резни удавалось избежать только потому, что политические держались дружно. Кормили один раз в день, тут же, у котла с кашей, выдавали сухари и соленую рыбу, все съедалось в один присест, и в пути сохло в горле, у колодцев и родничков ругались и толкались. Арсений ни во что не вмешивался, держался особняком, среди полутора сотен мужиков, одетых в бэушную солдатскую форму, непростиранную, со следами крови и пугающими дырками от пуль и осколков, несложно затеряться, но внимание к себе он замечал.

На ночном привале подсел конопатый паренек с раздвоенной после драки верхней губой, худой и шелудивый, чем вызвал отвращение Арсения.

– Мне велено переговорить с тобой, чтобы ты от стаи не отбивался. – Парень щурился и шепелявил – пару зубов при том ударе он все-таки потерял. – Пахан велел подойти, когда все угнездятся. Понял?

Арсения мелко колотил гнев, но он ответил спокойно:

– Не пойду. Так и скажи: один я, один и останусь.

Парень усмехнулся:

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

– Ты хоть знаешь, о ком базаришь? Ему тебя пришить – раз плюнуть. Да мне же прикажет, и мамкнуть не успеть.

– Кончен разговор. – Арсений тяжело поднялся: три дня пешего перехода и бескормица вымотали его окончательно. – Вали отсюда и успокой своего пахана: под него не лягу.

– Ладно, мое дело – сторона. – Визитер неохотно встал. – Я ему скажу, что ты завтра подойдешь для личной беседы. – Он криво усмехнулся. – Не буду себе ночь портить дурными вестями, пахан кодлу сбивает, чтобы на передовую в боевой готовности прийти, так что маракуй, пока время есть.

Арсений взял котелок и пошел к реке, пить сильно хотелось, да и пустой желудок водой наполнить, все меньше сосет. В десяти шагах остановил часовой, лязгнул затвором.

– К реке за водой можно?

Солдат подошел ближе:

– Принеси и мне котелок, больно пить хочется. Только не вздумай бежать, пуля догонит.

Арсений промолчал, подошел к берегу. От воды несло запахи речной зелени, квакали лягушки, белели в темноте не плотно закрывшиеся кувшинки. С правой стороны мрачной серой стеной стоял камыш, слева плес, мелководье, утки спят, положив головки под крыло. Как мирно! Как прекрасна жизнь! А что он? В кампании человеческих отбросов идет на верную смерть. Нет, он не раскаивался, что вызвался добровольцем, он всегда помнил слова генерала Невелина, что лучше погибнуть в бою, чем гнить в бараках, и даже сейчас соглашался с ними, но как глупо складывалась жизнь! Только несколько дней из сорока с лишним лет виделись ему светлыми, солнечными. Лицо Анастасии, девическое, почти детское, с капризной губкой и озорными глазищами, и строгое, страдающее, взрослое в проеме полутемного вагона, всегда было с ним. Он жил этим образом, стараясь не вспоминать о Лиде, о девочке с родинкой за ушком, он понимал, что виноват перед ними, но уйти в ту жизнь уже никогда не сможет. Да и доведется ли делать выбор, даст ли суровая судьба шанс остаться в живых? Лучше не думать об этом, он привык готовиться к худшему и почти никогда не ошибался.

Солдат проворчал, почему так долго, и жадно припал к котелку. Арсений заметил человека на полпути к кострам, тот явно старался быть незамеченным. «По мою душу… Может, вернуться к часовому…?». Арсений подавил страх и пошел навстречу.

– Чернухин, подойдите сюда, здесь света от костров меньше.

Арсений присел на корточки и приложился к котелку. Вода была теплой и пахла тиной, но он не замечал, пил крупными глотками, выигрывая время, чтобы унять противную дрожь.

– Моя фамилия Штепель, генерал Невелин просил за вами присмотреть и помочь, в случае необходимости. Знаем, что к вам подходили уголовники, знаем, что вы отказались участвовать в провокации. Потому предлагаю присоединиться к нашей кампании, политические, как вы заметили, держатся дружно. Одного вас уберут. Что скажете?

Арсений молчал. Он не разделял взглядов этих романтиков от революции и не верил в их завтрашний день, ему противны были заверения в неизбежности грядущего счастья всего человечества, которыми они завершали все ночные дискуссии в бараке, но выбора нет, и ему придется примкнуть к политическим. Да и статьями они родственники, так что все логично.

– О какой провокации вы говорили?

– Уголовники рассчитывают получить оружие и воспользоваться им для освобождения.

– Это же полный бред, какое освобождение, нас даже безоружных охраняют автоматчики.

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

– Они думают уйти за линию фронта. Мы решили предупредить командование. Как вы считаете?

Арсений невольно улыбнулся:

– Странные вы люди… Неужели военные столь наивны, что позволят вооруженным уголовникам вести себя, как им хочется? Мы с вами в штрафной команде, ничего не изменилось, и в бой мы пойдем при усиленном сопровождении, не исключаю, что вообще без оружия.

Штепель, видимо, был озадачен:

– Полагаю, такое невозможно, оружие выдадут, как иначе? Мы же просились на фронт воевать, а не…

Он не смог найти нужного слова и замолчал.

– Спасибо вам за заботу, господин Штепель, я вашим предложением воспользуюсь. – Он поднятой рукой остановил метнувшегося собеседника: тот явно хотел возразить против господина. – О докладе начальству советую подумать, вы же знаете, что они с уголовниками быстро находят общий язык, когда дело касается вас. Извините, я пойду, очень хочется спать.

К обеду следующего дня колонна вышла в расположение воинского подразделения, солдаты настороженно смотрели на разномастную толпу грязных и заросших щетиной мужиков. Зэков накормили в сторонке, построили, провели перекличку. Рослый молодой мужчина в солдатской гимнастерке без погон, в офицерском галифе и хромовых сапогах, светловолосый, гладко выбритый, встал перед строем:

– Я назначен командиром отдельной штрафной роты, так называется наше подразделение. Моя фамилия Шорохов. Звания нет, обращаться по должности. К вечеру назначу командиров взводов, а сейчас всем отдыхать.

Арсений бросил свой мешок в тени чахлой березки и лег на спину. Безысходность и неотвратимость чего-то страшного угнетали его. Прошел слух, что завтра роту могут бросить в бой. Ничего странного, товарищи командиры, конечно, не знают, да и знать не хотят, что очень многие из вновь прибывших, как и Чернухин, не держали в руках винтовку, для них это не важно, у них свой взгляд на полторы сотни вчерашних заключенных, пожелавших пойти на защиту своей Родины. Они не дадут себе труда разобраться и развести по разным сторонам отъявленных уголовников, готовых ударить в спину и уйти за линию фронта, и таких, как Штепель и его товарищи, искренне уверенных, что их участие на фронтах поможет стране, партии и народу. Странные люди, но Чернухин был удивлен их доброжелательным приемом: Штепель назвал его товарищем генерала Невелина, и Арсений не стал возражать. Потом ему объяснили, что все политические объединены в партийную организацию ВКП(б), руководит ею товарищ Головачев, до ареста был секретарем обкома, из рабочих, убежденный большевик.

– Насколько я осведомлен, вы в партии не состояли, – сказал Головачев. – Но рекомендация генерала дорогого стоит, потому мы считаем вас своим. Вы не возражаете? Хорошо. Товарищи, нам следует просить командира роты, чтобы нас объединили в один взвод. Я бы не хотел идти в бой рядом с уголовником.

Партийного лидера поддержали, и Арсений не стал вмешиваться со своими рассуждениями, что ротный командир постарается разбавить стройные идейные ряды ненадежными элементами. Так и случилось. Когда зачитали повзводные списки, партийцы почти равными долями оказались во всех трех подразделениях. Возмущенный Головачев подошел к Шорохову:

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

– Разрешите, товарищ командир роты?

– Разрешаю, но товарищей тут нет. Говорите суть.

– Мы хотели бы создать отдельный взвод бывших политических.

– Что еще?

– Больше ничего, – растерялся Головачев.

– И на том спасибо. Запомните: приказы командира не обсуждаются. Мы все здесь одной породы, штрафники, люди вне закона, никаких различий по чинам и званиям. Почему я должен вам это разъяснять? Вы не служили? До ареста кем были?

– Секретарем обкома партии.

– Я месяц назад полком командовал. А, возможно, завтра пойду с вами в атаку впереди танков, без артподготовки. Вот так, товарищ секретарь. Рота должна выполнить задачу, и она выполнит или погибнет. Все, идите, я и без того много вам наговорил.

Ранним утром, еще до рассвета, всех потихоньку подняли, кое-как построили. Ротный дождался относительного порядка.

– Рота, слушать внимательно! В двух километрах деревня, которую нам предстоит взять. В деревне до роты немцев. Пойдем тихо, первый взвод прямо по дороге, второй слева, третий обходит справа. Взводные установку получили. К восходу солнца объект должен быть нашим. Для всех вас это первый бой, потому проявляйте мужество и хитрость, по возможности. И еще. Только вперед, за трусость расстрел на месте. Назад не советую, нас прикрывают автоматчики СМЕРШа. Все. Выдать оружие!

Из кузова полуторки солдаты совали в толпу винтовки, рядом старшина давал по пригоршне патронов. Арсений отошел в сторону, дернул затвор и вставил патрон.

– Разобрался? Меня товарищи попросили быть с вами. – Молодой мужчина, Арсений видел его среди политических, тоже обихаживал винтовку. – Взводный у нас военный человек, пойдемте, он просил собраться.

У полуторки поднялся шум, винтовок не хватило, почти половина штрафников осталась без оружия. Рябой, знакомый Чернухина, суетился и кричал:

– Беспредел! Я не кабан из пригончика, чтобы на забой идти! Ротный, не пойду без ружья!

Ротный рявкнул:

– Прекратить вой! Приготовиться к броску! Пойдем легкой рысью, и чтоб тихо! Безоружные винтовку добудут в бою. Пошли!

Быстрым шагом, а потом и трусцой направились в сторону деревни. Рябой пристроился рядом с Чернухиным, бежал тяжело, сипя прокуренными легкими.

– Ты не боись…, не трону…, ждать буду…, когда тебя убьют…, винтовку захвачу, – переводя дыхание, выговорил он.

Арсений плюнул и прибавил шаг, но скоро вся цепь остановилась. «Идти тихо, впереди посты».

Странное дело, но Арсений так и не мог принять как реальность, что он идет в бой, что в руках у него оружие, которым он должен убить человека, что стоит ему чуть ошибиться, и тот убьет его. Как все просто! Он мог бы признаться себе, что никогда не нажмет на крючок винтовки, не сможет, потому что не знает за собой такого права, и пусть тот, что напротив, берет его на мушку, пусть стреляет – его жизнь уже ничего не стоит, даже этого выстрела. Он шел навстречу бою, не ощущая тех, кто рядом, шел один и в этот раз, как почти всегда в жизни.

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

Раздалась густая стрельба впереди, яркая ракета неожиданным солнцем взошла над деревенской околицей, неуместное «ура» пронеслось по рядам, цепь радостно рванулась навстречу огню. Арсений видел, как упал рябой напарник, упал неловко, лицом вниз, подвернув под себя безоружные руки, в рассветных сумерках видел вспышки выстрелов от деревни, бежал, не пригибаясь и не поднимая винтовки.

Все закончилось как-то неожиданно, немцев в деревне не оказалось, стреляли солдаты передового охранения, которые не стали ввязываться и умчались на трех мотоциклах. Ротный собрал командиров взводов и приказал на всякий случай окапываться, потому что противник даже столь незначительного прорыва не простит и ударит, а команды возвращаться нет и не будет.

Арсений копал влажную глину, укладывая по краям окопа пласт за пластом, рядом устраивал окопчик Головачев, рукав его гимнастерки побурел от крови.

– Вы ранены?

– Зацепило чуть, а забинтовать нечем, рубашку порвал, только все равно мокнет.

У Арсения в мешке лежал перевязочный пакет, вчера солдатик молодой дал, сказал, что без этого в атаки не ходят. Головачев снял гимнастерку, сдернул пропитанный кровью обрывок рубахи, Арсений протер рану и туго перевязал.

Из тыла подъехала машина, какой-то офицер громко кричал на ротного, ветерком доносило только «прохлаждаетесь», «противник прет», потом объявили переход на новое место.

– Командир, а ямку эту я за каким хреном рыл? – сидя на корточках перед почти готовым окопчиком, пенял взводному пожилой грузноватый уголовник по кличке Милый. – Или мне с собой ее взять?

– Не тоскуй, Милый, в случае чего мы тебе еще лучше ямку выроем, – успокоил взводный давнего товарища по отсидке. – Поспешай, братва, ротный матом кроет.

Предстояло пройти три километра лесами в направлении какого-то важного шоссе, там мост через реку, и ожидается танковый прорыв.

Вот тут и увидел Чернухин войну во всей страшной силе ее борьбы со всем живым, в ее способности спрессовывать время и обозначать миг между бытием и отлетом души. Многотонные громады танков неудержимо неслись на людей, бестолково пытавшихся зарываться в землю, стрелять из винтовок и бежать, обезумев от ужаса. Танки настигали метущихся, сбивали их и наматывали на гусеницы.

Несколько человек добежали до леса, танки, кружнув по поляне, выровнялись в колонну и пошли дальше. Арсений сел на поваленное дерево, его вырвало густой тягучей слюной. После минутного забытья огляделся: два десятка штрафников одинаково безучастно чего-то ждали. Один поднялся, держа винтовку за ствол, как палку:

– Пошли, после танков пехота пойдет, добьют.

Смершевец говорил с ним минут пятнадцать, не больше, конвоир отвел к группе таких же, как и он, неприкаянных и никому не нужных. Среди оставшихся в живых Арсений не увидел ни одного знакомого. Еще через час их отправили на правый фланг, где формировался штрафной батальон – так сказал старший конвоя. Батальон несколько дней готовился к боям: разжалованные офицеры учили работать с гранатами против танков.

– Ну, братва, наши дела даже хреновыми не назвать, – размышлял сухопарый мужик с синяком под глазом. – Я видел, как ребята брали инкассаторскую машину, так то тычинка и пестик против танка. Вот ты посмотри, – он обратился к Чернухину, – я с танком знаком по

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

картинкам, а мне на него с гранатой. Конечно, я полезу, потому что автоматчики сзади могут хорошо подтолкнуть, но в чем фокус? Я его подобью, но уже не жилец, они же меня кончат, или те, или эти, если назад поползу. Вот и вопрос: получу гранаты, и куда? Тычинка и пестик, другого выхода нет.

Чернухин будто у него комара на лбу убил, наклонился:

– Не брякай языком!

– Так я же в целом…

И они пошли на площадку, где стояла крестьянская телега, взятая в соседней деревне. Телега понималась как вражеский танк, и мужики на полном серьезе швыряли в нее гранатные болванки. Дважды еще смерть отталкивала Арсения, отказывалась принять его жертву, когда при отражении танковой атаки его граната не взорвалась, он упал вниз лицом, ждал взрыва, а его не было, и танк проскочил над ним, обдав дымом, пылью и грохотом. И потом еще, при безумной дневной атаке в полный рост, они бежали полем нескошенной ржи, бежали на верную гибель, но появившиеся сбоку советские танки накрыли окопы противника, и остатки штрафбата нечаянно остались жить.

Его ранило при авиационном налете, батальон доедал кашу, когда появились три штурмовика, они и прошли только раз, сбросив по одной бомбе и полоснув пулеметными очередями, а наработали много. Начальник полковой разведки орал потом на комбата, что на него штрафников не напасешься. Арсений этого не слышал, его в ту минуту оперировали в полевом госпитале. Осколок, вынутый из плеча, хирург ему показал потом, сказав, что сохранит, органы могут проверить, не самострел ли штрафничок.

На распределительном пункте после ранения Арсений Чернухин получил назначение в минометную роту. Офицер, посмотрев его бумаги, улыбнулся:

– Хотел тебя напугать, что минометчики под самым боком у противника работают, да, похоже, ты из пуганых. За что попал в штрафбат?

– Добровольцем, командир.

– Ну, ты Ваньку-то не валяй, я от души интересуюсь.

– Добровольно, из лагеря я.

– По какой статье сидел?

– По той самой.

– А ранение в плечо не самострел?

– Уже проверили, был бы самострел, не говорил бы с вами.

– Это мы уточним. – Особист крутнул ручку аппарата: – Барышня, дай мне тринадцатого. Тринадцатый? Чернухина из штрафбата кто оперировал? Ты? Назови фамилию. Понял. У него пулевое ранение? И пуля, случаем, не соседа по нарам? Осколочное? Точно? Смотри, я проверю, головой отвечаешь, если он самострел.

Положил трубку, лениво повернулся к Арсению:

– Все нормально. Вас тут трое уже, сейчас в полк полуторка пойдет, на ней доскочите. Явку вашу пусть командир роты мне отзвонит. Давай следующего.

В кузове полуторки лежал с десяток ящиков, Арсений присмотрелся – мины. Стало жутковато, в последнем бою на его глазах троих ребят миной разорвало.

– Не боись, – успокоил попутчик, спокойный верзила с перевязанной головой, – они безвредны, пока не на боевом взводе, хоть в городки ими играй.

– Ты тоже из госпиталя, голова перевязана?

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

– Не доехал, сбежал, в медсанбате кровь остановили, мне и полегчало. А раз так – нахрена я поеду в госпиталь, проваляюсь там, а наши уйдут, как я потом без родной минометной роты?

Чернухин с интересом смотрел на этого странного человека, который госпиталю и паре недель отдыха от войны предпочел побег из медсанбата и возвращение в родную, как он выразился, роту.

– Тебя же в голову ранило, не в задницу, нельзя так несерьезно относиться к себе. А если рана откроется?

Тот махнул рукой:

– Чему открываться, осколком чиркнуло и какой-то сосуд с кровью подрезало, вот из меня и хлестало, как из барана, до самого санбата. А зашили, и все кончилось. Ты к минометчикам? Айда к нам, у нас старшина толковый и командир хороший, не прогадаешь.

Чернухин отмолчался. Он уже несколько дней наслаждался пусть относительной, но свободой, когда за спиной нет солдата с автоматом, хочешь есть – развязывай сидор или подговаривайся к ближайшей кухонной обслуге, хочешь полежать – шинель под бочок и лежи. Людей на пункте скопилось много, так что два дня в никуда – это великое дело после восьми лет лагерей и трех страшных атак в штрафном батальоне.

Минометная рота, в которую направили Арсения, находилась на отдыхе после боев. Чуть в стороне, на высотке, он заметил большой крест, скрепленный из неошкуренных березовых концов.

Диковата была эта тишина и березы, все в зелени листьев, и немятая трава, веселая и беззаботная, какие-то птички в верхушках деревьев шустрят, щебечут, и вроде тут войны нет и не было, только вот братская могила…

– Ребята наши похоронены, которые тут погибли в последнем бою, – старшина роты, подбежавший к машине, у вновь прибывших взял документы. – А пока ящики разгружайте, чего стоять?

Знакомый голос у старшины, и лицо вроде знакомое, но не вспомнил Чернухин, схватился за ящик. Он взмок, пока снимали и относили в сторону тяжелые снаряды. Кормежка в штрафбате мало чем отличалась от лагерной, только перед самым его ранением выяснилось, что тушенку всю забирал себе комсостав. Да и ранение, хоть и легкое, тоже здоровья не прибавило. Верзила засмеялся:

– Ничего, с нашим старшиной привыкнешь, он суровый мужик, но добрый, в обиду не даст.

«Добрый» окликнул:

– Мымрин, ты какой документ мне подсунул? Где бумага из санбата?

– Нету у меня, старшина, такой бумаги, сбежал я оттуда.

– Вот всегда ты такой, Мымрин, неловкий, всегда у тебя все не как у людей. А ты, Чернухин, что можешь? Миномет обслуживать можешь?

– Я его первый раз вижу, граж… – он осекся, быстро поправился: – Товарищ старшина.

Старшина с сочувствием на него посмотрел:

– Ранение в плечо? Ты ведь мины подавать не сможешь? Куда тебя определить, или пусть ротный думает? – Он еще раз взглянул на новичка. – Арсений, Господи, это же ты!

Чернухин тоже узнал:

– Тима!

– Арсений!

Обнялись, Кузин смахнул слезу:

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

– Ничего не спрашиваю, ночью поговорим, а пока надо тебя определить.

Арсений пожал плечами, за последние годы он научился совершенно безразлично относиться к завтрашнему дню, зная, что от него самого ничто не зависит, потому полагался на судьбу. Вот и сейчас он пожал плечами: решайте, граждане начальники, а вчерашний зэк Чернухин пойдет, куда вы прикажете.

– Обожди, – старшина приподнял ладонь, – кажись, придумал. Кныш! Подойди сюда. Возьми этого мужика к себе, все равно у тебя заряжающего убило. Не спрашивай, он миномета в глаза не видел. Потренируйся с ним, только имей в виду, плечо у него изувечено. По моим данным, с недельку простоим, так что не теряй время.

Кныш, молодой сухопарый паренек лет двадцати, щеголеват, насколько позволяет обстановка, с медальками на гимнастерке, осмотрел Арсения быстрым взглядом.

– Это который из штрафников? Других нет, старшина?

– А чем я вам не нравлюсь? – спросил Арсений.

– Биографией не нравитесь. Пошли ко мне.

Кныш смастерил обширный шалаш, на земле кошма, на колышках котелки сохнут. Арсений сглотнул слюну: со вчерашнего дня маковой росинки во рту не было, Кныш уловил, улыбнулся:

– Садись на это полено, я мигом к повару сбегаю.

Принес котелок каши с тушенкой, котелок кипятка. Арсений начал есть степенно, не выказывая унизительного голода. Кныш и это заметил:

– Ты не стесняйся, я неловко брякнул насчет штрафбата. Меня Василий зовут, ты Арсений, это мне старшина сказал. А ты знаешь, что ваш батальон на правом фланге третьего дня полег?

Арсений поставил котелок.

– Был слух, что нас могут через минное поле погнать, потому что наступать надо, а он разминировать не дает. Был слух… Но меня ранило две недели назад.

– Ты как туда попал?

– Через знакомого из органов.

Кныш понимающе кивнул:

– А родиной ты откуда?

Арсений засмеялся:

– О моей родине лучше не вспоминать, а то опять в штрафбат вернусь. За Уралом, в Ишиме долго жил, потом переехал в деревню, Селезнева называется.

Кныш аж привстал:

– Не Зареченского ли района?

– Да, так.

– Земляки мы с тобой, я вакоринский, деревня такая на горе.

– Извини, не бывал. А про Форина что-нибудь слышал?

– Знаю, что был такой начальник милиции, потом в области работал, когда я в армию уходил. Старшина тоже наш земляк.

– Мы знакомы.

– Вот и хорошо. Отдыхай, я пока по комсомольским делам в батальон сбегаю.

Арсений прилег на кошму. Он очень устал за последние дни, особисты долго решали, отправить зэка в армию или вернуть в штрафбат. Если бы не пожилой комиссар, который за

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

него заступился, погиб бы безвестно на том минном поле. А тут вот встретил Тиму, еще земляка, вечером Тима что-то расскажет о Лиде и дочке, только дождаться. Он не заметил, как уснул, впервые за последние годы привиделась дочка, маленькая, какая осталась в памяти, только говорила она голосом Княжны, а что – он не мог понять. Одно только дошло: «Ничего не бойся, я люблю тебя, я тебя дождусь».

Кныш легонько пошевелил его за колено:

– Вставай, старшина зовет. Что за слово ты сейчас говорил во сне?

Арсений еще слышал родной голос и не понимал Кныша.

– Ладно, иди, потом расскажешь.

Кузин стоял около кухни с полными котелками каши. Они молча прошли к землянке командира роты, который со взводными остался ночевать в батальоне, отдав приказания старшине по телефону. Сели на короткие чурбаки около снарядного ящика, накрытого плащ-палаткой.

– Водки я не взял, знаю, что не принимаешь. Значит, настиг тебя Форин?

– Через полгода. К его обвинениям в антисоветской пропаганде присовокупили мое свердловское задержание, и хотя никаких доказательств не было, тройка на всякий случай определила пять лет, потом еще пять добавили в лагере, заступился за французов, какие-то интернационалисты, слетелись в Россию, как мотыльки на свечу, их всех прибрали. Мои там как?

Тимофей поднял глаза:

– Лиду ты должен простить, с Фориным у неё больше ничего не было, а в тот раз она действительно ради тебя пала, Бог тому свидетель. К весне я съездил за Анной, привез ее, по дороге остановились в Свердловске, нашел маленькую церковь, батюшке все объяснил, оба исповедовали грехи свои, и он нас обвенчал. За лето избушку поставил, недалеко от твоих, помогали Лиде по хозяйству, по ее поручению ездил к каким-то евреям, прости Господи, деньги они давали. Лида говорила, что это твои деньги, иначе бы я не пошел. Девочка твоя выросла, невеста уже. Погоди! – Он развязал мешок, достал толстую книжку и вынул из нее фотокарточку: – Вот, обе твои красавицы, перед самой войной снялись. Я взял на всякий случай, думаю, Бог все видит, возьмет и сведет нас на войне.

Арсений при свете фонаря вглядывался в родное лицо дочери, совсем взрослой, по его породе высокой и статной, женщина рядом была ему чужой, ничто не шелохнулось в душе при взгляде на нее. Что же происходит с человеком, почему девочка, лицо которой он увидел, как только вошел в сознание после нескольких суток тифозной безнадежности, когда уже и сама Евдокия, только что схоронившая сына, была готова к новым сборам и хлопотам, лицо, показавшееся ему красивым и светлым настолько, что он потерял все в своей памяти, а она заменила ему грезы и фантазии – почему лицо это на фотографии через пятнадцать лет не вызывает в нем ничего из тех чувств, которые обуревали его в часы уединения с нею, когда новая мама уходила на работу, оставляя выздоравливающего приемыша на дочку свою Лиду? Он вспомнил сейчас, как они признались маме, что любят друг друга и хотят пожениться. Не желая глубины воспоминаний, размягчающих сердце, он стряхнул прошлое и вернулся в землянку.

– Спасибо тебе, Тимофей. Я не могу судить Лиду, потому что не был ей настоящим мужем, а только материальными воспоможениями не заменишь живого отца и мужа. Дочь дорога мне,

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

но она совсем не знает отца, и часто спрашиваю себя: не одно ли имя ее люблю я в ней, вот в чем вопрос.

– Скажу тебе, как и раньше говорил: веры в тебе нет, вот и мучают тебя бесы, прости Господи! Ладно, про семью мы потом, сейчас – как ты сам себя чувствуешь? Минометчик в бою устает хуже пахаря на поле, наводчиком бы тебе навостриться, там не надо физически. Плечо болит?

– Боли нет, но всякое движение отдается.

Утром ротный привез новое пополнение, в основном молодежь, но были и повоевавшие, после лечения. Дал команду сформировать расчеты с резервом, чтобы в случае выхода из строя кого-то в бою миномет не молчал. Учились копать гнезда для миномета, щели укрытия и ходы сообщений. Привыкали к минам, протирали их от заводской смазки, бывалые солдаты обращались с ними, как с дровами, чем вводили молодежь в ужас. Кныш был поражен, насколько быстро и правильно усвоил новичок науку наводчика, он выдавал команды, а Чернухин устанавливал прицел. Василий глянет – все правильно, однажды даже спросил:

– Чернухин, по-моему, ты минометное дело изучал. Не соврешь?

– Нет, не изучал, но мне знакомы общие принципы работы подобных систем наведения, теоретически.

Кныш посмотрел на него с непониманием:

– Откуда? В Селезнево тебе их преподавали, что ли?

– Конечно, нет, но в лагере со мной сидел генерал один, артиллерист, его фамилия Невелин, вот он мне кое-что рассказывал.

Кныш аж подскочил:

– Чернухин, генерал Невелин – командир нашей дивизии, ты знал об этом?

– В штрафбате такими мелочами не интересуются.

После недели отдыха и переформирования рота заняла отведенные ей позиции. Днем командиры изучали обстановку, противник на этом участке притих, окопался, мужики шутили, не зимовать ли собрались фашисты в благодатных райских местах. Шутили, но все понимали, что бои тут будут нешуточные, потому ночью тихо, чтоб даже сосед не слышал, поползли навстречу врагу, на передний край, под самый нос фашистам. Такова задача мелкокалиберных минометчиков, такова их участь, потому столько потерь, если любой ценой надо обеспечить прорыв пехоты.

Мягкую податливую землю копали лежа, устанавливали минометы-стволы на плиты, еще там, в лесу, ротный напомнил: брякнул металлом – прощайся с жизнью, потому что противник тоже не всегда спит, и на звук ударит из пулемета, а то и миномета. Тут тебе и конец.

– А сколько до противника? – спросил Чернухин Василия.

– Как угадаешь, метров триста.

– Так близко?

– Хорошо. Триста пятьдесят. – Кныш рассмеялся.

Они удачно установили свой миномет, подтянули ящики со снарядами. Ударят все по сигналу трех красных ракет, когда он будет – солдатам неизвестно, потому спешка, потому пот и сердце навылет. Кныш опытный, знает по отдельным звукам, что все ребята управились и готовы к атаке. Арсения бил озноб не страха, а ожидания, неизвестности. И вот три ракеты разом, и они еще сгореть не успели, как сотни стволов ударили залпом, а потом пошла стрельба вразнобой, кто-то быстрей заряжал, кто-то задерживался. Кныш умело ставил мину

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

на боевой взвод и опускал в жерло ствола, выстрела не слышно, только дым и стреляная гильза, ротный дает новые установки, Чернухин вносит поправки в прицел, и они бьют, бьют, бьют. Ответные выстрелы редки и неточны, фашисты не засекли подход минометчиков, они стреляют по ближнему лесу, но там уже никого нет. Минометный обстрел длится полчаса, израсходован почти весь запас, зеленая ракета дает отбой, и уже мощное «ура» несется в ночи вслед за бегущей пехотой, в наступившей тишине ее крик еще более страшен. Противник опаздывает, когда раздались первые автоматные и пулеметные очереди, пехота была уже в его окопах, и тогда жуткие крики разорвали ночь, это люди кололи друг друга штыками, ножами и кричали от боли и страха. Стрельбы почти не было слышно, только мат атакующих и рев раненых мужиков. Арсений, сидя на дне своей ниши, вдруг подумал, что предсмертный крик интернационален, кто сейчас умер, немец, русский – не разобрать. Ему стало страшно и противно.

Над передним краем взметнулась белая ракета, и танки пошли из соседнего леса, перекрывая своим ревом все звуки боя, но без стрельбы, угрожающе покачивая стволами. Их видно было на фоне белеющего уже неба, они пересекли линию вражеской обороны и устремились на запад. Ротный скомандовал:

– Командирам расчетов доложить обстановку, потери, наличие снарядов.

Светало. Кныш намекнул, что, возможно, полк перебросят на машинах, потому что фронт на этом участке сместился километров на десять и пешком, с минометами, топать такую даль ему, видимо, не хотелось.

Подошел старшина Кузин, сказал Кнышу, кто погиб и кто ранен, что в шесть ноль-ноль кухня подъедет.

– Опять каша? – брезгливо спросил Василий.

– Нет, на этот раз я для тебя вареников налепил!

Не успели еще и кашу в котелках заскрести, как старшина крикнул:

– Приготовиться к пешему маршу, выступаем через пять минут.

Солдаты матерились беззлобно, потому что нет ничего хуже, чем при такой природной красоте идти пешим маршем, да еще с минометным стволом или плитой на спине. Арсений взвалил уже остывший ствол и пошел за Кнышом. Огромный дуб на окраине леса так широко раскинул свои ветки, что закрыл полнеба, он был красавец и властелин леса, не было в виду и сколько-нибудь похожего на него, только Арсений помрачнел, увидев, что дерево расщеплено, и половина ствола вырвана навсегда.

«Это он второй половиной держит всю крону. Каков богатырь, и вида не подает, что покалечен, держится гордо, да хватит ли у тебя сил питать все свое семейство, зарастет ли рана, не забракует ли тебя послевоенный мирный лесник и не отдаст ли на дрова, не учитывая твоих боевых заслуг? Не так ли и человек – покалечен, сил нет, но вида не выказывает, бодрится. Вот верзила этот, Мымрин, в голове дыра, а он на фронт сбежал, хотя вполне мог под дурачка комиссоваться или хотя бы с месяц в госпитале проваляться. А Россия наша – столько миру положила, сколько молодых и красивых жизней оборвалось, до Волги себя потеряла, но нашлась, напряглась, вены вздулись и лопаются от пересилия, обдавая краснотой небо и землю, подобно тому, как во вчерашнем бою сраженный осколком молодой солдат упал прямо на своего товарища и залил его своей горячей кровью».

Так думалось ему, и легче было идти, тяжесть ноши не ощущалась. Старшина Кузин подошел, молча взял с плеча Арсения ствол, пошли рядом.

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

– Привыкай, похоже, до самого Берлина на себе будем орудие таскать. Сколь прошу командиров, чтобы лошадок дали, я же страшно коней люблю, на срочной даже в школу ковалей пошел, да вот не судьба, не попал в кавалерию.

Раздался зычный голос ротного:

– Рота, подтянись, в колонну по четыре, равняйсь, смирно!

В последних рядах ничего не поняли, трусцой побежали подтягиваться, а ротный уже докладывал кому-то, что рота выполняет приказ и направляется к месту дислокации.

– Солдаты! – услышал Арсений хриплый голос. – Вы сегодняшним утром расчистили дорогу для нашего наступления. Спасибо, братцы. Капитан, кто особо отличился в этом бою? Направьте представления к наградам.

– Слушаюсь, товарищ генерал!

Взревел мотор трофейного «виллиса», и машина медленно объехала колонну. Генерал стоял в открытой машине, приложив руку к козырьку фуражки. Арсений узнал в нем Невелина, он совсем не изменился, даже не пополнел.

– Может, окликнуть его? – больше все-таки в шутку спросил Кузин. – Что, мол, ты, товарищ генерал, мимо проезжаешь, а друг твой лагерный железяку на себе волокет.

– На этой войне у генерала ноша потяжелее будет, – ответил Чернухин.

– И то верно, – поддакнул Тимофей.

Кныш все еще с недоверием относился к новому номеру своего расчета, но вида не подавал. Сидел по статье как враг народа, а попал на фронт, сразу из штрафбата в лучшую роту дивизии, так он сам считал. Да еще командир пишет представление на их обоих, правда, Кныша к ордену, а Чернухина к медали, и с Кнышом, как комсоргом, согласовывает.

– Я бы по Чернухину пока воздержался, товарищ капитан.

– А в чем дело?

– Вы же знаете, только что из лагеря…

– Кныш, он тебе в бою не понравился или прошлое тебя беспокоит? Запомни, сержант, в лагерях тоже встречаются хорошие люди, вот наш комдив, тоже из зоны, он у тебя не в подозрении случайно?

Кныш покраснел:

– Товарищ капитан, как можно сравнивать?

– А как можно отличать, по какому признаку? Ты молодой человек, Кныш, учись видеть человека, а не бумажку, в жизни это пригодится, тем более, ты у нас парень с перспективой. К тебе его старшина направил?

– Да, земляки мы, из одного района.

– Вот и воспитывай бывшего лагерника, в нутро его загляни. Выполняй.

Василий вспомнил, с какой настойчивостью и понятливостью осваивал Чернухин минометное дело, как быстро разобрался с прицелом и успешно отработал первый бой. Слабый после ранения, он истекал потом, валился с ног, но выстоял до конца. Что не враг, это точно, неплохо бы выяснить, за что сидел. Не это ли имел в виду командир, когда предлагал в нутро заглянуть? Подумал и пришел к выводу: конечно, не это, кому надо – те знают.

Самое поганое дело на войне – ждать, а если разобраться – вся война и состоит из ожидания. Ждешь боя, ждешь, когда он кончится, письма ждешь, кухню – всегда в ожидании. Вот командир объявил готовность, а когда дело начнется – даже ему не известно. Лежат около минометов, кто дремлет, кто курит, кто письмо пишет. Арсений в такие минуты наблюдал

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

людей и составлял о них представления. Вот этот сильный и решительный, все у него под рукой, беззаботно подремывает. Тот боится смерти, вот уж который раз видит его перед боем Чернухин, и сегодня снова суетится, весь мокрый, второй раз пьет из фляжки – спирт, видимо, потому что быстро запивает водой. Для Мымрина война как колхозная работа, сказали, что и как, вот он и выполняет. Кныш очень хочет выжить на этой войне, оно и понятно, двадцать лет, а он уже два года в окопах. Внимательный и осторожный, но не подлец, в Чернухине сомневается, хотя вида не подает. Может, первому завести с ним разговор?

Но Кныш опередил:

– Чернухин, а ты письма получаешь?

Арсений отрицательно покачал головой.

– Потому что не пишешь, я ни разу не видел, чтобы ты писал письмо.

– Правильно, потому что я действительно не пишу.

– Но семья-то у тебя… должна быть.

Арсений улыбнулся:

– Это ты правильно выразился, сержант, должна, но нету, до лагеря была, а теперь нет.

Кныш по молодости такого не мог понять, развелись они, что ли? Так детям бы писал. А если совсем один – плохо, письма из дома согревают душу, бывает так тяжко, такая тоска навалится, а откроешь треугольничек – на сердце праздник, хотя и новостей радостных немного.

Минометчики на запад шли пешком, среди них мало было из тех, кто шел этот путь в ту сторону, которые полегли, иные списаны по ранению, вместо них новички, молодежь, особая забота старшины Кузина. Тридцатилетний, он был по-крестьянски основательным, чему научила непростая жизнь. Это он Арсению сказал, что все нормально, семью завел и избу построил. Веры ему новое общество не прощало, когда столярную артелку прибрал к рукам колхоз, ему пришлось уходить, искать работу на стороне. Налог платил деньгами, вносил в кассу совета, а ему выписывали новую квитанцию. Работал на стороне, подряжался дома ставить, домой приходил в субботу, в бане попариться, с сынком повозиться, да и по двору надо что-то делать. В тот раз пришел, Анна плачет: корову приказали не выпускать в табун, потому что она частная, а траву жрет государственную. Пошел на дом к председателю совета. Тот вышел за ворота, побоялся с глазу на глаз говорить, пусть люди видят и знают, как он относится к разного рода отщепенцам.

– Да, такая команда дана, в общий табун не пустим.

– А как же ей жить? – возмутился Тимофей.

– Единолично. Ты вот живешь, и ее научи.

– Побойся Бога, председатель, ведь ребенок, как без молока, пропадут они у меня.

Председатель возмутился:

– Ты меня богом не пугай, я его не боюсь, нету его, все! И ребетенок твой, подкулачник, меня не интересует, мы еще тебя гражданских прав лишим, и справку из совета давать не будем.

Тимофей едва сдерживал слезы:

– Я жаловаться на ваш совет буду.

– Кому? – захохотал председатель.

– Калинину, Михаилу Ивановичу, есть решение по единоличникам, пусть он вам разъяснит.

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

– Во! Пиши! Пиши! Тебе и разъяснит Михаил Иванович, что ты есть антисоветский элемент и подлежишь… – он забыл слово. – Подлежишь ликвидации, вот как!

Тимофей тогда большое письмо написал, в районе не стал отправлять, а поехал в Ишим, на перроне подошел к проводнице московского поезда:

– Гражданочка, вы в Москве сколько времени будете?

– Я лично? Неделю буду отдыхать, потом в поездку. А почему вас это интересует?

– Мне письмо очень важное надо отправить, да боюсь, перехватят его власти, а к моей семье полное беззаконие.

– Кому письмо?

– Калинину. Москва, Кремль.

– Давайте, только тихонько, не рассказывайте всему поезду, а то и мне не доехать, и письмо до дедушки не дойдет.

Через две недели вызывают Кузина в сельсовет, председатель пожухлый весь, а на его месте сидит молодой мужчина, явно не здешних мест.

– Это Кузин, – показал пальцем председатель.

– Оставьте нас, я позову. Вы товарищу Калинину писали письмо?

– Точно так, писал.

– И что вы писали? Что притесняют вас в селе, не дают жить единоличным хозяйством, облагают налогами сверх меры?

Тимофей подумал: «Ну, все, и попрощаться с семьей не дадут». И кивнул:

– Точно так и писал.

– Товарищ Кузин, ваша жалоба рассмотрена лично товарищем Калининым, дано указание восстановить справедливость, что я и делаю. Письменный ответ вы получите дополнительно. А пока – до свидания, и знайте, что советская власть – это власть народа, который нельзя делить на чистых и нечистых, так, кажется, написано в Библии.

– Точно так, – кивнул очумевший Тимофей.

Ему тут же вернули переплату за последние годы, целую охапку денег, и он шел домой, ничего не понимая: власть, которую он ругал, его защитила!

Перед началом решающего, последнего наступления на Берлин, армии и дивизии перемещались вдоль линии фронта, пока чья-то высокая рука не указывала на карте точку: «Здесь!», и тогда разворачивалась техника, хорошо кормили солдат, и каждый час мог стать мимом атаки. Берлин был далеко в стороне, и в минометной роте понимали, что им предстоит основательно поработать, чтобы максимально отвлечь силы противника.

Старшина Кузин мыслил уже на уровне командующего фронтом:

– Шумнем, ребята, в этом месте основательно, чтобы он засомневался в намерениях командования, тогда и нашим солдатикам на прямом Берлинском направлении будет полегче.

– Падет Берлин – конец войне, – подвел черту политинформации ротный политрук.

– Есть сомнение, – встал Кузин. – В 1812 году полководец Кутузов сдал Москву и сказал, что с потерей столицы не потеряна Россия.

Политрук смутился:

– Кузин, ты зачем Кутузова конфузишь? Нет таких данных в истории.

– Ну, ничего удивительного, что в нынешней истории нет, зато в старой были. Я, товарищ политрук, это говорю к тому, чтобы не очень ребята расслаблялись, у противника вон сколько

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

войска по разным углам Европы рассовано, не все вдруг сдадутся, так что Берлин возьмем, да еще повоюем.

– Кузин, – взял его за рукав шинели ротный политрук, когда все разошлись. – Ты зачем мне устраиваешь эти дискуссии? Надо боевой дух поднимать, а ты панику сеешь! Смотри у меня!

– Зря вы обижаетесь, я правду говорю, фашист – боец идейный, а за идею они смертью лягут, но не сдадутся. Зачем нам самих себя успокаивать?

Чернухин по-товарищески, по-братски относился к Тимофею, но так и не мог до конца его понять. Приверженность друга вере его уже не удивляла, если проходили большое село или городок, где был пусть разрушенный православный храм, Тима выкраивал минутку и находил причину свернуть в его сторону. Раза два он брал с собой Арсения. За десятки метров от церкви Тимофей снимал пилотку или шапку, а, подойдя, становился на колени и читал молитву, вставал, обходил вокруг церкви, заходил во внутрь, прикасался к стенам и к тем местам, где раньше висели иконы, шляпки штырей и более светлая, невыгоревшая побелка выказывали их. И общая образованность тоже не удивляла, потому что знал: Тима досконально в молодые годы изучил библию, с возрастом ему открывались непонятные ранее смыслы притч и толкования древних священных событий. Его настораживало пусть редкое, но случавшееся проявление протеста против несправедливости, против мнения старших по званию. Тимофей мог возразить и случайно заехавшему особисту, что особенно беспокоило Арсения:

– Тима, ты бы сей народ не дразнил. Если этот златопогонник со звездой во лбу удила закусит, он все прегрешения твои припомнит, вплоть до того, что ты пеленки марал. А в лагере тебе делать нечего, поверь, я-то знаю.

Кузин лежал на своем ватнике, набросав снизу еловых веток. Он блаженно потянулся:

– Эх, Арсений, жизнь после войны совсем другая выйдет. Советская власть переродилась, будет ближе к народной.

Чернухин изумился:

– Откуда у тебя такие выводы? Большевики никогда не отпустят власть, не те это люди. Возможно, будут перемены, но кардинальными я бы их называть не стал даже в ожидании.

– Какими? – не понял Тимофей.

– Основательными, если угодно. На чем власть стоит? На страхе. А должна? На уважении народа. Вот особист приехал, ты знаешь, что он врагов народа вынюхивает и знаешь, что сам чуть припахиваешь, ну, не сказать, что заметно, однако в твоих бумагах значится, что ты единоличник. Разве я не вижу, что ты сжимаешься весь при его появлении: а вдруг заинтересуется, отчего это во второй роте старшиной служит неклассовый элемент? Не обижайся, ты его боишься, потому что его власть безгранична, а твои права ничтожны.

– Не согласен, Арсений, я с тобой, не согласен. Объясни мне в таком случае, зачем Сталин вернул патриаршество и открыл храмы? Не потому ли, что понял: без Бога – не до порога, не только не до победы над фашистом? И знай, что он учился в духовной семинарии, знает святое писание, делал ошибки, но понял ошибки и принял покаяние. К тому же посмотри его окружение, это же сплошь ненавистники русского народа. Представь, как ему тяжело. Мне в Самаре один священник, друг отца, давал читать «Протоколы сионских мудрецов», предупредил: молчок о том, что узнаешь, иначе могут тихонько убрать. Это было как раз перед моим отъездом в Сибирь, я совсем молодой был, но многое усвоил, потому что оно все жизнью новой было подкреплено, потому и поверил.

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

Арсений снисходительно улыбнулся, друг наощупь, осторожно подходил к истинам, какие ему были известны с юности:

– Давай, я буду тебе возражать, так проще дойти до сути. Сталин открыл церкви, чтобы дать народу отдушину. Восстановление патриаршества тоже продуманный в агитпропе ритуал: Патриарху толково объяснили, что можно, а что категорически нельзя. Ты веришь «Протоколам», но есть основательные сомнения в их подлинности. Подожди, я с тобой уже согласен: реальность такова, что целиком подходит под установки протоколов. И тут уже не имеет значения, были они доподлинно, или это более позднее изобретение, согласись, очень провидческое. По окружению Сталина. Оно досталось ему от товарища Ленина, я тоже был потрясен, когда прочитал состав первого советского правительства. В нем не было русских? Хорошо, потом они появились, например, Ежов, а чем он лучше бывших до него нерусских карателей? Пойми, Тима, дело не в персонах, хотя личность имеет огромное значение, дело в системе, в ней личность ограничена условностями и не имеет возможности проявить больше, чем ей разрешено высшей властью.

Тимофея такие объяснения не устраивали:

– Вот я вернулся с фронта, орденоносец, почти что герой, и со мной власть не будет считаться? Неправда! А за что воевали, за что тогда кровь проливали?

– Тима, мне один умный человек внушил простую истину: мы воюем за родину, за Россию, а не за советскую власть. Я пока этим держусь, иначе давно бы переметнулся на ту сторону.

– Тише ты! С ума сошел, какие слова! Услышит кто – обоим трибунал.

– Что ты беспокоишься, если кто слышит, то мы и до этого на приговор нашептали. Так я продолжаю. Будь Гитлер поумнее, он мог восстановлением старого русского уклада жизни привлечь народ и обмануть Сталина, мог выглядеть освободителем от большевизма, а не захватчиком. Ты знаешь историю и помнишь, что беда всегда сплачивала русский народ, единственный случай глубокого разобщения – гражданская война, но тут надо учитывать всеобщее помрачение разума от заманчивых идей революции.

– Чем это они тебя заманили? – съехидничал Кузин.

– Меня невозможно было обмануть, ибо к тому времени я уже сформировался как гражданин с полным и ответственным пониманием того, что для России нет, и не может быть другого государственного устройства, кроме монархии, и не может быть другой идеологии, кроме православия. Но многие светлячки кинулись на этот факел.

– Ты же не веришь! – возмутился Тимофей. – Ты не молишься и не благословляешься даже перед боем!

Арсений замолчал. Как объяснить другу свое состояние? Да, после того страшного дня, когда узнал он о гибели Княжны и всего семейства царского, в нем что-то перевернулось, он не мог понять, почему Всемогущий Бог принял такую жертву. Он готов был признать, что, возможно, греховны в чем-то деяния Государя Императора, даже Государыни Александры Федоровны, но Стана чем провинилась перед Богом, чем прогневали Его сестры ее и братец любимый? И тогда усомнился Арсений в справедливости Его, отказался поклоняться Ему, хотя не сомневался в Его существовании и в том, что все в руках Его, и он сам тоже. Может, поэтому Господь дал ему такой тяжелый путь в жизни и такие испытания, которые по силам не каждому человеку.

– Я только песчинка в этом мире, и не по моему образу и подобию он устраивается, а Бог и вера не могут зависеть от одного человека. Я, Тима, великий грешник, если, любя Бога и

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

преклоняясь перед ним, дерзнул восстать против него, отказаться от поклонения и ждать, когда смогу сказать ему об обиде своей.

– Ты богохульствуешь, Арсений, а это страшный грех. Не бери на себя такую тяжесть. – Тимофей перекрестился: – Я за тебя каждый день молюсь, утром и вечером.

– Спасибо, Тима, только Господь не принимает твоей молитвы. Ладно! Учти все-таки, что никто не будет встречать тебя хлебом-солью, возможно, оркестры поставят на перронах, только и всего. Строй жизненный не изменится, тебя опять попрут в колхоз, будут гнать за богомолье. Не надо иллюзий, Тимофей, русские люди вечно страдают от доверчивости, довоевывай, оставайся живым и возвращайся к Анне и детям.

– Вот зацепил сам, а я давно хотел спросить: ты-то куда после демобилизации?

Арсений горько усмехнулся:

– Полагаю, досиживать срок.

– Бог с тобой, как можно, ты же во всех правах восстановлен.

– Пока только в одном: умереть в бою.

– Это зачтется, будь уверен, а ежели что – я, в таком случае, к генералу Невелину обращусь.

Чернухин промолчал. Впервые он открыто высказал то, что основательно беспокоило его в последнее время, о чем спрашивать некого, да и незачем: никто не ответит. Возможно, органы пока и не думают о своих бывших «выпускниках», но он не удивится, если подойдет к нему солдат с красными погонами и, уточнив фамилию, предложит пройти до полуторки, в кузове которой уже будут сидеть несколько человек с погонами и наградами, но уже без оружия.

– Если честно, Тима, то на воле мне и податься некуда, никто не ждет.

– Перестань, у тебя дите, жена, пусть не совсем законная, но она мать твоего ребенка.

– Прости, брат, но не надо об этом. Жены у меня нет, это усвой, ребенку, как ты говоришь, сейчас больше двадцати, она уж замуж вышла, зачем я ей, да еще с такой биографией?

– Полно, полно тебе, поедешь ко мне, избушка на ограде есть, а там и дом построим, женим тебя.

Арсений засмеялся:

– Эка ты хватил, даже женить! Интересное предложение. Давай закончим дела на фронте, а потом уж о свадьбах говорить будем.

Они вовремя завершили разговор, потому что раздалась команда подготовиться к передислокации. Кузин побежал к своим конюхам, которые должны поймать спутанных на вольных травах лошадей и успеть запрячь их в телеги для погрузки минометов. Невелин на обращение старшины обещал найти лошадей и свое слово сдержал.

Тимофей два раза кряду застал Арсения в шалашике радиста, оборудовали такой навесик на случай дождя, а уже конец апреля, в Сибири и то давно холодов нет, не говоря про Поволжье, а тут у немцев красота, все в цвету. Совсем дурная природа, никак не хочет понимать, что человеку гораздо легче помереть в грязном ухабе, под проливным ненастьем, чем на солнечной ягодной поляне, украшенной, как невеста. В первый раз Арсений вышел сразу, щелкнув тумблером, радист в это время чай пил, во второй приход Тимофея рацию Арсений не выключил и слушал, прижав наушник и прикрыв другое ухо. Кузину это не

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

понравилось, он сел на снарядный ящик, дождался, когда Арсений отложил наушники и выключил рацию.

– Может, пояснишь, что это у тебя за интерес к иностранным языкам? Я уже не говорю, – он повернулся к радисту. – Не говорю об ответственности за предоставление средств связи посторонним!

Они вышли на воздух. Как свежо и тихо!

– Радиста ты не вини, Тимофей, я его уговорил. А слушаю англичан и американцев. Да, и не смотри на меня так, представится возможность – уйду.

Кузин угрюмо молчал. Он видел, как страдает Арсений, рядом была родная Польша, впереди скорее всего снова лагерь. Чем помочь другу, что посоветовать?

– А о семье ты подумал, что с ними станет, коли обнаружится, что ты на той стороне? Я что буду докладывать на расследовании? Пригрел английского шпиона? Да я что, Бог бы с ним, отвертелся, но дочку возьмут, и Лиду посадят за тебя.

Арсений зажал уши руками, в изнеможении замотал головой, как контуженый:

– Не могу больше так, Тима, нету моих сил. Пятый десяток идет, а не жил, имени своего не имею, женился по глупости, дочь почти не знаю и не люблю, понимаешь ты, никого из живых не люблю! Разве может так жить человек, который готовился к полноценной жизни, науки изучал, языки, манеры, при дворе бывал. А взамен всему требование рабской покорности, ценится не ум, а послушание, от прошлого отрекись, иначе смерть. Я ведь и так от пуль не прятался, от снарядов в воронки не прыгал, а смерть от меня отвернулась. Умереть хотел, чтобы все проблемы умерли вместе со мной. Но это Бог, это он назначил мне такую кару, только за что? Дал умение видеть будущее, взамен отнял все прошлое и настоящее. Понимаешь, Тима, человек счастлив малым. Родное дите тебе в колени написало, а тебе в радость, и нет никакой брезгливости, только тепло в душе. Любимая женщина подошла сзади, ты за письменным столом работаешь, она обняла легонько, знакомой грудью коснулась твоей спины, и все, ты на небесах, солнце светит, птицы поют. Счастье, Тима, это то, чего у человека нет. Когда есть все, он перестает замечать мир, его ничто не удивляет и не радует. Ты знаешь, Тима, восемь лет лагерей и четыре года войны ко всему приучили, а я больше всего хочу сейчас горячую баню, холодный бассейн и белый костюм с туфлями из крокодиловой кожи, какие были у папаши моего.

Он замолчал и обессиленно сел на траву. Тимофей не сказал более ни слова.

– Нам бы надо пореже общаться, а то в самом деле тебя начнут прижимать, почему знал и не донес.

– Не надо тебе уходить, Арсений, ты же русский человек.

– Я поляк.

– Какая разница, ты наш, русский поляк, воевал, если и был в чем виноват, давно искупил. Да я и сам эту власть терпеть ненавижу, а куда деваться? Только на Бога надежда, ты вот меня не любишь за мою приверженность вере, а я тебе доложу, что она меня и спасла от смерти, я ее, смерть-то, пять раз видал вот как тебя, совсем рядом, а Он ей не дозволил. Вот вспомни, последний случай: не отойди я тогда от расчета Недостоева, когда они не вылетевшую мину со снятым взрывателем из ствола вынимали – с ними же получил бы посмертно «За боевые заслуги».

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

– Тима, я не то, что не люблю тебя за это, я тебе до горьких слез завидую, у тебя есть Бог, который все за тебя решает, если ты его просишь. У меня никого нет, я никого ни о чем не прошу, но за меня все стараются решить мою судьбу.

Подошел Кныш:

– О чем беседуем, земляки? О демобилизации? Да, старшие возраста пойдут домой, а нам тут, в Европах, порядок наводить.

На том и разошлись.

Ночью Арсений тихонько вышел из палатки, постоял несколько минут – все тихо, только часовые покашливают и скрипят сухими сапогами. Между двух постов он вышел из расположения и, пригнувшись, пошел быстрым шагом, держа наготове автомат. Еще мгновение, и он понял, что уже перебежчик, изменник, назад ходу нет, а впереди все неизвестно. Американские войска стоят в пяти километрах, это их радиостанция разъясняла русским солдатам, как вырваться из оков коммунистов и оказаться в свободном мире. В этом направлении наших войск нет, это Арсений знал, вчера в разговоре ротный Карпович сказал, так что коридор этот свободный. Солдат шел, как вор на дело, осторожно, оглядываясь, прислушиваясь. Не глаз, а чуткое ухо уловило движение большого количества живых существ, возможно, табунок оленей, их много в здешних местах, говорят, заповедник до войны был. Нет, Арсений уловил голоса, речь немецкая, короткие реплики в несколько фраз: «Надо брать левее». «Нет, курс верный». «Разрешите выслать разведку?». «Зачем? Русские уже празднуют победу, голыми руками передавим всю роту».

«Это же они к нам!» – ужаснулся Арсений. – «Правду говорит, голыми руками…».

Он остановился, залег. Даже улыбнулся глупой мысли: сдаться нормально не дадут! Отлежаться и идти дальше? А там ребята, Тима, Кныш, ротный, молодой совсем лейтенантик. Вот вляпался! Одно дело – перебежать к союзникам, совсем другое сейчас получается. Предать, отдать этим головорезам своих ребят, с кем вместе с самого начала. А как потом жить, зная, что на тебе их кровь? Ну, и что делать? Бежать в роту два километра, опередить противника, поднять тихонько, но ведь потом спросят, а как же ты, милый, узнал, во сне, что ли, приснилось? А если встретил, то куда ходил и зачем? Получалось, что со всех сторон виноват Чернухин, и нет у него достойного выхода, кроме одного: принять бой и погибнуть, возможно, суровый его Бог специально такую ситуацию создал для метущегося раба своего, чтобы он мог выбрать достойный для себя финал непутевой и мучительной жизни.

Арсений пригнувшись, волчьим шагом, сам себя не слыша, стал сдвигаться вместе с идущими в сторону ротного расположения, чтобы начать обстрел поближе к своим, чтобы они вскочили, подготовились и приняли бой. Его уже не интересовало, сколько фашистов, конечно, достаточно, чтобы в коротком ночном бою забросать гранатами, в упор расстрелять одного советского солдатика, которому они помешали стать несоветским. Он выбрал взгорок, который миновал полчаса назад, отсюда до роты с километр. Дальше допускать нельзя. Арсений лег, справа бросил подсумок с патронами и гранатами, слева пистолет, снятый втихушку с убитого немецкого офицера. Группа шла прямо на него, Арсений видел серую колышущуюся массу, но стрелять не спешил, понимая, что на близком расстоянии он сможет поразить больше людей, потому ждал. Спокойно и достойно было на душе, действительно, Господь спас его от позора подозрения в измене, он погибнет смертью храбрых, как пишут в газетах, если особисты не выстроят в линию его прошлое и выход один на один с группой противника.

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

Странно, некурящий Арсений почувствовал табачный запах, видимо, в группе было много любителей дешевого табака, и терпкий запах ядреного мужского пота. Вот они, в полусотне метров, даже слышно тяжелое дыхание уставших. Арсений прицелился в самую гущу и нажал крючок. Сразу свалилось до десятка человек, группа открыла огонь, встав в круг спиной друг к другу. Стреляли наугад, пули щелкали в ствол могучего дерева, которое оголенными корневищами прикрыло бойца. Изловчившись, Арсений бросил подряд две гранаты. Фашисты залегли. Он хорошо слышал их перебранку, что по данным разведки здесь русских нет, и не лучше ли вернуться, потому что внезапность нападения исключена, а в бой ввязываться нет смысла. Кто-то говорил по рации, потом громко повторил приказ с того конца провода: «Вперед!». Арсений быстро расстрелял три магазина патронов, бросил последнюю гранату и взвел пистолет. Сдаваться он не хотел. «Шесть раз выстрелю, седьмая пуля моя, тут со счета не собьешься». Они мчались прямо на него, и Арсений спокойно выстрелил свой резерв. Взрывом гранаты его ударило о дерево, он свалился под корневище, солдаты пробежали мимо.

Минометную роту подняли по тревоге, позвонил командир батальона:

– Старлей, в твоей стороне идет бой. Кто с кем дерется? Твои на месте?

– Так точно, товарищ майор.

– По моим данным, там нет наших войск, чуть дальше американцы, но бой-то наш. Давай, помогай!

Старший лейтенант дал команду:

– Рота, к броску и сходу в бой – приготовиться! Караул на месте, остальные вперед!

Кузин сразу подумал, что это Арсений нарвался на засаду, когда не увидел его при построении. «Ушел все-таки, а оно вон как вышло!».

Стрельба стихла неожиданно, ротный отправил вперед разведку, солдаты осторожно продвигались по лесу. Скоро вернулся боец из разведки и доложил, что группа фашистов численностью о полусотни быстрым шагом движется навстречу.

Расположились веером и широким фронтом, чтобы не пропустить. Начинало светать, Кузин толкнул локтем ротного:

– Вон они, справа! Ребята, перемещайтесь правее и назад, чтобы нам их дружненько встретить.

Бой был недолгим, противник дрался отчаянно, лез прямо на огонь, видно, не было у ребят другого выхода. Неожиданно человек двадцать бросили оружие и подняли руки, ротный велел отвести в сторону и по одному обыскать. Здоровые немецкие парни были ко всему безразличны, один вытащил плитку шоколада и протянул старшине.

– Да пошел ты… – Кузин никогда не договаривал, куда идти, но немец его понял и убрал гостинец. – Кныш! – позвал старшина. – Ты по ихнему немного понимаешь, спроси, с кем у них бой был полчаса назад.

Кныш кое-как объяснил офицеру, чего он хочет, офицер улыбнулся:

– Я неплохо понимать русский, был путем стажировки около Тухачевского. Объясняю. На нас напал дьявол, сумасшедший человек, ниоткуда взялся, расстрелял половина группа.

– А где он? Убит? Ушел? – Кузина аж трясло.

– Не могу знать. Он тихо исчез, тихо возник и тар-тарарах провалился..

Кузин к ротному:

– Товарищ старший лейтенант, это же наш Чернухин их бил.

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

– Чернухин? А как он там оказался?

– Я его направил. Показалась мне возня какая-то в той стороне, я его и послал, вас не стал беспокоить. Разрешите, я пару ребят возьму, хоть по-людски приберем парня.

Они его недолго искали, место боя обнаружили сразу по воронкам и трупам противника.

«Да, Арсеньюшка, поработал ты напоследок неплохо», – подумал Тимофей, но вслух ничего не сказал.

– Старшина, вот он.

Тима рухнул на колени, порвал гимнастерку на груди товарища и припал к сердцу. Оно билось. Привычно осмотрел тело – видимых ран не было.

– Ребята, он контужен, быстро соорудили носилки!

В расположении уже поджидала фельдшерица, вызвал ротный на всякий случай. Арсения раздели, ран не нашли, только по спине сильный кровоподтек.

– Видимо, от удара при взрыве обо что-то твердое, – сказала фельдшер.

– Так точно, товарищ военврач, – польстил Кузин, – он под деревом лежал.

– Забираю его в санбат.

– Когда он очнется? – поинтересовался Кузин.

– Хоть бы к вечеру. Сейчас будем колоть медикаменты, вернем к жизни.

– Товарищ военврач, вы бы мне свою фамилию сказали, я бы вам позвонил вечерком.

Женщина снисходительно посмотрела на старшину:

– Не поздновато ли, дядюшка, молодыми женщинами интересоваться?

Хотел Тима ей врезать по всей своей строгости, но в ее руках друг, нельзя обострять:

– Так ведь, товарищ военврач, живое к живому, как говорится, да и товарищ он мне, земляк.

– Брайнина моя фамилия. Звоните, все расскажу.

Пленные подтвердили, что имели задание уничтожить минометную роту и выйти в тыл дивизии, участвующей в штурме Берлина. Такие операции были предприняты по всему фронту, по словам офицера СС.

– Мой провал лежит позором на моей голове. Нам были переданы слова фюрера, что такой маневр есть могила Красной Армии. Я проиграл, это моя могила. Моя честь просит командование дать возможность покончить жизнь, как офицер Рейха.

– Не торопись, майор, – успокоил его ротный Карпович, – вперед своего рейха в пекло не лезь, проверим, много натворил против союзных армий и народов – сами за милу душу к стенке поставим, но о чести ты лучше в моем присутствии помолчи. Вы свою офицерскую честь за четыре года по русским березам развесили.

Арсений вечером пришел в себя, некоторое время лежал с закрытыми глазами, потом, вспомнив что-то, поднял голову и увидел Тиму.

– Где я?

– Дома, лежи спокойно.

– Не слышу.

– Ты контужен. Тфу, ты, Господи! – Он вынул из кармана сложенную тетрадку и написал:

«Все нормально. Ты нарвался на засаду фрицев, контужен. В разведку тебя отправил я. Все понял?».

Писанину подсунул под самый нос лежащего. Арсений прочел, пожал Тимину руку:

– Понял. Я пошел в разведку, если кто спросит.

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

– Молодец. Я поеду в роту, выпросил полуторку на часик, чтоб ты при мне очнулся. Да, чуть не забыл!

Он вырвал листок, достал спички и сжег его в уголке палатки. Как раз в это время вошла Брайнина.

– Что у вас за запах, бумагу жжете?

Кузин встал с корточек:

– Уничтожаю следы переписки с контуженным, он же ничего не слышит.

– Что вы ему писали? – строго спросила Брайнина.

– Так ведь сами изволили заметить, женский вопрос нас очень волнует, вот и изливал душу товарищу, а потом решил сжечь, как делали наши великие революционеры.

Брайнина подозрительно на него глянула:

– Говоришь ты, старшина, много, только не все. Покинь палату, мне надо осмотреть бойца.

Ротный Карпович встретил старшину радостной вестью: из штаба дивизии позвонили, что получено указание подготовить на Чернухина представление к Герою:

– Начальник политотдела лично звонил, говорит, это и дивизию нашу прославит. Садись и пиши все, как есть, про его подвиги раньше и этот случай, да не вздумай указать, что сам проявил инициативу отправить Чернухина в разведку, с согласия, мол, командира роты, так и так.

Кузин пошел писать, но особой радости по этому случаю не испытывал, Арсению никакой шум вокруг его биографии не нужен, даже опасен, а тут к Герою, да они все перевернут, не дай Бог, споткнутся о какую занозу – загубят мужика. Написанное передал ротному, сам пошел к радисту:

– Слушай меня, Терехин, я тебе нарушение простил, помоги и ты мне. Должен ты вызвать адъютанта генерал-лейтенанта Невелина из штаба фронта. Выручай, браток, а за мной дело не станет, я знаю, что ты к тушёночке неравнодушен, дак уж я тебя ублажу.

– А кто говорить будет? Ротный?

– Ротный ничего не должен знать, я буду говорить.

Тимофей стоял у входа в палатку радиста, молился и нервничал, пока Терехин называл какие-то номера и пароли, потом крикнул:

– Старшина!

Кузин взял трубку.

– Адъютант генерала Невелина полковник Анохин у аппарата. Кто говорит?

– Здравия желаю, товарищ полковник, говорит старшина Кузин из третьей минометной роты. Очень вас прошу передать товарищу генералу, что его друг по фамилии Чернухин, они вместе в лагере были до войны, так вот Чернухин в большой беде, находится в медсанбате нашей стрелковой дивизии.

– Подожди, старшина, я тебя соединю с генералом.

После нескольких минут свиста и треска в трубке вдруг прозвучал резкий голос:

– Что случилось с Чернухиным?

– Товарищ генерал, вы ведь его биографию хорошо знаете, а сейчас представление пишут на Арсения к Герою, отличился он у нас. Я боюсь, как бы хуже не было. Вы меня понимаете?

– Вы кто?

– Старшина Кузин. Мы с Арсением давние друзья, товарищи даже, очень вас прошу, товарищ генерал, отмените Героя, до добра это не доведет.

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

– Как он себя чувствует?

– Контузия тяжелая, но оклемается, он крепкий.

– Да, он действительно, крепкий. Успокойтесь, я все сделаю.

Через неделю Невелин приехал в медсанбат, переполошил весь персонал, но ни с кем не говорил, прошел к Чернухину, обнял его и положил на грудь орден Боевого Красного Знамени.

В пол-ящика американской тушенки обошелся телефонный разговор старшине Кузину.

Арсений и Тимофей попали в один приказ о демобилизации. Кузин плакал от счастья, Чернухин никаких чувств не проявлял. Старшинские свои обязанности Тима по распоряжению ротного передал Кнышу, чему тот был очень рад:

– Тимофей Павлович, вы не волнуйтесь, порядок в роте будет, как всегда.

– Смотри, я проверю, – веселился Кузин.

Когда из дивизии привезли документы, Арсений все-таки вынужден был отвечать на просьбы товарища:

– Хорошо, Тимофей, поеду к тебе, дочь разыщу, надо устраивать остаток жизни.

– Да ты об каком остатке говоришь? Это нам на фронте год за два шел, а там обратный счет будет, в таком случае. Молодец, что согласился, а то я уж хотел вязать тебя да силком везти.

– Тимофей, не будет больше проверок? Не вернут меня, как говорится, по определению? – Арсений очень боялся лагеря, после нескольких лет человеческих отношений вновь попасть в волчью стаю, где каждый только за себя, если нет рядом сильного человека, каким был для политических генерал Невелин.

– Не думай об этом, завтра отправка.

Вечером прибежал посыльный: Чернухина к телефону.

Оба друга побежали к радисту, Арсений взял трубку:

– Рядовой Чернухин у аппарата.

– Здравствуй, Арсений, это Невелин.

– Здравия желаю, товарищ генерал.

– Давай без церемоний. Знаю, что демобилизован, хочу узнать о планах, насколько это возможно.

– Планы очень простые: еду в Тюменскую область со своим сослуживцем Кузиным.

– Знаком с ним, привет ему передавайте. Запишите мой адрес, он, возможно, изменится, но письмо в любом случае найдет. Пишите хотя бы через месяц, но, если проблемы возникнут, телеграммы шлите, бейте в колокола. Я очень вас уважал, и на фронте вы полностью оправдали мою в вас уверенность. Желаю хорошо устроиться и скорее восстанавливать разрушенное войной народное хозяйство.

– Спасибо, Игнатий Матвеевич, за все спасибо.

Радист взял из его рук трубку, а Чернухин стоял, опустив голову, и слезы крупно падали на передок его только что начищенных сапог.

Насмотревшись на Тимино счастье встречи с домом, с женой, с выросшим сыном, Арсений особенно больно ощущал свое одиночество и ненужность. Жена его Лида умерла в первый год войны, дочка уехала в Ишим, там вышла замуж за рабочего человека, помощника машиниста паровоза, эти ребята по брони были освобождены от военной службы. Арсений съездил в город, но вернулся уже к вечеру попутной машиной и сразу скрылся в своей избушке.

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

Тима стукнул в дверь, толкнул, она открылась, Арсений стоял на коленях и замер в земном поклоне. Он услышал скрип двери, поднялся без тени смущения, сел, Тиме указал на табурет:

– Выгостился я у дочери с зятем, Тимофей Павлович, и лучше бы я погиб, лучше бы зарезал меня проигравший в карты уркаган на зоне. Дочь меня помнит, обрадовалась вроде, беременна она, рассказала про маму свою, про мужа. Вижу – боится она его, не любит, а боится. А может, теперь любовь такая – из страха? Не знаю. Он на обед домой явился, дочка с виноватым видом говорит, что отец с фронта пришел, в гости заехал. И ты посмотри, что этот сопляк ответил? «Знаем, – говорит, – на каком фронте он отбывал, я большевик, папаша, и родства с врагами народа иметь не желаю. Так что – вон Бог, а вон порог!».

– Значит, так тому надлежит быть, Арсений, ты вот к Богу склонился, правильно делаешь, ищи у него поддержки, если не он, то никто.

– Тимофей, завтра утром иду я в милицию, документы свои настоящие сегодня за городом откопал, память точно привела, хотя пустошка кустарником заросла. Будь оно все проклято, ничего не хочу, пусть они меня к стенке поставят, но под собственным именем, а не занятым у несчастного ребенка, умершего вместо меня. Почти тридцать лет под чужим именем, так хоть умереть хочу под своим.

Тимофей испугался неожиданного решения друга, возразил:

– Не делай этого, Арсений, у Бога все мы под своими именами, он не перепутает, а как тебя на земле зовут – какая разница?

Арсений побледнел, сурово посмотрел на Тиму и выкрикнул:

– Плевать я хотел на их решение, я заявлю свое право на имя, а там как хотят. И не отговаривай меня, Тимофей, ты простой счастливый человек, у тебя семья и имя, все как должно быть. А я? Что я представляю на этой земле? Столько сил потратил на образование, а для чего? Чтобы пилить лес, долбить камень кайлом, выносить парашу? Я не хочу жить, неужели ты этого не понимаешь? Я туда хочу, к Ней, там мое счастье.

Он неловко завалился на топчан, Тима поймал ослабшее тело, уложил на спину, в глотке Арсения клокотали какие-то слова, лицо покрылось испариной и мертвецкой бледностью. Он тяжело стонал, судорога сводила руки и ноги, Тимофей едва успевал ловить и успокаивать боль. Потом больной затих, Тима благодарил Господа и осенял лежащего крестным знамением. Арсений открыл глаза.

– Давай я переведу тебя в дом, на ночь одного оставлять опасно, вдруг приступ повторится. Это тебе контузия дает знать.

Арсений слабо улыбнулся:

– Нет, Тима, это моя болезнь настигает меня. Открою тебе, что видел нас обоих молящимися в церкви, которую ты сам построил, но мы с тобой глубокие старики. Если этому быть, значит, не посадят меня? Тима, на всякий случай, вон в той котомке кое-что для дочки моей припасено, там и адресок, передашь.

– Полно тебе, сам съездишь.

– Не уверен, хотя встреча с дочерью еще будет. Ладно, мне трудно вспоминать виденое.

Тимофей еще раз спросил:

– Стало быть, идешь?

– Пойду. Это решено.

Утром встал рано и ушел за деревню. День в разгаре. Отдохнувшее солнце начинало пригревать. Боня долго лежал на земле, принюхиваясь и прислушиваясь к ее запаху и цветам,

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

его особо забавляли маленькие букашки, которые умудрялись вползать в ухо его собачки, ничуть не потревожив ее самое; Боня ждал их возвращения и не дождался: либо они там погибли, либо место было столь хорошо, что остальное на земле можно было на него променять.

Это были последние часы перед уходом в милицию. Дежурный районного отдела допытывался, по какому вопросу гражданин настаивает на приеме именно начальником.

– Понимаете, у меня очень важный вопрос, никто, кроме начальника, его не решит, и вам сказать ничего не могу, не имею права.

– Ну, ладно, сидите тут и ждите, у начальника дел много.

Арсений сел на деревянный диванчик, потрогал пачку документов в кармане пиджака. Улыбнулся: Тима настаивал, чтобы он нацепил боевые награды, но отказался, достаточно, что они вписаны в красноармейскую книжку. Он уже задремал, хотя сотрудники все время бегали по коридору, сказалась фронтовая привычка спать, где сел.

– Чернухин, к начальнику!

Арсений увидел молодого крепкого мужчину в белом кителе и погонами капитана, встал у порога, выпрямился, негромко доложил:

– Товарищ капитан, демобилизованный красноармеец просит рассмотреть его дело.

Капитан улыбнулся:

– У красноармейца есть фамилия?

– Нету, товарищ капитан. Свою фамилию я скрыл в восемнадцатом, потому что происхождения не пролетарского, мягко говоря. Дали мне паспорт умершего сына соседки нашей, с ним и жил. Работал, женился, по глупости получил срок, в лагере заступился за обижаемых, и срок добавили. В первый месяц войны пошел добровольцем, попал в штрафной батальон, был ранен, реабилитирован, зачислен в армию. Имею награды. Сейчас хочу начать новую жизнь, и прошу вернуть мне мое законное имя.

Капитан с удивлением смотрел на немолодого уже человека с такой странной судьбой:

– Какие у вас документы на руках?

– Все. – Он положил на стол пачку бумаг.

Капитан все больше хмурился, читая листок за листком:

– Минуточку. По приезде в Ишим ваше семейство зарегистрировалось, как сосланное царским правительством, вот ваш документ на имя… Лячек Бронислав Леопольд-Динариевич. Потом вы стали Чернухиным Арсением Петровичем. А он куда девался?

– Это сын нашей соседки, он умер от тифа в больнице, как раз в это время власти арестовали родителей, а я остался как больной тифом. Эта женщина и дала мне паспорт умершего сына, с ним я вступил в комсомол и уехал из Ишима на лесоразработки.

– Так. Минуточку. За что вас судили?

– Формулировку уточните по приговору, но суть в том, что по любовной линии столкнулись с вашим коллегой. От него я и сбежал в двадцать втором. Вернулся в двадцать восьмом, в Зареченьку перебрался, подальше от властей, а соперник мой уже начальником милиции здесь служит. Вот он меня и сдал на пять лет.

– Минуточку. Это не Форин?

– Да, он.

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

– Форин сегодня начальник управления госбезопасности по нашей области, но не думаю, что до него дойдет информация. Мы проверим все ваши документы, случай, конечно, из ряда вон, многое в вашу пользу, что воевали, награды имеете, но случай сам по себе…

– Вы мне скажите, товарищ капитан, я могу рассчитывать на милосердие со стороны государства? – Голос его был спокойным и звонким. – В ваших правах решить мой вопрос?

– Скажу честно: нет, потому советую отказаться от этой затеи. Зачем вы решились? Ведь у вас все бумаги в порядке, местность наша не паспортизирована, живите до скончания века. Честно вам скажу, мне не понятно, это же риск, я вынужден буду поставить в известность органы, такой порядок. Есть у нас любители шашками помахать, в чистом поле шпионов ловить, например, польских. Тогда что?

Капитан заметил, что его слова нисколько не смутили посетителя.

– Я уже свое отбоялся, гражданин начальник, и в лагерях, и на фронте. У меня никого нет, просто я хочу вернуть свое законное имя, нравится это кому-то или нет – для меня не имеет значения.

– Хорошо. – Капитан встал. – Приходите через неделю, надеюсь, что проблем не будет.

Проблем, действительно, не было. Через неделю Арсения арестовали, а через месяц Кузин получил известие: другу дали пять лет. Тима горько плакал, но жаловаться некому… Остался только Невелин, но все письма к нему возвращались, усеянные печатями: адресат не найден.

Редакционный коллектив доброжелательно принял Никиту Онисимова, еще в школьные годы он писал заметки и приносил в газету стихи, их почти не печатали, но о стиле Никитиных зарисовок опытный газетчик Аркаша Форманюк отзывался неожиданно для него лестно. За два года Онисимов освоился в газете и стал ведущим журналистом, хотя изо дня в день фермы, надои, гектары посева и обмолота – это наводило тоску и закрывало перспективу. Был шанс уйти в областную газету, но не очень настойчиво приглашали, и не очень хотелось. Никита начал писать рассказы, даже был отмечен на семинаре молодых писателей в Тюмени и в том же году поступил в Литературный институт.

В автобусе, добираясь до дальнего колхоза, он услышал все заглушающий говор мужичка, лица которого рассмотреть не мог, потому что тот сидел впереди, вполоборота, но говорил громко. И такая речь его была разудалая и задиристая, что захотелось познакомиться поближе. У сидевшей рядом женщины спросил, как зовут мужика?

– Говоруна-то? Боня.

– Он что, из евреев? Вроде не похож.

– Да нет, тутошний он, Боня по-уличному, а по документам Бронислав, я в сельсовете работала, знаю. А так – Боня как Боня.

– Он с кем живет?

– Один. Да ты присмотрись, он еще при царе родился, а все как новенький. Один в домике, хозяйство ведет, пенсию получает, но, говорят, что сидел много. Чудной, себе на уме.

Вышли из автобуса, Никита догнал мужичка, спросил, нет ли в селе гостиницы или постоялого двора.

– А ты по какому случаю к нам?

– Я из газеты.

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

– Ишь ты! – обрадовался Боня. – И о чем писать вознамерился?

– Искать надо подходящий материал, но я больше историей интересуюсь.

– Раскопками или по верхам?

Онисимов не понял вопроса.

– Историю сейчас пишут, как картошку варят, взял из корзины, два кольца кожуры снял и в чугунку, посолил, прокипятил – кушайте. А историю копать надо, там весь смысл, внутри. Надолго?

– Как понравится, как дело пойдет.

– Тогда ко мне, живу одиноко, тишина и покой, сам в избе на кровати, тебе диван горничный благословлю. По такому случаю выдам новые постельные принадлежности, а то лежат уж пятилетку без движения.

– А зачем обзаводились?

– Да разве я сам рискнул бы балясистую простыню купить? Друг Тима привез на день рождения, а я так и не доставал.

– Пожалуй, моль почикала?

– Насчет живности у меня порядок, кошка и собака и весь набор домашней скотины, кроме коровы. Клопов одно время множо было, потом поистратились, тараканов уж и не помню, вшей со времен лагерей и войны не давил. Так что смело ко мне.

Никита в этих местах никогда не видел подобных построек. Лицевая сторона ограды и видимая с дороги часть двора были обнесены настоящим заплотом, такие рубили в Сибири в неустойчивые времена, когда то на восток гнали каторжных, то они малыми группами возвращались на запад. И те и другие не были желанными гостями, потому надежный заплот, рубленный из крепких сосен и подогнанный бревно к бревну «без сквознячка», в сажень высотой, был гарантией от незваных гостей.

– Для чего вам, Боня, такой высокий забор?

– Это не забор, а заплот, чуешь разницу?

– Понимаю. И все же – зачем? От кого защита?

Боня помолчал, отыскал ключ, долго открывал тяжелую дубовую дверь. Никита хотел повторить вопрос, но Боня опередил:

– Ты побереги разговор-то, у меня много интересного, все и объясню разом. Вот, к примеру, дом пятистенный, я его пятнадцать лет назад ставил, но по всем правилам. Фундамента нету, навозил из лесу пней от лиственки. Лиственница – она не дерево даже, а чудо в природе, по удельному весу к металлам тянется.

Услышав ученый термин, Никита приуныл: если бывший учитель – со скуки помрешь.

– В учителях не служил, но науку познавать добрые люди приучили. Я тебе потом, коли расположение будет, поподробней изложу. А для начала – петербуржец я, к тому же царедворец.

– Сколько же вам лет?

– А сколь дашь? Числюсь ровесником веку, вот и считай.

Он уже растопил печь, конструкция которой крайне озадачила Никиту. Отвинтив тяжелую, как у паровозной топки, заслонку, хозяин положил горкой с десяток тонко колотых березовых дров, поднес огонь, дрова занялись, заслонка встала на свое место, внутри печи все загудело, Боня прошелся вокруг, трогая подобие вьюшек, но их было много.

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

– У меня дыма совсем мало, он холодный уже выходит, дрова не горят, а млеют, самая теплоотдача. Обожди, через пять минут куртку снимешь.

Хозяин открыл тяжелую крышку подпола, спустился с корзиной, вернулся с блюдом капусты, огурцов, помидоров, груздей, все это пахло так аппетитно, что Никита пожалел: надо было в магазин забежать.

– А зачем в магазин, если у меня своего спиртного в пять раз ассортимент больше, чем в лавке?

Никита вздрогнул:

– Боня, вы телепат? Вы мысли читаете?

Боня захохотал:

– Сколько ума надо, чтобы твою мыслю прочитать, подумай сам?

– Но ведь не в первый раз…

– После обскажу.

– Разговор у вас нарочито деревенский, хотя по сути вы другой. Ведь так?

Боня не смутился:

– Говорю так, чтобы от людей не шибко отличаться, хотя другой, ты прав. Но об этом тоже потом.

Копченый окорок хозяин принес из подвала, Никита сразу заметил во дворе это сооружение, развернул чистую тряпицу и большой лист пергамента. На недоуменный взгляд гостя ответил, что в подвале у него ледник, а пергаментом обзавелся на местном маслозаводе, его тогда рулонами привозили. С Боней рассчитались за какой-то ремонт этой невидалью, вот, каждый год тот калым вспоминает. Горячую круглую картошку вывалил на большой деревянный поднос, вытер руки и широко их расставил:

– Ежели верующий, можешь перекреститься, в углу Николай Угодник, там же должен быть святой Бронислав, правда, Тима не воспринимает, говорит, католический святой. Ну, да мне все равно.

Он налил по стаканчику самогонки, настоянной на каких-то травах, запах она источала приятный и на вкус оказалась легкой, хмельной.

Никите не терпелось узнать об интересном человеке, что судьба подарила ему серьезную встречу – он не сомневался, да и мужик, кажется, с удовольствием пойдет на контакт.

– Мне как вас называть? Боня – это для дома, а официально?

– Не получится по документам, там такое наворочено, одно, что Бронислав, это как имя, а отечество тоже с испугу не скажешь – Леопольд-Динариевич. Так что зови Боней, это привычней. Откуда я здесь взялся? – переспросил он, хотя Никита еще и рта не раскрыл. – Обстоятельства так сложились, что вынужден был покинуть город Ишим и податься в деревню. Собрал семью, нанял подводу и поехал в ближайший район.

– Выходит, вы появились в деревне как раз накануне коллективизации…

– Колхозов еще не было, но все про них было известно человеку, если он внимательно читал партийные газеты. Весь бред оформлялся в виде постановлений и директив. Вот слово, смысла которого не могу понять до сегодняшнего дня. Директива! Страшнее, чем приказ и опаснее постановления, вроде как наказание уже предусмотрено, потому как директива! Если отбросить всю шелуху, слухи о том, что все в колхозе будут под общим одеялом спать, то суть сводилась к уничтожению крестьянина-собственника.

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

– Его и собственником-то назвать нельзя было, пять десятин земли, пара лошадей, быки да коровы, – возразил Никита. Он поразился резкой перемене стиля речи и слога собеседника, но ничего не сказал об этом.

– У вас, молодой человек, типично коммунистический упрощенный взгляд на вещи, простите мне эту дерзость. Собственник не тот, кто чем-то владеет, а тот, кто дорожит своей собственностью, даже если она заключена в простом праве самому принимать решение. Собственник – это синоним слова хозяин. Так было во все времена на Руси. Был капиталист, имел завод, тысячу рабочих, он хозяин, он обязан (не по законам государства, а по моральным понятиям) обеспечить нормальную жизнь своих людей. Капиталист школы строил, больницы, церкви. Не надо возражать, я согласен с вами, что были и другие, их потому и помнят, что немного таковых было, жадных, злых. Помещик тоже разный был, но у доброго хозяина всегда и работник с улыбкой. А что касается сибирского мужика – это вообще разговор особый. Если вы занимались историей и знаете, как и каким народом заселялись ваши края, то согласитесь: своевольный, своенравный народец, из помещичьих да царских неслухов, из избавленных от виселицы пугачевцев да разинцев. Да и вольных казаков с Дона сюда прибилось немало. Земли тут было вдоволь, только работай, потому жили крепко, сообща, общинно решали все вопросы, известно ли вам, милостивый государь, что сельский сход мог к смерти приговорить? Мог, правда, подтверждения этого права действием я, слава Богу, не встречал. Сытый был сибирский мужик, а сытый власть не устраивал, голодным же управлять легче! Впрочем, крестьянских восстаний Ленин ждал, он знал, что самостоятельный крестьянин, к примеру, сибиряк, первым возьмет вилы в руки. Потому и голод двадцатого года, и вторая гражданская война частью стихийно, а частью сознательно становились сутью государственной политики по отношению к мужику. Конечно, это за рамками нормального понимания: как можно так ненавидеть людей, которые кормят страну?

– Вы считаете, что не только продразверстка привела к кулацко-эсеровскому мятежу?

Боня слабо улыбнулся:

– А почему вы называете «кулацко-эсэровский мятеж»? Причем здесь эсеры? – В голосе Бони были хитринка и недовольство. – Прошло пятьдесят лет, пора бы разобраться. Мне доводилось смотреть документы: организации эсеров в Сибири никакого отношения к восстанию не имели, на них повесили этот грех, за что и прихлопнули. Кулаки – да. Вы имеете представление о состоянии Ишимского уезда того времени? Богатейший край, и плюньте в глаза всякому, кто скажет обратное. Край кулаков, его ваш Ленин называл краем сытых крестьян. Бедные были? Конечно, в любой, самой богатой стране есть бедные. Это не материальное состояние, это форма существования. Рыба не может жить на воздухе, а любая сухопутная тварь задохнется без него. Такова природа. Тут она тоже все соблюла, один трудится и живет состоятельно, другой не желает ничем заниматься и бедствует. И самое важное: ему это нравится. Вы курите? Жаль, если бы курили, легче было понять тягу к чему-либо, хотя она вам известна из других источников. Человеку нравится быть бедным – что тут сказать? Еще была категория неспособных обеспечить самих себя, это семьи, в которых только отец мог работать, таким общество помогало, специальные фонды зерна, сена формировались, это я еще успел увидеть в Сибири. А были у меня два знакомых братца, одним домом жили, крепкое хозяйство, в двадцать первом оба погибли на войне.

– На какой войне? – не понял Никита.

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

– О которой мы только что говорили, милостивый государь, это по всем признакам была гражданская война. Так вот отец их, Никифор Егорович, каждое воскресенье уходил из дома и стоял на церковной паперти, милостыню просил, а то вообще шлялся по окрестностям за подаяниям. Дети находили, умоляли, чтобы не позорил их, а у него потребность: пострадать, прикинуться бедненьким, ему нравилось. Восстание возникло из десятков случайных обстоятельств: налоги возросли, появилась продразверстка, земля стала государственной, а для общинной Сибири это было чуждо, и все это на фоне неуважительного отношения к мужику. Вот где первопричина. Его не спрашивали, выгребали зерно, и даже амбар не закрывали. Весь скот со двора на мясо – тоже продразверстка. Была еще одна ошибка власти: в руководстве государственных органов, в том числе и продкомов, было много инородцев, в основном евреев. Сибиряки наслышаны были от фронтовиков, что революцию они же сделали, что и Ленин тоже их кровей…

– Неправда! – неожиданно перебил Никита. – Боня, ложь это, Ленин немножко чуваш и немец, но не еврей, нет!

– Милейший, а чего вы так смутились? Какая разница, была в нем та кровь или нет, ведь в писании сказано: «По делам их судите их». Меня в данном случае интересует не столько чья-то национальность, а сам факт преобладания людей некоренной национальности во властных и карательных органах, будь, к примеру, это чукчи – реакция была почти такая же. Но мы имеем дело с довольно сложной мировой комбинацией… Давайте прервемся на приличный обед.

Никита нехотя согласился.

Боня был очень рад появлению в его жизни нового человека, причем, не просто незнакомого, а интересного, по крайней мере, интересующегося, да и знающего кое-что, правда, в извращенном виде, так преподают историческую науку сегодня, не считая ее наукой, а держа в передней, как девку для подтирки полов. Боня хорошо прижился в деревне, ни с кем особо не дружил, но и не ссорился, получал пенсию, вел хозяйство, пчел держал с десяток ульев. Прибыл он в конце пятидесятых, деревню насторожило, что одинокий, без семьи, поговаривали, что реабилитирован, но за что сидел, по какой статье – об этом молчок. Молодой человек взволновал, потревожил его утомленную душу, Боня давно ждал чего-то похожего, чтобы появился человек, непременно молодой, с пониманием, порядочный, кому мог бы он поведать свою жизнь и передать свой скромный архив. Ему уже не найти своих внуков и правнуков, он слишком устал от прошлого, но память о своей любви должен оставить, и пусть потомки узнают о ней и гордятся. Никита не случайно появился в его жизни, и тут он хотел видеть Ее влияние. Он даже не очень удивился, когда, работая во дворе, вдруг вспомнил ночной сон, в котором Никита, правда, в солидном возрасте, представил ему свою молодую спутницу и сказал, что это Стана.

– Молодой человек, хочу открыть тебе самую заветную свою тайну, хочу, чтобы ты все знал и обещал мне выполнить просьбу. Не торопись. Перед тобою человек, который в юные годы был знаком с дочерью царя Николая Второго Княжной Анастасией и всю жизнь любил ее.

Никита вздрогнул. Его основательно настораживали постоянные обещания собеседника «после все рассказать», но испугало столь неожиданное начало откровения, а по лицу Бони, по его вздрагивающим рукам он понимал, что рассказ этот выстрадан и ждет только достойного слушателя.

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

– Я говорил тебе вскользь о жизни в Петербурге, о неожиданном переезде в Тобольск, потом в Ишим. Причиной нашей ссылки в Сибирь был Распутин, сейчас про него много пишут глупостей, если читал – не верь. Он действительно имел благодать, но и характер жесткий, не без влияния со стороны. С Анастасией мы познакомились зимой тринадцатого года, дети совсем были, а вот, видишь ли, чувство мое оказалось вечным. Смею думать, что и у нее было ко мне чувство, есть основания. Мы простились со слезами, я уже знал об их участи, хотя даже себе не признавался. Из Тобольска писал ей письма каждый день, чистые, простые, впечатления от дороги описывал, рисовал храмы, старинные дома деревянной постройки, она отвечала мне только раз в неделю, пояснила, что старшие сестры считают нескромным для юной девушки писать чаще. Я получил почти двадцать ее писем.

– Они живы? – Никита сжался, дожидаясь ответа.

– Да, они живы, – ответил хозяин, – но только в памяти моей, потому что такое письмо могло стать приговором семье. Впрочем, никакие меры предосторожности не спасли. Я за неделю до газетных сообщений сказал батюшке об отречении Государя, потом об аресте фамилии и, наконец, о высылке всего семейства в Тобольск. Тогда же сказал, что всех нас ждет смерть. Мне не было видений, картин, просто в один момент после сильного внутреннего томления я уже обладал этими знаниями.

– Вы так и не виделись больше с Анастасией?

– Представьте себе, виделись. Дважды. В семнадцатом отца выгнали из архивов, выгнали и из дома, на теплоходе отправили в Тюмень, там посадили в поезд и сняли уже в Ишиме. Условия жизни ужасные, отец пытался давать уроки, но кто в революцию учится? Я часто болел. Вся эта информация входила в меня именно в болезненном состоянии, потому, немного поправившись, я не всегда мог отличить узнанное от слухов и газетных сообщений. Чтобы не волновать родных, перестал им рассказывать. Газеты подтвердили арест царской семьи, и я ждал их выезда в Тобольск. Дважды туда ездил, но охрана никого не подпускала к бывшему губернаторскому дому. Я лежал в горячке, когда узнал, что Анастасия осталась в Тобольске одна, так мне показалось. Конечно, ничего не мог понять и ничего невозможно проверить. Но убеждение, что она одна, и я хоть как-то могу ей помочь, зрело во мне. Из дома уехал тайно, продав свои золотые цейсовские часы. Три дня проходил перед окнами дома-тюрьмы, судя по охране, узники оставались в доме, хотя были слухи, и я говорил с очевидцами, что Государя и Александру Федоровну с одной дочерью увезли ранней весной. Я напрягал все свои силы, чтобы подозвать Анастасию к окну, ничего у меня не получалось. И однажды, это было 18 мая 1918 года, я увидел в открытом окне ее лицо. Она тоже увидела меня и радостно стала махать рукой, кричать, видимо, было запрещено. Я метнулся к дому, но здоровый верзила сбил меня с ног, крикнул команде: «Товарищи, стреляйте в каждого, кто будет заглядывать сюда». Я отошел на противоположную сторону улицы, Анастасия еще долго стояла у окна, которое уже закрыли, а я не мог насмотреться в дорогие черты.

Боня надолго замолк, и Никита ничем не обнаруживал своего присутствия.

– Я знал, когда их привезут из Тобольска в Тюмень, знал, что сразу посадят в вагоны. Двое суток стоял на перроне, когда подошел состав, людей почти никого не было, потому солдаты не гоняли. Одет я был по-крестьянски, подошел к охраннику, молодой солдатик, ровесник, подаю ему золотой браслет маменьки и прошу выкликнуть из вагона Анастасию Николаевну. И что вы думаете? Он еще и позвать не успел, а она уже стоит, в накидке простенькой и стоптанных сапожках.

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

«Ах, Бони, как вы тут оказались?»

«Да что я?! Вы себя как чувствуете? Как Государь с Государыней, как Алеша?»

«Слава Богу, слава Богу! Я так рада видеть вас».

«А уж я-то как! Идите в вагон, тут сквозит. Идите, Анастасия Николаевна. Не встретимся мы более, но знайте, что…»

Тут подошел старший чин, и меня прогнали. Так и вижу ее всю жизнь в накидке и стоптанным сапожках, это царевну-то! Сволочи!

Папеньку с маменькой арестовали, и больше я ничего о них не слышал. Меня спас брюшной тиф, подобрала соседка, мои когда-то помогали ей вещами в трудное время, вот она и записала вместо недавно умершего сына, тоже от тифа. Стал я Чернухиным Арсением Семеновичем. Очухался, но способность свою сильно утратил. Читал много, книги-то властям не нужны были, из церковных библиотек выбрасывали, поручалось жечь, да кому охота на морозе? Из местного училища тоже вычистили, сторожу золотую безделушку принес, разрешил мне порыться, несколько мешков книг на санках домой перевез. Вот и разбогател, все прочел, образование продолжил на лесозаготовках, там меньше всего подлого народу было.

Никита осторожно вмешался:

– Вас тоже сослали?

– Я не стал дожидаться. У хозяйки дочка была, Лидочка, скромненькая, круглолицая, русоволосая, чистая славянка, и как сохраниться могла! Пока я в тифу валялся, девочка эта ходила за мной, как за малым дитем, так привязалась, что с работы дождаться не могла. Не могу сказать, что любил, но чувство какое-то все равно было, да и молодость, завязались у нас отношения. Мама ее, конечно, знала, решили пока пожить тихонько, а потом уехать подальше и отношения оформить. По документам-то я ей брат. И стал к Лиде присматриваться молоденький чекист, конечно, и меня засек, а через Лидочку потом узнаю, что он справки обо мне наводит, соперника, видимо, почувствовал. Я не стал ждать, пока он разнюхает, что перед ним на самом деле сын разоблаченных польских шпионов. Паспорт на руках, в комсомоле путевку взял, я записался в комсомол в депо, где работал, поняв, что так надежнее, и махнул на Урал.

Бронислав надолго замолчал, словно вспоминая полузабытые детали, потом усмехнулся:

– Сложная штука – жизнь. Уезжал от тепла и уюта, куда – не знал вовсе, но не боялся. Я чувствовал, что в самые ближайшие годы произойдут большие перемены, мне надо было их дождаться в стороне от основных событий. Нашел я у новой мамаши темную банку толстого стекла, промыл и просушил хорошо, вложил в нее все документы, касающиеся Бронислава Лячека, оставшиеся семейные драгоценности сложил и пробку залил сургучом. Семейные альбомы с фотографиями тоже собрал. Дождался ночи, пока все уснули, оделся и штыковую лопатку прихватил. А до этого все думал, где же на земле самое надежное место для сохранения секретов? В стене, на чердаке – дом могут снести, сам сгореть может, по этим причинам город был отклонен. Я вышел в чистое поле, по самым заметным приметам определил место.

– Какие приметы в чистом, как вы говорите, поле?

– Дорогой мой, все на земле имеет конец, причем, довольно быстрый. Вот вы еще немного прожили, а кое-чего из того, что было в родном селе в детстве, теперь уже нет, не правда ли?

– Правда.

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

– В природе единственная сфера меняется так медленно, что за человеческую жизнь перемены просто невозможно заметить. Я говорю о звездном небе. В юности мне было любопытно изучать движение небесных светил, и карту звездного неба ваш покорный слуга знал неплохо. Согласитесь, что, например, Полярная Звезда и через пятьдесят лет ровно в полночь будет находиться именно в той точке, в которой обнаружил я ее июльской ночью 1924 года. Вычислив, таким образом, искомую точку, вырыл полуметровую ямку и положил на дно банку, семейные альбомы и завернутый в тряпицу флакон духов «Фиалки». О них никто не знал, даже Лида, иначе начались бы расспросы. Я никогда не открывал флакон, только целовал чисто обработанный хрусталь и плакал.

Он опять недолго помолчал, потом вернулся к поездке на лесозаготовки:

– Работа не для человека, тем более, что физической силой не мог похвастать. В кадрах посмотрели: я же добровольцем по комсомольской линии прибыл, хохотнули, и пристроили учетчиком. Но совесть не допускала у костра сидеть, когда люди ледяные сосны ворочают, помогал, сколько мог. Потом стали мне говорить, что напрасно обнаруживаю этакое участие, властям не нравится, что помогаешь, они же поселенцы, ссыльные, бывшие кулаки. Целыми семьями тут жили, семьями и вымирали. Страшное время, мне его до смертного часа не забыть.

– Бронислав… подскажите отчество…

– Сказал же: зови просто Боней, так всем ловчей.

– Хорошо. Но как они вас там не вычислили, вы же выпирали из серой массы безграмотных крестьян, одного культурного слова достаточно было, чтобы заподозрил особист неладное.

– Правильный вопрос. Я уже тогда в двух лицах существовал, один весь на виду, с разговором местным и всеми ухватками, только водку пить не мог. А другой внутри, мне тот дорог был, с ним все прошлое, маменька с папенькой, я все надеялся их отыскать, там Анастасия Николаевна, хотя знал, что её казнили люто. У меня был как-то проблеск, что она чудом, провидением Божьим, спаслась, потом добрые люди помогали отыскать ее, но напрасные труды, желаемое и действительность редко пересекаются.

После очередного скандала, который закатил редактор за редкие, хотя и добротные материалы («Полосу пустую мне бабашками заставлять?!»), Никита уехал к Боне. Он всегда уезжал к нему, чтобы отдохнуть душой, старик излучал оптимизм и жизнерадостность даже тогда, когда для этого не было никаких оснований. Его крепкий домик, стоящий чуть в стороне от деревни, зарос черемухой и сиренью, а сейчас все это было похоже на огромный букет с сюрпризом внутри. Старик издалека увидел гостя, он возился со пчелами, вынимая рамки с первым весенним медом:

– Не подходи близко, иначе съедят, злые сегодня, что панская псарня перед охотой.

«Вот чудак, – подумал Никита, – панской охоты ни разу не видал, а, наверное, всплывает к старости родное».

– Пойди в дом, перекуси, что найдешь, окорок в подвале, на леднике, знаю, что захочешь, я скоро управлюсь.

Никита попил холодного квасу и вышел в сени, через узенькое окошко Боня виден был со своими пчелами. Всегда работает без маски, и они его не кусают, а Никита как-то подошел поближе и уехал домой с заплывшим от укусов лицом. Мед его пчелки собирают хороший, ароматный, он на соседних заброшенных огородах всякие цветы им сеет и травы.

– Боня, а почему ты свой дом построил в стороне от деревни? – спросил однажды Никита.

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

Старик засмеялся:

– Это деревня меня стала сторониться, соседи новые дома стали в других местах ставить, вот и оказался я на выселках. Зато простор и тишина, посмотри, у меня огород без заборов, свои куры не лезут, я им не велю, а чужих нет.

Через час Боня пришел с большой кружкой свежего меда и несколькими ломтями сотов. Жевать воск, успевая проглатывать капельки вложенного в него меда – великое удовольствие.

– Теперь ты понимаешь медведя, который переносит адские муки, но добывает вощину с медом? – хохотал Боня.

И в этот раз, как обычно, он поставил на стол все, что ни есть в доме: литровую банку самодельной тушенки вывалил на раскаленную сковороду, бросил туда мелко порезанный лук, крупно наломал сегодняшней выпечки калач, вынул из подвала пару килограммовых вяленых сырков, которые на тепло отреагировали капельками жира и зовущим запахом. Настойки тоже выставил, но предлагать не стал, видя, что гость явился не просто так.

– Что у тебя на этот раз? Амурные неудачи? Финансовые затруднения? Неувязки с руководством?

– Боня, ты всегда все знаешь, только не надо мне больше про амурные дела, с этим ангелом пока все в порядке. Понимаешь, мне скучно в газете, изо дня в день одно и то же: «Решения партии – в жизнь!», «Проведем сев в сжатые сроки!», «Животноводство – ударный фронт!».

Боня внимательно его слушал:

– Но до сих пор ты писал об этом без смущения, ведь так? Значит, что-то изменилось в твоем понимании жизни, если ты стал задумываться: а то ли я пишу? Конечно, не то, дорогой мой мальчик, и я ждал минуты, когда ты придешь и скажешь: «Боня, научи меня жить!».

Никита засмеялся:

– Именно так я и хотел сегодня сказать: научи жить!

Взглянув на хозяина, гость понял, что веселого разговора не получится, тоже посерьезнел, умолк. Старик спустился в подпол и вышел с большой пергаментной упаковкой, тщательно вытер ее чистой тряпицей, положил на стол и долго распутывал петли и узелки. Из пергаментной оболочки он вынул несколько пакетов бумаг и фотографий, отложив в сторону два небольших свертка.

– Я покажу тебе старые фотографии, честно сказать, я не всех людей на них знаю, в общих словах это представители того еще мира. Тут и моя семья, и родственники, вот фото, которое подарила мне Княжна, тут все сестры и наследник, вот семья наша в Тобольске, а это уже Ишим, советская власть. Посмотри на эти лица, сравни их с теми, что на снимке восемнадцатого года. Вот между этими съемками чуть больше года, ты видишь, какой тупой, отрешенный взгляд у отца, как сжалась мама, я, видимо, еще не очень понимал, что к чему, тосковал по девушке. Да, это май восемнадцатого, еще нет известий о гибели семьи. Собственно, что изменилось? Кажется, перемена правительства должна проходить вообще незаметно для самого народа, но тут переменилось все, не только власть, но религия, нравственность, человеческие ценности – все встало с ног на голову, не случайно в русском языке есть такое слово: «переворот». У людей не сделалось свободы, того, что существует незаметно для тебя, как воздух, ты не замечаешь, что он есть, пока не начинаешь задыхаться. Тоньше всего это чувствуют люди образованные, самодостаточные, отнять у них свободу значит почти отнять жизнь. Впрочем, это происходило именно в такой последовательности, родителей вскоре забрали, и все кончилось.

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

Боня еще долго смотрел на снимки, но ни один мускул не дрогнул на его лице, хотя Никита мог предположить, как тяжело ему было.

– Видимо, ты не находишь связи между своим вопросом и моей попыткой ответить на него. Мы говорили о свободе, а ведь и ты начал именно с этого. Ты журналист, учишься на писателя, или кого готовят в вашем Литературном институте? Ты художник, а тебе указывают, о чем надо писать. Коммунисты совершили самую большую ошибку, отняв у людей свободу, но они не удержали бы в своих неумелых, безграмотных руках власть над свободными людьми, потому они сделали правильно, запретив людям думать, давать оценки, критиковать. Партия все решит за народ, тому остается только взять под козырек. Это всегда не всем нравилось, были заговоры, я рассказывал о безумной попытке офицеров в Свердловске свергнуть власть, были попытки помочь фашистам свергнуть режим Сталина, но тут сработал тот самый феномен загадочной русской души. Люди, еще вчера ругавшие советскую власть, брали в руки оружие и шли защищать Родину. Вот мне это непонятно. Двадцать лет назад эти же солдаты повернули оружие против царя, а в сорок первом шли в бой с криком «За Родину, за Сталина!». Эти попытки и сегодня продолжаются, я ночами слушаю иностранные радиостанции…

– Их же глушат!

– Глушат на русском. Они очень неплохо характеризуют уровень протестных настроений в советском обществе, конечно, это опять же касается в основном интеллигенции, еще точнее – творческой интеллигенции, но мне чуждо диссидентство, есть что-то подленькое в том, что живешь в стране, которую ненавидишь, жрешь и гадишь в одном месте. Гораздо честнее открытый протест, который возможен только из-за границы, но его не видит простой народ. Потому вот эта внутренняя пятая колонна гаже всего, и она сделает главную работу, разложит партию и советскую власть.

– Боня, ты говоришь невозможное, власть сильна, ее армия лучшая в мире, у нас огромный экономический потенциал, в партии пятнадцать миллионов человек. И все это может рухнуть под влиянием каких-то неведомых агентов?

Боня возмутился:

– Кто тебе говорит о неведомых? Неведомые – это разведка, это само собой, а лидеры пятой колонны «ведомы», говоря твоими словами, они сидят на самом верху, их портреты таскают на демонстрациях, им поклоняются.

– Но кто их поддержит? Народ?

– Наивный! Кто когда спрашивал народ? Революции проходят вверху, а внизу часто даже персоны не меняются, они мгновенно ориентируются, кто победит, и тут же перекрашиваются.

Никита не хотел ему верить, он знал, что Боня очень много читает, но нет у него доступа к иностранным источникам, кроме радио, невозможно составить такой прогноз только по новостям из Англии или Германии. Его способность видеть будущие события? Может быть, спросить?

Боня не стал дожидаться вопроса, он еще раз осмотрел фотографии, взял в руки одну, подал Никите:

– Мы еще вернемся к будущему, давай закончим с прошлым. Вот это последний мой снимок с семьей, кажется, тридцатый год, посмотри на обороте. Лиды теперь уже давно нет, у нее было слабое сердце, дочь в Ишиме. Все об этом.

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

Он сложил фотографии в пакеты и отодвинул в сторону:

– Теперь продолжим. Я давно уже лишился способности видеть будущее, появляются какие-то отрывки, нет цельного представления, как это было в юности, когда приходило знание того, о чем я и понятия в силу возраста не имел. Умение прогнозировать развитие политических событий приходит вместе со знаниями основных закономерностей эволюции государства, любого, социалистическое не является исключением. Надо читать древних философов, французов, русских начала века, избегать современных теоретиков, они все подлецы.

– Ну, так уж и все, Боня, есть же умные.

– Я сказал «подлецы», а не «дураки», разве умный не может быть подлецом? Да чаще всего подлый человек умница, потому как ничто не требует столько умения и изобретательности, сколько губительные идеи и дела. Я не знаю ни одного проекта партии, который бы не был обоснован научно, ну, этот термин я употребляю весьма условно. Ты, наверное, не помнишь, но был такой период, когда параллельно существовали как бы две компартии, одна городская, другая деревенская, большей глупости трудно придумать, вот сельский обком, вот промышленный. Но все повизгивали от восторга: как это умно! Прошла пара лет, идею высмеяли, обкомы соединили. Почему? Другой человек пришел, со своими странностями, и все пошло дальше по тому же пути. Методика остается прежней, рассчитанной на не свободного, не думающего чело-века.

Рассуждения Бони Никита понимал, но не разделял окончательно, он уже несколько лет был членом партии, все ему казалось правильным и разумным. Конечно, высмеянная идея построения коммунизма что-то пошатнула в сознании, но сомнение ничем не было подпитано и вскоре забылось, как детская корь.

– Твоя проблема состоит в отсутствии общения, – сказал Боня. – Не просто компании, в них нет недостатка, а общения интеллектуального, дающего пищу уму. Ты слышал о салонах в царские времена, когда в домах состоятельных людей собиралась творческая, научная интеллигенция? Они от нечего делать собирались? Они общались, обсуждали проблемы общества, явления культуры. Суждения таких салонов имели существенное влияние на формирование общественного мнения, а это был очень важный институт той жизни. Если сегодня рядом нет таких людей, а их нет, только книги могут тебя спасти. Образованность – это не просто Литинститут окончить. Кстати, допускаю, что в этом учебном заведении марксизм не является главной наукой, наверное, там есть преподаватели более мыслящие, чем в партшколах. Слушай и запоминай, составляй себя сам – из умных разговоров, из умных книг. Ты читал Библию? Нет? Тогда о чем мы с тобой говорим? Ты же совершенно безграмотный человек!

– Боня, что я слышу, ты отрицаешь Бога, но превозносишь Библию!

Старик возмутился:

– Я тебе говорил, что отрицаю Бога? Я говорил, что не молюсь ему, но знаю, что он есть. Причину я тебе, кажется, объяснял. Библию надо не просто читать, ее надо знать, потому что вся мудрость еврейского народа собрана в этой книге, а евреи – умные люди, по этому праву они руководят миром.

Никита опять удивился:

– В прошлый раз ты высказывал совсем другие мнения, ты критиковал, мягко говоря, евреев, считая их причиной многих общечеловеческих несчастий, вспомни, Боня!

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

– Ты когда научишься мыслить системно? Да, я не люблю евреев, и, прежде всего за то, что они сделали с Россией и продолжают делать, но это лишь подтверждает мой тезис о том, что это умный народ. Мы минуту назад говорили, что одно другому не мешает. На сегодня довольно.

– Боня, мы разговор завершили, но на мой вопрос ты так и не ответил: мне оставаться в газете или уйти?

– Догадайся сам. Уйти от чего? От одной неправды к другой? Мы все едем в одном поезде, можно перейти из вагона в вагон, скорость и направление от этого не изменятся. Работай тут, пиши о простых людях, поменьше того, что ваш Ильич называл политической трескотней. И больше пиши свое, пытайся уйти в прошлое, оно у нас изумительное. Прошлое – это благородно, я с удовольствием читаю романы Пикуля, Иванова, Балашова, но у них Россия не деревенская, а у тебя рядом недавняя история, возьми тот же крестьянский бунт. Через прошлое к настоящему – это достойно.

– А фантастика? Считается, что фантасты находят способы обличения действительности.

– Не люблю фантастов, да у нас их и нет, все эти измышления со членистоголовыми чудищами – бред извращенцев. Фантаст был один, француз Жюль Верн, немножко русский Беляев.

– Боня, я привозил тебе свои рассказы, ты сказал, что прочел, но так и не высказал оценки.

– Прости, но там нечего оценивать, это зарисовки сегодняшнего дня, к тому же весьма поверхностные, с парторгами, с райкомовскими секретарями. Чушь! Но язык у тебя приличный, пишешь ты симпатичнее, чем говоришь.

Никита покраснел от досады:

– Боня, я обижусь.

– На что? Я критикую тебя, чтобы ты стал лучше. Читай словари Даля, Брокгауза с Эфроном, заметь, насколько русский человек ленив, даже словари пришлось составлять иностранцам. Ну-ну! Знаю, что по сути они были глубоко русскими людьми. Фамилия мало что значит. Вот я поляк, но ты общаешься со мной и, кажется, имеешь от этого только пользу. Или я ошибаюсь?

Никита обнял старика:

– Как всегда, нет, Бронислав Леопольд-Динариевич!

– Хорошо. Переходим к следующему этапу. Вот в этом свертке лежит самое дорогое, что у меня есть.

Боня развернул бумагу и поставил на стол выточенный из янтаря букетик мелконьких цветков. Никита понял, что это тот самый флакон духов фиалки, который Боня подарил Княжне, а она вернула на память.

– Возьми его в руки, после Анастасии ни один человек не прикасался к этому флакону.

Никита осторожно взял букет в руки, приблизил к лицу и не почувствовал запаха. Букет действительно был выточен из цельного камня и сам был чудом. Флакон наполнен, но пробка притерта так плотно, что нет даже запаха.

– Ты никогда его не открывал?

– Один раз, когда дочке исполнилось шесть лет, я помазал ей за ушком, но тут же ушел, потому что запах сводил меня с ума. С тех пор прошло полвека. Далее. В этом свертке оставшиеся у меня семейные драгоценности, изредка я уезжаю в Тюмень, нахожу там старых знакомых и продаю одну вещицу. Раньше передавал деньги дочери, но она вышла замуж за

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

партийного человека, и тому, видите ли, было не очень приятно иметь в родственниках бывшего каторжанина. Более того, дочь оказалась слабым человеком и ничего не возразила. Тогда я забыл о семье. Сейчас продаю на жизнь, пенсию мне платят минимальную, потому что годы строительства социализма по ту сторону колючей проволоки не включаются в трудовой стаж. Все это пока останется у меня, буду чувствовать приближение конца, передам тебе с наказом, если умру неожиданно, возьмешь сам, сейчас спустимся в погреб, укажу тебе место.

– Не надо о смерти, Боня.

– Согласен, но она сама решает, за кем идти. А теперь давай по стаканчику настойки. Это на корнях шиповника, очень полезная, а вот на сабельнике, запах болотный, а польза велика. Да, и скажу тебе одну мысль, которая появилась у меня не совсем давно, только укрепляется и меня укрепляет в понимании. Будут в стране еще перемены.

– Революции?

– Кому они нужны сегодня, эти спектакли по дурным сценариям? Правда, и в этот раз сделают бездарно, но опять все сойдется. Вспомни Октябрьский переворот: холостой выстрел с заплеванного пьяными матросами крейсера, толпа солдат и женский батальон с мальчишками-юнкерами по ту сторону ограды Зимнего Дворца. Вот и все. Далее телеграф во все концы страны: «Вся власть перешла в руки Советов!». Будет нечто похожее, возможно, не доживу, но запомни: верховодить будут те же, конечно, внуки и правнуки, вместо маузеров мобильные радиотелефоны, только теперь не телеграф, а телецентр: Политбюро расстреляно, власть переходит к временному или иному комитету или совету – не имеет значения. Вот тогда вновь появятся хозяева, потому что вся собственность государства, одномоментно ставшая ничьей, должна обрести хозяев. Поскольку законных хозяев нет и быть не может, ибо родилась уникальная в истории, не особо мною почитаемая, но все же существующая – общенародная собственность, появятся самозванцы из числа особо приближенных к организаторам этой авантюры. Вот они-то покажут вам, каким не должен быть собственник на Руси.

– Боня, прости, «каким не должен»?

Старик рассмеялся и стал говорить тише:

– Я добиваюсь, чтобы ты понял самое главное: все, что сегодня создано в стране, особенно в крестьянском деле, все эти колхозы, совхозы, комплексы молочные и мясные, все прочее – искусственно, не путем вашей марксистко-ленинской диалектики создавалось, не путем развития и совершенствования способов хозяйствования, то есть, естественно, а волевым порядком, кому-то в голову взбрело – внедрили, а уж коль внедрили – жилы вырвут, но заставят давать положительные результаты.

– Не соглашусь с тобой, потому что знаю десятки процветающих колхозов и совхозов.

– Не смею возражать, ибо в самой откровенной глупости русский мужик всегда найдет способ выжить, да еще парочку генералов прокормить. Беда новой крестьянской организации в том и состоит, что трудящийся человек равнодушен к результату своего труда, не совсем, конечно, посредством тарифов и расценок он привязан к урожаю, к молоку и прочее, но привязан, заметьте, а не прикипел. Я ни разу не слышал, чтобы кто-то из крестьян, мне знакомых, проговорил: «Это мое поле, это моя скотина ходит на лугу». В лучшем случае скажет: «Наше», а пуще того – колхозное, казенное. Ясно одно: возврата к прошлому не будет, крестьянина – хозяина уже нет, есть исполнитель, потому собственность и главное – землю – приберут к рукам деловые люди, в основном это будет грамотная и прагматичная молодежь,

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

которая не умеет работать, но у которой будут выходы на большую власть. Уверен, что они найдут общий язык, и это обернется для деревни очередной трагедией.

Никита развел руками:

– Боня, тебя послушать, так надо готовиться к новым революциям, или, как ты говоришь, переменам. На основании каких данных ты делаешь такие прогнозы? Есть экономические расчеты? Или, простите, чьи-то предсказания? Тебе опять некто подает опережающую информацию?

– Слишком много вопросов, Никита. Получается, что ты и есть тот человек, которого я так долго ждал, чтобы при нем еще раз прожить свою неуклюжую и счастливую жизнь.

Притча об усердии

Тимофей последнее время часто приезжал к Боне на своей лошадке, они радовались друг другу, как братья, да они и были братьями, огромная разница в происхождении, образовании и познаниях никогда не чувствовалась. Тимофея Боня считал очень умным, конечно, отсутствие системного образования ограничивало его, но природный ум почти всегда находил верные аргументы в спорах. Если речь шла о Боге, Тима предусмотрительно прятался за догмы: так записано, так и должно быть.

– Тима, день сегодня не постный?

– Слава Богу, скоромный день. А что ты там вошкаешься?

– Наловили мне друзья мои доброй рыбы, это нельма, она водится только в реках. Будем угощаться. Но – только под водочку.

– Нет возражениев. Водка – продукт, созданный Господом, стало быть, благословен для употребления, в разумных пределах, само собой.

– Вот и давай за разумные пределы, за друзей наших павших, за тех, кто живой – по глоточку.

Они и точно выпили по глоточку. Поели свежесоленой рыбы, чисто вымыли руки. Тима поблагодарил Бога за хлеб насущный, Боня убрал со стола.

– Вспомнилась мне нынче последняя моя каторга, и со странной стороны вспомнилась. Ну, ты в социалистическом соревновании не участвуешь, хотя, конечно, слышал и знаешь. На зоне тоже есть такая дурь: если больше других бригада зальет бетона или стены выложит, паек усиленный дадут, например, вареные свиные головы.

Когда нас на объект пригнали, там голая степь, помочиться негде. Навезли материал, сколотили бараки, одновременно копали котлован. Я видел проектные чертежи у вольных мастеров, размеры объекта запомнились, а котлован копаем в два раза шире. К зиме нам одежонку подбросили, кормить стали лучше, и все эти итоги подводят, их так и назвали «свиной головой», хотя, справедливости ради, свинья только несколько раз была. Начальство одолело с визитами, однажды был даже сам Лаврентий.

– Берия?

– Внимание к объекту усиленное, прорабы и мастера на участках меняются каждый месяц, выводим стены, перегородки, начались отделочные работы. Поднимают к нам на этаж дверной блок – стальной, лист в пять миллиметров. Но все проточено, смазано, не скрипнет. В дверях глазки и уже стекла вставлены.

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

Когда выполняешь принудработы, нет особой заботы, что ты строишь и для чего. Все, о чем говорю сейчас, тогда и во внимание не брали, до самого конца. В конце 1952 года собирает нас начальник, кум по-зэковски, и предлагает опередить, как и весь советский народ, обозначенные правительством сроки, и сдать объект к 1 марта. Мы ахнули: тут работы на полгода даже летом, а он в зимних условиях предлагает ускорить отделочные работы. Тогда один из авторитетов выходит вперед и гнусавит: «Если, – говорит, – рабочую пайку в полтора раза надбросишь, начальник, то можно подумать». Конечно, сволочь эта была специально отобрана, он же в законе, на работу не ходит, его норму бригада горбатит. Но дело сделано, вроде как народ не против, тогда начальник заявляет, что с завтрака норма будет увеличена, только работать не десять, а двенадцать часов. Народ зашумел. И выходит тут вперед вшивенький парнишка, инженер, сел за какие-то стишки. «Гражданин начальник, я уже полгода хожу по инстанциям (он так и сказал: по инстанциям, хотя все его инстанции кончались матерками бригадира), у меня есть рационализаторское предложение по подъему на этажи стройматериала за счет механической силы». Начальник аж подпрыгнул, моргнул своим, пацана забирают, и больше мы его не видели. Говорят, он в синем костюмчике по стройке ходил и указания давал. Действительно, поставили подъемники, дело пошло в два раза быстрее. Говорят, этот же хиленький придумал обогреватели на мазуте, если горелку правильно отрегулировать, тепло, хоть рубаху снимай.

Вот что мне нравится в русском народе – бесшабашность. Кого вчера били – это мы потом разберемся. Недавно около пивной в районе сидят молодые ребята, один так хватил, что я остановился: «Эх, говорит, сейчас бы всем по короткоствольному автомату!». Я извинился: «Молодой человек, а стрелять в кого?». И знаешь, что он мне ответил: «А там скажут, в кого!». Вот она, русская душа, доверчивая, справедливости хочет. А вот что строит и для чего – никогда не поинтересуется.

Первого марта мы объект предъявляем к сдаче. Пока мы, отделочники, внутри работали и практически жили в корпусе, наши ребята вокруг объекта такую шикарную стену возвели, какой я ни на одной пересылке и ни в одной тюрьме не видел. Высота пять метров железобетона, покатый козырек выступает вовнутрь аж на метр. Ни одному японцу не подняться! Наши быстренько сбегали, просмотрели: и полоса готова, и колючей проволоки в десять рядов, и ток высокого напряжения.

Вот так, дорогой мой, полные социалистического энтузиазма, мы своими руками строили тюрьму для себя. Поговаривали, что ее готовили специально под дело врачей, но утверждать не берусь, официальных документов не видел. А что тюрьма получилась надежная, замечательная тюрьма, я успел убедиться. Мы сдали ее 1 марта, а 5 марта нас вывели на траурный митинг. Конечно, я плакал, но это были мои слезы, потому что хотелось верить: эта тюрьма – последняя.

– Боня, Невелин туда приезжал?

– Тима, я ему не писал, честное слово, не ведаю, как он узнал, хотя в его тогдашнем положении он мог все и про каждого узнать через сутки.

– Я писал, Боня, не обижайся. Прямо на наркомат обороны, генерал-полковнику Невелину.

– Да. Вызывают меня к хозяину среди ночи и с вещами. Ребята поднялись, в чем дело, спрашивают, а солдат сопровождения узбек, чего он может объяснить? Захожу, со мной ласково начальник особого отдела, чуть не на «вы» со мной, проводил до дверей, пропустил. Я вижу в ярком свете не совсем хорошо, привык к полумраку, бежит ко мне навстречу военный,

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

звезд на погонах так много, что сосчитать не могу, а в лицо глянул: Невелин. Обнял он меня, за край стола посадил, из портфеля бутылку коньяку достает: «Давай за встречу, Арсений». Я не стал поправлять, что Бронислав мое имя, оглядываюсь на хозяина, а Невелин громко говорит:

– С этой минуты он тебе никто, да и вообще никто, снят с должности и подлежит аресту. Вместо него новый назначен, со мной прилетел, полковник Форин.

Я едва не упустил стакан из рук. Невелин заметил:

– Знакомый?

– Даже очень. Через него вся жизнь моя пошла кувырком.

– Вот видишь, как все непросто. С сегодняшнего дня он начальник тюрьмы особого назначения, подчиняется лично Берии. Пока, – добавил тихо. Бывшему начальнику крикнул: – Отведите мне отдельный кабинет, чистый, с посудой и закуской. Распорядитесь, чтобы накормили экипаж самолета, мы вылетим сразу, как только будут готовы документы Чернухина.

– Лячека, – я поправил его с улыбкой.

Он махнул рукой. В кабинете выпили бутылку коньяку, я сильно опьянел, но держался.

– Ты с первого дня на этой стройке?

– Да. Имею почетную грамоту за хорошую работу по завершению строительства.

– Сохрани ее, Арсений, ради потомков сохрани. И историю строительства тюрьмы для себя. Боже, как низко мы пали! Встанем ли с колен, Арсений?

Я ему ничего не ответил.

Притча о баптистах

Ничто не предвещало грозы, и Тимофей с Брониславом дометывали последний стожок так и не ставшего колхозником упрямого единоличника. Угодья не сказать, что подходящие, но на корову и теленка натяпали. Туча скатилась неожиданно, как это бывает в июле, разорвалась огромной молнией и оглушительным громом. Даже Боня присел, так все было странно. Тима забился под стожок и беспрестанно молился. Когда ветер снес грозу к западу, Боня не без ехидства спросил:

– Вот ты крестился там, аж стог шевелился. Объясни мне, какая польза от крестного знамения?

– Да ты что, всерьез? Польза! Да в нем сила необыкновенная, им святые отцы войска вспять обращали, и всякие прочие дела происходили в таких случаях.

– Хорошо. А представь, что у меня нет правой руки.

– Крестись левой – неуверенно посоветовал Тимофей.

– А если и левой нет? Мы-то с тобой на войне насмотрелись на всяких калек.

– Тогда только молиться.

– Ладно. А что есть икона? Это лик святого часто с описаниями его деяний. Тима, кроме легенды о платке, которым вытер свое лицо Иисус в ответ на просьбу художника написать его портрет, других сведений о его, так сказать, физиогномических данных, нет. Церковь утверждает, что все иконы, все это – Хритос, и ты тоже веришь.

– Не отвечаю на твои провокации и молюсь о душе твоей.

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

– Тима, оставь мою душу в покое, она еще при мне. Я тебе больше скажу: вот икона, ты преклоняешься, а кто писал ее, ты подумал? Рублев истязал себя постом и молитвой, прежде чем приступить к написанию «Троицы», а сегодня каждый второй – богомаз. Он вчера зарезал человека, а утром, не помыв рук, садится писать Богородицу. По моему убеждению, икон должно быть немного, в храме не более дюжины, причем, в каждой церкви свои почитаемые. Ты знаешь, сколько в Русской Православной Церкви святых, на каждый день по десятку, а иные общим числом именуются «пострадавшие там-то», и на всех иконы писаны.

– Боня, остановись, прошу тебя, ты и себя и меня невольно в грех вводишь.

– Успокойся, Тима, я прошлый месяц весь прожил в общине баптистов, это по ту сторону Горы, они меня звали печи класть. Ты знаешь, они взяли классическое христианство и вычистили из него все лишнее, оставив самое главное – веру, о которой ты так печешься.

– Бог един, – проворчал Тима.

– Возможно, и един, только вот путей к нему много. Баптисты, к примеру, обходятся без помпезных храмов, на которые тратится уйма народных денег, они обходятся без попа, которого называют посредником между Богом и человеком. Они меня спрашивают: «Зачем я должен донести свои мысли и слова до живого человека, порой не менее грешного, чем я, если есть прямой путь к Богу – через слово к нему, через молитву? Тебе известно, что любое слово доходит до Господа? Кто сказал? Да он же! Тогда к чему сочинять мало кому понятные тексты, заучивать их, а потом произносить, полагая, что это молитва. Я знал одну мусульманскую семью, в ссылке, бабушка у них читала Коран, как Левитан. Поинтересовался у нее содержанием, оказывается, она не понимает, что читает, ее научили только читать арабский текст. Баптисты, кстати, не могут понять, зачем на архипастырей православной церкви цепляют столько золота и украшений при всеобщей и почти всегдашней бедности прихожан. Ты не замечал, что это ставит сразу грань между паствой и пастырем: вы овцы, я хозяин? Не замечал?

– Я в святой храм не за этим хожу. Вот про молитву. Святые отцы разрешали излагать прошения к Господу своими словами, если нету грамоты, это я слышал.

– И баптисты замечательно этим пользуются, у них нет толстых молитвенников. Одна женщина так мне поясняла: «Иду я днем новотельную корову в стадо подоить, говорю с Господом, вечером понесла продукты на продажу в соседний поселок – опять говорю. А уж когда в постель лягу, тут большой разговор происходит». «И о чем вы с ним говорите?» «Да обо всем. Что делала – расскажу, о чем думала, какие греховные дела или мысли в голову приходили». «А как же вы определили, что они греховны?» «Мне за них стыдно». Вот настоящая вера. Человеку стыдно за мысли свои, даже если о них никто не знает, он вне чьего-то влияния чувствует в себе Бога, а не это ли главное? Насколько мне известно, Православие при всей своей помпезности и близко не подошло к уровню духовности паствы баптистов. Тима, жаль, что поздно я о ней узнал, непременно примкнул бы.

– Прости меня, Бронислав, ты и ныне, как говно в проруби, болтаешься в смысле веры. Кто вот ты есть?

– В каком смысле?

– В прямом, коль разговор резкий, в таком случае. Ты сам себя кем осознаешь? Вот про Бога ты много наплел, не мне судить, где ложь, а где истина, но про себя не можешь… сформулировать.

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

– Могу. В детстве был примерным католиком, потом при Дворе в связи с отношениями с известной тебе персоной готовился к православному крещению, искренне. Когда узнал, какая беда случилась с Анастасией, молил Господа спасти ее, совершить такое чудо, чтобы весь мир содрогнулся, но Бог не внял, не счел нужным. И тогда я отвернулся от него. Я сказал ему: «Если ты, всемогущий, не захотел спасти от страшной гибели юное создание, святое, ангельское, за что я могу поклоняться тебе?»

– Ты верить перестал?

– Нет, Тима, я верил в Господа нашего, но не мог поднять руки, чтобы перекреститься, не шел на исповедь, не причащался. Да и католических священников не встречал.

– А баптисты вместе собираются?

– Да, они собираются в большой избе, по-простому одетые, и поют гимны Господу.

– Кто же их сочиняет?

– Да уж не Михалков! Сами и сочиняют. У меня записаны несколько стихов, простота и только, но любви к Богу очень густо. Хочешь – дам почитать.

– Не желаю эту ересь в руках держать.

– Вот первый признак вашего консерватизма и чванства. Вы утвердили такие законы и порядки в церквах и монастырях, что церковная мышь не проскочит без разрешения иерарха. Вы ненавидите зарубежную церковь, а ведь она охраняет традиции Православия, а не та, что служит по расписанию Кремля. У меня волосы дыбом встают, когда священник произносит призыв помолиться и за руководство государства нашего! Как можно так пасть? Ведь борьба продолжается, из стадии расстрелов священства и разгрома храмов в двадцатые и тридцатые годы она перешла в духовную сферу. И что мы видим? Полупьяный поп, который приехал освящать место под строительство твоей церкви, толпа, не умеющая положить креста. И в то же время сусальные лица высших сановников, вещающие с телеэкрана о необходимости прийти к Богу, иначе тебя постигнет Геена Огненная. У меня это вызывает слезы стыда.

– Обожди, но у баптистов должен быть священник, настоятель. Есть?

– Похоже, есть, но он незаметен, ничем не выделяется, ни одеянием, ни торжественными речами при открытии службы.

– Нет, Боня, так не должно быть, во всяком обществе должен быть руководитель, начальник, иначе смута начнется.

– Тимофей, вот ты умный человек, я тебя только за неприятие колхозов святым бы сделал. Ладно-ладно! Но ты все равно стал жертвой социалистической идеологии. Зачем нужен истукан, как ты говоришь, в обществе людей, объединенных одной идеей? Баптисты показывают, что община может самоуправляться через периодически избираемых людей. Разве это плохо?

– Я не сказал.

– Христианству нужны были священники во время массовых крещений, но это своего рода миссионерская деятельность, а потом община должна существовать самостоятельно, иначе все разговоры о религиозности народа – самая настоящая фикция.

– Ты меня к этим баптистам не свозишь?

Боня засмеялся:

– Заинтересовали?

– Посмотреть охота на чудный народ.

– Ладно, давай сено приберем, размело много.

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

Притча о пятом евангелии

– Тебе, Тима, знакомо имя Герострат? Это тот парень, что уничтожил храм древнегреческой богини Артемиды Эфеской, пишут, что поджег, но в это трудно поверить, храмы складывали из мраморных плит, чему там гореть? Но, видно, огонь был, коли дыма до сих пор полно. Власти запретили произносить его имя, дабы оно было забыто навеки, но надо же всегда помнить, что вот это имя произносить ни в коем случае нельзя, иначе смерть, потому имя это и сегодня известно. Ты думаешь, случайно изъят из древнегреческой истории этот никчемный эпизод? Нет, дорогой, с умыслом. Добрыми делами о себе навечно память оставить трудно, почти невозможно, какой талант нужен, да и труд. А пакость какую-нибудь сотворил – слава обеспечена. Я не доживу, но ты будешь свидетелем нового слоя современных геростратов, имена их сольются с понятиями разрушения, развала, захвата заводов и фабрик, промыслов и городов, даже проститутки и преступники краденым золотом впишут свои имена в историю.

– Твои прогнозы печальны, Боня, ты видишь самые низменные человеческие черты, ты не считаешься с тем, что есть душа, что предназначение человеческому существу высокое и духовное.

– Это так, – согласился Боня, – все это так. Но Господь, создавая человека, не знал о ценностях иного порядка, то есть, кроме духовных он иных и не ведал. Понимаешь, какая коллизия получается? Бог создавал себе подобного, не ведая опасностей, которые поджидают его создание, причем, он сам же все это и придумал, от Вселенной до последней букашки. Это же создатель сотворил золото и драгоценности, все, что потом поведет к так называемому развитию общества. Ему, существу, не знакомому с рынком, с деньгами и акциями, и в голову не могло прийти, что есть иные соблазны, кроме тех, от которых он предостерег в своих заповедях. Он не научил человека совестливой жизни в иных условиях, потому люди и грешат самым элементарным – совестью. Ведь совесть есть мерило всего, для людей ты можешь быть и неверующим человеком, но совесть твоя под Богом, и значит ты праведник. С чем же ты не согласен?

– Со всем, Боня, я не согласен и никогда под твоими суждениями не подпишусь, ибо это есть святотатство и грех. Ты же грамотный человек, Боня, ты прочитал столько, что мне и не доведется никогда, а истину не постиг. Ибо сказано: не учением вера полнится, а сердцем.

– Кто это сказал?

– Неужто я помню? Может, кто из священников, не могу уточнить, да и к чему?

– А известно ли тебе, Тимофей Павлович, что существует не четыре, а пять Евангелий, только пятое, самое откровенное, священники, конечно, те еще, решили спрятать от людей.

– И кто же его писал?

– Это неведомо, но еще в восемнадцатом веке при некоторых европейских дворах читали некую древнюю книгу…

– Боня, сие есть ложь от конца и до начала. Евангелия писались на арамейском языке, кто же мог читать древний мертвый слог?

– Прости, Тима, но ты сейчас читаешь Библию, немало не заботясь о первоисточнике. Конечно, это были переводы, но на языки достойные, древние.

– Любопытно, что же в том Евангелии нового по сравнению с теми, что мне известны?

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

– Начнем с главного: Иисус не был распят, Понтий Пилат увидел в нем сына нечеловеческого и велел верному начальнику стражи заменить обреченного. Кстати, читал ли ты «Мастера и Маргариту», книга такая, автор Булгаков? Этот писатель очень близко подошел к истине, но не рискнул совершить главного: спасти осужденного. Возможно, он хотел это сделать, но потом испугался времени, он и без того не на тридцать ли лет отложил публикацию романа.

– Ты отвлекся, Боня, от главного: чем же занимался после освобождения Иисус?

– Жил.

– Знамо дело, раз не распнули.

– Жил полнокровной человеческой жизнью. Много ходил и проповедовал, но не призывал ничего рушить, он призывал создавать. Много храмов построил на земле Иудейской и Арамейской и в иных странах. Он проповедовал о человеке, который по масштабам своим есть Бог.

– Христос с тобой, Бронислав, гореть нам на одной сковородке!

– Ты почему этого боишься? Ведь мы же созданы по образу и подобию Его, справедливости ради, следует заметить, что люди до безобразия исказили образ создателя в себе. Поди, узнай вот в том спекулянте или вон том раскормленном майоре милиции признаки создателя нашего. Важно, Тима, не сколько раз ты молишься, сколько свечей ставишь, а загораются ли сердца от этих свечей. Обожди, Тима, близки те времена, когда каждый будет ходить со свечой. Вот представь себе: стоит пустое место, одетое в дорогие наряды, а в руках у него огромная свеча. И тысячи их таких рядом. Крестные знамения кладут, а в голове черви, нутро прокисло.

– Ты чего-то, Боня, заговорил не то, отвлекся.

– Нет, не отвлекся, а все ту же мысль продолжаю, только ты следи внимательней. А этот примерчик я тебе вставил из службы во Храме Христа Спасителя.

– Свят, свят, Арсений, чего ты несешь, Храм еще до войны взорвали.

– Вот беда на мою голову! Да кто взорвал, тот и поставит на место, только святость, собранную по горсточке со всего народа, туда уже не вложить! Давай дальше: для Господа нашего важно, насколько праведно мы живем. Если душа твоя полна радости и дом полон детей, и люди поклоном встречают твой выход во двор – разве это не жизнь по Христу? И он так просто жил, помогал бедным, увещевал богатых, говорил, что Создатель все на Земле отдал всем людям, и никто не имеет права менять этот закон. Реки и озера и рыба в них принадлежат тому, кто живет на том берегу. Лес с грибами да ягодами всем должен быть доступен, вот как он учил.

– Если только ты не врешь, Бронислав, его должны были убить на второй день, это ж надо – такую вольницу людям дать!

– Ты в самый корень угадал, Тима, это и была Божья вольница. По тому писанию не было судей, потому что никто не преступал, границ не было и воинства, а только хлебопашество да промыслы.

– Диво ты говоришь, чисто сказка! А в оконцовке-то октябрьский переворот!

– Ну, до Октября было еще много чего. Важно про Евангелие. Следы его мой покойный батюшка находил в Варшаве, она ведь не всегда такой захолустной была, я же помню, все-таки тринадцать лет. Но в бумагах его я ничего не нашел, возможно, чекисты забрали.

– Им-то зачем, Боня, если бумаги польские?

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

– А черт их знает, может, обои в туалетах выклеивали гербовой бумагой. Суть, Тима, в том, что живем мы не по тем законам, они нам подсунуты.

– Ты говоришь про казенные?

– Господи прости, Тимофей Павлович, разве можно всерьез говорить о советском законодательстве? Такого варварства не было со времен римских тиранов. Меня больше занимают законы нравственные, так называемые Божьи, по которым нам с амвона рекомендуют жить. Меня все время смущала эта фраза в Библии: «Бойся Бога своего». Когда стал немножко понимать, нашел подлинные арамейские тексты, у варшавских евреев можно было купить даже кусок хитона Иисуса, но это чушь. А вот текст был подлинный, я за большие деньги отыскал нужное место, все сходится, Бога надо бояться, не любить, а бояться, следовательно, в любой момент ожидая от него неприятности.

– Боня, я прошу тебя больше в свои рассуждения не посвящать, они греховны.

– Вот ты хлопочешь, чтобы церковь тебе разрешили построить. Говорю тебе: они разрешат, строй хоть церковь, хоть мечеть, только самого святого – золотого тельца их не касайся. Ты помнишь появление европейцев в Африке, Южной Америке? Стеклянными бусами взяли народ, а потом согнали в резервации и заставили работать. Но историю сохранили, и сейчас, говорят, показывают настоящие деревни аборигенов, и аборигены в национальных одеждах, и поют свои песни, и пляшут под свои бубны. Только они поют и пляшут не потому, что им весело, а потому что приехала очередная группа богатых европейцев, и они хотят посмотреть местные обычаи. Ты построишь свою церковь, но народ в своем отвращении к жизни такой уже перешагнет черту неприятия Бога, и его будут сгонять по великим праздникам, чтобы показать, что сохранены традиции и культура русских. Да и самих русских почти не будет.

– Боня, тут я с тобой не согласен. Все зависит от вождей. Помнишь, Сталин, когда прижало, и церкви открыл, и семинарии. Потом Хрущев пообещал показать последнего попа. Теперь вот началось обращение.

– Ты в городскую церковь ездишь. Сколько прихожан бывает на службе?

– По-разному…

– Не юли.

– Около сотни, в основном старухи, мужиков совсем мало.

– От тридцати-то тысяч жителей! И ты называешь это обращением к вере? Думаешь, построишь церковь, и повалит народ? Эх, Тима-Тима, ты исполнишь долг, возведешь храм, а люди не воспользуются предоставленной возможностью. Народ очерствел, материализовался. Ты же помнишь, в одночасье он отшатнулся от Господа своего и стал стадом. Было великое по греху своему отречение от Бога. В Евангелии есть пример первого отречения от Христа, падший и сам еще не знал своего падения и на безобидное, в общем-то, замечание Учителя, категорически протестовал, неистово, и Иисус успокоил его: «Еще и петух не пропоет нынешней ночью, как ты трижды от меня отречешься». Помнишь? Но Петр устыдился и проклял свое отречение, и всей жизнью последующей замаливал, заглаживал свою минутную слабость, которая, впрочем, и вреда-то никому не принесла. А эти? Да они будут хохотать над страхом его и над памятью той любви к Господу.

– Мы тут с тобой никогда не сойдемся. Церковь я построю, исполню обет свой, а там как хотят. Ох, друг мой, молись, затмился разум твой от горя. Молюсь и я, в таких случаях…

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

Онисимов набрал номер и долго ждал ответа. Сигналы шли, но никто не поднимал трубку. Он подумал даже, что не судьба, и девушка эта, виденная однажды, так и останется тонким и зыбким воспоминанием. На что он надеялся? Да не было никаких надежд и планов, просто очень хотелось еще раз увидеть ее, услышать голос. И вдруг:

– Ало, говорите.

– Здравствуйте, я бы хотел услышать Анастасию.

– Это я, здравствуйте.

Он растерялся:

– Здравствуйте, Анастасия, простите за беспокойство, это Никита Онисимов, ваш коллега, помните, на праздновании работников сельского хозяйства книгу вам подарил?

– Конечно, помню, с удовольствием прочла вашу книгу. Вы откуда звоните?

– Я где-то рядом с вами, в городе.

– Адрес студии знаете?

Она встала ему навстречу и подала узкую длинную ладонь, он хотел было поцеловать ее, как тогда, при прощании, но стушевался, легонько пожал и задержал в своих руках.

– Анастасия. Можно, я буду говорить правду и только правду? Не удивляйтесь, я могу слегка лукавить и не сказать всего, может быть, это вас устроило бы больше, но я хочу всю правду и сегодня, сейчас, потому что не уверен, будет ли у меня другая такая возможность.

– Вы странно говорите.

– Ничего удивительного, ведь я только физически в этом мире, а душою далеко в прошлом, удивительно ли, что пишу о девятнадцатом веке? Возвращаюсь сюда не за впечатлениями и чувствами, их тут нет, вынужден возвращаться, потому что есть плоть, это ее потребности. Я так обрадовался, увидев вас, которую как будто только что оставил где-то в усадьбе в окружении кузин и тетушек, и вдруг вы на этом чванливом вечере среди суесловия и полуделикатного хамства. Вы стояли у входа, как будто случайно сюда пришли, случайно оказались в этой массе, да вы и были чужой. Выражение вашего лица указывало на внутреннее неприятие всего происходящего, я понял сразу. Вы давали какие-то советы своему оператору и были безразличны. И ваше платье, нет, теперь таких не носят, уверен, что из театрального гардероба, только откуда он в вашем скромном городке?

– Моя старшая сестра модельер, она в Омске.

– Впрочем, вас одеть несложно, такая фигура, даже просто обернутая тканью, заставит мужчин смущаться. Я вел себя рискованно, несколько раз проходя мимо вас, будто делая снимки зала с разных точек, ничего похожего, я любовался вами, очевидно, это трудно было скрыть.

– Я не заметила.

– Вы сделали вид, что не заметили, потому что, когда я заговорил с вами, нашел повод: узнал телеведущую, когда-то помешавшую мне провести интересный разговор с главой вашего района, – вы были уже готовы к нашей встрече.

– Конечно, я ведь тоже узнала вас.

– Скажите, как вас зовут? Анастасия – это очень красиво, но есть другие имена: для мамы, для приятного мужчины. Нет, я ни на что не претендую. Можно, попытаюсь угадать? Тася, Настя с уменьшительными и ласкательными вариантами, а еще?

– Мне больше нравится полное имя.

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

– Странное совпадение, три мои дочери носят имена дочерей Государя Императора Николая Александровича, Ольга, Татьяна и Мария. Следует уточнить, что это чистая случайность, тогда я не знал семьи своего Государя. Вы будете дополнять в моем сознании недостающую Анастасию, даже не спрашиваю вашего на то согласия.

– А как мне вас называть?

– Представляю ваше состояние: по имени нельзя, слишком солиден, с отчеством – я не соглашусь, пока комплексую, возможно, скоро привыкну. Теперь называют по отчеству не из уважения, как в старину, даже молодых людей принято было величать, а скорее формально, не хочу! Зовите меня по фамилии, правда, это нейтрально и не задевает самолюбия.

– В книге, которую вы мне подарили, есть биографическая справка, вам пятьдесят?

– Прощаю вашу простоту, книга вышла два года назад, я уже старше. Анастасия, вы ни о чем не должны беспокоиться, я не дам и малейшего повода, чтобы мой возраст бросил тень на вашу репутацию. В администрации мне сдали вас с головой: вы не замужем, окончили педагогический, строги и самостоятельны. Уверен, что юноши вьются за вами, но, должно быть, это происходит в нерабочее время, и я не стану помехой.

Она засмеялась тихим и искренним смехом:

– Разочарую вас, у меня нет поклонников. Ни одного.

– Ни за что не поверю, что у молодых людей этого города совсем нет вкуса.

– Есть, но он испорчен, сейчас конец двадцатого века, а не девятнадцатый, неужели вы так не знаете жизнь?

– Знаю, к сожалению, и знание это крадет у меня много внутренних сил, приходится думать о вещах, мне совершенно не нужных, но требующих объяснения, толкования, предостережения.

Загудел ее мобильный телефон, она открыла аппарат, он поднялся и отошел к окну. После короткого разговора Анастасия встала рядом. Под ногами шли люди и бежали машины, городок приближался к вечеру.

– Через четверть часа вернется наша группа со съемок. Вас это не вспугнет?

– Только в том смысле, что я уже не смогу немотивированно у вас появиться. Я должен уйти?

Она посмотрела ему в глаза:

– Знаете, Онисимов, мне не хочется расставаться с вами, но я ничего не могу предложить.

– Тогда позвольте мне. Местным домом отдыха заведует моя знакомая, я иногда пользуюсь ее гостеприимством, работаю по неделе и больше. Для такого случая у нее всегда есть свободный номер. Я вас приглашаю. Моя машина у подъезда. Десять минут на магазин и столько же на дорогу.

В магазине он накупил большой пакет фруктов и попросил красиво завернуть три розы.

Анастасия с улыбкой приняла цветы и подозрительно посмотрела на пакет.

Он перехватил взгляд:

– Вина там нет, пусть вас это не беспокоит. Когда будет возможность, я попрошу вашего совета, какое вино взять.

Комната была хоть и казенной, но обставлена мило: толстый ковер укрывал пол, два глубоких кресла располагали к отдыху, широкая кровать закинута серым пледом. На столе тонкая ваза для цветов, Анастасия налила воды и поставила розы. Никита помыл фрукты. Оба молчали.

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

– Вы простите мое смущение, – он дождался ее взгляда. – Я сам напуган собственной дерзостью, пригласив вас в первый день знакомства в столь интимную обстановку, потому путаюсь, не знаю, как себя вести.

Неожиданно она засмеялась:

– Это вы-то не знаете? Судя по вашим книгам, нет ситуации, в которой не бывали бы ваши герои, я имею в виду с дамами.

– Так то герои! – он тоже рассмеялся. – Это им я мог подсказать, а когда самому надо выбирать линию поведения, смущаюсь. Тем более, когда женщина… когда это просто очень красивая девушка.

– Давайте разрядим напряженность.

Она встала с кресла, подошла к нему, прохладными руками, от которых, он успел заметить, пахло розой, легко коснулась его щек и мягкими сухими губами прикоснулась к его губам, он попытался было сделать движение – она приложила пальчик к его подбородку:

– На сегодня этого вполне достаточно. Я не могу скрывать, что вы мне очень приятны, даже симпатичны, ту встречу на праздновании помню и весь наш разговор тоже, но вы не появлялись полгода. Я уже подумала, что вы мне дежурных слов наговорили.

Он смотрел на нее с восторгом:

– Я так страдал, так много думал о вас, вы мне работать мешали, но ехать к вам боялся. С одной стороны, надеялся, что это пройдет, забудется, с другой – а куда ехать? Я даже телефон ваш не взял, даже телекомпанию не знаю, ничего, кроме имени.

– Вы всегда так откровенны?

– Теперь всегда, у меня мало времени на лишние условности, я тороплюсь жить. О, а как страдал в юности! Мальчишкой был мелкого роста и худым до неприличия, в четырнадцать лет в среднюю школу пошел, в соседнее село, а там девушки такие симпатичные! Как я плакал! Ведь надежд никаких, кто поверит, что в таком тщедушном тельце сгорает настоящая юношеская любовь? Этакое несоответствие формы и содержания. В окружающем меня мире мне не было места, и я ушел туда, где не важны красота и фигура. Я увлекся русской классикой, мне легко и свободно было в темных бунинских аллеях, я понимал размышления Роди о человеке, проникался философией Льва Николаевича, наслаждался природой и женщинами Тургенева. Потом случайно, а, впрочем, и эта случайность закономерна, познакомился с сотрудницей областной библиотеки, она присылала мне книги из закрытых фондов. Представьте себе, почти все, изданное в России, у нас было, но следовало беречь нервы простого человека, который уже был убежден, что с семнадцатого года началось новое летоисчисление. Да, кстати, о форме и содержании, кажется, я снова впадаю в детство, мой возраст и, соответственно, наружность, не дают права на любовь к юной девушке, но что делать, если продолжаю влюбляться, живу этим и хочу страдать только от чувства?

– Как жена с вами мучается все это время?

– Уже никак. Дети подросли и мы расстались. Я в быту сложный человек, около меня сложно, потому лучше жить одному, чтобы не портить жизнь другим.

Анастасия отрезала ломтик от большого яблока, надкусила.

– Онисимов, вы верующий человек?

– Это некорректный вопрос, но вас прощаю, потому что не из праздного любопытства, вы пытаетесь понять, насколько я настоящий. Так извольте, есть такая категория людей, да она и всегда была, людей богобоязненных, но без веры. Не понятно? Веру в Бога дает сам Бог, ни

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

среда, ни общество, ни семья не способны обратить в веру. Не способны, но способствуют. Православие очень консервативно, даже агрессивно консервативно, оно тщательно охраняет традиции и не допускает своемыслия. Считается, что все уже давно решено, до нас святые отцы отделили зерна от плевел, многие поплатились за это жизнью и потому объявлено, что они нашли истину. Эта истина внесена в книги и провозглашена бесспорной. Всем остальным остается только верить, всякое сомнение порождает неверие, потому исключено. Я много об этом думал и даже пытался через одного героя порассуждать об этом в книге, но позже нашел, что в понимании Бога есть несколько уровней, ступеней, как угодно называйте, и ближе всех к нему монахи. О, это святые люди!

– Вы много их знаете?

Никита улыбнулся:

– Анастасия, если кто-то со стороны услышит наш разговор, определенно признает нас ненормальными, по крайней мере, мужчину. Вдвоем в комнате, а о чем речи? Ему надо стоять на коленях и воспевать ее красоту, добиваться снисхождения хотя бы до поцелуя ручки, а он о монахах.

Анастасия тоже улыбнулась, но без кокетства:

– Вам мало моего признания? Я первая поцеловала вас, это дерзость недопустимая, но моя уверенность в вашей воспитанности и порядочности позволили мне это сделать. Или я ошиблась, и вы приняли мою искренность за фривольность?

– Вы напрасно кушаете яблоко, с него началось познание истины и вообще грех, – сказал он вполне серьезно. – Когда я приглашал вас сюда, у меня не было мысли даже о столь невинном поцелуе, который вы уже пытаетесь отнять у меня. Быть рядом с вами, говорить, слышать вас – вот счастье. Потому я охотно рассуждаю на темы, которые обычно оставляю для бумаги.

– Онисимов, умоляю, продолжайте.

– Мне знакомы несколько монахов, ушедших из мира вполне благополучного, из хорошего окружения, с достойной работы. Согласитесь, что с монашеством у большинства людей связано представление о чем-то мрачном, часто неполноценном, как правило, несчастном. А они счастливы. Счастливы верой. У них и нет ничего более, семьи нет, дома, жизни человеческой в общепринятом смысле, но у них полноценная жизнь, потому что вся она заполнена любовью к Господу. Это невозможно постичь со стороны, с вашим подходом, но наше счастье в том, возможно, и состоит, что есть в России несколько человек, сто, тысяча, для которых жизнь есть Бог, они молятся и создают. Вы знаете Свято-Троицкий монастырь? А церковь Воздвиженья Креста Господня? Из руин их поднял монах Тихон, маленький, слабый человек с голосом подростка. Но какая в нем сила! Я как-нибудь представлю вас, очень надеюсь, что будет у нас такая возможность, он примет, исповедует, если захотите.

Она молча кивнула, не желая перебивать его мысль.

– Священство занимает другую ступень, у меня странное к этому отношение. Апостолы, которых Господь отправил во все стороны света нести благую весть, Евангелие, были монахами, видимо, позже их последователи стали отходить от жесткого устава, обретали постоянные приходы, обзаводились семьями. Но их вера крепка должна быть, иначе лицемерие перед паствой, а это большой грех.

– Но ведь и среди простых людей есть глубоко верующие, ведь есть?

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

– Наверное, есть, но больше богобоязненных, не верующих, но опасающихся: а вдруг Он есть? Такие иногда ходят на службы, ставят свечи, носят крестики.

– Вы их осуждаете?

– Отнюдь, я ведь смотрю на жизнь изнутри, а не с церковного амвона, для меня важно, как живет человек, как он относится к ближнему, насколько выполняет заповеди, о существовании которых и не догадывается. Вот в чем вопрос. Не со свечой стоять в церкви, а жить со свечой в душе.

– Значит, в вашей душе есть свеча?

– Очень бы хотелось, но писателю практически невозможно быть праведником. Вы читали Достоевского?

Анастасия кивнула.

– Не того, что в программе школы или института, а письма, дневники. Нет в русской литературе писателя, больше сделавшего для восчеловечевания Божественной идеи, никто так близко не подбирался к тайнам души, а ведь это божественная тайна. И в то же время – грешник, подвержен страсти, рулетка, деньги, долги.

– Но не было же страсти обогащения?

– Была страсть, и все тут, а всякая страсть есть грех, потому что человек перестает руководствоваться данным ему разумом, но азартом, а это уже от лукавого. Мне очень хочется верить, что Господь сознательно толкнул Достоевского на этот путь, он и здоровье отнял, дал ему падучую, чтобы человек всякий раз настолько приближался к вратам ада, что возвращение воспринимал как счастье. Только страдающий человек может написать искания Мити Карамазова, самооправдание и самообвинение Раскольникова, а какова у него Сонечка, первая проститутка русской литературы, да ее по чистоте душевной можно рядом с тургеневскими женщинами ставить!

– Не прячьтесь за Достоевским, я хочу о вас знать.

– Анастасия, в контексте размышлений о великом я не могу говорить о себе, вам кажется, что я с претензиями – нет, я сознаю свою малозначительность, и от того мне горько. Хотелось бы иметь талант, но, когда его нет, пытаюсь восполнить чувствами. Два мои романа о русском дворянстве родились из знания, если угодно – общей культуры. И тоски по России, по настоящей. Тоска рождает порой большие чувства.

Она давно уже сидела в обширном кресле, поджав под себя ноги, округлые колени мешали ей выглядеть скромно, жакет, наброшенный на плечи, укрывал ее всю. Он замолчал, сел напротив, с улыбкой смотрел ей в лицо, совсем незнакомое, но ставшим родным за последние полгода и только в одном ракурсе, в котором удалось незаметно сделать снимок в тот вечер. Там роскошные локоны ниспадали до плеч, сегодня они были прибраны и заколоты в узел; лоб не был столь высок, а подбородок настолько надменным, живая улыбка чуть растягивала пухлые губы.

«Все-таки она красавица, – подумалось Никите, – и я буду долго безутешно страдать».

– Почему вы молчите? Вы так и не ответили на мой вопрос о себе.

– Давайте оставим это для другой встречи, я хочу надеяться, что она состоится.

– Вы сегодня уезжаете к себе в деревню, как пишете в биографической справке?

– Уеду. Мне надо закончить одну работу, не очень сложную, это почти биографическое, но работа важна для меня, совершенно неожиданно почувствовал, что хочу, чтобы люди знали обо мне больше.

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

Она открыла сумочку:

– Вот карточка с моим мобильником, позвоните.

– Я могу долго не позвонить, потому возьмите мой номер, вдруг будет нужда. Моя мнительность приносит одни неудобства, звонить – значит отрывать от дела, а если дело это для человека в настоящий момент самое важное, и тут ты со своим звонком. В добрые старые времена общались письмами, даже записками, они заменяли телеграммы, письма были пространными, обстоятельными, с подробностями, в них время и человек. Я в Тобольском архиве нашел несколько папок переписки двух семейств, аккуратные люди сложили в порядок черновики посланий и полученные ответы. Через письма открылась жизнь, замечательная история, которая и стала потом романом.

– Это «Благословение»? Но там нет писем.

– И быть не должно. Пожалуй, вы первая, кто об этом знает, даже архивисты считают, что я работал над диссертацией. Впрочем, грех не велик, но я бы предпочел эту тему не развивать. Просто я хотел показать вам, сколь мы обедняем сами себя, отказавшись от переписки и перейдя на голосовую связь.

– Онисимов, мы провели три замечательных часа, хотите откровенность за откровенность? Я все время сомневалась, что ваша скромная интеллигентность не наиграна, все ожидала проявления неких претензий, тем более, что неожиданным для самой себя поцелуем дала, кажется, повод думать обо мне … проще. Мне очень приятно, что опасения напрасны, вы все-таки настоящий.

– Не перехвалите меня.

– Нет. – Она встала. – Мне пора. Дома у меня мама и двухлетняя дочь.

– Почему вы о ней не сказали раньше?

– Не было повода. И не надо больше вопросов. Вы меня отвезете?

По вечернему городку ехать приятно, мягкий свет фонарей создает сказку, прохожих немного. Она попросила остановиться около углового дома, подала ему руку и вышла. Никита почувствовал, что могло случиться или уже случилось что-то важное, значения которого ему пока не дано знать. Он уже умел не торопить судьбу, выехал на кольцевую дорогу и через полтора часа вошел в свой рабочий кабинет. Из факса торчал лист с текстом.

«На издание новой книги согласен на следующих условиях: в религиозных рассуждениях, без которых вам не обойтись, насколько я понимаю жанр и тему, никакого антисемитизма, желательно вообще обойти еврейский вопрос; объем в пределах десяти листов, тираж пятьдесят тысяч, больше мне не продать; названную ранее цену удвойте и соглашайтесь. В договоре будет обозначен аванс в четверть суммы и неустойка в случае невыполнения вами обязательств по срокам, размер которой определите сами при подписании. Ростберг».

Никита вздрогнул: в свое время точно такое же условие поставил издатель Достоевскому по неустойке: «Определите сами!», и Федор Михайлович вписал огромную сумму. Издатель заметил: хватило бы и десятой доли, но писатель ответил дерзко, что ни той, ни другой суммой не располагает, потому они обе для него одинаково неподъемны.

Несколько суток смешались в его сознании, ночь ото дня он уже не отличал, плотно закрытые ставни крепкого деревенского дома не пускали дневной свет, он ложился в раскинутое кресло, когда уже не было сил, вставал, проспав пару часов, и снова садился за компьютер. Когда писание заходило в тупик, он выходил во двор и старался ни о чем не думать, кроме тех людей, которые там, на экране, не хотели следовать его указаниям идти

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

туда-то и говорить именно это. Он уже знал: если они противятся, значит, он не прав, их логика сильнее, и ему надо ее постичь. Как же это непросто!

Еврей Шмуль появился в повести совсем не случайно, Онисимову нужен был преподаватель музыки в открытую Диной школу, Дина обращается к своим знакомым в Екатеринбург, и двоюродная сестра папы рекомендует им некоего Бриллера как очень способного музыканта и учителя. Бриллер только что окончил обучение их дочери, и она зачислена в музыкальное училище. Все согласовано, приезжает молодой и красивый юноша, Дина влюбляется в него с первого взгляда, Шмуль живет в дальней половине их дома, занятия проходят нормально и папа доволен. Но молодые люди находят-таки способ выдать друг другу свои чувства, и верный садовник, ровесник и даже друг папы, докладывает отцу о своем неожиданном открытии: учитель и ученица встречаются не только в классе, но и в самом укромном месте большого усадебного сада.

Не будь учитель евреем, Онисимов без особых трудов развел бы эту пикантную ситуацию, тем более, что в его папках были описания нескольких похожих случаев, вычитанные им в случайных архивных письмах, но национальность одного из главных героев повести позволяла выйти на серьезные размышления о роли и месте этих людей в революционных проблемах России, о мотивах их активного проникновения во все структуры, сколько-нибудь недовольные самодержавием. Он так увлекся этим направлением, что совсем забыл о просьбе издателя не трогать евреев ни под каким предлогом.

Очевидно, этим предостережением придется пренебречь, даже если он вынужден будет искать другого издателя или издавать книгу, собирая средства по знакомым деловым людям. Придется, потому что, если отказаться, опять зависнет давно мучающий его вопрос: почему люди этой национальности, весьма условно ограниченные Империей в правах, так охотно и плотно пошли в атаку на царизм, а потом и на православие? Надо найти подтверждение широко бытующему мнению, что мировой сионизм специальным документом, условно называемым «Протоколы сионских мудрецов», поставил задачу вынуть из России два стержня, на которых стоит русская государственность: наследуемое царствование и православную веру. Подтвердить или опровергнуть эту позицию.

«Протоколы» он изучил досконально и крепко сомневался, что все это – фальсификация, как пытались убедить все официальные источники и в советское время, и теперь. Аргументы самые простые: все установки этого документа выполнены полностью, его идеи нескрываемо вдохновляли плохо говорящих по-русски народных комиссаров на продразверстку, несущую гибель крестьянам, а потом и восстание против властей, на уничтожение наиболее разумной и предприимчивой части крестьянства – раскулачивание, на почти поголовное уничтожение казачества во всех краях страны. «Протоколы» в двадцатые годы были запрещены под страхом смерти, и у него были записаны несколько случаев, когда целые семьи вырезали, узнав, что в доме читали этот крамольный документ. Есть еще один любопытный аргумент. Примерно те же «протокольные» идеи содержала так называемая доктрина Аллена Даллеса, и она тоже реализована с помощью внуков и правнуков героев Октябрьского переворота. Между Октябрем и Даллесом появляется фигура Сталина, который отказался от благословленного Лениным плана Троцкого по милитаризации русской деревни и крепко почистил страну от евреев. То же самое в Германии делал Гитлер. Если у Сталина была политическая борьба, то чем мешали евреи Адольфу? Откуда у него сатанинская ненависть к этой нации? Наконец, почему так детально совпадают позиции по этому вопросу

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

руководителей двух государств, более ни в чем не находящих общего языка? На эти вопросы ответов нет. Все существующие версии Онисимов знал и не считал их объективными: в разработке и обосновании позиций ведущими специалистами и консультантами были все те же евреи.

Несколько раз выводил на экран мобильника абонента «Анастасия», оставалось только нажать правую кнопку, но всегда нажимал левую, отбой. Что сдерживало? Ощущение серьезности нового увлечения и его неуместности одновременно. Он умел, сжав ситуацию до размеров лимона, выжать из нее сок, все остальное не интересовало, и этот прием практически не подводил его, «сок» отстаивался или быстро закисал, в последние годы вообще никаких серьезных романов. Он нашел в себе силы не очень обольщаться вниманием, которое она ему оказала, в конце концов, они провели это время, как два приличных человека. Он не придавал особого значения ее невинному поцелую, хотя не мог найти ему место в своей системе: и без этого беседа прошла бы вполне доверительно, поцелуй имел бы смысл, если бы имел продолжение. Черт его знает, полвека прожить, и до такой степени не знать женщин, что нестандартный поступок девушки привел в смущение и душевный трепет!

Продолжать отношения возможно только при наличии обоюдного в этом интереса, но он жесткий реалист, при всей любви к себе и снисходительному отношению к собственному возрасту понимал, что перспектива устойчивости этого варианта равна нолю. Да, сейчас он ей интересен, пожил чуть дольше, знает чуть больше. Вот и все. Наступит момент, когда он начнет повторяться в занимательных историях или фактах, она простит это раз, другой, потом поймет, что рядом с ней такой же мужик, как и десятки других, только чуть воспитанней и немножко образованней, зато старше и подержаннее, чем другие.

Если он хорошо понимает это, почему не позвонить и не сказать, что встреча больше не состоится, потому что в ней нет необходимости? Э-э-э! Не все так легко! Эта девочка не просто так появилась в его суетной жизни. После первой встречи прошло больше трех месяцев. Что заставило его в городской администрации взять телефоны телестудии и позвонить, пригласив к аппарату Анастасию? Он только потом понял, в какой глупой ситуации мог оказаться, будь в редакции не одна сотрудница с таким именем. Он боялся, да, он хорошо это помнит, очень боялся, что она уже и забыла о случайном знакомстве с солидным журналистом, о скоротечном разговоре на приеме, что он может услышать: «Онисимов? А кто это? А! Вспомнила! Что вы хотите?». Нет, все получилось намного лучше, но лучше ли? Почему он, знающий себя до последних психических тонкостей, до сих пор не может дать себе ответа на этот простой вопрос?

В очередной раз поехав в город, он решился все-таки и послал ей сообщение: «Буду рядом. Очень хочу видеть вас». Ответ пришел сразу: «Не уверена, что вечером буду свободна. Созвонимся». Звонить он не стал, вернулся домой поздно, набрал для нее один текст, второй, что-то напутал, так и не понял, прошли сообщения или нет. Всю ночь писал свой роман, под утро уснул в кресле, уже в десять часов отправил Анастасии текст, проследив, чтобы последовательность операций была соблюдена. «Звонить не стал, учитывая вашу занятость. И впредь постараюсь не беспокоить. Книги перешлю почтой». Она ответила тут же: «Моя занятость постоянно влияет на все стороны моей жизни. Простите. Помню о вас».

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

Никита несколько раз перечитал сообщение. Да, девушка была не очень свободна в тот вечер, такое случается, но при чем тут постоянное влияние, надо полагать, негативное, этой пресловутой занятости «на все стороны». На какие? Это чем же таким надо заняться, чтобы отказаться, например, от встречи с молодым человеком, если он у неё есть? Конечно, есть, тут и сомнений быть не может. Ба! Да она с ним и была в тот вечер. Идиот, думающий только о себе, почему ты сразу не предположил самый реальный вариант? Спокойно, что нового в этом открытии, ведь ты и раньше допускал существование того, другого, правда, не воспринимал его как соперника. Вот в чем суть! Не соперник он был, а так, где-то живущий молодой человек, имеющий виды на девушку, которая, как хотелось Никите, немножко им увлеклась.

Конечно, надо использовать образовавшуюся паузу для завершения этого неудачного знакомства. Ты только посмотри, как внешне все пристойно и деликатно: никаких разборок, упреков, обид, два очень деловых и занятых человека решили от личных контактов перейти сначала к мобильной переписке, а потом и вовсе к старой доброй почте. Он собрал несколько книжек, ею нечитанных, распечатал на принтере главы романа, которые могли быть ей интересны, и написал письмо.

«Дорогая мне…».

Он споткнулся о ее имя, кровь ударила в виски, как бывало в минуты сильного душевного напряжения. Потом продолжил:

«Вот и все, что я могу сказать, даже имя Ваше не нахожу способа столь же нежно и трепетно перенести на бумагу, как чувствую его и как боготворю. Знаете ли Вы, что имя Ваше полное – Анастасия – на греческом значит «воскресшая», а вечная моя, преступная и нереальная любовь, Княжна Анастасия, именовалась среди своих странным словообразованием Стана. Это надо же было умудриться придумать такое, так переменить местами слоги и даже буквы, чтобы получить столь неожиданное – Стана. Я бы хотел Вас так называть, если бы для того были у меня возможности.

Обо всем этом Вы прочтете, коли захотите, в тех отрывках, которые присылаю.

Человек слаб, мужчина, как самый порочный его вариант, слаб кратно, и, когда его уже покидают силы физические, когда он может значительно меньше, чем желает, он никак не хочет с этим смириться и продолжает жить на волне ранее обуревавших его чувств. Это в большей мере свойственно натурам, которые возомнили себя творческими, претендуют на некое особое положение и права, считают, что на них упала частица таланта, так щедро разбрасываемого Создателем и так неуловимого. Таков и я, к сожалению. Однажды увидев Вас, я был поражен Вашей красотой и, по крайней мере, внешним благородством, уйдя от Вас, всегда думал о гордой и невозмутимо строгой молодой женщине, безразлично взиравшей на происходящее. Вы проникли в меня, заставили возродиться или вновь появиться из ничего каким-то мыслям и состояниям, и они привели, наконец, к началу работы над давно живущим во мне материалом.

Вы совершили, впрочем, уже исправленную ошибку, своим милостивым ко мне отношением при первой встрече дав надежду безнадежному человеку на то, что он еще может на что-то рассчитывать. Конечно, даже в фантазиях, столь мне свойственных, не уходил я за пределы разумного, полагая, что просто общение, возможность видеть, говорить и иногда, как бы случайно, коснуться руки Вашей – это уже радость, это охапка сухого хвороста в угасающий костер.

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

Вашу ссылку на занятость в день моего обращения я воспринял как деликатный намек на то, что у Вас просто нет времена на такие пустые, в общем-то, встречи. Вернувшись из Ишима в состоянии потерянном и униженном, я сочинил сначала одно, потом второе телефонное сообщение, чем почти никогда не пользуюсь, но в этом случае «заочный разговор» был самым приемлемым, а, нажимая кнопки, я не был уверен, что вы получили эти сообщения. Они были удивительно интересны, и жаль, что утрачены. Тогда утром сочинил новое, более простое, и получил ответ, что все нормально, ты все правильно понял, но, в утешение, имей в виду, что ты где-то в памяти остался (как чудак, как странный, как не совсем дурак). Уж лучше бы вы отшили меня в первом телефонном разговоре. Никита».

Зная свою переменчивую натуру, он научился не принимать скоропалительных решений, письмо было им хорошо продумано и казалось окончательным, но он, в силу проверенной привычки, отложил его отправку. А утром следующего дня письмо сжег, только файл в компьютере оставил, не зная, зачем. Ничто не изменилось в его понимании ненормальности их отношений, ни новых надежд, ни продолжения разочарований, просто он посчитал письменное объяснение трусливым и недостойным, надо найти в себе мужество сказать все глаза в глаза.

Позвонив ей поздним вечером и услышав родной и приятный голос, Никита утратил былую решимость и сказал только, что завтра по делам, он подчеркнул это «по делам», будет в городе и спросил, сможет ли она «при ее постоянной занятости» найти для него пять минут. Конечно, язвительность его интонации и цитата из ее смски не могли быть незамеченными, она засмеялась и вышибла у него все карты из рук:

– Представляю, какую картину вы нафантазировали. Приезжайте, я буду ждать. Весь день. Вы хотя бы это способны понять?

Она отключила связь, и Никита долго еще сидел, прижав мобильник к уху.

Никита не сразу согласился пойти к Анастасии в гости, она настаивала, говорила, что мама с интересом прочитала его книгу и будет рада принять такого гостя. На крыльце скромного дома в пригороде их встретила очень аккуратная худенькая женщина, похожая на девочку, с приятным, хотя и немолодым лицом, она, конечно, знала о госте и ждала. Никита подумал, что они почти ровесники, но приглашен он был как знакомый писатель дочери, потому особого смущения не чувствовал.

– Никита, это моя мама, Наталья Петровна, мама, а это тот самый Никита Онисимов. Знакомьтесь.

Никита слегка пожал протянутую руку, сел в старинное плетеное кресло, Наталья Петровна в нескольких словах высказала свое доброжелательное отношение к прочитанному роману «Благословение» и, вопреки опасениям автора, больше к этой теме не возвращалась.

– Пока мама готовит стол, я хочу показать вам наши семейные альбомы. Удивляюсь, как фотографии начала двадцатого века могли сохраниться, ведь такие события прокатились.

Больше всего в гостях его интересовали семейные альбомы, не современные, с прозрачными карманами под снимки, а старые, где фото еще на картоне, прочно приклеены к альбомному листу либо аккуратно вложены в заранее наклеенные уголки. Это были, как сейчас говорят, постановочные снимки, члены семьи или сослуживцы занимали каждый свое место: муж по центру на стуле, жена слева, старшие дети по краям, младшие на коленях отца или вповалку у родительских ног. Никита всегда поражался огромному внутреннему достоинству этих людей, они открыто и прямо смотрели в объектив, как в будущее, взгляд

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

отражал ум, осанка – самоуважение. Он сотни таких снимков видел, десятки описал для себя и хранил на всякий случай.

Один альбом был очень ветхим и сразу привлек внимание, Никита открыл первый лист. Фотография явно дореволюционная, глава семьи в мундире чиновника довольно высокого ранга, очень красиво одета стройная женщина рядом с ним и мальчик лет десяти в мундирчике гимназиста. На второй странице глава семьи, видимо, с сослуживцами, тут обозначен год и адрес: Варшава, 1910. Далее другие группы, видимо, родственники, потом снова та же семья, только мальчик уже повзрослел и сменился адрес: Санкт-Петербург. Никита немного растерялся: это семья Анастасии? Он смотрел снимок за снимком, находя на них уже знакомые лица, потом фотографии закончились, и пустые листы гляделись виновато и грустно, как будто на них должна быть записана жизнь этих людей, но они не сумели или не смогли ничего сделать.

Наталья Петровна пригласила к столу, все было скромно, но выглядело аппетитно. Куриный суп, который Никита терпеть не мог, потому что в дни непрерывной работы питался исключительно отварными окорочками, он ел с видимым удовольствием. Хорошо приготовленное мясо он похвалил и принял предложенную добавку. Домашние пирожки с грибами, с капустой, с картошкой чуть напахнули детством.

– Вы знаете, Наталья Петровна, я родился и вырос в деревне, время не самое богатое, потому пирожки всегда были праздником. Вот и сейчас мне вспомнился наш домашний стол с горкой пирожков. Спасибо вам, уверен, что это все очень вкусно, но лимит исчерпан, пирожки как-нибудь в другой раз.

– А я вам их заверну, дома разогреете и покушаете, не возражаете?

– Спасибо, конечно, не возражаю.

Анастасия тоже встала изо стола:

– Мама, мы будем в моей комнате.

Когда они остались одни, Никита попросил Анастасию сесть напротив. Она с улыбкой села.

– Вот этот альбом, со старыми фотографиями – это ваши родственники?

– Да, в пятом поколении, а тот мальчик – мой прадедушка.

– Вы что-то о них знаете?

– Ничего совершенно.

– Тогда почему уверены, что он прадедушка?

Анастасия поднялась и встала у стола:

– Это какая-то темная история, мама говорит, что ее знала только бабушка, но она была не очень грамотной женщиной и, видимо, очень осторожной, ничего не сказала даже родной дочери. Известно только, что ее отец, вот тот мальчик, уехал на заработки и пропал, больше в семье не появлялся. До последнего времени говорить на тему происхождения не было принято, потому я не особо интересовалась.

– А как сохранился альбом? В двадцатые годы это даже не тюрьма…

– Когда прадедушка собирался уезжать, он уничтожил все, что могло хоть как-то скомпрометировать семью, но часть бумаг, и этот альбом тоже, спрятал. Да, потом он возвращался, буквально на несколько дней, и снова уехал. Дочь назвали Анастасией, это бабушку мою, и прадед просил, чтобы в каждом поколении нашего рода была Анастасия.

Никита побледнел:

– Все это очень странно, но почему… Наталья Петровна…?

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

– В сельском совете записали Натальей, сказали, что Анастасия – буржуазное имя, а возражать бабушка побоялась.

– Стало быть, вы тоже выполняете этот странный завет?

Анастасия пожала плечами:

– Получается, что так, хотя почему он возник у нашего предка – этого мы уже никогда не узнаем. Кстати, есть единственная фотография, где прадед с женой и маленькой дочерью, моей бабушкой.

Анастасия принесла и положила перед Никитой карточку в рамке. На пожелтевшей фотографии молодая женщина с девочкой на руках, рядом мужчина в простой одежде. Никите вдруг показалось, что уже видел это фото. Нет, конечно, показалось.

У него пропало настроение, и чуткая Анастасия это заметила:

– Никита, что-то не так? Вам у меня не нравится?

Он с благодарностью посмотрел ей в глаза, неожиданно трогательная забота, так умеют только женщины, когда их действительно волнует настроение мужчины.

– Вы переменились…

– Ничего не могу объяснить, но эти фотографии почему-то тронули меня, может, потому что вы имеете к ним прямое отношение? Нет, тут другое, какое-то стихийное, внутреннее убеждение, что я знал этих людей. Анастасия, не надо на меня так смотреть, я в разуме, но все это странно.

Он замолчал и ушел в себя. Анастасия уже замечала подобные его состояния и затихла. Через минуту Никита встал, подошел к девушке и обнял ее за плечи:

– Простите меня, я доставляю вам одни проблемы и загадки. Со мной трудно.

Анастасия вскинула голову и даже носиком коснулась его подбородка:

– Никита, почему вы ни разу не пригласили меня к себе? Ведь, как я понимаю, вы живете один? Ну? Скажете, что это далеко? Ничего, я возьму отгулы, у меня есть? Смущает, что напрашиваюсь? Но у нас все равно не просто товарищеские отношения. Что вы на это скажете?

Она засмеялась, возможно, желая превратить разговор в шутку, но Никита крепко обнял девушку и задохнулся в ее волосах:

– Я олух, конечно, простите меня, как говорил один человек, я не трус, но я боюсь. Меня пугала небывалая доверительность наших отношений, и я опасался ее спугнуть. Тогда все бы рухнуло, а я этого не хочу. Приглашаю вас на субботу и воскресенье, в пятницу вечером приеду. Вы будете одна?

– Господи! – Анастасия так искренне засмеялась, что Никите ничего другого тоже не оставалось делать, он улыбнулся:

– Я все понял.

Наталья Петровна позвала дочь, потом они вместе вошли в комнату.

– Наталья Петровна, Анастасия показала фотографии вашей семьи, старые фотографии, что вы о них знаете, расскажите, пожалуйста, это крайне интересно.

Женщина чуть вздрогнула, взглянула на дочь как бы осуждающе, потом подобрела лицом:

– Я всю жизнь боялась за прошлое своего рода. Оно было содержательным, можно предположить, но почему вдруг образовался такой провал, я не могу понять. Мама моя знала, пожалуй, все, но никогда не рассказывала, только перед смертью сказала, где спрятан альбом.

– В этом доме?

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

– Нет, этот муж получил от депо, где работал, а наш стоял в Стрехнино, тогда там деревня была. Теперь его уже нет, снесли. А это место числилось за железной дорогой, и Покровскую церковь поставили по просьбе рабочих, говорят, сам Ленин разрешил, хотя я не верю: одной рукой рушить, а другой созидать – так не бывает.

Никита слышал о такой версии, но тему не поддержал, думая о другом. Он сомневался, уместно ли это, но все-таки насмелился:

– Можно, Настасья Петровна, переснять фотографии из альбома? Обещаю, что они никогда не будут использованы во вред вам.

– Да, пожалуйста, снимайте.

Уже в машине Никита немного успокоился, Анастасия молчала, ожидая его реакции на увиденное и услышанное.

– Согласитесь, что здесь есть тайна, соединяющая и разделяющая почти два столетия, разрывающая ваш род на именитый и простую советскую семью. С которой стороны к ней подходить, где спрятана ниточка клубка событий и людей? Вам это интересно?

– Конечно, но у меня нет никаких версий.

– Как ваша мама прокомментировала мое явление?

– Не думайте о ней дурно, она добрая и все понимает. Сказала, что вы, должно быть, верующий человек.

Никита удивился:

– С чего она взяла? Кажется, о вере у нас разговора не было.

– Разговора не было, но, рассматривая ту фотографию, вы перекрестились, а мама в это время проходила мимо дверей.

Никита рассмеялся:

– Вот и скрывай свои убеждения! Не помню, что перекрестился, хотя вполне возможно, есть для того основания.

– Я не могу о них знать?

– Пока нет, потому что сам не могу все соотнести.

После магазинов и закупки продуктов подъехали к домику за Покровской церковью. Он помог Анастасии донести до калитки пакеты, передал ей, задержав ее руки в своих:

– В пятницу, в шесть вечера я буду у студии.

– Я помню. До встречи.

Калитка захлопнулась, он объехал город по кольцевой, вышел на свою трассу и не добавил скорости, думал о фотографиях, особенно о той, которую принесла Анастасия. Почему у него вдруг возникло ощущение, что он видел уже этот снимок? Да, похожих он видел много, но почему именно этот не выходит из сознания?

Включил радио, нашел волну с серьезной музыкой и постарался отвлечься от бесплодных дум. Так, с Глинкой и Шостаковичем, доехал до дома.

Никита всегда сожалел, сколько времени потеряно зря, сколько документов и материалов утрачено безвозвратно. Молодость безмятежна, не было понимания, что история делается сегодня, а только завтра признается таковой. Двадцать лет назад он начал собирать и хранить старые фотографии, фронтовые письма, почетные грамоты первых пятилеток и благодарности Верховного Главнокомандующего времен Отечественной войны. Это случалось по-разному. После похорон последнего из стариков родственники раздавали нажитое барахло, Никита приходил и просил отдать ему ненужные бумаги. Фотокарточки тогда висели на стенах в

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

рамочках – отдавали вместе с рамочками. Он любил говорить со стариками просто так, без конкретной цели, какие-то слова или случаи кратко записывал в блокнот. Иногда разговор заканчивался решительным благословением: бери, коли тебе для дела надо. Потом появился компьютер и цифровая фотография, он копировал снимки и документы и раскладывал по файлам и папкам. До тысячи фотокарточек было в архиве Никиты, и все он просмотрел и в компьютере, и в картонных коробках – нужного снимка не было. И даже закончив неудачный поиск, он еще больше был уверен, что снимок такой видел, держал в руках. Когда, где – не мог вспомнить.

Раздался звонок от калитки, потом в ворота постучали, но пес молчал, значит, кто-то знакомый. Из всех жителей деревни Никита общался со стариком Кузьмой Романовичем и тетей Клавой, которая иногда пекла для него домашний хлеб, делала настоящий квас и снабжала свежим молоком. Еще она готовила ему холодец по старым рецептам, причем, неизменно называла его студнем, нарезанный в блюде ломтями, холодец вздрагивал, как от мороза, верхняя часть просвечивала насквозь, в нижней кусочки мяса, дольки чеснока и горошины черного перца образовывали неповторимый натюрморт. С Кузьмой Романовичем интересно было поговорить о старых временах, ему под девяносто, но память отменная и речь сочная, с перчиком. Была еще одна знакомая, приехавшая из Казахстана молодая женщина, невысокая ростом, крепкая, красивая. Жила одна в купленном домике, изредка к ней приезжал сын, который в Казахстане занимался строительным бизнесом и часто бывал в Тюмени по делам. Когда-то Никита заговорил с тетей Клавой о капитальной уборке в своем домике: все шторы постирать, побелить, покрасить, предположил, что придется из райцентра шабашников везти.

– И не вздумай, нет у нас варнаков, дак привези, живо расплодятся. Поезжай пока в город, дня на три, а я Зою попрошу, она аккуратистка, все изладит, как следует. Плату сам спросишь?

– Нет, лучше вы, я не умею.

Через полчаса тетушка привела Зою:

– Вы договаривайтесь, а я побежала.

Зоя скромно села на стульчик у камина:

– Вы этим и обогреваетесь?

– Нет, это больше для форсу, а тепло вон, от электрокотла.

– Дорого это.

– Да, зато всегда тепло, меня подолгу дома не бывает, приезжаю, а тут живым пахнет.

– Ну, не скажите, если в доме щи не варятся, да блины не пекут, да детишки не бегают – это не жилье, а ночлежка.

Никита удивился точности наблюдения, и ему захотелось продолжить разговор:

– Вы приехали сюда, потому что родители отсюда родом, да? Чаще так и бывает.

– Я сама тут родилась, потом замуж вышла слишком рано, уехали в Казахстан, сын у меня, видели, наверно, приезжает. Муж умер, проще сказать, запился. У меня своя квартира была, да и сын не прогонял, а двадцать лет выработала и приехала домой.

– Вы же молодая совсем, надо замуж выйти, что же вы заперлись в этой глуши?

– Ну, молодой не назовусь, через пятидневку сорок стукнет, а замуж – где его взять, доброго-то мужика? Добрые прибраны все, а худого не надо, нажилась. Ладно, давайте о деле.

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

Никита хотел было сказать, какой ремонт надо сделать, но Зоя его остановила:

– Мне про это не надо объяснять, я двадцать лет на стройке маляр и штукатур. Вы скажите, что совсем нельзя трогать, а то тетя Клава напугала: «У него там аппараты стоят по сто тысяч, смотри, не повреди».

Они оба дружно засмеялись.

– Компьютер я упакую и уберу в гараж, с остальным можете делать все, что угодно. Конечно, книги следует вынести.

– Само собой. Я в Петропавловске у профессора ремонт делала, вот где книг-то! Спрашиваю: «И вы их все прочитали?». Он смеется: «Нет, но листал все».

– Зоя, краска, известь, кисти – все в кладовке. Теперь скажите стоимость работы.

Она опять улыбнулась:

– Да какая это работа? Хоть молодость вспомню. Не беспокойтесь, лишних денег не запрошу.

– Вы не обижайтесь, но всякая работа имеет свою цену.

– Вот по концу работы я вам и скажу. Ключи от дома у кого будут?

– У вас, конечно.

– Не беспокойтесь, ничто не пропадет.

– Вечером я завезу вам ключи, а от собаки тетушка Клава проводит.

Он вернулся на четвертый день, уставший от официальных разговоров, за которыми никто и не предполагал дел; от дискуссий в доме писателей, бездушных, материалистических, когда держащие речь думали не об организации, которая в буквальном смысле дышала на ладан, и не о литературе; одних издали и даже заплатили какой-то гонорар – книги других не отвергают, но и не издают. Суета сует, умерщвление духа, бесовщина. Подъехал к дому Зои, чтобы забрать ключи и затопить баню, ее дома не оказалось, соседка сказала, что хозяйка у меня во дворе.

Зоя встретила Никиту с улыбкой и поклоном, провела в дом, заставив в сенях снять туфли и обуть новые тапочки грубой ручной вязки. Еще в сенях он заметил незнакомую белизну стен и матовый отлив прошпаклеванного и свежекрашенного пола, а в доме просто растерялся: все сияло чистотой и свежестью: белые стены, желтый матовый пол и голубой потолок, шторы на окнах приоткрыты, оконные стекла холодны и прозрачны.

– Ну, Зоя, вы волшебница, замечательная, профессиональная работа.

– Я баню вашу протопила, только что пол вымыла, через пять минут можно париться. А после – ко мне на день рождения.

– Зоя, говорят, сорок лет не отмечают.

Она хохотнула:

– А мне что до того? Именины, и все тут. Так я вас пригласила.

Непьющий писатель не долго смущал общественность, Зоин сын Владимир привез хорошей водки и настоящего грузинского вина, стол был богато и не без вкуса накрыт, но через полчаса все встало на свои места: Владимир, поцеловав мать, уехал, местные осмелели, тосты стали чаще. Никита заметил, что именинница только рюмку подносит к губам. Дошли до песен и плясок, Никита пару раз собирался уйти, но кампания дружно его останавливала подозрением в неуважении хозяйки. Изо стола встали все разом, хозяйка вышла за ворота провожать. С каждым попрощалась, каждого поблагодарила. Никите последнему подала руку:

– Спасибо, Никита Степанович, что не побрезговали, посидели с нами.

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

– Зачем вы так, Зоя? Я очень уважительно к вам отношусь.

– А уж я-то как уважительно, Никита Степанович, только это никто не видит и не узнает никогда, потому что человек вы высокий и вам такие разговоры ни к чему.

Ему стало тепло и одиноко от такого милого и простого признания. Он обнял ее чуть выше талии, она отшатнулась, коснувшись его высокой и мягкой грудью. Никита еще крепче прижался к ней, нашел губы, стал целовать их, теряя власть над сознанием:

– Пойдемте ко мне.

– Нет, не дай Бог, увидит кто. Давайте вернемся в дом.

Он проспал почти до обеда. Проснулся, Зои не было, на стуле висели его поглаженные брюки и постиранная рубашка. Едва он пошевелился, скрипнув кроватью, вошла Зоя, смущенная и счастливая, подошла к кровати, встала на колени, уткнулась лицом в его укрытую одеялом грудь.

– Вы не думайте про меня плохо, ладно?

– Зоя, может нам лучше на «ты» перейти, как-то странно получается: спим в одной постели, а друг друга навеличиваем.

– Не знаю, решайте, как лучше.

– Вот и решили. Ты будешь меня кормить?

– Все готово. Беги в баню, обмойся, ты уж прости, но я утром сходила к тебе и чистое белье принесла.

Никита с благодарностью обнял женщину:

– Ты всегда была такая заботливая?

Она притихла:

– Не знаю, кажется, всегда, только не надо об этом.

– Я хочу, чтобы ты знала всю правду. Если хочешь – будем встречаться, ты мне приятна, только я уже никогда не женюсь. Если найдешь другого, сразу скажи мне. Молчи, когда старшие разговаривают. И еще. Я много работаю и не смогу уделять тебе особое внимание, если калитка заперта на замок, стучать не надо, значит, занят. Всегда говори, что нужно купить в городе или вообще. Я бываю замкнут, не бери это на свой счет. Да, привезу тебе мобильный телефон, чтобы ты знала, когда приеду. Кажется, все.

И вот она стучит в калитку. Что случилось? Он встал, нажал кнопку электрозамка, Зоя вошла в дом.

– Что случилось, Зоя?

Она села на стул, нервно мяла в руках снятый с головы платок.

– Случилось, Никита Степанович, что беременна я.

Никита вздрогнул от неожиданности:

– Как беременна? Что ты говоришь?

– Месяца два уже. А что я говорю? Это ты должен сказать, что мне теперь делать.

– Подожди, Зоя, я был совершенно уверен, что у меня не может быть детей.

– Ну, тогда это Кузьмы Романовича работа, – засмеялась Зоя. – Ты не переживай, конечно, рожать не буду, съезжу в больницу, перетерплю.

Никита был сильно смущен, он понимал, что от его слова сейчас все зависит, и судьба только что завязавшегося живого существа, и жизнь Зои, и его собственная, и слово это могло быть единственным: да! Всякое другое противно его порядочности, его принципам, которые, как он считал, исповедовал всю жизнь и учил других.

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

– Зоя, это очень важно, ошибки быть не может? Давай, я тебя свожу в райцентр. Причин может быть много.

– Причина только ты, кто же еще? Какая ошибка, если меня тошнит третий день.

Она встала и вышла безропотно и без обиды. Он остался униженный и противный себе. Что делать? Если Зоя родит, нужно хотя бы жить вместе, ведь ребенка надо воспитывать. Тогда забудь про покой и работу, а на что жить? Начинать новую жизнь на шестом десятке? Зоя сильная женщина, она для него способна на все, она и семью будет содержать в полном порядке. Но сам-то он сумеет ли так круто изменить стиль жизни, абсолютную независимость утратить, готов ли?

Никита выпил чашку крепчайшего кофе, сел в кресло. Любит ли он Зою? Скорее нет, чем да, она ему приятна, мила, симпатична, всегда готова угодить, про таких говорят: души не чает. Но есть нравственный долг. А кто сказал, что он кому-то что-то должен? Почти случайная встреча, переросшая в более или менее регулярные отношения. Да, уважал, говорил приятные слова… Выходит, врал? Тьфу, черт! Что я несу, кому нужна эта демагогия, когда Зоя ждет его решения. Промолчи – и она завтра уедет в больницу. Оставить ребенка…

Вдруг его будто ударил кто, он сел в кресло и весь сжался: оказывается, вот как просто приходит момент истины, прообраз того суда, который ожидает душу каждого. Нет ни Судьи, ни ангелов, ни чертей с горячими сковородками, есть женщина, которую ты поставил перед выбором и которая, сама того не желая, поставила тебя перед весами с грехами и добродетелью, и тоже дала тебе возможность выбрать. Никита изумился своему открытию и всей ясности своего положения, он всегда старался быть честным и порядочным, никого не предавал, не лгал, не суесловил. Он настолько привык к своей порядочности, что считал ее собственностью, ему казалось, что она всегда при нем и никогда ему не изменит. Гордец, он не понимал, что не она при нем, а он при ней слуга, он никогда не думал, сколь тонка грань между грехом и подвигом души, научившийся красиво говорить о человеке и его предназначении. Он был уверен, что это для других, а не для него, что он может жить чуть по-другому закону, оставаясь в глазах людей умным и добродетельным, какими были положительные герои его романов. Не сам ли он стал считать, что они писаны с него, что он не придумывает сложные житейские и нравственные комбинации, а описывает, как бы вел себя в том положении. Увлекшись самолюбованием, он забыл, что рядом проходит не придуманная жизнь, в которой он тоже участвует, что вместе с романтическими и тонкими отношениями с Анастасией есть простая женщина Зоя, намного старше первой красавицы и ничем с ней несравнимая, но живая, реальная, которая варит ему изумительные борщи и рассольники, лепит пельмени и тушит картошку с мясом, топит баню, а потом ласкает его в постели, пока он не уснет.

«Господи, за что мне это испытание, или грех мой настолько велик, что требует немедленного отмщения?».

Не надо скрывать хотя бы от себя, что Анастасия остается тем центром, вокруг которого вьются сейчас его греховные мысли, при любом решении он навсегда теряет ее, подлости по отношению к Зое она не простит, встречаться с женатым и обремененным малым дитем не захочет.

Зоя тоже изменит к нему отношение после больницы, да и сам он едва ли сможет снова приблизиться к ней. Такая женщина, все при ней, ей бы мужика настоящего, доброго хозяина, она бы любого осчастливила, но такая женщина не для него. Он остановился на этой мысли: а

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

почему ты так решил, что же такого выдающегося в скромном, никому особо неизвестном писателе, которому за пятьдесят и которому, судя по всему, всенародное признание уже не светит? Может, действительно, бросить все, забрать Зою в свой домик или построить новый, развести сад-огород, растить сына или дочку. От земли же пошел, из крестьянства, чего нос воротить?

Никита вызвал на мобильнике Зою, она ответила сразу спокойным голосом.

– Будь дома, я сейчас приду.

Она сидела на диванчике, осунувшаяся и припухшая.

– Не смотрите на меня, я теперь вовсе некрасивая.

– Перестань, ты всегда была красавица, и я тебе говорил. Успокойся, это даже хорошо, что… ну, что будет ребенок, а то мы сбегаемся, как молодые. Короче говоря, будешь рожать, я к тебе тетю Клаву отправлю, она поможет с тошнотой. И ни о чем не беспокойся, все будет хорошо.

Она смотрела на него снизу вверх воспаленными глазами, и он не заметил в них радости.

– Никита Степанович, вы себя-то не пытайтесь обмануть, это никому не удавалось. Вы не семейный человек, живите, как жили, а я как знаю.

– Что ты такое говоришь! – Никита искренне возмутился. – Почему ты мне не веришь?

– Да я верю, Никитушка, только все это у тебя от ума, а не из сердца. Я, конечно, дура, что к тебе пошла, очень хотелось в счастье поверить, но и в том польза, что разобралась сама в себе. Не волнуйся, ты же ни в чем не виноват, даже, на то пошло, так я вперед тебе навелилась, вот и грех мой. Ты ехать куда-то собрался?

– Собирался, но теперь все отменил, буду с тобой.

– Нет, Никитушка, ты делай свою работу, а с бабьими делами я сама управлюсь. Поезжай, куда хотел, и не думай ни о чем, все образуется.

– Обещай мне, что в больницу не поедешь.

– Вот это обещаю тебе твердо, дождусь тебя, тогда и решится все. Дай, я тебя хоть в щечку поцелую.

Она встала, нежно обняла Никиту, и ее слеза покатилась по его щеке:

– Поезжай с Богом.

– Пожалуй, поеду, дело неотложное. Я буду звонить. Будь умницей.

– Буду.

И он вышел.

После нескольких утренних встреч в областных организациях он нашел время и позвонил Зое, ее аппарат оказался выключенным.

«Надо было проследить, вдруг опять аккумулятор сел, а она никак не привыкнет пользоваться», – подумал он с раздражением.

До вечера еще несколько раз пытался вызвать ее номер, но безуспешно. Вечером, собираясь поставить машину на стоянку и пойти в гостиницу, услышал зуммер своего аппарата, быстро открыл, и от сердца отлегло: ее номер.

– Да, Зоя, слушаю тебя.

– Это не Зоя, – ответил мальчишеский голос. – Меня позвала баба Клава телефон включить, передаю ей трубку.

Тетя Клава рыдала, давилась рыданиями и едва выговорила:

– Никитушка…, нет больше нашей Зоиньки…, отравилась она ночесь.

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

Никита сидел у гроба, ему навязчиво казалось, что в лице Зои, неестественно празднично одетой, был упрек, губы чуть поджаты, и укор этот ему, только он чувствовал, что это замечают и все остальные. Он сидел в изголовье напротив Владимира, который ничем не упрекнул его. Знал ли он не все или выдержку имел такую – Никита об этом не думал. Пустота образовалась внутри его. Он знал, что тело этой женщины через час вынесут из дома, поставят в кузов деревенского грузовика, ему тоже, наверное, подсунут табурет, потом будет прощание, ее лицо навсегда закроют крышкой и раздадутся удары молотков – финал всей земной жизни. В последнее время он часто провожал знакомых и друзей, миссия не самая приятная, но больше всего ему запомнились последние удары молотков, вбивающих гвозди в крышку гроба.

Что сказать ей молча в последнюю минуту? Прости? Так она не держала на него зла. Она ушла из жизни именно для того, чтобы не создавать проблем ему. А он этого не понял, когда прощался перед отъездом, не понял, что неспроста ее слеза нашла дорожку на его щеке. Он до слова помнил весь последний разговор, и теперь с уверенностью мог признаться, что она говорила с ним открыто, обнажая весь свой загад и весь свой нехитрый замысел. Он все еще боялся открыто признать, что понимал, догадывался, но удобнее сделать вид, что поверил, заручился обещанием до него никуда не ездить. Она все выполнила. Он – ничего.

Когда уже все было окончено, и тетушка Клава распоряжалась за последним застольем горячего обеда, Никита и Владимир сидели под навесом, где сушились заготовленные Зоей березовые веники. Мужчины молчали. Наконец, Никита не выдержал:

– Владимир, это я во всем виноват, она хотела семью и ребенка, а я не дал ей никаких надежд. Нет, мы расстались в тот вечер, как будто договорились, но она настойчиво отправляла меня в эту проклятую поездку. Будь я рядом, ничего не случилось бы.

– Мы с мамой говорили о вас, Никита Степанович, она вас любила и была уверена, что вы тоже имеете какое-то чувство. Просто мама говорила, что вы добрый. Она в свой жизни добра видела немного, потому вас ценила, к вам привязалась. Я говорил ей, что ничего не имею против ваших отношений. Я и сейчас так сказал бы. Меня успокаивает только одно, что она счастлива была хоть в последний год своей жизни. А сейчас я уеду. Скажите бабушке Клаве, чтобы приготовила обед на девятый день, и передайте ей деньги.

Никита встал:

– Поезжай, Володя, все сделаем.

Неожиданно для обоих они обнялись.

Тетушка Клава перемыла посуду и все прибрала в доме Зои, восстановился такой же порядок, какой был всегда у хозяйки. Никита сел за стол на то место, куда всегда усаживала его Зоя – с кутнего торца, где обычно сидит муж, глава, хозяин. Он сделал это по привычке, а когда понял неуместность, менять место было уже поздно, тетушка Клава заметила:

– Осиротел ты, Никитушка, я все надеялась, что сойдетесь вы, потом только она мне сказала, что до поры порознь будете жить. Какая бабочка была, царство ей небесное, светлое место! – Она перекрестилась трижды. – Ты, может, уехал бы куда, я присмотрю за домом. Все равно тоскуешь, вон, глаза завалились. Да и не мальчик уж, прости за прямоту, мог бы и поберечь бабу. – Старушка неожиданно перешла в атаку. – Все скажу, Никита Степанович, не

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

оценил ты счастье свое, все молодишься, а теперь вот один кругом. К детям хоть бы поехал, где они у тебя рассеяны? – Опять упреки сменились заботой.

– К детям не поеду, зачем я им? Не видимся, даже не созваниваемся, отвыкли друг от друга. И вообще никуда не поеду. Тетушка Клава, ты абсолютно права, я потерял самого близкого человека. Хочешь, скажу тебе, чего никогда никому не сказал бы? Она меня так любила, как ни одна женщина не могла. Придет ко мне, наготовит всего, а ты знаешь, какая она мастерица, а потом в баньку отправит. Никогда со мной не ходила, хоть я и звал, стеснялась. Говорила, что в телевизоре видела, что женщины с мужчинами вместе в бане, и то стыдно, выключала. А потом обнимет и целует, как ребенка, все мои женщины за всю жизнь столько меня не целовали, сколько она. Прости меня, бабушка Клава, я всегда фигурой ее любовался, встанет среди ночи с постели, приятно посмотреть, настоящая русская женщина. Что не умел оценить – это правда.

– Поешь чего?

– Нет.

Тогда пошли по домам, у меня тоже все растворено–не замешано, два дня дома не была.

Никита не боялся одиночества, за многие годы жизни без семьи он привык к тому, что рядом никого нет, всегда выделял одиночество и возможность нормальной работы как основное достоинство холостяцкой жизни. Он как-то спорил об этом в писательской организации, черт дернул за зык, никогда раньше об особенностях своего быта не распространялся, а тут вдруг проговорился. Оппоненты сразу нашлись грамотные, призвали в союзники аж самого Льва Толстого, которого назвали примерным семьянином и в то же время самым талантливым и плодовитым прозаиком века. Никита хотел было сказать, что количество детей еще не является свидетельством счастливой семейной жизни, и тут он мог даже сослаться на собственный опыт, что и окруженный родственниками, Толстой был, по существу, крайне одиноким человеком, а обстановку для спокойной творческой работы в таком доме, как у Льва Николаевича, можно создать чуть ли не для всей нашей писательской организации. Но он не стал углубляться в дебаты, которые вскоре окончились всеобщим примирением и наспех накрытым столом.

Сейчас одиночество давило на него постоянным присутствием Зои, не оставлявшим его впечатлением, что она вышла «до свово дому», как она говорила, и вот-вот придет, каким-то красивым жестом сдернет с головы косынку, тряхнет блинными русыми волосами и скажет: «Ну, что, родной мой, сейчас я кормить тебя примусь». И бесшумно станет командовать кастрюлями, сковородками, как всегда, забудет включить вытяжку, и тогда Никита ворчливым голосом крикнет: «Задушишь! Нажми кнопку!», и уже через полчаса она выйдет к нему, раскрасневшаяся, довольная, увидев, что он выключает компьютер, обрадуется, как ребенок: «Замучили тебя эти герои книжкины, пойдем, поешь, тогда и фантазии на ум пойдут». В таких случаях он говорил ей, что писать лучше на голодный желудок, а сытого писателя в сон бросает, и это передается потом читателям.

Накануне девятого дня приехал Владимир, и они до позднего вечера устанавливали привезенное им мраморное надгробье. В плиту врезана фотография Зои, Никита сам делал этот снимок и знал, что он ей нравился. После обеда Владимир собрался уезжать, обнял Никиту:

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

– Никита Степанович, вы не переживайте так, бабушка Клава уж за вас боится. Я не знаю, что вам посоветовать, но на время уехать стоило бы. Хотите, я оставлю вам денег, купите путевку в санаторий, развеетесь?

– Спасибо, Володя, но в санаторий я не поеду. Побуду здесь немного, и начну работать. Да, вот еще что: мамин мобильник у бабушки Клавы, вот тебе карточка с моим номером. Звони.

Уставший от событий большого и непростого дня, Никита уснул, не раздеваясь, проснулся от зуммера своего телефона. Еще не очнувшись, он включил аппарат.

– Никита Степанович, здравствуйте.

– Здравствуйте, Анастасия!

– Ничего, что я вам позвонила, не помешала творческому процессу? – У нее явно было игривое настроение. – Что пишете?

– Не пишу ничего.

– Что-то случилось, Никита Степанович? Я голос ваш не узнаю. Вы нездоровы?

– Здоров.

– Но что-то произошло, правда, теперь я это чувствую. Вы можете мне сказать, что случилось, Никита Степанович?

– Несколько дней назад умер один человек, очень близкий мне человек.

– Простите, я не из праздного любопытства. Это женщина?

– Да. Сегодня девятый день.

– Никита Степанович, вы разрешите мне приехать? Вам тяжело, я понимаю и хочу помочь. Ну, не молчите же, если это нескромное предложение, то я откажусь.

Никита помолчал, потом спросил:

– А на чем вы приедете?

– Студийная «десятка» в моем распоряжении, Саша, водитель наш, думаю, не откажет. Вот, он кивает. Решено, я еду.

Она отключила телефон. В любое другое время он был бы несказанно рад и звонку, и ее желанию приехать, сегодня это выглядело как благотворительность, как обязательное участие и ничего не проясняло в их отношениях. Никите стало неловко: о каких отношениях с женщиной он может рассуждать, только что схоронив другую?

Он наскоро прибрал в квартире, в холодильнике не оказалось ничего свежего, и тогда он вспомнил о коробке, которую подала ему перед уходом из дома Зои бабушка Клава. Он вынул колбасы, сыр, фрукты, соки, свежий хлеб, домашние огурцы и помидоры. В бане включил электрокотел и сауну. Вышел на улицу встретить машину, ведь гости не знают его дом.

Машина резко тормознула, Анастасия хлопнула дверью, водитель дал сигнал и умчался. Никита взял пакет из рук Анастасии и повел в дом. Оба молчали.

– Сядьте вот тут, – попросила Анастасия, и он послушно сел в низкое кресло. Она встала перед ним на колени, взяв его руки в свои, узкие и прохладные. – Вы потом мне все расскажете, если захотите, судя по Сашкиной ухмылке, я не всем понятное делаю, но вы меня понимаете, надеюсь. Я буду уважать ваши чувства к этой женщине, но сейчас хочу, чтобы вы вернулись к жизни. Поверьте, я испугалась за вас, вы здесь так одиноки.

– Спасибо, Анастасия, вы очень добрый человек.

– Не надо обо мне, я не могла поступить иначе, потому что очень хорошо к вам отношусь, и вы это знаете. Сейчас буду вас кормить, но сначала один звонок, ведь дома не знают, где я.

Она открыла свой мобильник, Никита встал и вышел на кухню.

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

– Мама, у вас все нормально? Мама, ты не пугайся, я сегодня не приеду домой. Ничего? Пришла? Дай ей трубку. Доченька моя милая, мама сегодня не приедет, так что будь умницей. Стана, родная моя, слушай бабушку.

Никита подумал, что ослышался или дают знать волнения сегодняшнего дня. Он вошел в комнату, Анастасия ждала его:

– Покажите мне на кухне, что к чему, и можете отдохнуть с полчасика.

Никита смотрел на нее ничего не понимающими глазами:

– Как вы сейчас назвали дочь?

– Настя, наверное, или Стана.

– Именно Стана, да, Стана, – почти закричал он. – Откуда у вас это имя? Ведь я так и не отправил вам письмо с объяснениями, откуда вам известна эта форма имени, отвечайте, Анастасия, я сойду с ума!

– Успокойтесь, Никита Степанович, так звали еще мою бабушку.

– Кто? Кто мог знать это слово здесь, в глухой Сибири, в простой деревенской семье? Подождите, мне действительно плохо. Тот альбом, фотографии, родители с мальчиком, вы сказали, что это прадед, а потом еще показали отдельно, где мальчик уже мужчина, и бабушка ваша, совсем ребенок. Господи, как я не понял этого раньше! Точно такой же снимок видел я двадцать лет назад у одного старика, Бронислава Лячека. Анастасия, он и есть ваш прадед.

Анастасия обняла трясущегося от возбуждения Никиту, она поняла, что после стольких переживаний он просто бредит, возможно, какими-то сюжетами романа, над которым работает. Она уложила его на кровать, в шкафчике среди множества флаконов и коробочек с лекарствами нашла валерьянку, выпоила ему чуть не полпузырька. Никита немного успокоился, сел, Анастасию попросил сесть напротив:

– Я испугал вас, милая Анастасия, но это не бред, сегодня же все вам расскажу. Ваш прадед Бронислав Лячек, поляк знатного происхождения, волею судьбы мальчиком вместе с семьей попал в Царское село и влюбился в Княжну Анастасию Николаевну. Потом семейство Лячеков сослали в Сибирь, это отдельный разговор, Бронислав изменил имя и фамилию, женился, но Анастасию любил всегда и называл не иначе, как Стана, так звали Княжну сестры в своем кругу. После расстрела семьи Государя он еще долго искал Анастасию, потому что существовала легенда: Княжна чудом осталась жива, потом смирился и вернулся в семью. Отсюда ваша традиция первую девочку в семье называть Анастасией, отсюда вам известна такая уникальная форма имени – Стана.

Анастасия внимательно слушала рассказ Никиты и видела, он уже оправился от потрясения и вполне владеет собой. Ей вся эта история показалась сказочно интересной и потому чужой, не своей, такие удивительные приключения могут случаться с семьями знатными, именитыми, но не с семьей осмотрщика вагонов и бухгалтера стройконторы, потому она, хоть и волновалась, но меньше рассказчика.

– Я потом все вам расскажу подробно, к тому же есть материальные подтверждения этого рассказа, которые очень для вас любопытны, потому что они есть часть вашей семейной, родовой истории. Никогда не прощу, что в последний год жизни Бони бывал у него редко, преступно редко. Старик был довольно крепок, я справлялся о нем через знакомых, в один из приездов он отдал мне шкатулку, уже запертую, и сверток в пергаменте, еще что-то обещал подготовить к следующему разу, но это была уже встреча с облаченным покойником. К нему

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

каждый день по моей просьбе наведывалась соседка, она и сообщила мне через знакомых. Это случилось в восемьдесят пятом году.

– Где он похоронен?

– В завещании он просил похоронить его на Волчьем бугре, есть у того села такое место, раньше волки выходили из леса и с этого бугра начинали обход деревни, с тех пор и Волчий. Власти воспротивились: есть кладбище, там и хороните. Пришлось использовать русское национальное самолюбие и православный консерватизм. Сказал селянам, что поляка, католика ни в коем случае нельзя хоронить на местном кладбище, мусульман ведь не хоронят, у них свои есть. А поскольку католического кладбища у нас нет, придется выполнять волю покойного. Это сделали. Но, пока я добирался, многое из дома исчезло, в частности, книги, обращался к людям, чтобы вернули, едва ли кому нужны здесь древние философы и книги на иностранных языках, но ничего не изменилось.

Анастасия, кажется, начала проникаться пониманием своей причастности к загадочной и давней истории, похожей на легенду. Ей бы очень хотелось, чтобы Никита прямо сейчас рассказал все с начала и до конца, но она помнила о только что пережитом им горе, видела, как он потрясен своим открытием, потому перевела разговор на бытовые темы:

– Давайте немного отдохнем от эмоций. Давно хочу сказать, что не могу называть вас по отчеству, если вы не против, буду говорить просто: Никита.

– Я не против. – Он улыбнулся.

– Вы что-то упоминали о бане. Можете попариться, а я пока приготовлю ужин.

Он ушел, крепко попотел, на душе стало легче. Облившись холодной водой, он насухо растер тело, надел простые брюки и рубашку.

– С легким паром, Никита. – Анастасия была в светлом передничке и с поварской ложкой в руках, почти не прикасаясь к нему, она, привстав на цыпочки, картинно дотянулась до его щеки и громко чмокнула. Никита смутился и покраснел.

– Что я вижу, вогнала в краску мужчину невинным поцелуем. Никита, это не похоже на вас.

– Наверное, но я не ожидал. Бросайте все, и в баню, я все окатил горячей водой, пока собираетесь – просохнет. А ужин я доведу.

– Все бы так, но беда в том, что, насколько вы понимаете, я не беру на работу свежее белье, потому баня теряет смысл.

– Ничего похожего! – Он открыл шкаф и снял с вешалки недавно купленный для себя халат. – Чистый, легкий, правда, без пуговиц, с одним поясом, но это не страшно.

Анастасия осмотрела халат, срезала этикетку и ушла. Когда она вернулась, раскрасневшаяся, довольная, в длинном халате, перехваченном в талии пояском, Никита улыбнулся: было в ней что-то детское, девичье, неподдельная простота и доверчивость.

После ужина Анастасия, заглянув в обе комнаты, сделала открытие:

– Никита, у вас одна широкая кровать, нет даже дивана. А где я буду спать?

– Это самый важный вопрос?

– Наверное, нет, – согласилась она, но некая-то неловкость появилась в ее поведении. – Никита, начинайте рассказ, прошу вас, а я прилягу, если вы не возражаете.

– Не возражаю, если можно присесть рядом.

– Только присесть. – Она опять замолчала, и он понимал: что-то важное созрело в ее головке, но она не может насмелиться его сформулировать. – Никита, мы так недавно и так плохо, в общем-то, знаем друг друга, что при желании нашу сегодняшнюю ночь можно

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

истолковать как угодно, вплоть до простого развлечения. Хочу верить, то вы относитесь ко мне совсем иначе. Я уже далеко зашла в своих откровениях, и еще раз скажу: мне очень хорошо с вами. Может быть, так и приходит большая любовь, может, это просто увлечение, но сегодня я хочу быть с вами. Представьте, мне не стыдно, хотя никогда не считалась развязной девушкой.

Никита крепко обнял ее и стал целовать нежно и страстно, Анастасия с отчаянием дернула пояс халата и обдала его теплом горячего женского тела.

Она не разрешила ему включить свет, уложила головку на его грудь и молчала. Он тоже не знал, что говорить и делать, сдержанно дышал и ждал ее первых слов.

– Никита, я не показалась тебе навязчивой и нескромной?

– Не думай такие глупости, ты вела себя достойно и красиво.

– Добавь еще: настойчиво, потому что, кажется, ты никогда не насмелился бы меня поцеловать по-настоящему. Я права?

– Отчасти, ты очень молода, и мне сложно уходить дальше пусть очень вольных разговоров.

Она опять поцеловала его и попросила:

– Начнем рассказ?

– С самого начала. В конце шестидесятых годов я поехал на автобусе в дальний колхоз…

До первых признаков рассвета он рассказывал ей историю своего странного знакомства и многолетних отношений с Брониславом Лячеком, известном как Арсений Чернухин, по ее просьбе в подробностях восстанавливая детали быта прадеда, его манеры, речь, мировоззрения.

– Утром я передам тебе тот сверок и шкатулку, что оставил мне Боня. Он просил вернуть их кому-либо из своего рода, но мои попытки найти Чернухиных заходили в тупик: Чернухиных много, но не те. Я понял, что девушки выходили замуж и меняли фамилию, а мужчин либо не было вовсе, либо они за пределами нашего края.

– А что в шкатулке и свертке?

– Не знаю. Конечно, я мог бы посмотреть, там нет именной печати, но Боня ничего мне об этом не сказал, значит, не считал нужным, чтобы я знал.

– Никита, а письма? Ты говорил, что прадед знал их на память. Это все пропало?

– Ну, ты обо мне плохо думаешь. Знаешь, ему в то время было под восемьдесят, но он светился весь, когда говорил о Стане, я, по понятным причинам, не мог сам заводить разговор на эту тему, он иногда увлекался, как-то ассоциативно, рассказывая какую-нибудь историю, вдруг ухватывался, словно за ниточку, и говорил о том времени, о ней. Я раз напомнил о письмах, он не ответил, второй раз через год, наверное, спросил, сможем ли мы их записать – сказал, что не готов. А вскоре сам предложил. Я включил диктофон, он некоторое время молчал, потом попросил меня выйти на минуту. Ничего не могу понять, что с ним. Оказывается, ему надо было поймать ту волну душевную, как он сам потом выразился. Когда я тихонько вошел, он в полголоса говорил с нею. Потом попрощался, назвал дату. Далее ее ответ, очень скромный, деликатный, но со скрытым волнением, беспокойством. И дата. Она ответила через месяц. Следующее ее письмо написано через неделю. Видимо, так было нужно. Я дам тебе распечатку и пленки с его голосом.

Анастасия прижалась к нему:

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

– Никита, если бы ты знал, как это приятно – узнавать про своих дальних предков. Ты его фотографировал?

– Не очень много, но десятка два снимков есть. Похороны я тоже снимал.

– Ты свозишь меня на его могилу?

– Так, закрыли эту тему.

– Прости, Никита, прости меня.

– Ты можешь поспать, а я встану, приготовлю баньку, хоть к обеду появишься на работе.

Она уже засыпала:

– Ты меня увезешь?

– Спи, увезу.

Когда он попарился и переоделся для поездки, выгнал из гаража машину и протер стекла, подошла тетушка Клава:

– Яиц свежих тебе принесла да молока, вчерашнее, из холодильника. Варнак ты, Никитка, у одной еще ноги не остыли, а ты вторую в дом притащил.

– Тетя Клава, не надо об этом. Я потом тебе все объясню.

– А что ты мне объяснишь, скажи на милость, или я не знаю, зачем бабы к мужикам приезжают? Только время-то не прошло, неприлично это.

Никита промолчал, ему было обидно и стыдно, ведь бабулька во всем права.

– Тетя Клава, ты не думай обо мне плохо, эту женщину я знаю давно, она приехала, как только узнала о нашей беде. Она хорошая и все понимает.

– Да я-то что! – бабулька тряхнула головой. – Зоиньке на том свете горько смотреть на ваши утехи, или ты забыл, что через тебя ее не стало? Ладно, прости меня, ты сам себе хозяин, а я по старым законам живу. Прости, но хоть до сорока дней не вози больше никого.

Оставив корзину, она тяжелой походкой пошла к дому.

Никита прислонился к прохладной стенке гаража. Конечно, тетушка права, его поведение сегодня оскорбляет Зоину память, но так получилось, не мог же он сказать Анастасии, что ей нельзя приехать. Он не хотел признаться даже себе, что хотел такой встречи, но сам стеснялся ее предложить, и когда девушка, еще не зная случившегося, пожелала приехать, не хватило мужества ей отказать, объяснить, что не время. А потом… Ему вспомнилась всегдашняя приговорка Тимофея Павловича: «Живой, Никитушка, о живом и думает», и вдруг подумалось, что будь Зоя жива, она поняла бы его и простила, потому что ни разу не заводила разговоров о верности, о других женщинах, она была счастлива тем, что у нее было. Бессонная ночь и ранние трудные размышления затмили приятные впечатления, но надо собраться, сосредоточиться, спокойно отвезти Анастасию в город, потом выспаться и начинать работать.

В дом вошел тихо, чтобы не потревожить сон Анастасии, приготовил все для завтрака, искал способ разбудить, а она появилась на пороге в запахнутом халате, заспанная, с чуть припухшими глазами.

– Не смотри на меня, я по утрам не красивая.

– Такое мог сказать только глупый мужчина, утренняя женщина подобна Афродите, выходящей из пены, только мгновение ей и надо, чтобы восцарить над миром. – Он улыбнулся, любуясь ею.

Она выпила чашку кофе и вопросительно подняла глаза:

– Ты вчера, точнее, утром говорил о шкатулке. Мы будем ее открывать? Может быть, это лучше сделать маме? Как ты считаешь?

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

– Решай сама, мне велено просто передать потомкам. Я принесу, все в сейфе в той комнате.

Завернутая в суконный отрез, шкатулка старой работы выглядела как музейный экспонат. Маленький серебряный ключик хранился отдельно, Никита оставил его сверху и на сукне, как на подносе, поставил перед Анастасией. Тут же положил сверток.

– Открой, – попросила она. – Мне страшно интересно.

Никита сел рядом:

– Увезешь домой, вскроете в своем кругу, я не считаю себя вправе присутствовать при этом.

– Почему, Никита?

– Анастасия, есть правила приличия, кроме того, в шкатулке могут оказаться некие ценности – зачем вам лишние свидетели?

– Тебе не кажется, что ты меня обижаешь?

– Не надо обижаться, я уверен, что это очень личное дело, а потом ты, если захочешь, расскажешь о содержимом. Соглашайся, и поедем, время идет.

Она всю дорогу до города дремала на заднем сиденье, очнувшись, попросила увезти домой. Прощаясь, обняла Никиту и крепко поцеловала, громко чмокнув, и сама расхохоталась:

– Никита, ты простишь меня за … настойчивость? Мне было очень хорошо с тобой, сладко. Буду ждать твоего звонка. Ты домой?

– Да, надо работать.

– Я уже жду звонка, – она ласково улыбнулась и вошла в калитку.

Никита, отряхнув все страсти минувших дней, включил компьютер и перечитал несколько последних страниц. Позвонил издателю, тот вежливо посочувствовал горю партнера, но тут же напомнил, что сроки подходят, он ждет роман.

– Надеюсь, вы помните о моих просьбах. В связи с последними событиями мне бы очень не хотелось обострять известный вам вопрос.

Никита не понял, какие события тот имеет в виду.

– Я говорю об аукционах по продаже госсобственности, которые, как на грех, выиграли наши ребята. Это чистое совпадение, но кто поверит? Опять евреи сговорились – таково общественное мнение. Патриоты и националисты уже развязали грязную кампанию клеветы, такое ощущение, что рукой подать до погромов, так что – я вас умоляю.

– Вы излишне преувеличиваете влияние моего скромного труда на положение евреев в России, но обещаю, что ничего выходящего за рамки приличия не будет. У меня один молодой человек еврей по национальности, только и всего. Папаша его возлюбленной весь во власти предрассудков, это начало двадцатого века, потому противится браку.

– Никита Степанович, сделайте его, например, чукчей, сейчас это модно.

– Да, но он учитель музыки.

– Тогда придется оставить, – с горечью заключил издатель.

Никита донельзя упростил ситуацию с молодыми влюбленными, сломил волю отца, тот благословил брак под слезы родни и дворни и в расстройстве даже не заметил, что супруга в обмороке, а священник окончательно растерялся. Выпроставшись из неловкого положения, роман пошел легче, основные направления давно были обдуманы и предрешены, он оставлял героев в момент объявления в Тюмени советской власти, пусть читатель додумает, что с ними будет. Но Никита уже чувствовал, что крутой перелом в жизни пройдется и по его героям,

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

куда они метнутся, люди, привыкшие к размеренному и продуманному существованию, состоятельные и благородные в помыслах и поступках, – трудно предугадать, потому что характеры и натуры именно в такие моменты и проявляются, кажущийся героем может предать, а тихий и незаметный поднимется до высот нечеловеческого мужества. Он понимал, что пройдет немного времени после выхода книги, улягутся возможные разговоры, утихнут хвалебные речи и откровенные хихиканья презентаций и конференций, и герои его снова вернутся в этот дом, и он пройдет с ними всю первую половину двадцатого века, предсказанную и неотвратимую Голгофу русского народа.

Его давний и старший товарищ по литературным делам, признанный еще с советских времен писатель Зот Тоболкин при встречах постоянно упрекал его за уход в прошлое.

– Никитка, грех расходовать силы и талант твой на романы о похождениях русского дворянства и сибирского купечества, это мило и любопытно, но ты же писатель, у тебя слово мощное, слог чистый, русский, зачем тебе эти амурные альковы с патриотическими разговорами? Взорви сегодняшний день серьезной вещью, только посмотри, что происходит вокруг: страна рухнула, Россия на себя не похожа, народ истощается и духом, и плотью. А у тебя в это время очередной бал в усадьбе. Пороть тебя надо бы…

Добрый и мудрый Зот, он совершенно прав, но Никита боялся современности и признавался в этом, эмоций много, а вот позиции четкой нет. А, скорее всего, мал талант, слаб, чтобы встать над сегодняшним днем, как делали это великие русские классики, Шолохов «Тихий Дон» писал, когда еще не развеяло временем пороховой дым гражданской войны, и кровоточили раны победителей и поверженных. Никита не раз пытался выстроить схему хотя бы небольшой повести о переменах в родной деревне, но не мог побороть эмоций, и уже с первых страниц повесть превращалась в публицистический очерк, вполне приличный, но нежелательный, он мог испортить отношения с губернским издательским домом и лишить возможности печататься. Он научился оправдываться мудрой фразой Льва Толстого: «Если можете не писать – не пишите!» и стыдливо умалчивал, что писатель сказал это совсем по другому поводу.

Никита в спешном порядке заканчивал роман, легко работается, когда развитие и завершение сюжета в основном продуманы, по ходу письма возникают некоторые, ранее не видимые детали, и они только украшают текст. Сделал два экземпляра распечатки, один читал сам, другой с оказией передал Тоболкину. Зот лежал в постели, после какого-то юбилея подвернул ногу, страдал. «Старые кости и жилы плохо встают на место, Никитка, но ты пришли, я в сутки прочту».

Он, действительно, позвонил через два дня:

– Никитка, роман у тебя не получился, по форме, поверь старому соцреалисту, но сегодня это не предмет обсуждения, все давно забыли каноны литературные и шпарят, кто во что. Вот и у тебя хроники, эссе, философские размышления, да еще еврейская тема. Я тебя предупреждал. Помнишь, ты жаловался, что на собрании против тебя сильно выступал прозаик-каменщик. Заметь, у него и сейчас большое перед тобой, безродным, преимущество. Так вот, Никита, каменщики были всегда, во все времена, вплоть до римских. Меня принимали в Союз в семьдесят втором году по маленькой повести, сочли, что она более-менее... А у меня роман был написан на тридцать листов, не издавали, при вступлении даже во внимание не взяли. Я его еще четырнадцать лет не мог издать, все каменщики. Тебе не надо бы с ними ссориться, размажут, как муху по стеклу. Не вали ты на них всю вину за

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

революцию, народишко наш тоже не с лучшей стороны себя проявил. А так мило, слог у тебя хороший, русский, людей знаешь, природа заманчива, так и хочется на берега твоих озер… Да! Ты бы приехал когда, а то мне скучно.

– Зот Корнилович, завтра выезжаю в Екатеринбург, на обратной дороге к вам. Я позвоню.

– Имей в виду, коньяки я не люблю!

– Помню! – и оба расхохотались.

Тут же позвонила Анастасия, она молчала все время после посещения деревни, он не находил подходящего повода, да и отвлекаться на телефонный разговор с ней значило обречь себя на раздумья, уйти из той жизни, которую писал, в которую всякий раз трудно вживался.

– Здравствуй, Никита, я не помешала?

– Уже нет, я закончил основную работу, завтра собираюсь к издателю.

– Жаль, – она была искренне огорчена. – Я хотела просить тебя приехать к нам, мы с мамой решили, что ты должен присутствовать при вскрытии пакета и шкатулки. Понимаешь, ты имеешь ко всему этому больше отношения, чем мы, возможно, ты даже знаешь вещи и документы, которые там лежат. Никита, приезжай, переночуешь у нас, а утром на Екатеринбург. Прошу тебя.

– Дай мне три часа, я все решу, перезвоню и выеду.

– Буду ждать.

Его и вправду ждали, шкатулка и сверток пергамента лежали на круглом столе в комнате, Наталья Петровна сидела, подперев голову руками, и глубоко задумавшись, смотрела на незнакомые и родные уже предметы. Анастасия, встретив Никиту у калитки, только легонько прикоснулась к плечу своей головкой и повела в дом. Маленькая девочка, дочка Анастасии, которую он еще ни разу не видел, играла в уголке за диваном. Никита поздоровался с хозяйкой и подошел к малышке:

– Здравствуй, Стана.

Девочка посмотрела на него с любопытством и что-то пролепетала.

– Она с тобой поздоровалась, – перевела Анастасия.

– На каком языке?

– На своем. Мы уже понимаем. Но это пройдет, она уже сейчас много слов говорит правильно.

Никита незаметно обнял девочку, приподнял прядку волос за правым ушком и увидел родимое пятно Лячеков.

– Возьми ее на руки, пусть она своими глазами видит, это и ей адресовано.

Все сели вокруг стола, Настасья Павловна подала Никите ножницы. Неожиданно для себя он почувствовал волнение от встречи с Боней, надрезал узенькие кожаные ремешки и развернул края пергамента. Тут был альбом с фотографиями и документы, старинные и уже советские, много писем, написанных не очень грамотной женской рукой. Никита повернул ключ шкатулки, она легко открылась. Во фланелевой тряпочке завернут странный сосуд, образующий букет цветов.

– Что это, Никита? – шепотом спросила Анастасия.

– Это флакон духов фиалки, которые очень любила Княжна, Боня хотел подарить их Анастасии, но она поцеловала флакон и вернула, как память о ней. Он открывал его всего один раз, для своей дочери.

В такой же тряпочке завернут осколок штукатурки, по серой известке видны бурые пятна.

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

– А это?

– Этот кусочек штукатурки Боня поднял на свалке строительного мусора после ремонта дома Ипатьева. Возможно, это следы крови Княжны, он так считал.

Анастасия с трепетом положила кусочек штукатурки на стол. В следующем свертке оказались золотые изделия дамского туалета и драгоценные камни.

– Никита, а с ними что делать?

– Ничего. Это ваши фамильные драгоценности, вы можете их хранить, носить, при нужде сдать в скупку, но лучше найти настоящих ценителей, ведь это восемнадцатый век, некоторым изделиям цены нет.

– Никита, конверт! – Анастасия дрожащей рукой взяла пакет. – Открой.

– Не имею привычки открывать чужие письма, оно явно адресовано вам, вскрывайте и читайте.

Анастасия ножницами отрезала край конверта и вынула листок, исписанный крупным красивым почерком.

«Я уверен, что письмо это читают сейчас члены моей семьи, и среди них обязательно есть Анастасия, Стана, как я просил. Уверен, потому что передал эти вещи очень порядочному и молодому еще человеку, так что у него будет время найти моих наследников, коль это не удалось мне. Должен извиниться за ломаную и непростую мою жизнь, огромную часть которой прожил под чужой фамилией, она же досталась моему ребенку. Настоящая наша фамилия Лячек, мы из поляков, родителей моих подмела революция, я сидел до войны за попытку отстоять свою честь, после войны за возвращение родного имени. Воевал, награды тут же. Все средства употребите на воспитание и образование Станы. Десятую часть от ценностей передайте Никите, я ему очень обязан. Простите меня, но я был счастлив. Кое-что об оставленных вещах знает Никита, остальное есть в моих записках. Прощайте. Благословляю вас всех. Видел я однажды сидящего за столом с вами Никиту моего как члена семьи, но боюсь, что выдалось желаемое за действительность. Прощайте, побывайте на могиле моей, может, легче будет душе. Ваш предок Бронислав Леопольд-Динариевич Лячек. Деревня Благодатное, Зареченский район. 24 августа 1984 года».

Наталья Петровна тихонько плакала, Анастасия была взволнована и бледна, Никиту несколько смутили предвидения старика о возможном родстве, только маленькая Стана с удовольствием играла камушками, перстнями, кольцами и цепочками.

– Анастасия, найди время и разбери эти бумаги, где-то в них дневники или пояснения Бони. Он говорил мне о них.

– Хорошо, но это только завтра. Ты остаешься?

– Наверное, я поеду прямо сейчас, отдохну по дороге.

– Никита Степанович, вы не стесняйтесь, я сейчас открою вам ворота, загоняйте машину и отдыхайте. А мы со Станой уйдем к родственникам, сестра мужа живет рядом, там и ночуем.

Никита смутился:

– Ну, к чему все это? И зачем вы пойдете из своего дома? Никуда, все ночуем вместе, места хватит.

Никита и Анастасия долго еще сидели за столом и рассматривали альбом Бони, его документы.

– Он много сидел за имя свое? – спросила она.

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

– Пять лет. Его лишали фронтовых наград, но позже все вернули, его поддержал генерал Невелин, с которым до войны Боня–Арсений сидел в лагере, а потом воевали они вместе.

Поздней ночью, когда все село спало, и люди, и скот, и природа, Тимофей Павлович тихонько встал, чтобы не потревожить Аннушку, оделся, проверил, при нем ли связка церковных ключей, и, не скрипнув калиткой, направился к храму. Все было готово к освящению, только что-то не заладилось в епархиальных властях, все не ехал благословенный священник, потому Тимофей решился завтра, в светлое воскресенье, провести первый молебен.

Он открыл двери, включил малый свет, обошел иконы и ко всем приложился. Они явились сами, бывшие храмовые иконы, иные привезли люди издалека, все-таки новодельная церковь в Уктузе была первой в епархии. Он встал на колени перед самодельным иконостасом и прочел трижды Христову молитву «Отче наш». Потом вспомнил, как начинал рубить первый венец церкви, как смеялись некоторые над странной затеей старика, как постепенно приходила помощь средствами и материалами, как возникали сомнения, и он долго раздумывал, лежа на своей кроватке, заложив руки за голову. Два раза был ему голос: «Не сомневайся, моя церковь, моя и поддержка». Тимофей хотел открыть глаза и посмотреть, ведь так могла сказать только Пресвятая Дева Мария, во имя которой строился здесь храм в восемнадцатом веке, в окаянные тридцатые был снесен с лица земли, даже камни фундамента вывезли на гать. И вот новая церковушка, она скромна, проста, но служить можно. Он и в епархии так сказал: «Не хоромы, но храм, и служить можно».

Завтра, когда пастух погонит коров, и все хозяйки выйдут на улицу, он крикнет зычным еще голосом: «Все приходите в церковь прямо сейчас, и мужиков ведите, и деток своих. Будем служить первую службу в новом Доме Господнем!».

Он так и сделал, вышел в улицу и стал кричать в утренней тишине:

– Люди добрые, приходите прямо сейчас в свой новый храм, подадим Господу свой голос, а то он его уж полвека не слышит. Будите детей, зовите мужчин, пусть наденут лучшие рубахи и боевые ордена, у кого есть, с грудными на руках приходите, молодые матери, младенцев особо любила мать наша Пресвятая Богородица.

Из дома в дом, из улицы в улицу передавался призыв старца, и неверующий народ зашевелился, загремел сундуками, забряцал дверцами шкафов своих, добывая свежие платья и костюмы. Неловко выходили из оград, кучковались кампаниями, соединялись улицами и заполняли ограду церкви. Все здесь зелено, старые кусты подрезаны, травка скошена. Мужики смущаются: кепки снимать или нет? А тут еще окрик: «А ну быстро вынеси папиросу за ограду! Нехристь несчастный!».

Тимофей Павлович в подряснике, иное облачение не полагалось ему по чину, вышел на крыльцо, широко открыв обе половинки входных дверей:

– Братья и сестры! Да, не улыбайтесь, все мы с вами братья и сестры во Христе, Отце нашем. Вы знаете, как строилась эта церковь, каждая семья внесла копейку. Все средства употреблены в дело, ничто не пропало. А теперь прошу пройти в храм, мужчины направо, женщины налево.

Народ заполнил церковь. Твердым голосом Тимофей прочел подобающие случаю молитвы, но скоро остановился:

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

– Не в порядке критики говорю, а в смысле обучения: крестное знамение перво-наперво возлагается на лоб, далее на живот, потом на правое и левое плечо. Давайте вместе!

Многие смущались, но крестное знамение в итоге получилось у всех.

И тогда Тимофей Павлович возвысил голос:

– Скажу я вам, дорогие братья и сестры, первую проповедь, про которую мечтал всю свою жизнь. Вы знаете, что я человек убежденно верующий и за веру готов пойти на крест, как это сделал наш Спаситель Иисус Христос. Я строил эту церковь для вас, чтобы вы имели возможность общаться с Богом. Так всегда было на Руси: строились храмы, молились люди, и это было общество. Я прошел фронт, тут много вижу своих товарищей, мы и там воевали за Русь Святую и Неприкосновенную. И ныне идет война за души наши, и ныне враг человеческий взыскает к сердцам нашим, только мы не убоимся, ибо есть у нас вечная защита в лице Господа нашего и Матери его, Пресвятой Богородицы, которой и посвятили мы свой храм.

Запомните слова мои, мне немного осталось на этой земле, я уже призван и жду часа. Борьба за наши души идет всегда, и ране шла, и ныне, и присно, что значит вечно. Дьявол может к вам прорваться с бутылкой водки, неправедными деньгами, развратом, через телевизор, будь он проклят! Берегите детей своих, и сами будьте, как дети, тогда Господь увидит вас и примет в свое царствие. Смотрите, все это ваше, берегите. Я же пойду, отдохну.

– Дедушка Тима! – девочка лет пяти теребила его за рукав. – Вот вы сейчас говорили старое слово, я его читала в детской библии, так там целая молитва.

Тима взял девочку на руки:

– Ты права, пречистый ребенок. Есть такая молитва: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа и ныне и присно и во веки веков – аминь!», то есть, да будет так всегда!

Он передал ребенка родителям и пошел к своему дому. Он знал, что жить ему осталось до первого колокольного звона родной церкви. Смерти он не боялся, особенно теперь, когда выполнено главное дело жизни – построена и живет его церковь.

Время неудержимо и никому не подвластно, и сегодняшний день завтра станет прошлым, отойдя в тень и набрасывая покрывало забвения на людей и события. Только Река так же восторженно стремится вперед, омывая зареченские берега, не обращая внимания на все, что там происходит. Утром и вечером по тихой воде далеко слышны церковные колокола. Одинокий волк вышел на поросший молодым березняком бугор с одиноким крестом над могилой и долгим беспричинным воем оплакал чью-то судьбу. Время неудержимо и никому не подвластно.

Птица, залетевшая в окно
Повесть

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

– **Сказывают**, Кириченок помер?

– Хватилась! Ишо вчерась. Паралик его разбил. Как увезли в район, так и помер.

– Отпил, прости Господи!

– Да, уж попил! Замены таперича в деревне ему нетука.

– И что ты ни говаривала? А евоные сынки подрастают? В школе две цифры в одну скласть не умеют, а бражку делают. Я не видала, кума Анна сказывала.

Бабы сидели на старом, источенном жуками бревне, которое осталось от строительства избы и называлось, кто как умел: то скамеечкой, то завалинкой. «Пошли, посидим на завалинке». На зиму в деревне первые венцы избы или домика окапывали землёй, заваливали, оттуль и завалинка, весной землю отгребали, чтобы бревна не прели. Никто никогда на завалинке не сидел, а вот возьми ты за рупь двадцать – прижилось, и всякому понятно.

Собирались, когда управляли скотину, с кем-то из молодых отправляли молоко на молоканку, ужинали картошкой в мундирах, сваренной прямо на ограде на таганке. Обруч о трёх ногах ставили посреди ограды, чтобы не дай Бог не вспыхнул сарай или пригон, под него сухой щепы либо прутиков сухих, специально нарубленных, дрова на такую мелочь изводить считалось глупостью. В обруч ставили чугунок с картошкой, на сухом огне вода вскипала быстро, время от времени ножом протыкали картошку и определяли готовность. Картошка сибирская во все времена была вкусной, мундир на ней лопался, крахмал так и пёр, выворачивался на обе стороны. Картоху хозяйка вываливала на чистую доску прямо посреди стола, тут же блюдо с огурцом, горсть пера лукового, капуста кислая из прошлых припасов. На ужин хлеб не полагался, а вот маленьким, если есть в семье, по кружке молока наливали.

– Киричонка-то резать будут или так отдадут?

– А чего у него резать? Руку с войны не принёс, да и так худой да грязной.

Грузная Дарья Поликарповна хохотнула:

– Девки, теперича дело прошло, а я ведь перед войной с Ванькой-то погуливала. Правда, мелковат он был росточком, но не скажи, кума, лишнего, не гневи Бога: как мужик был справной, я в колхозной бригаде всех мужиков на ощупь знала, а Ваньку на отличку помнила.

– Знам, знам, – с улыбочкой пропела слепая Галя.

– А пошто взамуж за ним не пошла? – спросила Евдокия, вычерчивая своим костыльком крестики на песке.

– Да теперь уж и не помню, то ли жила с кем, то ли он не позвал.

Подошла Прасковья Михайловна, старуха крепкая, из большой семьи соседнего уезда в деревню замуж вышла, вот и спаслась, а родных всех отправили на Север.

– Сын мой из конторы пришёл, сказывал, что кто-то был в районе и Ваньку видал.

– Живого?

– Откуда живого, если он ещё вчера помер? Говорит, чёрный весь, и лицо, и руки.

– Знамо дело! – Федора Касьяниха подняла голову и окинула компанию суровым взглядом. – Ты тоже брякнула: паралик! Паралик – он в голове от большого ума образуется, а Ванька-то тута-ка при чём? Он же с вина сгорел. И спору нет. Вино в нем спирт копило-копило, вот и вспыхнул, сгорел, и внутри у Ваньки теперь ничешеньки нет, так изо рта дымок и пошёл.

Прасковья Михайловна аж привстала при всей своей полноте:

– Ну, у тебя ни стыда, ни совести, судишь, как будто видала.

– Сужу, оттого что знаю, – проворчала Касьяниха. – Хошь знать, Иван сам говорил, что уж раза по три в окошко какая-то чёрная птица залетала, а то на раму сядет и стучит. К покойнику

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

это. И не споньте. Старики примечали. Вот и случилось.

Матрена Кулебякина перекрестилась:

– Врёшь ты все. А вот сказано в писанье, что придёт Господь и поднимет мёртвых. И чего? Ванька встанет, а нутра нет. И как жить?

Все промолчали. На ночь глядя, о страшном говорить опасались.

Поликарп Евдинович сидел у приоткрытой створки и весь разговор слышал, только себя не обнаруживал. К его домишку на завалинку и собирались по приглашению Кристиньи Васильевны, она заманивала гостей то семечками, то первыми огурцами, то стряпней, на которую была большая мастерица. Кристинью Васильевну схоронили, а первой же весной, как только чуть стало пригревать, потянулись старухи на знакомое место. Прасковья Михайловна, которая доводилась сватьей, как-то стукнула в створку:

– Сват, мы тут посидим, тебя не потревожим? Привадила нас Васильевна, царства ей небесного!

– Сидите. Стряпни не имею, а вот семечками могу угостить.

Так и повелось.

Поликарп вздохнул: тяжело ему без Васильевны, считай, полвека прожили душа в душу, деток Бог дал, старшие младших растили. Поликарп плотник был славный, ни одна работа без него не обходилась. И вот как-то после обеда, перекусив, что было в узелках, заговорили мужики о бабах. Да не о своих, а кто где на стороне какие номера откалывал. И выпала очередь сказывать Поликарпу Евдиновичу. Он помолчал, докурил самокрутку, вдавил окурок в жирную глину и сказал:

– Я, ребята, иных женщин, окромя Крестины, не знаю и знать не желаю. Вот такой мой сказ.

Мишка Плешин, блудливый мужичишка, он и начал тот разговор, ужом взвился:

– Врёшь ты, дядя Поликарп, проще сказать – вводишь коллектив в заблуждение. Мы в своих грехах признались для общей пользы и радости, а ты в сторонке решил остаться? Чистеньким хочешь быть? Не получится!

Поликарп спокойно ответил:

– Сядь, Михаил, я все слышал, и про заслуги твои с сомнением, только отвечаю, как и должно быть: святая правда, что не изменял я жене своей, и хватит об этом. Ежели на то пошло, так это личное дело мое и каждого, да и хвастать тут особо нечем.

– Дядя Поликарп! – не унимался Мишка. – Ты признайся, а то я тебя на чистую водицу выведу. Ты помнишь, на курорте был у Черных морей? И с артисткой крутил, которая из «Тихого Дона»? Ты тогда и фотокарточки привозил. А баба моя на почте работала, дак она письма её̈ные вскрывала и читала. И ты хочешь сказать, что устоял против такого натиска?

Поликарп улыбнулся:

– Дурак ты, Мишка, и мысли твои дурацкие. Она народная артистка, на танцах пригласила меня, а я в молодости вальс крутил, только в конце музыки приземлялся. Конечно, ей понравилось. И я поглянулся, интересно ей, городской, из такого круга, поговорить с человеком от земли, деревенским. Каждый вечер встречались и гуляли.

– Дядя Поликарп, да если по кинокартине, она тебя в первый же вечер должна была сомустить! Такая баба!

– Умная и скромная, и письма писала душевные, и Кристине моей завидовала, какой у неё̈ муж. Все, Михаил, ты бы топором так работал, как языком, цены бы тебе не было…

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

Она болела недолго, так и говорила:

– Я тебя, Карпуша, не буду мучить, скоро уберусь. А ты живи, присмотришь какую бабочку – веди, я в обиде не буду.

Он сидел рядом с кроватью и держал её руку, слышал последний вдох, лёгкую судорогу и последнее движение вытягивающегося тела. Когда женщины омыли покойницу, обрядили и положили на лавку, он опять сидел рядом, не вставая положенных два дня. Ночью, когда все уходили, он открывал простынку с её лица, молча смотрел и плакал.

После похорон сорок дней не выходил из дома, поговаривали разное: то ли умом сшевелился, то ли горькую пьёт. Сороковины отводили родственники, Поликарп, исхудавший, обросший, молча выпил полный стакан водки:

– Прости меня, Кристюшка моя дорогая, только с сегодняшнего дня думать о тебе перестаю, а то уж видения мне являются.

Натопил баню, сходил постригся к Прокопью Александровичу, после бани побрился и впервые за сорок дней сварил супчик. Началась новая жизнь…

На другой день к обеду привезли Ивана Кирикова, ночь ночевал дома, а часам к десяти стали подходить люди. Это в деревне так заведено, прийти к покойному, помолчать, потом вслед процессии бросить три горсти землицы, а то и сходить на могилки, там попрощаться. Иван все послевоенные годы прожил незаметно для людей, в колхозе выполнял самую простую работу, больше по сторожению, но охранник из него выходил неважный. С вечера прихватывал банку бражки, пил глоточками, но ему хватало, и через пару часов можно было не только барахло – самого сторожа утащить.

– Да… – говорил каждый, выходя из скорбной избы.

– Хоть и пил, а никому худого не сделал.

– Никому. Что попросишь – всегда поможет.

Прокопий Александрович, воевавший вместе с Иваном, вышел из избы и вытер слезу:

– Он меня на фронте два раза спас. Однажды послали нас впереди роты бежать, как дозор, я передом, Иван приотстал. Прошли с полкилометра, лес реденький, и слышу сзади выстрел, оглянулся, а Иван на берёзу показыват в стороне от тропинки. Снайпер сидел, я прошляпил, а Иван усёк, что тот в мою сторону ствол повернул. Ну, и бахнул его из карабина. А второй раз на минное поле нарвались, опять я передом бегу, в зубах крови нет, все вши под пилоткой со страху примерли, а Иван опять чуть отстал. А потом со всего лету ударился об меня, сбил с ног, и сам пластом пал, только мина уже сработала. Вот тогда ему руку-то и оторвало.

Поликарп Евдинович хватил горя за свою жизнь, только никто о том не знал, разве покойная Крестинья Васильевна чего от него слышала, и то навряд ли, а вот на тебе, чужому человеку, постояльцу своему в трезвом ночном разговоре обо всем поведал. Почему не убоялся, что человече этот может быть не столько порядочным, сколь показался Поликарпу, а может и не думал он о последующем, бывает такое с русским человеком, что надо высказаться, а там хоть не рассветай. Вот и тут подобный случай.

Постояльца того сельсовет направил, секретарша привела:

– Прими, Поликарп Евдинович, у тебя и хоромы позволяют, и тишина в дому, а человек это важный, и дела его мне не ведомы.

Познакомились, хозяин ужин сгоношил, распечатал бутылочку «Московской», приняли по

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

стаканчику, закусили. Зима, на каждом деревенском столе мясо не выводится, солонина всяческая: грузди, капуста, огурец, помидоры. Покойница мастерица была, и Поликарп перенял все хитрости, у них помидоры, например, и в марте месяце были как свеженькие. Ну, одни речи, другие, гость и спрашивает:

– Поликарп Евдинович, судя по годам, вы и первую мировую захватили, и гражданскую, да и в Отечественной тоже пришлось постоять?

– Истинно так, молодой человек, всего отведал. Могу рассказать, коли интерес есть. Родился я ещё в прошлом веке, так что к Германской в аккурат созрел. Грамоту знал, потому сразу попал на подготовку и получил унтера, было такое звание – не солдат, да и не офицер, так, середне. Хаживал и в штыковую, помню и австрияку, которого первым на нож взял. Мерзко это, но война, присягали царю и Отечеству, за них и «ура» кричали. Только смотрю я – не все ладно в армии. То снарядов не подбросят, то кормить перестанут, а места такие, что население куска хлеба не даст русскому. Стали вылупляться разные людишки, с речами про замирение, про братанье, один так и высказался:

– Немец вам не враг, он такой же пролетарий и крестьянин, как и вы, потому делить вам нечего, у них и у вас враг один: капиталисты и помещики. Надо поворачивать оружие против царя и устанавливать на всей земле диктатуру пролетариата.

Мне интересно, я и спрашиваю:

– Диктатура, как можно понять, это власть, тогда отчего только пролетарская, а не народная? Крестьянина вы не берете в свою власть?

А он отвечает, несчастный:

– Крестьянин – элемент несознательный, он до революции не дорос ещё, вот мы его и будем воспитывать и приобщать. Но теперь не об том речь, а надо командиров ваших убирать и избирать комиссаров в каждом полку, и чтоб командир строго комиссару подчинялся. Вот тогда побратаемся с немцами и пойдём на царизм.

Ну, это я так кратко сложил все речи в одну, чтоб понятней было. И опять непонятно, как эти людишки к нам пробираются, почему никто из офицеров в это время не появится, чтобы порядок навести. И случись такая неприятность: этот упырь нас агитирует к примирению, немцев братьями называет, а они в это время по нашему митингу артиллерийский огонь открыли. Я тогда схватил винтовку и застрелил того агитатора.

Дальше – больше, и братания, и дезертирство начались. Командир полка у нас был хороший человек, подполковник Бековский, я к нему:

– Господин подполковник, научите, что делать честному человеку и солдату.

Так я с подполковником и остался, сперва к Врангелю примкнули, со своими братьями воевали, но я не чувствовал вины, за мной были присяга и государь, хотя и отрёкшийся. Мы не верили в отречение, и подполковник объявил, что это все подстроено, чтобы народ с толку сбить. За море мы не побежали, пристроились к Колчаку, но красные теснят, порядка в войсках не стало, уже за Уралом в открытую разрешалось мародёрство. Подполковник Бековский собрал нас, кто с ним пошёл, и сказал такие слова, какие я никогда не забуду:

– Похоже на то, братцы, что Россия продана жидам окончательно, наш верховный тоже не промах, о своей будущей жизни позаботился, сундуки золота везёт, полк на охране держит. Потому не вижу смысла служить ни белым, ни красным. Данной мне властью освобождаю вас от присяги и полк распускаю. Простите меня, братцы, что слишком поздно разобрался, кто есть кто.

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

Обнялись мы с ним, и в разные стороны. Я один шёл, все лесами, в деревни заходил только ночью, выслеживал, чтобы красные не стояли и заходил. Под ружьём и хлеб брал, и сало, и сапоги погоднее. В лесу же наткнулся на трёх убитых красноармейцев, у одного документ нашёл: Раздорской Поликарп Евдинович. Взял, до Омска добрался, тут уж советская власть, а куда дале – не знаю, на родину к Волге дорога дальняя, да и не ждёт никто, все родные в голодные годы примерли. Подсел к таким же горемыкам, раненые, идут домой. Толковые ребята, сразу сообразили, кто я есть. Говорят:

– Тут госпиталь недалеко, если изловчишься раздобыть бумагу про ранение, смело можешь к властям обращаться и притулиться где в деревне.

Надо было сказать, что при расставании подполковник Бековский отдал мне свои золотые часы, подарок от государя императора. Пришёл в госпиталь, пригляделся, бегает в белом халате молодой, чернявенький, говорят, он старший и есть. Я к нему, так, мол, и так, был контужен, отправлен домой, а на вокзале мешок с барахлом украли у сонного, а там справки и лекарства от головы. При мне только красноармейская книжка и осталась. И подаю ему бумагу. Он глянул и радостно так улыбнулся:

– Как же так, красноармеец Раздорский, неделю назад я тебя выписал с пулевым ранением в руку, а ты сегодня уже с контузией?

Деваться некуда, достаю часы, кладу на стол:

– Господин доктор, напиши бумагу про ранение, и я уйду. А нет – обоим не жить, застрелю я тебя из нагана. – А у самого рука в кармане. – Какая тебе выгода, если я тебя шлёпну, а так я при документе, а ты с часами золотыми, да ещё царскими.

Врач часы повертел, засмеялся:

– Черт с тобой, солдат, бумагу я сделаю, а ты не боишься, что вслед за тобой отправлю комендатуру?

– Не боюсь, – отвечаю, – потому что не дурак же ты, документ белогвардейцу выдал, да ещё часики поимел. Да и не побегу я сразу, за тобой незаметно часика три следить стану, чтобы ты глупостей не натворил.

На том и расстались. Трое суток просидел на одной квартире, только потом подался на вокзал, забился в вагон и в Ишиме вышел. Несколько дней шёл, потом свалил меня тиф, прямо у дороги. И ехала подвода деревенская, увидели меня, отец вроде в сторону, а дочка упросила подобрать солдатика. Выходила меня Крестиньюшка, подняла на ноги, а отпускать не хочет, все отцу приговаривает, что слаб ещё Поликарп. Отец и сам видит, что не отпустит дочка этого человека, так нас и благословил.

А зимой полыхнуло восстание, крестьянский мятеж, вы его зовёте кулацко-эсеровским. Тесть мой хозяин был самостоятельный, собрал отряд единомысленников, я, конечно, в стороне остаться не мог, власть и коммунистов побили, пошли по ближним сёлам порядок наводить. Я понимал, что мятеж наш обречён, он стихийный, подготовки нет, поддержки никакой, хотя командующий, молодой паренёк Григорий Данилович Атаманов, уверял, что солдаты – те же крестьяне, примкнут. Не примкнули. Первый полк, правда, стрелять отказался, его разоружили и заперли в казарме, зато новые пришли. Наша задача была Ишим взять, железную дорогу перехватить, чтобы составы с хлебом в Рассею не пустить. Дело прошлое, но возьми мы станцию – через месяц в обех столицах народ от голода взвыл и разнёс бы Кремль со Смольным. Не вышло, три попытки делали, сотни людей положили, но с пикой и винтовкой против пулемёта не попрёшь. Вот тогда и показала советская власть свою любовь

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

к русскому народу, красные командиры деревни прямой наводкой из пушек расстреливали, пленных повстанцев в шеренги строили и из пулемётов косили. Я с ребятами попал в засаду, связали, увезли в тюрьму. Через месяц вызывают на следствие, глаза поднимаю, а за столом подполковник Бековский сидит, правда, мундирчик на нем уже красноармейский. Я в удивлении, а он вовсе смущён:

– Объясни, как получил новую фамилию?

Объяснил. И сам задаю вопрос:

– А вы, господин подполковник, когда успели переодеться?

Он встал, открыл дверь кабинета, удостоверился, что нет никого, сел на стул:

– Я бежал в Екатеринбург, там связался с офицерским подпольем, помогли сделать новые документы, по которым я отчаянно сражался с тем же Врангелем и гнал Колчака. Обошлось, поверили, видимо, не до тонких проверок, направили в военный комиссариат, теперь вот занимаюсь расследованием. Тебя я вытащу из тюрьмы, тут никакого порядка в делах нет, подложу несколько протоколов, по которым ты, скажем, кашеваром был у бандитов.

Я даже с табуретки вскочил:

– Спасибо, господин или товарищ, не знаю, как обозначить, но обидели вы меня крепко, а потому никаких сделок, я под трибунал, и ты со мной следом. Как вы могли, боевой офицер, пример для солдата, так жидко обмараться? Вызывай конвой, мне противно на тебя смотреть. И не бледней, я не выдам, мне это мерзко.

Бековский опять открыл дверь – никого. Подошёл сзади, положил руки мне на плечи:

– Спасибо, солдат, за верность и правду. Слушать не очень приятно твои речи, только гордостью за русский народ и спасался в эти минуты. Открою тебе свою тайну: я так и остался офицером русской армии, а здесь выполняю задание центра. Моя задача – спасти лучшую часть восставших, и я это делаю. Знай, солдат, если будет клич, он и к тебе. Мы считаем, что ещё не поздно.

– Почему ваш центр не возглавил мятеж, мы же задыхались без толкового руководства!

Бековский закрыл лицо руками:

– Стыдно, но упустили момент, все случилось столь скоро, что мы ничего не успели предпринять. Но ещё не все потеряно. Большевики планируют крупные акции в деревне, будет проведена кооперация, иными словами, обобществление всего имущества и ликвидация частной собственности. Вот тогда мы поднимем Россию. Так, на сегодня довольно, в камере ни с кем не общайся, ничего не говори. Дай мне неделю, и я отпущу тебя чистым.

Я ему поверил, хотя сомневался, что местные не знают меня и моего тестя, он-то вовсе заметным был человеком, справа от Атаманова часто стоял. В камере уединился, прикинулся больным, ни с кем не говорил, только как-то утром, это уже май, солнце встало и в наше окошко заглядыват, разбудил меня арестант и говорит:

– Тестя твоего вчера шлёпнули.

– Откуда узнал?

– Ночью с допроса нашего деревенского привели, он слышал от конвойных, что они сами водили за стенку.

Я опять лёг, словно известие меня не интересует, а сам думаю: если тестю столько насчитали, то ниточку они правильную тянут, а на другом конце я со своим походом от Голышмановской до Называевской, не могут они его пропустить. Мы тогда с десятком отчаянных парней потешили демона в сердце своём, в каждой волости находили укрывшихся

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

на первых порах, разбирались скоро, никого не оставили. Да…

Через пару дней ведут к следователю, сидит молодой парень, бумажки полистал и говорит радостно:

– На тебя, Раздорский, обвинительного материала не собрано, так что свободен.

Меня черт за язык дёрнул:

– А ты чему радуешься?

Паренёк засмеялся:

– Отпускать на волю человека приятней, чем в трибунал да к расстрелу. Я человек новый, никак не привыкну. Ладно, иди, пока не завернули.

Так я вышел сухим из такой грязи, что вспомнить страшно. Дома плач, тестя схоронили, хозяйство разорено, чем жить – не знаю. Подался работником к одному хмырю, он восставших поддерживал, мясо и хлеб поставлял, но тихонько, лишние не знали. А подполковника своего я больше не видел, и даже фамилии его новой не знал.

Как колхозы создавали, как крестьянина изнасиловали, про то вспоминать не буду. На Финскую войну не успел, пока собирали, там уж замирение вышло. Я не большой грамотей, а газеты между строчек читать научился. Пишут о мире, а кругом война идёт, Гитлер воюет с Англией, а с ненавистными Советами бумагу подписывает. Старшего сына Гаврилу на действительную призвали, младшие дома, в колхозе. Я Крестиньюшку потихоньку приучаю к самостоятельности, ребятишек тоже. Тестюшкины заначки нашёл в погребе, когда задумал накат заменить, умудрился же сумку кожаную изнутри на перекрытия запихать. И тут вспомнил я, что уже в тюрьме тесть шепнул мне:

– Если Бог даст выйти, погреб перекрой летом. Не забудь. Или Гаврилке дай знать. И чтоб непременно перекрыли, даже если выселять станут.

Грешным делом, подумал, что от побоев тронулся старик, а он вон что предвидел: вскроем погреб – непременно сумку найдём. А там царские золотые, горстка камушков. Кристюшка прибрала все, я горсть монет свозил в Петропавловск, знакомые киргизы купили и ещё просили привозить. Я их адреса записал и опять же хозяйке: вдруг не придётся самому?

На войну меня привезли под Ленинград, сформировали из сибиряков штурмовую роту. Ну, чтобы понятней, такая рота, которая жить не хочет и каждую минуту ждёт команду «Вперёд!», а что впереди – никому не ведомо. Просто надо взять высотку или деревню, быстро надо, на то и рота. Вроде и не штрафники, видел я потом и эту породу, но спуска никакого не было. Командовал нами молодой лейтенант, из наших краёв, Ермаков Иван. Теперь диву даюсь: половине солдат в сыновья подходил, а за отца родного почитали. Отчаянный и толковый командир, но сгорел за нашего брата. Жулик сидел на снабжении, вместо полушубков выдал нам телогрейки. Ваня наш пошёл разбираться и не вернулся, морду набил тому капитану и под трибунал. Сказывали, что вмешался кто-то из большого начальства, от трибунала отвёл, вроде как партбилетом ограничились.

Ну вот, рванулись мы как-то, а фашист нас так встретил, будто ждал. Это как надо русского мужика напужать, чтобы он в незнакомое болото полез? Полезли все, кому жить охота. Чем дальше, тем глубже, а он, падла, с сухого бережка головы поднять не даёт. Выбрал я кочку посолидней, спрятался за ней, винтовку между кочек положил, как перекладину. Час стоим, два, вроде тихо стало, а как только один высунулся, тут же сняли. Караулят, сукины дети. Ночь настала – не уходят, машины подогнали, фарами светят. Только шевельнулся – выстрел. Видно, игру такую придумали. А ноябрь месяц, морозец стукнул, болотная жижа

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

схватывается у тебя под горлом. Спать охота больше, чем жрать. Я голову в кочку, дреманул чуток, очнулся – лёд вокруг шеи в палец. Ну, думаю, либо усну и утону, либо не выдержу и рвану спасаться, а там будь что будет. Двое суток мы так простояли, из сотни вышли только пятнадцать. Мне сестричка кружку спирту налила, я выпил и спать. Вот так бывало.

Потом перевели меня в полковую разведку, оттуда в дивизионную. Я ни одного человека не знал, кто бы такому повышению радовался. Кормили, конечно, на убой, но тренировки, учения, а мне за сорок. Задания пустяковые нам не давали, нас звали, когда уже безвыходно: надо языка срочно, у командующего данные расходятся. Раза два сходили нормально, приволокли, кого надо. А потом сами попали, завернули нам головы, как курятам, и приволокли в блиндаж. Старшина у нас был, золотой человек, но всегда ему надо на отличку. Не раз было говорено: в тыл идёшь, сними свои ордена, да и положено так. Он одёргивал:

– Мои ордена кровью заработаны, а если попаду к фашистам, пусть знают, кто есть такой старшина Шкурко.

Ну, дохвалился. Немцы на ордена любоваться не стали, вывели старшину за дверь и шлёпнули. Мы поупирались, но за старшиной идти не хочется, потому рассказали, что знали. Старший, которому переводили, по картам своим сверился, кивнул и велел отправить в ближайший лагерь. Мы тогда ещё не знали, что старшине больше повезло. В лагере есть почти не дают, баланда, у меня такую и свиньи не знали. Через пару дней жестокий понос, а это верная гибель.

Утром выстраивают нас в шеренгу, команда «Равняйсь! Смирно!», а мы как стояли, так и стоим. «Равнение на средину!» Три или четыре офицера в центре площадки, один выходит вперёд и начинает по-нашему говорить. И до того мне голос этот знакомый, что, хоть плачь, а вспомнить не могу. В лицо гляжу – лицо плохо видно, сумерки, да и зрение я потерял основательно. А говорил он то, что нам в первый же день разъяснил раненый пленный, видно, из комсостава, но ребята не выдали: будут агитировать переходить на сторону фашистов и бить своих, так что будьте готовы, солдатики, у кого кишка тонка или кто зло на советскую власть имеет, те перейдут. И будут прокляты своим народом, и дети их будут прокляты! После таких слов в самом деле подумаешь, не лучше ли сдохнуть в лагере, чем семью подставлять.

Офицер говорил недолго, но конкретно: кто соглашается служить великому рейху, тот будет жить, остальные пойдут на каторжные работы, как будто тут мы почти у Христа за пазухой. И стал он ходить вдоль нашей шеренги, и чем ближе ко мне, тем яснее вижу своего спасителя от 21 года, бывшего подполковника Бековского. Постарел, но держится прямо, а немецкая форма к нему не льнёт, в мундире русского подполковника он истинным молодцом был. Напротив меня остановился, долго смотрел, потом улыбнулся:

– Да, солдат, действительно, оказывается, земля круглая. Признаюсь, не ожидал, но наша встреча – добрый знак, и прежде всего тебе. У тебя есть шанс заручиться доверием командования и сделать хорошую карьеру. Я расскажу господину Гольдбергу о твоей борьбе с советами, и ты быстро пойдёшь в гору. Господин Гольдберг…

Дальше он говорил по-немецки, но по тому, как светлело лицо офицера, я понял, что Бековский докладывает об удачной находке. Они ещё перебросились парой фраз, и оба подошли ко мне.

– Мы с господином Гольдбергом решили тебя не торопить, ты подумай сегодня, а завтра выступишь перед лагерем и призовёшь всех на борьбу с коммунистами. Ты расскажешь своё участие в восстании, люди это оценят. Действуй, солдат, кстати, напомни фамилию.

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

– Вам первую или вторую?

Бековский вскинул брови:

– А была и первая?

– Когда мы с вами за царя и Отечество воевали с этими ребятами, – я кивнул на офицеров, – фамилия моя была Сухарев. Потом, когда кинули мы с вами Россию на коммунистов, пришлось стать Раздорским.

– Довольно об этом, лучше подумай, что скажешь завтра.

– Подумаю, – пообещал я.

Ночью не спал совсем. Откажусь – сразу приму смерть, хоть не мучиться. Соглашусь – что из этого выйдет? На передовую не пошлют, поопасаются, что сбегу. Будут на карательных операциях держать, как последнего мерзавца. Советы и коммунисты мне родными так и не стали, я при них много чего хлебнул, но ведь Родина все-таки там, вот здесь, на этих болотах. И семья там, и Христюшка, и Ганя, и девчонки. С ними-то как?

И решил я предложить господам офицерам игру: я соглашаюсь, прохожу подготовку, чтобы отправили меня в Россию для диверсий, для шпионажа или как там у них. Сразу напомню господину бывшему подполковнику, что вожжи всегда в его руках, потому что, если вдруг пропаду или не вернусь, он может сообщить советским органам и про участие в банде, и про плен, и про согласие на сотрудничество. Сам для себя решаю: если не согласятся, пусть расстреливают.

Утром меня привели к подполковнику. На столе стояла тарелка супа и сковорода с жареной картошкой.

– Позавтракай, солдат, потом поговорим.

Я стал есть, но осторожно, после голодухи боялся окочуриться. Когда отодвинул посуду, хозяин встал и прошёлся по комнате:

– Ты можешь называть меня господином подполковником, я тут повышения не получил. Ты так и будешь Раздорский. Что же ты надумал, дорогой Раздорский?

Мне шибко пришлось себя сдерживать, потому что слишком многое поставлено на карту, да что там многое – все. Подполковник выслушал, даже одобрительно кивнул, когда я сказал о вожжах.

– Меня настораживает, что ты сразу запросился в Россию. Конечно, тебя расстреляют сразу, как только я передам сведения в органы. Что тебя туда влечёт?

Мне тяжело далось это слово, но я его сказал:

– Месть.

Подполковник ещё походил по комнате, потом велел ждать и запер дверь на ключ. Его не было больше часа, я ещё пару ложек картошки ухватил, только от волненья аппетит пропал.

Про учебную подготовку говорить не буду, так, абы как, видно, всерьёз нашего брата в этой шараге никто не воспринимал, хотя я видел группу здоровых ребят, они отдельно жили. Как бы то ни было, отправили нас троих через линию фронта, и задание простейшее: убивать, взрывать объекты, мосты, железные пути. Я тех двоих сразу убрал, завалил ветками в приметном месте, и стал определяться, где нахожусь, какая местность и с кем мне речи вести опять на грани жизни и смерти. Обмундирование на мне красноармейское, легенда такая, что был в плену, да убежал из лагеря. Лагерь, если захотят проверить, назову свой.

Через два дня нарвался на разведку, скрутили, я им шепчу, что свой, из плена бегу. Привели на передовую, доложили, кому следует, меня к особисту. Пожилой капитан, злой на весь

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

белый свет, меня, ни слова не сказав, ударил по шее. Я поднялся и говорю:

– И вам здравия желаю, товарищ капитан.

Капитан наглости удивился, но бить больше не стал. Предложил рассказать, из какой школы, сколько там курсантов, где остальные члены группы.

– Ты свои сказки о побеге кому-нибудь другому расскажешь, понял? Чую я, что ты не простой орешек, потому отправлю в дивизию, пусть разбираются.

В дивизионной контрразведке со мной говорили двое, не били, нажимали на совесть и на долг перед Родиной. Часа три мы так перепирались, когда вошел майор и сказал:

– Есть подтверждение, ребята, что мой старый знакомый подполковник Бековский руководит школой диверсантов где-то в ближнем тылу. Вот только где? Узнать любыми путями, эта мразь столько нам крови попортила!

И тут меня что-то приподняло, я сам потом пытался разобраться, почему встал, но не смог чётко ответить. Я встал:

– Товарищ майор, я знаю эту школу и подполковника Бековского Николая Владимировича с первой мировой знаю. Я из его школы пришёл, а отпустил он меня только потому, много грехов на мне перед советской властью. И в гражданскую был вместе с ним у Врангеля с Колчаком, и в восстании против коммунистов в Ишиме участвовал. Сказал, если обману, он все это передаст в органы. Так вот, я сам все сказал. Дайте мне три добрых солдата, и мы притащим этого подполковника.

Первым очнулся майор:

– Ты не бредишь, солдат? Мы проверили твои данные, действительно, ваша группа взята в плен месяц назад, я уж хотел зачислять тебя в строй, а ты такой номер. Все правда?

– Все! – отвечаю.

– А группу не сдашь Бековскому?

– Товарищ майор, три солдата для Бековского значения не имеют, он и спасибо не скажет. А возьмем мы его, это я обещаю.

Майор поднял руку:

– Ты мне ещё честное пионерское скажи! И ничего пока не решено, что ты через фронт пойдёшь. Ты не один шёл?

– Двое их было. Убрал. Ветками завалил, могу показать.

Отправили меня под арест, принесли тёплую кашу, чай. Сижу и думаю: боялся, что подполковник выдаст про меня, а сам рассказал. Что во мне перевернулось? Почему человек, спасший мне жизнь, для меня сейчас враг, и ради того, чтобы его убрать, я заложил свою жизнь, семью свою заложил. Много дум, одна другой краше. Только, думаю, отпустили бы, если не притащу, то пристрелю. Чтобы больше не вредил.

Вечером ко мне пришёл тот самый майор, сел напротив, в глаза заглядывает:

– Понимаешь, Раздорский, начальство не особо верит в твой план, а я почему-то тебе доверяю. Не знаю, почему. Я до войны начальником колонии был, в людях разбираюсь, и вот тебе верю. Под мою ответственность пойдёшь с ребятами, и чтобы Бековский был тут живой или мёртвый, но лучше живой. Понял?

Я встал:

– Товарищ майор, а что со мной будет за прошлые дела? Трибунал?

– Ты реши дела нынешние, а про твои прошлые, кроме меня и подполковника Бековского, никто не знает. Ты понимаешь, солдат? Понимаешь, какую ответственность я беру?

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

Я только кивнул, что понимаю. Ребят мне привели крепких, молодых, но бывалых. Когда я объяснил задачу, один хихикнул:

– Дак это мы одной левой!

Я одёрнул, чтобы не брякал языком, потому что до подполковника по тылам ихним надо идти вёрст двадцать, и это не по тракту, а лесом и болотом. Да ещё изловчиться взять его тихо, если шумнём – ни подполковника, ни нас… Первую дорогу прошли без приключений, место осмотрели, чтобы ребят сориентировать: в этих домах живут курсанты, сколько их – не знаю, в том доме охрана немецкая, а в этом живёт подполковник, один, не любит соседей, одичал совсем. Прежде в дому охраны у него не было, а сейчас? Сутки высматривал, когда уходит, когда приходит, понял, что один, лампу гасит рано, хотя какой-то светильничек тлеет всю ночь.

Решился я на отчаянное. Вечером Бековский выходил погулять, но за территорию школы ни разу не шагнул, хотя вот лес рядом, где мы сидим. Полз я к дому – земли не чуял, обошлось, змеёй гибкой проскользнул в приоткрытую дверь и встал у косяка. Слышу: в комнате разговоры, меня аж ободрало, а потом дошло: радио. Вот и хозяин возвернулся, ударил аккуратно, чтобы не насмерть, спустил с крыльца. Только пополз с добычей, слышу голос, похоже Гольдберг, зовёт подполковника. Опять вши мрут от страха. Спасло немецкое воспитание. Вот как бы наш сделал: покричал, не отвечает хозяин, открыл дверь, проверил. А этот – нет, не ответил хозяин, значит, нет в доме, а возможно, и не желает в данный момент общаться. Поползли дальше. Если без подробностей, то и отстреливались, и сутки лежали, и бегом бежали по несколько вёрст. Один паренёк карты понимал, посмотрел: до наших должно быть версты три. Пошли ещё осторожней, как бы свои не встретили. Вышли на передовое охранение, команды «Стоять!» и «Пароль?». Кое-как объяснили, что разведка мы, только ушли правее. Одних не отпустили, двое с автоматами сзади. Ну, теперь уже все равно дома.

Подполковника вели связанного, во рту кляп, так и сдал его майору. На этом бы всему и закончиться, только в жизни всякое бывает. Мы подполковника обыскали не больно тщательно, а в штабе не нашлось человека, кто бы проверил нашу работу. Бековского распоясали, посадили на табурет, а он все егозится, потом говорит:

– Господин майор, велите принесли чистые кальсоны и брюки, ваши доблестные воины помочиться не давали, прошу прощения за натурализм.

Одежду принесли, Бековский начал снимать брюки, а потом резко сунул руку в штанину и выхватил браунинг, маленький такой пистолет, и разворачиватся к майору. Я его с ног сбил, да, видно, не судьба ему жить дальше: подвернулась рука при падении, и выстрелил он прямо в своё сердце. Майор подошёл ко мне, пожал руку:

– Считаю тебя спасителем своим, солдат. Пойдёшь ко мне на особые поручения, не кипятись, эта служба тоже не мёд. А там посмотрим. И про дела наши прошлые – никому. Я, конечно, свою порцию матерков от начальства получу, но ты все правильно сделал. По нашим данным, подполковник Бековский разрабатывал диверсию против товарища Жукова. И это серьёзно, он очень грамотный человек, мы потеряли через него несколько боевых генералов. Вроде и охрана, и не передний край, а то пуля снайперская, то взрыв в штабе, то бомба под автомобилем. Товарищ Берия дал нам неделю на уничтожение этого стратега, а тут ты подвернулся. Надо бы к награде тебя, да документы не позволяют, не дай Бог начнут проверять, сам пойдёшь под расстрел.

Вскоре меня ранило, и Победу встретил в госпитале в Горьком, оттуда домой. В зрелые

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

годы стал задумываться, как с нами жизнь играет. Бековский у меня с ума найдёт, как он моей судьбой вольно и невольно руководил и как сам в оконцовке оказался проигравшим.

В это утро все было против него: и безжалостное, яркое, жаркое, палящее солнце, слепо уставившееся прямо в рожу, и неумолимые продавщицы, исполняющие закон, чтобы до одиннадцати ни один русский мужик не мог похмелиться, и безразличные проходящие мимо чужие люди, равнодушные, как осенние мухи. Вот начни помирать среди этой толпы – думаешь, кто-то остановится, чего-то спросит?

Филимон не любил город и ездил сюда редко, когда жене Симке надоедали его пьянки и она предлагала убраться с глаз к дружку его Артёму, фронтовому товарищу, который после войны махнул на производство, хотя колхоз даже через суд пытался его достать. В таких случаях Симка поднимала тяжёлую крышку родового сундука, и крышка показывала чудную картину, которою Филимон восхищался всякий раз. Весь испод крышки был уклеен облигациями, сильно похожими на деньги, но даже Зинка, самая бестолковая продавщица, за такую красоту и четушки не даст. Отгораживаясь широким задом от любопытства мужа, Серафима добывала со дна сундука свёрнутые в рулончик деньги и отчитывала двадцать пять рублей рублями и трёшками.

До района в таких случаях Филимон добирался с удовольствием, подсев на попутную машину промкомбината, они часто ходили, потому как район сжигал дров много, а деляны выделяли только в местных лесах. Потом автобусом до станции, а перед тем в киоске брал бутылку портвейна и выпивал из горлышка, закрывшись в полуразбитом туалете автовокзала и придерживая дверь одной рукой.

В этот раз, отпив половину, Филимон блаженно откинул голову и зажмурился: так хорошо прокатилось вино в организм, что ни один микроб не возмутился и не возразил, мол, с утра и на голодуху, а бывало, что и отторгал организм, как из брандспойта вылетала струя вермута или портвейна. Но для Филимона то был особый знак: организм очистился, теперь покатит. И катило. Он хотел закурить, но возиться с бутылкой неловко, и в карман пиджака не поставить, и на полу чистого места нет, все загажено. Он хохотнул, вспомнив туалет на железнодорожном вокзале, чистенький, прямо как в избе. Только стены поисписаны всякими скабрёзными стишками. Присел по нужде, а на стене каким-то особым карандашом выведено: «На чистых стенах туалета писать стихи немудрено. Среди говна вы все поэты, среди поэтов вы говно!» Это же надо, как человек, сидя на корточках, так складно сочинил про этих придурков!

Вперёд Артёма встретила гостя кума и землячка Васса Трофимовна, баба ещё шире Серафимы и намного злее:

– Припёрся! Гостенёк хренов! Гостинцев-то дивно навёз? Или одних вшей на сраных кальсонах?

Артём вышел, он спокойный, сзади ткнул бабу в затылок, она и села на крыльцо:

– Ты не с ума ли сошёл, культя твоя, как железная, убьёшь когда-нибудь сдуру.

– Возможно, и такое случится, ежели ты будешь мово друга и товарища гадить. Мы с ём смерть принимали и вшей кормили. Да, бывало, отогнёшь ошкур кальсон, и начнёшь их давить, как фашистов. И после этого ты моего боевого товарища… Да ты должна булку хлеба

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

на вышитом рукотерте вынести.

– Ага, бутылка самогонки не ближе ли к душе будет?

Артём самогон гнал хороший, чистый, закрашивал всем, чем можно. Однажды Филимон прочитал в газете, что нет ничего лучше для очистки самогона, чем парное молоко. Приехал к другу, Артём на слово не поверил, решил посмотреть, что из того получится. Сходил в конец улицы, там горожане втихушку держали коров, купил литру парного молока и скорым шагом домой. Из литровой банки отлил в стакан сто грамм самогонки, образовавшееся пространство залил молоком. Оба с интересом наблюдали, что же будет? Молоко свернулось и выпало в осадок вроде жидкого холодца. Артём процедил самогон, получился отход с хороший стакан.

Филимон стыдливо молчал, Артём молча выплеснул осадок и сказал, что такая технология для разумного хозяина расточительна, но стакан товарищу все-таки налил. Тем и кончилось.

А в этот раз мужики остались вдвоём, Вассу дочь вызвала с другого конца города с больным ребёнком посидеть. То-то разыгрались ребята! Выпивали не спеша, без оглядки, что наскочит оказия, вышибет стакан, как это уж бывало. Артём, грешным делом, Василису бил походя, характер такой, чуть что скажет невпопад, а то и просто со своей злости – культей в рыло. Руку на войне изувечил так, что на место пальцев стянул хирург шкуру и зашил в кулак, такая страшная культя получилась. Но Артюха и левой рукой научился владеть, что хошь сварганит, почище двурукого. Ребят настрогал пяток, все в городе пристроились. Дом поставил, когда в лесничестве околачивался, в неделю по брёвнышку, в день по плашке, и задарма выстроил. Выпивал, конечно, но с Филей не сравнить, потому и боялась его приездов Васса, потому и отправляла в гости к Артёму своего алкоголика уставшая Серафима.

К вечеру первого вольготного дня Артём, закусив большим малосольным огурцом и сошвыркнув с верхней губы прилипшее семечко, спросил:

– Кум, в деревне меня так Беспалым и зовут?

Филимон насторожился, кто знает, что у него на уме, Васьки нет, а вдарить, наверно, охота.

– Да нет… – лениво протянул он. – Не шибко. Так разве кто…

Артюха встал:

– Приеду – убью. Я, браток, собираюсь домой вернуться, не помирать же на чужбине. А там тятя с мамой зарыты, сестра, дед Яша… Ты его помнишь? Сопляками были, напакостим чего – он прутиком по жопе, и не убьёт, и помнишь долго. Ты помнишь его опорки?

Филимон мотнул головой:

– Не помню.

– Пимы обрезанные у него были, он в них даже летом ходил. А мы в отместку за прутики мочились ему в опорки. – Артём сел и заплакал: – Не могу больше так, не приемлет душа чужбину, домой хочу, Филимоша! – Он крепко обнял друга: – До смертной тоски дохожу, сны вижу про нас с тобой, как рыбачили, огурешничали, бывать, по всей ночи копны вожу к стогу, а метальщика нет, складывать некому. Беру вилы и начинаю метать стог. До того нароблюсь, что мокрёхонькой проснусь. И плачу впостоянку. Ночью. Баба бояться стала, сама говорит.

Филимон допил остатки из стакана и кивнул:

– Тебе, дружок, переехать – как два пальца… – Испугался про пальцы, скомкал: – Короче, дом свой продашь, ты в деревне председательские хоромы купишь.

Артём встал над столом:

– А нахрена мне хоромы? Ково в их делать? Куплю пятистен, да чтоб банька, чтоб пригончик для поросёнка, для курей. Василиса – она знашь какая?! Она и тут держала чуть не

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

колхоз, ведь пятеро их, дармоедов, да у кажного по паре робят. И всем жрать надо. Филька, не мои ребятишки, вот те крест – не мои, потому как робить не умеют и не желают. А вот трёхлитровую банку сметаны привезу, внукам ещё не плеснули, а сынок уже с ложкой. Тьфу, твою мать! Советская власть всю семью раком поставила, дети отца не почитают, внуки с дедушкой могут даже не поздороваться, ты понял?

Филимон с простоты своей и скажи:

– Артюха, при чем тут советская власть? И мы с тобой в дедушкины опорки прудили.

– Это другое, прудил, но боялся и почитал, если дед что скажет – попробуй не сделать! А эти… Домик мне подберёшь, письмом сообчишь, приеду смотрины делать.

Утром за Артёмом приехали с завода, остановился какой-то станок, а весь секрет у него. Посадили в кабину и увезли. Но Артём бутылку самогонки другу налил, спросил про деньги на билет и уехал. Всё случилось как-то вдруг, опохмелиться не успели, Филимон без этого не мог, потому у запертых на ключ ворот, суетливо вынув из авоськи бутылку, долго дрожащими руками выколупывал туго забитую другом пробку, до того докрутился, что бутылка выскользнула из влажных рук и раскололась об асфальт. Филимон с тоской и слезой смотрел на многочисленные ручейки, но припасть к ним невозможно, всю грязь собрала самогонка. Помолчав, он подался в сторону вокзала, знал, что по пути встретятся три или четыре магазина. Но время раннее, только что восемь, продавцы даже не смотрят, не то, чтобы говорить. В маленьком магазинчике, где кроме хлеба, водки и кильки в томатном соусе ничего не было, он дождался, пока вышла женщина с авоськой, и подошёл к прилавку:

– Дочка, не дай душе погинуть, отпусти четушку водки.

– Нельзя, дядя, меня штрафанут или турнут с работы.

– Ведь сдохну я, сердце совсем не робит. Стыдно мне перед тобой, но отпусти, не губи.

Продавщица глянула в окошко:

– Быстро давайте деньги, – а сама уже завернула посудинку в кулёчек, словно карамельки. Филимон взбодрился, но тут же осёкся: а где выпить? Голая улица, народишко бежит, ни куста, ни туалета. Дошёл до переулка, спустился к реке, и там не лучше: пляж, сколько глаз видит, все люди и люди. Подошёл к воде, смочил голову. Легче не стало. Так и шёл вдоль воды, все вроде прохладней. А сердце колотилось, пот заливал глаза, он вытирался рубахой. Дошёл до моста, крутая бетонная лестница наверх издалека испугала: как подниматься на такую высь? У самого основания лестницы толпа людей, три фуражки милицейских заметил, решил переждать. Кого-то на носилках потащили наверх, народишко рассосался, Филимон пошёл подниматься и остолбенел. Перед ним была лужа ещё не успевшей загустеть крови, где темнее, где светлее. Оказывается, парня только что зарезали. Филимон с помутившимся сознанием обошёл лужу, на фронте всего насмотрелся, а теперь отвык, голова кружилась и подташнивало. Кое-как поднялся наверх, опять люди, опять жара и сердце стучит так, как будто выпрыгнет. Увидел вывеску: «Кафе», сообразил, что должен быть в этой кафе туалет, приподнял тюлевую занавеску двери.

– Ты чего хотел? – строго спросил старик, опрятно одетый в какую-то странную форму.

– Мне бы в туалет на минутку, будь любезен.

– Ладно, только быстро.

Филимон плохо помнит, как залпом выпил из горлышка четвертинку, как быстро благодарностью отозвалось сердце, перестав стучать и ныть, как разом исчез пот и стало легко и радостно. Посудинку аккуратно поставил за унитаз и первый раз за день улыбнулся: «Эвон я

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

как: будьте столь любезны!» Не сдогадайся, что есть такие слова, – точно сдох бы, это уже с вина гореть начал, с полчаса побрякало бы сердечко и остановилось. Сколько оно может такие нагрузки терпеть? Филимон подсчитал как-то по секундной стрелке часов «Победа»: сто двадцать ударов каждую минуту.

Из кафе вышел уже человеком, на вокзале попил пивка, ещё четвертинку прихватил в дорогу. Домой прибыл поздно вечером, Серафима не ругалась, отправила в теплую баню, постелила чистое белье и ушла в маленькую спаленку. Филимон лёг и быстро уснул.

А было время, что Филимон Бастрыков гремел по всей округе, никто столько зяби за осень не вспахивал, сколько он. Это уж когда «Кировцы» пришли, тогда стали до тысячи на трактор вытягивать, а он на «пятьдесят четвёртом» выгонял к самой тысяче. Так, по-военному, звал он свой трактор, как «тридцать четвёрку» свою фронтовую, и дом, и ночлег, и гроб при случае. Сначала были у него прицепщицы, молодых девчонок, войной обездоленных, направлял бригадир к молодому трактористу, но быстро от этой политики отказался: резко упала производительность, привёз паренька:

– Успокоение твоей душе, Филимон. Ты не только зябь мне завалишь, через год все ребятишки в деревне на тебя похожими станут рожаться. Ну, сироток защитить некому, а за Симку Тимоха грозился тебе кое-что оторвать, так что – либо сватов посылай, либо паши до вечной мерзлоты, ну, до глубоких морозов, можа, позабудет.

Филимон кочевряжиться и судьбу испытывать не стал, после уборки свадьбу сгоношили, а потом и ребятишки пошли. Первую медаль Филимон три дня обмывал, все в стакан с самогонкой опускал, пока краска на колодке не полиняла, и сама медалька чернеть начала. Потом ему покатило: трактор новый кому – Бастрыкову, потому что ударник. Потом в партию вступил, вовсе на почёт: коммунист. Работал как каторжный, и когда инженер заметил, что тракторист под хмельком, а под ногами трёхлитровая банка с брагой, его успокоили:

– Филимона и пьяного никто не обойдёт. Ты, инженер, человек приезжий и нраву нашего не знаешь. Тебе что, целоваться с ним, что от него перегаром пахнет?

Инженер был до глубины души оскорблён:

– И это говорит управляющий отделением!? Да как вы собираетесь строить светлое будущее с таким подходом? Бастрыкова надо снимать с трактора, пока он не натворил чего дурного.

– Ага, Бастрыкова снять, а тебя посадить. И будем мы пахать зябь до морковкиного заговенья.

А Филимон в тот год не только по району – по области первое место занял и к Новому году получил большой орден. Тут он особо отличился. В районной столовой после награждения устроили ужин с выпивкой, орденоносца директор рядом посадил, между собой и парторгом. Директор спиртного не принимал, а вот парторг, Ганюшкин его фамилия, выпивал с рабочим человеком с удовольствием, кое-как водитель втиснул их в легковушку.

Первый «Кировец» тоже Бастрыкову отдали, весь совхоз сбежался смотреть, как он прицепил семикорпусный плуг и пробовал пахать на паровом поле рядом с мастерской. Пробу оценили, завтра пахать после однолетников у Лебкасного лога.

Филимон собрал несколько человек своих друзей-механизаторов, все-таки хоть и все равны, а трактор ему дали, а это заработок, почёт. Хорошо посидели, на рассвете жена разбудила:

– Тебе ещё на МТМ бежать, да ехать сколько. Вставай.

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

Умылся кое-как, сел за стол.

– Налей стаканок.

– Филя, какой стаканок, на сумашедчий трактор сядешь, да плуг такой, тут и трезвый не углядит. Как хошь, не налью.

Встал сам, вынул бутыль самогонки, налил стакан и литровую банку.

– А это куда? – испугалась Серафима.

– Чего ты раскудахталась? Цельный день сидеть в кабине – это тебе не похлёбку варить. Уйди из дверей, мне бежать надо, а то собью.

Ближе к обеду совхоз облетела весть: Бастрыков уронил новый «Кировец» в Лебкасник.

– Сам-то живой?

– Холера ему сделатся!

– Выпрыгнул!

Говорят, директора только парторг за руку поймал, а то ударил бы подлеца, так и сказал:

– Подлец! Мы столько лет этот трактор ждали, такая надежда на него была, а ты по своей пьянке все загубил. Не прощу! Под суд пойдёшь!

Филимона трясло от пережитого страха. Пахать он начал от оврага, всякий раз разворачиваясь и задним ходом подгоняя плуг под самый край. Не рассчитал, поднятый плуг качнулся и чуть приподнял трактор, тут, видно, с испугу и спьяну Филимон и выскочил из кабины. Трактор катился сначала на колёсах, а потом стал кувыркаться с боку на бок, пока кабиной вниз не упал в основание лога. Судили Бастрыкова, дали принудиловки сколько-то лет с вычетом, тогда и закончилась трудовая слава орденоносца. Пошёл в животноводство, а там знамо дело – все лето один в лесу со скотом, совсем спился Филимон.

Ещё один раз попал под статью, в аккурат на День Победы выпили с друзьями за праздник и по домам. Жена кладовку закрыла и не даёт самогонки. Филимон спорить не стал, бросил в горнице посреди пола фуфайку и уснул, а тут тёща в гости припёрлась через всю деревню и решила порядки навести. Ведь знала же, какой зятёк неловкий, нет, ворвалась в горницу и пнула носком сапога прямо в Филину пятку. А это же самое слабое место, говорят, в каких-то странах даже до смерти добивают по пяткам. Конечно, это нехорошо. Вот и Филимон сразу взревел медведем, вскочил, а тёща с женой с перепугу вместо того, чтобы к людям бежать, в маленькую горенку кинулись. Тут их Филимон и прижал. Старую бердану со стены сорвал, чем-то чакнул и орёт:

– Я вас, гнилое семя, одним выстрелом положу!

Те в угол забились, никакого понятия о состоянии оружия не имеют, плачут:

– Филя, прости, – стелется тёща. – Видит Бог, случайно я тебя задела. Прости!

Филя помолчал:

– Прощу, но самогонку сюда. Куда вы обе?! Симка, одна иди, а тёща-матушка в заложниках будет. Стаканы неси, три, и закуску.

Серафима все принесла, Филимон налил по полному стакану каждому:

– Давайте, девоньки, со Днём Победы!

– Филя! – взмолилась тёща. – У меня печень!

Филимон за ружье:

– Пей, иначе пристрелю, и суд меня оправдат, потому как в День Победы!

По одной выпили, он по второй наливает, опять слезы и угрозы. А уже через полчаса из Филимоновского дома дубасили песни на три фальшивых голоса, и никто даже предположить

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

не мог, что мужик и на этот раз пострадает. Угрозы тёще и жене суд под дружный хохот деревни простил, но Серафиму оштрафовал за самогон, а Филимона за незаконное хранение оружия, хотя известный охотник Ким по прозвищу Картеча, которому суд предложил осмотреть ружье, засмеялся и сказал, что это не ружье, а хлам, и рук своих охотничьих он об него марать не станет.

Непьющий человек не имеет права осуждать пьющего, только тот, кто знает, что такое полный стакан водки, стоящий утром на табуретке у твоей кровати. Стакан, оставленный от вчерашнего изобилия, потому что повезло, была хорошая халтура, и много дали водки, хоть и палёной. Так вот только тот человек, кто знает цену этому стакану, и может упрекнуть. Но он не упрекнёт, потому что знает. Выходит, никто не должен, никто не имеет права.

К этому заключению Филя подошёл только недавно, когда никто не стал вмешиваться в его жизнь, он жил, как птица из писания, которая не сеет и не пашет, но сытой бывает. Никто не гнал и не позорил его, как было при совхозе. О, Филя прошёл все испытания, придуманные советской властью для пьющего человека: от обсуждения на собраниях и заседаниях месткома, когда люди, ещё утром бывшие простыми, как медный пятак, за столом профкома приобретали образ праведников и судей, взывали к совести, грозили увольнением и лишением тринадцатой зарплаты, до принудительного лечения в так называемом ЛТП при кирпичном заводе и вершины медицинской мысли: рыгаловки в широко известной лечебнице Челябинска. Хотя он всегда говорил:

– Вам не понять. Я не водку покупаю, а настроение.

Парнем Федор Ганюшкин был заметным и до армии всегда на виду, секретарём комсомольской организации избирали, спортсмен, симпатичным девчонки признавали. После Афгана вернулся хоть и слабым, но героем, орден Красной Звезды, пара афганских железок. Опять в комсомол, самодеятельность, спорт, молодёжные коллективы на фермах и в бригадах. Фёдор был уверен, что в эту жизнь он пришёл не исполнять чужие приказы, а руководить, приказывать.

И наскочи он в райкоме комсомола на одну девчонку, особой красоты в ней не было, но полнотелая, грудастая, весёлая – прямо по его заказу. И зовут необычно: Лиза. Ганюшкина райком в партийную школу направляет, а она в местный пединститут. В Свердловске такие девчонки попадались Фёдору, что вспоминать больно, а он сразу предупреждал, что готов на все, а жениться не обещает. Не идёт с ума Лизавета, что хочешь делай.

И в партшколе у него дела хорошо шли, завлекла кураторша курса, женщина чуть постарше, но себя блюла и выглядела на двадцать пять. Несколько раз попадался на выпивке, то в городе менты загребут, то в общаге гульбище устроит. Доходило до разговора на партбюро, вот тогда-то кураторша и взяла его за воротник:

– Ты хочешь, чтобы в характеристике твои фокусы отметили? Отметят, у нас такая практика есть. И пойдёшь в школу историю преподавать, не допустят до партработы.

А ближе к концу учёбы напрямую предложила остаться. Квартира большая, работу найти поможет, потом официально распишемся. Он отказался, ладно, что женщина порядочная, перешагнула через обиду и выхлопотала ему характеристику самого первого сорта.

Приехал домой, и Лизавета встречает в секторе учёта кадров, пристроилась. Любовь их взыграла, а первый секретарь Иван Минович Трыль, бывший майор СМЕРШа, мужик

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

суровый: любовь любовью, но это непорядок, когда парторг с работницей учёта встречаются, и черт знает, какие разговоры вокруг этого идут. Дело прошлое, разговоров было много, доброжелатели даже шепнули Фёдору, что сам первый Елизавету жалует, вместе в машине их не раз видели и на лесных, и на просёлочных дорогах. Ганюшкин себя сдерживал, как будто чего-то опасался.

Выпускника партшколы направили секретарём парткома крупнейшего совхоза, бюро обкома утверждало в должности. Трыль подчёркивал:

– Имей в виду, Фёдор, дорога для тебя открыта широкая, только чтобы на поворотах не заносило.

Фёдор отшучивался:

– Иван Минович, руль и тормоза – главные в нашем деле.

Свадьбу закатили после уборки, директор совхоза шикарный дом построил, мебель импортную завезли. Гуляли на природе, и хоть жениху не полагается к рюмке прикладываться, не такие у него друзья были. Короче говоря, как в супружеской постели оказался, и как брачная ночь прошла – не помнил. Утром встал, из холодильника бутылку коньяка достал, полный стакан выпил и вошёл в спальню. Лизавета его лежит усталая, на него игриво посматривает:

– Взрослый мужчина, а не знаешь, что с девушкой нельзя так в первую ночь.

– Как? – смущённо спросил он.

Она тоже смутилась. Ганюшкин засмеялся:

– Лизанька, ты не издевайся надо мной, надо быть круглым идиотом, чтобы проспать брачную ночь.

– Ты ничего не помнишь? – изумлённо спросила она, а он видит: плохо, неубедительно. Коньяк придал твёрдости и достоинства, уже не в первый раз:

– А что я должен помнить? Твои поскокушки, пока я марксизм изучал? Ты очень хотела, чтобы сегодня я был пьян. И это тебе удалось. С такого подлого обмана жить начинать нельзя. Кстати, ты знаешь первооткрывателя Америки?

– Причем тут Америка, Федя?

– Притом, что до так называемого первооткрывателя там уже побывал Колумб, но это предпочитают не замечать.

– Я тебя не понимаю…

– Не надо наивности, противно. Ты целый год меня за нос водила, как телка молочного. Не прощу такой низости. Собирайся и поезжай к себе. Жить мы не будем. Все!

Лиза заплакала, пыталась что-то говорить, но Фёдор ушёл к инженеру, в соседях жил. Выпили с ним по паре рюмок, и убрался он в свою маленькую холостяцкую комнату при гостинице, там и отсыпался, оттуда и на работу ушёл. В восемь часов директор позвонил:

– Зайди к прямому проводу, первый что-то очень сердитый.

Ганюшкин взял трубку:

– Ты что мне такие кренделя выкидываешь? Жену выгнал сразу после свадьбы! Ты что, с ума сошёл! Такого в жизни не бывало!

– Бывало, Иван Минович, только мы это забыли. По старым русским традициям невеста, обманувшая мужа, изгонялась сразу со свадьбы, а я ещё день терпел.

– Так, чистоплюй хренов, быстро ко мне. Быстро!

Ехал в райком на парткомовском «Москвиче» один, жена, не обнятая и не целованная, была

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

уже там, так он рассуждал. Значит, заведут к первому обоих, и надо будет о столь личных, даже интимных вещах говорить чужому в принципе человеку в присутствии той, о ком идёт речь. Позорная ситуация, но не Ганюшкин её придумал. Поймал себя на том, что думал о Лизе как-то отрешённо, словно и свадьбы не было два дня назад, и бурных поздравлений всего партактива, и лихого застолья на лесной поляне. Когда первый секретарь громко объявил тост «за молодых!», Лиза налила ему полный фужер коньяка и шепнула на ухо:

– Гордись, нас первый секретарь венчает, это дорогого стоит, Федя!

Он с удовольствием выдержал фужер, после очередного предложения «за молодых» фужер вновь оказался полным. Он посмотрел на Лизу, она благодушно повернулась к подружке. Черт, странная получается картина! Когда он откровенно начинал злиться на её неуступчивость, Лизавета обнимала, нежно и страстно шептала, что он получит все сразу, но только после свадьбы. Да, а в эту новогоднюю ночь, когда он, хорошо выпивший, решил своего добиться окончательно, она, уже полураздетая, вдруг заплакала, неуклюже укрывшись одеялом.

– Ты совсем меня не любишь, Федя. Сам говорил, что невеста должна быть чистой. Говорил? А мне что предлагаешь? Я очень тебя люблю, Феденька, но... не могу согласиться. Пусть будет, как ты говорил...

Даже в не совсем свежей его голове кое-что стало проясняться. Вдруг вспомнилось, что она ни слова не сказала, когда они с ребятами отошли в сторону, прихватив блюдо горячих котлет и пару бутылок водки. Вскоре уехали секретари райкома, осталась партийная и комсомольская молодёжь, гуляли до глубокой ночи, пока накрапывающий дождь не разогнал дружную компанию. Дежурная машина увезла молодожёнов в новый дом, и больше он ничего не помнит.

Надо непременно встретиться с Лизой, к тому времени опыт научил его не делать скоропалительных выводов, какой бы очевидной ни казалась ситуация, и тут не все было однозначно. Лиза ему нравилась, и она любила, он уже умел отличать простые увлечения от настоящих чувств. Развод сразу после свадьбы, прошедшей с такой помпой, будет событием на весь район, первый, конечно, с работы выпрет, он такого позора не потерпит.

Лиза ходила вдоль райкомовского садика, конечно, его ждала. Он не стал выходить из машины, разговор молодожёнов среди площади… Она села в приоткрытую дверь.

– Федя, ты понимаешь, что делаешь? Мало того, что из-за глупых подозрений ты поднял меня на смех, первый тебя в порошок сотрёт, ты же его знаешь. Федя, мы с тобой муж и жена, ну, что ты молчишь? Ведь я люблю тебя и всегда любила, с тех самых поцелуев в комсомольском кабинете? Помнишь?

Да, она была хорошим психологом. Он почувствовал, что уже берет вину на себя, что ничего особенного не произошло, надо только замять эту проблему у первого. Тогда он ещё не понимал, что перемены в нем нехорошие.

– Посиди здесь, я пошёл наверх.

В приёмной Зинуля вежливо и с намёком улыбнулась и предложила сразу пройти:

– Ждёт, не принимает никого. Счастливо, Фёдор Петрович!

Трыль в сложных вопросах разбирался быстро и основательно, решения принимал без особого голосования. Сейчас не встал по обыкновению изо стола, руки не подал, кивнул на стул.

– До какого позора ты дожил, Фёдор! Я считал тебя порядочным человеком, а ты

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

домостроевские порядки в доме с первого дня начал заводить. Ты меня прости, мы мужики и можем рассуждать прямо: что тебя заело? «Невеста не девушка!» А ты, можно подумать, кристально чист! Знаю я все твои похождения и здесь, и в Свердловске. Ты думаешь, она не знает? Знает, но любит и простила все. А ты? И почему не говоришь, что вообще ни хрена не помнишь? Девушка она или не девушка – она в любом случае жена твоя официально, а ты её муж. Скажу начистоту, Фёдор: нравится мне твоя Елизавета, но – года мои ушли. Правда, несколько раз приглашал её к хорошим товарищам в гости, возможно, люди видели, возможно, и ты знаешь. Но совершенно ничего лишнего, просто приятно общество красивой девушки. Молчишь? Тогда я вот что скажу. Надо эту ситуацию снять, я переведу тебя заведующим орготделом, конечно, ты не готов, но хватка есть. Дом строит дорожный начальник для себя, хитрит, но я-то знаю, потому отберём и вас вселим. Если не согласен – партбилет на стол, трудовую получишь в секторе учёта у супруги, кстати. Ну, как тебе мой план? Лизу приглашать? Поездишь пока из совхоза, дорожник уже пола покрасил, на той неделе перевезёшь вещи. Все, свободен.

Ганюшкин вышел из кабинета ошеломлённый, Зинуля молча проводила взглядом до двери, в коридоре никого не оказалось. Лиза сидела в машине и напряглась, увидев его. Фёдор сел на своё место, ждал вопроса – она молчала, ему говорить не хотелось. Завёл мотор, она взялась за ручку двери, он опередил:

– Сиди. Поедем домой, там все объясню.

Совсем некстати вспомнилось недавно услышанное: американка держит мужа деньгами, итальянка грацией, а русская парторганизацией.

Лиза по дому не ходила – летала, быстро сделала обед, достала бутылку коньяка, налила две рюмки. Он подвинул фужер и перелил коньяк из рюмки, добавив из бутылки.

– За что будем пить, Федя? – боязливо спросила Лиза.

– За молодых! – с нажимом ответил он и выпил свой коньяк.

Был брачный день, они были молоды и горячи, Лиза плакала, лаская его, и говорила, говорила, словно заполняя словами пространство, чтобы в него не ворвались другие слова. Подогретый коньяком, он чувствовал себя счастливым мужем. Потом так будет почти всегда...

Все, кто знал Ганюшкина, считали, что он не просто в рубашке родился, а в костюме-троечке, потому что все ему с рук сходило, и первый секретарь Трыль откровенно ему покровительствовал и покрывал. Когда обком забрал председателя райисполкома, Трыль лично повёз в область на согласование кандидатуру Ганюшкина, хотя решение бюро о рекомендации не принималось, Трыль подписал его без обсуждения. Откровенно, Ивану Миновичу нравился этот бесшабашный молодой человек, прямой и откровенный, грешивший, но и умевший каяться, а Трыль никогда не рубил согбенных голов.

Опытный контрразведчик, Трыль хорошо чувствовал границы дозволенного, и первый секретарь обкома к предложению рекомендовать на председателя райисполкома – заведующего орготделом райкома, отнёсся с недоверием, но не оттолкнул, не сказал сразу: «Да ты что, Иван Минович, где это видано…» Трыль такой поворот допускал, потому что без практической хозяйственной работы никого ещё на райсовет не выдвигали. И он осторожно гнул свою линию:

– Согласитесь, Григорий Иванович, что времена меняются, у нас сегодня на всех хозяйствах люди с высшим образованием, специалисты, и мы считаем, что сейчас отсутствие опыта конкретной хозяйственной работы не может быть преградой для продвижения

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

инициативных и умных людей.

Первый секретарь обкома ценил Трыля за умелое руководство, он чётко выполнял все установки, район справлялся с планами, сам воспитывал кадры, никого не просил со стороны и даже делился с соседями.

– Хорошо, – сказал первый и встал, давая понять, что разговор окончен. – Направь ко мне этого карьериста дня через два. На пятницу. Но – предупреждаю, согласие моё предварительное. Ты у Лырчикова был?

Председатель облисполкома Лырчиков о Ганюшкине знал, с Трылем у них были товарищеские отношения, потому Иван Минович, упрекнув друга в недавнем заимствовании кадров из района, намекнул, что тот просто обязан поддержать нового выдвиженца.

– Кого-то с хозяйства берёшь? – спросил он.

Трыль засмеялся:

– Старыми представлениями живёшь, Павел Гаврилович. У меня есть несколько интересных ребят, в связи с этой перестановкой я говорил с первым об одном из них, это заведующий орготделом райкома, первый согласился.

Старый лис Трыль брал товарища на пушку, но он слишком хорошо его знал, чтобы опасаться перепроверки. Лырчиков только усмехнулся:

– Вечно у вас эксперименты. Ладно, решай с первым, я возражать не буду.

Поэтому на вопрос первого, был ли у Лырчикова, Трыль честно ответил, что разговор с Павлом Гавриловичем состоялся и возражений с его стороны нет.

Рано утром Трыль позвонил Ганюшкину на квартиру:

– Спишь? Быстро завтракай и ко мне.

В кабинете внимательно посмотрел на вошедшего, отметил белоснежную рубашку и хорошо проглаженный костюм, свежее лицо и ясные глаза своего выдвиженца.

– Садись вот сюда, поближе, а я напротив сяду. Фёдор, ты знаешь, как я к тебе отношусь. Причины такой привязанности не знаю, возможно, напоминаешь мне сына, которого я нелепо потерял ещё до приезда в район. Не знаю. Ты умный парень, толковый, много положительных качеств, но есть одно, чего я опасаюсь. Ты любишь выпить, любишь компании, шум, гам. Говорят, к женщинам не равнодушен, но Лиза пока не жаловалась. Скажи, ты контролируешь свой интерес к спиртному?

Ганюшкин смутился:

– Конечно, Иван Минович.

Трыль поднял руку – жест, который Фёдор знал: «Не надо преувеличивать!»:

– Не переоцени себя, Фёдор. Я неоднократно замечал, что ты приходишь с документами явно после ста грамм коньяка. Федя, я столько лет не пью, спиртное за километр чую, а ты пытаешься меня обмануть. Я все знаю. И на бюро ты являешься подшофе. Тебе кажется, что все это нормально, выпил, работа делается, никто ничего не замечает. Замечают, Фёдор, и тебе об этом говорили. Удивляюсь, почему ты сегодня как огурчик? Объяснишь?

Ганюшкин засмеялся:

– Иван Минович, что же вы меня совсем в алкоголика превратили. Да, бывает, не совсем вовремя приходится принять рюмку, но это же не система…

– А должна быть система! – Трыль ударил в стол кулаком. – Система, в хорошем смысле, понимаешь? Пить надо систематически, скажем, раз в месяц, раз в неделю, но не всякий раз, когда рюмка на столе. Я об этом с тобой говорю так откровенно, потому что хочу, чтобы ты

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

стал большим человеком, сегодня на бюро буду рекомендовать тебя на должность предрика. Потому ставлю вопрос так: если у тебя нет уверенности в себе – скажи сейчас, завтра будет уже поздно. Если ты продолжишь это пагубное увлечение, я не смогу тебя защитить и ты вылетишь из жизни. Я не пугаю, таких случаев на моем веку предостаточно. Итак, что ты мне ответишь?

Трыль видел, как загорелись глаза, как румянец выступил на бледноватых щёках Ганюшкина, и кивнул сам себе: правильно, хорошо, что волнуется, значит, понимает всю ответственность.

– Иван Минович, у меня нет опыта работы в хозяйстве, едва ли в обкоме поддержат, даже если здесь у нас все пройдёт.

Трыль встал и перешёл в своё кресло:

– Почему ты уходишь от ответа? Пройдёшь или не пройдёшь – это мои проблемы. Я жду твёрдого слова мужчины.

Ганюшкин встал:

– Иван Минович, я вас не подведу. Даю слово.

Трыль улыбнулся:

– Вот так-то лучше. Назначай бюро на два часа.

Ганюшкин прошёл к себе в кабинет и велел секретарше Кате отключить его телефон и «Меня нет». Сел на широкий диван, который все собирался выбросить, но оставлял, потому что незамужняя Катя иногда задерживалась и, когда все сотрудники уходили, приносила бумаги на подпись, пока он подмахивал листы, терпеливо ждала, наклонившись над столом. Если он поднимал на неё глаза и улыбался, она кивала:

– Я все закрыла и отключила.

Да, давненько это началось. Ганюшкин собрался в область сдавать наградные документы на передовиков сельского хозяйства, и опытный еловек посоветовал взять с собой машинистку, потому что изменения будут непременно, а ждать, когда обкомовские дамы сделают перепечатку, долго и нервно. Он пригласил недавно принятую девушку.

– Катя, вы хорошо печатаете на машинке?

– Не очень быстро, но я учусь.

– Со мной в область должна поехать машинистка, но Антонину Петровну в её возрасте отрывать от дома сложно.

Катя улыбнулась:

– Я поняла, Фёдор Петрович, могу ехать хоть на неделю, у нас с мамой хозяйство небольшое, она управится.

Ганюшкин понял, что Катя не замужем, но как-то в тот момент не придал этому значения.

– Имейте в виду, жить будем в гостинице, потому что вечерами придётся переделывать документы. Сейчас оформляйте командировочные на меня и на себя, получите деньги. Возьмите все необходимое, по магазинам ходить не будет времени. Паспорт не забудьте. Володя знает, где вы живете? Вот и хорошо, в пять утра он подъедет.

Дома ничего про Катю не сказал, выпил вечерний бокал коньяка и ушёл в кабинет. Утром взял приготовленный, как всегда, праздничный костюм с несколькими рубашками, пакет со всякой мелочью, необходимой в командировке, портфель с документами. Володя ровно в пять просигналил у ворот. Поздоровался, сел впереди, Катя тихо прижалась на заднем сиденье.

Наградные документы проходили сложно. То и дело ему возвращали пачку бумаг с

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

просьбой уточнить производственные показатели. По рабочему классу куда как просто: не устраивает выработка на трактор – увеличим, намолот комбайнёра не тянет – добавим несколько десятков тонн, надой на корову у доярочки не смотрится – дотянем. А вот с руководителями сложнее, статистические показатели у заведующего сельхозотделом Устюжанина и секретаря обкома по селу Кузнецова перед глазами, баловаться нельзя, приходится нажимать на организаторскую работу, внедрение хозрасчета, новых форм организации труда.

– Слушай, Фёдор Петрович, с каких пор у Вьюшкова скотники на откорме работают по договору? – с улыбкой спросил Устюжанин. – Давай так и напишем: «С начала текущего года». А ты приедешь домой и эту работу провернёшь. Ты меня понял?

Строгий, но уступчивый, понимающий проблемы сельских руководителей, потому что сам много лет работал в районе, Устюжанин соглашался на приемлемые компромиссы, но свои уступки контролировал, тут не пройдёт: пообещал, а не сделал. Трыль об этих тонкостях Ганюшкина предупредил.

Вечером, получив документы с новыми исправлениями для перепечатки, он звонил в гараж, Володя вёз их в гостиницу, и они с Катей, сходив в гостиничный ресторан, садились в его люксе за стол, Катя подключала новую электрическую машинку и, аккуратно вложив чистый бланк, под диктовку шефа нажимала клавиши. Когда вся работа была закончена, Ганюшкин собрал бумаги, заварил свежий чай:

– А теперь иди отдыхай, я все проверю. Если мы с тобой ничего не напутали, завтра все сдадим и домой.

Катя засмеялась:

– А я не тороплюсь, мне здесь нравится. Вы читайте, а я пока газеты посмотрю. Вдруг где ошибка, чтобы нам завтра время не терять. Ладно?

Ганюшкин кивнул и уткнулся в бумаги, Катя неслышно сидела в дальнем углу, он по два раза перечитывал документы и не мог вникнуть в суть. За эти два дня он перешёл с Катей на ты, ухаживал в ресторане, как истинный кавалер, тем более, что в ресторане раньше она никогда не бывала. Узнал, что ей девятнадцать, после школы не поступила на юридический, пришлось работать. Видевший её раньше каждый день, не замечал, а она очень симпатичная и добрая. Голос мягкий, грудной, ласковая, должно быть… Он оборвал эти мысли, встал:

– Все нормально, Катя, можете отдыхать.

– До свиданья, Фёдор Петрович.

– Спокойной ночи.

Перед обедом Ганюшкина пригласил секретарь обкома Кузнецов:

– Представления по вашему району я подпишу, но ещё раз все посмотрите, согласуйте в отделе. Если у товарищей не будет замечаний, получите уведомление и можете быть свободны.

Все так и получилось. Перечитав все наградные документы, он пошёл к Устюжанину. Устюжанин кивнул и указал на угол стола:

– Положи сюда. Вопросов, как понимаю, больше нет? Я в курсе, вот документ, что двадцать семь наградных от района получены. Все. Ждите Указа, хотя, знаешь, кого-то могут завернуть, но это уже наши проблемы. Я не обратил внимания, а ты представлен?

Ганюшкин засмеялся:

– Рановато ещё, Виктор Иванович, только первую пятилетку работаю.

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

Устюжанин снял очки, платком протёр уставшие глаза:

– Плохо работаем, плохо, и руководителей не ценим. Не совсем справедливо: первому секретарю высший орден, начальнику управления «Знак Почёта», а предрика нет совсем. Это в корне неверно, и это наша ошибка. Ты погуляй с часик, потом зайди.

Ганюшкин ушёл в облисполком, поговорил в двух управлениях, получил необходимые обещания. В обком вернулся через полтора часа. Устюжанин встретил улыбкой:

– Первый сегодня в прекрасном настроении, я ему высказал свои соображения, он сразу согласился. У тебя остались чистые бланки? Вот и хорошо. Заполняй на «Красное Знамя», а Трылю я сообщу как решение первого, он согласится.

– Виктор Иванович, спасибо вам, я сделаю все, чтобы оправдать.

– Иди, оправдывай.

Катя открыла дверь на первый стук, пошли в его номер, она открыла машинку:

– Что пишем, Фёдор Петрович?

– Ни за что не угадаешь. Товарищ Ганюшкин представлен к ордену Трудового Красного Знамени!

Катя испуганно на него посмотрела:

– Вы шутите, Фёдор Петрович?

– Нет. Только что принято такое решение на уровне первого секретаря обкома.

Катя вскочила со стула и обняла Ганюшкина:

– Как я рада за вас, так рада!

Потом испугалась, убрала руки, покраснела:

– Извините, Фёдор Петрович, не сдержалась. Простите!

Ганюшкин и сам несколько оторопел, но неподдельные чувства Кати его взволновали, он взял её за руки:

– Катя, спасибо тебе, и за поздравления спасибо, и за объятия. Давненько мне на шею девятнадцатилетние девчонки не бросались. Прости, я говорю глупости. Давай вернёмся к этому разговору чуть позже, когда все бумаги напечатаем.

Вечером он принёс окончательный вариант представления и сдал Устюжанину. Тот кивнул и буркнул в стол:

– Орден забрали у вашего механизатора, ты же понимаешь, за квоту выходить нельзя. – Ганюшкин, ошарашенный таким оборотом, хотел что-то сказать, но Устюжанин опередил: – Все, ты мне уже мешаешь. Свободен!

Фёдор давно не чувствовал такого стыда, даже после крутого разговора с Лизой, даже после выволочек, какие время от времени после крупных пьянок устраивал ему Трыль. Забрать орден у заслуженного работника, у него и радостей-то никаких, кроме этого значка, а теперь и того не будет, его орден получит председатель райисполкома, обиженный, видите ли. Хотя – это не твоя инициатива, ты к решению вообще отношения не имеешь, пусть Устюжанина совесть терзает, ведь это его идея. Ты поначалу даже не подумал, а где же они возьмут знак, если все строго квотировано и уже распределено. Нет, это чистая правда, ты об этом не думал, а ведь мог бы. Может быть, так удобнее, делать вид, что не догадывался? Тебе же не впервой. Ты и обман женщины как бы не заметил, когда пообещали хорошую должность. И ничего, живёшь! Ганюшкин вдруг очнулся: «Куда меня понесло?!»

Страшно хотелось напиться и забыть все, но смущало присутствие Катерины. Не отправлять же её поездом. Он долго пешком шёл до гостиницы, не вызывая Володю. Володя с

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

машиной в гараже, там хорошие номера, столовая, так что надо только сообщить, что едем завтра ближе к обеду. Постучал в номер Кати.

– Я от тебя позвоню Володе, что мы остаёмся до утра. Ты не возражаешь?

Катя кивнула:

– Конечно, нет. Надо значит надо.

Ганюшкин улыбнулся:

– Действительно. Ты только что из душа? Молодец.

– Мне нравятся городские удобства, не то, что у нас, каждый раз баню топить.

– Тогда я тоже в ванную, и на семь часов закажу хороший ужин в свой номер. Посидим, обмоем сдачу документов.

– И ваш орден.

Ганюшкин остановил:

– Катя, прошу тебя, про орден ни слова. Его пока нет.

– Поняла. Чтобы не сглазить.

Он улыбнулся:

– Вот именно!

Через час из ресторана принесли все, что заказал Ганюшкин: шашлыки, жареную курицу, фрукты, салаты, конфеты и шоколад, коньяк и шампанское. Посреди стола официантка поставила вазу с пятью красными розами. Катя, когда он ей позвонил, вошла и ахнула, такой красоты она сроду не видела, а Фёдор тут же добавил:

– Катенька, розы специально для тебя.

– Спасибо, Фёдор Петрович, мне ещё никто розы не дарил, да и вообще цветы. Разве парни понимают, что девушке особенно приятно?

Ганюшкин сразу предложил Кате шампанское, она не отказалась, выпила полный бокал, Фёдор спросил разрешения у дамы снять пиджак, Катя засмеялась:

– Зачем вы спрашиваете, Фёдор Петрович, я вот тоже хочу кофту снять, жарко.

В белоснежной блузке, обнимающей её юное тело, Катя была поразительно красива. Ганюшкин смотрел на неё с удивлением:

– Катя, ты такая красавица, а я в суматохе и внимания на тебя не обращал.

Катя не смутилась, она вызывающе смотрела на него и улыбалась, зато Фёдор оробел, испугался такой красоты и молодости.

– Давай, Катюша, выпьем за тебя, за твою красоту, которую когда-нибудь, и очень скоро, оценит юный рыцарь, и мы крепко погуляем на твоей свадьбе.

Катя поставила бокал на стол:

– Я за такой тост пить не стану. Не хочу я никакого рыцаря, Фёдор Петрович, вот если вы согласитесь выпить за нас с вами, я выпью даже рюмку коньяка. Чего вы испугались? Да, я дурочка, потому что влюбилась в мужчину женатого и с положением, знаю, что счастья мне с ним не будет, а сделать ничего не могу. Я уже увольняться хотела, но меня Мария Никифоровна не отпустила. А когда вы мне предложили эту поездку, я так обрадовалась, что хоть сколько-то времени буду рядом с вами. Вот даже за столом удалось посидеть, и то счастье. Вот так, дорогой мой Фёдор Петрович!

Она налила в свой бокал конька и выпила, округлив глаза от крепости напитка и заедая его яблоком. Ганюшкин молчал, он точно испугался этой речи, хотел даже превратить все в шутку, но быстро понял, что это глупо. Но надо же что-то говорить!

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

– Катя, спасибо тебе за такие слова, но ты неудачный сделала выбор. Я не только с положением и женат, как ты заметила, но я и староват для такой девушки. Катенька, мне под сорок.

– Знаете, как говорит моя бабушка: любовь ровесников не ищет. Хотите откусить от моего яблока? Говорят, Ева так Адама соблазнила, а я вас. Кусайте!

Он потянулся через стол, она убрала яблоко и крепко поцеловала его в губы, потом поднялась, обежала стол и продолжала его целовать, села рядом и крепко прижалась.

– Я люблю вас и хочу быть вашей. Мне ничего не надо, только хоть какую-то надежду, что мы встретимся, что вы обнимете меня. Ну, что же вы молчите? Напугала я вас, да?

Ганюшкин уже взял себя в руки, плеснул в бокал коньяка, выпил, с доброй улыбкой посмотрел на Катю.

– Милая девочка, ты даже представить себе не можешь, какое это счастье для мужчины быть любимым юной девушкой. Ты прекрасна в своём откровении, я хочу целовать и любить тебя…

И эта история длилась уже несколько лет, сам Ганюшкин удивлялся, что никто ничего не знал.

К председателю райисполкома Ганюшкину пришёл на приём пожилой человек. Потом, когда они хорошо познакомились, Фёдор Петрович удивлялся, что тому восьмой десяток доходит, а тогда в кабинете он показался ядрёным стариком, борода явно не стрижена, да и на голове волосёнки, похоже, давно ножниц не видели. Но одет опрятно, чисто, сапоги хромовые, брюки с напуском, рубаха под ремешком, ну, прямо со сцены московского театра. Ганюшкин только что из столицы вернулся, была учёба двухнедельная, водили их во МХАТ, там Островского играли. Так вот этот дедок точь-в-точь оттуда. Пригласил его к столу, сам сел напротив, тогда эта мода только входила, чтобы начальник с собеседником друг напротив друга сидели. Раньше-то он под большим портретом, как под охраной, а гость один, как сыч, стоймя посреди кабинета.

– Что вас привело ко мне, дедушка, извините, не знаю имени-отчества.

– Тогда, в таком случае, начну с самого изначала. Звать меня Тимофей, а по отечеству Павлович. Я кровей не здешних, волжанин, прибыл с семейством не по своей воле, но Господь меня вразумил именно здесь остановиться. Вот и живу я в малой деревеньке Песьяновой промежду двух озёр. И оба озера считаю чудом Господним...

– Чудом природы, вы хотели сказать, – поправил председатель.

– Я сказал, как и думаю: Божий дар сии озера. Да вы их знаете не хуже меня. В одном вода солёная, и плотность такая, что человека держит, во как! А другое пресное, но вода уровнем на полтора метра ниже, и ведь не перетекают воды, хоть и есть подземные токи, это ли не чудо? А посередине озера Остров. Вы бывали на том Острове?

– Бывал, – кивнул Ганюшкин. Да что там бывал, летом каждый выходной туда выезжали, уха, шашлыки под водочку. Потемну уже шофера персональные вывозили их едва тёпленьких, чтоб народ не видел.

– Стало быть, вам известны уникальные особенности этого Острова. Его называют Черёмуховым, потому что по всей окружности зарос он с незапамятных времён черёмуховым кустарником.

Никаких выдающихся способностей Острова и озера Фёдор Петрович не знал, потому молча слушал.

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

– Да простится мне сия вольность, гражданин начальник, но я уже много лет веду на острове опыты, хоть это и громко. Я неуч, грамоты никакой, но интересуюсь. И вот в первый год жизни на этой земле побывал я на Острове, дело было поздней весной, но на Острове уже все распустилось, и черёмуха в цвету, и прочий куст. Я понял, что не само по себе такое, а от того, что Остров укрылся в низине от ветров, да ещё стена черёмухи спасает, вот и получается, что климат там иной, чем на берегу.

– Ну, простите и вы меня, Тимофей Павлович, как это в полукилометре от берега может быть другой климат? – искренне удивился Ганюшкин и пожалел об этом.

– Я докажу вам это практически. Вот уже несколько лет на нескольких сотках я выращиваю на Острове – что бы вы думали? Фрукты все, виноград нескольких сортов, арбузы и помидоры, каких нет на материке. Сразу оговариваюсь: чтобы советская власть не обвинила меня в незаконных действиях, я весь урожай увожу в город, в детский и старческий приюты, все накладные у меня сохранены на всякий случай. Денег, само собой, не беру.

Ганюшкин был немножко с похмелья, и дед со своими помидорами стал ему надоедать.

– Хорошо. Чего же вы от меня хотите?

– Как? Вы разве не видите, что Остров можно превратить в огромный сад, который будет кормить не только наш район, но и многих других?

Председатель посмотрел на часы, через десять минут надо быть в райкоме, только потом можно пропустить рюмочку коньячку.

– Давайте мы с вами так договоримся. Я поручу товарищам, они займутся Островом и дадут научное заключение. Оставьте свой адрес в приёмной.

– Простите, гражданин начальник, но это ещё не все. Займу три минуты. Надо направить в специальные лаборатории воды и грязь с Солёного озера. Люди со всех сторон едут лечиться, я сам пользуюсь от ревматизма и иных спинных недугов. Но условий же никаких! А тут санаторий строить следует, вот что я вам скажу.

– Хорошо. И по озеру тоже попросим науку помочь. – Он встал, давая понять гостю, что разговор окончен. Тот тоже поднялся и посмотрел на хозяина из-под лохматых бровей.

– Сдаётся мне, что судьба нас сведёт и вроде надолго. Благодарствуйте за приём, желаю вам успехов в ваших добрых делах.

Женщины сидели на завалинке после хозяйственной управы и обсуждали новости. Время самое подходящее, картошку посадили, сенокос ещё не приспел, мелочь в огуречнике продёрнули от мелкой надоедной травы и свободны.

– Артюха Беспалый, слыхали, приехал из города на родину, а дома-то тю-тю, даже чаю попить негде. Подался к дружку своему Филе Косомудому.

– Не скажи, Артюха прикатил, как барин, на легковой, сын привёз или зять.

– Ага, раскатила губу, зять тебя повезёт. Зять – он любит взять, так вот.

– А чего Артюха прикатил? На пенсию вышел?

– Сказывали, что вышел, по горячему, он при заводе на все руки, дали пензию в пятьдесят годов.

– Ну и что, что пенсия? Он же не будет её с Филей пропивать. Стало быть, дело есть у него тут, вот и прикатил.

Подошла Парасковья Михайловна:

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

– Не то судите, бабы, Артём Лавёрович, он же мне кумом доводится, приехал домик присмотреть и вернуться на родину.

– Ещё чего ты ни говаривала, кума Парасковья! Как это – из города и в деревню?!

– Ну, не совсем и деревня, кумушка, а район, сын говорит, что большое строительство будет, завод какой-то собираются, асфальт, дома двухэтажные. Это вечор был в совхозе секретарь райкома, новый, по фамилии Ганюшкин. Так он сказывал.

Артём прибыл без предупреждения, Филимон работал на стройке, поднеси-подай, пришёл домой, а тут гость. И Серафима вроде довольна, хороший полушалок ей Артюха привёз, она вырядилась и ходит по дому, как курица цветная.

– Сыми! – рявкнул Филимон, – оставь на праздник.

– А у меня и так нонче праздник, два мужика в доме, можа, чо и перепадёт.

Филимон развёл руками:

– Дура, братуха, с дурой живу век. Ты привёз чего, а то ведь у меня запасов не бывает, ты в курсах.

Артём засмеялся:

– Деревня! Так и ходите без нижнего белья. Конечно, привёз, цельную фляжку первача. Давай на стол командуй, да поговорим потом.

Серафима быстро собрала на стол огурцы и грузди прошлогодние, яиц сварила с десяток, картошка была в сковороде ещё с утра. Артём достал из мешка каральку колбасы, в доме вкусно запахло чесноком и приправами. Налили по стакану, Серафиме тоже поднёс гость рюмку:

– Ты, Симка, не старишься совсем, а Филька полысел и облез, как после пожара.

Сима хохотнула:

– Филя от вина облез, оттого и здоровья не стало.

– Чего тебе моё здоровье? На ногах стою, роблю, что по силам. Здоровье!

Выпили ещё по стакану, и Филимон повёл друга смотреть, какие дома продаются. Первый Артём забраковал сразу, даже не заходя – велик:

– Нахрена мне эта кубатура, тут только дров надо будет три машины на зиму.

Второй домик вроде понравился, но толковый Филимон прихватил с собой стальной щуп, ткнул в окладник, и чуть не насквозь.

– С этим, Артюха, связываться не будем, на него ещё год надо робить.

Гость облюбовал избу, большую, на высоком месте, продаёт молодой хозяин, мать померла.

– А ты чей будешь?

– Матрёны Кулибакиной сын.

– А Матрёнка?

– Говорю вам, что померла.

Покупатели отошли в сторону и велели молодому обождать.

– Филя, я же после войны к Матрёне хаживал, и парень этот сын мне будет, точно.

– А ты у него спроси, какое отчество?

– Не, она на меня не записала бы. Слышь, сынок, а отец твой где?

– В Караганде.

– Он что, шахтёр? Он наш деревенский?

Парень психанул:

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

– Ты избу смотри, если собрался покупать, а с родней я сам разберусь.

– Сколько просишь?

Парень назвал сумму, Артём улыбнулся:

– Завтра в сельсовет сходим, расписку напишешь, чтоб с печатью. Понял?

Парень оставил гостям замок от избы и ушёл. Мужики вошли, ещё раз все осмотрели, Артём остался доволен:

– Матренка, помню, хорошая была баба, да я уж женился. А парень мой, увидишь, братуха, мы с ним сойдёмся.

Утром оформили бумагу и стали обмывать покупку. Филимон перестал ходить на работу, впал в запой, просыпался, наливал стопку и снова проваливался. Не нашёл бутылку, крикнул Серафиму, та налила стакан воды и подала, на всякий случай отодвинувшись от кровати. Но Филимон выпил, закусил огурцом и упал с храпом. В другой раз, среди ночи, поднявшись до ветру, он услышал в маленькой комнатке хихиканье Серафимы и покашливанье Артёма, но решил шум не поднимать, сходил, помочился и снова упал на продавленный диван. Утром он уже ничего не помнил.

Через неделю Артём перевёз свои вещи из города, Василиса побелила стены, вымыла потолок и пол, повесила занавески. Переездом она была крайне недовольна, тем более, что муж теперь пропадал в доме друга своего Филимона. Филимон из запоя вышел, но с товарищем принимал по маленькой. После бани они выпили литровую банку самогонки, и Филя вдруг заплакал:

– Артюха, я тебя как брата принял, а ты мою бабу тискашь.

Артём нисколько не удивился и не испугался, он икнул и согласно кивнул:

– Филя, но ты же совсем куда-то пропал, вот Симка и попросила пособить. По-дружески. Какие у тебя ревности, Филя, ну, хочешь – пойди к моей Василисе на ночь. Пойди, я не в обиде. И ты без слез. Я тебя вторую неделю пою, а ты бабы пожалел для друга. По рукам? Я ещё одну флягу привёз, ты не теряйся, мы с тобой гульнём за мой переезд на родину.

Филимон вытер рукавом слезы и принял мутный стакан.

– Я Серафиму утром исхлестал, платком завязалась, мотанулась к дочери в город. Пущай поживёт до посевной, потом явится.

Артём поставил стакан и посмотрел на друга:

– А посевная-то к чему?

– Да я про огород.

Всё лето Филимон болтался по селу, председатель совета не один раз угрожал свести в Лебедевку, так называлась деревня, где лечили дураков и алкоголиков заодно, но все обходилось. Филимона с работы уволили за систематические прогулы и пьянку. Провели рабочее собрание, хотели отправить в лечебно-трудовой профилакторий, но мужики заступились, учитывая почти коммунистическое прошлое Бастрыкова. Филя получил расчёт и загулял. Через неделю, когда он перестал ходить в туалет и лёгкую нужду справлял прямо на диване, Серафима уволилась из совхоза и уехала к дочери. Обрадовавшийся Филя кинулся к своему гомонку, он был пуст. Пошёл к другу Артёму, но там Василиса спустила на него такую лайку, что лучше бы не заходил. Артём, убегавший по делам, вошёл в положение и сунул товарищу бутылку самогонки. Филя похмелился, а тут подошла старушка, учительница.

– Филимон Савельевич, мне дрова привезли, но больно толстые, не могли бы вы их расколоть? Сколько стоит, я заплачу.

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

Филимону колоть дрова сейчас не хотелось, потому он сказал:

– Две бутылки водки натурой, и завтра ваши дрова будут мельче спичек.

Через час старушка принесла две бутылки. Два дня Филимон не выходил из дома, потом все-таки пришлось, похмелье выдавило. На улице встретились трое знакомых:

– Пошли в котельную, там тепло, и кто-нибудь обязательно придёт с бутылкой.

Филя сел у самого котла, но дрожь не проходила. Кочегар, кидавший в топку уголь, сжалился:

– Тебя чего так корёжит, вчера сильно перебрал или в запое?

Врать не было смысла, и он признался:

– Другую неделю пью, и не жрамши, пукнуть нечем.

– Я тебе дам хлеб и луковицу, поешь.

Только он начал есть, в котельную вошли двое хорошо одетых мужчин:

– Что это за сборище? Кто здесь старший?

Кочегар отложил огромную клюку и снял шапку.

– Старший я, напарник убежал домой, на минутку, у него жена больная.

– А это что за тип?

Кочегар так и отвечал:

– Этот тип зашёл погреться.

– О, да там ещё двое, – заметил проверяющий мужиков на лежанке. – Посторонним покинуть помещение, а кочегара – запиши его фамилию – лишить премиальных.

Гости вышли.

– Начальник наш с председателем райисполкома Ганюшкиным.

– Попадёт тебе?

– Да нет, начальник смирный, сейчас проводит бугра и домой, ну, скажет когда-то на собрании.

Через минуту в котельную влетел молодой парень:

– Ребята, тут все свои? Нет стукачей? Признавайтесь, а то поздно будет.

Кочегар пошевелил клюкой:

– Ты кого пугать собрался? Ты видишь, тут народишко из последних сил, а ты с криком.

– Так вот, братцы, надо мне пару человечков, кое-что перетащить. Естественно, всем перепадет.

Двое покрепче пошли с ним и через полчаса вернулись с двумя ящиками водки. Кочегар сразу сказал:

– Стоп, ребята, так не пойдёт, прячьте, где угодно, здесь шмон будет в первую очередь, и бутылки распить не успеете.

– Пошли ко мне, – оживился Филимон. – Я один, места хватит.

Когда все спрятали в сарае, где когда-то жила корова, сели за скромный стол с хлебом и груздями серафимовой засолки, выпили по первому, Филимон спросил:

– Ребята, а ящики откуда?

– От верблюда. Две машины вчера привезли, мы до темноты разгружали, вот пару ящиков заныкали, а продавщица настолько замёрзла, что ей вообще все по боку. До ближайшей ревизии не хватятся, так что пей, батя, как своё.

Филя выпил, но рассказ этот ему не понравился, и парни вроде свои, но признать не может. Посидев с полчаса, ребята собрались уходить:

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

– Слышь, батя, водка в коровнике, в сене, смотри, не проболтайся, а то сядем на одну скамейку. Понял?

Едва дождавшись рассвета, Филя побежал в магазин. Продавщица, ещё сонная, только что открыла дверь:

– Во, нарисовался, первый покупатель. В долг не даю.

– Да нет, слушай, Зина, у тебя вчера два ящика водки увели грузчики. Ты только тихо, иначе они меня порежут. Я тебе на санках привезу под половиком, чтоб не видно было, а ты ворота открой, чтобы не через магазин.

Зина перепугалась:

– Да ты что, дядя Филимон, а у тебя-то как они оказались?

Филя отвернулся:

– Пили вместе, вот и спрятали у меня. А мне тебя жалко, деньжищи-то за два ящика – ого-го! Ну, пошёл я.

Когда сдал водку, на душе полегчало. Зина, добрая душа, дала ему бутылку как премию, а про водку научила, что была, мол, милиция и все сгрузила.

Филимон согласился:

– Сверяться в милицию они не пойдут, вот и все дела.

Только вернулся, вошли те двое.

– Хозяин, непонятки, водчонки-то нет.

Филя сел на лавку:

– Сдал я вашу водку, ребята. Продавщицу мне жалко стало. Вам по бутылке оставил, возьмите на похмелье. Одно то хорошо, что искать вас не будут.

Парни сели на лавки:

– Ну, дедок, учудил. Ладно. Но ящик водки за тобой, мы будем наведываться, ты не забывай.

Филимон пить и есть бросил, совсем пропал мужик, те приходят, требуют, а дать нечего, и из дома взять – шаром покати.

С таким горем и пошёл он на край деревни дровишки бабульке учительнице расколоть, и встретился ему на пути Поликарп Евдинович. Поздравствовались и разойтись могли, только Поликарп Евдинович остановился:

– Не глянешься ты мне, Филимон Савельевич, вроде и трезвый, а лица нет. Ты не заболел ли случаем?

– Да нет, здоров, хотя какое здоровье? На душе мутно.

– Случилось чего? Говори!

Филя и рассказал всю историю про водку, про парней этих, про горе своё.

– Ты после работы ко мне зайди, только трезвый, с пьяным нам дела не решить.

Филимон расколол дрова и зашёл к Поликарпу Евдиновичу. Какая красота! Живёт один, а порядок – не у каждой женщины такой найдёшь. Сел под порогом. Хозяин под руки провёл в передний угол, положил на стол свёрток денег.

– Вот это все за два ящика водки, часть за выпитое отдашь Зине, а остальное этим крохоборам. На них бы милицию, но это долгая история, и мы с тобой стары по судам да следствиям болтаться. Путь подавятся этой водкой, бессовестные они люди.

Филимон денег не берет:

– Поликарп Евдинович, а как же я с тобой расчёт буду вести?

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

Хозяин засмеялся:

– А никак! Забудь про это горе, да больше не связывайся, а то ещё на старости в каталажку попадёшь.

На том и расстались.

В День Победы его тоже посадили за стол рядом с Поликарпом Евдиновичем, налили фронтовые сто грамм, говорили речи. Он вообще боялся этого мужика, если на улице встречал, непременно переходил на другую сторону. Какой-то он был укоризненный, слова не говорил, а упрёк в неправедной жизни так и пер от него. Филя даже подозревал, что Поликарп из святых, что по земле ходят, вот ты посмотри, при жизни бабы своей никто за ним ничего не замечал, даже специально одну науськивали, уж она и так перед ним, и этак, а он только усмехнулся, дурочкой её ласково назвал и ушёл. Дела на отсевках было, когда всей деревней за совхозный счёт гуляют. А когда вместе с бабой где появлялся, стыдно было смотреть, как молоденькие, он ей – Кристюшка, она ему – Полинька, да с улыбочкой. Не заведено так в деревне! Конечно, больше всего Филимона возмущало, что Поликарп не пьёт, так, для уважения рюмку пригубит, и все. И не скажешь, что лечился или больной какой, вон какой производитель.

– Ты не переживай, Филимон Савельич, я тебя сегодняшним днём осуждать не стану, выпей за ребят наших, кто не вернулся, кто тут уж помер, не дожив веку. Меня вот пронесла война почти на руках, десять раз у смерти на очереди был, а выскакивал. Конечно, ребята пособляли, без товарищев на фронте и дня не протянешь. Хочешь – мой пай возьми, только на ногах домой уйди, чтобы люди не смеялись.

Филимон в тот вечер набрался крепко, пришёл домой, не сам, конечно, пионеры привели. Спал, как всегда, на диване, просыпался рано, потому что похмелье ко сну не располагало. Открыл глаза и увидел цветущую сирень, она почти все окно заслонила. Крупные бутоны были так жизнерадостны, что Филимон заплакал:

– И чего же я творю, сволочь такая, жизни не вижу, детей своих не вижу, внуков не знаю, бабу…, бабу, говорят, в городе мужики потаскивают. Да что же это, Господи! С осени пить начал, и вот уже сирень цветёт, а я все в одной поре. Нельзя мне на белом свете жить, нету мне места. Эх, мама-мама, зачем ты меня на свет родила? Зачем на войне не убил какой-нибудь фашист?

Филимон пошёл в кладовку, нашёл шёлковый шнур, отрезанный когда-то от совхозной катушки, сделал петлю и вернулся в дом. Была такая думка, что пока пишу письмо, может, страх появится, жить станет охота, но короткое письмо «Никого не виню, только водку. У жены прощения не прошу, не стоит того, а дети как хотят. Все. Пожил на этом свете Филимон Бастрыков, покуролесил, терпленье кончилось. На том прощаюсь со всеми. На похоронах ни слез, ни венков, только собутыльники, кому не стыдно. Хоронить не на что, так что извиняйте».

Шнур долго выравнивал, чтобы наверняка зависнуть, а то тут один давился, пришли, а он, сволочь, на цыпочках стоит и орёт на все деревню. Все отровнял, на табуретку встал, ещё раз дёрнул надёжность крюка и подогнул колени.

В то же утро в столярку принесли мерку с Поликарпа Евдиновича. С вечера он засыпал, а уже в полночь – хоть глаза зашивай, нету сна. Включал «Спидолу» и слушал незнакомые и непонятные звуки тихой музыки, которые так совпадали с его состоянием покоя и тревоги одновременно. Он никогда не слышал оркестра, только на Параде Победы, когда шёл в

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

составе своего фронта рядом с незнакомыми героями. Поликарп Евдинович открыл шторку и увидел сияние, потом огонь.

«Что же там гореть может? Да это же Киричонкова избушка полыхат, Господи!»

Он накинул фуфайку и выскочил на улицу. Никого. Побежал к избе, она вовсю пылала, и только жалобный крик перебивал треск горевших стен. Поликарп Евдинович пнул дверь, она открылась, рванул вторую, в избу, она слетела с обгоревших петель косяка, он метнулся на стон и схватил кого-то на руки. Два шага не успел до порога, когда упал потолок. Их так и нашли, Поликарпа Евдиновича с пьяным, как показало вскрытие, младшим Киричонком на руках. Два других так и не очнулись, задохнувшись в дыму.

Деревня гудела. Киричат никто не жалел, их проклинали, что такой человек погиб, пытаясь их спасти. В человеческих эмоциях смешались жалость и жестокость, поклонение и презрение, слезы и гнев. А тут ещё Артём Лавёрович подбежал:

– Филимон удавился!

И без того потрясённый народ ахнул: столько смертей в деревне в один день не бывало. Председатель сельсовета объявил, что Поликарпа Евдиновича хоронить будет государство, на тот случай деньги отпущены.

Народ, хоть и в такой беде, но не мог удержаться:

– А Киричата, думашь, себе на погребенье оставили? Вон и Филимон Бастрыков на своё потомство не расчитыват, так что раскошеливайся, председатель!

Поликарпу Евдиновичу могилу выкопали рядом с Кристиньей Васильевной. Женщины нашли коробку с наградами, их у старика оказалось много, решили подушки не шить, а все медали и ордена нести на одной подставке. Из района приехал первый секретарь Ганюшкин, сказал краткую речь, хотел ещё парторг, но мужики сказали, что речей много не надо, покойник этого не любил, и стали закрывать гроб. Подошёл паренёк, сказал, что ребята пришли с охотничьими ружьями, и патроны без дроби, чтобы сделать салют для дедушки Поликарпа. Власти разрешили, и, когда гроб опускали в могилу, три выстрела в разнобой прогремели над вековыми соснами.

Киричат положили в одну могилу рядом с непутёвым и злосчастным отцом. По Филимону думали долго, хоть и пил в последнее время, однако орденоносец и столько лет был передовиком. Все решила приехавшая Серафима, гроб прямо из анатомки увезли на могилки и тихонько закопали. Деревня долго ещё жила разговорами об этих ужасных случаях.

Ганюшкин понимал, что не просто зависим от водки – жить не может, не выпив. Сто граммов утром, в течение дня бутылка, на вечер вторая. Трыль дважды приглашал для серьёзного разговора, один раз угадал точно, Фёдор собирался домой и залпом выпил стакан водки. Конечно, непьющий Трыль все понял, стыдить и ругать не стал, сказал спокойно, что надо что-то делать.

– А выбор у тебя небогатый: либо ты совсем не пьёшь и работаешь, либо я тебя сниму с должности, и тогда не обижайся, подставляться не буду. Ну, подумай ты сам, Фёдор, ты же молодой, все впереди, вот уйду – первым секретарём станешь. Следить за тобой не буду, но после первого же случая сниму. Все, свободен.

Федора этот разговор не на шутку встревожил. В одну из поездок в область постарался утрясти поскорее все неотложные дела и заехал в областную больницу. Определив по

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

большому списку в вестибюле, где принимает нарколог, вошёл в кабинет, сел напротив доктора, который поднял голову от бумаг и испуганно посмотрел на неожиданного пациента.

– Приём окончен, молодой человек. И я не вижу вашей карточки.

– Доктор, у меня несколько вопросов, так сказать, инкогнито. Пью, давно, с юности, теперь уже не обхожусь без бутылки в сейфе. Я работаю в сельском районе, один из руководителей, понимаете, люди уже замечают, скрываться бесполезно. Запах, вид – все выдаёт. А тут после одного недоразумения первый секретарь прямо сказал: «Завязывай с этим делом, иначе простишься с работой». Что мне делать?

Доктор развёл руками:

– Дорогой мой, прежде всего, нужно личное желание пациента избавиться от дурной привычки.

– Простите, но это называют и болезнью…

– Зависимость, неконтролируемая зависимость. Много без чего человек не может жить: пища, вода, воздух. Попробуйте выдохнуть и задержать дыхание – ничего не получится. Когда алкоголь становится активным участником жизненных процессов в организме, тогда без него невозможно обойтись. Хотя я знаю случаи, когда человек выходил из запоя с нашей помощью и с того момента ограничивал себя: ни грамма спиртного. Сколько дней вы можете обходиться без спиртного?

– В последние годы не было таких дней.

Доктор постучал пальцами по столу:

– Батенька, завидный у вас организм. Что я могу посоветовать? Есть лечебница в Челябинске, методика примитивная, но другой нет. Попробуйте обратиться туда. Кстати, тоже можно инкогнито. Простите, а как ваша семейная жизнь? Я имею в виду атмосферу, отношения.

Ганюшкин смутился: вроде не по теме вопрос.

– Мы остались с женой, дети живут самостоятельно. Честно говоря, дома плохо. Жена никогда слова ласкового не скажет, да я и не жду. С первых дней все пошло наперекосяк, так и продолжается.

– Она как-то борется с вашими пьянками?

– Как она может бороться? Утром ухожу вроде трезвый, с похмелья, возвращаюсь крепко пьян, иногда даже водитель помогает войти в дом.

– Да, у вас стимула нет. Сколько вам лет? Вы же совсем молодой человек, и до такого состояния себя довели. Хотите, один случай из практики? Не подумайте, я не призываю к этому, но все-таки. Был у меня пациент, тридцать восемь, тоже из начальства, по-моему, инженер на производстве. Бились мы с ним долго. Тоже в семье разлад, оно и понятно. И приходит ко мне ассистентом молодая женщина, встретились они здесь, в кабинете, и, представьте себе, он влюбился. Стал приходить чуть не каждый день, я деликатно оставлял их в кабинете, надо же им как-то поговорить. Влюбился окончательно! Семью оставил и перешёл к ней, сейчас живут душа в душу. Конечно, семья и дети – трагедия, но я с медицинской точки зрения: любовь лечит алкоголиков, установленный научный факт!

Ганюшкин потом к этому доктору часто заезжал, всегда трезвый, но опытный глаз не обманешь:

– Вчера принимали?

– Было.

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

– Да, сложное ваше положение. Я так понимаю, что вид ваш руководству не особенно нравится, потому о карьере придётся забыть, даже в нынешней должности, как я догадываюсь, в районе не последней, вы можете не удержаться. Вы согласны?

Фёдор Петрович кивнул и тут же спросил:

– Скажите, что делать, я на все готов.

– Я говорил о Челябинске, можно поехать туда, но предупреждаю: только при внутренней готовности раз и навсегда забыть о прошлом. Это очень непросто, но иначе нельзя. У меня там есть знакомый доктор, я напишу ему просьбу провести процедуру без дополнительных… ну, унижений, что ли.

– А точнее можно?

– Конечно. Все принятые на лечение проходят так называемую трудотерапию, любые хозработы в клинике. Дело в том, что лечение начинается после двух недель трезвости.

Он взял листок бумаги со штампом, что-то быстро написал своим неразборчивым врачебным почерком и подал Ганюшкину.

– Тут адрес и просьба. Остальное зависит от вас. Напоминаю: минимум десять дней трезвости. Желаю успеха.

Своему водителю Володе Фёдор Петрович сказал, что в воскресенье вечером они выезжают в Челябинск, чтобы утром быть в городе. Когда «Волга» привычно тормознула у ворот, Елизавета Александровна удивилась:

– И куда вы на ночь глядя, если не секрет?

Ганюшкин не ответил. Они давно уже общались вопросами без ответов, сообщениями без продолжений, спали в разных комнатах большого дома. Иногда Лиза ночью приходила к нему, плакала, просила не пить и жить дружно:

– Федя, милый мой Федя, я прошу тебя не пить совсем, если не умеешь ограничиваться одной рюмкой. Это плохо кончится. По райцентру уже идут разговоры о твоих выпивках, мне передали.

– Ладно об этом. Ситуация под контролем, успокойся.

– Скажи, что я должна сделать, чтобы ты не пил?

– Хватит об этом. Я уже сплю.

Такие разговоры случались все реже, и Ганюшкин вдруг обрадовался этому: так спокойней, приехал выпивши, поужинал, ушёл в свой кабинет, где в сейфе всегда стоял коньяк. Он стал закрывать дверь на ключ, тихонько открывал сейф, делал прямо из бутылки несколько глотков и ложился спать.

Чтобы снять напряжение, Ганюшкин сказал:

– Еду в больницу на обследование, не меньше недели, так что отдохнёшь от меня.

За длинную дорогу ни разу не вздремнул, Володя иногда оглядывался на шефа, но молчал. Когда заехали в город, Володя спросил, куда и как дальше.

– Вон гаишники стоят, спроси у них, как проехать в психодиспансер, а ещё проще – где алкоголиков лечат.

Володя покраснел:

– Вы серьёзно, Фёдор Петрович?

– Серьёзней некуда, Володя, спрашивай точнее.

Молодая регистраторша, когда Ганюшкин назвал фамилию доктора, которому привёз записку, встала и повела его по узким коридорам на второй этаж, постучала в глухую белую

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

дверь и после ответа открыла:

– К вам, Виктор Иванович.

Ганюшкин вошёл, поздоровался, подал записку. Доктор, пожилой, высокий и худой мужчина, пробежал глазами написанное и улыбнулся:

– Жив курилка? Итак, вы приехали пролечиться, как пишет мой товарищ, или сделать вид?

Ганюшкин не понял:

– Как это – сделать вид? Я хочу получить от вас помощь.

– Да, батенька, приятно слышать, но наша помощь без вашего желания ничего не значит.

Ганюшкин возмутился:

– Доктор!

– Виктор Иванович.

– Простите, Виктор Иванович, я ответственный работник, бросаю все и еду к вам, а вы сомневаетесь в искренности моих намерений.

Виктор Иванович мило улыбнулся:

– Да кто же посмеет сомневаться, молодой человек? И ответственные работники для нас не столь большая редкость, на той неделе отправили заместителя союзного министра. Я уверен, что мы и с вами найдём общий язык. Сколько дней вы не принимали спиртного?

– Неделю.

– Совсем хорошо. Я так понимаю, что вам хотелось бы все и сразу, времени нет, да? Тогда давайте так. Вы ложитесь в клинику, я провожу обследование и назначаю процедуры. Это займёт по крайней мере неделю. Вас устраивает?

Ганюшкин кивнул:

– Я с водителем, нельзя ли его как-то определить?

– Сделаем, есть диванчик в кабинете, питание в столовой. И время от времени я попользуюсь вашей машиной. Не возражаете?

Ганюшкина раздели, выдали штаны и пижаму, провели в общую палату. Взяли кровь из пальца и из вены, провели по нескольким кабинетам и вернули к Виктору Ивановичу.

– Прошу вас не уклоняться ни от каких назначений. Мы будем проводить ускоренный курс, ваш организм позволяет это сделать. Ничему не удивляйтесь, вам будут давать таблетки, вводить растворы в вену и в мышцы, а вечером нальют полный стакан водки. Настоящей.

Ганюшкин возмутился:

– Я не хочу водки!

Виктор Иванович засмеялся:

– Увы, дорогой…

– Меня зовут Фёдор Петрович.

– Фёдор Петрович, увы, придётся выпить. И даже несколько дней кряду.

Каждый день был мучительнее предыдущего, он совсем ослаб, потому что пища в столовой скверная, а брать продукты со стороны доктор запретил. Володя в столовую совсем не ходил, потому встречались только утром, он краснел и спешил к машине.

Историй Ганюшкин наслушался всяких, от смешных до трагических. Народ тут был простой, его сразу определили, как начальника, и относились с каким-то почтительным неуважением. Он старался не обращать внимания, старался показаться своим, потому всякий раз, когда мужики кучковались, он присаживался и внимательно слушал, реагируя, как все.

– Я уже третий раз здесь, и никакого толку. Выйду за ворота, беру чекушку, и маленький

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

глоток. Ага, сердечко запостукивало, пот прошиб, значит, все нормально, организм протестует, но кому сегодня нужны протесты?

Все одобрительно засмеялись.

– Это они только пугают, что крякнешь, если выпьешь. Тут расчёт на то, что я сам хочу бросить, вот тогда поможет. Мой кореш, пятнадцать лет в рыбаках отработал, в сорок ушёл к приезжей бабе, она его сюда, сейчас ударник коммунистического труда и гвардеец. Спрашиваю: скучаешь? Нет, говорит, некогда скучать, у меня жена третьим беременна. Вот и посуди. А пил – дай Бог, утром стакан, в обед стакан, вечером бутылка на двоих. Всегда пьян и всегда на ногах, работник настоящий.

– Это смотря что пьёшь. У твоего друга или у тебя сейчас всегда рыба для «котов» есть, они без «пузыря» не приезжают. А когда выпить нечего и весь ливер трясётся, тогда все годится. Кому доводилось денатурат пить? Тебе не приходилось? – неожиданно рыжий здоровый мужик спросил Ганюшкина.

– Нет, – ответил он и отвернулся.

– Понятно, – протянул рыжий. – Вы на коньяках, должно быть, дозревали. Судя по рукам, тяжельше кой-чего не поднимали. Понимаем. А я вот пил денатурат, у нас тогда на базе его бочки стояли.

Молодой мужчина с интересом полюбопытствовал:

– Что он из себя?

– Обыкновенно. Голубой такой, можно разводить, можно напрямую. Говорят, на глаза влияет. Но я не замечал, хотя сварной наш Миша ослеп. Но опять же сварной. А денатурат потом куда-то увезли. Жалко было. Мы неделю ходили сами не свои.

– Нет, ребята, лучше бражки нет ничего. – Ганюшкин отметил этого мужичка как деревенского. – Мы в последнее время приспособились, в стиральную машину все заправляем и крутим. Слили во флягу, через неделю можно пить, за уши не оттянешь.

– Я втихушку самогон гнал, разолью его по бутылкам и в огороде закопаю. Понятно, пока капает, несколько раз попробуешь, а к оконцовке уже и соображать перестаёшь. Конечно, это когда баба к детям уедет или в больнице. Тогда свобода. Первый раз закопал в разных местах и потерял. Утром там порою, в другом месте – нету. Зато научился. Бутылки затыкаю тряпичной пробкой, а сверху валерьянки капну. Смело закапываю, а потом беру кота, он как ментовская собака, рычит, носом водит, а потом падает передними лапами прямо на бутылку. Все, отрою, кота на крышу и вперёд.

Мужики выдумку оценили и даже посмеялись, но один возразил:

– С валерьянкой надо аккуратно, у нас такой случай был. Бабочка одна выпивала, я и сам у ней бывал, сиживали, а тут пришла она из гостей, и плохо стало с сердцем. Ухватила пузырёк с валерьянкой, хлебнула, да и умерла, а пузырь на лицо пролился. И что ты думаешь? Пришли утром, а у неё на груди кот сидит, и губы уже съедены, все зубы наголе. Жутко смотреть, так её и похоронили, не открывали.

Притихли, потом кто-то выговорился:

– Ты больше при мне такую жуть не рассказывай.

– Ладно, ребята, анекдот по нашей теме. – Молодой мужик, явно городской, уже прихохатывал: – Решили учёные проверить, как водка влияет на производительность труда. Дали токарю сто грамм – точит, ещё сто – точит, и так чуть не литру. Вдруг токарь остановил станок: все, говорит, работать больше не могу. Но руководить ещё могу!

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

Дружный хохот сшевелил листья пожелтевшего фикуса.

Ганюшкин тоже мог бы рассказать кое-что из его опыта, но воздержался. Однажды в пятницу он вернулся с какого-то собрания в совхозе, после которого хорошо посидели в столовой, коньяк лился рекой, и мясо подавали горячее через каждые пятнадцать минут. Володя с трудом выволок его из машины, потом Елизавета Александровна вышла, помогла. Рано утром она ушла к дочери, закрыв дом на замки и убрав все ключи. Ганюшкин даже обрадовался, что супруги нет и никто не будет ругаться, но весёлость быстро пропала: ни в холодильнике, ни в его сейфе спиртного не было. Обыскав все, он позвонил Володе.

– Володя, так получилось, я в изоляции. Принеси две бутылки «Столичной», только имей в виду, ворота наверняка заперты, придётся через забор и к форточке.

Когда Володя постучал в окно, Ганюшкин открыл форточку, бросил наружу пояс от Лизиного халата и осторожно втащил бутылки.

– Володя, извини и спасибо тебе.

– Елизавета Александровна меня убьёт и права будет.

– Да нет, она и не узнает.

Володя улыбнулся:

– Даже и спрашивать не будет, и так ясно, кто принёс. Ладно, пошёл я.

Одну бутылку Фёдор выпил почти сразу, ощутил бодрость и уверенность, достал из холодильника кастрюлю с борщом, разогрел и с аппетитом поел. Как быть со второй бутылкой? Оставить на виду – Лиза выльет в раковину, спрятать – при ней не выпьешь. Он лихорадочно соображал, что же делать. Решение пришло неожиданно. В стеклянном серванте шеренгой стояли хрустальные фужеры, он открыл бутылку и налил несколько фужеров по самый край. Закрыл дверцу, присмотрелся и улыбнулся: пустые фужеры, никто не догадается. И вдруг самому стало стыдно за эту хитрость.

– Ничего, за вечер приду в себя, а в воскресенье надо отсыпаться.

Елизавета удивлённо посмотрела на довольного мужа:

– Опять Володю гонял за водкой?

– С чего ты взяла? Никакой водки.

– Уволится он от тебя. Позоришься перед парнем.

Ганюшкин возмутился:

– Довольно! Я дома и могу делать, что захочу. Например, сейчас буду спать.

– Иди в кабинет, здесь воняет перегаром.

– Извини, но я хочу в зале. Включи телевизор.

Лиза хлопнула дверью и ушла на кухню. Фёдор проспал несколько часов, но встал разбитым. Лиза в ванной стирала белье, машина гудела, и время от времени лилась вода. Он подошёл к буфету, взял полный фужер и выпил. Снова лёг на диван. Через полчаса поднялся, выпил ещё фужер. Пошёл на кухню. Лиза выглянула из ванной комнаты и всплеснула руками:

– Федя, ты прячешь спиртное? Ты пьёшь втихушку.

– С чего ты взяла? Я абсолютно трезвый.

Лиза пошла в зал, заглянула в тумбочки, потрогала книги, откинула шторы:

– Федя, где бутылка?

– Я же говорю тебе, что нету.

– Поразительно! – Лиза действительно была сильно удивлена. Она не входила больше в зал, и за вечер Фёдор выпил всю водку. Успокоившись, лёг спать. Утром мучился, но к обеду все

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

прошло, натопил баню, попарился, сунул под язык таблетку снотворного и ушёл в кабинет. Он никогда никому не рассказывал о своей находке и ещё несколько раз пользовался этим приёмом.

Два года после лечения Фёдор избегал застолий и даже в домашней компании старался отделаться квасом или минералкой. Лиза, этого нельзя было не заметить, старалась ему во всем угодить, каждое утро свежая рубашка, к имеющимся костюмам она купила ещё три, и теперь Ганюшкин менял их каждый день. В отличие от Лизы, у него ничего светлого в семейной жизни не появилось. Если после пьяного возвращения домой он старался быть покладистым и не усиливать напряжённость, понимал, что любые претензии могут обернуться скандалом, то теперь, держа практически Бога за бороду, он стал менять тактику. Его всегда, ежеминутно в её присутствии мучил вопрос, кто же был у неё раньше? Она действительно была любовницей Трыля и основой его удачной карьеры? Он понимал, что так продолжаться не может, это глупо, несерьёзно, знание ничего не может изменить, но эта загадка его бесила, она превращала умного здорового мужика в неврастеника.

В этот вечер Лиза была особенно радушна, рассказала об успехах дочерей, похвасталась новыми книгами, которые только что принесла из магазина. Полистав одну, другую, Фёдор вдруг понял, что сейчас он спросит, вот сейчас, только она отвернётся. Нет, пусть она выйдет на кухню, надо собраться с духом.

– Принеси минералку из холодильника.

– Тебе со льдом?

– Не знаю. Хотя постой. Лиза, мы ведь так и не закончили разговор нашего первого брачного дня. Ты мне скажешь, с кем ты… была до меня?

Лиза села в кресло и закрыла лицо руками:

– Я все время ждала этот вопрос. Ты маньяк, ты истрепал нервы с пьянкой с молодости, потому сейчас, после двадцати лет совместной жизни, после двух девочек, которых мы родили и воспитали, ты задаёшь мне вопрос, который не имеет уже никакого значения.

Ганюшкин встал:

– Я бы просил тебя не дёргать мои выпивки, и не надо делать вид, что это первый разговор. Тогда ты прикрылась райкомом, Трылем, вы купили тогда мою честь и мою гордость райкомовской должностью и шикарной квартирой.

Лиза уже успокоилась и легко парировала:

– Федя, гордого и честолюбивого человека нельзя купить ничем. Это я кстати. Да, у меня был мужчина, но это ещё до нашего знакомства. Да, я не соглашалась на близость с тобой до свадьбы, потому что уже тогда я понимала: ты меня бросишь. Да, я пошла на подлог, на обман, но сделала это в расчёте на твою любовь. Увы, я ошиблась. Для тебя вопрос моей… невинности стал комом в горле. Хорошо, сейчас ты все знаешь. Что ещё?

Ганюшкин чувствовал, что кружится голова, дрожит все тело, его переполняет гнев и он готов ударить эту женщину, столько лет близкую и столь чужую ему.

– Что ещё, спрашиваешь ты? Я хочу знать, кто этот счастливчик. Я хочу знать его имя, потому что все эти годы он смеётся надо мной и видит меня с рогами!

Лиза заплакала:

– Фёдор, что ты говоришь!? Этого человека уже давно нет в районе, ты его даже не видел, и

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

он тебя не знает.

– Где он сейчас? Где он работает?

– Федя, ты параноик, я не знаю, где он и что с ним, тебя это устраивает?

– Нет. Ещё вопрос. Что у тебя было с Трылем? Ты была его любовницей? Отвечай!

Лиза успокоилась:

– Все, Федя, дальше некуда. Что ещё ты приготовил?

– Я скажу тебе, что, наверно, никогда бы не насмелился сказать. С той самой ночи я тебя ненавижу, понимаешь, гляжу и ненавижу, обнимаю, тискаю и ненавижу. Да, в этот момент я представляю другую. Меня бесит, что до меня всем этим пользовался другой мужчина. Все, я тебе сказал все, что имел сказать. Мы разведёмся. Конечно, меня снимут с работы. Ну, и хрен с нею, мне уже ничего не надо, я страшно устал за эти годы.

Лиза молча вышла из комнаты и через минуту он слышал, как сработал замок в комнате для гостей: она будет спать там.

Но судьба хранила своего баловня. Странно, но утром он чувствовал себя вполне нормально, ушёл в исполком в семь часов, так и не увидев Лизу. К одиннадцати часам раскрутил все запланированные вопросы, выпил чашку кофе. Прозвучал гудок прямого телефона первого секретаря:

– Ты свободен? Вот и славно. Зайди ко мне.

Трыль, постаревший, но все такой же энергичный и напористый, не вставая, пожал руку, указал на кресло справа.

– Как дела? Что дома? Все нормально? Дочери здоровы? Что ты молчишь?

Ганюшкин засмеялся:

– Столько вопросов сразу. Все нормально, Иван Минович, а вот двух руководителей надо менять. Я имею в виду бытовое обслуживание и коммунальщика. Ничем не могу прошибить, планы валят, нового ничего нет, от других районов позорно отстаём.

Трыль молча слушал и никак не реагировал, Ганюшкину даже показалось, что он вообще не слушает его бурную речь.

– Так, Фёдор Петрович, теперь меня послушай. Сегодня первый дал добро на мою отставку. Пристроят в народный контроль, там ещё послужу. Я назвал твою кандидатуру, первый согласился, так что готовь документы. Пригласи Бытова и скажи, чтобы через машинисток информация не ушла из райкома. Мне эти разговоры ни к чему. Вот проведём пленум, тогда пусть обсуждают. Вопросы есть?

Ганюшкин боялся выдать своё смущение, плохо они сочетались: громкое заявление о разводе и сегодняшнее предложение. Был момент, когда Ганюшкин готов был сказать: «Иван Минович, вы мне однажды уже помешали исполнить своё решение, в результате я двадцать лет прожил с нелюбимой женщиной, но зато сделал карьеру. Вчера я заявил жене об окончательном разводе – сегодня вы вновь невольно заставите меня отказаться от этого решения и оставить все, как есть, а взамен получить высшую районную должность».

Он мог бы это сказать, но не сказал, и Трыль заметил заминку:

– Тебя что-то смущает? Не нравится мне твоё лицо. У тебя с Лизой все нормально? Фёдор, не заставляй меня вмешиваться.

Ганюшкин взял себя в руки, посмотрел в глаза своему шефу и с улыбкой ответил:

– Какие у нас с Лизой могут быть проблемы, Иван Минович?

– Правильно. Я помню, как ты закусил удила после свадьбы, ладно, что за ум взялся. Все,

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

иди, скоро на обед.

Обед не обещал ему ничего хорошего, он прекрасно понимал, что просто вынужден будет пойти по проторённой однажды мерзкой дорожке, но понимал и то, какую цену заплатит, если ничего не изменит. Хотя почему ты решил, что все от тебя зависит. А Лиза? Если она упрется, а оскорбил ты её вчера окончательно, по женской линии оскорбил, а для женщины нет ничего обиднее таких примерно слов, что ты ей вчера наворотил, одно «тискаю, и ненавижу» чего стоит. Ты поставь себя на её место, это не ты, а она тебе говорит, что в постели вместо тебя представляет другого мужчину, того, первого. Каково? Сразу запотряхивало? Но говорить с ней надо, причём ни слова о том, что от её решения зависит твоё новое назначение, иначе она вымотает все нервы и в итоге соберёт чемоданы. А может быть, и тебя выставит с вещами на выход.

Ганюшкин выехал за околицу, чтобы не мешали думать. Как ни крути, надо падать в ноги и молить о прощении, ссылаться на нервное напряжение, на длительное воздержание от спиртного, сказать о готовности немедленно начать лечение нервов, психики – чего угодно. На девчонок уповать, мы с тобой можем ссориться и мириться, но девочки не должны ничего знать, у них свои семьи. Хотя глупо, конечно, будет звучать после стольких лет пьяных ночных возвращений, которые они если и не видели, то слышали определённо. Ну и пусть, зато она увидит, что ты это все понимаешь и готов к переменам. В общем, так: приезжаешь домой, с порога падаешь на колени в прямом смысле и просишь прощения со слёзными, если обстановка потребует, клятвенными обещаниями никогда больше не обижать любимую жену ни словом, ни… Чем ещё можно обидеть? Черт, натворить столько глупостей надо суметь, а вот как теперь за них отвечать? Но – решено.

Дом открыт, на кухне тихо и чисто, никаких многообещающих вкусных запахов. Лиза в зале сидит на диване, поджав ноги. Глаза сухие. Вошёл, она даже головы не подняла. Ганюшкин подошёл к дивану и встал на колени:

– Лиза, умоляю тебя, я прошу прощения. Ну, сорвался, да, болен, это все алкоголизм, но я буду продолжать лечение. Ты же знаешь, что я уже давно не пью. Лиза, не молчи, скажи, что ты меня простила, обними, как прежде.

Лиза молча выслушала тираду и вдруг улыбнулась:

– Сколько нового я сейчас о тебе узнала. И признаешь, и будешь лечиться. Ты про детей ещё напомни, что мне придётся им все объяснить.

Фёдор испугался:

– Лиза, ты о чем говоришь? Я никуда тебя не отпущу, слышишь, я тебя не пущу и не уйду сам. Да, и дети, конечно, но я не хотел ими спекулировать. Поставь мне любые условия, Лизанька, я все выполню, клянусь тебе.

Лиза встала и перешла в кресло. Стоять перед пустым диваном было нелепо, и Фёдор тоже встал. Нехорошая тишина стояла в доме, он не знал, что говорить и делать дальше. Сел на её ещё тёплое место на диване.

– Может, ты скажешь, что надумала делать, Лиза?

Она кивнула:

– Конечно, скажу. Сегодня ложусь в больницу, ничего страшного, просто аборт. Хорошо, что не успела тебе сказать до твоих сердечных признаний, что беременна, ведь мы так хотели сына. Теперь никого не будет. Приду в себя и буду искать работу в другом районе, у меня есть знакомые, помогут. Жить мы с тобой, Федя, больше не сможем.

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

Ганюшкин в сообщении про беременность увидел какую-то соломинку, да, этот ребёнок должен их примирить, Лиза не может не понимать, что большие перемены в семье помогут загладить боль от вчерашней обиды.

– Лиза, послушай меня. – Он опять встал перед нею на колени. – Послушай. Это очень хорошо, что ты в положении. Это хороший знак нам всем, и девочкам тоже. Я переменюсь, клянусь тебе, ты будешь дома с маленьким, я буду тебе помогать, у нас будет замечательная семья, Лиза!

Лиза вдруг заревела в голос, по-бабьи, когда никого не стыдно и совсем все равно, что об этом подумают окружающие, она выла, как выла когда-то мама над умершим отцом. У русской бабы звук этот хоронится до поры и в минуту наивысшего напряжения вырывается наружу из не сумевшей удержать его души, и тогда мало кто сможет утерпеть и не вытереть влажных глаз. Фёдор испугался, поднял голову, а Лиза глядела на него красными от напряжения глазами, и в них было все – прощение, любовь, жажда жизни. Он осторожно коснулся её рук, и она ухватила его руки, словно он мог выскользнуть и сорваться в бездну.

– Лизанька…

– Федя…

– Лизанька, милая…

– Федя, уведи меня в спальню и закрой дверь на ключ, а то вдруг кто-нибудь придёт…

Они долго ещё лежали, обнявшись, как после долгой разлуки, пока большие часы в зале не пробили дважды. Лиза улыбнулась:

– Меня за опоздания с работы уволят.

Фёдор с улыбкой ответил:

– Я за тебя похлопочу. – В это мгновение густая волна прокатилась по всему телу, волна жалости к этой женщине, которая перед ним ни в чем не виновата, и её девичья слабость перед настойчивостью любимого, наверное, человека – самая малость по сравнению с его баловством, только она свою ошибку скрыть не может, а он может прикинуться наивным и безгрешным. Фёдор обнял её сзади за плечи и поцеловал в шею, она всегда смеялась, когда он касался шеи. Лиза вдруг резко повернулась:

– Федя, неужели ты меня и вправду любишь?

Он смутился и велел собираться скорее.

Высадив жену, Ганюшкин подъехал к исполкому, передал машину Володе с наказом быть готовым к поездке в область. Вошёл в кабинет, тяжело опустился в кресло, зажал руками голову. Ладно, из этой схватки он вышел победителем, завтра в обкоме он получит добро, через пару дней пленум, и он – первый секретарь. Тогда Лиза уже не будет столь строптивой, все-таки статус жены первого в районе особый, она умная женщина и будет вести себя соответственно.

Пленум райкома прошёл, как всегда, по чёткому порядку, прописанному инструкцией. Никто не удивился, что первым рекомендован Ганюшкин, только несколько старых хозяйственников переглянулись и пожали плечами. Что Ганюшкин злоупотребляет спиртным, знали многие, но в глаза ни ему, ни Трылю никто не говорил. Каким-то образом всплыла история его поездки в Челябинск, любознательные даже подсчитали, что несколько лет после этого председатель райисполкома даже после отчётных собраний в совхозах в столовую не шёл и за стол не садился. Ганюшкин вызвал Володю и в упор спросил:

– Ты кому-то говорил про Челябинск?

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

Володя взгляда не отвёл:

– Никому ни слова, Фёдор Петрович.

– Верю. Ступай.

Через райкомовского заворга и секретаря райисполкома исполнительную Галину Александровну он перевёл Катерину секретарём приёмной первого. Как ему казалось, никто этого не заметил.

В первый вечер после пленума Лиза встретила его улыбкой, но он ошибся о её причине: Лиза улыбалась не от радости и счастья, только несколько дней назад вернувшихся в их дом. Она действительно была удивлена изворотливостью и живучестью мужа.

– Федя, я не стану тебя поздравлять с избранием первым, не думаю, что это хороший выбор, но уверена, что ненадолго. Какой артист в тебе погиб, Федя! Как ты все разыграл: и лечение, и прощение, и ребёночка – все в одну колоду, и банк твой. Все кончилось, как у порядочных супругов, – постелью и страстными поцелуями. Тебе надо было любой ценой получить перемирие в семье, чтобы стать первым.

Фёдор поймал её за плечи:

– Лиза, да, момент был ответственный, но ведь ничего не изменилось, все мои обещания остаются в силе. Что тебя не устраивает? То, что твой муж стал первым секретарём?

Лиза выпросталась из его объятий и отошла к столу:

– Меня не устраивает твоя постоянная ложь, ты заврался настолько, что в экстазе назвал меня Катериной. Господи, до чего мы дошли? И ты считаешь, что имеешь моральное право быть первым руководителем? Да никогда!

Фёдор не на шутку испугался:

– Ты что, собираешься ехать в обком?

Лиза засмеялась:

– Этого ещё не хватало! Тебя и так очень быстро раскусят. Подводим итог: я еду к Вале на Север, там сделаю аборт. Оттуда подам заявление на развод. Можешь привести в дом Катю. Хотя тебя, наверное, снимут с должности, и девушка потеряет всякий интерес.

К дому подошла машина.

– Это за мной. Нина прислала. Прощай.

И она хлопнула дверью.

Через месяц Ганюшкин попросил разрешения на выходные слетать в Сургут. Валентина выговорила ему все: и пьянки, и разборки, и девушек, как будто их было много. Лиза молчала. Вечером он подошёл к ней, когда остались вдвоём в комнате:

– Прошу тебя вернуться домой. Ну, не дело жить вот так. Мне без тебя плохо.

– А мне хорошо, Ганюшкин? Как ты думаешь? – Она вытерла слезы. – Не упрекай меня, что не выполнила все обещания, но детей у нас больше не будет. Заявление на развод я написала, но так и не отправила. И я хочу домой, на свою работу, в свой дом.

И они вернулись вместе.

Через год Ганюшкина направили в Москву на учёбу. Лиза, собирая его, молчала. Когда подъехал Володя, она обняла мужа и прошептала:

– Федя, если ты не начнёшь там пить, мы будем самой счастливой семьёй. Помни это.

На курсы прибыли первые секретари сельских райкомов со всех союзных республик, в номере с Фёдором поселился грузин Вано. Вано отправляли в столицу всем районом, два молодых человека внесли в номер его вещи, среди которых было несколько больших

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

кувшинов с вином.

– Фёдор, в Сибири пьют самогон, у нас делают чачу. Но я привёз лучшие вина, которые, как малых детей, нянчат наши виноделы, Герои Труда. Вот это вино из винограда хихви, это оджалеши, здесь качичи, нет, мцване. Это известное ркацетели, каберне, алиготе, да, кувшин шардоне и кувшин чхавери. На полный курс марксизма-ленинизма!

Фёдор осмотрел все эти чудеса и сказал соседу:

– Дорогой Вано, я совсем не пью, придётся нам с кем-то поменяться местами, чтобы у тебя был настоящий сосед.

Грузин вскочил:

– Ты что, дорогой Фёдор, не уважаешь Вано Аргуташвили? Мы не будем пить, мы будем пробовать.

Фёдор боялся, что вино может вызвать реакцию, о которой говорил врач в Челябинске, но внутренне он уже понимал, что пить будет. Налили по бокалу, Фёдор отпил два глотка, в голове привычно зашумело, он выпил ещё, заколотилось сердце, налил полный бокал и выпил залпом.

– Ну вот, дорогой, а говоришь, что не пьёшь. Давай ещё.

Ганюшкин едва сидел на лекциях, перед зачётами стоял под душем и тщательно натирался одеколоном. После сдачи зачётов и получения свидетельств гуляли ещё три дня, грузин договорился с заведующей общежитием. Ганюшкина погрузили в самолёт, и испуганный Володя принял его с трапа самолёта в Тюмени. Пока ехали домой, Фёдор выпил ещё бутылку коньяку.

Лиза открыла дверь без удивления и огорчения, Володя занёс чемодан. Весь следующий день Фёдор отсыпался, но междугородный звонок его поднял.

– Здравствуй, Пахотин. Почему не на работе?

– Приболел, завтра выхожу.

– У тебя пленум на декабрь, готовь, пошлю инструктора в помощь, а проведёте сами. До свиданья.

Жизнь вернулась в уже почти забытую колею. Вечером Ганюшкин приезжал домой и входил с помощью Володи, утром стакан коньяка, кофе и горячий суп. К обеду надо было подкрепляться, и он выпивал стакан прямо из сейфа. В хозяйствах ни с кем не ужинал, заезжал к хорошим знакомым, где ему всегда были рады. Лиза молчала, утром помогала собраться и ждала финала, который она хорошо представляла. Говорить с Ганюшкиным об этом было бесполезно:

– Лиза, кто пикнет? Да они у меня все вот где! – И показывал свой крепкий кулак. Лиза не комментировала, потому что границу понимания Фёдор уже перешёл. Так прошли ещё три месяца.

Пленум райкома по организационно-партийной работе готовили громко, материалы печатали в газете, к обсуждению через журналистов привлекли рядовых членов партии. Доклад Ганюшкин дважды возвращал на доработку, причём работал над ним дома, под коньячок, быстро обнаруживал слабые места, делал на полях беспощадные замечания и требования. Он знал, что в аппарате его недолюбливают как выскочку: вчера был заворгом, сегодня первый. Наконец, доклад утрясли, стали разбираться с выступающими.

– Скажи, пожалуйста, что может интересного доложить пленуму парторг Сорокинского совхоза? Он же безграмотный, в слове из трёх букв четыре ошибки делает. Если ему есть что

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

сказать по содержанию работы, поезжай к нему, и готовьте текст на месте. Но чтобы это было выступление, а не пожелания трудящихся, – распекал он заворга Митрохина.

Накануне пленума вечером к нему домой приехали два директора совхозов.

– Извини, Фёдор Петрович, едем из Тюмени, подписали нам титулы на животноводческие комплексы. В облстрое так и сказали: «Благодарите своего первого, он тут все пороги обил». Тут была доля правды, Ганюшкин пару раз заходил к строителям, но ребята явно переоценивают его роль. Теков и Митрофанов переглянулись:

– Фёдор Петрович, у нас бутылочка коньячка есть. Сбрызнуть надо это дело.

Ганюшкин неловко улыбнулся:

– Вы, друзья, не забывайте, что пленум завтра, какой коньяк?

– Да ну, Фёдор Петрович, по рюмочке не повредит.

Ганюшкин пошёл на кухню, Лиза была на взводе:

– Федя, не пей, завтра пленум, будет кто-то из обкома, и как ты будешь выглядеть? Им-то в зале сидеть. Хотя – когда они в Тюмень успели смотаться, я Текова сегодня в госбанке видела?

Но Ганюшкин уже не слышал, принёс холодную закуску, конфеты, рюмки. Выпили по одной, потом по второй, Теков хотел достать ещё одну бутылку, но Ганюшкин категорически поднял руки. Расстались. Проводив гостей, Фёдор вошёл в комнату и у кресла увидел оставленную Тековым бутылку. Взял её, Лизе крикнул, что пошёл в кабинет работать, закрыл дверь и сел на раскинутый диван. Убрать бутылку уже не было сил, он знал, что не уснёт, если она будет тут, вообще не уснёт, если не выпьет ещё рюмку.

К полуночи бутылка была пуста, Фёдор сумел спрятать её в сейф, где накопилось уже немало тары, едва стянул с себя брюки и рухнул на постель. После неудачного лечения опьянения происходили быстрее и проходили долго и тяжело. Он не слышал будильника, в шесть вошла Лиза и ужаснулась: опухший, полупьяный Фёдор не мог двух слов связать. Она насильно поставила его под душ и добавила холодной воды:

– Что ты делаешь, мне холодно, Лиза!

– Постой хоть четверть часа, хмель выйдет. Федя, сегодня пленум, как ты мог?

– Ладно, все обойдётся. Приготовь мне кофе и рюмку коньяку. Ты же знаешь… И не переживай, из обкома никого не будет, а свои переморщатся и не пикнут.

– Ох, Федя-Федя! – только и сказала Лиза, помогая ему надеть костюм и поправляя как всегда свалившийся в сторону галстук.

Он быстро прошёл в свой кабинет, Митрохин вошёл следом и доложил:

– Только что прибыл заведующий орготделом обкома товарищ Пахотин. Он заехал в колхоз Ленина, к открытию будет.

– У тебя все готово? Смотри! А что Пахотин так неожиданно, ведь не собирался?

– Не могу знать, Фёдор Петрович.

– Ладно, свободен.

Прямо в сейфе налил рюмку, выпил. Заел каким-то мускатом, что ли. С Пахотиным поздоровались на ходу, доклад читал второй секретарь, выступления пошли нормально. Фёдор чувствовал, что похмелье начинает его донимать, выступил пот, в руках появилась дрожь. Пахотин написал записку и передал ему. Фёдор развернул:

«Заключительное слово за докладчиком. Тебе лучше не выступать».

Когда все разошлись, в кабинете остались он и Пахотин.

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

– Я специально приехал без предупреждения. К сожалению, жалобы в обком на твою пьянку имеют основания. Завтра доложу первому, жди вызова.

Вызова Ганюшкин не дождался. Приехал секретарь обкома по селу, срочно собрали бюро, потом пленум, и Ганюшкина освободили от обязанностей первого секретаря, члена бюро и члена райкома. Партийной организации было рекомендовано в двухдневный срок решить вопрос о пребывании Ганюшкина в рядах партии. Уже выходя через чёрный ход, вспомнил, что в сейфе осталась недопитая бутылка, вернулся, попросил уборщицу потихоньку вынести всю тару, бутылку поставил в портфель и пошёл домой.

Лиза уже все знала. Он прошёл на кухню, налил полный стакан коньяка и выпил.

– Эти двое вчера приезжали специально тебя споить и бутылку оставили специально. Федя, как хочешь, но я так жить не могу. Я сегодня же уезжаю к Вале в Сургут. Сберкнижки все на месте, пей, гуляй. Меня тебе упрекнуть не в чем, я боролась, сколько могла. Теперь только ты сам можешь что-то предпринять. Но – без меня. Прощай.

Он остался один, вообще один, без семьи, без работы, без партии, конечно, он не пойдёт на это унизительное собрание. А Катя? Так давно её не видел! Может быть, в ней спасение? Позвонить?

Он набрал номер, Катя ответила сразу:

– Я все знаю, Фёдор Петрович, даже как-то странно. Но мы не будем больше встречаться, тем более, что есть парень, который зовёт меня замуж. До свиданья, Фёдор Петрович.

Вот так. Ганюшкин так громко захохотал, что сам испугался собственного голоса. Мир встал на дыбы! Все перевернулось в один день! Достал из портфеля початую бутылку, глотнул из горлышка, стало полегче. Кто-то стукнул дверью, окликнул хозяев. Фёдор вышел: Володя, водитель!

– Здравствуй, Володя, дорогой ты мой человек. Проходи. Видишь, я теперь совсем один.

– Как это – один? – не понял Володя. – А Елизавета Александровна?

Ганюшкин горько улыбнулся:

– Она уехала к дочери на Север. Так что я холостяк.

– Я что пришёл, Фёдор Петрович, вы меня извините, но мы с вами как жили дружно, так и остаёмся. Если чем могу – всегда помогу. Ну, побежал я, машина на улице.

Когда хлопнула дверь, Ганюшкин сел в кресло и заплакал. Надо было жить, а он не знал, как.

Почему ему вдруг вспомнилась эта картина: сидят в котельной мужики, на всех один стакан. Пускают его по кругу, все честно, без обмана, а тут приходит он, всех спугнул, все нарушил. Ну-ка, где это было? Да, в южной квартальной котельной. Ещё не понимая, что он собрался сделать, Ганюшкин поставил в карман полупустую бутылку и надел пальто, потом снял, нашёл в кладовке фуфайку, старые валенки и пошёл к той котельной. Мужики будто не уходили, или ему так показалось, когда он вошёл, они насторожились, а потом как-то по-свойски пригласили к столу:

– Садись с нами, чем богаты…

– Кто это? Ты его знаешь?

– Какая разница. Человек.

Раз в неделю он ходил в сберкассу и снимал деньги, но они быстро кончались. Вокруг него постоянно были какие-то люди, никто из бывших сослуживцев не звонил и не приходил. Нина в выходные оставляла дома, он терпел, пока она делал уборку, что-то готовила.

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

– Папа, воздержись, закройся за мной и отоспись. Посмотри на себя, ты похудел, состарился. Папа!

Она уходила, и он доставал бутылку.

Несколько раз заходил в ту котельную, когда было тяжело одному. Вот и в этот раз мужики встретили его, как своего, посадили за стол, налили стакан водки. Ганюшкин достал из кармана свою бутылку.

Выпили по кругу, гость неуверенно поставил на стол стакан, захрипел, завалился на бок и потерял сознание.

– Мать твою… Нам только этого не хватало.

– Чего орёшь? Беги к моей, у нас телефон есть. Вызывай скорую.

Через полчаса больной Ганюшкин уже лежал в реанимационной палате, а сестры все не могли поверить, что это вчерашний секретарь райкома.

Фёдор Петрович Ганюшкин умирал в угловой палате реанимационного отделения, куда главный врач, знающий его по прежней руководящей работе, из уважения дал команду положить. Молодые медсестры, как ему потом сказали, были против, потому что привезли его в отделение глубокой ночью сильно пьяного, а скорую вызвала хозяйка его собутыльника, сантехника или кочегара коммунального хозяйства. Если бы он мог трезво оценивать, конечно, поразился бы составу последней компании. Вспомнил, что сидели в котельной с какими-то мужиками, они узнали бывшего секретаря райкома, пригласили в компанию, а он за этим и шёл.

Ганюшкин очнулся только к вечеру следующего дня, обе руки привязаны к кровати, и из двух бутылей в его истерзанный организм вливают какую-то жидкость. Вошёл врач, молодой, красивый, раньше они не встречались, да и где?

– Как вы себя чувствуете? – почти безразлично спросил доктор.

– Хорошо, – хотел сказать он, но услышал сиплое мычание.

– Вы знаете, как попали сюда? – с небрежением посмотрел на него доктор.

Ганюшкин отрицательно покачал головой, потому что издавать тот звук ещё раз ему показалось страшным.

– Вас привезли в дым пьяного с почти остановившимся сердцем. Сейчас вы слышите своё сердце?

Врать не хотелось, он прислушался, в левой половине груди все горело, но сердца не почувствовал. Безнадежно посмотрел на врача.

– У вас обширный инфаркт, сейчас сердце работает только под влиянием вот этих препаратов. Если их отключить, вы умрёте.

Ганюшкин кивнул.

– Вы киваете, понимаете, что можете умереть?

Он чуть качнул головой в сторону и показал глазами на бутыли.

Доктор улыбнулся:

– Вы предлагаете отключить препараты? Увы, это запрещено, хотя на таких больных, как вы, я не стал бы тратить ни копейки. Вам понятна моя позиция?

Ганюшкин опять кивнул. Его била мелкая дрожь, все тело покрыто липким и вонючим потом. Понимая, что это бесполезно, он облизал губы и попробовал сказать:

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

– Доктор.

Что-то получилось, потому что врач наклонился к нему.

– Глоток спирта. Мне плохо.

Доктор воровато оглянулся назад, открыл дверцу стеклянного шкафа и налил в стакан грамм пятьдесят, развёл водой и поднёс к его рту. Ганюшкина затрясло ещё больше от предвкушения, на подушках он лежал высоко, потому выпил легко и даже с удовольствием.

– Запах от вас и без того убедительный, я просто пожалел вас. Если чему-то суждено случиться, то оно случится часом-двумя раньше. Насколько я понимаю, с такими травмами миокарда в наших условиях вообще не живут. К тому же ваш образ жизни…Вы понимаете, что это между нами?

Фёдор Петрович с благодарностью кивнул. Из всего последующего ему самым неприятным было, когда молодая нянечка подсовывала утку. С уткой он знаком ещё с Афгана, но там работали медбратья из таких же салажат, как и он сам, потому никаких проблем, а тут молоденькая девчонка, она стыдится, ему неловко. Когда она его таким образом обиходила, подошла и спросила:

– Вы Нины Фёдоровны отец?

Нина – его старшая дочь, умница, муж ей хороший попался, хотя тестя в последнее время не пускал в дом. Да он и не рвался, с дочкой по телефону говорил, она иногда забегала к нему, мыла, чистила, ворчала...

– Я вас сразу узнала сегодня утром, а Нина Фёдоровна звонила, врач сказал, что очень плохо, и её не пустят к вам. Вы этого молодого доктора не особо почитайте, он нехороший человек. Вот ночью придёт дежурить доктор Струев, его слушайте. Этот вам про смерть говорил?

Ганюшкин с удивлением кивнул.

– Он всем так говорит. Раньше вообще нельзя было с больным о его болезни говорить, а теперь прямо могут сказать, что не жилец.

Он опять кивнул, и она ушла. Вопреки обещаниям доктора, он не умер, а даже чуть полегчало. Теперь он больше всего боялся визита Нины, она женщина пробивная, может договориться, чтобы разрешили свидание, но отец от этой встречи ничего хорошего не ждал. Она вся в него, не нынешнего, а того, каким был раньше: прямая, резкая, никаких компромиссов. Учиться пошла на финансиста, хотя он рекомендовал что-нибудь гуманитарное. После института вернулась в район, диплом с отличием, девчонку взяли в отделение Госбанка. Отец смеялся:

– Нина, и охота тебе чужие деньги считать?

– Папа, ты совсем не знаешь банковского дела. Наличные деньги – только часть нашей работы, все остальное в бумагах – счета, платёжки. Не морочь себе голову, гуманитарий.

А ведь совсем недавно и было все это. Он тогда в райкоме работал, выпивал, но не сказать, чтобы заметно, дома после работы двести грамм пропустит, кажется, на душе свободней. А встречи?! Каждую неделю кто-то из области в гостях, а гости всякие, кто только поужинает и в машину, а с иным до полуночи сидит. Утром на работу надо к семи часам, встанет в шесть, зарядку кое-как сделает, обмоется по пояс, зубы прочистит и горло прополощет, а жена все равно с подозрением смотрит:

– Нет, Федя, и рожа, извини, у тебя не райкомовская, и запах не коммунистический.

Старшая дочь Валюша после института уехала на Север, вышла замуж, приезжали с мужем

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

на недельку после южного отдыха, она о беде отца позже всех узнала. А Нина душеспасительные беседы устраивала после каждого серьёзного срыва. Ганюшкин поначалу все на Афган сваливал, мол, поистрепали нервы, вот и хочется хоть как-то забыться.

Афган мало кому на пользу пошёл, разве московским генералам, которые за золотыми звёздами сюда прилетали. Отсидится месяц в каком-нибудь гарнизоне под прикрытием спецназа и пары вертушек, а потом распишет свои подвиги. Он сам читал в «Звезде» про одного, которого они же и охраняли, так он только что не перестрелял всех духов, так развоевался, что позиции наших войск радикально укрепились. А сам, падла, на толчок ходил с парой автоматчиков.

Там же Ганюшкина и ранило за месяц до демобилизации, с бронемашины как ветром сдуло, осколок фугаса в груди застрял. Ребята быстро в машину и в лазарет, а там хирургом оказался молодой совсем человек, но рисковый. Видит, что парень кровью исходит, велел бросить на стол, гимнастёрку ножницами располовинил, а Ганюшкин уже поплыл, слышал только, что врач девчонок медсестёр материт, те боятся, ни разу не видели, чтобы из живого человека кусок железа торчал. Через двое суток очнулся, а хирург этот над ним сидит, улыбается:

– Ну, дембель, забирай свой осколок и шпарь домой. Я тебя к вечеру отправлю вертушкой в госпиталь, пусть посмотрят, все ли там ладно. А девчонкам спасибо скажи, видишь, какие они смирные, я из них всю кровь для тебя высосал. Жениться тебе на них уже нельзя, кровное родство. Понял?

В госпитале долго шептались доктора, когда рентген посмотрели. В сантиметре от сердца осколок, а тот пацан без церемоний выдернул.

Афган многих ребят подсадил на наркотики, в Союзе про них только слышали, а тут рядом и сколько хочешь. Ганюшкин один раз ширнулся и больше не стал, испугался, лучше спирта кружку накинуть для храбрости. Там и втянулся. Когда домой пришёл, скрывался, в сельхозинститут поступил, спортом занялся, а бутылку на троих соображали часто, особенно после удачного калыма на разгрузке барж…

Услышал в коридоре голос Нины, идёт командир, сейчас будут разборки. Дверь открыла, в белом халате, в шапочке, ну, чисто врач, подошла, села на стульчик. Отцу совестно, глаза прикрыл, притих. И вдруг слышит: всхлипывает. Открыл глаза – дочь его и не его сидит, плачет, на него, как на самого дорогого, смотрит. Достала салфетки, лицо ему протёрла, а слезы так и капают.

– Давно я так рядом с тобой не была, а вот видишь, как довелось. Говорила с главным, решили так: только можно будет, увезу тебя в кардиоцентр. Я только сегодня поняла, как ты нам нужен. Ты же отец, опора наша, а мы тебя потеряли. Прости, папа, в этом и мы виноваты, и мама, и Валюша. Ты только не переживай, лежи спокойно, я дала главному несколько денег, чтобы препараты посерьёзнее использовали. Вале позвонила, она приехать не может, но в кардиоцентр вырвется. Ты ведь не знаешь, она теперь заместитель начальника нефтеуправления по экономике. А начальник Юрий Тимофеевич, который у тебя инструктором был в райкоме, а потом на Север перевёлся, ты же ему помогал. Я тебе соки оставлю, больше ничего нельзя. Ты сейчас как чувствуешь? Болит? Это нормально.

Он кивнул. Нина вытерла теперь уже его слезы и сказала, что в десять часов приедет и останется до утра. Ганюшкин покачал головой: не надо!

– Около тебя кто-то должен быть всегда, вдруг плохо станет. Не перечь! До вечера.

Когда управляющего банком перевели в область, Нина была начальником кредитного

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

отдела, впереди заместитель управляющего, и он должен занять это место. Ганюшкин тогда погрешил против совести, видел, что девчонка толковая, хочется ей большой работы, позвонил управляющему областной конторой, договорился о встрече. Они были неплохо знакомы, Комольцев его фамилия, часто бывал в районе, а Фёдор Петрович уже был председателем райисполкома. Встретились перед обедом, он сразу высказал свою просьбу, Комольцев отнёсся к ней спокойно, но не отрицательно. В обед поехали в ресторан, пару часов посидели.

– Фёдор Петрович, нам бы ошибки не совершить, а то совсем дочери твоей карьеру испортим. Как ты считаешь, справится она? Не по знаниям, по характеру?

Он тогда возгордился своей дочерью, сказал, что хвалить не станет, но характер есть, сумеет все в руках держать. В случае чего – сам обещал поддержать.

– А первый не будет возражать?

– Нет. Он к ней хорошо относится и ценит даже выше заместителя. Ты же знаешь, какие у нас хозяйства, кто-то совсем слаб, кто-то закредитован по самое не могу, а она всегда найдёт способ, чтобы хоть как-то помочь.

На том и порешили.

Ночной дежурный врач реанимации оказался действительно человеком совсем другим, чем его коллега. Ему подали историю болезни, глянув на первую страничку, доктор внимательно посмотрел на больного:

– Говорить вы не можете, Фёдор Петрович, потому используем элементы языка глухонемых: согласен – кивок, не так – голову чуть в сторону. Я говорю, чуть, дёргать не надо. Вы меня узнаете?

Ганюшкин поднапрягся, но шум в голове не давал сосредоточиться.

– Несколько лет назад вы вручали мне партийный билет. Помню, улыбнулись: впервые выполняю столь серьёзную миссию. Моя фамилия Струев, Василий Алексеевич.

Фёдор Петрович кивнул.

– Вот и хорошо. По вашей ситуации. Инфаркт серьёзный, но и с таким живут, если очень хочется. Слышали шутку: если человек хочет жить – медицина бессильна. Вам, как я понимаю, жить совсем не интересно. Не возражайте, я в широком смысле. Зина, убери эту дрянь, принеси из резерва. Хотя обожди.

Доктор поднял простыню и стал внимательно, по несколько минут в одной точке, выслушивать сердце. По его лицу больной мог проследить, что его устраивает, а что вызывает опасение. Опасений оказалось больше, Василий Алексеевич взял его правую руку и нашёл пульс. Тоже, похоже, ничего хорошего.

– Зина, убери все препараты, вот тебе ключ от моего сейфа, на верхней полке стоит флакон в красной коробочке. Принеси его сюда. – И уже обернувшись к больному, добавил: – Это очень серьёзное средство, у меня товарищ по институту работает в Германии, привозит кое-что интересное, у них фармацевтика на порядок выше нашей.

И вдруг Ганюшкину показалось, что он проваливается вместе с палатой, медсестрой, не успевшей убежать, и доктором. Свет погас, и он полетел, распластав руки, в кромешной тьме. Яркие вспышки пугали то слева, то справа, потом стало светло, даже ярко, и он увидел огромный стол с зеркальной поверхностью, посреди которого на алюминиевой тарелке, с какой они в котельной ели огурцы и квашеную капусту, лежало что-то очень ему родное и даже больное. Все ещё в полете он приблизился к тарелке и вздрогнул: это его сердце. Оно

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

было грязным, с рваными краями, все в крови. Но почему-то в тарелке полно груздей, огрызков огурцов, шматков надкушенного сала? Стол из зеркального превратился в грязный с давно немытой клеёнкой, вокруг тарелки закружились сначала медленно, потом с тошнотворной скоростью бутылки с водкой и ухватанные стаканы. Потом все исчезло, а он полетел вверх, и все внутренности подпирали к горлу от скорости и страха, как это было в далёком детстве, когда они десятилетними катались на самодельных лыжах с высокой горы, преодолевая страх перед скоростью и стоявшими по сторонам девчонками. Вырвавшись из какого-то замкнутого давящего пространства, он оказался на коленях мамы, совсем маленьким, она гладила его головку и шептала ласковые слова. Он вообще не помнил никаких слов мамы, потому что она умерла, когда ему было десять лет, а до того два года болела нехорошей болезнью и медленно умирала на голбчике за печкой. Он не помнил ни одного её звука, кроме тихих и никогда несмолкающих стонов. Когда маму схоронили, он подолгу не мог уснуть, потому что никто не стонал, а он уже привык к такой страшной колыбельной. Позже он вспомнит, что вот так на коленях мамы сидит на единственной сохранившейся фотографии. Ему три года, мама молода и красива, приезжий фотограф усадил её в плетёное кресло на фоне застиранной простыни.

Сквозь пробуждение услышал голос Василия Алексеевича, звон склянок, шуршание халатов.

– С возвращением, Фёдор Петрович, как мы себя чувствуем? Отдыхайте, дочь вашу я отправил домой, утром девочки скажут ей, что кризис миновал. По крайней мере, кто-то должен чувствовать себя спокойней?!

Прошла неделя. К нему вернулась речь, но он скрывал это от дочери, боялся серьёзного разговора, а медсестры сдали его с потрохами, и как-то в обед дочь вошла с наигранным возмущением:

– Папа, как тебе не стыдно, уже говоришь, а от меня скрываешь. Ты разве уже не любишь свою дочь?

– Нина, врачи с тобой откровенны, скажи, я выживу или все ещё умираю?

Нина влажными салфетками протёрла ему лицо, руки, грудь:

– Господи, исхудал-то как! Эти дни ты был как бы почти там. Василий Алексеевич квалифицирует твоё состояние во вторую ночь как клиническую смерть. Папа, милый ты мой... – Она ткнулась ему в плечо и заплакала. – Я тебя ни в чем не упрекаю и не буду напоминать, только дай мне слово, что больше никогда...

Он кивнул. Она возразила:

– Нет, ты скажи своим голосом. Впрочем, я не неволю, тебе скоро пятьдесят, не мне тебя учить. Но я не хочу, чтобы ты продолжал жить той жизнью.

Он с трудом начал говорить:

– Ниночка, пока об этом не надо. Если я встану на ноги... – его голос задрожал, и он сам себе удивился: оказывается, ещё хочется жить! – Если я выйду отсюда, мы с тобой все обсудим. Валюшу пригласим...

– А маму? Папа, тебе будет трудно без неё, да и она одна. Вы же были такой красивой парой!

Были...

Вряд ли можно придумать более жестокое, чем принуждённое одиночество. Вставать не давали, к утке и её каждодневному позвякиванию он уже привык, страшно мучило желание

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

выпить, хоть глоток вожделенной жгучей жидкости. Доктор-доброхот, так выручивший его первым утром, не появлялся, сестры не дадут, и не проси, им строго наказано, говорить бесполезно. Когда в ночное дежурство пришла медсестра, учившаяся вместе с Ниной и узнавшая его, он аккуратно с нею заговорил:

– Скажи, дочка, правда, что умирают после пьянки, потому что организму нужно было пятьдесят грамм алкоголя, а ему не дали?

Она улыбнулась:

– Это правда, организму нужен толчок, а его нет, сердце работает из последних сил, но чего-то в крови не хватает, я уж и забыла, как называется.

– Я бы никому другому не сказал, только тебе, ты вроде изо всех самая добрая. Плесни мне в мензурку пятьдесят грамм спирта, мне очень плохо.

Девчонка смутилась, но, судя по тому, как воровато она оглянулась, он понял: нальёт.

– А если вам станет хуже, что я скажу доктору?

– Ничего. Ты ничего не знаешь. Да не будет мне плохо, не бойся.

Она молча ушла к шкафу и вернулась с полной мензуркой и стаканом воды. Он выхватил склянку, жадно, в один глоток проглотил чистый спирт и отодвинул предложенный стакан.

– Спасибо, милая, дай Бог тебе хорошего жениха.

Девчонка засмеялась:

– А у меня уже есть!

Блаженство прокатилось по истерзанной душе, знакомое состояние облегчения звало к действию, хотя он и понимал, что все это только на полчаса, не больше. Потом опять дрожь внутри, боль в сердце, уколы и капельницы.

Странное дело, и доктор, и Нина советовали думать о чем-нибудь приятном, не нагружать сердце переживаниями, но вспоминались только случаи, связанные с пьянкой, с хорошим застольем, а из последних времён сплошное месиво из грязных комнат, грязных собутыльников и грязных разговоров. О чем приятном? А, вот моё первое поручение, я вручал юбилейные медали. Их привезли спецсвязью в нескольких коробках, не помню точно, но много. На бюро райкома распределили сельсоветы и написали график проведения собраний трудящихся. В совете, который выпал на его долю, было четыре деревни, секретарь райисполкома отсчитала нужное количество медалей и передала заполненные от имени Верховного Совета РСФСР удостоверения. Собрания были назначены с интервалом в час, потому что вручение занимало совсем немного времени, а потом самодеятельность ставила концерт.

В первой деревне все обошлось, из центральной конторы приехал парторг, прямо в клубной убогой гримёрке выпили по стакану с ним и управляющим отделением. Во второй тоже все прошло как по маслу: вручение, аплодисменты, поздравления поддатого парторга и концерт. После первой же песни он вышел и поехал на центральную усадьбу. В доме культуры собралось все село, награждённых было человек пятьдесят. У него рука устала от пожатий. Когда все закончилось, директор совхоза показал на часы:

– Фёдор Петрович, пора ужинать.

– Какой ужин, у меня ещё полбалетки медалей, надо ехать, народ ждёт.

Директор успокоил:

– Я уже позвонил, они вперёд концерт начнут, а тут и мы подкатим. Поехали в столовую.

В столовой все было, как всегда: на столе батарея бутылок, толстая повариха несёт тазик с

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

горячими пельменями, на соседнем столике кастрюля с котлетами. Вот о котлетах. Нигде он не едал столь вкусных котлет, какие приготавливали бабы в совхозных столовых. Пышные, сочные, большие, величиной с рукавичку. И непременно к ним гарниром картофельное пюре – почти воздушное, на свежих сливках.

Посидели минут сорок, но плодотворно, чуть не до песен. Ганюшкин глянул на часы: пора. Директор совхоза велел поварихе сложить котлеты и пару бутылок со стаканами в коробку и поставить на стол. Поехали на исполкомовской машине, водитель Володя, конечно, за столом сидел, но водки не пил. Через три километра директор заегозился:

– Фёдор Петрович, надо тормознуть.

Тормознули, что называется, отлили, сели в машину – он свет включает и открывает коробку. Ганюшкину это не понравилось, но промолчал, выпили по стакану, съели по котлете. Директор, Фёдор Петрович никак не мог вспомнить его фамилию, начал рассказывать анекдоты, сам громче всех хохотал, а Ганюшкин этого не любил и сделал грубое замечание.

Когда приехали к клубу, он шарнул по заднему сиденью – балетки нет, включил свет, выгнал из кабины директора – нет балетки, значит, и медалей нет. Нельзя сказать, что Ганюшкин протрезвел, но в чувства вошёл. Это тот кабан на заднем сиденье возился и выпихнул балетку, когда останавливались. Директор подозвал управляющего и сказал, что медалей на всех не хватило, Фёдор Петрович привезёт в следующий раз.

Поехали обратно. Остановились там, где могли обронить. Фёдор ногами разгрёб снег в радиусе десяти метров, ничего, кроме трёх жёлтых пятен, не нашёл. Это был конец. Как завтра докладывать первому?

Полежал, одумался: выбрал положительный пример, называется. И все они такие…

После обхода доктор Струев сказал, чтобы больного готовили к переводу в отделение терапии, а Ганюшкина упокоил:

– Я договорился с заведующей отделением, вас положат в отдельную палату.

Первую ночь в отделении он спал плохо, постоянно подходили сестры со шприцами, помогали повернуться на бок и делали больные уколы. Под утро крепко уснул, даже увидел сон, нормальный, без крови и боли. Будто косит он траву на родных лугах, как бывало в доармейской юности, косит, а травы высокие, густые, но сила молодецкая, Фёдор даже рад тому, что вслед за литовкой остаётся высоченный рядок травы. И вдруг откуда-то со стороны Большого Омута, где и дорог-то никаких нет, идёт девушка, в летнем платье, платок так повязан, что только одни глаза. Подошла и молча стала траву сгребать. Фёдор остановился:

– Ты что делаешь? Трава же ещё не просохла, сопреет в валках.

А та его не слышит, сгребает и сгребает.

– Остановись, тебе говорят! И кто ты такая, что на нашем покосе управляешься?

Она глянула на него, и Фёдор отпрянул: Лиза, та ещё, какую он встретил в райкоме комсомола и с которой целовались в кабинете до одури, а она все показывала на дверь, которая изнутри не запирается. Пошёл было к ней, а она платок скинула, и не Лиза уже, а девчонка с первого курса института в Свердловске, а потом ещё и ещё лица, и вдруг Катя. Ну, прямо как живая.

– Катерина, а ты тут откуда?

– Да вот пришла посмотреть, как ты без меня.

Фёдор хотел было пожаловаться, что измотала болезнь, жить не хочется, такое было состояние, но удержался, спокойно ответил:

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

– Жалко, конечно, что расстались, все-таки восемь лет вместе.

– Ладно, воспоминания тебе оставляю, а я замуж выхожу.

– А ведь я любил тебя сильно, наверное, никого так не любил.

И проснулся. Так обидно, что сон кончился, интересно, что бы ответила ему Катя? Открыл глаза: перед ним на табуретке сидит старик с окладистой бородой и длинными, давно не стриженными волосами. Фёдор даже оробел, но старик руку положил ему на плечо:

– Не пужайся, я не виденье и не из твоих снов, которые ты только смотрел.

– Откуда вы про сон знаете?

– Да только то и знаю, что ты сказал. Это хорошо и правильно, если мужчине девушки снятся. Душу должно волновать, иначе заскорбнет. Мужчина всегда остаётся мужчиной, а вот женщина отцвела, и куды теперь? Я вот восьмой десяток доживаю, а новой раз такое приснится, что встаёшь ночью и молишься о греховных помыслах своих. Ну, ладно, не о грехах пришёл я к тебе, как услышал про твоё несчастье. Пришёл, чтобы поддержать и помочь тебе по-человечески. Али ты меня не признаешь?

Фёдор смутился. Конечно, он узнал этого старика, который в первый год его председательства пришёл на приём с рассказами о чудесах природы. Ганюшкин тогда сильно спешил, деда выслушал и практически выпроводил, но предложения его записал и дал соответствующие распоряжения. На сад выделили небольшую сумму бюджетных средств, Фёдор поехал к новому директору совхоза, вчерашнему парторгу, с которым у бывшего заворга были самые хорошие отношения. Он же и рекомендовал парня на директора совхоза. Как его фамилия? Господи, неужели совсем память отказала? Фёдор пробежался по алфавиту, как делал в таких случаях, вспомнил: Гейн, Виктор Карлович, из второго поколения поволжских немцев, в первый год войны переселённых в Сибирь. Гейн идею поддержал, и надо отметить, многое было сделано. Ганюшкин несколько раз был на Острове, его увозили на катере, Гейн показывал новые посадки, уже оформившиеся аллеи яблонь, груш, слив, мощные заросли кустарников малины, смородины, ежевики, плантации земляники нескольких сортов.

– Все делается нашими рабочими и школьниками, научный руководитель агроном Людмила Сизова, а вдохновитель всего – старец наш Тимофей Павлович. Он часто вас вспоминает, благодарит за поддержку.

Ганюшкин даже насторожился: с чего бы это? Ну, деньги пробил, технику кое-какую, какая ещё поддержка? Но возражать не стал. А вскоре Виктор Карлович привёз ему гостинец. Целый пакет яблок в приёмной уложили в огромную вазу, и Гейн вошёл с нею в кабинет:

– Ты купил или продаёшь? – шутя спросил Ганюшкин.

– Обижаете, Фёдор Петрович, это яблоки из нашего сада.

Встретились с дедом на Острове уже в августе, захотелось своими глазами посмотреть на то, о чем по всему району разговоры шли. Дед встретил на пристани, прошли по посыпанным песком дорожкам, а дед все теснит гостя в одну сторону, попутно сожалея, что отказали в строительстве санатория.

– Мы вызывали бригаду института курортологии, дали заключение, что не хватает нескольких микроэлементов, чтобы официально признать грязь лечебной.

Старик возмутился:

– И это называется наука? Люди лечатся, лежачие встают и кидают костыли, я сам пользуюсь от ревматизма и прочих костных дел. Ладно. Вот, пришли, полюбуйтесь! Вот, дорогой Фёдор Петрович, какие чудеса Господь позволяет делать недостойному и грешному

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

человеку.

На развесистой яблоне, каждую ветвь которой поддерживали берёзовые подпорки, густо гнездились яблоки разных сортов и форм, груши и сливы.

– А что удивительного, Тимофей Павлович? Такие опыты проводил ещё Мичурин.

Старик всплеснул руками:

– Ну, до чего вы бестолковый человек. Я вам про Фому, вы все про Ерему. Скажите на милость, если бы Господь не попустился и не позволил бы вмешиваться в дела творения, смогли мы вырастить на яблоне грушу, да ещё в Сибири? Да ни в жисть! Вот ракета полетела в космос, это что, просто так, подожгли и полетела? Да на все соизволение Божье! Без Бога ни до порога – это ещё когда старики сказали. И тут так же. Поглядел Господь на людей, на дела их и решил, что можно им позволить подняться чуть выше, осознать себя. Хотя, по моему разумению, рановато бы. Вот вы грамотный человек, вы Библию читали?

Ганюшкин вспомнил, что была в рекомендательных списках в партшколе такая книга, он полистал и бросил: скучно и неинтересно.

– Так я и думал. В этой книге, признанной во всем мире самой лучшей, описано, как Господь создавал твердь земную и воды, птиц и зверей, как бездну заполнил звёздами. Как развивалось обчество и как государства создавались и гибли по его воле в один миг. Попам вы можете не верить, но знать Библию должон каждый культурный человек. Это же целый мир, философия, не от Кантов и Гегелей, а от первоисточника. Вот у вас куры есть?

– Есть, жена ими занимается.

– Правильно. Куры яйца несут, потом цыплят выпаривают. Так?

Ганюшкин начал возмущаться:

– Чего вы темните? Яйца, курица. Какая связь?

– Я не темню, напротив, просвещаю. Скажите мне, что появилось вперёд: яйцо или курица?

– Какая разница? Была эволюция, в результате которой образовалось и яйцо, и курица, чтоб они пропали!

– Эволюцию придумал Дарвин, а перед смертью просил прощения у Бога за дерзость свою. Все великие учёные, отрицавшие Бога, в конце жизни приходили к нему, уверовали. Вот наш Павлов Иван Петрович, русский физиолог, всю жизнь кормил собачек по звонку, а перед смертью признался, что нет никого выше Бога. Это же общеизвестный факт.

Ганюшкин протянул старику руку:

– Спасибо за беседу, найду время, почитаю библию, потом продолжим…

И вот старик сидит у его кровати, а Фёдор никак не может вспомнить его имя.

– Ты не напрягайся, сынок, зови меня дедом Тимофеем либо дедой Тимой, мне больно глянется. И скажи мне свою жизню, как если бы Господь тебя спросил: как ты жил, праведно ли, не обидел кого понапрасну, не навредил сам себе. На дверь не гляди, врач мне знакома, позволила говорить с тобой, сколь душе угодно. Успокойся и скажи.

Фёдор хотел что-то сказать, а горло перехватило, слово завязло, только слезы потекли по худому и заросшему лицу. Он вытирал их рукой, а Тима остановил:

– Не тронь, это горючие слезы, они из самой глубины сердца. Их бы собрать да на божничку положить, как покаяние.

Ганюшкин никогда не думал, что способен совершенно незнакомому человеку рассказать самые потаённые тайны, вплоть до первопричины не сложившейся семейной жизни, патологической ревности жены к прошлому. Рассказать про пристрастие к спиртному, которое

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

выбросило его из жизни, про лечение в Челябинской клинике и почти часовую процедуру беспрерывных рвотных позывов, когда после последнего страшного укола медсестра в клеёнчатом халате, чтобы не заблевали алкоголики, подходит к каждому с тупым и бесстрастным вопросом: «Водочки налить?», а сама стаканом по бутылке постукивает. Их человек десять, все корчатся в рвотных судорогах, вода смывает всю гадость в отверстие в центре комнаты. Про девочку Катю, с которой как с женой прожил почти восемь лет, и позови она его сейчас, он пошёл бы за ней хоть куда. Но она его оставила и устраивает свою жизнь, а он уже ни на что не способен. Сказал про уход жены, про их не родившегося ребёнка.

– Я не вижу смысла в жизни. Все кончено. Ты поверишь мне, что я жалею, лучше бы умереть в пьяном угаре, чтобы ничего не чувствовать.

Старик опустил голову и слушал покаяние своего новоявленного товарища. После этих слов он опять взял его за руку:

– А теперь послушай меня, сынок. Ты пережил страшное, не каждому дано, но ты вышел из преддверья адова человеком, об этом слезы твои мне сказали. Ты даже сам ещё не понял, что ты преодолел. Самое трудное – себя, сынок, свою гордыню. Ты же умный человек, а весь в предрассудках. Бог так создал, что мужик до брака может такое творить, что уму не постижимо, вот как ты, по словам твоим. И ничего. В браке он праведник. А женщина, если допустила ошибку, зарубку получает на память. Вот ты и ухватился. Гордыня, Фёдор, ломай её, большой грех перед Богом и людьми. У тебя дочки умницы и красавицы, надо думать, я не зрил, но надеюсь, ибо есть нужда. Ты должон жене в ноги пасть и прощения просить, а ты ждал, когда она рухнет. По вину так скажу: Господь вино создал как продукт, и его следно принимать, но ограниченно. Ты нарушил завет и поплатился. Ничего, и без вина люди живут, и ты будешь, тут у нас расхождений нет. Я не волшебник и не чародей, а простой смертный человек, но я на три десятка годов прожил больше, чем ты, и на тридцать годов тебя мудрее. Когда ты станешь на ноги, соберёшь вокруг себя семью свою и тоже скажешь покаянные слова, так же доступно, как мне. Только ты доверься Богу, не надо в церкву ходить, ежели веры нет, но ты ведь крещён, пусть даже погружением, как было в те времена, и у Бога записан. Обратись к нему с просьбой пособить тебе встать на путь истинный, семью вернуть, радость, счастье. И ты увидишь, как это хорошо. Ну, кажись, все, а то доктор уж дважды в дверь заглядывала. Я ухожу, но мы с тобой встретимся ещё, в самую радостную минуту. Да хранит тебя Господь!

Сразу после обхода в палату вошла Лиза. Фёдор закрыл глаза и ждал. Лиза встала перед кроватью на колени, провела прохладной рукой по небритой щеке мужа:

– Похудел-то как, и оброс. – Она поцеловала его в щеку. Фёдор улыбнулся и открыл глаза. – Я думала, ты спишь. – Лиза смутилась. – Врач говорит, что все идёт к лучшему. А кто у тебя был, что за старик?

Фёдор взял жену за руку:

– Это уникальный старик, он знает все мои беды и проблемы и разом их все решает. Да, представь себе. Похоже, он угадал даже твой приезд.

– Я прямо с автобуса, вещи в коридоре оставила. Ты пока процедуры принимаешь, я схожу домой, а к вечеру приду и буду с тобой все время.

– Где же ты будешь спать?

Лиза засмеялась:

– А ты меня пустишь с краешка! Девочки мне пообещали кресло прикатить, оно

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

раскидывается, как у нас.

Вечером Лиза пришла с большой сумкой, взяла ведро и чистую тряпку, тщательно с моющим средством вымыла пол, к тому времени нагрелся титан, сестры помогли положить Федора на каталку, и Лиза повезла его в ванную.

– Елизавета Александровна, смотрите, чтобы вода была не больше пятидесяти, – крикнула вслед доктор.

Ганюшкин, лежащий под простыней голый, ни за что не соглашался раскрываться, его так и положили в простыне, и только потом Лиза с трудом выволокла её из ванны. Она намылила ему голову, вехоткой натёрла спину, грудь и живот. Ноги, сидя по пояс под мыльной шапкой, он мыл сам, стесняясь Лизы. Потом она спустила воду, окатила из душевого шланга тёплой водой и завернула в мягкую домашнюю простыню.

– Федя, глупенький мой, ты что меня стесняешься? Я очень тебя люблю, родной!

Фёдор окончательно стушевался и проворчал:

– Нашла место для объяснений. Кто услышит – засмеют.

– Над любовью, Федя, никто смеяться не будет.

– Лиза, а ты говорила…

– Я поняла. Все, не надо об этом.

В палате уже сменили постельное, Лиза побрила Федора, освежила приятным лосьоном, стало свежо и чисто, открыла сумку с баночками и кастрюльками, и Ганюшкин впервые за три месяца нормально поел каши и выпил сока.

Скоро в отделении наступила тишина, Лиза сидела у кровати своего мужа и молча смотрела на его исхудавшее и бледное лицо. Фёдор понимал, что будет крупный и последний разговор, он внутренне был готов к нему, помня наказ деда Тимофея, но начинать разговор первым он не мог, не имел права. Лиза долго молчала, даже, когда он подал стакан, молча приняла и поставила на тумбочку.

– Федя, мы должны раз и навсегда закрыть тему твоего недоверия ко мне. Я тебя очень люблю, в этой ситуации, согласись, мне проще всего было бы подать на развод и все закончить. Девчонки все равно встали бы на мою сторону. Но я пришла и сижу у твоих ног. Жизнь продолжается, внуки скоро появятся. Ты готов к такой жизни? Ты не говори, только кивни.

Фёдор кивнул, и слеза скатилась на чистую простыню.

– Успокойся. Спи, набирайся сил. Я тоже распечатаю своё кресло.

Больной быстро пошёл на поправку, стал хорошо есть, давление стабилизировалось, боли в сердце, терзавшие его, ослабли. Доктор сказала, что на легковой машине его можно везти в кардиоцентр, все документы она подготовит и о приёме договорится.

Месяц в кардиоцентре дал очень хорошие результаты, Лиза жила у знакомых и каждый день приходила, Фёдор уже ждал в вестибюле, они уединялись за фикусом, говорили и целовались, как молодые. За неделю до выписки Лиза уехала домой наводить порядок. Когда объявили о выписке, она позвонила дочери Валентине, организовали легковую машину, и к вечеру были дома.

Ганюшкин вошёл в свой дом, как в чужой, он не был здесь три месяца, да и предыдущие месяцы трудно назвать домашней жизнью, или пил в своём кабинете, или у

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

собутыльников в грязных, запущенных квартирах. Стены побелены, даже запах свежей извести не выветрился, ковры почищены, нигде ни пылинки. А ведь он входил в комнаты прямо в ботинках…

– Федя, ты устал с дороги, приляг, отдохни, а вечером дочери с мужьями придут, Валюша приехала по такому случаю.

– Нет, я не лягу, я чувствую себя нормально. Лиза, открой окна, такой свежий вечерний воздух, и иди сюда, сядь в кресло.

Лиза отложила полотенце и села. Фёдор неловко опустился перед ней, уронив голову ей на колени.

– Лизанька, я за это время много передумал, хочу сказать тебе самое главное: я тебя люблю, я только теперь, когда реально увидел, что потерял тебя, понял, как ты мне нужна, я не смогу без тебя жить. Прости меня за все горе, которое я тебе вольно или невольно принёс. Прости, если можешь, и забудем об этом навсегда.

Она охватила голову мужа и целовала, целовала его глаза, щеки, губы. Успокоившись, Лиза умылась, велела мужу переодеться в приличный костюм и сама ушла в комнату готовиться.

Дочери открыли дверь без звонка, Валя долго обнимала и разглядывала отца, потом сказала, что выглядит он молодцом. Нина тоже на минутку прижалась, все-таки виделись часто. Мужья неловко переминались, обменялись с тестем рукопожатиями и все расселись перед ужином. Говорили о погоде, о большой политике, о нефтяных рублях, которые крепко поддерживают экономику, – это тема Валентины.

– Девочки, помогайте накрыть стол! – позвала с кухни Лиза.

На стол поплыли салаты, тарелки с мясом, зеленью, фруктами, конфетами и шоколадом. Шумно разбирали все по тарелкам, о вине никто не сказал ни слова. Валентина вдруг попросила поставить фужеры и принести привезённую с Севера фанту. Разлили, все вопросительно смотрели на инициатора.

– Мы тут посоветовались, – Валя засмеялась своей шутке. – То есть мы с Валерой посоветовались и решили вам объявить, что у нас будет ребёнок.

Нина закричала «ура» и посмотрела на своего Витю. Родители переглянулись и покраснели. Наперебой стали поздравлять и желать. В это время раздался звонок в дверь, Лиза выскочила и вошла с бородатым стариком:

– Мир дому вашему и с благополучным прибытием в родной дом, дорогой Фёдор Петрович.

Ганюшкин встал, рядом с собой поставил стул и усадил гостя. Все в недоумении смотрели за происходящим.

– Это мой старший товарищ и наставник Тимофей Павлович. Кстати, эти фрукты на столе возможно, из его сада.

– Не могу ничего сказать, но гостинцы из сада нашего у вас в прихожей. После намоете и кушайте на здоровье. Вкушать надо ту пищу, которая выращена там, где ты живёшь. А нам предлагают бананы. Я слышал, их даже не все обезьяны кушают. Теперь о деле. Во-первых, я пришёл удостовериться, что Фёдор Петрович в добром здравии и в кругу семьи, что особо мило. Во-вторых, пришёл, ибо знал, что детушки ваши прибудут к родителям и хотелось мне взглянуть на них. У меня сомнения не было, что они красавицы и достойные девушки, и мужья их, вижу, славные ребята. А третья причина вот в чем. В Великую Отечественную довелось мне служить в миномётной роте, и был у нас сибиряк, командир расчёта. В одном

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

бою крепко отличился его расчёт, и дали герою отпуск на родину на десять суток с дорогой. Не знаю, сколько дней он дома побыл, и получает месяца через три письмо от жены, что она несёт под сердцем. Сибирячка того под Варшавой убило, бой был страшный, хоронили всех в братской могиле, но мы записку оставили, кто, откуда и прочее. Когда мы с вами, Фёдор Петрович, познакомились, у меня подозрения вроде появились, но потом как-то за работой да делами забылось, а когда с вами такое случилось, решил я довести до конца. И вот получил документ. Но хотелось удостовериться фактически, вот почему дочери ваши потребовались. В вашем лице я ничего особо не нахожу, а когда девочек увидел – порода, пробилась-таки через поколение, дочки-то ваши с дедушкой схожи – не ошибёшься. А документ такой: Ганюшкин Пётр Борисович, старшина, призван из нашего района, погиб под Варшавой, где и похоронен. Тут и городок, и кладбище, и номер его в списке ребят наших. Давайте, дети мои, встанем и помянём русского воина Петра Ганюшкина.

Все встали, такая торжественная была тишина. И в это время в раскрытое окно влетела птичка, облетела комнату и села на рожок матово горевшей люстры. Лиза побледнела: птица, влетевшая в окно, к большому горю, так она слышала. Она уже хотела махнуть полотенцем, но старик остановил:

– Дочка, не пугайся, это же ласточка, Божья птичка, она дурную весть не принесёт. А то, что залетела к вам, так это к счастью и радости. А ты, дочка, первенца своего Петькой назови, дедушке будет так радостно.

Тимофей Павлович приподнялся и рукой снял птичку с люстры. Она спокойно сидела в его ладони. Он наклонился и нежно поцеловал её в головку, подошёл к окну и раскрыл ладонь. Ласточка издала как бы прощальный звук и упорхнула. Когда все обернулись, старика уже не было в комнате.

Валя села на стул и громко охнула. Все снова вскочили.

– Ну, что вы испугались? Просто маленький Петька впервые пнул мамку изнутри.

За окном в свете уходящего дня дружно щебетали ласточки.

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

Хлеб наш насущный
Повесть

– Бывакин, сразу после развода зайди к начальнику по воспитанию!

Сухопарый дневальный выкрикнул и повернулся к тумбочке. Старший по бараку, одетый в приличную тюремную робу с повязкой на руке, ткнул кулаком дневальному в лицо:

– Сколько вас учить, падло, чтобы правильно выговаривали!? Ты его ещё гражданином или товарищем назови. У всех вас, суки, только одно прозвание: зек, заключенный. Повтори приказ!

– Понял. Все мы с одним прозваньем…

– Дурак! – он ещё раз легонько ткнул в ухо, а дневальный уже до того вытирал кровь, которая сиротливо капала на грудь замызганной куртки. – Повтори по Бывакину!

– Понял! Заключённый Бывакин, после развода к начальнику по воспитанию!

– Вот так! Бывакин, ты понял? Тебя переведут в настоящую колонию, это тебе не малолетка. Я бы тебе дал наколочку, готовь пузырь, скажу, кому в ноги пасть, тогда жить будешь, а если, как тут начнешь пальцы гнуть, головёнку завернут сразу, как курёнку. Иди.

Бывакин прошёл быстрым шагом, голова приподнята, лицо безразличное, но настороженное, стрижен наголо, свежие розоватые шрамы украшают голову с обеих сторон, лицо скуластое, нос подправлен чуть влево, глаза серые, внимательные, губы плотно сжаты, а за ними скрыты проёмы от трёх зубов, потерянных за два неполных года в детской колонии. О скором переводе «в настоящую колонию» он знал, потому что исполнилось восемнадцать лет, а в «детском садике» дальше не держат. Там ему отбывать ещё два года.

Развод занятий окончился быстро, отряды неровными колоннами пошли в столярку, в пошивочный цех, только одна колонна свернула в столовую. Есть будут по очереди, последним может не хватить, тогда у столовки поднимут крик, прибегут начальник столовой и дежурный по зоне, могут выдать несколько булок хлеба и кусок маргарина. А могут и не выдать, могут построить и отправить на работу. И такое бывало. На тот случай у каждого зека есть в заначке кусочек хлеба – подсохший, пахнущий мышами и махоркой, но – хлеб, его ничем не заменишь.

– Бывакин! Родя! – земляк, из одного района, Толя Фрол, подбежал, лицо в слезах. – Сказали, что вас семерых повезут на зону. Я тосковать буду один-то. Полгода ещё. Прощевай, может, доведётся встретиться.

Начальник всем семерым объявил о переводе, предупредил, что в лагере с ними цацкаться не будут, там правила построже.

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

– Ну да, мы тут как в пионерском лагере жили, – усмехнулся здоровый мордатый паренек.

– Ребята, я вам прямо скажу: зона та не самая благополучная, произвола много, так что держитесь ближе к администрации, – словно по-товарищески советовал майор.

– Это как, в стукачи сразу записываться? – парень откровенно лез на рожон.

– Ну вот, Кожин, опять ты бузишь. Не в стукачи, а нужную информацию о настроениях в бараке сообщить – твой долг. Понял?

– Долгов не имею, гражданин начальник, за долги и перо могут вставить.

– Ну, с тобой, Кожин, говорить бесполезно. Хочу Бывакину подсказать. Ты парень толковый, но гордыню смирить придётся. Есть в отряде начальник, есть авторитет, они следят за порядком, и тут никуда не попрёшь. Молчи, но делай, что велено. Не перечь. Если что, то и администрация не поможет. Говорю вам это, ребята, потому что жалко вас. Самое главное – не потеряйте себя, не купитесь на обещания сладкой жизни на воле. Всё, свободны.

На сборы осталось часа четыре, конвой будет в двенадцать, так что пожрать уже не удастся, а на новом месте хлебом-солью встречать вроде бы не должны. Родион собрал котомку и ушёл за столярку, в стороне навалены стружки и опилки, прилёг, чтоб не видно было от бараков. Почти два года здесь, а так и не привык. Друзьями не обзавёлся, а врагов нажил быстро. На первой же неделе угодил в штрафной изолятор, потому что троих избил подвернувшейся арматуриной. Те его повоспитывать подловили, тоже не с пустыми руками, а он крутанулся на месте и кусок железа словил, а с такой снастью быстро всех троих уработал. Кто-то свистнул, разбираться не стали, ты бил, ты и виноват.

Родион понимал, что доказать ничего не сможет, как и дома, в той драке, за которую получил четыре года по малолетке. Да, складешок из кармана выдернул, но даже раскрыть не успел, свалил его верзила из старших классов, который проходу не давал, все выблядком звал. Он не понимал смысла, но грязь этого слова чувствовал, кинулся к матери, она вытирала его и свои слёзы и шептала: «Терпи, сынок, наше горе, нам и переживать. Не гневи людей, прощай им обиды, ребятишки подразнят да забудут». Не забывали, на каждой перемене звали громко по этой кликухе, при девчонках, он долго терпел, а тут обида застила свет, выхватил ножичек из кармана и кинулся на обидчика. Что дальше было – не помнит. Забрали в милицию, держали два месяца, а потом суд и сюда. Теперь вот перемена. Родион спокойно ждал своей участи, на новом месте будет тяжело, работать придётся, ребята говорили, наравне со взрослыми, режима он не боялся, драк тоже, если за правду. Только вот как её узнавать, если у каждого своя правда?

Всю группу пополнения отправили на третий этаж большой кирпичной тюрьмы. В камере трое обитателей даже не поздоровались, один встал и молча указал на свободные двухярусные шконки у самых дверей. Родион сразу закинул свой матрас на верхнюю, чтобы не заводить спор.

– Э-э-э, пацан, а ты что такой согласный, сразу на верхнюю шконку? Не смелый, что ли? – спросил худой и бледный парень.

– Мне наверху больше нравится, – односложно ответил Бывакин.

– Подойди сюда. – Это сказал полулежавший на подушках пожилой зек, был он в просторных светлых штанах и расстёгнутой серой безрукавке.

Родион подошёл, мужчина сел на койке, внимательно на него посмотрел:

– Твоя фамилия Бывакин? Был бы в годах, самое подходящее погоняло – Бывалый. Но тебе ещё рано. Имя?

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

– Родион.

– Родя. Будешь Родя, понял?

– Понял.

– Мне про тебя сказали добрые люди. Сколько раз в карцере отдыхал? Он у вас по-другому как-то?

– Семь раз, тридцать три дня.

– Уважительно. Меня будешь звать Доктором. Рыжий, своди ребят на кухню, скажи, чтобы покормили. Родя, собери вот это барахло со шконки и унеси под порог, а сам сюда перейди. Ну, это после обеда.

Бывакин хотел спросить, чьё это место, но вовремя одумался: никаких вопросов, если надо – скажут. Но по дороге на кухню Рыжий прогундел:

– Приглянулся ты Доктору, видишь, меня под порог, а тебя к себе ближе. Он любит поперёшных, про тебя ему утром ещё шепнули.

Бывакин ничего не ответил. После чашки теплой каши и кружки чая на душе стало веселее. Доктор велел застелить постель и лечь спать, Родя лёг поверх суконного одеяла и сразу уснул. Ему приснилась степь, какой он её представлял на уроках географии: ковыль растет выше колена, волнами колышется, а по этим волнам идёт девушка в цветном халате, идёт прямо к нему. Родион присматривается, но узнать не может, говорит себе, что не наша деревенская эта девчонка, а когда ближе подошла, Родион засмеялся: чужая совсем, смуглая, скуластая, глаза черные с прищуром. Остановилась, смотрит на Родиона и тоже улыбается. Он хотел спросить, что это за степь и откуда девчонка тут появилась, но не успел, кто-то тронул его за плечо.

– Что приснилось, Родя, что ты так улыбался, будто по удо освободился? – Доктор подал ему горячую кружку с чаем: – Хлебни пару глотков, это чефир. Приходилось?

– Нет. У нас с этим строго, за чефир сразу в карцер на сутки.

– Пей, я разрешаю.

Бывакин сделал два глотка, вязкая жидкость заполнила рот, язык онемел, голова зашумела. Такого он ещё не пробовал, передал бокал и зажал руками голову.

– Возьми соль на язык, полегчает. Теперь слушай. Будешь при мне. Это я после объясню, для чего. Работать будешь только на кухне, это в тепле и всегда сыт. Мне будешь три раза жратву приносить, повара знают. Если кто-то невзначай обидит, даже из вертухаев, скажешь. Ни с кем не базарь, только по делу. Читать умеешь? Вечерами будем с тобой читать вроде как романы, в них интересная жизнь описывается. Я такой жизни не видел, потому интересно. А сейчас иди, скоро построение на ужин. Никуда не отлучайся, чтоб от переклички не отстать. Пошёл!

Жизнь наладилась, только покровительство тюремного авторитета Доктора было и благом, и наказанием. Доктор сразу предупредил, что рядом с ним и надёжно, и опасно, у нёго тоже есть враги. Бывакин это быстро почувствовал. От скатившегося со штабеля бревна успел отскочить, но разбил лицо. Доктор ничего не спросил, только кивнул. В другой раз старый хмырь велел принести арматурину, Родя случайно заметил, что она под током, пинком сбил кабель. А три месяца назад на кухне появился зек со шрамом через всё лицо, по щеке и на лоб, шрам старый, и когда зек Рваный негодовал, но не мог проявить своих чувств, в себе держал, шрам выдавал его, багровел и надувался. Бывакин не видел, он учуял неладное, и непроизвольно отпрыгнул от плиты, с которой с грохотом свалился котел с кипятком. Родион вскочил на кучу дров, и волна горячей воды его не достала. Отпрыгнувший в другую сторону Рваный выругался матом и прикрыл шрам рукой, знал, сволочь, что рана выдаст.

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

– Ты зачем котел столкнул, подстилка Докторская? Ты меня ошпарить хотел!

Рваный замахнулся, но Родя ловко перехватил руку и заломил её, повалил Рваного в грязь кухни. Дверь распахнулась, и влетели два надзирателя с дубинами, видно, под порогом стояли. От удара дубинкой по спине Родя выгнулся, отпустил жертву и сходу сбил надзирателя с ног. Потом его били дубинками и сапогами, очнулся в карцере, едва разлепил глаза от засохшей крови. Лежал, проверяя осторожными движениями, целы ли руки, ноги, позвоночник. Везде ждала боль, но он уже умел её переносить спокойно, лишь бы не было переломов. За этим занятием его застали дежурный и врач.

Врач помог раздеться и всё качал головой:

– Как же ты мог сорваться с такой верхатуры? Ты же мог насмерть разбиться. Тут болит? А тут? Похоже, товарищ капитан, переломов нет. А что с головой? Шумит? Ещё бы! С такой высоты – и остался жив. Это просто чудо. Идти можешь? Пойдем в санчасть. Понимаешь, охрана думала, что ты пьян, и отправила в карцер. Бывает, знаете ли. Пошли.

Бывакин понял, что про верхотуру придумали вертухаи, чтоб не разбираться: упал, разбился, никаких вопросов. Знали, что воспитанный малый, звонить не будет. В санчасти санитар из зеков помог помыться, дал чистое бельё, довёл до постели. Раны и ссадины протёр какой-то вонючей мазью, кое-как перевязал. И тут вошёл Доктор. Санитар исчез.

– Я всё знаю, Родя. Рваный не тебе первому гадости устраивает, он моих людей постоянно гнобит. Но сегодня был перебор. Я запретил тебя трогать. А он ослушался, тронул. Ответит. Тебя хочу похвалить. Ты постоял за себя перед вертухаем, я тут пятый год, за все время третий случай, когда зек ударил это дерьмо. Вся зона будет тебя уважать, а ты будь осторожен, надзиратели могут отомстить. Я говорил сейчас с Хозяином, он обещал предупредить своих. Но это же мусора, ни одному слову нельзя верить. Я сказал, что не дай Бог! – всю зону подниму. Этого они боятся. Ладно, лежи. Будешь долго лежать, я тебе книжки принес, посмотри.

Никогда у него не было столько свободного времени. Его кормили, делали перевязки, врач учтиво спрашивал, как дела и предупредительно информировал, что выписывать его не собирается, и никто не торопит. Родион не мог найти объяснения, с какой стати авторитетный вор Доктор сделал его своим приближенным и теперь уже открыто защищал перед своими недоброжелателями. Ведь ничем особым он не отличался от других молодых зеков, были и сильнее его, и лицом красивее. Сам для себя сделал предположение, что Доктора привлекла информация: из детской колонии на зону приходит молодой и непокорный зек, а Доктор, видимо, уважал гордость и самолюбие. Но это его догадка, а спросить не у кого. Родион понимал, что не просто так пригрел его Доктор, да он и сам обещал позже всё объяснить. Наверное, вот это имел в виду заместитель начальника колонии для несовершеннолетних, когда предупреждал, чтобы не попали ребята под дурное влияние.

Принесённые Доктором книги оказались толкованиями уголовного кодекса, видно было, что Бывакин не первый читатель, на каждой странице он находил подчеркивания, галочки на полях, а то и целые абзацы были обведены жирными рамками. Чтиво не особенно интересное, но Родион опасался, что Доктор может устроить проверку, а выглядеть глупо не хотел, потому читал, особо вчитываясь в отмеченные места.

Поздно вечером пришёл Доктор. В палате никого не было, да и Родион уже задремал, привыкший к свободной жизни. Доктор позвал дежурного санитара и велел ему погулять с полчасика. Остались одни.

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

– Родя, я обещал тебе чуть позже объяснить, для чего ты мне нужен. Я давно за тобой слежу, в вашей колонии был мой человек. Он должен был найти паренька серьёзного, надёжного, честного и прямого. Когда он назвал тебя, я узнал твоё дело, понял, что ты мне подходишь, и всё время знал, что у тебя и как. Да, твоей маме я каждый месяц отправляю небольшие деньги, как будто от тебя. Я ждал, когда тебя переведут к нам. И вот мы встретились. Скажи мне, Родя, ты действительно честный и порядочный человек? Именно в тех смыслах этих слов, которые заложены в них изначально? Я могу тебе доверять полностью и до конца? Не спеши. Это очень важно.

Бывакин молчал, дожидаясь следующего вопроса.

– Ну, говори.

– Вы можете мне верить, я сделаю всё, что вы прикажете.

– Этого достаточно. Если ты меня обманешь, я повторю тебе эти слова перед тем, как убить тебя. Но – это крайность, до которой, я уверен, дело не дойдёт. Слушай внимательно. Этот город (он написал на клочке газеты название, дал прочитать и тут же сжёг) ты знаешь хорошо, потому запомни улицу (написал: «Заслонова», и тоже сжег). Там есть гаражи, со входа вправо седьмой бокс. Висячий замок замотан промасленной тряпицей, внутренний забит солидолом, чтоб не заржавел. Ключи найдешь под правым углом ворот, надо будет сбить разлитый бетон и копнуть на два штыка. Ключи тоже упакованы. В гараже смотровая яма, в ней несколько ниш, углублений, ключи положить при ремонте и прочее. Самая дальняя от входа с правой стороны ниша, раскапываешь её и достаёшь кожаный портфель. В нем доллары, Родя, в тот момент ты будешь самым богатым человеком в городе. Но деньги понапрасну не трать. Будешь брать по потребности, отчёт представишь мне лично. Я смогу откинуться только через два года. Ты меня понял?

Бывакин чётко сказал:

– Понял. Но у меня вопрос: если вы через два года выходите, какой смысл мне забирать эти деньги?

– Я знал, что ты это скажешь. Дело в том, Родя, что в Иркутске сидит человек, который знает эту тайну. Его погоняло Жмых. Он освободится раньше меня, и тогда можно забыть о заначке, он меня кинет, а потом просто уберёт. Я договорился с начальством, на тебя уже готовы все бумаги, их принесут в санчасть и ночью тебя вывезут в город, в машине переоденешься в простой костюм и сразу на вокзал, езды до того города шесть часов. Ещё вопросы?

– Есть. Те, кто повезут, не вздумают выдавить из меня тайну? – Бывакин слышал про подобные истории.

– Нет. Просто они ничего не знают. Но с вокзала ты дашь вот эту телеграмму, тут всё написано, что надо. Это начальнику тюрьмы. Я сразу буду знать, что всё нормально. А эти люди – они сразу вернутся в зону. Утром будет объявлено, что ты бежал. Надо сбить со следа моих конкурентов. Они понимают, что ты не случайно около меня появился, потому и чан с кипятком и прочее. А так – сбежал, и всё тут. Я свою роль отыграю, чтобы они не подумали даже, что тайна уже за воротами тюряги. Всё, я пошел. Санитару скажу, что он меня не видел, если жить хочет. Не прощаюсь, Родя, уверен, что мы с тобой встретимся. – Он пристально посмотрел в глаза паренька.

– А как вы меня найдете? – вдруг вскинулся Бывакин.

– Родя, не задавай смешных вопросов. Главное, будь в этом городе. Все.

Он резко встал и хлопнул дверью. Через минуту вошёл бледный санитар.

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

– Ты что такой? – спросил Родион.

– Показалось, что Доктор был, а оказывается, он тут не появлялся. Даже испугался.

Бывакин повернулся на бок и подумал: «Вот и началась воровская жизнь. Это тебе не складешком деревенских ребятишек пугать. Зачем Доктор мне про город объяснял, ведь он же в курсе, что это рядом с домом, раз деньги переводил по адресу. А может и не сам, потому и не в курсе». Но уснул сразу, сбросив напряжение серьёзного разговора.

Ночью стукнули в окно, Бывакин ждал этого сигнала, вышел из санчасти. Двое мужчин толкнули его вперёд, в глубине двора виднелась машина, шли к ней. Посадили в салон, дали одежду и пакет с бумагами. Машина тронулась, прошли проходную, выехали на трассу в город. Одевался на ходу, пакет спрятал во внутренний карман куртки. У вокзала его высадили. Никто за всю дорогу не сказал ни слова. Родя быстро прошёл в туалет, открыл пакет, вынул справку об освобождении и деньги. Немного, но на билет и пожрать хватит. В окошко телеграфа сунул заполненный бланк, заплатил и прибрал в пакет квитанцию. Билет купил в плацкартный вагон, в буфете пожевал пирожков с горячим чаем. В вагоне запрыгнул на верхнюю полку и сразу уснул. Да, Доктор знал, что это его город, областной центр, от которого до родной деревни три часа на автобусе. Из школы сюда ездили на соревнования, просто поболтаться по магазинам и киношкам.

Прожив на свете девятнадцать лет, Родион Бывакин никогда не вспоминал прошлое, жизнь в деревне, мать, друзей, школу. Но он никогда не задумывался и о будущем. Или кто-то ему подсказал, или сам догадался, что на зоне для несовершеннолетних действуют те же порядки, что и в большой тюрьме, что надо вести себя так, чтобы ни у кого не было к тебе претензий, чтобы ты никому не мешал, никого не раздражал. Родион быстро понял, что в жизни так не бывает. Из ста человек всегда найдутся два-три, которым ты просто не нравишься: не так ешь, не так спишь, не так сидишь на очке. Могут предъявить, тогда надо ответить или сразу драться. Вспыльчивый и самолюбивый паренек никогда не дожидался крутого наезда, сразу сбивал главаря, а потом – кому как повезет. До суда ему говорили, что на детской зоне нет карцера – хотел бы Родион сейчас взглянуть в глаза того сердобольного адвоката, который так и не сумел ухватиться за случайную проговорку прокурора, что подсудимый, к счастью, не успел раскрыть нож. Суд мог пойти по-другому, это ему потом объяснили, но дело сделано, своё время до совершеннолетия он отсидел.

Место Доктора в своей судьбе он так и не мог определить. Не просто так авторитет добился его условно-досрочного освобождения, дал столь серьезное задание. Разве у него не было выбора? Ого, еще какой, каждый бы согласился за удо посторожить заначку Доктора. Но он выбрал Бывакина, да ещё заочно. Что такое он про него знал? Проверил и поверил. Родион не стал спрашивать, как он станет хранить такую кучу баксов, и уже в поезде решил, что Доктор не стал бы возражать против снятия отдельной квартиры. А потом вдруг подумал: город большой, всякого люду полно, просочится что-нибудь про бабки – на ремни порежут, мать начнут казнить, выдавят правду. Если в живых оставят, что Доктору скажешь? Ему всё равно, не сумел исполнить – отвечай. И слова повторит перед смертью, как обещал. Потому решил: найду деньги, и сразу в деревню, там можно надежно спрятать, да и кто искать будет?

На улице Заслонова побывал несколько раз, присмотрелся: гаражи обитаемы, но с утра все уезжают в город или на дачи. Прошелся рядом с седьмым боксом – вход травой зарос, а вот

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

белесый блин бетонной заплатки чист. Три дня просидел в кустах напротив въезда, вычислил, когда дежурит пожилой алкаш, он приходил утром с похмелья и целый день спал в своей конуре. Бывакин нашел в заборе пробоину, просунул лопату, сам пролез, ободрав кожу на плече, быстро и осторожно прошёл к седьмому боксу, сбил бетон и вдавил лопату в землю. Копал быстро, постоянно оглядываясь. Теперь выбора не было, даже кто и спросит, то надо всё, что угодно употребить, но ключи выволочь и двери открыть. Лопата зацепилась за клочок кожи, Родион потянул и выдернул сверток. Быстро зарыл ямку и прикрыл цементной лепёшкой. Никого. Да и не заметно никаких перемен. Развернув ключи, Родя открыл висячий замок, потом внутренний, чуть приоткрыл половинку ворот и прошмыгнул вовнутрь. На коленках просунулся наружу, расправил смятую траву, притянул воротину. Осторожно в полумраке спустился в яму, нашёл нужную нишу, стал расширять её и копать внутрь. Просовывал руку, выгребал землю, но никакого тайника. Нашёл под ногами железяку, стал протыкать в глубину и понял, что до свёртка всего полштыка лопатных. Опять подрезал грунт, руками выгребал глину, нащупал кусок ткани, потянул, выпал масляный сверток. Размотал ткань, потом бумагу, потом несколько пластиковых пакетов, и в желтом кожаном портфеле увидел то, что искал. Он выкатил на грязные руки скользкие новенькие купюры и удивился: все они были по сто долларов, и было их тут столько, что портфель чуток подраздуло. Бывакин сунул портфель под куртку и вылез из ямы.

Он оцепенел, когда дверь гаража открылась, и в проеме оказался сторож-алкаш с железным прутом в руках.

– А я слышу – кто-то возится в боксе. Думаю: машины нет, хозяина вообще не видел ни разу – кто же там может быть? А тут грабитель!

Парень быстро нашёлся:

– Какой я грабитель? Да и что грабить? Дядя сказал, что от жены прятал несколько бутылок водки, всё обыскал, только одну нашел.

– Где она? – живо поинтересовался сторож.

– Вот, – он вынул из кармана бутылку и похвалил себя, что на всякий случай припас.

Сторож возмутился:

– Тогда какого хрена тут стоять? Пошли ко мне.

Вышли, Родион закрыл оба замка, а сторож был уже у своей будки.

– Иди сюда, – позвал он, пряча бутылку за пазухой, чтобы кто из водителей не заметил.

Парень махнул рукой:

– Нет, пей один, меня друзья ждут.

В автобусе он восстановил всё, что произошло. Старик в темноте бокса не мог разглядеть его лицо, а потом Родион все время старался держаться спиной к воротам. К тому же вязаная шапочка, которую он быстро опустил на глаза, хорошо его укрыла. Сторож сейчас выглотнет этот пузырь и навсегда забудет, кто его угостил.

На рынке купил джинсовый костюм и спортивные туфли, за углом переоделся, старую одежду бросил в крапиву. В тот же день уехал в родную деревню Лебедево.

Давно ли в милицейском уазике увозили Родиона Бывакина по этой дороге, а как многое изменилось! Поразился, что придорожные увалы, когда-то гудевшие спелым колосом, заросли бурьяном. На заливном лугу, где он мальчишкой вместе с друзьями возил копны сена к стогу, который умело укладывал дядя Ваня Лопушонок, было безлюдно, в разных местах сиротливо

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

торчали копёшки. А тогда густо стояли стога, и с дороги, с вышины, могло причудиться, что кто-то большой и сильный так расставил их по лугу.

В деревне автобус остановился около магазина, Родион выскочил и, не глядя по сторонам, зашагал в сторону дома. Мать поймалась за дверной косяк, бессильно опустилась на колени:

– Родя, сынок, родно моё...

Он поднял мать, обнял и ткнулся, как в детстве, в плечо, привычно загоняя вовнутрь чувства и слезы. Родной дом, печка, полати, крашеный пол, божничка со святыми, его портрет, незадолго до посадки снимал в школе заезжий фотограф.

За столом сидели напротив друг друга, мать вытирала глаза уголком фартука, сын молча ел жареную картошку и припивал простоквашу. Он с детства любил так есть, можно даже без хлеба. Кусок хлеба, домашнего, печеного на поду, по привычке сохранил – на всякий случай. Облизал, как положено, ложку и положил рядом со сковородкой.

– Спасибо, мать.

– Сынок, Родя, ты почто меня матерью назвал? Я ли не мама тебе родная? Ты чему там обучился, в тюрьмах этих проклятущих? – она заплакала горючими слезами, вытираясь краем фартука.

Родион спохватился:

– Сорвалось, мама, отвык. Не серчай, я теперь взрослый, огрубевший мужик, такая жизнь, мама. А ты как?

Мать вздохнула:

– Как и все, родной. Колхоз наш совсем захирел, платить путём не стали, сено нынче последний год выделили, больше не ждите. А без сена какая корова? Сдам хачикам. А, можа, держать будем, сам-то дома останешься, сподобимся на одну-то голову?

Родион знал, что в эту сторону разговор повернется, для матери самое главное, чтобы сын рядом был, тем более, не с приисков явился, а из тюрьмы. Как ей в первый вечер сказать, что он только на пару дней, и снова в город, надо свое место там искать.

– Без коровы не останешься, мама. Я уеду, буду помогать деньгами. Проживешь.

– Родно моё, так денег-то у меня дивно скопилось от твоих переводов. Я самую малость, когда уж совсем ничего, использовала. Да куме Апросинье давала, когда ейного Гриню в цинковом гробу привезли, шептались, что из южной страны, только командиры ничего не велели делать, так и не открыли гроб-то. Сама Апроха до сих пор не верит, что сына закопали. А, можа кирпичи наклали вместо Гриньки-то? Солдатик сопровождал, под стаканчик говорил, что иных на прах разносит бомбой, вот чего родным отправят? Знамо, что накладут тяжелого, вот и оплакивай. Ой, Родя, не ехал бы ты в чужую сторону! Поди, спознался с жуликами, можа, кого в карты проиграл? Кайся, лишенец!

Родион улыбнулся, обнял мать:

– Всё будет хорошо, мама, не переживай. В карты не играю, жуликов не знаю. Делом займусь.

– Деньги забери, они тебе нужней на первых порах. – И положила перед сыном большую пачку, не скупился Доктор, хорошие приветы слал от сына.

– Родик, а не твоей рукой адрес-то писан. Пошто так? – сурово спросила она.

– Мама, я же не на курорте был, вот и просил людей с воли, чтобы отправили. Деньги прибери, и не куркуй, расходуй, на продуктах не экономь.

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

А докторские деньги проклятые из головы не выходят, куда их прибрать, пока он объявится? В доме и пристройках исключено, не приведи Бог – огонь, потом рассказывай Доктору про схрон в коровьем пригоне. Лежа в постели, всё прикидывал, куда клад заложить. И вспомнил про Гриню, мать говорила, что большой памятник ему из военкомата привезли. Пойти днём, посмотреть, все поймут, что проведал друга, а ночью зарыть под памятник. Вечное место. Успокоился, что нашёл решение, уснул. Приснилось ему море, тихое, спокойное, даже цвет различает: голубое, с отливом. Плещется, к берегу нежной водой прикасается, а по мокрому песку идет девушка. Присмотрелся Родион – та самая девчонка, что по степи шлялась, ковылем играла. Обрадовался, что-то ей говорит, она внимания не обращает, идет по бережку и смотрит вдаль. Проснулся, вздохнул с улыбкой: откуда она в его сны приблудилась? И море, и степь он ни разу в жизни не видел, тоже – откуда? А девчонка красивая, хоть и не наших кровей. Повернулся на бок и уснул, накрывшись сбившимся от старости ватным одеялом.

Через два дня, исполнив всё, что наметил, Родион утренним автобусом уехал в город.

Денег из портфеля Доктора Бывакин взял достаточно, чтобы прожить год, если не подвернется подходящая работа. На что он мог рассчитывать, парень без образования, без профессии? Посмотрев объявления, записался в школу автомобилистов, понимая, что права в жизни все равно пригодятся. Занятия начинались вечером, день был свободным, Родион читал, лежа на диванчике в своей скромной квартирке: большая комната, душ, телефон, даже новинку приобрёл, сотовый телефон. Правда, звонить особо некому, но пусть лежит. Ближе к вечеру ходил в магазин, закупал продукты на завтрашний день.

Драку он увидел сразу, но вмешиваться не стал, так учил Доктор: «Не твоё – не встревай, надо – позовут, да и то подумай». Позвали. Истошный девичий крик: «Они его убивают!» сорвал с места, Бывакин увидел троих парней, упоённо бивших ногами лежащего ничком человека. С разбега сбив двоих, он тут же ударил в горло третьего, тот захрипел, ртом пошла кровь, друзья схватили его под руки и поволокли за угол. Родион подошел к лежащему, тронул жилку на шее – живой. Подбежавшая девушка просила вызвать скорую, кто-то кинулся в магазин звонить, он поднял свой пакет и пошел на тротуар.

– Постойте! – окликнула девушка. – Остановитесь, я не успела поблагодарить вас. Вот моя карточка, позвоните завтра после восьми вечера, я буду дома. – Она своей косынкой вытирала кровь с лица молодого человека. Поняв, что он третий лишний, Родион буркнул:

– В это время не могу.

– Хорошо, можно позже, – она с умилением смотрела на спасителя.

– Зачем? – Родион пожал плечами.

– Вы спасли моего брата. Я приглашаю вас в гости. Извините, скорая подошла.

Бывакин вернулся, помог загрузить парня, девушка тоже села в машину, он сообразил, что может подскочить и милиция, а ему эта встреча ни к чему. Быстрым шагом прошёл до поворота, посмотрев предварительно, не поджидают ли те трое. Нет, все чисто. Выложив продукты, Родион сел в кресло и достал визитку. «Сопредседатель губернского Императорского собрания Княжна Лада Станиславовна Бартенёва–Басаргина». Родион засмеялся: княжеского отпрыска отметелили трое городских хулиганов, а он попал в спасители. Бросил визитку на стол, стал собираться на занятия.

На автобусной остановке заметил одного из драчунов, он огляделся и довольно смело подошёл к Родиону. Тот напрягся: что у него на уме, а если перо в рукаве? Но парень улыбнулся:

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

– Не боись, я чистый, – он вынул руки из карманов и показал ладошками вверх. – Разговор есть. Отойдём?

– Только короче.

– Короче некуда. Ты дерёшься здорово, а нам нужны такие парни. Я Шура, еще Володя и Леха. Мы эту пару давно пасли, там было что потрошить, да только сумочку девкину урвали да часы с ее шеи успел сдёрнуть, а тут ты. Давай к нам, нынче есть кого пощупать.

– Часы и сумка у тебя?

– На хате.

– Завтра в десять придешь на это место и всё принесешь, а потом базарить будем. Это я пока прошу, – и запрыгнул в подошедший автобус.

Хорошенькое дело – заявиться в княжеский дом с такими подарками, а княжна мила, прямо красавица. Понятно, бедному Роде ничего не светит, но хоть посмотреть на нее в домашней обстановке. Вполуха слушал преподавателя, все вспоминал лицо княжны, но всплывал только ее крик и разбитое лицо братца. Завтра он точно позвонит. А с утра надо заняться собой.

В десять часов он получил сумочку и часы, спросил, не пропало ли чего из дамского, парень зуб дал, что всё чика в чику. Поехал в приличный магазин для мужчин, положил перед девушкой американскую десятку и попросил одеть так, будто через час регистрация брака.

– С чего начнём? С белья? – с улыбкой спросила она

– Решай сама, – махнул рукой Родион. – Я в этом деле хуже, чем в любви разбираюсь.

С бельём проще, а вот с костюмами пришлось повозиться. Остановились на светлом итальянском и сером в полоску немецком. Туфли выбрали быстро, нога у Родиона стандартная, положили три пары. Сюда же полдюжины сорочек и столько же галстуков.

– Барышня, ты галстуки завяжи и засунь к тем рубашкам, к которым они подходят, а то я все перепутаю.

Девушка улыбнулась:

– Я бы такого клиента сама с удовольствием одевала.

Родион засмеялся:

– Рискуешь, милая, я парень холостой, могу и прицепиться к слову.

Она тоже засмеялась:

– Цепляйся, я тоже девушка свободная.

Бывакин осмелел:

– Ты когда освобождаешься, ну, в смысле – с работы?

– В восемь.

– Так я тебя встречу, – он осмелел.

– Рискни! – в тон ему ответила девушка.

– Риск – моя стихия! – раздухарился Родион.

– Это я по деньгам поняла, – усмехнулась она.

– Проехали. Но я буду встречать.

Княжне он решил позвонить до встречи с продавщицей, все равно занятия сегодня пропали, надо еще с духариками разобраться, а если княжна пригласит прямо сегодня, то отговорится автошколой.

Достав карточку с номером и взяв телефонную трубку, Бывакин вдруг смутился: а что сказать? Былая отвага, подкреплённая модной одеждой и современной стрижкой, вдруг исчезла. Что у них за дом, может, коттедж с охраной, ковры прямо от калитки, испанские боевые собаки

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

в вольерах? И сама она что из себя – княгиня или княжна? А, княжна – значит, не замужем. Хотя ничего княжеского во время той свары он не заметил. Махнул рукой: скажу, что украденное у меня, могу привезти в любое место, а если будет настойчиво приглашать, Родя поймёт, если настойчиво – придётся поехать.

– Я вас слушаю, – приятный женский голос.

– Здравствуйте, меня просила позвонить Лада Станиславовна.

– Одну минутку, пожалуйста, я её приглашу.

Родион вытер лоб. «Ну, нашёл причину волноваться. Избавлюсь от вещичек, и на выход».

– Слушаю вас.

– Это Родион, вы мне карточку дали после драки, а я вещи ваши забрал у грабителей, надо бы передать.

Лада заметно обрадовалась:

– Ваше имя Родион? Это прекрасно. Так дохнуло старой Россией! Запишите адрес и сейчас же приезжайте. Я встречу вас около дома.

Родион остановил такси, доехал быстро, около большого полустеклянного дома увидел её, она была в лёгкой кофте и домашних туфлях, быстрым шагом подошла и подала руку.

– Согласитесь, Родион, странное у нас знакомство. Сначала вообще никак, потом по телефону, и вот, наконец, вживую. Я рада вас видеть, пойдёмте в дом, папа и мама тоже ждут. Брат уже изрядно поправился, очень вам благодарен. – Она говорила без умолку, Родион даже слова вставить не успевал. Прошли большой вестибюль, поднялись на лифте, в дверях квартиры встретил побитый братец:

– Здравствуйте, Родион, мое имя Гавриил, можно просто Ганя.

– И меня по-простому Родя зовут.

– Замечательно. Проходите.

Да, такого Бывакин в жизни не видел, только в кино. В большой гостиной накрыт огромный круглый стол, вокруг стулья, больше похожие на кресла. Каждое место оборудовано тарелкой, салфетками, ложками и вилками, посередине стола большая посудина под крышкой. Лада представила родителей, довольно пожилых, но отменно выглядевших. «Постарше мамы будут, а как новенькие», – подумал Родион. Про себя повторил: «Станислав Сергеевич и Елена Дмитриевна».

– Молодой человек, вы не стесняйтесь, мы так вам благодарны за помощь нашему сыну, – нараспев сказал отец.

Родион вынул из пакета сумочку и часы. Опять благодарности и приглашение за стол.

– Мне бы руки сполоснуть, – он посмотрел на Гавриила. Тот кивнул, вошли в ванную, на кране Родя не увидел привычного барашка. Гавриил подставил под кран руку, вода потекла. Родион хмыкнул. Гавриил подал чистое полотенце.

Когда сели за стол, вошла молодая девушка в передничке, как официантка, взяла со стола бутылку и всем налила вина. Пока застолье переговаривалось и закусывало, она аккуратно открыла большую посудину и всем налила суп. В ажурных тарелках тонкими ломтиками нарезан белый и черный хлеб. Такими тонкими, что они просвечивали. Родя вспомнил тюремные пайки и улыбнулся. Гавриил налил ещё по бокалу всем мужчинам.

– Молодой человек, вам не кажется, что похожее знакомство уже где-то случалось, и описано в одном из великих произведений мировой литературы? – пропел Станислав Сергеевич.

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

– Да, я читал про такое, вроде «Мартин Иден», а вот автора не помню.

– Ситуация похожа, но не совсем, – опять запел папаша. – Там спаситель был чуть ли не бродягой, а вы элегантный современный юноша. Простите, чем вы занимаетесь?

Родион смутился: сказать, что учится в автошколе? В такой обстановке? Или рассказать про тюрьму, где и начитался умных книжек, вот, одна даже пригодилась? Надо врать, но аккуратно.

– Я только что приехал из Новосибирска, пришлось расстаться с родителями, они пытались направить меня в медицину. Осматриваюсь, думаю, найду занятие по душе.

Ганя уже ждал минутки, чтобы задать вопрос:

– Родя, мы прошлым летом с ребятами ездили на Байкал, сплавлялись по речке Селенге, немного, километров сто, потом трое заболели и нас вывезли вертолетом. Ты бывал в тех местах?

– Гавриил, что за фамильярность? Родион наш гость, и я не слышал, чтобы вы договорились перейти на ты! – возмутился интеллигентный папаша, подхватив на вилку солидный кусок семги.

– Папа, мы с Родионом почти ровесники, что нам официоз, правда, Родя?

– Согласен, – кивнул гость.

– Ну, впрочем, дело ваше. А вы, барышня, все молчите? – Отец повернулся к дочери. – На вас это не похоже. Вы у нас такая говорливая.

Лада начала, как будто долго репетировала эту речь, эмоционально, четко выговаривая слова:

– Друзья мои, я благодарна Родиону за благородство и мужество. Все случилось так неожиданно, эти трое напали на Ганю сразу и сбили с ног, у меня вырвали сумочку и часы с шеи. И тут появился Родион, это было явление возмездия и справедливости. Конечно, он герой, настоящий мужчина. Эти качества чрезвычайно редки сегодня. Думаю, Родион согласится бывать у нас и со временем стать другом семьи.

– Я рад, дочь моя, что ты высказала наше общее мнение. Родион, наш дом всегда открыт для вас, – просолировал папа.

Потом пили чай с вареньем, ели фрукты. Родя внимательно следил за Ганей, какой прибор он берет, и вроде всё получалось. После обеда Гавриил развёл руками:

– Родя, у меня тренировка, теннис, я должен тебя оставить на попечение сестры. Она расскажет обо всём, что тебя интересует. В том числе и обо мне, но ты не всему верь, ее суждения субъективны.

Лада попрощалась с родителями и подошла к Родиону:

– Я вижу, что вы смущены. Приглашаю вас в свою комнату, там много проще. И я всё объясню.

В комнате ряд книжных шкафов, небольшой белый рояль, зеркало в красивой раме с бесчисленными флаконами на тумбочке и телевизор.

Лада усадила гостя в кресло, сама села напротив:

– Можно, я тоже буду звать вас Родей? – Лада заглянула ему в глаза.

– И на ты. Терпеть не могу игры в вежливость

– Нет, не сразу. Между мужчинами – да. Кстати, я должна извиниться, что случайно дала вам официальную карточку, у меня есть и другая, повседневная. Княжна – это правда, но мы только пытаемся восстановить общение знатных фамилий. К сожалению, Родя, наследники, если и находятся, то изрядно измельчали. Представьте себе, предки большевиками были либо

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

уничтожены, либо приручены. Следующие поколения вынуждены были скрывать происхождение и вместе с тем терять нравы и традиции. Многие нивелировались под пролетариат. Я историк по образованию, только что экстерном окончила Московский университет. Наши предки были людьми очень заметными, большие посты занимали в государстве, в революцию сохранились лишь благодаря вмешательству Максима Горького. Наш прадед слыл крупным специалистом по статистике, его взяли в Совнарком. Наша прабабушка, судя по фотопортрету, была красавицей. Они сумели сохранить часть драгоценностей и золотых изделий, потому выжили и их дети, и мои родители. Я не знаю, сумеем ли мы собрать достойных представителей древних родов, ведь сейчас титул князя или барона можно купить, и самостийная геральдическая палата нарисует вам и герб якобы родовой, и безукоризненную родословную.

– Так плюньте на всё и бросьте! – Родион едва сдерживал себя. – Образованная умная девушка хлопочете за этих тупых и всё растерявших.

Лада испугалась:

– Что вы, Родя, это очень важное дело. Мой папа считает, что эта власть весьма временная, у русских хватит ума, чтобы вернуться к монархии, а царя, как известно, играет свита. Мы должны собрать лучшие силы России в помощь будущему Государю.

Родя понял, что спорить нет смысла:

– Да мне вас жалко, только время потеряете. А для историка работы море. Я слышал от одного человека, что историю нашу исковеркали, извратили, подсунули нам пошленький вариант. Вот где надо копать. Ну, это ваше дело, простите меня, не мне вас учить.

Лада села за открытый рояль и стала тихо играть, этой музыки Родя никогда не слышал, она была спокойна и благодушна, и сама исполнительница скоро слилась с мелодией, смежила глаза, и звуки были всё настойчивей, всё призывней. Родя разволновался, вдохновенное лицо девушки было столь доступно и так желанно, что он шагнул к ней и нежно коснулся сомкнутых губ. Лада вздрогнула, музыка пропала, она встала и чётко сказала:

– Никогда больше не делайте этого.

Родион очнулся.

– Конечно. Я же не княжеского происхождения! – он пошёл к выходу, путаясь в дверях, наконец, увидел входящую девушку, ту, что обслуживала стол, слегка подвинул её и вышел на площадку. Лифт – он никогда им не пользовался, увидел лестничный пролет, побежал по ступенькам и уже в вестибюле чуть не сбил стоящую у выхода Ладу. Она поймала его за руку:

– Родя, простите меня, ваш поцелуй был столь неожиданным, что я испугалась своей доступности. Что вы про меня могли подумать?

Родион осторожно высвободил руку:

– Уже ничего. Я ничего не буду о вас думать, как и предки мои, сибирские крестьяне, никогда и ничего не думали о князьях Бартенёвых–Басаргиных. Я был дерзок сословно, но прав как мужчина, который видит красивую женщину и хочет её поцеловать. Прощайте.

Он приподнял Ладу под локотки и поставил в сторону. На улице облегчённо вздохнул.

Шёл тротуаром и грязно матерился: «Как лопух, клюнул на блестяшку: «Княжна Лада Станиславовна! Обыкновенная баба, а строит из себя. Да в гробу я видел ваши благородные собрания!». Он сорвал галстук и сунул его в карман пиджака. Таким же быстрым шагом перешёл площадь и оказался перед магазином, в котором делал покупки и встретил

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

симпатичную девушку. Он ей точно понравился, да и она хороша собой. Ах, была–не была: зайду!

Девушка даже не скрывала, что рада его появлению.

– Обманщик, допытывался, когда рабочий день заканчивается, я выскочила, думала, ждет ухажор, а он в новый костюмчик вырядился и уже девушек соблазняет.

Родя развел руками:

– Ругай меня и можешь даже легонько ударить по щеке. Как тебя зовут?

– Настёна, – с улыбкой ответила она.

– А я Родион. Видишь, как все просто. Повяжи мне галстук, а то я, как хулиган.

– Пройди в примерочную.

Она приняла галстук, подняла руки и приподнялась на цыпочках, чтобы переложить галстук через голову, но Родя охватил ее руками, прижав груди к самому лицу. Настёна опустилась на всю ступню и они стали целоваться, нежно, крепко, не боясь, что кто-то войдёт.

– Отпусти, у меня через полчаса смена кончается. К тебе поедем?

Родион тут же у магазина купил букет роз, остановил такси, вместе зашли в продовольственный магазин, набрали продуктов.

– Родик, а вина ты не берёшь? – спросила Настена.

– Я не пью.

– А я бы выпила, – вздохнула она.

– Без меня. Терпеть не могу женщин с запахом.

– Да я так, для смелости, – Настёна уже оправдывалась

Он обнял девушку за плечи:

– Смелости у нас хватит и без вина. Ты куришь?

– Иногда, – смутилась девушка.

– Никогда. С сегодняшнего дня. Согласна?

– Да с тобой я на все согласна, Родик, – преданно улыбнулась и чмокнула его в щеку.

Настена была удивлена скромностью квартирки, она думала, что такой состоятельный парень живет, по крайней мере, в трехкомнатной. К удивлению хозяина, она скинула платье, перетрясла холостяцкую постель, застелив свежей простыней, налила ведро теплой воды, нашла швабру и отдраила запущенный пол. Ушла в душ, вернулась, завернутая в простыню, и выдохнула:

– Сил нет терпеть, Родя, на кухне потом приберусь.

…Она лежала у него на руке и гладила непослушные волосы. Он молчал. Настёна сказала, что она приехала из деревни, живёт в общаге, вот только что устроилась нормально, магазин хороший и зарплата приличная, можно даже родителям послать. Учиться собирается поступать в будущем году, но надо бы на бюджетное место, платить нечем. Сказала, что хотела бы замуж выйти за хорошего человека, детей нарожать, дом свой иметь.

– Я дура, правда? – она резко повернулась к Родиону. Он лежал, глядя в потолок. – Ты не слышал меня? – Настёна хотела обидеться.

– Все девушки хотят, мужа, детей, дом. Если ты меня имела в виду, Настёна, то напрасно, – спокойно сказал он.

– У тебя кто-то есть? – испуганно спросила она.

– Да, – ответил Родион. – У меня есть один человек, которому я многим обязан, и который не отпустит меня до конца жизни. Это мужчина, Настёна, очень серьёзный мужчина.

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

Она приподнялась на локотке:

– Что-то я тебя не пойму, Родик, ты вполне нормальный, причем тут мужчина?

И тогда Родя рассказал ей всё: про подростковую драку в деревне, про детскую колонию, про перевод на зону и про Доктора, который спас его и тем повязал навсегда. Настёна испуганно присела на постели.

– Родик, откуда у тебя такие деньги? Ты бандит?

Родион усмехнулся:

– Пока нет, Настена, не бойся, а то посуда на кухне останется немытой.

Девушка заплакала:

– За что я злосчастная такая, встретила хорошего человека, влюбилась, а ему ничего не надо, ни детей, ни дома. Родик, что мы теперь будем делать?

Он ничего не ответил, сходил на кухню, вернулся с двумя чашками кофе и плиткой шоколада. Стал тихо говорить о том, что будет. Пока будет так, что Настена переедет к нему, вечерами будет готовиться к экзаменам в институт. Где был Родя и что делал – ей знать не надо. Если кто-то придет и спросит, сказать, что ушёл по делам, если останутся – вместе с ними ждать, но в окне на кухне задернуть правую занавеску. Начнут расспрашивать – рассказать всё про знакомство, про любовь, но ни слова о его прошлом, она ничего не знает, а он ничего не говорил.

Вечером съездили в общагу, Настена собрала свои вещи, разложила в отдельном ящике шкафа. Началась совместная жизнь.

Бывакин вечером, как всегда, пошел в магазин за продуктами и увидел Гавриила. Ганя явно его поджидал.

– Здравствуй, Родя! Ты так внезапно исчез, ни адреса, ни телефона. Наконец, я вспомнил, где меня били, и пришел на это памятное место. Я правильно рассчитал, что ты появился тут не случайно, и часто бываешь. Вот, третий вечер караулю.

– Зачем? – спросил Родион.

– Родя, я не знаю, что между вами произошло, но Лада с ума сходит, она влюблена в тебя, я так понимаю. Она умница, красавица, но всегда была увлечена прошлым нашего рода, хотя я так и не пойму, зачем всё это ворошить? Она по этой причине вообще не имела контактов с парнями, ты первый, на кого она обратила внимание, и теперь уверена, что это любовь. Каково?

Бывакин не знал, что ответить. Эта княжна может вбить себе в голову все, что угодно, но Родя тут причём? Да, она ему понравилась, он даже пытался поцеловать, но получил такую отповедь! Гане сказал:

– Нет, Ганя, любви тут нет. Ты ее успокой. Я простой деревенский парень с тёмным прошлым и ещё более темным и неопределенным будущим, что для княжны совсем не подходит.

Гане, видно наказано было без положительного ответа не возвращаться:

– Прости, Родя, она просила убедить тебя прийти к ней в гости. В крайнем случае, дать свой телефон. Можешь?

Родион продиктовал номер домашнего и уточнил, что звонить лучше вечером, днем он занят делами.

Ганя не унимался:

– Ты знаешь, Родя, а как было бы здорово, если бы вы с Ладой поженились! Она добрая, спокойная, ласковая. Прости, но я почти уверен, что она любит тебя. А если ты вдруг

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

отвернешься, эта девушка на всё способна. Ты немного пообщайся с нею, а потом найдешь повод расстаться. Например, ты поехал в другой город или за границу.

Родион взял Ганю за грудки:

– Ганя, я не умею жить наполовину! Я или люблю или вообще не знаю этого человека. Да, Лада мне очень нравится, но лгать, искать момента, чтобы смыться… Давай подождем её звонка, что она скажет.

Бывакин даже себе не признавался, что ему льстило внимание такой девушки, как Лада, но понимал, что из их отношений, даже если они и возобновятся, ничего не получится. Наверное, ей приятен сильный и симпатичный молодой человек, прилично одетый и умеющий вести себя за столом. Конечно, она не могла заметить, что Родя копировал все движения Гавриила, чтобы не допустить ляпа, который бы мгновенно разрушил в её воображении образ романтического и близкого по духу юноши. Она настаивает, даже просит через брата о встрече, что едва ли приличествует её статусу, и он должен пойти, чтобы всё привести в порядок: да, Лада очень милая барышня, но Родя парень из иного круга, можно рассказать ей о придуманной семье в Новосибирске, о тюрьме и о беспросветном будущем, потому что с тюремной школой ему не сдать экзамены даже в техникум, точнее – в колледж. А потом заявить, что из-за болезни матери он вынужден будет навсегда покинуть город и вернуться в деревню. Бывакин был уверен, что после этого у барышни не останется никаких иллюзий.

Он набрал номер телефона и услышал её мягкое:

– Да, вас слушают, говорите.

– Это Родион. Здравствуйте, Лада. Простите мне мою дерзость и не обижайтесь, я сам очень переживаю.

– Забудьте об этом. Я хочу сказать, что вам не в чем раскаиваться, я потом поняла, что вы поступили по порыву сердца, а это самое искреннее, на что способен человек. Потому я прошу вас, Родион, приезжайте к нам, я вас встречу, мне хочется с вами о многом поговорить. Нет-нет, никаких отговорок, я вас жду.

Придется ехать. А ведь манит, манит эта прозрачная девушка, живущая нереальной жизнью, хлопочущая о высоком обществе, которое должно окружить будущего Государя. А кто он? Из тех, кто сейчас рулит в Кремле, царя не собрать даже по крупицам. Родион покупал в киоске все газеты и быстро просматривал. Как он научился читать между строк? К этому подтолкнул Доктор, который брезгливо относился к газетам, телевизору и власти. Кажется, к любой. А читать заставила Аннушка, учительница литературы в тюремной школе, чистая душа и несчастная женщина, полюбившая своего ученика. Он тоже хорош, уехал внезапно и забыл. Мог бы написать, была даже мысль вызвать её и жить вместе, но одно за другое – и забылась Аннушка, которой стольким обязан. Ехал в автобусе и думал.

Лада, как и обещала, встретила у крыльца, смущена, щечки покраснели. Провела по пустому вестибюлю в свою комнату, усадила в кресло.

– Родион, я намерена говорить с вами серьёзно. Вы умный и серьёзный человек. Ваши родители хотели, чтобы вы стали врачом. А вы где собираетесь учиться?

Он посмотрел ей в глаза с улыбкой:

– В автошколе.

Лада оторопела:

– Не совсем поняла. Причем тут автошкола?

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

– Хочу получить права, чтобы водить машину.

Девушка явно обрадовалась:

– Прекрасно! Но я имела в виду учебу настоящую, например, университет или политехнический институт.

– Я ещё не решил. Время есть.

Лада прошлась по комнате, шурша обширной юбкой. Белая кофточка тоже была свободной, но Родя заметил и остренькие груди, и тонкую талию.

– Родион, вы современный молодой человек. Что для вас любовь? – она остановилась и глядела на него ясными голубыми глазами.

Парень растерялся. Говорить книжные слова – глупо, своих почти не было, да и не любил он по-настоящему никого. Так, привязанность, общая постель. Решил признаться:

– Лада, вы меня застали врасплох. Я не особо искушён в этих чувствах, всё времени не было.

Лада наступала:

– Но вы верите, что любовь есть, и она движет людьми?

– Возможно, – Родион беспомощно развёл руками.

– Ах, какой вы несговорчивый! Конечно, сегодняшние проявления чувств весьма далеки от идеалов наших предков. Тогда любили…, как бы точнее выразиться: светлее, чище. Любовь – это два человека, ставшие единым целым, это их мир, который ничто не способно разрушить. Вы помните декабристов? Помните жён и невест, которые отринули всё: богатство, покой, общество – и поехали к любимым в Сибирь. Или вы думаете, что это красивые легенды? Нет, Родион, это чистая правда.

Она открыла шкаф и вынула несколько папок, на лицевой стороне гость заметил царский герб.

– Я собрала много документов по своему роду, и среди них несколько писем прапрапредков, из девятнадцатого века. Они написаны не весьма разборчивым подчерком, потому я дам вам только те, что успела перепечатать на машинке. Уверяю вас, это не фантазии, это документы. Я разрешаю вам их прочесть.

Лада подала несколько листов и включила верхний свет.

– Читайте, а я приготовлю чай.

Бывакин начал читать и сразу захватили его тот дивный старый стиль и душевная, искренняя манера обращения и изложения событий, мыслей и чувств.

Письмо первое.

«Здравствуйте, дорогая моему сердце Екатерина Сергеевна, жена моя венчанная и друг до конца дней моих. Первое письмо разрешили мне власти тюремные отписать, и кому я его адресую, акромя Вас, родной и любимой? В первых строках сообщаю Вам, что страдания наши на этапе закончились сравнительно благополучно, но многие десятки несчастных не выдержали пешего перехода, особливо в зимних месяцах, когда за Уральским камнем холода и ветры такие, каких в Петербурге не бывает никогда.

Любезная Екатерина Сергеевна, тот адвокатишка, который взял с Вас тысячу рублей золотом, так и не сделал ничего, больше того, он и не пытался сделать, чтобы хоть как-то облегчить мою и Вашу участь, укоротить срок каторги или даже добиться оправдания. Я в пересыльной тюрьме встретился со многими людьми, которые уголовное дело знают не хуже господина городского прокурора, они уверяли, что ретивый защитник мог бы мое дело кончить

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

в нашу пользу, тогда бы и быть нам вместе, а теперь нельзя. Долгих пять лет – выдержите ли Вы сие испытание, ниспосланное нам Господом? Я уж не говорю о себе, ибо знаю, что всё снесу, всё переживу, только бы мне увидеть и обнять Вас, дорогая Екатерина Сергеевна.

В Екатеринбурге железная дорога окончилась, нас со станции завели в пересыльную тюрьму, разрешили постирать бельё и отремонтировать одежду, у кого нужда. Потом сводили в баню. Конечно, голубушка, баня грязная, шайки сопрели, лавки гнилые и даже проламываются. Но была горячая вода, и какое блаженство после нескольких недель без мытья растереть своё тело своей же нательной рубашкой. Три дня нас держали, потом объявили, что будет пеший переход до Омска. Насколько я помню по карте, это более пятисот верст. Это уже апрель, снег сходит, солнце яркое и чистое, но дороги разбиты, и идти нету сил. В первый же день почти все каторжники разбили напрочь свои сапоги. Ночевали в деревенском сарае, кто чем мог, ремонтировал обувь свою, а потом пришли крестьяне, принесли шилья и дратву, это такая нитка суровая, смазанная варом, чтобы не прела. Принесли и свою старую обувь, которая оказалась годнее нашей. Кое-как пошли дальше.

Пропитание выдавали на весь день, сухари и рыба сухая, но и этому рады. С каким бы удовольствием откушал я черного ржаного хлеба, который выпекает Анфиса специально для прислуги! В иных местах останавливались и варили кашу, горячая пища нужна человеку в таком положении более всего, но конвойное начальство не очень благоволит, да и как его обвинять, если каждый день случаются побеги. Меня тоже соблазняли в местечке Тюмень, но я наотрез отказался. Бежать – значит быть под законом, без документов и не сметь приблизиться к Вам, Екатерина Сергеевна, а сие противно сознанию моему.

А потом, это уже в мае, все мы заболели неприятной болезнью, да столь повально, что и двигаться колонна не могла. Начальник конвоя умный человек, сообразил, что дело, видимо, в провианте, подсунул купец и рыбу протухшую, и крупу пропащую, а для конвоя провиант закупали в другом месте, солдаты хоть бы что, а каторжные все, простите за натурализм, на кукорках сидят. Рядом село большое, приехали мужики, спрашивают начальство, что за народ ведут. Отвечают, что всякие преступники, вплоть до убийц. А те интересуются, нет ли среди нас революционеров и террористов. Ответили, что Бог миловал. Тогда мужики говорят, что сей же час организуют хороший обед, а начальнику советуют корм этот гнилой выкинуть, староста сельский печать приложит к документу об этом, а начальству с солдатами ехать в уезд и там получить новый провиант. Нас от поноса вылечили быстро, в бочонках привезли отвар трав всяких, мы по ковшику выпили, и как рукой сняло. А потом стали нас кормить щами со сметаной и белым хлебом, а после и кашей просяной, мы такую ещё не знаем. Масла лили в кашу черпаками, очень славно. Потом всех в сон кинуло, а после начальник построил нас и сказал, что вынужденно уезжает, а чтобы мы не разбежались, по совету деревенских мужиков заведут нас в лог, откуда выход только один, тут и будет охрана.

Пошли мы к этому логу. А надо Вам сказать, родная моя, что край этот чудесный: река протекает широкая, называется Ишим, а далее луг заливной с высокими травами, а потом крутая гора, надо полагать, что это берег бывшего здесь моря или огромной реки, вот в этой горе и образовались лога и овраги. Тот лог, к которому нас подвели, поистине страшен: стены отвесные, даже в самом истоке, на дне ручей с хорошей водой. Один каторжник обратился к начальнику и мужикам, которые нас сопровождали с такой просьбой: чтобы нам здесь без дела не сидеть, пусть мужики везут лопаты и ведра, а сами едут к ближайшему лесу и

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

копают малые берёзки. А весь этап поделить пополам, и вывести на берега этого лога, и пусть солдаты отойдут на сто шагов, если кто побежит – стреляй. Он оказался ученым человеком, разметил, где ямки копать, каким размером, и за день мы обсадили весь этот лог малыми березками. Лог местные называют Лебкасным, видимо, берут тут левкас для побелки домов своих, но лебкас им ближе по произношению.

Милая Екатерина Сергеевна, не могу найти таких слов, чтобы выразить степень тоски моей по Вам, по нашему дому, по нашим прогулкам в саду в деревне и по Невскому в городе. Теперь мне это как сон, думать об этом боюсь, потому что сразу в голову приходят мысли о Вашем положении и состоянии. На сем заканчиваю. Станете мне писать, заложите в пакет чистой бумаги, тут можно достать только серой и грубой, на таковой не хотел бы я излагать светлые свои чувства. Прощаюсь, душа моя, и жду вашего ответа, чтобы исцеловать и слезьми облить те листочки, какие вы держали в своих нежных ручках.

Ваш муж Алексей Кириллович.

Ноября 10 дня 1882 года».

Письмо второе.

«Дорогой мой муж и вечный жених Алексей Кириллович, припадаю к Вашим ногам, чтобы приподнять своими слабыми усилиями Ваши оковы и хоть на минутку сделать Вам облегчение. Всё Ваше письмо я зачитала на память, матушке и батюшке вашим только пересказала, ибо не совсем было бы благонравно читать им о Ваших чувствах, которые касаются только нас. В доме у нас все покойно, только есть одно дело, кое не имею права решать без Вашего на то согласия. Милый муж мой, последняя ночь, которую добродушный начальник пересыльной тюрьмы за скромное подношение и под честное благородное позволил Вам провести дома, навсегда будет теперь в нашей памяти, и не только потому, что эта ночь была ещё больше чистой и страстной, чем первая наша ночь после венчания и свадьбы, а потому, что Господь благословил нам дитя, и я несу его под сердцем своим. Теперь я хотела бы испросить Вашего совета, оставаться ли мне в таком интересном положении у родителей Ваших, которые, я в том уверена, окружат меня поминутной опекой, либо переехать к своим в деревню. И мысли не имею хоть сколько обидеть Ваших родителей, только дома мне было бы покойней и проще. Но в городе я скорей получу Ваши письма, чем в деревне, да ещё и потеряют пьяные ямщики. И к тому же в городе доктора рядом, Иван Христофорович регулярно посещает батюшку Вашего, через матушку, ибо самой еще совестно, узнаю от него, кто изрядно понимает в женских делах, чтобы при нужде можно было вызвать и получить помощь. Ребенка я ещё не чувствую, только тошнит временами и совсем пропал аппетит. Матушка Ваша, спасибо ей, спасает меня, как умеет, а батюшка только с любовью смотрит и улыбается.

Погода в такое время всегда мерзкая, снег с дождем, пешком, кроме работного люда, никто не ходит, только в санках да на извозчиках, лошади все кованы, но и те, бывает, скользят и распластываются среди улицы. Я давеча в окно видела, как одну несчастную дорезали ножами и всю мостовую угоили в крови, мне сделалось дурно, и я отошла. Про случай наш уже не сплетничают, три дня назад приезжала к родителям Антонина Бонифатьевна, чай пили все вместе, она меня очень успокаивала, вот и сказала, что в обществе уже не вспоминают случившееся. А у меня с ума нейдет то несчастье, по которому выпала нам горькая разлука. Любимый мой Алексей Кириллович, без вины я пред Вами виновата, и казню себя за то, что в тот злосчастный вечер не отказалась ехать в собрание, было у меня предчувствие недоброе,

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

сердце подсказывало, только мы едва ли верим своему сердцу. Пропишите мне, чем я могу помочь Вам, кроме писем этих столь редких по какому-то глупому уложению, что в столь тяжкой разлуке супруга может толичко одно письмо за месяц сдать на почту.

Батюшка мой сообщает в письме, что дома все, слава Богу, благополучно, хлеб уж домолачивают на гумнах, рожь нынче удалась, чем мужики сердечно довольны. Уже и по традиции смололи на жерновах зерно нового урожая и испекли хлебы. Я тоже отведала корочку, очень ароматно и вкус удивительный, нам каравай из деревни прислали. Батюшка всем мужикам простил долги семенные и прочие, просил молиться за нас с Вами и за благополучное Ваше возвращение. Пишет, что хворал ныне, старая рана баязетовская открылась, две недели не вставал, теперь улучшение, и даже ездил в гости к другу своему Артему Герасимовичу, коего Вы должны помнить, он на свадьбе нашей изображал турецкого султана, чем изрядно всех повеселил. Матушка всё по дому, в субботние дни, как и при моей бытности в девичестве, собираются в людской девушки крестьянские, и матушка учит их грамоте, чистоплотности, приличным манерам, чтобы знали, как вести себя, когда приличные люди приезжают, как с парнями деревенскими себя блюсти, а то взяли моду до свадьбы познать ложе супружеское. По той причине случилось уже в нашей деревне убийство из ревности молодого мужа, коего невеста его хотела обмануть. Да, пишет матушка, трех жен на первом году изгнали мужья из дому, и всё по той же вине. Боюсь только, что матушкины уроки едва успеют за падением благочестия и порядочности, которые уже обществу безразличны.

Родной мой Алексей Кириллович, простите меня за пустяки, коими заполняю я страницы письма к Вам, но ничего другого не могу себе представить, коль откажусь от описания дел мирских и даже посторонних, кроме как в каждой строке писать, как люблю Вас, как тоскую, как виню себя. Целую Вас крепко и нежно глажу ваши щеки, уши, Ваши шелковые волосы. Вы снитесь мне каждую ночь, но так невнятно, что кроме того, что был сон, и Вы были в нем, я ничего путного не могу вспомнить. И пусть, зато в душе остается нежность и сладость.

Остаюсь Ваша жена Екатерина Сергеевна.

Санкт-Петербург, 30 ноября 1882 года».

Письмо третье.

«Милая Катенька, так и буду тебя теперь называть, потому что нет нам нужды придерживаться общественных манер и правил, я так по тебе тоскую, что иначе, чем Катенькой и звать тебя не могу. Спешу поблагодарить тебя за великую радость, которую ты так мило описала. Будь осторожна и во всем слушай маменьку, она родила пять раз, потому все тонкости ваших женских состояний знает. Как я хочу быть с тобой рядом, припасть к твоей груди, целовать животик твой и услышать шевеление нашего малыша. Любовь моя, ты напрасно терзаешь себя мнимой виновностью, твоей вины нет нисколько, а что касаемо меня, то я ни в чем не раскаиваюсь, знай я в тот момент о возможной расплате, поступил бы ровно так же, как и в действительности. Честь моей жены и моей семьи превыше свободы и даже жизни. Но не будем об этом. Описывай мне свое состояние, поведение нашего ребенка, мне от этих слов светлее и легче на душе.

А еще хочу сообщить тебе новость удивительную. Приехал в нашу тюрьму чин из здешней губернии, мы, конечно, об этом ничего не знали, потому, как никто из охраны с заключенными не разговаривает. Только вечером, когда вернулись с работ в барак, прибежал офицер и

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

крикнул мою фамилию. Я, как положено, ответил, и велел он мне следовать за ним. Пришли в большое здание тюремной конторы, поднялись во второй этаж, там очень славно: на подоконниках широких цветы разные стоят, как у наших мужиков в деревне, герани всякие и прочая ерунда, но моей душе очень приятно, потому что прекрасного я уже полгода не вижу, только грязь, брань и разврат.

Подвел меня офицер к большим дверям и велел стоять молча. Странное дело, но никаких мыслей у меня в ту минуту в голове не было, потому что невозможно было предположить что-либо разумное о причинах столь странного вызова. Здесь, родная моя, больше всего боятся наказаний за провинность, но я за собой никакого греха не предполагал, потому стоял и ожидал вызова. Наконец, дверь отворилась, и меня впустили в большую залу, уставленную вполне приличной мебелью и даже с коврами. Сапоги свои я основательно и тщательно почистил у входа, но ступать на ковер поопасался, остановился у входа. Два больших чина сидели в креслах, один, видимо, начальник нашей тюрьмы, сказал другому:

– Вот, Густав Иванович, это и есть Басаргин Алексей Кириллович, осужденный по известному Вам делу.

– Благодарю Вас, господин полковник, – ответил тот, кого назвали Густав Иванович. – А теперь попрошу Вас оставить меня наедине с осужденным.

Начальник вышел, Густав Иванович показал рукой на кресло:

– Проходите и садитесь, разговор у нас не на одну минуту.

Я сел, вижу, что перед господином лежит сшитая суровыми нитками картонная папка с несколькими бумагами внутри. Господин поднял на меня глаза:

– Я генерал Гитляйн, Густав Иванович. От имени Государя Императора поставлен для контроля законности при содержании преступников, а так же рассмотрения особых ходатайств по наиболее сложным делам. Суть вашего дела мне известна из сих бумаг, но я бы хотел услышать ее от вас, ибо часто написанное второпях и без нужной тщательности в расследовании сбивает с толку. Так и в вашем деле мне надо уяснить только одну деталь. Вы можете рассказать всё по порядку?

Представь себе, любимая моя, как я растерялся, голова пошла кругом, я чуть было не лишился сознания, но взял себя в руки и стал говорить. Я тебе опишу всё, как было, ведь каждое слово свое я помню и даже интонацию. Я сказал:

– Господин генерал, в тот вечер я и супруга моя Екатерина Сергеевна были приглашены в дворянское собрание на бал по случаю окончания Великого поста и наступления Святой Пасхи. Гостей было довольно много, весь пост никаких собраний не случалось, потому все радовались встрече и то и дело подходили к столу с винами и закусками. Я воспитан в строгих правилах, потому вином не интересовался, но дважды подходил к столу, чтобы взять супруге пирожное и мороженое. Оба раза я видел молодого человека в кампании своих товарищей, которые без излишней скромности наливали бокалы столь часто, что следовало ожидать их скорого опьянения. Никого из этих господ я не знал, и знать бы не желал никогда. Но они меня заметили, и довольно бесцеремонно комментировали, для кого это я беру мороженое и пирожное. Мы с женой сидели у окна, изредка раскланиваясь и здороваясь со знакомыми людьми и говоря о пустяках. Вскоре музыканты вышли на балкон, зазвучали вразнобой инструменты, оркестр настраивался. Наконец, появился дирижер, и ударил вальс. Я пригласил супругу на танец, мы вальсировали, но мне показалось, что та компания перешла к месту, где мы с супругой сидели, и встала рядом. По окончанию танца мы прошли на своё место и

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

оказались в опасной близости от изрядно нетрезвой компании. Когда объявили следующий танец, молодой человек, на которого я ещё у столов обратил внимание, подошёл к нам и попросил у меня разрешения пригласить мою спутницу, как он выразился. Я вежливо отказал.

– Что именно вы сказали, в каких словах? – спросил генерал.

– Извольте. «Милостивый государь, я не могу дать вам согласия на танец с моей женой, потому что вы пьяны». Вот так я сказал.

– Продолжайте, – кивнул генерал.

– Молодой человек как-то нехорошо улыбнулся, весьма неискренне извинился и ушёл. Жена просила меня немедленно уехать, но тут объявили полонез, и мы встали на первую фигуру.

Велико же было мое недоумение, когда рядом увидел того молодого человека в паре с не внушающей уважения девицей, ведь в ходе танца происходит обмен партнершами, и моя жена окажется в руках этого человека. Но отступать было поздно, танец шел своим чередом, когда я услышал голос моей Катерины: «Негодяй!», потом звук пощечины. Я оставил свою партнершу и бросился в середину залы. Моя жена стояла, опустив голову и сжимая на груди разорванную кофточку. Молодой человек улыбался и со смехом рассказывал, что эта дама сама совращала его, а когда он сунул руку под кофту, устроила спектакль. Я едва нашел в себе силы не ударить его сразу, обнял жену и громко сказал:

– Милостивый государь, немедленно извинитесь перед дамой, иначе получите урок воспитания на всю оставшуюся жизнь!

Он нагло мне ответил:

– И не подумаю. Лучше воспитывайте свою распущенную жену.

После этих слов я ничего не помню. Господин генерал, я три года служил на Кавказе, там нельзя быть размазней, сразу погибнешь, потому пришлось много работать над силой и ловкостью. Я ударил наглеца, как мог, его подхватили товарищи, я откланялся, и мы с супругой уехали домой. А утром горничная постучала в спальню и со страхом сказала, что внизу меня ждут полицейские. Оказывается, негодяй умер от сотрясения в голове, но более всего поразило, что он был сыном начальника канцелярии правительства Его Императорского Величества. Меня арестовали, никого, кто бы мог быть объективным свидетелем, среди десятков гостей бала не нашлось, и получалось, что я в приступе ревности нанес партнеру жены по танцу смертельный удар. Показать следователям разорванную кофточку я решительно не мог, это унижало бы и оскорбляло мою жену. Так возникло это уголовное производство, по которому я оказался здесь.

Генерал слушал меня внимательно и что-то помечал в большой тетради.

– Откуда Вы родом? – вдруг спросил он.

– В Курской губернии есть имение Смольниково, это наше родовое гнездо.

– Вы служили в действующей армии. По собственной воле или иные причины?

– Господин генерал, нас в семье четыре сына, трое служили, младший не допущен по причине слабых легких. Так нас воспитал отец, майор в отставке.

Генерал насторожился:

– Он в турецкой кампании не участвовал?

– Так точно, участвовал, господин генерал!

– Братец ты мой, Ваш батюшка командовал батареей у меня в полку. Мы с одного котелка кашу ели, одной шинелью укрывались в непогоду. Он был ранен довольно тяжело, кажется, под Баязетом, и отправлен в тыл. Он жив?

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

– Так точно, жив, господин генерал!

– Отпишите ему от меня поклон. Теперь по вашему делу. Напрасно вы считаете всех гостей того бала людьми трусливыми и безразличными. Я получил документ, подписанный десятком человек, которые утверждают, что вы вступились за честь своей жены, и убийство – это роковая случайность. Характеристика покойному дана весьма и весьма нелестная. Кроме того, выяснилось, что следствие, мягко говоря, не было свободным от посторонних влияний, как, впрочем, и суд, чему есть документальные подтверждения. Таким образом, дело Ваше будет пересмотрено, полагаю, с учетом перенесенных Вами испытаний суд вправе отправить Вас на свободе.

Милая Катенька, я за малым не лишился чувств. Генерал подал мне стакан воды и позвонил в колокольчик. Вошел начальник тюрьмы.

– Господин полковник, Артем Родионович, мне в совершенстве всё доподлинно ясно, дело господина Басаргина будет пересмотрено и, я уверен, решится в его пользу. Но – до отмены приговора он остается в вашем учреждении. Только я попрошу: дайте ему комнату в этом здании, обеспечьте нормальным питанием. Он военный человек, образован, может помочь вам в каких-то вопросах. Я не думаю, что мои просьбы сверх Ваших возможностей.

– Всё сделаем, Густав Иванович, не извольте беспокоиться.

– Когда придет вызов из столицы, отправьте господина Басаргина без конвоя, деньги на дорогу семья ему пришлет.

– Всё сделаем, господин генерал!

– Вот и славно, – генерал пожал мне руку и ещё раз просил передать поклон батюшке.

Дорогая моя Катенька! Молись за здравие раба Божия Густава, он хоть и из немцев, но, думаю, что крещён в нашей вере. Береги дите наше, не переживай, не знаю, как скоро, но встреча наша случится ранее, чем мы считали».

И чай уже остыл, а Лада все сидела у стола и ждала слов Родиона. А он молчал. Молчал потому, что прочитанное было ему так понятно, что даже Ладе не передать, и в то же время это была сказка. Он даже во время чтения ни на мгновение не мог допустить, что вот это он, Родя Бывакин, пишет письмо своей возлюбленной, которую надо еще придумать, и она шлёт ему такие ласковые слова, каких Родя не слышал и никогда не услышит.

– Сказка, – сказал он. – Все это красивая сказка.

Лада улыбнулась:

– Не верится, правда? Родя, я хочу отбросить все приличия и сказать вам, что, если бы вы оказались в тюрьме, я бы писала вам такие же письма. Я влюблена в вас. Молчите! Мое признание не может показаться вам навязчивым, оно ни к чему вас не обязывает. Не знаю, что вырастет из этой влюбленности, но я бы хотела, чтобы вы знали.

Парень тоже улыбнулся:

– Лада, сейчас вы поймёте, как ваши романтические фантазии разбиваются о жестокость реальной жизни. Вы влюблены, это ваши слова, так вот, вы влюблены в образ, который создали из удачной драки, модного костюма и вполне приличной физиономии. А в действительности я сидел в тюрьме, жрал гнилую картошку, обслуживал бригадиров, десятников и просто бандитов. Вы живёте иллюзиями, а я в гуще каждодневной жизни с её грязью, обманом, воровством, подлыми ментами и дешёвыми девушками. Нас разделяют не деньги, они у меня есть. Нас века разделяют, в которых столь разные ценности, что мы с вами никогда искренне не

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

поймём друг друга. Лада, ваш будущий возлюбленный сейчас смазывает бриолином волосы и выщипывает брови. Я не вашего круга, потому не ищите встречи со мной, к добру это не приведёт.

Он встал, сдёрнул со спинки кресла свою куртку и вышел. Лада не сказала ни слова.

В обед решил сходить на рынок и купить мяса, просто наварить кусками и есть без хлеба. Ну, захотелось, пришлось идти. Настёна, конечно, заворчит, что приготовленный суп и котлеты в холодильнике остались, но это её дело. От нечего делать долго ходил по мясному ряду и выбирал. Наконец, ткнул пальцем в приличный кусок:

– Прикинь, во что обойдётся?

Продавец, молодой мужик в белом халате, положил кусок на весы и назвал цену. Родион подал деньги, и они встретились взглядом.

– Родя? Здорово!

Бывакин настороженно вглядывался в знакомое и полузабытое лицо, потом засмеялся:

– Саня, Связин! Ну, молодец, как дела, как деревня?

– Да какие теперь дела, Родя? Деревня хизнула, колхоз растаскивают, и никому дела нет.

– Мать мою видел?

– Жива и здорова, приеду, привет передам.

– Конечно. Что в деревне нового?

– Да ничего! Во! Чуть не забыл. Ты Гриньку Апрошкина помнишь, его в Афгане убили, так вот, оказывается, не его зарыли, а другого. Говорят, экспертизу какую-то делали в Ростове в морге, и нашли Гриньку. А сколь годов-то прошло? Вот, везут, Гриньку в могилу, а того несчастного по другому адресу, вроде как в Курганскую область, тоже деревенский. Вот к чему это всё? А матере каково? Её вон водой отливают, медичка из дому не выходит.

– Понял, Саня, до встречи.

Что же получается? Завтра могилу будут вскрывать? Родю колотила нервная дрожь: ладно, что встретил Связина, вовремя мяса захотел, а если бы нет? Кто бы мог подумать, что могила – не самое спокойное место между тем и этим светом? Позвонил диспетчерше такси, с которой часто общался, заказал машину:

– Надюша, понадежней, потому что мне срочно надо в деревню, Лебедево, запиши. Расчет само собой, с водилой сразу, с тобой завтра к обеду. Жду.

Мощный тесак, которым разжился на рынке по случаю, положил в портфель, полный бумажник сунул в карман куртки, застегнул молнию. Настёну успокоил, что в деревне не всё ладно, мать придётся в больницу везти. Вышел во двор, машина стояла у подъезда, да и водитель оказался знакомым:

– Что тебя на ночь глядя в деревню понесло?

– Дела, брат. Ты отвыкай вопросы задавать, – посоветовал пассажир.

– Понял. Едем?

Родя кивнул. Ни одна живая душа не должна знать, что он откопал и куда всё увез, потому спланировал, что водителя оставит в центе села с наказом никуда не трогаться, сам переулком уйдет на вторую улицу и вернется на кладбище, мимо которого только что проехал.

– Ждать долго?

– Простой оплачу. Бабу свою мне надо проверить, понял?

– Понятно. Не завидую я тому мужику.

– Закройся и спи, я стукну.

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

Прошел переулком и бесшумно бегом побежал за село. Подошел в воротам кладбища, хоть и всякого в жизни насмотрелся, а не по себе, жутковато. Отринул страх, все равно он ни в какое сравнение не идет со взглядом и вопросом Доктора «Где деньги, Родя?». Вошел под вековые сосны, осторожно обходя бугорки и оградки, подошёл к могиле Грини Апрошкинова, хотя уже знал, что не его прах тут сохраняется. Обошёл с восточной стороны, опустился на колени, тесаком стал выгребать глину из-под памятника. Помнил, что пакет положил далеко, потому копал без опаски. Потом засунул руку по самый локоть, добрался до целлофана, потянул – и вот он, портфель Доктора. Ощупал, открыл оба замка – всё на месте, как он уложил. Так, вместе с комочками глины, которые не поддались обтирке носовым платком, сунул Докторский портфель в свою сумку. Тесак оказался лишним, Родя со всего размаху запустил его в сторону канавы и слышал, как он прошумел сквозь куст черёмухи.

Возвращался спокойно, подошел к машине, стукнул в стекло. Водитель щелкнул дверью:

– Ну, удачно? В смысле – захватил с кем?

– Одна, – нехотя ответил Родион.

– Ну, так пришлось…– водитель выразительно поиграл пальцами.

– Язык прикуси! – дернул Родион.

– Понял. Ехать?

– Ехай.

Теперь новая проблема не давала покоя: куда с этой поклажей? Доктор будет только через полтора года, всё это время хоть сиди на этих деньгах. В городе спрятать негде, кругом люди, каждый день что-то строят, роют бульдозерами и экскаваторами. На другой день снова позвонил Надюхе, прихватил с собой портфель и заехал в диспетчерскую.

– Надя, мой заказ у тебя записан?

– Это что, народный контроль? – огрызнулась она.

– Я спросил. Покажи журнал.

– Родя, не сдавай меня, тоже заработать хочется. Не писала я тебя. А надо было? – Она с надеждой смотрела на клиента. Он ответил примирительно:

– В том-то и дело. И забудь навсегда, что я ночью ездил в деревню. Водилу я уже напугал. И тебе вот зелененькая. Узнаю, что звонишь – язык отрежу. Доходчиво поясняю?

– Поняла, Родя. Могила. – Надюша перекрестилась.

– Сама сказала. Так и будет.

Поехал к хозяйке снятой квартиры, предложил продать ему эту хату. Старуха заерепенилась, но, когда Бывакин положил на стол несколько пачек сторублёвок, остепенилась, пересчитала и согласилась поехать к нотариусу. За одну зеленую ушлый молодой человек быстро оформил все документы и поздравил клиента с покупкой, правда, клиент больше ничем не отреагировал. Родя отвез старушку домой, посоветовав деньги перевести в баксы и хранить только в банке. Заехал в строительный магазин, купил целый ящик инструментов, два рулона приличного полового покрытия, по пакету цемента и песка. Все это попросил водителя помочь внести в квартиру, в тот же вечер Настёну отправил в общагу к девчонкам, вручив ей приличную сумму на вечеринку, но тихонько предупредил: если вздумает крутануть на старой площадке, то однажды она потеряется, и никто искать не будет. Настёна сделала испуганные глаза, поцеловала Родю и уехала. Двое суток были у него в запасе.

Бывакин аккуратно снял линолеум, поднял все половые доски, осторожно простукал панели перекрытия. Ударил стальным зубильцем в намеченном месте – угадал, пазуха. Расширил

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

отверстие, обследовал всю открывшуюся полость: всё чисто. До этого тонкостенную полиэтиленовую трубу чуть меньшего диаметра, чем пазуха плиты перекрытия (специально зашел на стройку с рулеткой) запаял пластиковой заплатой с одной стороны, выпотрошил Докторский портфель и свернутые тугими рулонами доллары стал укладывать в трубу. Закончив, припаял и вторую заплату. Контейнер готов. С трудом просунул его в отверстие, запихал как можно дальше, развёл немного густого раствора, заделал отверстие, потом целый тазик жидкого раствора щеткой растёр по всему перекрытию. Дождался, когда всё подсохло, и остался доволен: сам не сразу определил, где закладка. Специально принесенное ведро песка с землей и строительным мусором растряс по всей площадке. Получилось убедительно: так было всегда с момента новоселья. В плахах выправил старые гвозди и аккуратно вставил их в старые же отверстия. Отоспавшись, раскроил половое покрытие и посадил его на надежный клей. Докторский портфель разрезал на мелкие куски и скинул в разные мусорные контейнеры.

Пришедшая к вечеру второго дня Настёна была в восторге: какую красоту подарил ей возлюбленный. Но Родя так устал, что не реагировал на её комплименты и даже пытался повернуться к стенке и уснуть, пока она была в ванной, но Настёна так к нему прижалась и так нежно мурлыкала в ухо, что пришлось разворачиваться.

– Ну, вот, а то я уж подумала, что ты не один тут ковры стелил…

Наступала осень. Первая городская осень Бывакина. На зоне её приближение чувствовалось по сырости и прохладе в бараке, по обилию капусты в побитых алюминиевых тарелках, по жалобному крику журавлей, они словно специально ночами пролетали над зоной и грустно прощались с её обитателями. Вспоминалась деревня, школа, дружные походы на картошку в колхозные поля, безногий учитель немецкого Эмиль Иванович, безжалостно обличавший недобросовестных копальщиков, нащупав своей тростью оставленный в твердой земле клубень. А ещё костер, в котором пекли картошку, а потом все вместе ели, разламывая подгоревшую корку и посыпая крутой солью пушистую от крахмала мякоть. К концу дня все разбредались, старшеклассники обнимались в ближайших кустах, размазывая по щекам друг друга угольные следы от картошки.

Настена в институт не поступила, но и не особенно огорчилась. Работала в том же магазине, дома блюла порядок, научилась вполне прилично готовить. Родион заметил в ней и другие перемены, но не придал им значения. Вечером в постели Настена включила большой свет:

– Родя, у нас будет ребёнок.

Родион промолчал, потом переспросил:

– Ты об этом только сегодня узнала?

– Нет. Но боялась тебе говорить.

– Сегодня насмелилась?

– Родя, ты разве не рад этому? – вдруг испугалась Настена.

Родион встал, накинул на себя рубашку:

– Ребёнка не будет. И тебя тут больше не будет. Собери свои вещи и переезжай в общагу.

Настёна заревела в голос, Родя встал, на кухне заварил крепкий чай. Настёна вошла, села напротив:

– Куда я пойду, Родя? Зачем ты так со мной? Я же думала жить. И куда я с ребенком?

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

– В больницу. Там знают, что делать. Денег дам. Всё, уходи, завтра к моему возвращению тебя здесь нет.

– Родя, а ты куда, ведь ночь? – она цеплялась за последнюю соломинку.

Он ничего не ответил, последним троллейбусом доехал до гостиницы и снял номер на пару дней. В роскошной свежей постели не спалось, Настёну было жалко, она добрая, симпатичная. Родион вспомнил, как в деревне мужики учили: «Бери бабу такую, чтобы в доме была хозяйка, на улице красавица, чтобы другим глянулась, а в кровати чтобы продыху тебе не давала». Родя хихикал вместе с другими ребятишками, не имея ни малейшего представления о трех важнейших качествах женщины. Теперь он мог сказать, что Настёна отвечала всем требованиям. Но не вовремя всё это! Сейчас ему не хватает только семьи. Придет Доктор, начнутся такие дела, что и про жену и про детей забудешь. Он оправдывал себя, что она сама виновата, надо было что-то предпринимать, не девочка. Думать о ее будущем боялся и не хотел. Да, жестоко, но у него путь такой, стезя, как говорил Доктор, и тут не место мирихлюндиям. Все врачи сделают, денег он оставил, через неделю будет как новенькая…

Утром заметил двух молодых людей, которые уж очень подозрительно точно шли по его следу. Специально прошёл тротуаром мимо своего дома, свернул в подворотню и встал за кустом. Двое прошли мимо, оглядываясь: «Ага, потеряли! Неужели менты? Нет, те взяли бы сразу, сбили с ног, цокнули браслетами и поволокли. Кто тогда?». Родион вернулся, прошёл до магазина и вернулся обратно, навстречу ребятам. Метрах в трех остановился, рука в кармане, хотя, кроме носового платка, там ничего нет.

– Вы ко мне с интересом? – вызывающе спросил молодых людей.

– Один вопрос. Ты Родион Бывакин? – говорил, видимо, старший.

– Отвечаю.

– Тогда мы к тебе. Надо бы местечко найти поуютней. Может, в кафе?

Заказали по чашке кофе, Родя проверил:

– А по сотке?

– Нет. Не сейчас, – строго ответил старший. – Родя, я Жид, потому что еврей наполовину, он Физик, в институте учился. Нас вызвал смотрящий, велел тебя найти и привести к нему.

– Когда?

– Как найдем. Пошли?

Смотрящий жил за городом, пришлось ловить такси, остановились в ста метрах от дома. Показав на мужчину, подметавшего у забора опавшие листья, старший шепнул:

– Я один подойду, доложу, потом позовет, наверно. Стойте смирно.

Мужчина даже не повернулся в сторону Родиона, забрал метлу и пошёл к калитке, Жид кинулся к ожидавшим:

– Иди один. Порядки знаешь?

Бывакин молча пошёл к калитке, его встретили двое охранников, обыскали, велели подниматься по парадной. Он пошел, открыл тяжелую дверь и увидел довольно пожилого человека, сидящего в глубоком кресле. На нем был теплый халат и домашние туфли. На столе стояли фрукты в вазах, печенье и конфеты. Чуть в стороне на алюминиевой тарелке лежал засохший кусок серого хлеба. Родя понял, что это тюремная пайка, но вида не подал.

– Скажи, мой дорогой, ты Родя? – вполголоса спросил смотрящий.

– Да, – ответил Родион спокойно.

– Славно. Давно ты в городе? – для порядка спросил, давно сам всё знает.

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

– Полгода.

– И молчишь? Голоса не подаешь, своих не ищешь? – это уже упрёк.

– Не имею права.

– Славно. Ты Доктора знаешь? – спросил в лоб.

– По врачам не хожу, – дерзко ответил гость.

– Не надо так, сынок, я ведь и ударить могу. Но прощаю, потому что не сразу и следовало отвечать. Доктор просил найти тебя и от его имени передать кое-что… Почему молчишь?

– Не приучен спрашивать. Надо – скажут, – дерзко ответил Родион.

– Молодец! Вот выучка! Доктор в тебе не ошибся. Так вот, он просил, чтобы ты приехал и забрал его.

Родя смутился:

– Когда ехать?

– Хоть завтра. Куда ехать – ты знаешь. Но дело в том, что Доктора комиссовали по болезни, он на последней прямой. Потому поедешь на машине, я позабочусь. Машина готова, с тобой будет врач и мой человек. У него деньги, на всякий случай. Все понятно? – смотрящий выжидающе смотрел на гостя.

– Можно узнать, что с ним? – осторожно спросил Родион.

– Можно, любезный, я бы очень огорчился, если бы ты не спросил. Самая страшная болезнь. Всё, свободен. Дорога дальняя, в шесть утра машина будет у твоего подъезда. Пойди.

Родион вышел и сел на скамейку около проходной. Он даже не заметил, что слёзы текут по щекам. Доктор, человек, столько сделавший для него, умирает, и уже ничего нельзя изменить. Охранник подошел, потрогал за плечо:

– Шеф обидел?

Родя отрицательно покачал головой и пошёл. Ночь почти не спал. Было непривычно без Настёны, и всё время думалось о Докторе. Встал рано, основательно прогрелся под душем, выпил две чашки крепчайшего чая, в портфель положил чистое полотенце, документы и деньги. Квартиру закрыл на все три замка, у Настены остались ключи только от двух, так что, если и надумает вернуться, дверь ей не открыть.

Бывакин даже вздрогнул, увидев реанимационный автомобиль. Врач, женщина средних лет, сидела у окна и курила. Сопровождающим был крепкий парень, Родион видел его в вестибюле смотрящего. Водитель сказал, что до города дорогу знает, а там придется подсказывать.

Было ещё темно, но небо светлело, гасли яркие осенние звезды, легкий туман перебегал дорогу. Родион вдруг подумал, что в один день в его жизни случилось столько событий. Сначала неприятный разговор с Настёной, ночь в гостинице, дневные прятки с посланцами смотрящего. Потом эта страшная новость о Докторе, инструктаж смотрящего, и опять бессонная ночь в своей квартире. Поэтому он откинулся в кресле и задремал. Ему приснилось, как он на уборке картошки погнался за красивой девушкой Диной, это действительно так и было, он погнался за нею и почти догнал, но она упала, он не успел остановиться и упал рядом с ней. Она подняла голову, и он по ее большим и серым глазам понял, что она хочет, чтобы Родион ее поцеловал. Но Родя никогда ни с кем не целовался, смутился, тогда она взяла его за щеки и крепко впилась в губы. Так было. А во сне все оказалось по-другому. Он догнал девчонку, она обернулась, но это не Дина, а та азиатская красавица из минувших снов, обернулась с улыбкой, но тоненький пальчик поставила поперек тонких манящих губ. Родион вздрогнул и проснулся.

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

Врач потянула его за рукав:

– Меня зовут Роза Алексеевна, вы Родион, так? Вы один знаете человека, за которым мы едем. Я не хочу вникать в специфическую иерархию, но все-таки – что это за человек? Сколько ему лет? Он в самом деле доктор и мы с ним коллеги?

Бывакину вдруг захотелось рассказать о Докторе. Он почти шептал Розе Алексеевне на ухо, что это очень добрый человек, он многим зекам помогал, выручал, деньги слал семьям. За что сидит? Не знает, об этом не принято говорить в тюрьме. Но он авторитетный зек, к нему начальство прислушивается. А лет ему пятьдесят, не больше. Нет, семьи нет. И, конечно, не врач, это, как на воле говорят, псевдоним такой.

– Да, жаль, в таком возрасте погибать противоестественно, – привычно констатировала врач.

– Скажите, неужели ничего нельзя сделать? – с надеждой спросил Родион.

– Похоже, что нет. Если бы он с самого начала был под наблюдением опытных врачей, да у него было бы достаточно средств, многое можно было сделать.

– А сейчас? К примеру, окажись у него огромные деньги? – последняя надежда выплеснулась из души.

– Молодой человек, вы здоровы и потому так наивны. Болезнь не берет деньги, ей нужна жизнь.

Родя кивнул и опять откинулся в своем кресле.

Бывакин ожидал худшего, но увидел идущего навстречу ему Доктора, сильно обрадовался. Зная, что никакие эмоции здесь неуместны, он подошел, взял из рук больного чемоданчик с вещами и глянул в глаза. В них уже не было жизни, так ему показалось, была боль и тоска. За проходной Доктор остановился, посмотрел на белое небо, на голые стыдливые березки, и Роде показалось, что слеза юркнула с уголка глаза на заросшее щетиной лицо.

– Ты всё сделал, как я просил? – спросил вдруг Доктор.

– Всё, – четко ответил Родя.

– Куда меня повезёшь? – пытался улыбнуться Доктор.

– Смотрящий ничего не сказал, – ответил Родя.

– К нему не поедем. Он меня не любил. К тебе? Как ты живешь? – поинтересовался Доктор.

– Можно. Я один. Может, лучше в больницу?

– Потом. Сперва мы с тобой во всём разберемся. – Доктор говорил так, что возражать ему никто бы не решился.

В машине Роза Алексеевна попросила медицинское заключение, быстро его просмотрела и предложила сделать укол, Доктор усмехнулся:

– Поставь чуток наркоши, дотяну до места, там видно будет.

Сопровождающий вмешался:

– Шеф велел сразу в больницу.

Доктор поднял голову:

– А почему не сразу на кладбище? Я почти шесть лет воздухом не дышал, пельменей не ел, шашлыков, запах коньяка забыл. Марксу скажешь, что я беру у жизни три дня на прощание, а потом… потом видно будет.

Обратную дорогу ехали молча и медленнее, Доктор лежал на укрепленных носилках, кажется, дремал, но Бывакин по движениям прикрытых глаз видел, что не спит, думает, переживает. В город въехали ночью, сразу к дому Родиона. Доктор попросил денег, Родя достал

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

бумажник, подал, тот нашел зелененькую и протянул Розе Алексеевне. Она поняла, порылась в медицинской сумке и подала початую упаковку.

– Всем спасибо. Марксу передай поклон, не знаю, увидимся ли, – он чуть поднял руку и спустился на асфальт.

Квартира Доктору не понравилась, проворчал, что мог бы и особнячок в пригороде купить, деньги же в руках. Однако с удовольствием помылся, надел приготовленное Родей белье и теплый спортивный костюм. Сели за стол, выпили по рюмке коньяка, наконец, Доктор спросил:

– Деньги где?

– Здесь, дома. Надёжно. – Родя доложил стоя.

– Никто тобой не интересовался? Ты сядь, не на зоне.

– Никто, кроме смотрящего, – ответил Родя.

– Это я велел. Он про деньги не знает. Догадывается, но не знает. Слушай внимательно, Родя. Ты мне настоящий друг. Тебя назначаю на эти бабки, только с наказом, что произведешь их в дело. Одному нельзя, надо набрать команду. Сказал мне надежный человек, что государство скоро будет расторговывать заводы и фабрики, короче, все хозяйство под откос спустят. Вот тут надо ловить момент. Купить ты и один сможешь, а защитить только с кодлой. Подбирай ребят молодых, крепких и послушных. Скажу страшное, Родя: учись убивать, готовься к этому. Убить просто, нож или пистолет поднять тяжело. Не знаю, что дальше будет, как власть повернётся, возможно, за границу придётся прятаться. Эх, жалко в такое время от дел отходить! Теперь такими людьми можно подняться, что и с табуретки не достать. Жалко…

Родя слушал внимательно, когда Доктор замолчал, сказал:

– В больницу я завтра сбегаю, всё узнаю, палату откуплю отдельную, с врачами переговорю.

Доктор вздохнул:

– Можно и в больничку, чтобы тебя не стеснять, – грустно согласился Доктор.

– О чём вы? Места хватит, но лечиться надо.

Доктор махнул рукой:

– Приговорен я, Родя. Это не лечат. Но в больницу поеду. Помру я там, чтобы менты к тебе не докапывались

Он порылся в своих вещах, достал шприц и ввел себе что-то из ампулы.

– Ампулу заверни и выброс подальше и незаметно. Это наркотик, могут повязать. Родя, закрой дверь плотнее. Я тебя засветил, моя вина, но у меня никого больше нет. Вот так, полвека прожил, а похоронить некому. Жил по своим законам, а умереть захотел по-человечески. Чтобы могилка была, и крестик, и табличка. Родителя шлепнул товарищ Берия, а мать умерла, мне было лет десять. Понятно, детдом для особо одаренных, клеймо на мне уже было. Ну, и понеслась, как мы тогда говорили: «Погнали наши городских!». Странно, правда? Засветил тебя, иркутский мой кореш по кликухе Жмых вычислит сразу. У тебя в запасе полгода. Купи пистолеты, найди ребят, смотри в спортзалах, а не в пивнушках, разговор веди толковый. Как только объявится кто от Жмыха, сам он не пойдёт, забей ему стрелку, пригласи, но за город, и своих ребят парочку в машину, а троих в резерве. Место сам осмотри, сам и расставь. И сразу валить надо. Жмых, если тебя возьмёт, на ремни порежет, мать привезут, пальцы сломают, насиловать будут. Доведет тебя до такого состояния, что всё скажешь. Деньги отдашь, потом и тебя пристрелит. Родя, всегда так делалось. И я делал, когда надо. После Жмыха пустота, никто ничего не слышал, это не общак, это наши бабки.

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

К обеду Родя вернулся из больницы, оплатив палату и хорошее обслуживание. Доктор лежал в постели и выслушал младшего друга без всякого интереса. Собрался, выпил рюмку коньяка, молча сел в машину, в палате сразу лег, отказавшись от капельницы.

– Ещё, Родя. Помру – увези в свою деревню, хоть изредка забегать будешь. Я хоть и не деревенский, но мне там будет просторней.

Бывакин хотел возразить:

– Что вы все о смерти, ведь есть лекарства, врачи, операции. Поднимут вас на ноги.

– Родя, у меня ведь имя было, запиши, чтоб не забыть. Его только менты и знали. Бачурин я Иван Александрович. Смешно, правда? Женат не был, но дети должны быть, теперь уж взрослые, твоих лет. Всё, Родя, дай я тебя обниму, как сына. Всё, иди.

Бывакин вышел из палаты, и нехорошее предчувствие охватило его. Нет, не просто так вор в законе откровенничал с ним, все наказы сделал, даже имя и даты раскрыл. В скверике больницы посидел на скамейке, успокоился, троллейбусом поехал домой.

Утром ему позвонили:

– Больной Бачурин, которого вы вчера определили к нам в больницу, утром скончался.

Родя положил трубку.

Врач, которой он поручил наблюдать друга, была расстроена:

– Вечером я его смотрела, хорошее давление, пульс. Сегодня должны были делать томографию. Вы знаете, я уверена, что ваш товарищ принял яд, причем, сильный, скорее всего, цианистый калий, и ампула была при нём.

– Сам принял? – в упор спросил Родион.

– Что вы имеете в виду? – женщина насторожилась.

– Ему не могли помочь со стороны? Не персонал?

– Нет, конечно, напротив двери его палаты пост медсестры, на входе охрана. Исключено. Да и нет признаков борьбы. Яд принят через рот, ампула раздавлена зубами. Милиция уже была, есть документ.

– Когда я могу его забрать?

– Завтра утром. Я передам часть ваших денег патологоанатомам, они сделают.

Похороны Ивана Александровича Бачурина прошли тихо на деревенском кладбище в селе Лебедево. Родион щедро рассчитался с похоронной командой и заехал к матери. Вид сына испугал ее до вскрика:

– Родинька, ты почему такой убитый? Что стряслось?

– Успокойся, мама, я друга привез на наше кладбище.

– Во как? Он что, бездомный? – мать перекрестилась.

– Он только что освободился. А теперь вообще от всего. Я тебе деньги оставлю, ты обеды отведи с женщинами, помяните раба божьего Ивана.

Мать кинулась к столу:

– Садись, я тебе супчика плесну.

– Нет, мама, я поеду. Дел много.

Обнял мать и почувствовал, что это единственная родная кровинка на земле.

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

Как только получил водительские права, поехал в автосалон, выбрал неброский немецкий джип, сразу в соседние подземные гаражи, купил два места. Подъехал к дому смотрящего, вышел знакомый охранник:

– Говорят, умер тот, за которым на зону ездили?

– Умер. У меня к тебе дело серьезное. Подскажи, где ребят толковых найти? Дела предстоят, а работать не с кем.

– О чем базар? Три моих кореша только что вернулись из армии, десантура, отчаянные.

– Психика не съехала? Опасная штука.

Охранник поднял большой палец:

– Исключено! Не пьют, накачены, стреляют, как Рембо.

– Где найти?

– Подъезжай завтра к обеду, я их соберу. Работу ищут, но куда? На стройку за пайку и койку в общаге. Молодые, кровь гуляет.

– Заметано. Подъеду.

Дома разобрал вещи Ивана Александровича, в поясе куртки нащупал металлические кругляши, распорол, выкатились полтора десятка золотых царских червонцев. В маленьком альбоме несколько фотографий, сам Доктор, тогда еще Бачурин, школьник лет десяти с матерью. Несколько фото женщин, красивых. Кусок засохшего серого тюремного хлеба, вечная пайка. Грустно. Был человек, рос, учился, стал вором и авторитетом, ни семьи, ни детей, родни даже никого не осталось. Родион отложил вещи. Опять пришла та же мысль: а я кто, я куда иду? Если исполнять заветы Доктора, будет весь букет, будет кровь, и тогда уже нет возврата к спокойной жизни. Настёна. Говорил ей, что детей не будет, что семьи не будет, говорил или не говорил? Было, предупредил, что для семейной жизни не создан, но предложил жить вместе. Жили, друг другом довольны. Были у Родиона моменты, когда он чувствовал себя счастливым, но спокойствие и блаженство вдруг надоедали, хотелось чего-то острого. Остался Жмых. Надо его дождаться. Родион понимал, что он в этом городе, как голый в бане, люди Жмыха увидят его первым, и тогда конец известен. Как опередить? Как узнать, что всё начинается? И вдруг: смотрящий! Человек, который знает многое в том мире. Надо идти к нему.

К смотрящему поехал в десять. Спросил ребят, как к нему обращаться. Улыбнулись: нужно будет – сам скажет. Сходили, доложили и проводили. Хозяин пил чай, хлопнул в ладоши, красавица-официантка принесла прибор и налила чай гостю.

– Докладываю, что Доктор похоронен достойно, как он и просил.

– Почему мне ничего не сообщил? – смотрящий явно был недоволен. – Я знаю, что у покойного должен быть со мной разговор, кто мог подумать, что он решит так просто все свои проблемы? Точно, что его не отравили? – смотрящий уперся взглядом в Родиона.

– Отвечаю. Яд у него был, он сам намекнул перед отъездом в больницу, но на том и остановился. Сказал, что умрёт вдруг, неожиданно, потому лучше в больнице, чтобы до меня менты не докапывались. Мент сам вынимал изо рта осколки ампулы. Никто не мог пройти, рядом пост медсестры. И никаких признаков сопротивления, он спокойно лежал на спине.

– Ладно. Ты чем живёшь? – как бы вскользь спросил смотрящий, поливая цветы больших горшках.

– Дельце одно удалось, кормлюсь, – скромно ответил Родион.

– Надо думать, Доктор не зря тебя выбрал, видел смысл. Мы с ним в друзьях не ходили, он меня в одну долю не взял, обидел. Ну, это в прошлом. Держись ко мне, одного тебя сожрут, где

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

найдешь теперь порядочных людей? Наедине называй меня Марком Несторовичем, погоняло приклеилось в юности, Маркс. Про общак не забывай, святое дело. Вопросы есть?

– Есть. Кто такой Жмых и почему его боялся Доктор?

– Боялся? Не верю. Гнал твой Доктор. У них со Жмыхом были общие дела и, похоже, бобы и ржа были совместные. Не просёк? Золотишко и бабки. Жмых тянет в Иркутске, скоро откинется. Ко мне должен прийти. Тебе Доктор ничего не говорил про их заначку?

– Нет. Но денег дал. – Родион старался отвечать четко и уверенно.

– То мелочь. Жмых станет рыть. Да, и ты первый попадешь, он тебя колоть начнет. Опасно. Жмых всегда был на голову слаб, а тут пятилетку на замке. Ладно, поглядим. Вот я тебе телефончик записал, звони в крайнем случае. Иди.

Родион вышел и облегченно вздохнул: с Марксом надо сблизиться, первым делом денег ему подкинуть в общак, это оценит. У проходной стояли трое парней, ребята из охраны кивнули: к тебе.

– Отъедем в укромное место, поговорим.

Подъехал к уже присмотренному кафе «Нирвана», сели за дальний столик, от отдельной кабинки Родион отказался, там могли быть «ушки».

– Будем завтракать или только кофе? – спросил Родион.

– Кофе, – за всех ответил один.

– Мне нужны крепкие здоровые ребята, знающие оружие и умеющие им пользоваться. Когда оно потребуется, сказать не могу. Да, возможны убийства, но это не женщины и не дети, это наши противники и враги. Я буду платить раз в неделю, – он написал на салфетке и тут же сжег. – Это вне зависимости от дела. За отдельные задания оплата дополнительная. Постоянные тренировки, оружие выбирайте любое, я все оплачу. Если согласны, обговорите всё, и завтра вон в том кафе, напротив, в десять часов. Всё, свободны.

Похоже, парни заинтересовались. Жестковаты, сразу видно, но надо с первого дня каждому указать место, ведь почти ровесники. Как – этого Родион ещё не знал, но эти ребята должны уважать своего хозяина. И бояться.

Позвонил агент из конторы по продаже недвижимости. Несколько дней назад Бывакин заказал небольшой двухэтажный коттедж на окраине города с гаражами и садом. Агент предложил посмотреть три варианта. Поехали. Первый дом ему не понравился, стоял плотно к соседскому, и окна к соседу в ограду. Второй вполне приличный, но поехали к третьему – домик, какой и хотел заказчик. Хозяева уже съехали, комнаты пусты и чисты. Родион прошел всё, от подвала со спортзалом и бильярдом до спален на втором этаже.

– Родион Петрович, – вмешался агент, – этот дом интересен тем, что продумана защита. Бронированные ставни на окнах и входных дверях, в том числе и из гаража, опускаются нажатием одной кнопки. По паспортам, они выдерживают выстрел из гранатомета. Забор двойной, удержит таран любой машины. Дом может жить в автономном режиме довольно долго. Есть водяная скважина, мощный дизельный электрогенератор, в подвале вы могли видеть морозильные и холодильные шкафы для продуктов. Люди жили тёмные, уехали очень срочно, цену назначили вполне адекватную, но уже несколько клиентов испугались странностей его оборудования. Родион Петрович, у меня есть право уступки. Если мы оформим документы с уступкой, а ее размер вы передадите мне, я сделаю бумаги в два дня.

– Делай, – кивнул покупатель.

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

Родя подумал о хозяйке–управляющей: кто-то должен обустроить этот замок. Но до этого поехал в спецмагазин и попросил менеджера подобрать ему небольшой, но очень надёжный сейф. Прошли в зал, клиенту показали все новинки немецкого и швейцарского производства. Он выбрал довольно приличный по размерам сейф с тройной защитой. Несколько рабочих магазина внесли сейф на второй этаж. В тот же вечер он сам разобрал кирпичную кладку в межкомнатной перегородке, с трудом перекантовал туда сейф и установил заподлицо со стеной, убрал дверь, проём заложил кирпичом и заштукатурил.

На другой день пришли мастера, поклеили новые обои, сменили замки на всех дверях. На стену спальни, где стоял сейф, осторожный хозяин заранее повесил ковер, объяснил, что там ящик под охотничье ружьё, и он позже сделает красивую дверцу, но проследил, чтобы обои клеили в его присутствии. К вечеру привезли мебель для спален и первого этажа, спецы быстро собрали кровати, плательные шкафы и туалетные столики, мягкую мебель в гостиной. В своей спальне Родион установил шкаф так, чтобы одна секция полностью закрывала доступ к сейфу. Вот тогда он поехал в свою однокомнатную квартирку, в нужном месте вскрыл пол, достал пластиковую трубу, отрезал заглушку и облегчённо вздохнул: деньги на месте. Трубу сунул под куртку, снял с предохранителя «Макаров» и спустился к машине. Успокоился только тогда, когда доллары были уложены на полки сейфа, и он был закрыт на все три шифрованных замка. Два раза он открыл и закрыл сейф, ввел кодовую фразу, еще раз попробовал, пользуясь для памяти блокнотом. Потом улыбнулся: коды в блокноте хранить не станешь, надо что-то придумать. В гараже, соединенном с домом, он мелкими цифрами записал коды на канистрах с автомобильными жидкостями. Но уже понял, что все цифры помнит. Через день сорвал наклейки с емкостей и сжег.

Очередная встреча и более основательное знакомство с командой демобилизованных десантников состоялись после приобретения оружия в глубоком лесу. Старший, он ещё с Чечни, видимо, определился лидером, назвал себя:

– Иван. Это Григорий, это Федор. Как нам обращаться?

– Родя. Родион Петрович, если официально. Отношения понимаю, как товарищеские, потому что одно дело нас роднит, с другой стороны – должен быть порядок. Бумаг не пишем, даём слово быть командой. Нет против? Принято. Ответ только кровью. Мы должны понимать, на что идём.

Соорудили щит, опробовали автоматы, спецы остались довольны.

– Присмотрись, Гриня, номер не твой на «калаше»? Может, ротный продал после дембеля?

– Было и такое? – Родя посмотрел на Ивана.

– Было, почти в открытую. Шеф, чтобы еще одна тайна нас повязала: мы одного штабного мочканули, он, сволочь, связь имел с бандой, а наш паренек услышал, как он по телефону сообщил, что группа вышла в ущелье. Мы уже ничего не могли сделать, когда туда вертушку из полка направили, всё ребята уже кончены. Кинжалами, суки, сердца вырезали. Мы того штабного капитана казнили люто, но никто не хотел рук марать. Скрутили, подальше от начальства утащили, пристегнули к ноге гранату и проволоку к кольцу: беги!

– Обошлось?

– Взводный видел, что проволока на ноге, но промолчал.

– Снайперскую тоже все знаете?

Иван улыбнулся:

– Нет, у нас Федя Ворошиловский стрелок. Ну-ка, брат, пробуй.

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

Гриша установил на палке спичечный коробок в трёх сотнях метров, Федор оперся локтем на крышку багажника джипа, долго настраивал оптику, выставлял планку, наконец, притих, и Родя видел, как медленно двигался его палец на спусковом крючке. Раздался хлопок, Родя глянул в бинокль и засмеялся:

– В десятку.

Иван кивнул:

– Иначе и быть не может. Федя, изобразим?

– Подожди, сосем не пристреляна, – проворчал Федор.

– Да ладно, коробок-то сбил.

Он взял с капота пластиковый стакан и побежал в сторону леса.

– Что он хочет сделать? – насторожился Родя.

– Робин Гуда повторить. Стакан на голове, Федя снимает.

Родя закричал:

– Иван, прекрати, прекрати эти штучки! Прошу тебя!

– Спокойно, шеф! – откликнулся Иван. – Я в Феде уверен.

– Фёдор, не надо рисковать! Я не приказываю, а прошу.

– Шеф, это его забава, ну, что я могу сделать?

Он опять оперся на капот, чуть поправил оптику и приказал Грише:

– Счет!

Гриша громко крикнул:

– Внимание! Отчет! Три, два, один!

Хлопок, Родя видит в бинокль бледное лицо Ивана, тот поднимает с земли стакан и идёт к группе.

Родя смущен: надо было приказать, это же глупость, зачем так рисковать?

– Шеф, без обиды. Надо немного адреналина впрыснуть в кровь. А в целом это не опасно, Федя классный стрелок.

Родя взял Фёдора за локоть:

– Последний раз, ты понял?

– Согласен, шеф, – смущенно кивнул тот.

Сели на поваленное дерево. Родя понимал, что ребята ждут объяснений, и задачи на первое время он определил.

– Завтра я попытаюсь переговорить с человеком, который якобы акционировал хлебокомбинат, на самом деле акции все у него, рабочие ничего не получили. Предложу небольшие деньги, чтобы он уступил кресло. Не согласится – его проблемы.

– Будем убирать? – поинтересовался Иван.

– Пока нет. Перекроем поставку муки. Будем останавливать и заворачивать все машины. Печет он с колес, запаса нет, через неделю город останется без хлеба, и тогда придем мы. Будет мука, будет хлеб, будет уважение начальства и рабочих.

– А директор? – спросил Григорий.

– Свою долю он получит, остальное раздадим рабочим. За год акции можно скупить под разным предлогом, и комбинат наш. Следующая задача – ЦУМ. Его прихватили два братца Щербаковские, один служил в партии, другой в профсоюзах. У них с коллективом тоже конфликт, этим можно воспользоваться. Вчерне план такой. Рано утром снимаем охрану, из

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

числа работников формируем стачечный комитет, он занимает кабинет директора и никого не пускает в контору.

– А менты?

– Менты вмешиваться не будут, если объявлена забастовка. ЦУМ – фирма серьёзная, кипишь в городе будет большой, начальство побоится разгонять народных избранников, а мы подскажем братьям выход: или бабки в карман и в сторону, или…

– Шлёпнуть! – подсказал Иван.

– Ты бы все шлёпал, – укорил его Григорий. – Шеф, уж больно все гладко получается. Вот ЦУМ – нам втроём его не удержать.

– Держать ничего не надо. На дверях будут ребята помельче, они есть. В администрации города есть пара человечков, готовых за бабки продать весь город. Самое главное, ребята, что конкурентов пока нет. Времени у нас в обрез, потому надо поспешать. Так, я не спросил, как вы в бытовом плане? Жилье есть?

Иван посмотрел на ребят:

– Эти два друга из армии пришли и вроде как лишние, у одно брат женился, у другого сестра замуж вышла, к тому же малыши в обеих квартирах.

Родя кивнул:

– Понял. Вот ключи от однокомнатной, это моя хата была, я вас пропишу.

Иван засмеялся:

– Все, братцы, гуляем новоселье.

Родя уцепился:

– Иван, это правда, что вы совсем не выпиваете?

– Конечно, врут. Почему не выпить рюмку-две, если по делу? А так – нет, шеф, облома не будет. Ваш дом охранять будем?

– Пока нет нужды, а дальше посмотрим.

От идеи с хозяйкой не отказался, и в кафе приметил молодую девушку, симпатичную, обходительную, явно деревенскую, ещё не успела обнаглеть в городском общепите. Пригласил к столу.

– Слушаю вас, что будете заказывать?

– Тебя как зовут? – с улыбкой спросил посетитель.

– Варвара.

– Варя, Варюша. Деревенская? Живёшь на съемной или в общаге? Мне в дом хозяйка нужна, распорядитель. Пойдешь ко мне в хозяйки? – Родион старался быть ласковым.

– Это как? Я не поняла. И вообще нам запрещают говорить с клиентами на посторонние темы.

– Тогда вот тебе телефон, будешь свободна – позвони, я подъеду, обсудим.

Варвара ждала у общежития, одета скромно, но аккуратно, на лице никакой краски, даже губы чистые.

Он открыл дверцу, она осторожно села, предупредила:

– Только никуда не надо ехать.

– Да сто метров в сторону, чтобы не маячить. Варя, у меня большой дом, я холостяк, нужна хозяйка. Нет, я тебя не в жёны зову, не пугайся, я вижу, ты деревенская, никому не веришь. И правильно делаешь. Обязанностей много: на тебе закупки продуктов, уборка, стирка, общий

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

порядок. Я утром только кофе, а вечером – как придется, могу и обед доесть, не особо избалован. Но могут гости быть, тогда готовить серьезно. Умеешь?

– Училась на повара, так что смогу, были бы продукты, – ответила почти с гордостью.

– Жить будешь в отдельной комнате, ключи от дома у тебя, пошла куда – мне позвонишь, а скоро охрана будет, им скажешь. Деньгами не обижу. Соглашайся.

– Как мне вас называть? – она чуть подвинулась в кресле, чтобы лучше видеть его лицо.

– Родион Петрович.

– Родион Петрович, а вы ко мне не будете приставать? – спросила и сама не поняла, то ли намекала на что, толи предупредить хотела.

Бывакин кашлянул:

– Я же сказал, что не в жёны зову. Приставать не буду, но если речь о свободных отношениях, то посмотрим. Девушка ты приятная. Медицинские документы у тебя, судя по всему, в порядке?

– Конечно. У меня нет случайных связей. Дружила с одним парнем, но разбежались.

– Твоё слово? – Родион понял, что боится отказа.

– Согласна, – выдохнула девушка.

Поехали посмотреть дом. Варвара прошла по всем комнатам, вышла к Родиону уже почти хозяйкой.

– Уборки не было целый месяц, наверное. Кто в обуви ходил по второму этажу? Под порогом поставлю десяток пар тапочек, чтобы все разувались. А шторы где? Пылесос нужен. Короче говоря, помогите до кафе добраться, уволюсь, а потом в магазины, швейную машинку возьмите – я вам такие шторы отмочу! Видели в кафе – моя работа.

Бывакин с улыбкой вздохнул: ещё одну работу свалил на нужного человека.

– Варя, тапочки купи, но в приличных домах не разуваются.

Он очень устал в тот день. Ждал Жмыха. К этому времени в архиве хорошие люди за хорошие деньги подняли его дело, и Родя обзавелся фотографиями. За солидный взнос в общак Маркс пообещал заранее сообщить номер поезда и даже вагон, в котором прибудет Жмых.

– Имей в виду, если я даю, то это только для встречи, как положено. Понял? Если на меня выйдут с разборками, я тебя сдам.

Лукавил Маркс, что для товарищеской встречи дал наколку на все детали приезда друга, прекрасно понимал, как его встретит этот жесткий и властный молодой бандит. Но денег он дал много, ему, смотрящему, тоже ответ держать перед братвой. А Жмых – отработанный материал, только под ногами будет путаться.

Жмых приехал, как и обещал, вышел из вагона один, Родя узнал его в бинокль и послал Ивана с Федей встретить. Видел, как сели в машину, поехал следом. Яму в лесу подготовили еще вчера. Потасовки не было, просто Федя завернул Жмыху голову, доехали до поворота, Родя остановился в стороне. Видел, что вытащили тело, сняли всю одежду, сложили в целлофановый мешок, позже в другом месте зальют бензином и сожгут. Жмыха столкнули в яму, быстро зарыли, укрыли снятым вчера дерном. Родя осмотрел могилу и кивнул: поехали. Остатки сгоревшей одежды снова полили бензином, чтоб ничего не осталось. Ребятам отдал по пачке денег и уехал.

Варя встретила его новостью: весь день, раза три, звонила какая-то дама. Варя намекнула, что она отвлекает от важной работы, тогда дама сказала, чтобы Родион Петрович позвонил Ладе. В голосе Вари чувствовалась ревность. Звонить в таком состоянии Ладе нельзя, да и

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

вообще – зачем? Ведь всё же ясно, эта барышня не про него, да и он ей не пара, если станут разбираться. Ушёл к себе в кабинет, но не утерпел, надо всё делать разом, набрал мобильник Лады.

– Вы меня искали. Что-то случилось?

– Случилось. Вы бросили меня. – Родион понял, что дело идет к истерике – Вы безжалостный человек, Родион Петрович. Мне так плохо, я тоскую. Почему вы не приезжаете, даже не звоните?

– Лада Станиславовна, я вам всё объяснил. Я другой, вы меня не знаете, забудьте обо мне. Вы красивая девушка, у вас сотни поклонников, я не гожусь.

– Родион Петрович, если бы вы знали! Мне двадцать три года, и вы единственный мужчина, который меня поцеловал. У меня никого нет, кроме вас. Я схожу с ума. Родя, я согласна выйти за вас замуж, даже если весь мир будет против. Родя, если хотите, мы будем встречаться тайно, я на всё пойду.

Родю это предложение крайне смутило:

– Лада Станиславовна, что вы несёте! А ваши принципы, а ваша гордость, наконец! Вы же княжна!

Лада заплакала навзрыд:

– Я женщина, прежде всего, Родя, это вы разбудили в холодной и одержимой мечтательнице страсть и жажду любви. Я смеюсь над собой, вся юность проведена в никчемных поисках былой значимости. Страшно сказать, в мои лета я не знаю прикосновения мужчины, просто объятия, горячего дыхания. Родя, вы совсем не любите меня?

– Мне вас жаль, – сказал он и положил трубку. На всякий случай, внес её телефон в черный список, это же сделал и на стационарном. Вышел из кабинета, Варя смотрела на него возмущенным взглядом:

– Какой же вы жестокий, Родион Петрович! Уж простите, громкую связь убирать надо и двери прикрывать. Прямо сатрап какой-то!

– Варя, я обещал не домогаться тебя, я держу слово, но если ты будешь меня провоцировать, я за себя не ручаюсь. – Он засмеялся и крепко обнял девушку. Она не оттолкнула его, только сказала:

– Родион Петрович, будет совсем тяжко, вы мою дверь знаете.

И пошла на кухню собирать ужин.

Разговор с Ладой разволновал его, нет, не потому, что сказал что-то лишнее, все это он сказал бы и в другое время, и при личной встрече. Но такой встречи больше не будет, уж он постарается её избежать. Если княжна готова на всё, черт знает, что у неё на уме, и Родя не железный, может не устоять, тогда что? Этот тип женщин он уже представлял. Привяжется Лада, совершенно искренне, со всей своей застоявшейся любовью, и куда он потом? Нет, княжескую кровь с разбойничьей не смешать, Роде кто-то в тюрьме сказал, что в Сибирь сбежало в свое время много разбойников из разбитых банд Разина и Пугачева. Вот Настёна. Не сказать, что прикипела к сердцу, но девчонка хорошая, даже жалко. Решила схитрить, мол, забеременею, никуда не денется, оставит, да и зарегистрируется потом. Столько времени прошло, а ведь ни разу не позвонила, не пришла. А теперь и искать будет – не найдет, далеко от той квартиры уехал. Надо сказать парням, чтобы никому никаких координат. Да, впрочем, они и сами понимают. А вообще надо бы найти Настёну, узнать, как она. Учиться собиралась. Ладно, выберу время, наведу справки.

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

Всякий раз, ложась спать, он чувствовал, что ненормально живет, мужику под двадцать пять, а постель погреть некому. И сегодняшний день, гнутый-перегнутый, закончился разговором с Варварой почти о том же. Встал, подошел к двери Вариной комнаты, потянул ручку, девушка села в постели.

– Я знала, что вы придете…

…Уткнувшись ему под мышку, Варя прошептала:

– Вы не подумайте, что я стану этим случаем спекулировать. Надо – на стороне ищите или везите кого, а я тут всегда. И всегда приму с радостью, потому что вы мой хозяин и кормилец. Я за вашу помощь родителей в деревне спасаю.

– Не говори так, Варя, а то получается, что я покупаю твою ласку.

– Вы не обижайтесь, я ведь по простоте своей. Заработаю у вас денег, вызову из деревни парня одного, Мишей зовут, снимем комнатку и будем жить.

– Варя, я тебя никуда не отпущу.

– А когда женитесь? Жена ревновать будет, выживет меня.

– О, до того времени еще далеко. Ты вечерами приходи ко мне, тяжко одному, сны дурные вижу. А ты обнимешь, и мне спокойно будет.

– Я-то приду, Родион Петрович, только чтобы мне не привыкнуть. Я девчонка влюбчивая, куда меня потом?

– Ладно, спи. Я пойду к себе, надо по завтрашнему дню определиться. Спокойной ночи.

– Приятных снов… – она чуть не назвала его Родей, как называла в полузабытьи объятий и поцелуев.

В своей спальне Родион включил ночные новости. Дикторша спокойным голосом вещала о том, что на нескольких предприятиях города создаются забастовочные комитеты, трудовые коллективы высказывают недовольство результатами приватизации. Особо напряженная обстановка на комбинате хлебобулочных изделий, где, по словам руководства, заканчивается мука, а новых поступлений нет, и город может через два дня остаться без хлеба. Не лучше положение и в главном магазине областного центра, в ЦУМе власть в свои руки взял стачечный комитет, бывших руководителей буквально выкинули из здания. Ходят слухи, что за народным волеизъявлением стоят криминальные структуры, но в управлении внутренних дел дали комментарий: полномочия избранных комитетов проверены, органы не вправе вмешиваться в управление производством. «Пока нарушений существующих законов нет, трудовые коллективы действуют в рамках правового поля» – так подвёл итог сообщения начальник городского УВД, вчера получивший от Роди солидную пачку зелёных бумажек.

Бывакин расписал по часам весь день. На хлебозаводе в десять соберём актив и назначим директора, им станет нынешний заведующий производством. Федя и Гриша войдут в состав совета директоров. Что делать дальше, они знают. В три часа собрание в ЦУМе, никого лишнего, есть пяток выступающих. Директором изберут старшего товароведа, Иван становится заместителем. Через месяц все будет, как надо. На оба предприятия у Роди есть покупатели, группа кавказских товарищей уже неделю звонит ежедневно: с огромными деньгами жить в чужом городе очень опасно. Родя сегодня представился кавказцам новым именем – Бывалый, вспомнил размышления Доктора. И еще поднял цену. Если не будет согласия, он находит других партнеров. Кавказцы поцокали языками и согласились.

Закончив все дела и отпустив команду, Бывакин собрался в ресторан поужинать, но вспомнил, что зерна кофе закончились, и он не уверен, что Варя купила. Пришлось заезжать в

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

ближайший магазин. Вошёл, осмотрелся – ба, да это тот самый «маркет», у его бывшей квартиры, в продовольственном отделе которого он отоваривался несколько месяцев. Здесь же встретил Настёну. Что-то шевельнулось в сердце, но он убил это слабое проявление жалости или вины – не сразу поймёшь. Прошёл между стеллажами, отыскал кофе и пошел к кассе. Очереди не было, но все сотрудницы собрались у стола.

– Здравствуй, Родя.

– Давно не бывал, разбогател, должно быть.

– С сыном тебя. Ты хоть знаешь, что папашей стал?

Родион оторопел.

– Какой он папаша? Кобель он, и никто больше. Обрюхатил девку и выгнал. Сволочь!

Родя настолько растерялся, что не нашел, что ответить. Откровенное хамство было неуместным, выказывать радость он не мог и не имел права. Едва взял себя в руки.

– Где она? – спросил всех сразу.

Девчонки замолчали. Старшая, видать, семейная женщина, отвела его в сторону.

– Девчонки ее из роддома забрали, но в общаге с дитём держать не будут. Дали неделю на определение, а у нее ни гроша за душой, и домой ехать боится, отец прибьёт.

Родя молча вышел и уже в машине остановил сам себя: Бывалый, и куда ты собрался? В уютное гнездышко на втором этаже собственного коттеджа? Или на первом в теплую постель любвеобильной Вари? А в это время твой сын и его мать, девчонка, которая тебе нравилась, мучаются в грязной общаге, у Настёны от столовского питания, пожалуй, и молока нет. Ребёнок плачет. Его ребёнок. Что делать? Подумал: мать бы узнала – за уши отодрала. Уехать и все забыть, в магазине этом не появляться, никто и не напомнит. Настёна сама не придет, да и не знает, куда. Да, в такой ситуации он ещё не был. Никогда еще что-то внутри не мучило его, он и не знал, что это совесть. Забыть, не связывать себя женой и ребёнком, дать ей денег, купить квартиру. Пройдет время, ребёнок подрастет, Настёна девушка видная, все равно найдет себе мужика, а сына…, его сына будут звать выблядком, как и его когда-то. Нет, этого не будет. А что делать-то? Немедленно ехать к Настёне. Немедленно. Набрать продуктов… Нет, это банально. Цветы? Ей только этого сейчас не хватает. Просто поехать. Ведь не чужие теперь.

По обшарпанным ступенькам общежития поднялся на второй этаж, остановил девчонку с сигаретой:

– В какой комнате женщина с ребенком?

– Настя? В двадцать пятой.

Постучал, кто-то подошел и медленно открыл дверь. Настёна. Она качнулась, ухватилась за косяк:

– Проходи, он спит.

Родя прошел, сел на табуретку. В комнате порядок, на веревке постиранные пелёнки, в углу коляска простенькая, не новая, детская ванночка. На столе пакеты с детским питанием. Половина булки белого хлеба.

– Настя, я только сегодня узнал, – хотел сказать в свое оправдание, а оказалось – подставился.

– Память у тебя прохудилась, Родион, ты еще полгода назад знал, да не хотел знать. Я просила девчонок в магазине не говорить тебе ничего. Я уже собралась, мама приезжала, отец смирился, говорит, вырастим и воспитаем, не хуже других. Вот, завтра приедут, легковушку наймут.

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

Родя молчал. Может, судьба дает ему шанс избавиться от этой проблемы? Или наоборот, дает возможность проявить себя мужчиной и отцом. Где же выход?

– Настёна, а если я тебя с ребёнком к себе заберу? Поедешь?

Ждал, что обрадуется, согласится, засуетится, а он заставит взять только сына, а все старье – выбросить. А получилось:

– Конечно, не поеду. После такого позора. Да, врачи отказались, сказали, что поздно и опасно, мне куда деваться? Работала до последнего дня, думала, вдруг заглянешь, увидишь, что едва ношу твоего богатыря. Нет, не зашёл, не нужны. Ничего, теперь, слава Богу, всё на своих местах.

Родион встал:

– Забери ребенка, это пусть остается, сейчас же заедем в «Малютку», всё новое купим.

– Родя, ты не понял. Завтра приедут родители мои, и мы с сыном едем домой. – Она едва успевала вытирать слезы.

– Подожди, я не понимаю. Ты не хочешь, чтобы у ребёнка был отец? – Родиону казалось, что это почти козырный туз, не скажет же она «нет».

– Такой – не хочу. Такой, который, если что-то не так, не по его, способен отказаться от … женщины, беременной его ребенком – такой не нужен.

Родион знал натуру Настёны, в ней было это упрямство, эта непреодолимая жажда справедливости. Он однажды сильно её оскорбил, и она этого не простит.

– Настя, научи, что я должен сделать? – Родя сломался, он уже готов был встать на колени. За занавеской послышалось кряхтение и потом тихий плач. Родители помолчали.

– Уйди, Родион, уйди, так будет лучше всем. И тебе тоже. Ты же и сейчас маешься, между двух берез заблудился. Не мучай себя, живи, как жил, и мы тоже будем жить. Запишу я сына дома, имя дадим, отчество отца моего, и фамилия наша. На алименты подавать не буду, не боись. Так что твоего ничто не пострадает.

– Да как ты можешь так говорить! Я сам через это прошёл, и отчество у меня мамино, и отца я не знаю, и все детство выблядком был в деревне. Не хочу! Не отдам сына и тебя не отдам. Настёна, поверь мне, прошу тебя.

– Нет, Родя, пусть все будет, как сложилось. Захочешь – приедешь, поиграешься с сыном, я не против. Но к тебе не пойду. Да и не любил ты меня, так, нравилась, смазливая, игривая, пока не доигралась.

Бывакин охватил голову руками: что же делать? Как уговорить Настю поехать к нему? Потом его осенило: он что, на квартиру её приглашает? Дурак, кто так разговаривает с матерью своего ребенка? Ты же отец, она мать, есть сын, значит, вы – семья, и ты в ней главный ответственный. Родя даже улыбнулся:

– Настя, прости меня, я не с того начал. Я прошу тебя стать моей женой. Женой моей стать, единственной и любимой. И сын у нас будет еще не один. Прошу тебя, соглашайся.

Настёна заревела в голос, Родя обнял ее и впервые вместо волны желания ощутил тепло и радость от горячего женского тела. Настя вытерла слезы и сама испугалась минутной слабости.

– Нет, Родя, будет так, как мы с сыном решили. Помнишь, ты говорил мне, когда я призналась, что был у меня роман с одним пареньком: за всё надо платить. Я заплатила. Теперь твоя очередь. Завтра мы уезжаем. Адрес можешь записать или запомнить, гостем не будешь, но в дом пустим.

Бывакин встал. Он не привык, чтобы с ним так разговаривали, но тут случай особый:

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

– Настя, ты пожалеешь об этом. Я сегодня состоятельный человек, меня зовут Бывалый, и дела мои к лучшему, подумай, от чего ты отказываешься.

Настя улыбнулась:

– Деньги никогда не были спутником счастья, Родя, разве ты не понимаешь простых вещей?

– Ты пожалеешь об этом! Ты обязательно об этом пожалеешь. Ты оттолкнула меня, стоящего на коленях. Никогда не прощу тебе этого!

Он хлопнул дверью и вышел в вонючий коридор общаги. Его трясло. И он не мог бы сейчас сказать, потеря так и не обретенного сына были причиной мстительных ноток в голосе, так знакомых ему, или неудавшийся проект, в котором он был на сто процентов уверен? Ведь он был абсолютно уверен, что Настёна бросится ему на шею, будет тысячу раз благодарна, и ни разу не вспомнит о том, как он её прогнал.

Злой и больной приехал он домой, Варя, видя это, старалась не попадаться на глаза. Бывакин долго сидел в кабинете, среди ночи вошел в комнату Вари, она испуганно вскочила с постели, Родя крепко обнял ее, и легонькую ночную рубашку отбросил в сторону...

Гроза, которой Бывакин больше всего боялся, потому что она могла испортить десять километров грунтовой дороги от трассы до деревни, прогрохотала всю ночь, но дождя он так и не услышал, несколько раз выходил на лоджию: молнии разрывали небеса, освещая неверным светом спящий каменный город внизу и соседние коттеджи, больше похожие на замки. Гром был сухой и хрумкий, будто кто-то огромный там, в небесах, ломал кости и хлёстко, раскатисто бросал их на камни. Он вспомнил, что старый дедушка Ефим в таких случаях судорожно крестился и объяснял маленькому Роде, что гром оттого, что Илья Пророк на своей колеснице по небу летает и швыряет молнии в неверных людей. А бабушка Федора всю грозу стояла перед маленькой прокопчённой иконой в переднем углу, молилась размашисто и уверенно, время от времени пугая Родю словами: «Крестись, лишенец, а то Боженька ругатца!». Он часто в последние дни вспоминал деревню, полуголодное детство, школу, друзей. И мать…

Желание поехать в родную деревню возникло внезапно. Хоронили старого знакомого, другом Родя его не считал, но судьба повязала, вместе встречали Жмыха, а когда началась вольница, вместе громили конторы, ставили своих директоров и через пару месяцев продавали заводы, фабрики, магазины тем, кто готов был платить. Богатели, наглели, Родя поаккуратнее был, через верного человека, хоть и за большой процент, но баксы свои в Швейцарию переправил, а ребята лопухнулись. Когда их повязали, кореш тот переслал просьбу дать следователю двести тысяч зелёных. А у Роди нет ничего. Мог бы, конечно, перехватить, связи имелись на такой случай, но уже тогда доверия к старым подельникам не было, и совместных дел в будущем он не хотел иметь. Так и передал, что бабок нет. Конечно, не поверили, после срока обещали поквитаться, но Бывалый их ждал. Двое исчезли сразу, он не любил даже вспоминать об этом, третий, Стас, скрылся, потом приполз на коленях, кровью поклялся, что претензий не имеет. Родя, а если точнее – Родион Петрович – отправил бывшего друга в гараж, тот когда-то в техникуме на механика учился. Встречались редко, а потом ему доложили, что механик в больнице и при смерти, тюремный туберкулёз перешёл в неизлечимую форму. Шеф дал команду похоронить Стаса по первому разряду, сам себе пометил: разом за всех откуплюсь у братвы.

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

Всё уехали в ресторан на горячий обед, а Бывакин пошёл по кладбищу, всё больше удивляясь тому, что он столько лет удачно избегал посещения этого грустного человеческого пристанища. Его поражали огромные сооружения на могилах крупных чиновников, евреев и бандитов. Последних он знал почти всех, с мраморных плит смотрели милые молодые люди, почти актёры по красоте, на какую был способен художник. Ухмыльнулся: земля всё скроет: и пытки, и поджоги, и убийства. Он уже не хотел вспоминать, что с некоторыми ребятами витийствовали вместе, утешался, что крови на нём нет, ни на кого пистолета или ножа не поднимал, судьба избавила, за его деньги было, кому… Всегда выбора не было, не он, так его, тут только такой расклад. Он вернул зарубежные деньги, в разгар приватизации купил солидную строительную организацию с собственным производством железобетона и столярных изделий, потом еще два заводика, объединил их в корпорацию со звучным названием «Командор», нанял толковых мужиков, которые за приличные оклады повели дело, да так успешно, что через два года Родиона Петровича уже приглашал сам губернатор.

Бывалый пошёл вдоль ряда могил, уже не обращая внимания на надписи, на выходе увидел своих охранников, не спускавших с него глаз, а у последней могилы пришлось обходить молодого человека, склонившегося над решёткой ограды. Мужчина выпрямился и обернулся. Родю настолько смутило его заплаканное лицо, что он невольно спросил:

– Простите, это ваша жена?

Молодой человек охотно ответил:

– Это мама. Просто я заказал портрет с фотографии, где ей только тридцать.

Родя и сам не мог понять, зачем он затеял этот разговор:

– Она умерла недавно?

– Десять лет назад. Я убрал даты, зачем людям знать? Пусть видят её красивую и беззаботную. – Мужчина поправил цветы.

– А вы живёте в другом городе? – зачем-то спросил Родион.

– Почему вы так решили? – удивился мужчина.

– Ну, вероятно, редко бываете, вот слёзы…

– Мы бываем каждую субботу, просто сегодня я рано освободился на работе и решил заехать. Мы бываем всей семьёй, у нас трое детей. Мама нас видит, я думаю, что она радуется за нас. А вы тоже навещали родителей?

Родя смутился:

– Нет, я по другому случаю. Моя мать похоронена в деревне.

– Не мать, а мама. Так следует говорить. А это далеко?

– Не особенно, по нынешним скоростям… – замялся Родион.

– Вы часто у неё бываете? – спросил мужчина.

Бывакин испугался: вот влип в беседу, ладно, что охрана не слышит.

– Бываю, но редко.

Молодой человек улыбнулся:

– Надо почаще навещать, ведь это мама, она нам дала жизнь, и нить эта непрерывна, из поколения в поколение. Извините, я заговорил вас.

– Это вы меня простите, – сказал Родя и быстрым шагом пошёл к машинам.

– Домой! – кивнул водителю, и три джипа рванули с места.

Дома принял душ, одел только плавки, открыл холодильник, налил в рюмку коньяк, сел на низкий диван. Коньяк чуть взбодрил, но вдруг возникло неуместное воспоминание: тот

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

молодой мужчина сказал, что у него трое детей. Конечно, есть жена. От него даже запах домашний, какой-то незнакомый Родиону, вот от него постоянный запах одних и тех же духов, ему подбирали специалисты из десятков разных склянок. Остановились на этом, заплатил пятьсот баксов, а потом Ангелочек, Ангелина, девушка из приёмной, как попугай, знающая только одну фразу: «Родион Петрович занят», принесла ему флакон туалетной воды точно с таким же ароматом. Родя вдруг вспомнил, что в детстве любил щи, которые мать оставляла у загнетки в русской печи, и он, обжигаясь, доставал ухватом чугунок, поварёшкой накладывал, а не наливал в блюдо густые щи, красные от перепревших овощей, пахнущие капустой, луком и ещё чем-то, деревянной ложкой доставал из горшка сметану, размешивал в блюде и жадно хлебал, подставляя под ложку кусок хлеба, чтобы не капать на стол. Иногда мать оставляла в печи большую сковороду, закрытую тяжёлой крышкой, Родя выуживал её клюкой, горшеиком прихватывал крышку, и запах запечённой в сметане картошки наполнял избу. Есть следовало с краюшка, дочиста вычищая дно и стенки жаровни, а потом закрыть и поставить в печь – мать придёт, станет ужинать.

Он встал, налил ещё коньяка, сделал пару глотков. Раньше пил много и разное, а потом взял себя в руки: три рюмки, и только коньяк, настоящий армянский, который привозила ему знакомая стюардесса. А многие ребята спились, потерялись, умерли. Да… Сел в кресло, вспомнил, как хоронил внезапно умершую мать. Приехал вечером, женщины сидели вдоль стенки, мать лежала в непривычно красивом платье, прикрытая по пояс белым коленкором. Никто ничего не говорил, никто не корил, но Родя чувствовал, что деревня винит его, что мать изробилась в колхозе, а он путался неизвестно где, даже письма не прислал, не говоря про перевод. Это ему утром мужики опохмелённые пересказали. Ладно что из сельсовета год назад справку затребовал для паспорта, так и нашли адрес, а то бы и не проводил.

Когда вошел, все разом замолчали, будто испугались кого, но не всякий и узнал, только тетка Лукерья встала с табуретки, подошла:

– Вот как, Родя, приехал ты к мамке, а она и не встречат, голоса не подает, не прижмет к сердцу. Подойди, поклонись да присядь в головах, можа, и скажет тебе, проходимцу, что все глаза проревела, на дорогу глядючи. Не сверкай на меня, я не за себя, за матерь твою разнесчастную говорю. Не пофартило ей в жизни, за одного вышла, потом с другим сошлась, один другого краше. Тут тебя прихватила на горе, уж как маялась, как мучилась. На колхозной работе надо каженный день быть, а тебя куда? Господи прости, Фешка ты Фешка разнесчастная! Ты только ползать начал, поставит на пол блюдо с картошкой, молоком зальет, тебя к косяку веревочкой под пояс привяжет, глаза закроет и на работу. А вечером бежим, говорит: «Луша, айда со мной. Боюсь в избу заходить, живой ли Родя?». Вот как было.

Кто-то сказал тихонько:

– Будет тебе, Лукерья, парень и так заходится.

Что случилось – он и сам понять не мог, захлестнули слезы, запоздалые, все разом накатило: и годы воровские, и мать забытая, и первая тогда заноза, что так нельзя жить. Встал у гроба на колени, уткнулся в последнюю мамину подушечку, набитую травой лесной, клевер узнал, визиль, ромашку, ещё больше сердце расслабилось. Запах маминых волос, свежевымытых и ополоснутых крапивным настоем, как она любила. До самой школьной поры после бани он спал с мамой, вот так же уткнувшись в подушку и дыша родными запахами, пока ещё ничего в них не понимая. Теперь все стало упреком – и люди вокруг, и эти запахи, и мёртвая мама.

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

К вечеру женщины разошлись, остались три родственницы, пришедшие из соседней деревни, то ли сёстры второго мужа, то ли отца, которого Родя так и не видел никогда. Записала мать его в сельсовете на свою фамилию и отчество свое дала – Петрович, а кто отцом парня будет – так и не могли допытаться. Родя помнил, как первый раз в деревенской ребячьей драке назвали его выблядком, ему тогда разбили нос и губы, он пришёл домой в предчувствии еще большей боли:

– Мама, пошто меня обзывают выблядком?

Мать обхватила его руками, потащила к рукомойнику, умыла лицо, поцеловала в опухшие губы:

– Терпи, сынок, будут так звать – уходи от греха.

Не ушел. В седьмом классе учился, в очередной драке вынул из кармана ножичек–складешок, у каждого пацана такой был, даже развернуть не успел. Не учли, суд был суров: детская колония…

Луша сходила домой, управилась со своим хозяйством, пришла:

– Ты бы, Родя, шел к нам, тут тебе и отдохнуть негде.

Родя промолчал, подвинул табуретку к гробу, сел. Луша больше не предлагала. Тетки – две на кровати, одна на печи – дружно захрапели. Луша сидела в кутнем углу:

– Родя, ты хоть скажись, как живешь, чем занимасся?

– Нормально живу, тетка Лукерья, работаю.

– Семья есть, ребятишки? – интересовалась тетка.

– Нету, – резко ответил он.

– Мать все ждала, можа, внуков привезешь погостить. Ты пошто такой нелюдимый-то? Мать-то пошто так?

– Не надо, тетка Лукерья, – Родион из-под лобья на неё посмотрел и встал.

– Ладно, Бог тебе судья.

К обеду гроб вынесли, поставили на телегу и повезли на могилки. Несколько человек потянулись следом. Копальщики могилы сидели и ждали. Кто-то из баб завыл, но ее не поддержали, Родя понял, что боятся его или стесняются. Дед Тихон рассказал, что для деревенских он бандит, вроде как даже главарь, его и в тюрьму не садят, потому что в авторитете. Он первым подошел к гробу, поцеловал мать в лоб и велел закрывать крышкой. Застучали молотки, кто-то опять всплакнул, Родя отозвал в сторону Лушу:

– Оставляю тебе вот эту пачку, заплати всем, кому положено, помяните мать и все обеды справь. Я, может быть, скоро приеду.

Не приехал…

Опять вспомнился молодой человек с кладбища, это что он говорил про детей? Трое у него? Хорошо это или плохо – Бывалый улыбнулся: он не знал. Есть сын, но характер не позволял идти к Настёне на поклон, посылал деньги, направлял ребят узнать, не встречается ли с кем, не вышла ли замуж. А ведь и самому третий десяток доходит, женщин полно, ему по звонку привозят самых-самых, но все они одинаковы, дежурно целуют, дежурно стонут, бесстыдно голыми выходят из душа.

Гроза постепенно скатилась, и только дальние сполохи молний и глухой рокот грома напоминали о беспокойной ночи. Родя заставил себя лечь и уснуть, все распоряжения в офисе он дал накануне и никому не сказал, что уезжает. Вечером начальник службы безопасности по телефону поинтересовался, будут ли указания на утро, Родя ответил, что охране даёт выходной.

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

Управлять собой, своим настроением и своим состоянием его научил старый узбек, к которому в чайхану он ездил покушать настоящий плов. Узбек со странным именем Алахитдин поразил его абсолютной невозмутимостью, безупречной аккуратностью и чистотой, его сухое и чистое лицо с бритой головой, покрытой аракчинкой, украшала седая остренькая бородка. Он плохо говорил по-русски, но всё понимал. Родя уже и не помнит, кто привёл его к Алахитдину, но ему тут нравилось все, но больше всего хозяин. Он всегда теперь встречал Родю, вежливо кланялся и говорил, что плов будет готов, едва солнце два раза успеет спрятаться в облаках. Говорил, что сегодня свежий барашек, поскольку он говорил так почти всегда, Родя однажды дал команду тихонько проверить. Точно, мясо было свежее, ещё тёплое.

В тот раз Бывалый приехал в скверном настроении, что-то не ладилось, подводили партнёры, наседала налоговая инспекция, старый узбек заметил это и подошёл к столику:

– Зачем запустил чёрные думы в свою башку? Ты давно любишь мою чайхану и хорошо платишь, ты знаешь толк в плове и шашлыке, отличишь настоящий чай от помоев. Я тебя уважаю, потому скажи, что за зверь терзает твою душу?

Родя всё рассказал узбеку, тот взял его за руку и повёл в свою комнату за перегородкой.

– Сядь тут. Туфли сними, ремень убери, наган под салфетку положи. Смотри мне в глаза и думай о хорошем. Жены нет, детей нет. О чём думать? Думай о полёте, ты, как птица, летишь над землёй, внизу арыки и аулы, стада овец пасутся в долинах, караван верблюдов везёт товары людям. Много декхан работает в садах и на полях, это хлопок так красиво растёт…

Дальше Бывалый уже не слышал, он видел и поля, и сады, и красивых узбечек, и прохладный ветер, настоянный на всех цветах долины, обдувал его и ласкал. Когда он очнулся, Алахитдин улыбался ему, прищурив глаза:

– Приходи через три дня, вечером, в твоей башке много грязи, надо уборкой заниматься.

Родя потянулся к барсетке, но узбек поймал за руку:

– Оставь деньги. Деньги – зло, я помогу тебе просто так. Ты хороший человек, я так думаю.

Уроки старика Родя усвоил быстро, научился отключаться на четверть часа в любой обстановке, стал сдержанным, невозмутимым, чем иногда пугал сотрудников. Вот и сейчас – откинул покрывало, заботливо заправленное Варей, лёг на мягкое гостеприимное одеяло, расслабился, перестал думать, но сна не было.

Когда приехал к узбеку, как и договорились, через три дня, процедура проходила в той же комнатке, только Родя лёг на кушетку, больше похожую на топчан, Алахитдин сел рядом, долго глядел в глаза, Родя снова уснул и спал, видимо, долго, потому что в комнате было темно. Он приподнялся, кто-то раздвинул шторы на окне, и в квадрате света появилась женская фигура.

– Вы хорошо спали, и я закрыла окно.

Она подошла ближе, и Родя увидел молодую, даже юную узбечку, с множеством косичек на голове, в цветном просторном халате, который даже при лёгком движении выдавал её заманчивую фигуру. Что-то шевельнулось в памяти, только никак не мог вспомнить, но уверен, что где-то видел эту девушку

– Отец работает, а меня попросил быть около вас. Я позову его.

Старый узбек сел рядом.

– У тебя тут, – он постучал по своей голове, – кровь портится, долго сидит, свежей крови нет, а старая не уходит. Надо лечить вот тут, – он опять постучал по своей шее. – Гузель будет тебя лечить, она ещё ребёнок, но аллах дал ей знание. Это моя старшая дочь. На родине совсем

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

бедно, она приехала сюда, русский хорошо знает, надо учиться. Гузель хочет быть врачом. Слушайся её, когда больно – скажи. Но надо терпеть.

Первый сеанс назначили на субботу, Родя ловил себя на том, что ему хочется видеть эту красивую и таинственную узбечку, никогда раньше он не увлекался женщинами, сам не заводил знакомств, чьи-то попытки познакомить с местными красавицами заканчивались традиционными обменами любезностями и холодным прощанием. Родя считал, что ценил свободу, хотя и сам не знал, для чего она ему?

Гузель встретила его у входа, поклонилась в знак приветствия, он тоже кивнул, прошли в комнату.

– Разденьтесь по пояс. Нет, брюки помнутся, вот простыня, снимите все, завернитесь в простыню и на живот. Мне нужен ваш позвоночник.

Девушка вошла в белом халате, указала на кушетку, попросила продвинуться вперед, чтобы освободить шею, голова чуть свисала с кушетки.

– Вам неудобно? Терпите. Тогда начнем.

Ее теплые ладони растирали его грубое тело, он расслабился и готов был уснуть, но она начала работать пальчиками, и они проникали все глубже в кожу, в мышцы, почти касались костей. Пройдя по всему позвоночнику от копчика до затылка, Гузель сказала:

– Сейчас я буду смотреть шейный отдел, будет больно. Но вы же мужчина.

Тонкие пальчики оказались железными клещами…

После этой процедуры Родя долго спал. Были сны, быстрые, как мысль, он не успевал понять, что снится, а картины уже менялись, и вновь скользили сквозь память, оставляя только теплые чувства. Едва поднял голову – старик стоит на пороге.

– Крепко спал, храпел сильно, клиент спрашивал, что там такое. Улыбаюсь: мужчина спит. Храпеть тоже не будешь, я научу. Твои люди волнуются. Ты собрался в путь?

Бывалый вздрогнул: он этого никому не говорил. Старик усмехнулся:

– На родину едешь. С чистым сердцем надо. Родных никого. Могилы есть. Слезу пусти, не держи, слеза сердце моет. Прощай пока.

Исполнительный директор строительной фирмы Макс Михайлович Самсонов позвонил и попросил о встрече. Самсонов, которого адвокаты Роди спасли от тюрьмы, когда ревизия обнаружила крупные потери средств в строительном тресте, был предан шефу искренне и навсегда, хотя старые знакомые предупреждали:

– Бывалый, он еврей, продаст в любую минуту.

Родя улыбнулся:

– Я их всяких видел, не клевещи на народ.

Но проверку Максу Михайловичу устроил, тихо, вообще никто не знал. На стол Самсонова упали бумаги на полмиллиона баксов, просто бери и направляй, куда хочешь. Вечером, как всегда, он пришел к генеральному и подробно доложил о положении дел, передал на подпись несколько бумаг и ту самую с просьбой пометить, как распорядиться этой суммой. Родя предложил перевести на счёт в местном банке, потому что деньги могут потребоваться в любое время.

Самсонов помог собрать коллективы отделов учета и финансов. Только эти люди знали, что на предприятии есть два баланса, две отчётности. Одна для налогов и иных органов, другая для

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

генерального. Все средства, сверх официально показанных, обналичивались и оседали на счетах иностранных банков или в таинственном сейфе шефа

Самсонов доложил, что по полученному отчету получена приличная прибыть

– Я понимаю, всё снимем, переведём в валюту и… Родион Петрович, в сейфе нельзя хранить столько денег, они должны работать.

Бывакин кивнул:

– И что вы предлагаете?

– Вариантов много, но в городе есть смысл ввязываться только в производство с новейшими технологиями, вам пока этого не предложили, а просить вы не станете. Но можно другое: купить пару колхозов и заняться аграрным бизнесом. Дело надежное и перспективное, люди кушать хотят при любом режиме. У меня есть один знакомый, прекрасный экономист и даже практик, был директором совхоза, начальником сельхозуправления в районе. Если ему поручить, он сумеет все организовать. Нет, Родион Петрович, если вы не согласны, я снимаю предложение.

Шеф промолчал. Действительно, сейф в потайной нише хранил пачки новеньких долларов, иногда он открывал бронированную дверь и тупо смотрел на полки: куда это всё? Не найдя ответа, звонил главбуху и велел с текущего счета перечислить детскому дому полмиллиона. Детский дом был рядом с городом, Родя познакомился с заведующей, крупной и грубоватой женщиной, но быстро понял, что это внешнее, а на самом деле Аксинья Васильевна хорошая хозяйка и заботливый воспитатель. После первого перечисления она пригласила дарителя, показала свое хозяйство, провела по школе, по спальням, зашли в столовую и на кухню.

– Хлеба детям хватает? – неожиданно спросил гость.

– Родион Петрович, хлеба – да, но с другими продуктами проблемы. Наверное, мы часть денег на продукты пустим, уж больно короток рубль на пропитание воспитанников. Ещё посуду надо бы обновить. Всё так дорого. Только вы не беспокойтесь, всё до копейки пойдёт на деток.

– Поезжайте на швейную фабрику, закажите по вашим размерам по паре комплектов постельного на койку, подушки подыщите, одеяла, матрасы. Возьмите счета и привезите в офис. Вот моя карточка, тут телефон, сразу мне сообщите.

Аксинья Васильевна заплакала:

– Родион Петрович, да я мигом, я в три дня все решу. Только вы цен не знаете, это будет очень дорого.

Бывакин кивнул:

– Я до тюрьмы не знал, что такое одеяло, фуфайкой укрывался.

Заведующая всплеснула руками:

– А в тюрьму-то вас за что, Родион Петрович?

Он усмехнулся:

– Это в детстве было…

…Шеф отпустил Самсонова, обещав подумать, хотя идея податься в деревню ему не понравилась. Он слышал, что в сельском хозяйстве проведено реформирование, знал по собственному опыту, что в России после реформ мало чего остается, не зря просоветские газеты пишут, что слово «реформа» стало синонимом развала и разгрома. Помнилась и родная деревня Лебедево, родной колхоз, где всё на пупу и через «твою мать». Из техники знал гусеничные ДТ, самоходные комбайны с козырьками вместо кабин. Современная зарубежная техника, которую иногда показывали по телевизору, казалась фантастической: тракторы с программным

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

управлением, широкозахватные культиваторы, комбайны с кондиционерами. Он не знал, что с его деревней, как она сегодня живет, но догадывался, что не далеко ушла от потерянных и погибающих. Вот тогда и задумал, что надо поехать и посмотреть, а тут как раз похороны, разговор с незнакомым мужчиной, новые, будто чужие, мысли о доме, о семье.

Решил так: поеду в деревню, найду мужиков толковых, не всех же раздавили реформы, поговорим, посмотрю, как они отнесутся к предложению, радостно улыбнутся или ехидно хмыкнут. А потом и с протеже Самсонова надо основательно познакомиться, опыт работы есть, её тогда называли руководящей, но если в нем засел вечный начальник, тогда говорить не о чём. Сейчас не командовать надо, а думать, думать, как использовать деньги, как организовать производство.

По дороге на родину не дремалось, водитель и два охранника в салоне джипа, все молчат и молчать будут, пока шеф не спросит. Такое воспитание. В городе начальник охраны обязательно ставил вторую машину, сегодня Родя отказался, незачем народ пугать. Для деревенского интереса и одного джипа достаточно.

– Леша, – Бывакин повернулся к заднему сиденью. – Ты родом откуда?

Тот дернул плечами:

– Не знаю, шеф, я же детдомовский. Оттуда на зону, а потом к вам.

– Но детдом-то в деревне был или в городе? – будто для Роди это было важно.

– В деревне. В старой школе.

– В колхозе местном не работали?

– Гоняли картошку копать, осенью на току зерно грузили. Интересно было. Вечером смена заканчивается, по огородам пройдемся, огурцы-помидоры…– Леша разулыбался неожиданным воспоминаниям.

– Не хватало жратвы?

– Что вы, кормили строго, какой-то старик, деловой, из начальства, помню, колодки орденские в три ряда, постоянно приходил и проверял, что нам ставят на столы. Одежду проверял, постели. Мы знали, что повара приворовывают, только нам хватало, а стучать считалось заподло.

– Ты бы сейчас согласился в деревне жить, работать на тракторе с подогревом сиденья, женился бы на местной одиночке, корова, поросенок, куры с гусями – чем не жизнь? – Родион с интересом ждал ответа, да и ребята прислушиваются.

Леха недоверчиво посмотрел на шефа – нет, не издевается, да и в натуре у него этого нет, а с чего вдруг о тракторе? Ответил смущенно:

– Да кто же мне трактор доверит, Родион Петрович? И какая баба меня примет с такой биографией? Они в деревне боязливые, тюремщик – это последний человек.

– Ладно, Леха, мы с тобой к этому разговору еще вернемся. А Володя городской, верно?

Ответил водитель:

– Вован – Питерский, после отсидки не рискнул возвращаться, прибился к нам.

Родион кашлянул:

– Саша, я Владимира спросил. Ты у него не адвокат, слова не имеешь. Отдельно для тебя напоминаю: погоняла остались в прошлом. Еще раз услышу – пойдешь в цех слесарем.

– Понял, шеф.

– Шурик прав, я городской, как раньше говорили, из приличной семьи. Папа мой военный, сейчас начальник кафедры в Медицинской академии, мама тоже профессор, в этой же академии

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

преподает. А я в школе спортом увлекся, в десятом классе ребята пригласили в закрытый спортзал, там трое парней учили рукопашному бою. За деньги, конечно, но у меня проблем не было, мама снабжала по потребности. На выпускном в школе, а школа-то отдельная, рабочих и крестьян близко не было, к девчонке моей докопался фраер из параллельного класса. За груди цапал, это я сам видел. Ухватил его за воротник и ударил. В горячке применил жесткий прием, ну, парень…, короче, до больницы не довезли. Меня скрутили, папа с адвокатом в ментовку, а тот, как суть дела узнал, в отказ пошел: оказывается, убил я сына большого городского начальника. Срок дали, родители на партийном собрании от меня отреклись, признали вину в воспитании, тем и отделались.

Помолчали. Родион спросил:

– Ты с ними вообще не встречался?

– Нет. Сестренка младшая нашла меня на зоне, писала, посылки слала, а когда откинулся, приехала, звала как бы по поручению родичей. Я не поехал, тут и остался. – Владимира, похоже, эта тема не особенно интересовала.

Въехали в деревню, шеф велел остановиться у магазина. Вышел из машины один, постоял – никого, как вымерли люди. В магазине продавщица, на полках водка и флаконы со спиртовыми настойками, их фунфырями зовут, китайские бичпакеты, сигареты «Прима». И кирпичи несвежего хлеба.

– Скромный у вас ассортимент, – кивнул продавщице.

– Так нашим ничего больше не надо, – ответила она, на всякий случай протирая прилавок.

– После колхоза что осталось? Землю пашут, скотину держат. Или совсем ничего?

– А вас это почему интересует? Да подожди, ты же Родик? Или я вклепалась? А меня не признал? Я Зина Горелова, мы с тобой в одном классе учились.

Родион смутился:

– Прости, Зина, с улицы вошёл, у тебя тут сумрак, не признал. Ну, здравствуй. Рассказывай, как живёшь.

Зина вздохнула. И стала вспоминать, как после школы пошла работать дояркой, замуж вышла за Семёна Бородина, троих детей родили. Сёма механизатором был лучшим, оба работали от зари до зари, оба в один год ордена получили. Дом колхоз построил, машину купили, только бы жить, а тут понаехали люди с портфелями, давай собрания собирать, что неправильно живут. Особенно мужикам понравилось, что советская власть обманывает крестьян и платит им только малую часть того, что они заработали. А все остальное коммунисты забирают себе и платят неграм черной Африки, чтобы они их поддерживали. В общем, навешали лапши на уши, конечно, и наше начальство подсуетилось, давайте, мол, колхоз распустим и создадим какое-то общество, каждый получит бумажку, что он хозяин. Ну, и доигрались. Начальство скотину за один год на колбасу перевело, хлеб намолоченный продали аж в сентябре чуть не на корню, с осени потихоньку торганули техникой, и все разом к новому году смотались в город. Остались только хозяева с бумажками.

– В прокуратуру обращались?

Зина всплакнула:

– Ездили, и мой тоже, тряс там орденом. Прокурор ответил, что всё сделано законно, а про орден заявил, что он получен от другого государства и никакой силы уже не имеет.

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

Родя смотрел на эту женщину и стыдился признать, что она его ровесница, только жизнь так её скрутила, что едва ли кто даст ей сейчас тридцать лет. Спросил, кто ещё есть из толковых мужиков, попросил быстро их обойти и пригласить к себе домой.

– Скажи, что я приехал посоветоваться, какое производство можно в деревне создать, чтобы работа была, заработок, чтобы деревня не вымирала. Я посмотрел: ни одного дома нового не построено, да и куклами ты не торгуешь, значит, и ребятишек рожать перестали.

Зина с недоверием смотрела на земляка:

– Родик, да кто же станет связываться с глухоманью? Вот если бы под городом… А у нас же могила, господи!

Но пошла. Магазин закрыла, показала свой дом, побежала вдоль улицы. На сигнал машины вышел Семён, Родя его сразу узнал: невысокого роста, коренастенький, с густой шевелюрой рыжих волос.

– Скажи, Сёма, а ребятишки у тебя тоже рыжие? – Родион улыбнулся.

– Ты мне эти шуточки брось… – а потом узнал друга детства: – Родик, ты, что ли? Вот встреча! Заходи, сейчас Зинку позову, на стол сгоношит. И ребят зови. Друзья?

– Вроде того. Зину ты не тревожь, она делом занята, людей собирает, будем у тебя перед домом сходняк, извини, сход проводить.

Семен оглядел гостя, машину, «друзей» и сухо выдавил:

– Если ты приехал деревню данью обложить, то опоздал, до тебя тут бульдозером выгребли всё, что можно. Голые мы.

Бывакин поймал его за плечи:

– Семён, я не бандит, зачем ты со мной так? Хочу помочь деревне встать на ноги, и твоя рука потребуется. Придут мужики, надо обсудить, как это сделать.

– А деньги? Ты представляешь, сколько сюда надо вбухать, пока толк будет? Родик, земля уже умерла, не пашня, а целик. И народишко истрепался, многие на себя уже робить не хотят. Нет, Родион, без советской власти, чтобы железной рукой, нихрена у нас не получится.

Родиону понравилась столь бурная реакция земляка: значит, не всё утрачено, не всё пропито, не всё вытравили новые власти из настоящего крестьянина! Эвон, как взвился Сёма! Молодец.

Стали подходить люди, и не только мужики, Родион сразу отметил, что несколько семейных пар пришли вместе. С Родей здоровались сдержанно, без особых приветствий. Зина вынесла скамейки и табуретки, Семён выкатил несколько чурбаков.

– Сёмка, тащи колун, будет перерыв в прениях – расколотим.

– Зинаида, могла бы и пару красненьких захватить из магазина. Для пользы общества.

– Для президиума надо бы стульчики. И стол с красной скатертью.

Бывакин встал, сразу стало тихо. Он говорил кратко, и суть речи сводилась к тому, что ему нужно знать, хотят ли земляки работать по-настоящему или уже растеряли всё крестьянское и переходят в люмпены. Сразу предупредил: средства на обзаведение техникой, на ремонт или строительство помещений для скота, на закуп высокопродуктивных животных найдутся. Ему важно знать, готовы ли земляки работать, а работать придется много.

Собрание молчало. С людьми впервые за последние десять лет говорили серьезно и уважительно, и это настораживало: а правда ли?

– Ты вот слово сказал, куда мы переходим. Уточнение требуется, не все поняли, кто мы теперь. – Дедок, сидевший в дальнем ряду, поднялся. – У народа сомненье: а вдруг и ты омманешь?

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

Родион с трудом узнал в дедушке дальнего родственника дядю Тихона и улыбнулся:

– Дядя Тихон, вас так обобрали, что и взять больше нечего. Ты лучше скажи, сколько в бригаде пашни было?

Дед с гордостью ответил:

– Две с полтиной тычи гектар. Да сенокосов тыща заливных, да лесов не десять ли тысяч.

– Вам землю поделили на паи, у каждого должен быть документ. Есть такие бумаги? – Родион обвел взглядом собрание. Собрание затихло.

– Года три назад свидетельства эти забрал председатель сельсовета, ну, глава по теперешнему, – ответил Семён. – Сказал, что для регистрации.

– А где он сейчас?

Ему ответили сразу несколько голосов:

– Смотался. В районе поживат.

– А он наши гумаги не продал?

– Кому они надо?

– Вот в этом и дело, земляки. Прежде надо найти документы, если по ним сделки совершены, то потребовать признать их незаконными. – Родион был смущен, его бесила бесцеремонность, с какой обошлись с народом. – Зина, возьми тетрадку, я попрошу всех, кто дает согласие работать со мной, записаться у Зины. Понятно, что это предварительно, оформление будет по все правилам, но я должен знать, на кого могу рассчитывать. Хочу спросить: есть желающие?

Собрание молчало. Молчание грозило, предупреждало и отказывало. Родя нервно сжимал кулаки и все острее чувствовал боль в затылке. Еще мгновение, и он садится в машину, навсегда выбросив из головы всякие мысли о деревне. Вдруг звонкий женский голос, похожий на причитание, нарушил тишину:

– Господи, люди, что же вы делаете? Человек пришел и предлагает спасение, а вы его гоните! Мужики, не вас ли год заставили работать даром, ни копейки не заплатили эти ворюги, и вы им все простили, даже морды не набили ни единому? А Родион Петрович от всего сердца предлагает, и вы молчите. А как жить-то будем? Как ребятишек учить? Мы семь коров держим, это каково – все на собственном горбу? А черные приедут, и вес занизят, и упитанность, гроши бросят под ноги, как собаке. Сколько ещё так можно? Остап, муж ты мой родной, что же ты язык проглотил? Не ты ли вчера плакал у меня на груди, что вымотался, сил нет жену обнять. Падайте в ноги Родиону Петровичу, просите его не оставлять нас один на один с властями этими проклятыми!

Загудели, заговорили, табачный дым поднялся над собранием. Остап встал с чурбака:

– Ксюша, что ж ты меня перед обществом позоришь? Подумают люди, что я совсем нюх потерял. Я же вчера только с устатку проговорился.

– Осташенька, родно моё, да я премного тобой довольна, и даже, когда ты к Таське Митюшкиной хаживал, ни разу не упрекнула. А сейчас нашла горячее место, чтобы расшевелить вашего брата!

Собрание опять загудело:

– Ну, Остап, сегодняшней ночи берегись!

– Мужики, надо принимать решение, пока другие бабы помалкивают. Осташку-то реабилитировала, а ведь не каждому так подфартит.

– Принимаем, Родион Петрович, твоё предложение и записываемся.

– Всем гуртом, как говаривали старики, пиши в свой колхоз.

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

– Надейся, Родик, как мы на тебя.

Бывакин с трудом сдержал эмоции, сказал смущенно:

– Спасибо, земляки. Я уеду в райцентр, утром пришлю машину, прошу, Семён, подбери еще пару мужиков и с паспортами ко мне. Будем пашню нашу искать.

Около кладбища велел остановить машину, открыл багажник, достал из коробки два букета кроваво-красных роз с черной каемочкой по краю цветка, и шагнул в густую траву. Мамину могилку нашёл с трудом, тётки всё сделали, как просил, и памятник поставили, только фотографии не нашлось. Опустился на колени, положил цветы и понял, что слезы катятся по щекам. Поднялся, насухо вытер глаза, чтобы сопровождение не заметило, крупными горстями начал рвать траву на могиле и вокруг, потом огляделся: в хорошем месте лежит мама, березка в головах, тишина, даже вечно кричащие грачи молчат. В таких местах очень близко всплывают думы о бренности бытия, вот и сейчас Родион без суеверного страха подумал, что надо как-то предупредить хотя бы Самсонова и Зину с Семёном, что, если вдруг, то похоронить на деревенских могилках рядом с матерью. «Рядом с мамой», – сказал он почти шёпотом, вспомнив наказ незнакомца. Могилу Доктора нашёл сразу, вырвал большую траву, положил цветы, поклонился.

Прошел вглубь кладбища, читал на скромных обелисках знакомые фамилии, но никого не мог вспомнить. С десяток могил обнесены металлическими оградками, другие свободны и доступны. Несколько совсем свежих бугорков с крестами, даты рождения и смерти пугали: лежат ровесники и даже более молодые. Да, что в городе, что в деревне, значит, по всей стране так. А это ненормально, помирать надо совсем старым. Как-то неуютно стало от этих мыслей, сквозь кусты пробрался на земляной вал, окружавший кладбище. Вспомнилось детство, когда, перебарывая страх, бежал на спор по валу вокруг, чтобы вернуться с другой стороны. Вал тогда был выше и канава глубже, хотя, скорее всего, это он стал другим, высоким и сильным. Старики говорили, что обваловку могилок делали по решению схода всем миром ещё при царизме, чтобы скотина не шлялась среди могил и не ломала кресты. Долго ещё стояли деревянные ворота, их всякий раз открывали, когда приносили покойника. Родя чуть заметно поклонился и пошел к машине.

Шура видел тяжелое состояние шефа, спросил, чтобы разрядить:

– Родион Петрович, вот тут знак старенький, «Село Лебедево». Почему так назвали, не рассказывали старики?

Шеф поднял голову и в душе поблагодарил своего водителя: вовремя умеет вмешаться:

– В голодные годы из Расеи центральной переселялись в Сибирь. Переселялись – громко сказано, на санях и телегах скарб свой везли, в одной деревне даже церковь деревянную привезли с родины и на новом месте собрали. Какая вера была! Естественно, спрашивали, где земли погоднее, приличней, то есть. Вот их переселенческое начальство сюда и привело. Земли много, лес рядом и озеро. Говорят, переночевали, встали утром, а на озере бело от лебедей. Лебедь считался божьей птицей, никто его не трогал. Вот и приняли люди, как добрый знак, назвали деревню Лебедево.

– А в ваши годы, когда вы тут жили, лебеди были?

– Не помню. Не было.

Утром подъехали трое деревенских мужиков во главе с Семёном, Родион уже договорился через секретаршу, что глава района примет их в десять часов. Ровно в десять вошли в кабинет,

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

глава, невысокий молодой человек с обозначившимся животиком, встал, представился Ильей Васильевичем, с каждым поздоровался и попросил изложить суть дела.

– Суть довольно простая, – сказал Родя. – Я родом из Лебедево, посмотрел, что село совсем погибает, молодежь бежит или гибнет тут же от всяких композиций и втираний на техническом спирте. Готов вложить средства в восстановление производства, и первый вопрос к вам: надо вернуть людям документы на право владения землей.

– Откуда вернуть? – переспросил глава.

– Года три назад их собрал бывший председатель совета якобы для регистрации.

– А кто это, как фамилия? Я, извините, в то время работал в другом районе.

– Фамилия его Пантюхин. Он где-то в районе, при власти, – Семён с недоверием смотрел на главу.

Илья Васильевич кивнул:

– Извините, я сяду на рабочее место. – Нажал кнопку: – Светлана, Пантюхина ко мне, и пусть земельные документы по Лебедево прихватит.

Пантюхин вошел с папкой, глава указал на место за столом.

– Лебедевские мужики утверждают, что их документы на земельные паи у вас. Это так?

Пантюхин смутился:

– Ну, как вам сказать, Илья Васильевич? Документы есть, но мы же договорились, что будем искать инвесторов, а земля – главный аргумент.

Глава постучал ладонью по столу:

– Инвестор появился, забирайте гостей в кабинет и решение должно быть положительное.

В своём кабинете Пантюхин осмелел:

– Семён Федорович, не ты ли собрался колхоз возродить? Годами налог за землю не платили, а теперь вспомнили. Странно как-то вы рассуждаете.

Бывакин вмешался:

– Все недоимки будут погашены при регистрации нового хозяйствующего субъекта. И нельзя ли ближе к делу? Нам нужны документы на землю.

Пантюхин ухмыльнулся:

– А вы, следовательно, будущий новый хозяин? Мне звонили сегодня из деревни. Прямо с зоны общаком будете людей заманивать в криминальное рабство?

Родя побледнел, но на полпути к пистолету перехватил свою правую руку, улыбнулся:

– Не владеете информацией. Я собственник трех мощных производств в городе и области, советник губернатора по вопросам предпринимательства. А будь я в той ипостаси, в какой вы меня представили, ваш красивый труп уже выносили бы из кабинета. Короче: все документы на стол!

Пантюхин раскрыл папку и пачку бумаг протолкнул по столу в сторону Родиона. Заискивающе улыбнулся:

– Поскольку вы деловой человек, я бы хотел знать, а что я буду с этого иметь?

Бывакин подвинул бумаги Семёну:

– Просмотри, всё ли здесь? А тебе отвечу: будешь иметь белый билет и ездить на попутках. И боже тебя сохрани, если хоть один документ заныкал. Пошли! – скомандовал своим.

У машины Семён поймал Родю за рукав:

– Ты же его убить хотел, Родя! И как ты робить собрался, если такие Пантюхины на каждой второй табуретке сидят? Нервы у тебя ни к черту не годятся, Зинке велю снабдить тебя сбором

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

трав. Она меня пользует. Дня три попринимаю – все по фиг, сосед начнет за что-нибудь материть, а я улыбаюсь. Тебе сгодится.

– Ладно, садись, Шура вас увезет, а я тут делами займусь. Да, и продиктуй мне номер своего телефона, а тебе вот карточка с моими. Я буду названивать, как у вас дела.

Три дня ходил Родион по кабинетам, собирая необходимые документы. Каждый вечер заходил к главе, возмущался, тот слушал и улыбался:

– Знаете, Родион Петрович, если наше государство не выдержит и рухнет, виной тому будем мы, чиновники. Я захватил время советской власти, конечно, была система, хорошая или плохая – не в том дело, но был порядок. Каждый служащий строго знал свои обязанности. Мы сегодня создаем структуру за структурой, каждый год меняем вывески, мы на вывесках разоряемся! Я поднял статистику восьмидесятых – управленческий аппарат вырос в два с лишним раза, а количество занятых в производстве – сельском хозяйстве, строительстве, переработке – сократилось в пять раз. Таких сел, как ваше Лебедево, у нас десяток. И никакой перспективы. Простите, я с вами откровенно, думаю, нет нужды вешать вам лапшу на уши, тем более, что вы всерьез собрались у нас работать.

Родион помолчал, посмотрел в глаза Илье Васильевичу:

– Я человек в силу своего огромного негативного опыта очень осторожный, и вам бы советовал быть поаккуратней в суждениях. Хотя не люблю советовать, не учили. А работать мы будем. У меня хорошие отношения с директором департамента по селу, как только все решим здесь, пойду к нему, нужны контакты с поставщиками техники. И не в лизинговые кампании, это большие переплаты. Подберу толковых людей, поедем за рубеж, будем брать комплексами, чтобы ничего не изобретать. А по скоту попрошу вас свести меня с хорошим хозяином, у кого есть чему поучиться. Найдем такого?

Илья Васильевич встал:

– Обязательно найдем, я уже знаю, кто вам подойдет. И к сведению: я сегодня освободил от должности Пантюхина. Он обещал жаловаться на вас и на меня, но не думаю, что это может иметь последствия. Вы сегодня в город? Счастливого пути.

Бывакин старался как можно меньше обращаться к властям, тем более с просьбами о помощи. Он приезжал на совещания, которые проводили заместители губернатора и даже он сам, вставал и говорил своё мнение, если его спрашивали. Губернатор несколько раз приглашал лично, предлагал долю в больших строительных проектах. Родион вежливо отказывался, ссылаясь на естественное желание работать «сам на сам».

– Поймите меня правильно, опыт мой скромный, просто боюсь вас подвести. А на своих объектах я сам отвечаю перед собой, тут проще.

Губернатор однажды спросил напрямую:

– Родион Петрович, сдаётся мне, чураетесь вы строительного сообщества потому, что комплекс прошлого вас сдерживает. Забудьте все к чертям собачьим! Я попросил подготовить на вас объективку – всё вполне прилично. Ну, бурная молодость, разборки и прочее – кто не прошёл через это? И, кстати, многие присосались к бюджетной кормушке, не стесняются, а вы все на кредитах. Берите корпуса завода полимеров, отвели участок в пяти километрах от города, гарантирую тридцать процентов федеральных вложений, но через вас. Солидная сумма. Зайдите в управление строительства, познакомьтесь с документацией.

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

Родя кивнул и повернулся к хозяину кабинета:

– Уточните сразу, что я должен буду вернуть?

Губернатор засмеялся:

– Вот что значит – образ российского чиновника! Ни дня без взятки! Родион Петрович, я три года работаю, и хочу еще много лет служить родной области. Я русский человек, вас не удивляет моё имя-отчество? Очень несовременно: Макар Устинович, к тому же – Зенов. Предки мои из староверов, я кое-как выбрался из тайги, чтобы учиться, всей общиной обсуждали, но снарядили и деньгами снабжали. Год назад родителей вывез в город, купил на окраине домик, живут, как хотят. Мне брать, а тем паче – красть, вера не позволяет. Даже не вера, а убежденность. Если единоверцы мои, а они в тайге так и живут – если они узнают, что Макарка вор – проклянут. Впрочем, довольно об этом. У меня приличная зарплата, да администрация президента в пакетах присылает, не бедствую. Значит, так: знакомитесь с документами и мне согласие. Заключим договор, работы вам по проекту на полтора года. Все, до встречи. Да, Родион Петрович, мои откровения…

– Могли бы и не напоминать. Я грамотный по этой части. До встречи. И спасибо за доверие. Это дорогого стоит.

В главном управлении строительства Бывакина встретили холодно. Заместитель начальника прямо сказал, что объект пойдёт через конкурс, а там такие фирмы заявлены, что у посетителя никаких перспектив.

– Вы меня извините, я бы сто лет к вам не пришёл, но меня попросил губернатор. Если что-то уже изменилось, я поставлю его в известность, и вопрос снят.

Чиновник поёжился:

– Что же вы сразу не сказали, что от губернатора? Вот документы, смотрите. Да, помнится, по этому проекту Минфин дает тридцать процентов сметной стоимости. Вы это имейте в виду.

Родион молча открыл объемную книгу документов. Поскольку речь шла только о строительной части работ, то ничего нового и неожиданного он не увидел. Спросил только, кто будет готовить фермы перекрытий, знал, что в области таких мощностей нет. Ответили, что скорее всего – Екатеринбург. Кивнул, но сразу цепочка вопросов: транспортировка, краны для монтажа. Это придется решать по ходу. Выписал нужные данные, вернул документы, поблагодарил и вышел. Уходя, услышал громкое:

– С этого подрядчика минфин ничего не получит. Ты его не знаешь? Бандит махровый.

Возвращаться не стал. Да и зачем? Почти всё правда.

Это вспомнилось, когда собирался к директору департамента по сельскому хозяйству Коломынцеву Ивану Михайловичу. Знакомы были давно, когда Коломынцев руководил крупным свинокомплексом, созданным на паях хозяйствами нескольких районов еще при советской власти. Когда все обвалилось, и комплекс перестал вагонами получать комбикорма, производство скатилось к краху. Проще всего пустить под нож тысячи свиноматок, а что дальше? Бывалый в то время был в авторитете, он и не помнит уже, кто привёл к нему этого человека – высокого, плотного, с сединой, убитого горем.

– Родион Петрович, мне сказали, что вы можете помочь нам сохранить производство…

Коломынцев подробно объяснил ситуацию. Поставок комбикормов нет, своего зерна очень мало, едва хватит до Нового года, слишком поздно почувствовал грядущую проблему, он так и сказал: грядущую. Можно бы купить в кооперативах и крестьянских хозяйствах, но все отказывают: предупредили перекупщики с юга, чтобы ни грамма на сторону, всё им.

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

– Понимаете, мужики тоже в сложном положении: южане дали им весной некоторые деньги на посевную под будущий урожай. Тогда же южане и цену установили. Я готов заплатить в полтора раза, но ребята боятся, говорят, с южанами шутить не следует, предупредили. Скажите, вы можете нам помочь?

Бывалый тогда «забил стрелку», долго обсуждали, как быть. Своих бросать не хотелось, взыграло местечковое самолюбие, и откупиться от южан будет непросто. Коломынцев собрал информацию со всех хозяйств, вложили южане солидно, но такие деньги есть в наличии. Сложнее отбить их от обещанного хлеба по ими же установленной цене. Пригласили южан на переговоры. Приехали три человека, Родя быстро навел справки: фуфло, никакого авторитета и заслуг, можно разговаривать с верхней полки. Уполномоченные заартачились, стали требовать неустойку, тогда Бывалый с согласия смотрящего заявил, что сумма возвращается по закону с учетом инфляции, а что касается хлеба – ни одного вагона братва не получит и ни одна машина с зерном в ту сторону не пройдет. А если еще станут пальцы гнуть, решено вывести за пределы области и закопать живыми, а видео отправить по месту жительства. После телефонного разговора со своими братва дала слово и была отправлена восвояси.

Коломынцев тогда скупил все зерно и сохранил поголовье. Деньги в общак вернул, как и договаривались, с процентами и в срок. Привезли ему толковых юристов, провели акционирование, половину акций отдали Коломынцеву, двадцать процентов забрали в общак, а тридцать разделили в трудовом коллективе. Через три года свинокомплекс удвоил производство, а Родя выкупил в общаке акции свинокомплекса. С тех пор мужчины стали друзьями. И вот сейчас Бывакин шел к Ивану Михайловичу решить окончательно все вопросы по созданию агрофирмы.

Хозяин кабинета вышел навстречу, обхватил огромными руками, крепко прижал.

– Извини, Родион, знаю, что ты по старой памяти такие объятия не приветствуешь, только это чисто по-русски, по-братски. Проходи. Кофейку чашку или водки рюмку? А? За встречу. Давно не бывал, разве что – по телефону.

Налил не водку, а коньяк в пузатые стаканы, чокнулись, долго глядел на гостя, улыбался.

– За тебя, Родя, за твою дружбу и доброе отношение ко мне. А теперь давай по делу. Что сделано и какие на очереди проблемы?

Бывакин подробно рассказал о сборе необходимых документов, о загвоздках с регистрацией, когда месяц тянули в палате, чтобы назвал акционерным обществом, а не агрофирмой. Коломынцев захохотал:

– Ну, ты молодец, ни кола, ни двора, а сразу на агрофирму. Конторские ведь не знают твоих принципов, не ведают, что ты за год провернешь то, на что у иных уходит пятилетка. Как назвал?

– «Труд». Помню, мама говорила, что был у нас в деревне колхоз «Труд», наверное, ещё до войны. Вот и вспомнил.

Коломынцев кивнул:

– Сейчас в моде оптимистические имена, что-нибудь с возрождением, с Россией, с будущим, типа «Россия, вперёд!». А «Труд» – уважаю, конкретно, и о деле, о работе говорит, а не сказки рассказывает. Так, что дальше?

– Дело к осени, Иван Михайлович, надо поля поднимать, все земли объехал, на некоторых участках корчевать впору, берёзки в мой рост. Хочу купить два мощных комплекса,

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

почвообрабатывающий и посевной. Насмотрелся под городом в хозяйстве, попросил показать в работе, хоть и не сезон. Поехали в подлесок, запустили, я следом шел – готовая пашня.

– Цены ты знаешь. У нас есть линия через Минсельхоз, переговорим, оплатишь, сразу привезут. На месяц направлю к тебе инженера нашего, специально держу парня на новой технике. Два комплекса. Что ещё?

Родион усмехнулся:

– Не знаю, откуда эти замашки, хочу всё и сразу. Был на омском предприятии, они делают по новым технологиям помещения для скота. Свозили меня на животноводство, это же не ферма, а дворец, я ещё помню базы, рубленые в бетонные столбы, пяти лет они не выдерживали, все сгорало от сырости. Мама там работала, приходилось помогать. А это – чудо, и монтируют за месяц под ключ.

Коломынцев хмыкнул:

– Родион Петрович, задаю вопрос не из любопытства, а с интереса: денег хватит? Базу поставишь – нетелей надо брать, нетелей привезешь, а кормов нет. Ведь нет ничего! Может, не всё сразу?

Бывакин мотнул головой:

– Всё, Иван, все, иначе и не стоило ввязываться. Я мужиков поднял на такое дело, деревня духом воспрянула. А скотина – это же не просто телка или бычок, это сама жизнь, сама деревня. Если корова не мычит – пропала деревня. На корове деревня весь двадцатый век вывезла. Корове не в Индии, а в Сибири надо памятники ставить и священной называть. В долги влезу, но всё сделаю. Но – твоя помощь нужна.

– Нетелей возьмешь в Курганской области. Коровы будут хорошие. Съездишь с нашим зоотехником, предварительно договор о намерениях подпишешь, чтобы люди в вере были. Аванс могут попросить. А с кормами сложнее. Сено купишь. Комбикормом помогу. Да, в Ражевском районе есть такое хозяйство – «Роса» называется, работает там интересный человек, казах, Исильбаев Багитжан, но все его просто Борисом зовут. Он первым в области начал сенаж заворачивать в упаковку, горя хватил, потому что корм только в вакууме сохраняется, а у него два года подряд нашествие мышей. Прогрызут целлофан – пропал сенаж. Но теперь он на ногах и приторговывает. Это я беру на себя, даст он тебе тонн пятьдесят, подспорье хорошее.

Коломынцев встал, хлебнул коньяка, закурил, прошёлся по кабинету:

– Родион, говорю с тобой, а в голове другое. Я опять о деньгах. Можем мы тебе на развитие подсобить, но на это надо благословение губернатора. Мне этот вопрос поднимать не с руки, все знают о нашем знакомстве. Ты вхож к нему, после первых приобретений, когда и комплексы будут работать, и ферма монтироваться, зайди, пригласи. Уверен, что он не откажет. Минсельхоз дает такие деньги, и немалые, и безвозвратная поддержка. Ну, что?

Гость тоже встал:

– Не пойду, Иван, не могу просить. Нож в горло! Да я сам себя уважать перестану!

Коломынцев развел руками:

– Ну, так я и думал, а для чего спрашивал – хрен его знает. Начинай. Сразу договорись с «Техноцентром», направь молодых толковых мужиков, чтобы осваивали импортную технику. Там сложного ничего нет, но документ получить надо, да и навык, чтобы столбы по дороге не сшибать. – Помолчал, достал вторую сигарету, прикурил от первой. – Заварил ты кашу, но дымок аппетитный, целую деревню поднять – это великое дело. А главное – родина, земля, и

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

люди тебя помнят. Ты меня в курсе держи, звони и забегай. И еще вопрос. На такое хозяйство надо толкового управляющего. Есть кандидат?

Родион кивнул:

– Вроде есть, но я ещё не встречался. Хотя – надо назначать, путь хоть землю под ногами утопчет. С народом знакомится. Потом специалисты нужны будут, тоже к тебе приду.

– Жилье надо строить, – поднял указательный палец начальник, Родион уже заметил: выделяет наиболее важное.

– Уже думал. Чтобы мужиков занять, деляну выписал, рубят лес, они собираются полубрус вертикально выставлять, говорят, так сегодня строят в деревне. На первое время пойдет. Все, будь здрав, Иван Михайлович.

– И ты будь. А я всегда на связи.

Вернувшись из деревни, собрал в офисе своих доверенных людей, кто знал все тонкости учета и отчетности большого строительного комплекса.

Через Самсонова Родион попросил подготовить полную информацию о финансовом состоянии комплекса, и вот сейчас пять человек вставали поочередно и докладывали по своим направлениям. Родион делал пометки в толстой тетради, которую хранил отдельно от всех бумаг. Тут кратко фиксировались все важнейшие показатели. Сегодня несколько цифр его насторожили.

– Чем объясняет город недоплату этой суммы за сданный корпус общежития мединститута? – строго спросил он.

– Отсутствием средств, Родион Петрович, – ответил Самсонов.

Шеф посмотрел на исполнительного директора:

– Завтра вместе с юристом встречаетесь с заместителем мэра. Предупредите: если в течение недели не будет поступления, я заварю входные двери.

– Но, Родион Петрович, скоро начнется учебный год… – испугался Самсонов.

– Чего вы вздрогнули? Вы только озвучите, а варить будут другие. Сократились месячные выплаты зарплаты рабочим. Это откуда?

Самсонов встал:

– Родион Петрович, фактически зарплата осталась прежней, я даже думал предложить вам увеличение расценок процентов на пять хотя бы. Но налог на зарплату увеличили, государство само толкает на сокрытие реальных доходов и введение зарплаты в конвертах. Что мы и делаем.

Шеф побледнел, его возмутило не то, что подобный шаг сделан без его согласия, исполнительный директор имел некоторую самостоятельность. Генеральный жестко спросил:

– Макс Михайлович, а пенсию потом работягам вы тоже будете носить в конвертах? С чем они придут в пенсионный фонд? Вы крадете их будущие доходы. Это наказуемо по законам справедливости. Эту практику прекратить. За бездумное решение прошу финансистов господину Самсонову премию за третий квартал не начислять. Продолжаем. Есть еще должники?

Выяснилось, что общая сумма дебиторской задолженности составляет сумму, сопоставимую со стоимостью почвообрабатывающего комплекса. Родион попросил провести с должниками работу, чтобы в течение месяца собрать все средства. Поблагодарив сотрудников, он попросил Самсонова остаться.

– Макс Михайлович, нужна встреча с вашим протеже на должность управляющего в деревню. Работы там уже начались. Как это сделать?

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

Самсонов, уже убитый лишением премии, оживился:

– Как скажете, Родион Петрович. Сюда его пригласить или вы сами назначите место встречи? Вот его телефон, он готов.

Кандидат в деревенские лидеры оказался мужчиной лет сорока, аккуратно одетым, с шевелюрой седых волос. Заметив, что вошедший направляется к оговоренному столику в чайхане Алахитдина, мужчина встал:

– Горлов, Владимир Гаврилович.

Бывакин пожал руку и сел напротив. С подносом вышла Гузель, кусочки мяса с лапшой, сурпа, бутылка коньяка и два бокала. Родя пытался поймать ее взгляд, но девушка так и не подняла лица, накрыла стол и, поклонившись, ушла.

– Владимир Гаврилович, предмет разговора вам ясен. Я намерен заняться хлебом и животноводством, объемы пока небольшие, около трех тысяч гектаров пашни, бывшей пашни, сто голов нетелей будут к осени. Народ был работящий, но уже лет пять без дела, кто-то держит домашнее хозяйство, но есть и просто люмпены. Жилье уже строится, вам придется быть на месте постоянно. Вы, как я понимаю, теперь городской житель?

Горлов кивнул:

– Да, но готов вернуться в село. Я крестьянин, Родион Петрович, тоскую по работе.

Родя заметил, что голос мужчины дрогнул, но вида не подал.

– В деревню поедем вместе, всё осмотрим, найдём вам временную квартирку. И вы там останетесь. С нами пойдут три грузовика, в кузове камаза гусеничный трактор, два «Белоруса» уйдут своим ходом. У вас будет новый УАЗ, самая подходящая машина. На счёт колхоза «Труд» положили некоторую сумму денег. Бумаги для банка я вам привезу. Едем завтра в восемь утра. Вопросы?

Горлов открыто посмотрел в глаза шефа:

– Вопросов нет, Родион Петрович. Спасибо за доверие, я постараюсь его оправдать.

Бывакин улыбнулся:

– Вас не интересует зарплата?

Горлов улыбки не поддержал, ответил достойно:

– Ну, как не интересует, Родион Петрович, у меня семья, и я живу не за Кремлевской стеной. Знаю, что вы деловой человек, и это решите справедливо. И еще. Я коммунист, был и остаюсь. Это вас не смущает?

– Нет. Проект контракта с вами я привезу, рассмотрим и подпишем. В половине восьмого машина будет у вашего дома. Адрес водителю скажет Самсонов. До завтра. Вы свободны, я остаюсь.

Гузель уже сходила в приёмную комиссию медицинской академии и вернулась в слезах. Солидная дама просто сказала, что граждане иностранных государств принимаются по особой программе, и прежде всего надо решать вопрос с оплатой за учёбу. Она сказала, что узбеки должны учиться в Узбекистане, комиссия не располагает документами относительно иностранцев

– Ата, я видела нескольких кавказских парней, они тоже сдавали документы, и с ними говорили ласково, даже с уважением. Почему так со мной поступили, ата? Мне никогда не стать врачом, никогда!

– Успокойся, дочь моя, надо думать. Наверное, наш президент плохо принимал русского президента, наверно, колол тощий барашек и готовил плохой плов, только так можно обидеть

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

гостя. Я пойду к этой женщине и спрошу, прочему моя дочь не может учиться на врача здесь? Разве я плохо работал в своем колхозе? Разве не отдавал я свой хлопок в ведомость Рахима или Абдуллы, которые пили вино и ели шашлык в чайхане? Отдавал, потому что их отец был власть, а я всегда уважал власть. Потом оба сына получили большие звезды и уехали в Ташкент. А я поехал в Москву, на выставку, и привез в подарок твоей покойной матери швейную машинку от электричества, а электричество к нам пришло, когда Марьям уже не стало, и ты училась шить халаты и шаровары. Помнишь ли ты то время?

Гузель кивнула, но ответила:

– Ты не о том говоришь, ата. То было другое время.

– Время не бывает другим, оно всегда одно, это люди делают его плохим и хорошим. Я скажу этой женщине, что мы все дети одной страны, это большие начальники все перепутали и стали султанами. А народы нельзя отгородить забором. Я скажу ей: у меня в кишлаке были два соседа, один таджик, второй русский, помнишь Федора, который служил в армии и женился на дочери Исмаила? Разве были у нас заборы? Разве не шел ко мне в гости Рахмон или Федор прямо через виноградники? Или хоть один раз я приготовил плов и сел кушать один, не крикнув соседям, что пора мыть руки и садиться за достархан? Тогда почему моя дочь не может учиться на врача, если сам Аллах дал ей дар исцелять людей?

Гузель кивнула в знак согласия с отцом, понимая, что сейчас никто не сумеет его переубедить, и ушла в свою комнатку. Она не знала, что делать дальше. Оставаться в городе и помогать отцу, да, это надо, это её долг перед младшими братьями и сестрами, которые ждут в кишлаке их скромные деньги, чтобы купить новые одежды и книги для школы. Спасибо соседям, они помогают, ведь старшей Байгуль только четырнадцать лет. Но тогда придется смириться с такой жизнью и навсегда забыть о медицине. Придется вернуться в кишлак, Остон пишет, что после службы в армии приедет за нею, и они сыграют свадьбу. Остон добрый, заботливый, но в душе у Гузель его нет, в ней вообще нет мужчины, потому что все думы только об учебе. И теперь все кончено, надо смириться, успокоить отца, а то он пойдет в приёмную комиссию и будет громко доказывать, что его дочь должна стать врачом.

Она прилегла на кушетку и забылась, легкие видения проплывали в слабеющем сознании, она слышала радостные приветствия отца, какими он обычно встречал дорогих гостей, сюда через запертые дверцы проникал аппетитный запах шашлыка, слышался звон пиал, негромкие разговоры и даже смех. Ничто не мешало девушке спать, настолько ранила её душу демонстративная неприязнь женщины из комиссии, что только сон мог снять обиду и напряжённость. Она проснулась через два часа, оделась для работы на кухне, прибрала свои непослушные волосы и вышла к отцу.

– Ты спала, дочь моя, а у нас был гость, ты его знаешь, это Родя, Родион Петрович. Он был с другом, они немножко пили коньяк и ели мясо, я специально готовил баранью ножку. Я говорил Родиону Петровичу про твое горе, друг его тоже слышал, и я тебя обрадую, дорогая Гузель: друг нашего друга обещал хорошенько потрясти эту женщину, все узнать и нам передать. Будем просить Аллаха, чтобы он вразумил несчастную, пока этот мужчина, похожий на большого начальника, не дал ей в руки лопату и не отправил чистить арыки.

Гузель вспыхнула, и от отца не ускользнуло это мгновенное проявление радости. Старый Алахитдин сразу заметил, что дочка понравилась его новому другу, и не находил в этом ничего удивительного, Гузель красавица, и всякий нормальный мужчина видит это. Только он не мог и подумать, что этот суровый и немногословный немолодой человек может приглянуться его

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

юной дочери. Сложные чувства вдруг испытал он, и вечером, когда закрыли чайхану и прибрали в комнатах и на кухне, отец попросил дочь сесть за стол. Он налил две пиалы чая и молча выпил свою, наслаждаясь ароматами родной земли. Дочь не прикоснулась к пиале и ждала вопроса. Алахитдин вытер чистым полотенцем вспотевший лоб и посмотрел дочери в глаза:

– Гузель, дочь моя, скажи мне, Родион Петрович не делал тебе каких-нибудь предложений? Русские мужчины любят азиатских красавиц. Признайся, что он тебе говорил?

Гузель смутилась:

– Ата, ради Аллаха – не говори такое и не думай такое про Родиона Петровича. Я пять раз делала ему массаж, как учила меня старая Магдалена с еврейской улицы. Я пять раз сказала ему приветствие, и он пять раз сказал мне спасибо. Вот и все.

Отец кивнул:

– Я рад, дорогая моя, что всё так. Но я заметил, что он тебе нравится. Скажи мне, так ли это?

Гузель смутилась, прикрыла лицо платком:

– Да, ата, Родион Петрович очень хороший человек.

Отец вздохнул:

– Гузель, ты еще не испытывала, что такое любовь. Я не умею тебе этого передать. Ты видела, как ласточка тайно от человека влетает в свое гнездо? Любовь – как пташка, впорхнет в твое сердце, ты сама этого не заметишь. Родя хороший человек, но, дитя мое, здесь другая страна, другой мир, другие люди. И живут они по другим законам. Нам надо возвращаться к своему народу, а на чужбине можно совсем потеряться.

– Ата, а как же ты согласился, чтобы я поехала сюда учиться?

– Да, но я не знал, что это будет так трудно, – отец боялся прямого ответа.

– А если друг твоего друга поможет нам, мы останемся? Я очень хочу стать хорошим врачом.

– Моли Аллаха, и я молю. Иди спать, уже поздно.

Сейчас Гузель вышла убрать стол, но, заметив сидевшего Родиона, остановилась.

– Здравствуйте, Гузель, – Родя встал и шагнул ей навстречу. Девушка покраснела и смутилась. – Я так давно не был у вас, закрутился с делами. Вы сегодня одна? Я не слышу голоса Алахитдина.

– Ата приболел, он в домашней половине, – едва слышно ответила девушка.

– Что с ним? – встревожился Родион.

– Сердце болит и давление повышенное.

– В больницу почему не отправили? – Родион только потом понял, что спросил слишком строго.

Гузель грустно улыбнулась:

– У него нет полиса, была «скорая», но даже смотреть не стали.

– Гузель, дорогая, у него есть мой телефон. Почему не позвонили?

– Простите, но ата запретил вас беспокоить, – тихо ответила Гузель.

– Гузель, управляйтесь и готовьте отца в стационар. Я позвоню из машины.

Он набрал номер и услышал бодрое:

– Здравствуйте, Родион Петрович.

– Здравствуйте, Андрей Альбертович. Надо срочно госпитализировать хорошего человека. Запишите адрес. Сделайте все по полной программе. Счет мне. Надеюсь на вас.

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

– Будьте спокойны, все сделаем в лучшем виде. Родион Петрович, русская поговорка гласит, что здоровье не купишь. Как меняются времена! Даже народная мудрость перестает быть таковой. Если есть деньги, то можно купить и здоровье.

– Андрей Альбертович, я очень занят, – перебил Бывакин.

– Ах, извините! – спохватился доктор.

Родя дождался реанимационный автомобиль, проводил Алахитдина, который действительно был очень плох, остался рядом с Гузель.

– Вам надо бы закрыть чайхану на время болезни отца. Нельзя девушке одной оставаться в заведении. Вы ездили в приёмную комиссию? – вдруг вспомнил он.

– Извините, я так расстроена, что забыла вас поблагодарить. У меня приняли документы, я уже готовлюсь к экзаменам. Спасибо вам.

Она прятала глаза, и делала это так неумело, что Родион, знай он законы и обычаи этого народа, без слов понял бы чувства девушки. Он с грустью смотрел на юную красавицу узбечку, до которой можно было дотронуться рукой, но которая была недосягаемо далеко от него. Его взгляд смутил девушку, она прошептала:

– Родион Петрович, я не должна вам этого говорить, Аллах накажет меня, но я очень скучала без вас. Приезжайте, я приготовлю плов, а потом сделаю вам массаж.

Бывакину была приятна почти детская наивность девушки, он не мог обидеть ее отказом, и пообещал приехать завтра в шесть часов вечера. Уже в машине он вдруг вспомнит: это её, Гузель, он видел во снах в степи, на море. Это была она. Как все странно в жизни! Милая девочка из снов, моя вечная девочка…

Когда по деревне прошёл слух, что в колхоз «Труд» идут новые тракторы и машины, поезд этот вышли встречать все. Старики важно стояли у дороги, ребятишки бегали взад и вперёд, поднимая пыль.

– Да, Парфён, а ты помнишь, как первый трактор пришёл в деревню?

Дед Тихон по случаю был одет в красную рубаху и хромовые сапоги, в которые заправлены подаренные кем-то из ребят солдатские брюки.

– Когда это было? – спросил Парфён.

– Когда? В тридцать втором, кажись, – уточнил Тихон.

– Ну вот, а я с тридцатого.

– Тьфу, нашёл с кем мемуары вспоминать, – ухмыльнулся дед Тихон и перешел к другой кампании. – Вот только красных флагов нет, а так шибко похоже, – любовался он и оглядывал публику, но не находил ровесников.

Для гусеничного устроили спуск из толстых брёвен, Сёма Бородин залез в кузов, поднял капот, проверил масло, что-то покрутил. Понятно, время тянул, все же на него смотрят.

– Сёма, чего ты нюхасся, его три часа назад в кузов загоняли, тоже заводили, наверно?

Сёма важно ответил:

– А я не знаю. Мне поручено, потому сделаю, как положено.

Завел, тронул рычаги, включил скорость, толпа замерла. Трактор медленно зашел на брёвна и тихонько стал спускаться на землю. Едва коснувшись почвы, Сёма газанул, круто развернулся и поехал в сторону бывшей мастерской. Туда же поставили и колесники.

Владимир Гаврилович торжеству не мешал, а когда всё закончилось, подошёл, представился:

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

– Я Горлов Владимир Гаврилович, назначен руководителем нашего нового хозяйства «Труд». Родион Петрович скоро подъедет, а пока давайте обсудим, с чего начнём.

– Зябь надо пахать. А плуги где? – спросил Веня Брезгин.

– Вопрос правильный. Плуг будет только к кировцу. Через неделю мы получим почвообрабатывающий комплекс, следом посевной комплекс. Оба они с мощными американскими тракторами «Джон Дир». Надо пять толковых, грамотных и ответственных механизаторов, чтобы отправить на несколько дней для стажировки и получения допуска. Есть такие?

Семен Бородин уже вернулся от мастерской, подошел к Горлову:

– Меня первым пишите. Мужики, вы чего, как не родные? Технику эту видели и в телевизоре, и в агрофирме под городом. Трактористы в белых рубашках, красота.

Дед Тихон подкрался к Горлову с тыла:

– А верно ли, сынок, говорят, что в том тракторе не только что печка, но кой-чего другое есть? К примеру, сортир?

– Сортира нет, отец, но есть кондиционер, включаешь, когда жарко, и в кабине холодок. Музыка есть.

– Обожди! – возмутился дед. – Мы его откомандируем пахать, а он будет музыку слушать?

– Все, дед, интервью окончено. А вот и генеральный подъехал.

Бывакин вышел из машины и сильно обрадовался, увидев добрые улыбающиеся лица.

– Здравствуйте, земляки, – негромко сказал он.

Его приветствовали вразнобой, но с чувством. Спросил:

– Здание колхозного правления совсем разорили или что осталось?

– Так в нем теперь глава сидит, медпункт, библиотека, – ответила Зина Бородина.

– Сёма, с моим водителем доскачите, главу сюда срочно. На монтаж коровника строители просят пять человек, можно женщин, но работа не авторучкой, скорее всего, бетон готовить. Желающие могут записаться у Владимира Гавриловича. Список механизаторов для обучения на «Джон Диры» готов? Вы чего испугались, мужики? Дождетесь, что я десятиклассниц отправлю. Да этим трактором управлять все равно, что легковой машиной!

Подошел глава местной власти. Родион не мог признать, а потом засмеялся:

– Дядя Василий Иванович, бессменная советская власть! Здравствуй, дорогой. Вот, забот тебе прибавляем.

Василий Иванович улыбнулся:

– От таких забот не откажемся. И люди при деле, и в казну копейка.

– Верно мыслишь, сельсовет! Надо бы в конторе найти пару комнат, для руководителя, бухгалтера.

– О чем речь, Родион Петрович, это не вы к нам, а мы к вам на квартиру станем проситься. Правление было и осталось колхозным. В моем кабинете, бывшем председательском, рядом с обкомовским знаменем пшеничный сноп стоит. И сноп тот тоже пусть останется. Он уж как символ. Я все смотрю: ну чисто с Герба Советского Союза! Родион Петрович, я перейду в другой кабинет, а председатель пусть на свое законное место! – четко сказал Василий Иванович.

– Ну, за стулья драться не станем, а вот квартирку бы для председателя временную…

– Ты почто не по адресу обращасся, товарищ генерал? – дед Тимофей стоял по стойке смирно.

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

Бывакин смутился:

– Вы с чего меня в генералы произвели?

– А вот твой председатель и проболтался: вон, говорит, генерал подъехал.

Толпа смеялась с удовольствием:

– Дед Тихон, теперь таких генералов, как я, в каждом районе по дюжине. Ты вот три войны прошел, а чин какой имеешь?

– Рядовой я, Родя, всю жизнь, и на фронте, и в колхозе, и дома старуха надо мной ефрейтор! Только товарища председателя определяй на квартеру ко мне со старухой. Она у меня что у плиты, что где в ином месте – мастерица, опять же банька у меня новая срублена, венички припасены дружков тридцать. Платы не берем, только продовольствие по своим скусам.

Перешли в контору, определили бригадира на полеводство, все дружно выдвинули Сёму Бородина, он согласился, но погоревал, что хотел на американской технике поробить.

– Поробишь, Сёма, вот загулят тракторист, ты и подменишь.

Шеф встал:

– Насчет загулов. Это исключено. Пьяный на работе – враг, будем гнать взашей. Владимир Гаврилович, одним из первых приказов определите распорядок и дисциплину.

Нашлись бригадиры на будущее животноводство, определили заведующего кормовым складом.

– Начальник есть, а кормов тю-тю, – хохотнул кто-то.

– Для того и ставим ответственного, что корма начнут поступать прямо завтра. Сено в тюках, сенаж в тюках, для него придется срочно возводить эстакады, чтобы мыши не погрызли. Зернофураж в склад.

У Бывакина загудел мобильник, он вышел, нажал клавишу:

– Родион Петрович, завтра выезжаем отбирать нетелей для вас. Кто будет от хозяйства?

Родион не готов был к ответу:

– Дайте мне десять минут, я перезвоню.

А сам набрал Бориса Исильбаева, которого рекомендовал Коломынцев.

– Багитжан?

– Я.

– Здравствуйте, я Бывакин, Родион Петрович.

– Понял. Мне Иван Михайлович говорил при встрече, что надо вам помочь. Чем могу?

Родион всё объяснил. Он понимал, что отобрать нетелей – дело не простое, ошибиться нельзя, цена слишком высока. А у него нет пока специалистов.

– Помогай, земляк, в долгу не останусь.

Багитжан согласился поехать, уточнил, кто будет из департамента, и наказал:

– Загоны обязательно сделайте, а корма, сено и сенаж, я прямо сегодня отправлю по кировской тележке. Думаю, дня через три мы сто голов привезём, встречайте.

Передав все Горлову, Бывакин уехал в город, сегодня к вечеру должны подойти комплексы. Коломынцев дал команду, чтобы «Техноцентр» принял и поставил на временное хранение, но желательно быть самому, все видеть и все знать.

Родя едва скрывал внутреннюю дрожь: какие красавцы, это будущее деревни. Светло-оранжевые, чистенькие, они встали на отдельной площадке. Весь набор навесной техники установили рядом. Инженер департамента Кувыкин, доставивший груз, пояснил, что в наборе все почвообрабатывающие орудия и полностью укомплектованный посевной комплекс.

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

– Родион Петрович, вы молодец, что сумели обойти лизинг. Вы сохранили третью часть денег, – похвалил он.

– За это благодарность вашему начальнику Коломынцеву, – напомнил Бывакин.

– Когда вы планируете забирать технику? – поинтересовался Кувыкин.

– Как только наши ребята пройдут подготовку.

– Родион Петрович, новичков в такую дорогу отправлять опасно. Разрешите, я организую ребят, и мы подготовим на месте комплексы, а остальные механизмы отправим камазами. У меня хорошая кампания инженеров, им самим полезно и интересно.

– Я согласен. Нужны деньги? Сколько? – он достал бумажник.

– Только на заправку и на обед, – Кувыкин рассмеялся.

Бывакин подал молодому человеку банковскую упаковку.

– Не беспокойтесь, по приезде сдадим отчет.

Шеф улыбнулся:

– Я с тебя отчета не спрашиваю, а технику будем ждать всем селом.

Опять на селе был праздник. Невиданная техника вползала в деревню, осторожно переваливалась через канавы и вставала в ряд у мастерской. Инженер Кувыкин подошел и доложил, что вся техника доставлена в нормальном состоянии. Родион крепко его обнял.

«Да, ухожу от старых правил поведения. Это хорошо!» – подумал он.

Генеральный переложил все дела по городу на Макса Михайловича и вплотную занялся колхозом, как все дружно называли ЗАО «Труд». Ночевал у Семёна, рано утром, уточнив планы с Горловым на день, уезжал в район. Омичи заканчивали монтаж фермы, а энергетики не давали документы на подключение, коммунальщики тянули с водопроводом. Родя в пятый раз зашел в «Знергосбыт», начальник, полный молодой человек, встретил недружелюбно:

– Стучаться надо, когда в чужой кабинет входите, – назидательно указал он гостю.

Бывалый прямо через стол поднял его из кресла за фалды пиджака:

– Если ты мне сегодня не выдашь бумаги, а я к тебе неделю подряд стучусь, клянусь мамой, а ты должен знать, что эта клятва в определенных местах считается последней, так вот, я тебя верну в это кресло, только к нему будут подведены три фазы. Всё! Ты меня услышал. Бумага должна быть в приёмной к обеду, а то для начала я испорчу тебе аппетит.

Энергетик тяжело опустился в кресло:

– Я могу вызвать милицию… – промямлил он.

– Они помогут тебе оформить допуск? Не смеши, живи по-человечески, что же ты из людей жилы тянешь.

– Вы хулиган! – заорал начальник. Бывалый подыграл:

– Милый мой, я уголовник. В прошлом. Не напоминай мне об этом. До обеда!

Вышел, отряхнулся. «Да, кучеряво я с ним, но впредь пусть думает. Так, сейчас к дорожникам».

Дорожный мастер подал руку:

– Толян. Уже отправил автогрейдер, парень толковый, он вам дорогу выровняет. И площадку тоже.

– Толян, я его не отпущу, пока все не сделает. Мне надо и в деревне дороги подправить. Пусть поживет, – по-свойски хлопнул парня по спине.

– Пускай, только солярка твоя и квартира…

– С молодой вдовой, – улыбнулся Родион.

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

– Нет, вдовы не надо, мужик серьезный, но питание организуй.

Коммунальщик встретил с грустью в голосе:

– Чем я тебе буду вести воду? Трубы нет, экскаватор еле дышит, да и дебита мало будет, если сотня коров пить начнет.

– Михайлыч, десять лет вся страна пьет, а дебит не кончается, – очнулся дремавший на диване мужичек.

– Выйди отсюда! Вас зовут…, да, Родион Петрович. В городе есть ребята с таким хитрым аппаратом, называется навигатор. Вгоняют трубу в землю и выводят, куда тебе надо, хоть в ферму, хоть в квартиру. Стоит, конечно, прилично, но аккуратно, и всего день работы.

– Координаты дашь? Добре. А как начальника зовут?

– Хозяин. Это частное дело. Василий, а отчество не помню, да он молодой, ваших лет.

Прямо из машины Родион набрал номер, ответившему мужчине кратко объяснил суть дела. Тот спросил:

– А к вам как обращаться?

– Родион Петрович.

– Понято. Родя, Бывалый, ты меня не узнал? Я Вася, мы у смотрящего знакомились, вспомни!

– Помню. Так ты ко мне приедешь? Вместе с техникой.

– Родя, только завтра к обеду. Расстояние большое?

– Ты о чем?

– О трубе. Расстояние от подключения до объекта.

– Не могу сказать. Приедешь, на месте разберемся.

Он уловил намёк коммунальщика на возможные проблемы с водой, потому подумал о новой скважине. Нашел в записной книжке телефон коммунальщика, он должен знать, кто бурит скважины. Телефон не ответил. Пришлось ехать в администрацию.

– Илья Васильевич, извините, что беспокою вас по пустякам, но времени нет, а нужных людей не знаю. Срочно надо пробить скважину для фермы, коммунальщики пугают, что воды на всех может не хватить.

– Есть такое дело, уровень вод снижается, у нас проблемы. Найдем мы сейчас бурилку, вот только место кто будет выбирать? Бурить – много ума не надо, важно там, где вода есть, и вода пригодная, питьевая, – по-хозяйски назидательно напомнил Илья Васильевич.

– Я понял, – кивнул Бывакин. – Из приемной в колхоз позвоню.

Горлова попросил срочно привести к телефону старика Тихона, любого спроси, все знают, где он. Дед, видимо, отирался у конторы, Горлов передал ему трубку:

– Але! Струков Тихон Данилович на проводе.

– Дед Тихон, это Родион.

– Не знаю никакого Родиона. Один у нас есть, но он Родион Петрович, – деду явно нравился такой разговор.

– Дед Тихон, не дури, на тебя вся Европа смотрит. Можешь ты указать место недалеко от новой фермы, где бы ты стал копать колодец?

– Родя, а нахрена мне колодец, у меня крантик около дома? – искренне удивился дед.

– Дед Тихон, я тебя от колхоза отлучу, если будешь дурака валять. Я, между прочим, с тобой за деньги разговариваю. Есть такое место или нет, говори толком?

Дед помолчал, поосмыслил, потом покряхтел и крикнул:

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

– Але! Родион Петрович, вот если от фермы в сторону деревни, тут можно. Тут большой дом стоял классового врага кулака Трушникова, и был у него на дворе глубокий колодец. Помнится, в него девица Аникея ходила топиться, когда поп ее за блуд причастия лишил, но не стала, после поясняла, что водица дюже холодная.

– Все, дед, будь около Горлова, чтобы тебя по всей деревне не искать, – предупредил он.

– Ложь и клевета! Мы с товарищем Горловым вместе встаем, зарядку делаем, потом завтрикаем, он кофей пьет, я чай на душице, он бреется, я бороду расчешу, и на работу. Я про жалованье пока молчу, временные организационные трудности, как говорит Владимир Гаврилович.

Родя отключил трубку. Вот балабол, на сцену его поставить – целый вечер будет говорить, и все складно, весело. Ладно, концерты потом будем смотреть.

Илья Васильевич подал ему бумажку с несколькими именами и телефонами.

– С первым я уже переговорил, он согласен хоть сегодня выехать. Родион Петрович, что у вас произошло с энергетиком?

– Уже стуканул? – удивился Бывакин.

– Да нет, другие источники. Говорят, сжечь грозился?

– Илья Васильевич, его сжигать – надо трансформатор дополнительный ставить. Я же толичко пообещал три фазы подключить, если бумаги не сделает, – объяснил Родион.

– Сделал? – поднял глаза начальник.

– Не знаю. Сейчас поеду.

– Родион Петрович, нам с вами эти базары ни к чему! – строго предупредил Илья Васильевич.

– Услышал, – кивнул Бывакин и удивился, как деликатно глава его на место поставил.

…Два дня и две ночи в деревне гудели тракторы и машины. Дед Тихон торжественно привел все начальство на пустырь, долго мелкими шашками бегал то в одну, то в другую сторону, чего-то прикидывал, потом топнул ногой:

– Вот тутака сверлите, и будет вода чистейшая, почти что святая, ее бы не коровушкам пить, а беременным женщинам, а так же которые кормящие.

Сёма взял деда за рукав:

– А ну, кайся, козел блудливый, с чего это ты вдруг о беременных вспомнил? Нагрешил где-то, вот и шибануло в память! Дед Тихон, падай на колени и называй всех вдовушек, а может, и замужних каких!

– Семён, стыда у тебя нет! Я об потомстве забочусь, ты вот сколь ни поробишь, и на могилки, а кто дело продолжать будет? – запричитал старик.

Семён возмутился:

– Дед, ты почто меня хоронишь? Виденье было какое? Говори!

– Сёма, да для примеру сказал, какое виденье, я уж и бабку-то только наощупь...

Пока хохотали, буровики свою технику наладили и к ночи фонтан ударил. Горлов успел ведерком зацепить из струи, по глотку сделали все и остались довольны.

– Шеф, трубу глушить? – спросил буровой мастер.

– Глуши. Завтра от нее навигатор заведет воду в ферму. Спасибо, ребята. Расчетом довольны? Это важно, потому что, возможно, не в последний раз.

Подошел машинист грейдера:

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

– Родион Петрович, от асфальта к ферме я дорогу поднял, но без вашего согласия сделал корыто. Не понятно? Под твердое покрытие. Советую договориться с начальником и прямо сейчас завезти с десяток камазов щебенки, я бы все разровнял, а весной положим асфальт.

Родион посмотрел на мужчину:

– Тебя обедом кормили?

– Нормально, шеф, щи и котлеты. Я еще на площадке у фермы покатаюсь. Шеф, великое дело вы задумали, это же какая радость для деревни. Я сегодня столько добрых слов про вас услышал, честное слово.

– Ну, спасибо, дорогой, поработай чуток и отдыхай, завтра дел много.

Вечером пришли кировцы с двойными прицепами, привезли сено и солому, в одной тележке закатанный в пленку сенаж от Багитжана. Тракторист нашел Родиона и сказал, что сенаж надо разгружать вручную и сразу на эстакаду. Он кивнул Горлову: «Организуй!».

Утром позвонил Исильбаев:

– Родион Петрович, если бы не верное слово друга, увез бы нетелей к себе. Какой прекрасный материал! Коровы будут замечательные! Так удачно все сошлось! Везем мы тебе сто одну голову, сто по договору, одну сверху, подарок от заведующего племенным стадом. Будем завтра утром. У тебя все готово?

Бывакина била мелкая дрожь, так всегда было, когда он сильно волновался:

– К утру все будет в порядке. Ждем.

– До встречи, дорогой.

Горлов занимался фермой, тут оказалось еще очень много мелких дел, а Родион поехал к пахарям. Посмотрел работу кировца, как легко он поднимал и измельчал слежавшуюся пашню. Трактористу показал большой палец и направился к комплексу. Сегодня пахал Сёма, его он остановил. Семен спустился из кабины в синем комбинезоне, коротких хромовых сапогах, в берете. Не удержался, сгрёб Родю в охапку:

– Родион Петрович, вот ущипни меня: неужели мы жить начинаем? Роблю и нарадоваться не могу, да еще машина такая, только шепни ей, что надо чуть правее, она правее, скажи, чтобы обороты добавила – загудит веселей. Эх, Родя, а мы на чем пахали? Тыды и растуды наше бывшее советское начальство: неужели не могли придумать такой трактор? Я же в дэтушке летом от жары сгорал, зимой к сидушке примерзал. На комбайне под зонтиком. Ветер в харю, а я …, прости Господи! Нет, умели наши люди все делать, какие космические корабли летали, какие красавицы у нас на вооружении стояли, Родя, я сам был на стрельбах. Гашетку нажали у Каспийского моря, а ракета попала в мишень корабля в Тихом океане. Это как? Плохо, скажи, плохо? А почему трактор не сделать, легковушку для мужика, стиралку для бабы, чтобы не в бане воду греть и не «Сёма, я постиралась, воду вынеси!»?

– Тебя кто меняет? Сёма, смотри, ты тут у меня самый ответственный. До зимы надо как можно больше вспахать.

– Сделаем, Родион Петрович, кировец ведь тоже хороший помощник, я на нем за осень по тыще гектаров пахал. Да…

С Федором Родя расстался давно, как только стали налаживаться дела и в городе чуть поутихло, когда Бывалый вернул с огромным трудом свои капиталы из-за рубежа. Федор тогда сослужил последнюю службу, главарь армянской группировки как-то прознал о запущенном

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

механизме возврата валюты, вот тогда Федя убрал наглого армянина, который требовал долю, иначе грозился сдать братве. Бывалому совсем не улыбалась перспектива объясняться перед старшими об источниках появления столь больших и до сих пор скрываемых бабок. Тогда могли всплыть Доктор и Жмых, а если так – Роде со сходняка не уйти. Через своих людей он хотел частично купить армянина, но Федя вмешался:

– Бывалый, этот глистоватый кавказец не может быть порядочным, если он требует не свое, ты ничем от него не откупишься. Его надо убирать.

– Федя, честно говоря, я думал, что ты выбросил свою «катюшу». С кем будем обсуждать?

– Ни с кем. Не потому, что не верю ребятам, а так проще: чем меньше знают, тем спокойней и надежней, – рассудил он.

– В чем тебе надо помочь?

– Только не мешай. Я его в лицо знаю, и в такую фигуру трудно промазать. На всякий случай выеду в лесок, испорчу десяток патронов.

Никто после убийства не вышел на Бывалого, видимо, хитрый армянин ни с кем не делился планами «обуть» богатенького русского. Тогда и разошлись пути-дороги двух самых сильных и самых опасных людей города. Родя ушел в строительный бизнес, а Федор купил кондитерскую фабрику, взял кредиты, провел реконструкцию и через год завалил рынок конфетами, очень похожими по вкусу на конфеты советских времен. Товар уходил фурами, и уже через пару дней фуры снова становились под погрузку. Финансовая группа настояла на увеличении цены, поскольку есть спрос, Федор согласился, но поставил линию производства карамелек, известных как «Дунькина радость», и еще нескольких видов конфет в обертке с начинкой из отечественного варенья и желе. Магазины шаговой доступности брали их с удовольствием и продавали быстро, обеспечивая небольшую фабрику постоянными заказами.

Они изредка созванивались, потом надолго потерялись, когда Бывакин подался в деревню, наконец, Федор его перехватил:

– Ну, здравствуй, колхозник! Как у тебя дела? Ты когда будешь в городе?

Родион обрадовался:

– Федя, столько вопросов! Буду, видимо, в конце недели, хочу полежать в джакузи и отоспаться. Можешь приехать, но только в воскресенье.

– Я не один, брат. Хотел тебя познакомить. Она чудная девушка, надеюсь, ты мне будешь завидовать и тоже остановишься, наконец?

– Ладно, уговорил. В воскресенье в десять.

Приехал домой, вошел через гаражные двери, Варя в чистеньком домашнем халате встретила в вестибюле.

– Родион Петрович, почему не предупредили, что приедете?

– У тебя назначено свиданье, и я помешаю? – пошутил он.

– Ну, и шутки у вас! Как вы можете? А чем я вас кормить стану?

– Варя, со мной проблем нет, а вот в воскресенье у нас будут гости, мой друг Федор, ты его знаешь, и его невеста, её не знаем ни ты, ни я. Так что блесни кулинарным мастерством! Я пошел мыться.

Он включил сауну, и отметил, что все вычищено и отбелено, несколько свежих халатов висят в шкафу, в баре закрытая бутылка любимого коньяка, несколько банок немецкого пива. После сауны целый час лежал хозяин в булькающей воде, открывая кран то с горячей, то с холодной

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

водой. Когда он, наконец, вышел, ужин стоял на маленьком столике, тут же коньяк и холодная вода.

– Варя, садись со мной, я так соскучился по тебе, – попросил Родион.

– Я уже поужинала, – поскромничала Варя.

– Просто так посиди. Или ты не рада, что я приехал?

– Какие глупости, нечего слушать, – но подвинула стул, села.

– Дома все в порядке?

– Да, – уверенно ответила хозяйка, и Родя этому обрадовался.

– Чем ты занималась? – с интересом спросил он.

– В таком доме разве может не быть работы? Наверху в двух спальнях на моем веку еще никто не ночевал, а я регулярно меняю там белье, оно идет в стирку, теряет вид. Разрешите их не заправлять, а если вдруг случатся гости, это дело пяти минут, зато белье свежее, не лежавшее.

– Делай, как знаешь, – хозяин беззаботно махнул рукой.

– Еще рассказывать? В вашей спальне все сложила аккуратно, пропылесосила и протерла, то же и в кабинете. Не пугайтесь, все осталось на своих местах, я только подниму книжку, пыль протру и на место. Телевизор включала только в своей комнате. Телефон постоянно включен, я беру трубку, вдруг бандиты проверяют, дома ли хозяева. А если кому нужно, включаю диктофон, пусть говорят.

– Много таких было? – поинтересовался хозяин.

– Нет, звонка три.

– Мужчины? – уточнил он.

– И женщины тоже, – с нажимом ответила Варя.

– Включи, пожалуйста, телевизор, сейчас новости.

Вчера приехала бригада телевизионщиков, Бывакин хотел отправить их обратно, но режиссер сказал, что это личное указание губернатора. Родя отозвал его в сторонку и спросил:

– Куда ты будешь бежать, если я сейчас позвоню губернатору и спрошу, его ли это команда?

– Звоните, – смело согласился режиссер.

– Ладно, работайте, только, чур, без меня, это раз. И отснятый материал прокрутим в конторе – это два.

Все просмотрел – вполне прилично.

– Ребята, я не цензор, мне важно, чтобы акценты были верно расставлены, чтобы люди были в кадре, а не портрет президента. Я разберусь, кто его повесил на ферме, а вас прошу: уберите. Только еще на ферме его не хватало!

Репортаж прошел хорошо, но Варя осталась недовольна:

– А вас почему не засняли? Это же несправедливо.

– Все правильно, Варя. Так надо. Варюша, ты за это время ни в кого не влюбилась?

– Родион Петрович, я всего трех мужчин и видела в эти дни: охрану нашу Ваню, Толю да Шуру. К Ване вы приспроситесь, ребята говорят, что он жениться собрался.

– Но это же хорошо: семья, жена, дети, – как-то неосторожно порассуждал Родион.

– Вот все понимаете, а сам холостяк. Уйдут годы, потом хватитесь: ни жены, ни детей.

Родион горько улыбнулся:

– Что-то похожее я уже слышал от пожилого умирающего человека. Варя, ты меня пугаешь своими разговорами про женитьбу. Или ты тоже замуж собралась?

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

– Эх, Родион Петрович, вам все хаханьки. Это все убирать можно?

– Да. Варя, ты придешь ко мне? – спросил между прочим.

Варвара встала и подняла голову:

– Я вот это и имела в виду. Я у вас как скорая помощь, как палочка-выручалочка, всегда при месте. Вы меня, конечно, после такой дерзости выгоните – туда мне и дорога. Могла бы промолчать, но сердце не позволяет. Предупреждала вас, что присохнуть могу, вот и…

Родиона испугала эта откровенность девушки, он попытался свернуть разговор, к которому не был готов.

– Варя, сядь со мной рядом. Да, я пользовался твоей добротой, и думаю, что это было приятно нам обоим. Прости, сегодня я не могу об этом говорить, это серьезный разговор, оставим его на утро.

Варя рухнула перед ним на колени и зарыдала:

– Родион Петрович, только не гоните меня, только не гоните. Я вас так полюбила, так полюбила. Не за богатство ваше, мне бы легче было, будь вы мне ровней, и жили бы на зарплату от получки до получки. Зато у нас такая была бы любовь, что ангелы спускались с небес и любовались. Вот как я вас вижу. Не гоните, буду около вас до тех пор, пока не женитесь, чтобы передать с рук на руки. Можно, я уйду?

Она встала и нетвердой походкой ушла в свою комнату.

Бывакин действительно сильно устал за эту крестьянскую неделю и не хотел сейчас говорить с Варей о столь серьезном, лучше завтра по утру. Выпил бокал коньяка и поднялся в свою спальню на втором этаже. Открыл шкаф, потрогал замаскированные дверцы сейфа, разделся и совершенно голым лег поверх пушистого одеяла.

Утром надел легкий светлый костюм и спустился вниз. Вари не было. Посмотрел на часы – десятый, могла в магазины пойти. Позвонил охране:

– Иван? Доброе утро. Варя в магазин ушла?

– Не видел, Родион Петрович, из дома вообще никто не выходил.

Родион вскочил и кинулся в комнату Вари. Она лежала в ночной рубашке, чуть прикрытая одеялом, и спала. Он присел на краешек кровати, тронул ее нежные волосы, щеку. Оцепенение сковало Родю. Щека была холодна. Он коснулся пальцем вены на шее и встал. Позвонил Ивану:

– Вызови милицию, Варя мертва.

– Как, Родион Петрович? Что случилось? Подойдите сюда, чтобы там не следить.

– Вчера мы с ней долго говорили, она призналась мне в любви, мы ведь с первого дня сошлись. А вчера она во мне все перевернула, призналась, что любит, просила не прогонять, сказала, что до моей женитьбы будет со мной, чтобы жене передать. Я вчера не мог с ней разговаривать, какой-то разбитый был, уставший. Попросил ее отложить разговор до утра. Сейчас хотел просить ее стать моей женой. И вот…

Иван быстро сориентировался:

– Родион Петрович, не мне вас учить, но вы сейчас в таком состоянии... Ментам ни слова за любовь, ни слова! Докопаются, припаяют доведение до самоубийства или того хуже, убийство начнут вязать. Простите, я для пользы дела: вчера вы с ней не спали?

– Нет.

Иван даже обрадовался:

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

– Это вас спасет. А про любовь ментам – это что оленям про танец маленьких лебедей. Легенда такая: увидел, пригласил, работала по дому, уходила на свидания, куда, с кем – не мое дело. Личных контактов никаких, оплата наличными. У нее есть деньги?

Родион пожал плечами:

– Не знаю. Должны быть. В шкафчике я всегда оставляю пачку.

– Я вызываю скорую и милицию. Обнаружил хозяин, когда спустился пить кофе. Так? Остальное – как договорились.

Скорая приехала вперед, две женщины попросили провести их в комнату. Родион открыл дверь. Варя лежала в том же положении. Следом приехала милицейская группа. Варю осмотрели, Родион вышел в вестибюль. Докторша спросила:

– В доме есть ядовитые или отравляющие вещества?

– Нет, – уверенно ответил хозяин.

Милиционер взял с туалетного столика пустую упаковку и подал доктору:

– Все ясно. Она приняла сильное снотворное. Все оставила на виду, чтобы никого не винили, и легла в постель.

Следователь спросил:

– Кто еще вчера был в доме?

– Охранник на проходной, в доме Варя, я приехал из деревни в восемь часов, Варя накормила меня ужином, рассказала, чем занималась в мое отсутствие. Мы расстались в одиннадцатом, она вперед закрыла свою дверь, потом я поднялся в свою спальню.

– Простите, у вас были только деловые отношения? Красивая женщина, вы холостой человек…

– И ничего более. Варя иногда уходила вечерами, я не запрещал, но все было в пределах приличий, она возвращалась довольно быстро, трезвая. К тому же она ежемесячно проходила медицинское обследование, я и был спокоен.

– Возможно, мы вас еще пригласим, – кивнул следователь.

– Вот моя карточка, звоните в любое время.

Тело Вари уложили в мешок и унесли. Стало пусто и страшно. Что он тут наплел? «Уходила, я разрешал». Я – разрешал, а не запрещал! «Трезвая!». Да она ни разу даже рюмки не выпила. «Медицинское обследование, и я совершенно спокоен!». В чём, идиот? Что она тебя ничем не заразит, эта блудница? Господи, Варя, прости меня! Я утром шёл сделать тебе официальное предложение. Это было решено. Но ты не пережила собственного самоунижения. Варя-Варюша, милая девушка, вот еще одна жизнь на моём счету.

Он позвонил на пост. Опять ответил Иван.

– Ты почему не уехал отдыхать? Сдал смену? – спросил строго.

Иван стушевался:

– Родион Петрович, мы все трое здесь. Как мы можем вас оставить при таком горе? Приходите к нам, мы открыли тот коньяк, что вы нам подарили. Помянем Вареньку, чистую душу её.

Он прошел в дежурку, все трое встали, пожали ему руку.

– Выпейте, Родион Петрович, легче станет. На вас лица нет.

Выпили молча.

– Ваня, возьми на себя все, узнай, когда можно забрать Варю, договорись с приличной погребальной кампанией, чтобы все было, как надо. Володя, поедешь в кафе, откуда я забрал

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

Варю, узнай адрес родителей, свяжись с ними, если они скажут, что похоронить на родине – увезем и похороним.

В милиции Бывакин подписал протокол, в котором была изложена его версия. Ему показали медицинское заключение, и вот тут он почувствовал, что Варя своим вчерашним эмоциональным взрывом фактически спасла его от тюрьмы. Пройди все мирно, и вечером, как всегда, она поднялась к нему в спальню, – у следователей сегодня был бы большой праздник. Они еще помнили другого Бывакина, Бывалого – резкого, крутого, много раз битого и ломаного, но всегда выскальзывающего из наручников. А теперь он уважаемый человек, и есть тихая команда по пустякам его не трогать.

Родителям о смерти дочери сообщил следователь, он же сказал, что все заботы по организации похорон взяло на себя предприятие. Следом перезвонил Родя, выразил соболезнование и сказал, что отправлена бригада готовить могилу, гроб тоже отправлен, сам он приедет, как только заберет необходимые документы.

Подъехал к дому, отмеченному горем. По старому русскому обычаю «Пришла беда – открывай ворота!» – простенькие тесовые половинки были распахнуты. Во дворе и у дома много людей. Нехорошая тишина. Как сквозь строй, стегаемый взглядами, прошел Родион к дверям. На пороге встреч ему вышел согбенный старик, отец Вари. Глядя прямо в глаза, спросил, глотая рыдания:

– Может, ты скажешь, кто же довел нашу девочку, что она ядов напилась? Она у тебя работала, хвалилась, что хорошо устроилась, хозяин добрый и заботливый, денег нам слала даже лишку. Может, скажешь, за что ты ей приплачивал? Что молчишь?

Родион едва сдерживался от слез:

– Варя очень аккуратная девушка, она сделала мой дом, как картинку, и я платил хорошую зарплату. Видимо, она всю ее высылала вам, милиция нашла квитанции на переводы. Ей не нужны были деньги, она сама была хозяйкой, расходовала столько, сколько надо для порядка в доме.

Отец поднял руки к небу:

– Но что-то же должно было случиться? Почему она отравилась? Скажи, мил человек, может, ты стал гнать ее?

Родя стонал:

– Да нет же, нет, она была хорошей хозяйкой. Я не знаю, зачем она это сделала!

Подошел Володя:

– Шеф, народ собрался, сейчас будут выносить, вам бы не стоило светиться.

– Я хочу с ней проститься, – уперто сказал он.

– Это на кладбище.

Решил напомнить:

– Дай старикам денег.

– Предлагал – не берут, – ответил Володя.

– Гроб вынесут, зайди на кухню, положи в шкаф, потом найдут.

На кладбище Родион первым подошёл ко гробу, мгновение смотрел на лицо Вари, встал на колени, наклонился и поцеловал в губы. Толпа ахнула. Родион быстро прошёл к своей машине. Ещё мгновение, и три джипа рванули с места, оставив Варю, кладбище и чем-то сильно взволнованный народ.

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

Генеральный каждый день по несколько раз звонил Горлову, потом уже сам сообразил, что не совсем это нормально. В очередном разговоре повинился:

– Владимир Гаврилович, давайте без обид, я ведь не даю никаких распоряжений, и звоню только потому, что беспокоюсь, как вы там? Я доходчиво объясняю?

Горлов ответил сразу:

– И не надо ничего объяснять, ваше беспокойство мне понятно. Но ведь это и вас дергает от основного производства. Давайте такой порядок заведем: я вам докладываю вечером и в обед, как исполняются наши договоренности.

Генеральный согласился и тут же спросил:

– Что с домами? Я думал, что пойдет быстрее.

Исполнительный чуть задержался с ответом, видимо, бумагу какую-то подписывал:

– Два успели сдать, отдали работникам.

Бывакин возмутился, была у них договоренность, что в первый же дом до лучших времен переезжает директор, или председатель, как его привычно звали в деревне:

– Владимир Гаврилович, а сами так и будете без семьи у деда Тихона на печи?

Горлов помолчал, слышно было, как он прикуривает:

– Тут такое дело, Родион Петрович: жена от переезда не в восторге. У нее приличная работа, дети в школе и все прочее. Такие дела, шеф.

Шеф ждал продолжения, но напрасно. Пришлось спрашивать:

– Получается, что я семью разрушаю. Вам на попятную идти вроде некрасиво, а выбора-то нет, Владимир Гаврилович!

– Выбор всегда есть, шеф. Я не хотел опережать события и посвящать вас во все детали. Ну, не от сладкой жизни я рванул в деревню, так скажем. Развода пока не прошу, нет необходимости. Думаю, вам этого достаточно.

Родион помолчал, Горлов тоже не нарушал тишину. Генеральный перевел разговор на другую тему:

– Я присмотрел здесь в домостроительном комбинате компактные домики панельной сборки, причем, полная комплектация, вплоть до водяного отопления. Может, возьмем несколько штук, новую улицу продолжим строить?

Исполнительный что-то прикинул и ответил:

– Покупать – ваша воля, а вот от создания новой улицы я бы отказался. Посмотрите, сколько провалов в селе, там избушку снесли, тут дом разобрали на дачи. Надо точечную застройку вести, начиная от центра.

– Согласен, – ответил шеф и отключил аппарат. Правильно мыслит человек, сразу видно: крестьянин. Хотя новая улица – это престижно.

В главном офисе Самсонов продолжал держать дело в руках. Он за полчаса доложил всю обстановку и свернул папку, это означало, что ему больше нечего сказать.

– Макс Михайлович, наши конкуренты на ДСК делают сборные домики. Вы бы поехали и присмотрели для нашего колхоза несколько штук.

Самсонов пожевал губами, что было признаком явного неудовольствия:

– Я понимаю, вы бы сказали: «Самсонов, поезжай и посмотри, как они это делают, чтобы уже завтра мы на своих мощностях смогли освоить этакое производство». А поехать и купить – отправьте Ангелину из приемной, она это сделает лучше меня.

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

Бывакин чуть не засмеялся, но пришлось говорить серьезно, чтобы не обидеть коллегу:

– Макс Михайлович, вы меня извините, мне и в голову не пришла такая мысль. Конечно, надо поехать и посмотреть. Технологическую документацию они едва ли дадут, но хоть что-то.

Самсонов продолжал жевать губами и нервничать:

– Между прочим, в технологическом отделе ДСК сидит мой ученик, он три года носил за мной портфель. Неужели вы думаете, что этот мальчишка забудет все заповеди и откажет старшему еврею в ничего не значащей просьбе? Уверяю вас, надо только чуть заплатить, и копии всех документов будут у нас к концу недели.

Действительно, Самсонов сделал все, как обещал. Главный технолог попросил время на ознакомление, и Самсонов дал ему двое суток. Технолог возмутился: тут бумаг на неделю, на что исполнительный со свойственным ему спокойствием ответил, что в двух сутках как раз рабочая неделя, шеф просит запустить пробное производство как можно скорее, значит, некогда спать и заниматься посторонними делами. На это будет отпуск.

После трагедии с Варей Фёдор ни разу не напомнил, что тогда сорвалось оговоренное знакомство с невестой, а ставить лучшего друга перед фактом в загсе он не хотел. Родя сам вернулся к этой теме:

– Что у тебя с женитьбой, брат? Знакомство, как видишь, не состоялось, но процесс идет?

Фёдор улыбнулся:

– В том плане, Родя, на который ты прозрачно намекаешь, не идет. Невеста моя девушка с принципами, для нее точкой отчета будет венчание, а не загс даже. Я в ужасном положении: и не сбежишь налево, стыдновато перед невестой, и природа напоминает.

Посмеялись, и знакомство назначили на воскресенье, жених привозит невесту в дом друга, небольшой ужин и свободные разговоры.

К тому времени в доме Родиона хозяйничала женщина, рекомендованная Максом Михайловичем, дама под пятьдесят, полноватая, но проворная, чистюля и аккуратистка – Роза Михайловна. В первый же день она заявила:

– Дорогой Родион Петрович, я врач, бросила все к черту, когда медицина уже сама стала терять сознание, вышла на пенсию по выслуге. До оформления на настоящую у меня есть пять лет, полагаю, за это время сподобитесь найти себе жену. Предупреждаю вас, как врач, что отсутствие семейной жизни плохо сказывается на мужчине, надеюсь, вы понимаете этот птичий язык. О, если бы вы поручили мне решить эту проблему – какие девушки есть в тех домах, которые я имею честь посещать: красавицы, умницы, девственницы. Впрочем, вы, должно быть, не бедствуете.

Родион выслушал монолог с интересом и спросил:

– Роза Михайловна, надо уточнить одну деталь: вы умеете готовить?

Дама взметнула ввысь полные и красивые руки:

– В иной ситуации я бы обиделась, но вы берете меня хозяйкой, следовательно, обязана отчитаться: если есть из чего, могу приготовить все, что угодно. Если ничего нет, жарим яичницу.

– В холодильнике три упаковки свежих яиц, – съязвил хозяин.

– Шутку принимаю, – вежливо согласилась Роза Михайловна. – Если нужен хороший обед, предупреждайте за сутки и, уверяю, у вас не будет даже повода для неловкости перед гостями.

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

С вечера в субботу на кухне стоял небывалый шум, Роза Михайловна одну за другой пела героические арии, работала ножами, гудели какие-то машинки. Состав гостей она уточнила заранее, и на недоуменный вопрос хозяина снисходительно ответила:

– Любезный Родион Петрович, представьте, я бы приготовила обед для мужчин, кстати говоря, нет ничего проще, мужчина – это такая скотина, которая сожрет, все, что ни кидай на стол, извините за натурализм. И вдруг за столом дама. Я же не подам ей кусок жареного поросенка или немецкие сосиски на горячей сковороде? Но я врач-диетолог, потому интересуюсь, будут ли женщины. Для женщин важно пышно, красиво и никаких калорий. Поэтому они после торжественных визитов дома варят магазинные пельмени. Но – форс!

Звонок с проходной:

– Подъехал Фёдор с дамой. Пропускаю. Встречайте.

Родион накинул пиджак и выскочил на крыльцо. Спускаясь к гостям по широкой ковровой дорожке, раскинутой по такому случаю, он едва не свалился с последней ступеньки: прямо перед ним стояла Лада. Довольный произведённым эффектом, Фёдор провел представление:

– Лада, это мой лучший друг Родя, Родион Петрович, если угодно. Родя, это Лада, не буду называть отчество, чтобы вы не ударились в официоз.

Родион легко пожал маленькую ручку Лады, она сняла сетчатую перчатку, и он не мог не заметить отсутствия золотого браслета и нескольких дорогих перстеньков.

– Проходите, друзья мои, обед будет подан через десять минут.

Родион понял, что они с Ладой, не сговариваясь, решили не открывать свое более раннее знакомство, наверное, так будет лучше, а потом он расскажет Фёдору всю их довольно банальную историю.

Роза Михайловна была в ударе. Такому столу мог позавидовать самый шикарный ресторан города. Суп с фрикадельками из телятины, бульон куриный, приправленный зеленью и луком, поросенок, жареный по-крестьянски, мясо кролика в соусе, курица, запеченная с рисом, пирог рыбный с развернутым карпом внутри – все это подавалось с паузой в десять минут, и уже после третьего блюда Федор попросил принести чай. Лада вела себя довольно свободно, говорили о пустяках, она первой отказалась от продолжения обеда, сказав, что столько сразу никогда не ела.

Перешли в гостиную, Лада оценила вкус хозяина и сказала, что семейные фотографии на стенах смотрелись бы интереснее, чем картины. Родион пожал плечами и насторожился, как бы Фёдор не проговорился о родословной друга. Обошлось.

– Родя, нам надо согласовать день свадьбы, чтобы не нарушать твоего графика. Как тебе конец ноября? А ресторан Гриши? Мне кажется, там все при месте. Гостей будет немного, ты знаешь, что с моей стороны только ребята, ну, возможно, с подругами, у Лады тоже немного родственников.

Лада встала:

– Ребята, извините, я попрошу Розу Михайловну проводить меня в ванную комнату, после обеда такое ощущение, что руки до сих пор пахнут курицей. – Лада медленно удалилась, дав возможность мужчинам хоть что-то утрясти.

– Фёдя, она знает что-нибудь о нашем прошлом? – Роде не очень хотелось рисовать перед Ладой полную картину, ведь придется общаться.

Друг ответил как-то неопределенно:

– Почти ничего.

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

Родя усмехнулся:

– Темнишь? Ладно. А как познакомились?

Друг улыбнулся воспоминаниям:

– Я подарил рояль дому детского творчества, она была на церемонии, нас познакомили.

Родя поймался за фразу:

– Как она представилась?

– Преподаватель истории, – ответил Фёдор.

Родя встал, обошел стол, пнул стул:

– И ничего больше?

– Ничего. А что еще? – Фёдор был удивлен.

Друг ударил наотмашь:

– А титул, титул свой она тебе назвала: княжна и сопредседатель императорского собрания?

Фёдор смотрел на Родю с изумлением.

– Ты дома у нее был? – успокоился хозяин.

– Был. Да брось ты всё, нормальная семья, правда, интеллигенция, но мне с ними детей не крестить. Подожди, а ты почему интересуешься?

– Да так, не бери в голову.

Лада вернулась улыбчивая и смешливая:

– У вас замечательная хозяйка, Родя, чуть не на руках унесла меня в гостиную. Ну, о чем договорились?

Фёдор взял ее за руку:

– Обо всем, любимая. И о свадьбе, и о гостях.

– Славно. Родя, а Фёдя не сказал, что он пообещал открыть частную школу? Нет, не элитную, мы будем принимать детей из семей со скромным достатком, будем кормить ребят три раза в день, они только ночевать будут домой уходить. Сразу набираем только первый класс и далее растем. Посмотрим, но неполное среднее надо давать детям. Здание мы уже присмотрели, сейчас я занимаюсь оформлением документов – это такая рутина, Родион Петрович, страшно сказать. Всех бесит, что речь о частной школе, все ждут, когда им подадут конверт, некоторые чиновники от образования даже не стесняются: коли вы собрались открывать платную школу, значит, деньги у вас есть. Как объяснить, что школа абсолютно бесплатна! Но учителей мы приглашаем самых квалифицированных, Фёдор согласился на повышенную оплату, мы, кажется, все просчитали, конечно, это приличные деньги, но они вложены в благородное дело.

Родион просто восхищался Ладой, какие в ней перемены, как совершенно по-иному смотрит она на жизнь!

– Конечно, дело стоящее, Фёдя, но ты вот что учти: детки эти из семей, как Лада выразилась, «со скромным достатком», не самого лучшего воспитания. Это будет одна из главных проблем. Накормить и дать урок проще, а вот с душой его как быть?

Лада согласилась:

– Родя, мы, конечно, эту проблему видим. А решать будем вместе, и вас пригласим.

– Ну, я вам не Макаренко, едва ли чем смогу. Но задумка правильная, Фёдя, я тебя поддержу.

Проводив гостей, Родион заметил на столе визитку Лады с мобильным телефоном. Через полчаса позвонил Фёдору, спросил, как доехали. Друг ответил, что все великолепно, Лада очень

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

довольна приемом и хозяином, он только что отвез ее домой. Родион тут же набрал номер Лады.

– Лада, спасибо вам за выдержку, я едва не выдал, что мы знакомы. Фёдор ведь пока ничего не знает?

– Конечно, нет. Родя, вы должны придумать, как ему это объяснить.

– А, собственно, что объяснять? Мы уже представлены, перед свадьбой предупредите родителей и Ганю, чтобы не выказали изумления при моем появлении, и все пойдет своим чередом.

Лада явно была недовольна таким вариантом.

– Родя, но наши отношения… Ваш поцелуй, мое столь низкое падение в ваших глазах…

– Вы хотите, чтобы я рассказал об этом другу? Перестаньте, вы на правильном пути, вы начинаете новую жизнь, а я остаюсь в прошлом, как его маленькая часть. Лада, я очень за тебя рад, Фёдя надежный парень, ты будешь счастливой женой и матерью. Он соскучился по семейной жизни.

– Родик, тогда последнее откровение: Федя мне немного рассказал о своем прошлом, значит, вы не из того города, про который говорили?

– Совершенно верно, Лада, у тебя все хорошо с логическим мышлением. Мы с Федей, Ваней и Гришей из одного места, и называется оно сиротское детство. Но мы все друзья, и ты теперь с нами. Лада, вот это между нами, не для Феди, ему я сам скажу, когда будет момент: если бы я знал, что ты способна к таким переменам, я бы тебя ни за что не упустил. Целую тебя в щечку и страшно завидую другу. До свиданья.

Свадьбу Федора и Лады отпраздновали с размахом, шумная регистрация, помпезное венчание, шикарное застолье в Гришином ресторане. Родион не мог налюбоваться невестой, чуток сожалел, что не он на Фёдоровом месте, но ничего не попишешь. Во время танца, который он получил с шутливого разрешения жениха, Лада сказала ему, что благодарна за тот невинный поцелуй, который разбудил в ней женщину. Сказала, что была абсолютно искренна, когда признавалась в своих чувствах и говорила о готовности к любому позору. Она засмеялась: как хорошо, что Родя оказался благородным человеком и не воспользовался девичьей слабостью. Еще она шепнула ему на ухо:

– Родя, сегодня, в самый торжественный момент брачной ночи, я вспомню тебя, мой гордый и благородный рыцарь.

Уже потом, в разговоре за столом, Лада рассказала, как у нее открылись глаза на тот мир, которым она жила, и глубокое разочарование потрясло ее. Именно в этот момент ее познакомили с Фёдором, она высказала ему несколько идей, но он остановился на школе. Лада с радостью согласилась, и вот к следующему учебному году школа примет первых своих воспитанников.

Приехав домой, Бывакин долго не мог успокоиться, странно, но свадьба усилила его тоску по Варе, он опять мучил себя упрёками, что совершил такую ошибку. Как все исправить? Как всё изменить? Он устал от одиночества. Один в целом свете. Налил бокал коньяка, сделал пару глотков. Что-то не то он думает. Один. Да, он один, но и сын его в деревне тоже один. И Настёна, его девочка, мать его дитя – тоже одна. Он привык не очень доверять собственным эмоциям, потому сел в кресло, отпил коньяка. И понял: сейчас или никогда. Или он сейчас едет

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

и забирает Настю с сыном, или никогда больше о них не вспомнит, запретит и не вспомнит, он умеет это делать. Позвонил дежурному:

– Слушаю, шеф.

Родя приказал резко:

– Найди Володю и срочно ко мне.

Федя в темпе спросил:

– Оружие?

Короткий ответ:

– Не надо. Быстро!

Через пятнадцать минут дежурный доложил, что Володя подъехал к парадному. Родион вышел, сел справа:

– Дорогу в Настину деревню знаешь?

– Ездил же по вашей просьбе, знаю.

– Жми! – приказал Родион.

Через полтора часа джип остановился у небольшого домика, в одном окне горел свет, понятно, тут обитают Настёна с сыном. Родион вошел во двор, пес пару раз тявкнул для порядка, но в доме и без того проснулись: машина невольно при развороте осветила окна. Над крыльцом вспыхнула лампочка:

– Кто там крещеный? Не ошибся адресом? – это отец Насти.

– Нет, не ошибся. Позовите Настю.

– Не можно. Она ребенка усыпляет, – и закрыл дверь.

– Хорошо, я подожду.

Ждать пришлось минут пять, Настя спросила взволнованным голосом:

– Кто там?

– Настя, это я, Родя.

Она выдернула засов, он шагнул в проём, хотел обнять её, но Настя отступила и, пятясь, вошла в дом. Родион остановился у порога.

– Здравствуйте! – сказал он.

– Будь здрав, молодой человек. Настя, если к тебе, то проходите в горницу, беседуйте. Парень-то спит?

– Спит. Проходи.

В горнице сели за круглый стол.

– Настя, я приехал за тобой и за сыном. Я тебя умоляю быть моей женой. Если ты согласна, я пойду к родителям просить их благословения. Настенька!

– Ты хоть сына-то посмотри, – примирительно сказала она и потянула Родю в комнатку. Малыш спал в самодельной кроватке, закинув ручки за голову. Роде наклонился над сыном, показалось, что он похож на него. Поднялся, Настёна стояла рядом в цветном халатике на голое тело. Он нежно ее обнял, она впилась в его губы, как когда-то, и долго терзала. Откинула головку, осмотрела губы:

– Это тебе за все прогулы.

– К родителям выйдем? – осторожно спросил он.

– Надо. Еще как батя… – Настя с упреком посмотрела ему в глаза.

Вышли. Отец и мать стояли в кутнем углу, отдернули занавеску. Родион встал на колени, рядом опустилась Настя.

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

– Мы просим благословить нас, – едва выговорил Родион и заплакал. – Моя вина, что все получилось так нелепо. Помогите мне ее исправить. Я люблю Настёну, люблю нашего сына, у меня никого больше нет на этом свете. Благословите.

Отец поддернул кальсоны, толкнул локтем жену:

– Выскочи в передний угол, возьми Богородицу, да оботри хоть занавеской.

Поцеловав икону и поцеловавшись, жених и невеста встали. Отец шумнул:

– Мать, мой руки, да на стол сгоноши, по такому случаю…

– Не беспокойтесь, мама, одну минуту… – Взял телефон: – Володя, на заднем сиденье два пакета, забирай, и в дом.

Стол накрыли быстро, в центе поставили тарелку с крупно нарезанным домашним калачом, выпили по рюмке коньяка, запоздало стали знакомиться: Василий Федорович и Мария Дмитриевна. Минут через пять Родион посмотрел на Настю:

– Собирай сына, мать, поедем домой.

Родителям обещали скоро приехать, оставили мобильный телефон, и Настя пометила, на какую кнопку нажимать, если будет звонок. Дома прошли наверх, в спальню вкатили кресло и уложили малыша. Настена пошла в душ, Родион любовался сыном.

– А он точно похож на меня, – сказал он вошедшей Насте.

– Не шевели, он до утра проспит. Утром налюбуешься. А сейчас я хочу тебя обнимать и целовать, потому как имею право.

Утром первым проснулся малыш. Он встал в кресле, огляделся, увидел маму и позвал:

– Мама, а где мои вешчи?

Настенька вскочила, схватила его на руки:

– Твои вещи… Это он горшок так зовет. Миленький, здесь у нас нет горшка, пойдем в туалет.

Родион ждал появления сына с опасением: а как он отнесется к незнакомому дяде? Знает ли, что у него есть отец? Да, ведь до сих пор никто не назвал его по имени? Как зовут сына? Двери открылись, трехлетний мальчик внимательно посмотрел на Родиона.

– Петя, это твой папа. Я тебе говорила, что он уехал далеко, но все равно за нами вернется. Пойдешь к папе?

– Пойду, – мальчик потопал к кровати, встал перед Родионом.

– Меня зовут Петя. А тебя?

– Родион. Но ты можешь называть меня папой.

– Хорошо, папа, – но мальчик был осторожен в эмоциях.

Родион с благодарностью посмотрел на Настю, та поняла без слов: ему приятно, что сын носит имя прадеда, это уж точно. Сказал, что внизу живет пожилая женщина, домохозяйка, надо ее предупредить и что-то приготовить ребенку. Он спустился, прошел на кухню, веселая Роза Михайловна готовила завтрак.

– Ваш любимый бифштекс с кровью.

– Прекрасно. Но надо бы сварить кашку на молоке, у нас появился трехлетний ребенок.

Роза Михайловна сняла очки:

– Час от часу… Откуда ребенок? Я слышала, что вы уходили и приходили. А, у нас гости!

– Да нет, дорогая, это мой сын и моя жена. Привыкайте к мысли, но прошу: ни слова о Варе, хотя и вы знаете немного. Договорились? Итак, мы спускаемся.

Женщины обнялись, Роза Михайловна подняла Петьку на руки:

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

– Какой здоровяк! Простите, Настенька, но конституцией и личиком будет вылитый папа.

– Я рада, что вы это заметили, – улыбнулась мать.

Родион возмутился:

– Настя, я еще вчера об этом сказал, однако ты меня не похвалила.

Настя засмеялась:

– Родя, тогда нам не до этого было, правда?

Позавтракали все вместе, Родион повел жену и сына знакомиться с домом. Обошли комнаты в подвале Петька заинтересовался тренажерами, потом бильярдом, на первом этаже стали выбирать комнаты. Настя хотела для себя рядом с кабинетом Роди.

– Ты не будешь против, милый?

– Буду, – он не мог сказать, что это была комната Варюши, но причину нашел: – Настя, я часто работаю вечерами, говорю по телефону, ругаюсь. Это я буду тебе мешать. Давай выберем через одну, а рядом комната сына.

Настенька загрустила:

– У тебя есть от меня секреты? Родик, скажи всё сразу, чтобы мне не из третьих уст узнавать. Мы расстались, ты жил в однушке, ничего не имел, потом говорил о больших перспективах, а кто ты сегодня? Я могу это знать?

Родион кивнул:

– Ты все узнаешь. По малолетке мне дали срок, ни за что, как говорят на зоне. Потом перевели в настоящую тюрьму. Вот тут я познакомился с вором в законе, его звали Доктор. Когда я делал ремонт в однушке, я зарывал в бетон перекрытий сотни тысяч долларов. Он передал мне их на сохранение, но – так сложилось, Доктор вернулся из тюрьмы больным и вскоре умер. Деньги завещал мне. Я активно участвовал в приватизации, где законно, где не особенно, но с результатом. Сегодня владею мощной строительной компанией и еще двумя производствами, по металлу и пластмассам. Сейчас создаем колхоз на моей родине, я вас туда непременно свожу. Если тебе интересно, то губернатор назначил меня своим советником по предпринимательству. Я честный капиталист, я плачу налоги.

– Родя, ты убивал? – со страхом спросила Настя.

– Настя, хотя это сейчас не имеет никакого значения, мои руки чисты, на них нет крови. И закроем эту тему.

Настя обняла его и гладила по седеющей голове:

– Тебе много пришлось пережить. Ты привык к одиночеству, к абсолютной самостоятельности, а тут мы. Мы не станем лишними?

– Не думай об этом. Тебе надо учиться, время идет, сейчас есть все возможности.

Настя засмеялась:

– А я учусь, представь себе, на третьем курсе пединститута. Родители заставили, когда родила, поехала, сдала экзамены. Я ведь дурой у тебя никогда не была.

– Да уж! – согласился Родион. – Настя, у меня два года работала молодая девушка из деревни, взял ее из кафе. Все было нормально, но несколько времени тому назад она отравилась. У нее был приятель, свидания в доме я не разрешал, но они общались. Милиция занималась этим делом, криминала не нашла, мои ребята похоронили ее на родине. Тебе и об этом расскажут. Вчера мы женили моего лучшего друга, одного из лучших. Именно после их свадьбы у меня созрело решение поехать и забрать вас. Теперь о нашей свадьбе. Я хочу, чтобы

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

она была настоящей, с фатой, с регистрацией, с венчаньем. А потом мы на недельку махнем к теплому морю. Ты согласна?

Настена смотрела на него испуганными глазами:

– Родя, я чего-то боюсь. У тебя такая темная жизнь, вдруг это вернется?

– Что, Настя? Что может вернуться? Все производства работают, все по-честному, рабочий класс доволен, это я сам вижу. Власть признает, помогает. Ты о чем?

Настя кивнула:

– Ладно, Родик, забудь. Что-то мне вдруг стало не по себе. Роза Михайловна уйдет?

– Зачем? На ней весь дом, ты можешь заниматься своими делами, появятся подруги, к сессии надо готовиться, Петьку в садик оформлять. Пойдешь учиться на водителя, купим тебе маленькую машинку, чтобы с сыном в садик и в школу ездить. Так, я не услышал по свадьбе. Ты против?

– Родя, я против фаты, этого нельзя делать. У меня сыну третий год. И я в фате. Нельзя.

– Настя, это твое толкование. Сегодня все свадьбы так проводятся, ты думаешь, все невесты девушки?

Настя покраснела:

– Мне на них плевать, а я прикидываться не умею. Это же наша свадьба, мы станем законными мужем и женой, кому какое дело, в фате я или в фартуке? Лишь бы ты меня любил.

Родион засмеялся и согласился.

Сырая, дождливая осень не мешала Горлову вести все работы. Беларусь с вилами укладывал тюки соломы и сена, привезенные из соседних хозяйств. Тракторы допахивали зябь. Строители заканчивали заливку фундаментов под модульные домик. Он несколько раз за день заходил в помещение, где стояли нетели, хозяйским взглядом проверял кормушки, нажимал на клапана автопоилок, пробовал на вкус воду. Женщины умолкали и отходили в сторонку, слишком суровым казался председатель, только Катерина словно ждала его появления, сразу возникали вопросы:

– Владимир Гаврилович, точно, что к весне приплод получим? – на полном серьёзе спрашивала она.

– Получим. Все стельные, врач смотрел, вы же знаете, – отвечал немногословный Горлов.

Катерина не сдавалась:

– Владимир Гаврилович, вон с того края одна такая тоскливая, не ест и не пьет.

– Что же вы молчите? Может, она заболела? Покажите.

Они вместе шли в дальний угол базы, и когда Горлов не находил никаких признаков болезни, Катерина вздыхала:

– Владимир Гаврилович, а может, она по любимому бычку сохнет? Бывает такое у скотины? Думаю, если она к родам приспособлена, значит, и чувства должны быть. Как вы на это смотрите?

Горлов посмотрел на Катерину:

– Замуж вам надо выходить, Катерина Ивановна, а вы мне сказки рассказываете.

Катерина даже обрадовалась такому предложению:

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

– А я о чем? Какой вы догадливый, Владимир Гаврилович! До вашего появления жила я себе спокойно, мужиков свободных нет, рассчитывать не на что, и тут вы появились. Да я как узнала, что вы наполовину холостой – ночами спать не могу. Бросьте вы этих стариков, переходите ко мне. Баба я нормальная, дурного только лютые враги могут наблавостить. Правда, переходите, как вас увижу – сердце выпрыгиват. А надумаете жену привезти – я уступлю, попользовалась, сколь можно, и на том спасибо.

Горлов стушевался, но взял себя в руки, видя, что женщина не шутит, вон даже голосок приглушила.

– Я на развод подал, Катерина Ивановна, жду суда. А вас тоже приметил, только я на десяток вас постарше, не смущает? – спросил он.

Катерина быстро ответила:

– У нас в деревне говорят, что она, любовь-то, ровесников не ищет. Сегодня ночевать ко мне, а вещи ваши завтра попрошу Сёмку перевезти.

Вечером после доклада Горлов спросил генерального:

– Родион Петрович, можно личный вопрос?

– Валяйте.

– Я перехожу жить к Екатерине Ивановне. Как вы, не против? – Горлов напрягся.

Генеральный к вопросу отнесся серьезно:

– Владимир Гаврилович, это ваше право. Если все пойдет нормально, то и свадебку можно сыграть. Желаю счастья. Катерине поклон, мы с ней в детстве по заборам лазали.

Под самый снег закончили пахать поля. Зябь получилась – не по сердцу председателю, позвал мужиков, поехали на последнее поле.

– Что скажете? – он широким жестом обвел исковерканную землю.

– Да, ломти солидные, – Семён Бородин прошелся по полосе. – Весной, если дождей не будет, ничем не разбить, и так сеять нельзя.

– В посевном комплексе тоже предусмотрено, вроде культиватор и диски, – вспомнил Веня Брезгин.

– А если он не пойдет по нашей пашне? – обозлился Семен.

Ходят, пинают комки земли, курят и приматериваются. Веня остановился перед Горловым:

– Как хошь, Гаврилович, а весной неплохо бы дисками пройти поперек пахоты. А коли дисков нет, придется хоть выборочно, но комплексом покататься. Дороговато, едри ее мать, но земля дороже.

Посевной комплекс и кировец со сцепом сеялок работали на соседних полях, по обе стороны от дороги. Генеральный подъехал, прошел к трем березкам, веселеньким, зазеленевшим, присел на бугорке. Как-то раньше жил беззаботно, удалась сделка – хорошо, пролетел – не велика беда, не вышло сегодня – получится завтра. А со временем все изменилось. Наверное, изменился он сам, его натура. Сейчас он пытался вспомнить себя во время откровенно бандитских налетов и не совсем честного дележа. Сам ужаснулся: оказывается, был жестоким, одномоментно лишал человека собственности, и ни стоны, ни просьбы ни тем более угрозы уже не имели для него никакого значения.

Он прилег на сухую землю, чуть подернутую щетинкой зелени. Какие-то паучки суетились, волокли былинки, пушинки, порой мошек и комаров. Все живое борется за жизнь, как умеет. Вот этот комар хотел жить, но попал в паутину и стал пищей. Люди ничего нового не придумали, только у них сети покрепче и аппетиты покруче. Паук перекусит и отдохнет,

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

человек будет ловить до тех пор, пока хватит сил или другой, более сильный, не отберет у него сеть.

Ему ни перед кем не надо держать отчет. Тогда почему все чаще приходят эти мысли о жизни? Вспоминаются ребята, которых потерял, Доктор, который покоится на сельском кладбище, и Родион всех удивил, поставив ему, как и положено, памятник из уральского камня с портретом красивого мужчины, каким Доктор в жизни никогда не был. Время от времени вспоминал про тех, кого пришлось потеснить: такова жизнь, если не он, то его. Как-то он подумал, а оправдание ли это, но зажал ненужную мысль, и больше она не появлялась.

Хорошо думалось здесь, дома, где знакомы все дорожки в лес и на луга; почти в каждом месте знал когда-то глубину омутов и проток; на той ляге, сняв штаны и подняв рубаху, ходил от кочки к кочке, собирая в подол рубахи утиные яйца, приносил домой, и мама добавляла их в жареную картошку или подбивала суп. В лесу собирали ягоды, голубянку, мать раскладывала их на капустные листы и гнала Родьку на крышу, положить их на солнечную сторону. Грузди приносил и замачивал в кадушке, мать успевала ночью перемыть и залить свежей водой. Потом мать доставала небольшой бочонок, ошпаривала его кипятком, солила грузди, придавив большим камнем, который неизвестно как появился в наших местах. Улыбнулся, вспомнив, как вся деревня перестала ходить в лес, прошел слух, что из городской тюрьмы сбежали зеки, и все боялись беглых.

Вспомнился утренний разговор с Горловым, который обстоятельно доложил, что почти все нетели растелились, и колхоз уже начал сдавать молоко. По закупочным ценам он просил генерального поговорить с директором молокозавода, Родион пообещал. Переработчики держат цены, договариваются, не уступают. Молоко – не мешок пшеницы: сегодня не сбыл – завтра купят. На разговоры не поехал, позвонил, представился, спросил про условия. Молоканщик стал говорить о жирности, о кислотности, о чистоте, Бывакин перебил:

– Это все по ходу будет решаться, ты моих доярочек не обижай. К осени я еще сотню голов привезу, а через три года залью тебя молоком. Так что думай, с кем дело имеешь. Вы все еще по старой привычке: хапнуть, пока есть возможность. Надо о завтрашнем дне думать. И не драть с мужиков шкуру, ее и так поделить не могут любимое правительство с бандитскими госкомпаниями. Ну, будь здоров, приезжай в гости, только заранее предупреди, я половину недели в городе.

Повернулся на солнышке, глаза слепит, всякие радужные картинки рисует. В детстве он любил смотреть на солнце через закрытые веки. Чуть приотпустишь – заиграли звездочки, закрутились, как в трубе, которую Лидке отец с производства привез. Прислонишь ее к глазу и вращаешь медленно, а там драгоценные каменья во всякие узоры выстраиваются. Родя ходил к Лидке трубу крутить, пока не увидел у нее под кофточкой два бугорочка, трубу положил и бугорочки руками погладил. Лидка ничего, а батя увидал, ремнем ожег и крикнул: «Чтобы ноги твоей в моей избе не было, курощуп хренов!».

Вот опять мелькнула мысль: зачем живет человек на свете? В муках рождается, потом всю жизнь мучается, не все, понятно, но народишко-то белого света не видит. Мать в колхозе с темна до темна, Лидкин отец приехал из города, на заводе работал, с полгода покашлял и сгинул. Ребята, герои приватизации по-русски: кто успел, а кто не успел – извини. Сегодня в шоколаде: тачка, девочки, ночные клубы, а завтра на руках вперед ногами несет братва до самого кладбища, в знак уважения, и требуется, что все, кто повязан, при сём присутствовали. Он вдруг подумал: как правильно я устроил все с Настёной! Теперь семья, на прошлой неделе

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

съездили в загс, сына переписал на свою фамилию и отчество свое дал. Потом в церковь, венчание, это уже она настояла.

Родя в церковь заходил, у старых икон стоял, говорил с Богом, как со старшим, ну, к примеру, смотрящим, все ему докладывал, где превысил, что человеку позволено, велел чужую жизнь взять, но и убеждал, что человек тот ничего путного в жизни сделать не мог, потому что подлец. И говорил Богу, что ты сам убедишься, когда он к тебе придет на разборки. Все говорил, только просить ни о чем не смел. Никогда никого не просил. Бывало, голодал, когда мать лежала в горячке и на работу не ходила. Матери картошки сварит, сухари у него в мешочке сохранялись на полатях, положит их в блюдо и теплым молоком зальет. Мать, бывало, спросит: «Родя, а ты сам-то поел?». «Поел, мама» – и на улицу, в школу. Пальтишко его в раздевалке в кучке лежало, вечно вешалку отрывали, схватил, надернул – а что в кармане? Хлеб в бумажке, свежий, живым пахнет. Быстро проглотил, даже не заметил. А потом бумажку разглядел, точно, Лидкины каракули. На другой день остановил ее перед школой: «Ты зачем мне хлеб в карман подложила?». «Чтобы поел, знаю, что голодный». «А тебе-то что до того?». «Ничё. Я к тебе домой буду приходить. Будем целоваться учиться. Мы с девчонками пробовали, только с тобой интересней. Ты и груди мои погладишь». Все лето потом встречались каждый вечер, на пруд уходили, раздевались догола и купались в теплой, как щелок, воде. Трогали друг дружку до дрожи, и Родя удивлялся, что у девчонок совсем все по-другому. Может, это и была его первая любовь? Родю осенью увезли в колонию. А после Троицы мать написала, что Лида утонула в пруду. Сейчас Родиону вдруг показалось, что Лида не утонула, она хорошо плавала. Не утонула, а утопилась, тосковала по нему и утопилась в том месте, где они голенькими купались. Стряхнул грустные воспоминания, отметил себе, что надо найти могилку Лиды и памятник ей поставить.

В деревне ему легко, люди приняли как спасителя, порой даже неловко, приходится одергивать. Пришлось подкупить технику, и тоже заграничный кормозаготовительный комплекс. Родиона разрывало от негодования, даже кормораздатчик сами не смогли сделать, купили за границей, но на бортах написали по-русски «Иван». Как в насмешку, как издевательство. Ферма запущена, договорился с омичами, согласились смонтировать еще одну и соединить два помещения теплым переходом. Долго ребята не соглашались на рассрочку расчетов, потом приехали с договором. Родион открыл штемпельную подушку, провел по ней указательным пальцем и придавил к бумаге. На недоуменный взгляд молодого менеджера сказал, что это его палец, если он нарушит договор, ребята могут взять с колхоза все, что захотят. Потом, улыбнувшись, отправил к бухгалтеру, печать у него.

Багитжан ранней весной пригнал два кировца, поработали они хорошо, пашню выровняли. А потом камазами завозил семенной материал, лучшие сорта, первая репродукция. Сразу сказал, что расчет по урожаю, сейчас и так траты предстоят большие.

А траты такие, что у генерального голова шла кругом. В марте, наконец, запустили производство панельных домиков, завезли восемь комплектов, собрали. Всё приезжим, с помощью Коломынцева заманил толкового агронома, зоотехника с опытом работы, женщину-ветеринара аж из Новгорода. Спросил, что заставило податься в Сибирь, коротко ответила, что семейные обстоятельства. А у самой синяк под глазом ещё не прошел. Двое детей, мальчик и девочка, школьники. Специалисты сразу пошли с предложениями и даже требованиями: надо то, надо это. Приходили вместе с Горловым, тот прямо говорил: вот эту заявку надо подписывать, а с этой можно повременить, пока обходимся более простыми решениями.

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

Пришла Зина Бородина, Родион посадил за стол, налил свежего чаю. Зина похорошела, посвежела, видно, новая работа заведующей складом бодрила.

– Родион Петрович, людей на производстве не хватает, брать кого попало – себе вредить. А сколько путних женщин дома сидят, потому что ребятишек пристроить некуда? И рады бы копейку заработать, да не выскочишь.

Родион возмутился:

– Ты что, предлагаешь мне детский сад открыть?

– А почему бы и нет? – парировала Зина. – Вот тебе список женщин, хоть сегодня на работу. А сенокос начнется? Ты думаешь, «итальянец» тебе сена накосит? Для скота накосит, а телятишки, Родя? Ты вспомни, как мы тележками возили лесное разнотравье для будущего теленка. Забыл? Все кусты обкашивали, все полянки. А сено-то было – куда твоему чаю, хоть и спасибо за угощенье. Разве в деревне могут быть люди лишними? Да никогда! Всем найдется работа.

С Горловым про садик заговорил, он повинился:

– Я Зинаиду отправил, женщина она толковая. Если не возражаете, один домик можно отдать под детсад. Но это опять затраты, Родион Петрович, только они окупаются довольно быстро.

В садике набралось полтора десятка малышей. Столько же работниц вышли на склад, на ферму. Родион разыскал Зину, отвел в сторонку:

– Ты на кладбище могилку Лиды-утопленницы найдешь?

– Знаю. Мы же всем классом ходили ее провожать. Родя, неужто вспоминается? Правду говорят, святое чувство про первую-то любовь. Я хоть и девкой вышла за Сёмку своего, а целовалась все летичко с парнишкой, из города приезжал в гости к отцовым родителям, помнишь, Кухоровы были. До обморока доходило, а он городской, потолковей, едва не соблазнил, паразит. А Сёмка-то знал, когда свадьбу сыграли, он мне утром и говорит: «Прости, Зинка, так и думал: проверю, если не девка – утром с позором прогоню». Сейчас иногда шутейно говорит: «Надо было придраться и выгнать». «Дурак ты, Сёма, говорю ему, кто же с тобой жить-то стал, кроме меня? Ты же шалопай, тобой рулить надо». В общем, Родион Петрович, подъезжай в обед, я покажу Лидочкину могилку.

– Как она утонула? – спросил Родион.

– Ты знаешь, как-то тихо. Пруд теплый был, мы же Троицу на кладбище отмечаем, и оттуда все пошли купаться, до Троицы-то нельзя. Она нырнула и поплыла первой, все за ней. А потом хватились – нет Лиды. Ныряли, потом мужики с неводом прибежали, вытащили, но об чем уж говорить… – Зина промокнула глаза уголком платка.

– Она плавала хорошо, мы же с ней последнее лето все ночи на пруду проводили.

Зина кивнула:

– Знаю, Родя, мы подглядывали за вами, какие вы красивые были! Да еще над прудом туман, вы как не от земли будто, встанете и идете в воду, пока с головой не скроет. Что тосковала она по тебе, это правда. Она и так не шибко общительная была, а тут вовсе замкнулась, учиться стала плохо, вот и случилось. Только ты не казнись, на тебе греха нет.

– Жалко мне ее. Как детство свое – жалко.

На памятник любовались всей деревней. Из камня выходит девочка, ну, точно Лида, а выходит, как из воды, и струйки стекают по голому телу…

За каждодневными делами и проблемами Родион совсем забыл о Гузель и Алахитдине, давно не был в их чайхане и не ел приготовленный этой славной девушкой плов, не пил чай,

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

заваренный только так, как умеет она. Родя любил Гузель, но это была не плотская любовь, это была скорее всего страсть к произведению искусства, которое он видел и не мог понять до конца. Все в ней было само совершенство: круглое скуластое личико, чуть суженные черные глаза, большие пушистые ресницы и десятки косичек, которые она укладывала в узел, когда ехала в институт. Ее фигура была всегда сокрыта широкими одеждами, но опытный глаз мужчины не мог ошибиться: фигура девочки была идеальной. Она двигалась легко и плавно, словно не шагала, а катилась по полу. Ни одна тарелка на ее подносе не шелохнется, и взгляд ее не мечется по чайхане, а устремлен вперед, и можно усомнится, видит ли она, что у нее под ногами. Он любил смотреть на нее, но потом понял, что девочка теряет голову, а это совсем ни к чему. Отказаться от встреч он не мог, надо было проведовать здоровье старика и знать, как дела в институте у девочки, но он уже избегал откровенных взглядов, старался больше говорить с отцом, на время отказался от массажа.

Он знал, что в воскресенье Гузель дома, и только она может взять трубку мобильного телефона. Она ответила очень вежливо, сдержанно поздоровалась с Родионом и сказала, что свежее мясо только что привезли, если Родион Петрович и в этот раз откажется от массажа, она прямо сейчас начнет готовить баранью ножку. Родион спросил здоровье отца, Гузель ответила, что – Слава Аллаху! – ата чувствует себя хорошо. Тогда он попросил девушку приготовить все для массажа и подумать, что она расскажет про учебу.

Алахитдин встретил его у дверей чайханы, долго жал руки и кланялся, потом проводил к дочери. Гузель уже была в белом халате и шапочке, все это украшало ее и придавало серьезность. Гость снял пиджак, расстегнул ворот рубашки.

– Гузель, сядь вот тут. Расскажи, как дела в институте?

Он сознательно без предупреждения перешел на простое обращение, и девушка это заметила, но ответила четко, как должна отвечать женщина на вопрос мужчины:

– В институте все нормально, мое старание замечают преподаватели, ко мне хорошо относятся студенты…, почти все.

– Гузель, я хочу обрадовать тебя и отца, пришли документы на получение российского гражданства, на следующей неделе вы получите российские паспорта.

Гузель так обрадовалась, что хотела обнять Родю, но его холодный взгляд ее остановил. Родион усадил девушку рядом:

– Гузель, милая девушка, ты такая красивая, что ни один мужчина не устоит перед тобой. Но ты юная девушка, а я старый потертый мужик, к тому же я женат, у меня сын. Случись наша встреча раньше (он хотел сказать: «Когда ты являлась мне во снах», но удержался), я бы считал великим счастьем любить тебя и быть твоим мужем. А сейчас давай останемся просто друзьями. Ты окончишь институт, твой Остон отслужит в армии, вы поженитесь, и ты будешь счастлива.

Слезы чистого жемчуга катились из глаз Гузель:

– Я все понимаю, но ты в моем сердце. С этим ничего нельзя сделать.

Родион встал:

– Гузель, мы будем друзьями. Будем встречаться. Ты должны привыкнуть к мысли, что я чужой, а твой жених Остон. Ты согласна, милая девушка?

Гузель улыбнулась сквозь слезы:

– Я согласна. Раздевайтесь, я буду смотреть вашу спину.

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

Родион чувствовал, что всю досаду, всю свою боль и горечь вкладывает девушка в сильные пассы, разгоняя кровь и шевеля огрубевшие сосуды спины и шеи. Но он терпел, потому что понимал ее, он и сам бы порвал сейчас человека, который столько наговорил несчастной девушке о безнадежности ее влюбленности. Потом очень долго уже нежные, не жесткие руки Гузель разглаживали, успокаивали его мышцы и нервы. Он помнил только, что она ласково провела пальчиками по шее и уснул.

Разбудил его Алахитдин:

– Вставай, дорогой Родион Петрович, еще десять минут, и остывшее мясо едва ли станут кушать собаки с нашего двора. А сейчас баранья ножка исходит жиром и просится в рот.

Родион немного выпил и очень плотно поел. Старик сел к столу и смотрел ему в лицо:

– Дорогой мой, ты говорил с Гузель? Она сильно горюет. Ты ей все сказал, как должен сделать мужчина?

Родион ответил:

– Да, ата, мы говорили, и она меня поняла. Остон хороший парень, ты отдашь за него Гузель?

Старик грустно улыбнулся:

– Остон хороший, но он бедный, богатые в армии не служат. Если он сюда приедет, что делать, где работать? Я отдам ему Гузель, но что изменится, если сойдутся два бедных человека?

Родион обнял старика:

– Не переживай, ата, пусть Остон приезжает, я найду ему работу, если надо – обучу специальности. И сыграем свадьбу по всем правилам вашего народа! Так и скажи дочери, чтобы не переживала.

Родион с удовольствием ездил к Алахитдину и Гузель, он так любил бывать в этом милом доме, где вкусно пахнет жареным мясом, пряностями и лечебными травами, которые девушка сама собирает в местных лесах и лугах. Однажды он спросил, не проще ли попросить земляков выслать травы с родины, на что девушка улыбнулась и объяснила, как первокласснику, что человек должен кушать ту пищу, которая выросла там, где он живет. И лечиться только своими травами, чужие могут даже навредить. Ей всегда смешно, когда сибиряки покупают бананы, но совсем не знают целебных качеств лопуха. Гузель взяла в библиотеке много книг о травах Сибири, и теперь знала, кажется, все. В дальней комнатке дома на тоненьких жердочках висели пучки, а то и настоящие веники разных трав. Она показала Родиону свои сокровища еще до серьезного объяснения, и ему показалось, что она специально касалась его грудью, когда дотягивалась до очередной травки. Теперь он думает, что это было случайно, потому что даже сама девушка не замечала этого и не смущалась, хотя смущалась и по самым безобидным пустякам.

Он звонил ей и знал, что дела в институте идут хорошо, ее никто не обижает, что скоро вернется из армии Остон и, наверное, приедет к ним в гости. Родион пометил себе, что надо решить судьбу молодых людей, надо купить им хотя бы двухкомнатную квартиру, выучить молодого узбека какой-то строительной специальности и определить в хорошую бригаду, чтобы он зарабатывал приличные деньги. Гузель знает, что она учится на бюджетном месте, фирма Роди ежегодно перечисляет институту солидную сумму, которая с лихвой покрывает все расходы и скромную стипендию. Он не хотел, чтобы девушка знала это и чувствовала себя обязанной.

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

Алахитдин поправил свое здоровье в частной клинике и чувствовал себя превосходно. Как он благодарил врачей, какие сладкие слова говорил медицинским сестрам при расставании! Главный врач лично пришел попрощаться со столь дорогим пациентом и настоятельно рекомендовал при первых же признаках каких-либо ощущений в сердце обращаться именно в его клинику.

Родион не особо утруждал себя размышлениями над проблемами государства и общества. Его знаний и опыта вполне хватало, чтобы решать производственные вопросы, он вмешивался только в самое важное, все остальное сваливалось на специалистов и руководителей. Он помнил Советский Союз, помнил, что в школе девчонки читали и плакали над книжками киргиза Айтматова, потом на зоне он прочитал «Мой Дагестан» какого-то Расула, даже старые зеки вытирали слезы, когда казашка Роза пела пронзительную песню про Героя Советского Союза Алию, как родным, аплодировали Муслиму, Мимино, красавицам Софье и Чепраге. На зоне показывали фильм про отца грузинского солдата, который все кино искал своего сына, и нашел уже убитого. Никто не давал команды, но весь зал встал, когда отец на грузинском разговаривал с убитым сыном. Куда все это пропало? Почему русских все не любят, а половина бывших братьев откровенно ненавидит? Почему нынешнее поколение должно отвечать за жестокое выселение чеченцев в начале войны? За что они так? Немцев тоже выселили, в деревне Роди жили несколько семей, в школе Кехтер, Кауц, Флёр, Кинсфатер сидели за партами вместе с Ивановыми и Петровыми. Да, дрались, но не «национальной почве», хотя и, было, обзывали «фрицами». Дома за это «всыпали». Немцы никого не резали, спокойно снялись и уехали в свой фатерланд. Которые остались, работали так, что русским стыдно было. Он еще и еще раз пытался убедить себя, что ребята, отстреливающие бандитов, взяли на себя этот грех во имя спокойствия людей. Война не объявлена, но она идет. Потом он поймал себя на мысли: почему не объявлена? А джихад? Разве не в полный голос было сказано, что резать русских – святое дело, и Аллах благословляет убийц? Было? А почему мы должны молчать? Вот показывали по телевизору, как в центре Москвы мусульмане приносят в жертву баранов. Бараны кричат! А русский должен молчать…

Алахитдин встречал гостя в дверях, сокрушался и хлопал в ладоши, что Родя не предупредил, и на кухне нет теплого мяса. Родион успокоил, что не надо ничего готовить, он выпьет чашку чая и послушает рассказ о здоровье старика. В это время вошла Гузель. «Боже, как она красива!» – невольно подумал Родион, гоня эти мысли. Девушка молча поклонилась и сказала, что через пять минут чай будет готов. За это время Родион рассказал отцу, как планирует решить судьбу его дочери. Алахитдин заплакал:

– Родя, дорогой мой, ты благородный человек. Я тебе скажу, чего никому нельзя говорить. Дочь после вашего разговора так горько плакала, что в слезах спросила, почему русские мужчины могут иметь только одну жену, она бы очень хотела быть младшей твоей женой. Ах, любовь, что она делает с человеком? Сколько радости в ней, столько и печали, и кому что достанется.

– Успокойся, ата, вот приедет Остон, сыграем свадьбу, Гузель все забудет с молодым мужем.

– Аллах услышит твои слова, добрый человек!

Гузель подала поднос с восточными сладостями, налила две пиалы чая и поклонилась. Родион остановил её:

– Гузель, я попрошу отца, он разрешит тебе сидеть с нами за одним дастарханом, я так редко вижу тебя и скучаю. Ты мне как сестра, которую я люблю.

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

Гузель вспыхнула и со слезами посмотрела на Родю:

– Быть вашей сестрой – большая честь для меня.

– Как дела в чайхане, дорогой Алахитдин? – спросил Родя.

– Люди приходят, кушают, пьют чай, благодарят, оставляют немного денег. Слава Аллаху, все хорошо!

Гузель вышла проводить Родиона. Он вынул конверт и подал ей:

– Сестра моя, скоро зима, тебе надо купить теплую одежду.

– Мне стыдно брать ваши деньги, ведь я не могу расплатиться с вами.

– Вот закончишь учебу, станешь большим доктором, будешь меня лечить.

– Я буду молиться, чтобы вы никогда не болели.

– До свиданья, сестра!

Гузель заплакала и едва выговорила:

– До свидания, брат!

Вечером в постели Настена прижалась и шепнула:

– Родя, скажи, у тебя есть женщина в городе?

– С чего ты взяла? – спокойно спросил муж.

– Вчера от тебя какими-то странными духами пахло, – несмело сказала Настя.

Родя улыбнулся:

– Есть женщина, это дочь моего друга чайханщика, она лечил меня массажем с настоями из трав, потому и запах устойчивый, даже после душа сохраняется. Спи. Других женщин у меня нет.

Незнакомые чувства испытал Бывакин, впервые войдя в свои хлеба. Он давно не видел вызревающего массива и не мог определить, хороший это урожай или не очень. Да, по дороге встречались и более привлекательные, чистые, рослые, с заметным колосом. Прошел краем, боясь входить вглубь хлебов. Улыбнулся: вспомнился Вася Косопятенький, колхозный объездчик, который нещадно гонял ребятишек, если увидел, что они прошли к соседнему колку за ягодой или по грибы прямо через поле. Тут уж не жди, бежали в разные стороны, все равно кого-то Вася догонял и нежненько пару раз проходился кнутом по спине... Сорвал несколько колосьев, размял в руках, попробовал на зубок, он видел, так делают все. Зерно было мягким и клейким. Прав Владимир Гаврилович, если погода постоит, пару недель надо, чтобы зерно силу взяло.

Три комбайна Ростовского завода пригнали мужики прямо с железнодорожных платформ. Двое суток лежали под ними и ходили вокруг них прямо в железнодорожном тупике, какой-то начальник интересовался, любовался, качал головой, но не гнал. Все подтянули, все проверили, завели моторы, полчаса поработали вхолостую, потом колонной двинулись в сторону родного дома. Жатки и копнители в первый же день увезли на автомашинах.

Сегодня Родион заходил на зерновой склад. Небольшой сортировально-сушильный комплекс Горлов унюхал в соседней области, хозяйство разорилось, продавали все. Он позвонил:

– Надо брать, вещь просто необходимая. И семена подработать дядю не просить, и зерно подсушить, если вдруг непогода.

– Цена? – спросил шеф.

Директор назвал.

– Не уступят? – поинтересовался генеральный.

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

– Родион Петрович, им отступать некуда, вот-вот назначат конкурсного управляющего, тот, конечно, все разгонит за бесценок, а мужики под суд, под вечную задолженность перед государством. Как будто специально придумали этих арбитражных наймитов, чтобы экономику гробить. Смотрите, вам решать.

Родион согласился и сразу попросил, чтобы демонтаж вели и наши мужики, а то потом будут бегать, куда эту хреновину, куда ту. Привезли, собрали, опробовали. Горлов очень доволен, с таким тылом можно выходить на уборку.

Хлеб. Огромными волнами, похожими на колебания океана, колышется пшеница. Так было всегда, и дед его, наверно, при единоличной жизни вот так же выходил к полю и ждал, что оно ему даст. И он сейчас, неожиданный хлебороб, случайный крестьянин, полон этих страстей: что даст, что будет? А потом интересная мысль проскользнула: надо Петьку сюда привезти, что он скажет, какие слова у него будут в душе, не на языке даже, при виде этого поля. Ведь и дед по маме тоже крестьянин. А если Петьке по душе придется, тогда (Родион расходился в чувствах и планах) – продам механический заводик, возьму еще один колхоз, чтобы была настоящая агрофирма. Тогда и скот можно разводить дополнительно, тогда и люди потребуются надежные.

Чьи-то негромкие голоса прервали его фантазии, он обернулся: по ту сторону машины стояла кучка парней и девчат. Родион провел рукой по лицу, словно стирая мысли и чувства, подошел ближе. Ребята недружно поздоровались.

– Родион Петрович! – видно, самая бойкая начала разговор. – Вот сейчас у нас колхоз небольшой, но он же будет расти, правильно?

– Продолжай.

Она улыбнулась:

– А если будет расти, значит, потребуются не только рабочие, но и специалисты.

Родион тоже улыбнулся:

– Мыслишь верно. Дальше.

Видя его расположение, девушка осмелела:

– Мы нынче идем в выпускной класс. Весной получим аттестаты. В разные вузы собираемся поступать, кто в педагогический, кто в сельхоз, кто в медицинский. Ведь со временем вам даже программисты-компьютерщики потребуются, правда?

Родион согласился и спросил:

– Твои предложения?

Оказывается, предложения уже обсуждены:

– Заключим с колхозом договор и после окончания вернемся в село работать.

– Колхоз будет платить вам стипендию? – поинтересовался генеральный директор.

Девушка кивнула:

– Хотелось бы…

Родион Петрович помолчал, посмотрел на ребят: молодые, все впереди, а вот видишь, решили с родной деревней связать жизнь. Но это надо хорошенько обмозговать:

– Согласен предварительно. Только, ребята, у меня такое воспитание, я даже после устной договоренности требую исполнения обязательств, а подписанный договор – это судьба. Но об этом позже. Думайте, решайте, а я со своими посоветуюсь. Да, а вы все местные?

– Все. Вот это и есть будущий выпускной класс.

Это его разочаровало:

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

– Негусто.

Боевая девушка и тут не растерялась:

– Ничего, Родион Петрович, пока мы учимся, наши колхозницы нарожают столько детей, что и садик придется расширять, и школу. Я уж про производство молчу.

Родион засмеялся:

– Поделись, на чем основан твой прогноз?

Она ответила тихонько:

– Только для вас. Наши мамы даже собрались рожать, говорят, хорошая жизнь возвращается.

Разговор с молодежью взбодрил Бывакина, он понимал, что сильно завидует им, нынешним. Он вспомнил слова Доктора, последний день, они ехали в больницу, ехали медленно, обогнали двух велосипедистов, парня и девушку. Доктор проводил их грустным взглядом и сказал, что отдал бы все, даже душу дьяволу, если это возможно, чтобы только на несколько минут стать молодым, проехать рядом с этой девушкой на велосипеде и сказать ей те слова, которые обычно говорят молодые люди. Он тогда посмотрел на Родю и улыбнулся: «Ты счастливый, ты этого еще не ощущаешь».

На территории машинной мастерской увидел Горлова, тот махнул рукой, подбежал:

– Родион Петрович, сил моих не хватает. Вот молодые мужчины, не попали в комбайнеры, просятся помощниками, хоть по двое.

Бывакин вышел из машины и с силой хлопнул дверцей:

– Что значит – по двое? Прокатиться с ветерком? А кто будет солому копнить и к базам таскать, кто будет на зерновом складе – там же десятки людей нужны. Командуй, Владимир Гаврилович, чтоб от зубов отскакивало. Раз рявкнул – и нет человека! Мне что, каждому под задницу технику подгонять? И руками будем робить, а вы как думали? Это же хлеб!

– Он всему голова! – подхватил кто-то.

Родион нашел крикуна и подозвал:

– Запомни: не голова! Это в песне так поется, ладно, для песни простительно. Только хлеб – это жизнь. Я в карцере первую неделю отсидел, а давали кружку воды и кусочек хлеба, в палец толщиной через булку отрезан. И все. Так вот, тот хлеб я не ел. Старые зеки учили: соси, сынок, все в кровь впитается, не умрешь. А были и такие, в основном из фраеров, ну, попал простой мужик городской или деревенский и что-то натворил на зоне, его туда. Он с дуру утром хлеб сглотит, водой запьет, утра дождется, и опять. Через неделю вытащат, а он уже не жилец.

– Родион Петрович, как же вы в тюрьму-то попали? – с испугом спросил мужик.

– А ты у Зины Бородиной спроси, она все помнит. Я уже забыл, кто меня тогда обидел, забыл, чтобы не захотелось отомстить. Понимаешь, так бывает. Так что хлеб – он насущный, он каждый день нужен, без хлеба человек не сможет прожить.

– Верно, – поддакнул дед Тихон. – Оно и в святой молитве сказано: «Хлеб наш насущный дай нам днесь», стало быть, каждый день.

Родион повернулся к деду:

– Кто – дай? – сурово спросил он.

Дед стушевался под суровым взглядом Бывалого:

– Родя, дак, стало быть, Господь Бог.

Родион еще жестче спросил, прямо за грудки взял деда:

– Ну, и дал? Что молчишь? Когда мать моя в детстве с голода пухла – дал? Когда ребятишек годовалых закапывали – дал? Нет! И никто никогда не даст, запомните это, мужики. Только мы

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

сами должны вырастить свой хлеб, вот тогда и будет он насущный. Откуда слово это знаю – не могу вспомнить, но оно правильное, и надо работать, только работать. Вы меня трудом поддержите, я ни копейки пока выгоды с колхоза не имею, только вкладываю, и вы вкладывайте свой труд. Тогда станем жить богато и сытно.

Горлов отвлек его внимание, Родион застыдился своего неожиданного откровения, повернулся к нему.

– Тут вот какое дело. Мужики из соседней деревни приехали, хотят с вами поговорить.

Родион кивнул:

– Пошли, поговорим. У меня сегодня цельный день проповедей, то с молодежью, то с мужиками, теперь вот гости.

Пять мужиков, сразу видно, что прямо с тракторов, смущенно подали руки, Родион пригласил их в кабинет.

–Кофе пить будете?

– Можно.

Горлов пошел дать команду готовить кофе на всех.

– Связь надо внутреннюю, Владимир Гаврилович, а то и будете бегать с каждым поручением.

Горлов смутился:

– Сделаем, Родион Петрович, все руки не доходят.

– Так, мужики, говорите, – попросил Бывакин гостей.

– Мы вот что пришли. У нас две тысячи гектар пашни и сенокосы есть. Скот только дома. Вроде и техники хватает, а сеем свои семена, уж забыли, какой репродукции. Удобрений не можем докупиться. Так же и с химикатами. И вот результат: вы чуть не по целине сеяли, и то хлеб лучше. Предлагаем обговорить какие-то условия, чтобы вместе работать. У вас есть грамотные люди, определят нашу долю, думаем, что сработаемся. Да к тому же еще одно дело. Чеченец у нас поселился, Хамид, не сеет и не пашет, а осенью приезжает, и вместе с нами на элеватор, зерно ему в зачет сдаем.

– Подожди. Вот так молча едешь и отдаешь? – удивился Бывакин.

– Вот так и едем. А кто в отказ уходит, того ночью забирают и бьют до утра, условия все обскажут, что детей вырежут, жену изнасилуют. Плачет и везет ему в зачет.

Родион помолчал, думая что-то свое, потом попросил мужиков приехать через неделю, за это время Владимир Гаврилович и у них побывает, и расчеты прикинет. Сам сразу поехал в банк, зашел к управляющему:

– Прошу прощения, я без стука, потому что стучать, в моем понимании, нехорошо. А вопрос вот какой: что за чеченец имеет в вашем банке счет, откуда получает деньги и куда их перегоняет?

Он тяжело оперся на стол, тот жалобно скрипнул. Управляющий смутился, но тут же сообразил:

– Родион Петрович, вы же знаете, что такую информацию мы просто так не даем.

– Хорошо. Сколько стоит? – спросил он.

– Что? – не понял банкир.

– Информация, – уточнил гость.

– Вы меня неправильно поняли…– промямлил банкир.

– Я тебя сразу понял. Все документы на стол, иначе я милицию вызову.

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

Управляющий сник:

– И милиция, и прокурор в курсе, – прошептал он, будто кто-то еще мог его услышать. .

– Опа! – ударил в ладоши Родион. Он чувствовал, как загудела кровь в голове, как напряглись мышцы. – Хорошо-то как! Все бумаги по поступлениям и отправлениям на стол! – И на салфетку, чтобы не царапать лак столешницы, положил пистолет, прикрыв его бумажной папкой.

Со дня открытия счета ЗАО «Казбек» на его счету побывали десятки миллионов рублей, отобранных у крестьян. Все отправления были на счет фирмы в Ростове.

– Слушай меня, банкир, – Родион закончил знакомство с бумагами. – Отдай документы девочкам, пусть быстро сделают копии. И о нашей встрече забудь. Если я почувствую, что чеченцы забеспокоились, ты умрешь первым от сердечной недостаточности. И не вздумай предупредить твои правоохранительные органы. Верь только мне, я человек серьезный.

Банкира трясло:

– Я все понимаю. И все сделаю. Они меня убьют.

Бывалый привычно поправил:

– Они тебя зарежут. Если бы я не был в этом уверен, ты бы уже сейчас умер от разрыва сердца.

Через полчаса Родион уходил из банка с копиями необходимых документов. Еще через два часа приехали Шура, Володя и Леха. Решили, что чеченца надо взять тихо, не пугая семью. Пришли вечером, когда стемнело, знали, что он уехал еще в обед и должен вернуться, потому что гараж не закрыт на замки. Когда подкатила машина, и хозяин вышел открывать ворота гаража, Шура мягко его опустил на землю, а Родион глянул в машину, нет ли кого. Открыли ворота, загнали автомобиль, загрузили связанного пленника в багажник и тихонько уехали. В полевом вагончике при свете фонариков выяснили главное: такие руководители ЗАО и ООО сидят в каждом районе, даже по несколько человек.

– Вы напрасно лезете в это дело, тут все схвачено, сама Москва все знает, – зло прохрипел Хамид.

Володя не вытерпел:

– Ты ошибаешься, дорогой, не Москва знает, а несколько московских подонков, купленных вами. Я включил диктофон, называй фамилии и адреса.

– Русская свинья, лучше застрели меня, я все равно ничего не скажу.

Володя огорчился:

– Напрасно ты так. Застрелить тебя – это подарок. Я тебя буду резать на куски, как вы делали с нашими ребятами там, у себя. На первый случай я отсеку тебе палец.

Бывалый сказал:

– Мы должны получить от него информацию. Сам он ничего не стоит. А что потом?

– Родион Петрович, самых жестоких уберем, другим предложим вернуться домой. Свяжемся с ребятами из соседних областей, у них тоже полно гостей, пусть разбираются.

– А власти?

– Нету. Мы в своем краю власть.

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

Коломынцев знал, что ЗАО «Искра» готовят к банкротству, ездил туда сам со специалистами, изучили обстановку, решили соглашаться на банкротство, но найти возможность перехватить недвижимость и часть скота, хотя бы коров. Продажей техники и мясного скота можно было покрыть долги, и тогда нужен надежный инвестор, найти которого, как рассуждал директор департамента, будет несложно: хозяйство, что называется, «на ходу», технику за зиму можно приобрести, конечно, придется вложить и бюджетные средства. В общем, Коломынцев был спокоен, и когда ему сообщили, что в Клейбуково чуть ли не восстание, он сразу позвонил главе района Костенко:

– Сергей Григорьевич, что у тебя в Клейбуково? Что за разговоры о восстании, и почему ты до сих пор молчишь?

Глава долго пыхтел в трубку, Коломынцев хотел даже его поторопить, наконец, заговорил:

– Там беда, Иван Михайлович, завелись провокаторы, сначала не пустили к документам конкурсного управляющего, потом избили его и вызвали скорую, чтобы увезти. Мне сообщили, я приехал один, с водителем, меня сразу выволокли из машины и привели в клуб. Полный зал народу. Просят, чтобы я объяснил, в чем дело. Я сказал, как есть: хозяйство банкрот, пойдет с молотка.

– Ты что несешь? С какого молотка? – заорал в трубку Коломынцев. – Мы же договорились, и налоговая была, и ты был, договорились, что и как сделать. Кто назначен конкурсным?

Костенко опять долго пыхтел, директор не выдержал:

– Что ты тужишься, как на горшке? Говори толком!

– Иван Михайлович, меня крепко помяли, все болит.

– Кто помял? – не понял Коломынцев.

– Толпа, провокаторы.

– Кто конкурсный? Что ты тянешь?

– Да вы его знаете. Густомесов.

Коломынцев переспросил:

– Это тот самый, который подвел под банкротство агрофирму «Луч»?

– Да, это он.

– Как ты мог допустить, чтобы этому жулику дали возможность подержать в руках «Искру»? Кто был на суде? – Коломынцева трясло от гнева. – Ты почему не был на суде, когда решалась судьба крупнейшего в районе хозяйства? Это ты должен был выступить перед судьями с убедительными расчетами по спасению хозяйства, при некоторых издержках? Да вы что там, совсем страх потеряли? Ладно, о тебе потом. Что сейчас в селе?

– Не знаю, я отправил милицию, кого-то арестовали, Густомесов звонил, что нашел покупателей, берут все хозяйство вместе с долгами. Но народ установил охрану, люди с оружием, ни в склады, ни в гаражи не пускают.

– И правильно делают. Губернатору докладывал?

– Нет, честно говоря, Иван Михайлович, боюсь.

– Ну, тебе уже бояться нечего, с должности ты вылетишь в любом случае. – Положил трубку и тут же нажал кнопку вызова губернатора.

– Макар Устинович, я к вам по поводу Клейбуково.

Зенов встретил хмуро, пожал руку, кивнул на стул. Иван заметил, что на столе бумага с титулом арбитражного суда.

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

– Вот, изучаю механизм передела собственности. Ты мне докладывал одно, цифры вот, под рукой, в суде все идет по-иному. Сумма долгов перед бюджетом завышена в два раза, документ заверен налоговой инспекцией. Баланс перевран, стоимость основных средств занижена процентов на тридцать. И так далее, и так далее. В результате суд принимает решение о начале процедуры банкротства и назначает своим доверенным лицом этого жулика Густомесова. Я только что разговаривал с председателем суда, тот мне сразу о независимости. Помешались на том, что никто не может им морду набить. Говорю конкретно об «Искре». Что-то промямлил, потом предложил связаться с судьей Набиулиной, она рассматривала дело. И что? С порога: «Если есть основания для обжалования – пожалуйста. Но решение уже вступило в силу и исполняется». Ты понял: она даже знает, что исполняется.

– Макар Устинович, я немедленно еду в Клейбуково.

Зенов его остановил движением руки:

– Нет. Оставайся на хозяйстве, дел много, я поеду. Там сразу надо решать по главе. Твой Гультяев, начальник сельхозуправления, потянет?

Коломынцев помялся:

– Отдавать жалко, хороший парень, а что потянет… Кстати, а он почему на суде не был? Неужели испугался? Да быть не может!

Губернатор кивнул:

– Уже выяснил. Он попал в больницу, упал с лошади, ключицу сломал и руку вывихнул.

– Любитель, я знаю. И лошади у него красивые. Я сам сильно любил по молодости… – вздохнул Коломынцев.

– Так. Выеду рано утром. Предупреди всех в Клейбуково, чтобы к девяти часам были на месте, все действующие и бездействующие. Иди, работай.

Иван дошел до дверей, остановился:

– Макар Устинович, охрана должна быть с вами.

– Не придумывай, Иван Михайлович, к своим людям еду.

– Не отступлю. Только с охраной!

– Ладно, иди уже. Возьму своих.

Внизу Коломынцев зашел в блок охраны, поздоровался с ребятами, прошел в кабинет начальника. Все ему рассказал. Новый человек на должности, майор быстро сориентировался и предложил следом за машиной охраны губернатора направить машину УФСБ, даже пообещал сам решить этот вопрос и доложить. Понятно, что Зенов не должен знать и видеть эту машину, если не будет необходимости в дополнительных мерах.

Клейбуково встретило губернатора пустотой улиц и большим скоплением людей на площади у дома культуры. Майор дал команду второй машине встать в сторонке. Зенов вышел, водителю и начальнику охраны велел остаться. Подошел, всем сразу сказал «Здравствуйте!» и спросил:

– Кто-нибудь один из самых активных и толковых – расскажите мне, что у вас произошло за последние дни.

Вперед вышел уже немолодой человек, лицо его показалось знакомым.

– Мы с вами раньше встречались?

– Было. В прошлом году, когда у нас еще все нормально было, я больше всех зерна намолотил, у меня комбайн «Дон». А вы мне на областном совещании холодильник подарили.

– Вспомнил. Имя назовите.

– Удилов Анатолий Михайлович.

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

– Рассказывайте.

Удилов с волнением начал говорить. Приехали люди, не русской нации, с ними человек, предоставил документ, что он назначен по ликвидации бывшего колхоза, а теперь ЗАО «Искра». С ними же директор ЗАО Сараев, которого собранию навязал глава района. Глава района Костенко тут же. Он тогда крестьян пугал: не примете Сараева – ничего не получите, никакой поддержки. А при Сараеве расцветете. Потом зачитали решение суда, вроде как все распродать в погашение долгов. У него жена в бухгалтерии работает, говорит, что долги есть, но не столько. Люди просят эту бумагу из суда, но никто не дает. Тогда народ заявил, что ничего не даст из хозяйства. Густомесов со своими людьми кинулись было в контору, но их не пустили, кто-то сбил его с ног и попинал. Тогда вступился глава района, заявил, что вызвал милицию и всех зачинщиков арестует. Когда приехала милиция, народ шарахнулся, и Костенко упал, по нему пробежала толпа. Милиции никого не отдали, те ни с чем и уехали, вместе с ними все гости.

– Спасибо, Анатолий Михайлович, – поблагодарил Зенов. – Давайте сделаем перекличку, надо же знать, с кем будем говорить. Костенко? Так. Густомесов? А директор ЗАО «Искра»? Здесь? Тогда, товарищи, пройдем в зал, Анатолий Михайлович, поставьте в дверях контроль, чтобы не члены коллектива не вошли и не мешали нам работать.

– Товарищ губернатор, эти люди заинтересованные, они должны принимать участие в собрании, – Густомесов подошел поближе. Зенов тихо его спросил:

– Ты почему до сих пор на свободе? И как ты пролез в банду арбитражных бандитов? Обещаю, что я о тебе лично позабочусь. И не смей называть меня товарищем!

Пока рассаживались в зале, Зенов поднялся на сцену и приказал девушкам убрать все стулья, кроме одного, сам отодвинул огромный стол президиума под одобрительный гул зала и вынес из-за кулис маленький журнальный столик. Клубный паренек ловко поставил перед ним микрофон, второй на штативе установил перед сценой. С высоты сцены Зенов увидел начальника своей охраны и еще несколько человек явно из его команды, но незнакомых.

– Начнем работу. Приглашаю к микрофону директора ЗАО «Искра» господина Сараева.

Тот крикнул с места:

– А я слова не просил.

– А мы вам даем не слово, а вопросы. Выходите, помогите ему, кто поближе.

Сараев был явно испуган, судорожно вытирал пот со лба.

– Дайте объективную характеристику сегодняшнего экономического состояния хозяйства.

Сараев вытащил из кармана пиджака бумаги и стал называть цифры, полностью совпадающими с теми, что были в постановлении арбитражного суда. Зенов его остановил:

– Объявляю собранию: эти цифры – ложь, которую придумали махинаторы, чтобы прибрать к рукам производство. Есть тут работники учета, кто владеет настоящей информацией?

К микрофону вышла женщина, представилась губернатору:

– Я Удилова Клавдия Афанасьевна, жена Анатолия Михайловича.

– Замечательный у вас муж, Клавдия Афанасьевна, честный и порядочный человек. Докладывайте.

– Товарищи, все, что наплел здесь Сараев – грязная ложь. Они переделали баланс, подделали подписи и поставили печати на фальшивку. На основании этой фальшивки нас признали банкротами и сейчас собираются продать вон той компашке чеченцев или дагестанцев, которые уже третий день ржут над нами, как над своими рабами. Но не бывать этому!

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

– Не бывать! – эхом отозвался зал. Зенов даже вздрогнул, не ожидал такой реакции.

– Сараев, сядьте на место, через час привезут ордер на ваш арест, поедете с нами в следственный изолятор ФСБ.

В зале наступила испуганная тишина. Милиция – это вроде понятно, а ФСБ – это же почти КГБ. Зенов заметил, что Густомесов встал и начал пробираться к выходу. Он шепнул в микрофон связи с охраной:

– Аркадий, Густомесова не выпускать, он нам нужен.

Никто не придал значения тому, что Густомесов прогулялся и вернулся на свое место.

– Господин Густомесов, к микрофону. Объясните людям, как вы, вчерашний подследственный по делу о развале агрофирмы «Луч» в Ильинском районе и не посаженный в тюрьму только по несовершенству наших законов, попали в конкурсные управляющие по банкротству этого хозяйства?

Густомесова такими вопросами не смутишь, он отвечал уверенно и нагло:

– Странные вопросы вы задаете, господин губернатор. Суд меня оправдал полностью. Поскольку я имею опыт руководящей работы, прошел обучение и получил право проводить конкурсы по реализации имущества должников-банкротов, каковым является сегодня ЗАО «Искра».

– Садитесь пока, – махнул рукой Зенов. – Товарищи, я хочу поблагодарить вас за активную жизненную и гражданскую позицию. Как нам сегодня этого не хватает! Вот такие подлецы, как Сараев и Густомесов при молчаливом согласии или даже материальной заинтересованности таких руководителей, как бывший глава района Костенко, угробили в области десятки хозяйств, которые можно было еще спасти. Вот и к вашему хозяйству применили высшую меру, а могли назначить кризисного управляющего, желательно, по согласованию с органами власти, чтобы это не была копия Густомесова, и мы общими усилиями преодолели бы трудности, которые не являются фатальными, ну, смертельными, проще говоря. Костенко от должности освобожден, будет находиться под подпиской о невыезде пока как свидетель. Главу назначим прямо сейчас. Товарищ Гультяев, вы здесь?

– Да.

– Проходите к микрофону. Я предлагаю вам возглавить район. У вас есть возражения?

– Нет.

– Какой молодец, все коротко и ясно. Поздравляю. Назначение будет подписано сегодня же, но к работе приступайте сразу. Так. Подвезли необходимые документы на задержание Густомесова и Сараева. Пакуйте их, ребята. Обращаюсь к залу: будьте бдительны. Мы пришлем наряд милиции для охраны объектов, но и ваш контроль нужен. Продолжайте работать. Ваши проблемы будут решены, это я обещаю. И бюджет поможет вашему хозяйству. Главное, что у вас, у крестьян, есть желание коллективно работать на родной земле. А результаты будут. У нас в области есть отличный маяк – агрофирма «Труд», которую создал товарищ Бывакин.

– Слышали.

– Знаем.

– Аж завидки берут.

Зенов позвонил Коломынцеву:

– Иван Михайлович, все решилось нормально. Хочу тебя порадовать: твое с Бывакиным детище в пример приводили, радовались, завидовали. Сможем мы дальше по этому пути, что скажешь?

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

Коломынцев помолчал, успокоился:

– Нет у нас с тобой, дорогой Макар Устинович, другого пути, и у деревни нашей нет. Так что должны смочь. Не впервой.

– Папка, а твоя машина может подняться на ту гору? – и Петька указал на выступ, когда-то тоже привлекавший Родю и его друзей. Через село отступали колчаковцы во время Гражданской войны. Деваться им было некуда, красные настигали, и побитые роты вынуждены были сбиваться к единственному мосту через полноводный Ишим. Они прошли село, на площадке церковной колокольни установили пулеметы, но красные командиры дали команду ударить по церкви прямой наводкой. Выстрел получился удачный, пулеметы вместе с дубовыми плахами перекрытия и останками несчастных солдатиков сдуло с колокольни. Основная часть окопалась на Горе, так называли крутое возвышение, тянущееся издалека и уходившее в другую сторону. Видно, стрельба тут была, потому что ребятишки рыли и находили полуистлевшие патроны, иногда даже с пулями.

– Поднимемся, сынок, только с другой стороны.

Он отъехал с полкилометра, помня, что тут должен быть боковой подъем: в лоб ни одна лошадь не смогла бы утянуть даже пустую телегу. Выехали к выступу, и вот оно, родное село, как на ладони. Несколько новых улиц, школа, дом культуры, детский сад. Между селом и Горой огромный сад, приехала агроном-садовод, Горлов и предложил: какой смысл её переучивать, не проще ли поручить дело по профессии? Конечно, все это влетело в копеечку, зато сейчас во всём районе торгуют бывакинскими яблоками, грушами и сливами. А по ту сторону села речка Сухарюшка, названная в честь деда Артамона Сухарева, жившего на берегу и в большеводье спасшего пятерых ребятишек, выкурнувшихся из лодки на водовороте. Сам старик не выдержал, последнего выпихнул на берег и умер. Такова легенда, но Родион поручил учителям истории, и они нашли в архиве церковную книгу, где есть запись об отпевании раба божьего Артамона, «положившего жизнь за души невинных отроков на воде». Большой участок земли, окаймленный речкой, разработали и устроили огород, тут арбузы, огурцы, лук и чеснок, капуста и морковка, редька, каляга и много всего. Осенью машины из города приходили и забирали все подчистую, только себе в склады женщины успевали уложить запасы. Особого дохода сад с огородом не приносили, но славу агрофирме «Бывакинская» создавали на всю округу.

Родион долго не мог привыкнуть в новому названию своего хозяйства. Несколько лет подряд присоединялись соседние деревни, росла пашня, строили новые фермы. Напрасно его пугали, что народ обленился, работать ни за что не будет, а будет только красть. Было и воровство, только сами рабочие ловили и нещадно били тунеядцев. На очередном собрании слова попросил приехавший в гости Иван Михайлович Коломынцев:

– Дорогие мои соседи и коллеги по крестьянскому делу. Я восхищаюсь вашей работой, вашими достижениями. Я восхищаюсь своим давним товарищем Родионом Петровичем. Ведь кроме агрофирмы он еще и семью свою укрепляет, полюбовался сегодня и на супругу его Анастасию Васильевну, и на двух сыновей, и на дочек-двойняшек. Все у него получается! А я вам скажу, почему. Потому что он не ждал подачки от государства, а продал то, что имел в городе, два завода продал, которые из руин поднимал, и я тому свидетель. Все вложено в

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

землю, скот и технику, во все, что приносит сегодня прибыль хозяйству. Да и то, что нарабатывает его строительный комплекс, не в швейцарских банках, а в жилых домах, которые вы впервые после советской власти получаете бесплатно, в тех ста путевках, по которым вы каждый год лечитесь в лучших санаториях. Я был в вашем доме-интернате для престарелых – не в каждой семье о стариках так заботятся. И все это создано вами, дорогие товарищи, под руководством Родиона Петровича Бывакина. Вот он, мой товарищ, сидит в первом ряду вместе с женой и верными соратниками. Я его не предупреждал и согласия не спрашивал, знаю, что он категорически бы мне запретил и даже не пустил бы на это собрание. От всей души и от чистого сердца вношу предложение переименовать ваше хозяйство в агрофирму «Бывакинская».

В зале несколько мгновений стояла тишина, потом ударили аплодисменты, молодежь прыгала в задних рядах и скандировала: «Бы-ва-кинская! Бы-ва-кинская!». В зале кричали: «Правильно», «Заслужил!», «Голосуйте!». Владимир Гаврилович постучал о графин, требуя тишины, но перед залом встал Родя.

– Земляки, друзья мои, вы знаете, как я отношусь ко всякого рода почитаниям, не зря и сегодня половина работников, кто постарше, так и зовут меня Родей. И это нормально. Иван Михайлович внес серьезное предложение, его с бухты-барахты не примешь. Я бы просил пока отказаться, а дальше видно будет. Поймите, мне будет сильно неловко от такой чести. Поймите!

Зал молчал. И встал Сёма Бородин, рядом с ним Зина, Клавдия Афанасьевна, Веня Брезгин, дед Тихон. Семён крикнул:

– Родион Петрович, Родя наш дорогой! Пусть стыдятся те, кто довел деревню до такой степени, что хуже некуда. Мы же видим, как живут в других местах, к нам на экскурсии приезжают, говорят, что мы при коммунизме живем. Так что не журись, Родион Петрович, имя твое правильно надо прилепить к колхозу, это не тебе честь, а нам, кого ты из дерьма вытащил. Председатель, ставь ребром: кто за Бывакина?

Горлов ничего не успел сказать, лес рук взметнулся над залом, а потом долго еще гремели аплодисменты. Настёна плакала, Родя огромным усилием воли сдержал рыдания…

С выступа было видно на много верст на все три стороны. И везде колыхались хлеба, могучие, высокие, полные сил и энергии. Родя усадил сына, заехал домой за Настёной, Ванюшкой и Фешей с Варей. Сына назвал в память о Докторе Иване Александровиче Бачурине, дочерей в честь мамы и той самой Вари, о которой Настя только догадывалась. Поехали в поле, Родя нарезал ножом сноп, дети сорвали по колоску, Настя тоже, все сложили вместе и стянули тугой алой лентой. Этот сноп Родион Петрович Бывакин, бывший зек, народный мститель и крестьянин, верный земле, на которой родился, поставит у себя в деревенском доме на самом видном месте.

Хлеб.

На каждый день.

И на всю жизнь.

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/

© Copyright: Н.Ольков, 2022, http://literklubisety.ucoz.com/